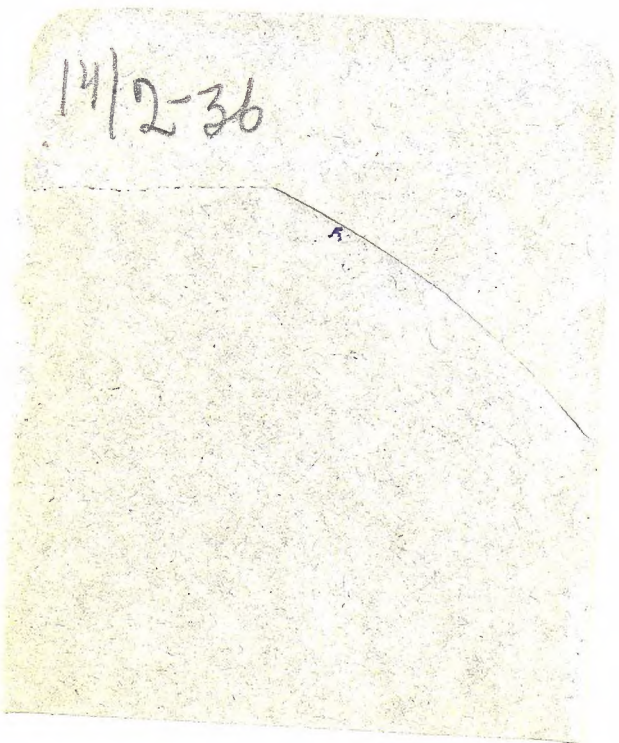
Г113
Т47


14/2-36

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА им. М. В. ФРУНЗЕ

Г113 148

В. Ф. НОВИЦКИЙ

МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 г. г.

КАМПАНИЯ 1914 ГОДА В БЕЛЬГИИ И ФРАНЦИИ

Том I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

54623

3.13
6781

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
54623/8 V V

Главлит 38602. Тираж 3000.

Типо-литография Военной Академии РККА им. М. В. ФРУНЗЕ.
Москва, Зубовская ул., д. 14. Телеф. 4-79-55.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Список картографических приложений.

Предисловие.

I. Введение . . . . . 1— 7

Общий взгляд на мировую войну (1—2). Предмет исследования (2—4). Характер литературы о мировой войне (5—7).

II. Причины и поводы к войне . . . . . 8— 17

О виновниках войны (8—9). Группировка европейских держав до войны (9—11). Подготовка сторон к войне (11—12). Убийство в Сараеве. Австрийский ультиматум Сербии (12—13). Посредничество держав (13). Последовательная мобилизация сторон (14). Бельгийский нейтралитет и нарушение его Германией (14—15). Выступление Англии (15—17).

III. Обзор театра военных действий . . . . . 18— 38

Общий характер театра военных действий (18). Западный участок (19). Восточный участок (19—20). Вогезы (20—21). Водные оборонительные линии (21—23). Население (23—24). Средства страны (24—25). Пути сообщения. Обыкновенные дороги (25—26). Железные дороги (26—28). Крепости и укрепления (28—35). Значение отдельных участков театра военных действий (35—38).

IV. Вооруженные силы сторон . . . . . 39— 86

1. **Германская армия** (40—53).

а) Общий характер германской армии (40—43). б) Военные законы 1911 и 1913 гг. (43—44). в) Постоянная армия мирного времени (44—46). г) Мобилизованная армия (47—51). д) Дальнейшие формирования (51—52). е) Заключение (52—53).

Стран.

2. **Французская армия** (53—62).

а) Общий характер французской армии (53—55). б) Военный закон 7 августа 1913 г. (55—56). в) Постоянная армия мирного времени (56—59). г) Мобилизованная армия (59—62).

3. **Английская армия** (63—70).

а) Общий характер английской армии (63—64). б) Постоянная армия мирного времени (64—67). в) Мобилизованная армия (67—70). г) Дальнейшие формирования (70). д) Заключение (70).

4. **Бельгийская армия** (71—75).

а) Общий характер бельгийской армии (71—72). б) Постоянная армия мирного времени (72—73). в) Мобилизованная армия (73—75).

5. **Сравнительная оценка вооруженных сил обеих сторон** (75—86).

V. Планы сторон . . . . . 87—147

1. **Германский план** (89—116).

Возникновение основных идей плана (89—90). Первоначальный план Мольтке и его развитие (90—94). Изменения, внесенные в план Мольтке Шлиффеном (94—96). План Шлиффена (97—103). Изменения, внесенные в план Шлиффена Мольтке-младшим (104—106). Сравнение плана Шлиффена с планом Мольтке-младшего (106—109). Шлиффен и Мольтке-младший (109—111). Общая оценка германского плана (112—116).

2. **Французский план** (117—139).

Основные идеи французского плана (117). Зарождение и развитие плана (117—120). План № 17 (120—123). Вопрос о нарушении бельгийского нейтралитета (123—125). Оценка плана (125—133). Жоффр (133—135). Связь между планом № 17 и русскими планами операций против Германии (135—139).

3. **Бельгийский план** (139—144).

Положение Бельгии в случае европейской войны (139—140). Основные соображения бельгийского плана (140—142). Оценка бельгийского плана (142—144).

4. **Английский план** (144—146).

Зарождение английского плана (144—145). План высадки английской армии на материке (145—146).

5. **Оценка союзных планов** (146—147).

Стран.

VI. **Мобилизация, сосредоточение и развертывание сторон** . . . . . 148—195

1. **Мобилизация** (148—151).

Мобилизация германской армии (148—149). Мобилизация французской армии (149—150). Мобилизация бельгийской и английской армий (150—151).

2. **Сосредоточение войск к границам** (151—154).

Перевозка германских войск (151—152). Перевозка французских войск (152—153). Перевозка бельгийских и английских войск (153). Заключение о сосредоточении сторон (154).

3. **Стратегическое развертывание сторон** (154—168).

Германские армии (154—158). Французские армии (159—161). Английская армия (161—163). Бельгийская армия (163). Оценка стратегического развертывания сторон (163—168).

4. **Перегруппировка французских армий** (168—195).

Обстоятельства, вызвавшие необходимость перегруппировки французских армий (168—171). Задачи, данные французским армиям (171—175). Положение французского левого фланга (175—181). Передвижение 5-й франц. армии к северу (181—188). Последний период перегруппировки (188—194). Положение к окончанию французской перегруппировки (194—195).

VII. **Вторжение германцев в Бельгию** . . . . . 196—246

1. **Обстановка перед вторжением** (196—200).

Задачи, данные бельгийской армии (196—197). Вступление передовых германских войск в Бельгию и Люксембург (197—198). Крепость Льеж (198—200).

2. **Атака германцами Льежа** (200—218).

План германской атаки (200—201). Наступление ген. Эмиха к Льежу, 4—5 августа (201—201). Атака промежутков между фортами, 6—7 августа (204—210). Атака фортов Льежа, 8—16 августа (210—215). Оценка боевых действий под Льежем (215—217). После падения Льежа (217—218).

3. **Наступление I-й, II-й и III-й германских армий за реку Маас** (219—230).

Расположение бельгийской армии в дни атаки Льежа (219—220). Наступление к Маасу I-й герм. армии, 12—14 августа (220—223). Наступление II-й герм.

Стран.

армии к Маасу. 10—16 августа (223—224). Наступление I-й герм. армии до занятия Брюсселя, 15—20 августа (224—227). Боевые действия в районе Намюра, 17—23 августа (227—230).

4. **Атака германцами Намюра** (230—238).

Крепость Намюр (230—232). План германской атаки (232—234). Атака фортов, 21—25 августа (234—238).

5. **Оценка действий сторон в Бельгии** (238—246).

Наступление германских армий (238—241). Действия бельгийцев на оборонительной линии р. Мааса (241—244). Отступление бельгийцев к Антверпену (244—246).

VIII. Боевые действия в Эльзас-Лотарингии . . . . . 247—296

Обстановка на эльзас-лотарингском фронте в первых числах августа (247—249).

1. **Верхне-эльзасская (мюльгаузенская) операция** (249—255).

1-е наступление французов в Верхний Эльзас, 7—10 августа (250—253). 2-е наступление французов в Верхний Эльзас, 15—25 августа (253—255).

2. **Сражение в Вогезах** (255—259).

Боевые действия на путях к Кольмару и в долину р. Брейши, 7—23 августа (255—259).

3. **Лотарингская операция** (259—288).

Наступление левого фланга 1-й франц. армии к р. Саару, 14—20 августа (259—264). Саарбургское сражение, 19—20 августа (264—265). Общее наступление германских войск в саарском районе, 20—21 августа (266—267). Отступление 1-й франц. армии к р. р. Мерте и Мортани, 21—23 августа (267—269). Бои на р.р. Мортани и Мерте, 24—27 августа (269—271). Наступление 2-й франц. армии от Нанси за р. Сейль 14—20 августа (271—278). Наступление германцев против 2-й франц. армии (278). Бой у Моранжа, 20 августа (279). Отступление 2-й франц. армии 21—23 августа (280—288).

4. **Оценка действий обеих сторон** (288—296).

Оценка действий французов (288—291). Оценка действий германцев (292—296).

IX. Пограничное сражение . . . . . 297—407

1. **Обстановка перед сражением** (297—305).

Общее расположение сторон на бельгийско-французской границе к 20 августа (297—299). Наступательные планы сторон (299—305).

Стран.

2. **Арденская операция, 21—25 августа (305—359).**

Характер местности в районе боевых действий (305). *Сражение у Лонви, 21—25 августа.* Положение обеих сторон к 21 августа (305—308). Боевые действия 21 августа (308—310). Боевые действия 22 августа. Бои у Виртона и Эта. Бои у Блейда и Лонгви. Бои у Уньи и Донкура. Бои у Филиера и Одэн-ле-Ромена (310—315). Результаты боевых действий 22 августа и предположения на 23-е (315—317). Боевые действия 23 августа (317—319). Предположения сторон на 24 августа (319—322). Боевые действия 24 августа. Бои на р. Шиере. Бой у Спинкура. Бой у Этена (322—326). Результаты боев 24 августа и предположения на 25-е (326—328). Боевые действия 25 августа. Бои на р. Отэне. Бои на р. Орне (328—332). Оценка боевых действий V-й герм. и 3-й франц. армий (332—338). *Сражение на р. Семуа, 21—25 августа.* Положение обеих сторон к 21 августа (338—339). Передвижение 21 августа и предположения на 22-е (339—342). Боевые действия 22 августа. Бои у Месэна и Ошана. Бои у С. Медара, Сюкси и Росиньоля (342—344). Результаты боев 22 августа и предположения на 23-е (345—347). Боевые действия 23 августа. Бои у Бьеврa и Мамбра. Бои в центре и на правом фланге французов (347—350). Результаты боевых действий 23 августа и предположения сторон на 24-е (350—351). Расположение 4-й франц. армии на Маасе 24 августа (351—352). Наступление IV-й герм. армии к Маасу 25 августа (353—355). Оценка боевых действий 4-й франц. и IV-й герм. армий (355—357). Итоги арденской операции (358—359).

3. **Самбро-маасская операция, 21—25 августа (360—402).**

Характер местности в районе боевых действий (360). *Сражение у Шарлеруа—Динана, 21—25 августа.* Положение к 21 августа (360—363). Бои на р. Самбре, 21—22 августа (363—368). Результаты боев 21—22 августа и предположения сторон на 23-е (368—369). Бои южнее р. Самбры, 23 августа (369—372). Наступление III й герм. армии к Маасу, 21—22 августа (373). Бои на Маасе, 23 августа (374—375). Отступление 5-й франц. армии, 24—25 августа (376—381). Оценка боевых действий сторон в сражении у Шарлеруа—Динана (381—388). *Сражение у Монса, 23—24 августа.* Положение сторон к 21 августа и сближение их 21—22-го (388—

Стран.

393). Бои у Монса и на канале Конде, 23 августа (393—395). Отступление английской армии, 24 августа (395—397). Оценка боевых действий сторон с 21-го по 24-е августа (397—401). Итоги самбро-маасской операции (401—402).

4. **Общая оценка пограничного сражения** (402—407).

X. Отступление англо-французских армий к Марне . . . 408—511

1. **Обстановка к началу общего отступления** (408—413).

Директива ген. Жоффра для общего отступления союзных армий (408—410). Германский план преследования англо-французских армий (410—413).

2. **Первый период отступления англо-французских армий, 26 августа—1 сентября** (413—461).

Отступление 3-й франц. армии (413—414). V-я герм. армия на р. Маасе и бои на этой реке, 28—31 августа (414—416). Отступление 4-й франц. армии и преследование ее III-й и IV-й герм. армиями. Бои на р. Маасе, 27—28 августа. Бои на путях к Ретелю, 28—29 августа (417—423). Отступление армейской группы ген. Фоша и ее бои с III-й герм. армией в районе Ретеля, 30—31 августа (423—426). Отступление 5-й франц. армии и преследование ее II-й герм. армией (426—433). Сражение у С. Кентен-Гиза, 29—30 августа. Бой у Гиза, 29 августа. Бои западнее Уазы (433—437). Отступление французов за р. Сэр, 30 августа (437—442). Отступление английской армии и преследование ее I-й герм. армией. Бой у Ландреси, 25 августа. Сражение у Ле-Като, 26 августа (442—447). Отступление английской армии за р. Уазу с 27 августа по 1 сентября (448—450). Сосредоточение в районе Амьена новой французской армии (450—453). I-я герм. армия на р. Сомме, 28—29 августа (454). Бой у Пруаяра, 29 августа (454—457). Отступление войск ген. Монури к Клермону (457—458). Изменение I-й герм. армией направления своего движения (458—461).

3. **Второй период отступления англо-французских армий, 2—4 сентября** (462—492).

Директива французского главного командования от 1 сентября (462—463). 3-я франц. и V-я герм. армии в верденском районе, 2—4 сентября (463—465). 4-я франц. и IV-я герм. армии между р. р. Эном и Марной, 2—4 сентября (465—467). 9-я франц. и III-я герм. армии на путях от Реймса за р. Марну, 2—4 сентября

Стран.

(467—470). Вопрос об обороне Парижа (470—472). Крепость Париж (473—474). Отступление 5-й франц. и английской армий за р. Марну (474—477). Движение II-й и I-й герм. армий за Марну (477—484). Дни 1—4 сентября в парижском районе (484—488). Оценка германского решения идти за Марну (488—492).

4. **Операции в тылу германских армий и в Эльзас-Лотарингии** (492—501).

Атака германцами крепости Мобежа, 29 августа—7 сентября (492—497). Боевые действия в Вогезах и Лотарингии, с 29 августа по 4 сентября (497—501).

5. **Общая оценка боевых действий сторон после пограничного сражения** (501—511).

Оценка германских действий и решений (501—507). Оценка действий и решений союзников (507—511).

Список источников, послуживших для составления этой книги . . . . . 513—516

Картографические приложения.

№ 1. Театр военных действий в Бельгии и Франции в войну 1914—1918 г.г.

№ 2. Стратегическое развертывание германцев по плану Шлиффена.

№ 3. Стратегическое развертывание французов по плану № 17.

№ 4. Стратегическое развертывание сторон в августе 1914 года.

№ 5. Наступление германского отряда ген. Эмиха к Льежу 4—5 авг. 1914 г.

№ 6. Атака Льежа германцами в августе 1914 г. (положение 6 августа).

№ 7. Положение сторон в Бельгии 14 августа 1914 г.

№ 8. Боевые действия в Бельгии с 15 по 20 августа 1914 года.

№ 9. Положение сторон на театре военных действий 20 августа 1914 года (по окончании перегруппировки французских армий).

№ 10. Атака Намюра германцами, 21—25 августа 1914 г

№ 11. Боевые действия в Эльзасе и Лотарингии с 7 по 20 августа 1914 г. (до перехода в наступление VI и VII герм. армий).

№ 12. Боевые действия в Эльзасе и Лотарингии с 20 августа до первых чисел сентября 1914 г. (наступление VI и VII герм. армий и бои на р.р. Мерте и Мортани).

№ 13. Встречное наступление сторон в Бельгии и бой на французско-бельгийской границе с 21 по 25 августа 1914 года. (Пограничное сражение).

№ 14. Сражение у Монса, 23—24 августа 1914 г.

№ 15. Положение сторон после пограничного сражения к началу общего отступления английской и французских армий к р. Марне (к 25 августа 1914 года).

№ 16. Отступление союзных армий от бельгийской границы к Марне и преследование их германскими армиями, с 25 августа по 4 сентября 1914 г.

№ 17. Сражение у Ле-Като 26 августа 1914 г.

№ 18. Сражение у С.-Кентен—Гиза, 29—30 августа 1914 г.

№ 19. Атака Мобежа германцами, 31 августа—7 сентября 1914 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В 1920 году академией генерального штаба был издан, составленный мною, обзор маневренного периода мировой войны на бельгийско-французском фронте, под заглавием „Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914 г.“.

В то время, когда я выполнял эту работу (в 1919-м и в начале 1920 года), литература об этих событиях была бедна даже в Западной Европе, а у нас с трудом можно было получить какое-либо сочинение на иностранном языке, касающееся мировой войны. Вследствие этого, мой труд, конечно, оказался недостаточно полным в отношении фактической стороны событий и местами давал последним неправильное освещение.

С тех пор в западно-европейской литературе появилось огромное количество исследований и воспоминаний о кампании 1914 года, что и побудило меня приступить прошлой зимой к переработке своего труда, присвоивши ему новое, более точное заглавие.

Обилие весьма интересного военно-исторического материала неизбежно привело к увеличению об‘ема работы, а как результат этого к необходимости издать ее в двух томах. Предлагаемый читателям 1-й том заключает в себе, кроме вступительных глав, события от начала военных действий до занятия обеими сторонами исходного положения для марнского сражения; 2-й том будет обнимать второй период кампании от завязки боев на Марне до установления позиционной войны и заключительную главу.

При составлении своего труда я имел в виду дать читателю вообще, а слушателю военной академии в особенности, возможно полный критический обзор описываемых событий, чтобы избавить их от необходимости обращаться

к иностранным источникам, что для многих связано с значительными затруднениями.

Труд переработан по прежней программе, в которую вновь появившийся материал не внес никаких изменений. Главы I—IV подверглись, главным образом, исправлениям редакционного характера и частичным сокращениям или дополнениям (напр., в главе о вооруженных силах местами приведены более точные цифры); главы же V—X написаны совершенно заново, с сохранением из прежнего изложения лишь некоторых общих рассуждений, не потерявших своего значения.

Картографические приложения в настоящем издании более многочисленны и более подробны; большая полнота их, соответственно тексту, потребовала увеличения размера некоторых схем.

Все числа месяцев приведены по новому стилю. Как и в первом издании, для того, чтобы дать возможность читателю легко разбираться в группировках, передвижениях и перебросках сил обеих сторон, германские армии и корпуса обозначены римскими цифрами, союзные же—арабскими; нумерация дивизий и бригад везде приведена в арабских цифрах, потому что, при наличии в армиях обеих сторон этих соединений с высокими нумерами, обозначение их римскими цифрами представляло бы некоторые неудобства.

В. Новицкий.

Москва. 6 ноября 1925 года.

I. Введение.

Общий взгляд на мировую войну.

Прошло уже несколько лет с того времени, когда замер последний боевой выстрел на бельгийско-французском фронте, а вместе с тем и закончилась четырехлетняя борьба народов в различных странах Старого Света. Завершилась великая историческая драма, необычайно сложная по составу образующих ее явлений, жестокая по обилию крови и энергии разрушения, но глубоко поучительная по характеру и разнообразию средств и приемов борьбы в области военного искусства. И военный историк, окидывавший в то время своим взором эту величественную панораму событий, заполнявших четырех-летний период жизни наиболее культурных и сильных наций мира, с изумлением смотрел на этот хаос военно-исторических явлений, подавленный размерами и разнообразием наблюдаемого... Как приступить к изучению этого необ'ятного материала? На чем остановить свое внимание? В каких моментах этой борьбы искать наиболее ценных поучений для будущего?

Однако, по мере того, как эти события уходили все далее и далее в глубину прошлого, картина все более и более упрощалась, мелочи постепенно бледнели и исчезали, все резче и яснее выделялись контуры более крупных явлений, охватывающих значительные промежутки времени. Так, путник, с трудом разбирающийся в сложном нагромождении окружающих его гор, оказавшись в некотором удалении от них, уже различает отдельные цепи возвышенностей и хребты, над которыми постепенно все отчетливее и яснее вырисовываются наиболее высокие вершины.

И уже теперь ясно выделяются отдельные периоды этой вооруженной борьбы, имеющие самостоятельное воен-

но-историческое значение и представляющие собой в оперативном отношении нечто законченное.

Это расчленение сложных событий великой войны на отдельные периоды значительно облегчает изучение последней; почти каждый из этих периодов (или выражаясь иначе—кампаний, походов,) до такой степени обладает яркими особенностями в отношении района боевых действий, состава и численности вооруженных сил, количества технических средств и приемов оперативного искусства,—что исследование каждого в отдельности дает возможность придти к самостоятельным и ценным выводам по тому или другому виду современной войны.

Эти соображения побуждают меня, приступая к изложению и критическому исследованию этих событий, раньше всего определить те рамки, в которых они будут мною изучаться, что, в свою очередь, определит об'ем и характер моей работы. Я, конечно, не намереваюсь дать читателю общего очерка этой величественной военной эпопеи, захватившей в свои необ'ятные пределы бо́льшую часть человечества и в течение четырех лех наполнявшей мир своим грохотом и смятением. Составление такого очерка не только явилось-бы чрезвычайно затруднительным, вследствие необходимости изучить громадный фактический материал, едва ли одолимый для одиночного исследователя (и все-же до настоящего времени недостаточно полный для равномерного освещения различных периодов этой небывало сложной борьбы народов), но подобный очерк, по необходимости ограниченный известными размерами, явился бы лишь поверхностным, беглым, схематичным изложением событий, без достаточного углубления в сущность исследуемых явлений и был бы лишен военно-научного значения.

Предмет исследования. Это обстоятельство привело меня к решению выбрать из длинного ряда военных явлений этой войны какой-нибудь один период, обладающий по своему характеру, задачам и результатам достаточной самостоятельностью, цельностью и законченностью, и изучить его более подробно, более внимательно, с тем, чтобы не только уяснить

себе основные черты современной системы ведения войны, но и выявить на их фоне многие частные особенности и приемы военного искусства нашей эпохи.

С этой именно целью и в виду этих соображений, я остановился на исследовании периода, непродолжительного по времени, но весьма богатого интереснейшими военными явлениями, периода войны на бельгийско-французском фронте, от начала военных действий до середины ноября 1914 года. Этот трехмесячный период представляет необычайный интерес и высокую поучительность, потому что в этот промежуток времени, на полях Бельгии и северо-восточной Франции, в бурном встречном движении, столкнулись две сильнейшие армии Европы, две непохожие одна на другую военные системы, две различные военные доктрины; две европейские армии, наиболее могущественные, боеспособные и технически оборудованные, которые когда-либо выступали на поле брани; две военные системы, наиболее стройные, разработанные и устойчивые; две военные доктрины, наиболее сложившиеся и яркие в области идейных течений современности.

Именно в эти первые три месяца произошли крупнейшие боевые явления этой войны, разыгрались ее величайшие сражения, были выполнены наиболее смелые марши небывало широкого масштаба; никогда уже больше в эту войну, ни на одном из ее театров, не происходили события столь величественные, никогда в дальнейшем ходе этой борьбы не приходили в столкновение в открытом поле столь крупные массы, наступавшие и оборонявшиеся на необ'ятно широких фронтах; ни разу уже в последующие четыре года войны оперативное творчество борющихся сторон не получало такого смелого размаха, не вызывало такого гармоничного, цельного напряжения боевой энергии этих армий-великанов. Этот период войны—период исключительно маневренный, являющий нам редкий пример широких стратегических действий миллионных масс, не останавливаемых в своем движении ни оборонительными линиями, ни крепостями; это—образец свободной стратегии, стремящейся к нанесению громовых ударов, ставящей себе целью не только

поражение, но и полное уничтожение живой силы противника. Только в обстоятельствах наполеоновских маршей-маневров, в условиях стратегических действий этого великого полководца мы находим подобную широту замыслов и такую энергию их исполнения. Это именно тот характер войны, при котором, по выражению Наполеона, между выигранным и проигранным сражениями лежат империи.

И хотя, как увидим из дальнейшего изложения, ни одно из сражений этого периода не привело к столь решительным результатам, вследствие быстро установившегося равновесия сил, но это обстоятельство нисколько не меняет общего характера этих трех месяцев войны.

Этот маневренный период кончается в середине ноября многодневным сражением во Фландрии, после чего борьба на бельгийско-французском фронте замирает; и обе стороны, истощивши свои силы, выдохшись, потерявши надежду достигнуть в ближайшее время поставленных себе целей, зарываются в землю, опутывают свои позиции проволокой и переходят к обороне. Наступает новый, характерный для нашей эпохи, период войны—позиционный. Раз начавшись, этот позиционный образ действий уже не прекращается с обеих сторон до окончания войны, лишь временами нарушаясь, то с той, то с другой стороны, вспышками оперативной энергии, стремящейся прорвать укрепленные позиции противника, вырваться из окопов и проволочных заграждений. Но уже ни разу ни одной из сторон не удается достигнуть этой цели, и никогда уже более война на западе Европы не приобретает характера маневренной войны.

Это обстоятельство тем более придает интерес избранному мною периоду военных действий, как единственному в этой войне, воплотившему в своих маршах-маневрах, в своих боях и сражениях, чистую идею широкого стратегического маневра массовых армий.

На выбор мною именно этого периода войны повлияла также бо́льшая разработанность в литературе относящихся к нему событий, богатство материалов, разностороннее освещение многих ярких, драматических боевых эпизодов, в свое время глубоко взволновавших Европу.

Характер литературы о мировой войне.

Литература, относящаяся к этому периоду войны, уже весьма обширна, разнообразна и содержательна. Наиболее интересные и серьезные сочинения, богатые фактическим материалом и спокойной, довольно беспристрастной оценкой событий, а также в изобилии снабженные картографическими приложениями, написаны немцами; много хороших книг по маневренной войне составлено и французами, но французские сочинения заключают в себе много полемического, обличительного по отношению к Германии материала и часто написаны в страстном тоне, что ослабляет к ним доверие читателя; значительно меньше сочинений издано на английском языке, причем, в искусстве изложения военных явлений и в методах их исследования, они сильно уступают немецким и французским, особенно же первым. На русском языке уже издано несколько книг, но почти исключительно переводных с немецкого и французского. Вообще же, литературу по этому периоду мировой войны следует признать вполне достаточной для того, чтобы не только правильно уяснить себе общий характер маневренных операций 1914 года на бельгийско-французском фронте, но и точно установить ход важнейших боевых действий на всем протяжении рассматриваемого периода. Однако, при таком обилии источников и содержащегося в них материала, последний далеко неравномерно распределяется по отдельным операциям и моментам кампании 1914 г., оставляя некоторые из них слабее освещенными и несколько затрудняя сравнительную оценку боевых явлений; но этот недостаток не оказывает, в общем, серьезного влияния на исследование.

Изучение мировой войны, вследствие особенных обстоятельств, вызванных ею, находится в условиях значительно более благоприятных, чем те, в которых находилось в свое время изучение любой из предшествовавших войн. Эти последние, вследствие своей непродолжительности, сравнительно небольших произведенных ими разрушений и не очень тягостного воздействия на общую массу населения, не приводили к потрясениям, опасным для основных устоев государственного строя; государства оставались нерушп-

мыми; традиции сохранялись; государственные и военные деятели, даже скомпрометированные неудачами, сохраняли свое высокое положение; авторитеты, хотя бы и поколебленные в общественном мнении, официально, во имя охранительных принципов, оберегались; с бывшими союзниками поддерживались, если не всегда дружественные, то все же корректные отношения; вообще, создавалась обстановка, не способствовавшая откровенному изложению недавних событий, а следовательно и скорому выяснению истинного положения дел, существовавшего во время войны. В результате этого, цензура тяготела над военно-историческими исследованиями, в официальных описаниях военных действий факты излагались тенденциозно, а некоторые даже скрывались, и требовались десятки лет для того, чтобы истина вышла на свет с архивных полок или обнаружилась в записках современников и участников войны, в большинстве случаев лишь после их смерти.

Совершенно иная картина представляется нашему взору по окончании мировой войны. Эта война, вследствие материального и морального истощения воевавших государств и глубокого разочарования народов в достижении тех целей, ради которых она была начата, вызвала небывалое потрясение если не всего мира, то во всяком случае почти всех стран Старого Света. Она опрокинула троны, расколола на куски империи, зажгла междоусобную, классовую борьбу; традиции пали, имена и авторитеты, связанные со старым строем, сделались ненавистными или в лучшем случае оставлены в пренебрежении; недавние союзники стали врагами, вчерашние враги—союзниками. Оказалось, что никто не заинтересован в замалчивании того, что́ и как происходило на войне; наоборот, каждый старался возложить ответственность за недавние неудачи на другого и предавал гласности факты, изобличающие его. Министр стал изобличать министра; генералы одной и той же армии стали обвинять друг друга, печатая такие оперативные материалы, которые при других условиях не увидели бы света еще по крайней мере с четверть века; бывшие союзники начали публиковать документы, взаимно компрометирующие их

деятельность в коалиции. Все это привело к появлению в весьма короткий срок многочисленных военно-исторических сочинений, характерной особенностью которых является обилие личных воспоминаний, принадлежащих перу, как видных, так и мелких участников недавно происходивших событий. Такой ранний, скороспелый расцвет мемуарной литературы представляет собой явление, небывалое в военной истории.

Наряду с этим, официальные описания событий мировой войны до настоящего времени нигде не получили значительного развития и для изучения этой войны не имеют пока серьезного значения [1]).

Такой характер источников, несмотря на то, что они дают в руки историка чрезвычайно разнообразный и свежий материал, со страниц которого как будто еще пахнет кровью и доносятся до нас отголоски грохота сражений, требует от исследователя очень вдумчивого и осторожного отношения к заключающейся в этих источниках оценке событий. Слишком много в этой оценке противоречий, скороспелых, мало обоснованных суждений, еще не остывшей вражды к противнику и яркого стремления к самовосхвалению. Иногда трудно бывает разобраться в этом хаосе мнений, обвинений, упреков и страстей и установить об'ективную точку зрения на то или другое явление. Возможно, что, не взирая на обилие уже опубликованного материала, еще не сказано последнего слова по некоторым вопросам исследуемого мною периода, и, быть может, в ближайшем будущем обнаружатся еще новые факты, которые должны будут существенно повлиять на выводы, заключающиеся в этой книге. Но дожидаться этих возможностей, конечно, не приходится: время слишком дорого, будущее со своими запросами надвигается, и для того, чтобы ответить на эти запросы удовлетворительно, кровавый опыт долгих лет этой борьбы народов должен быть возможно скорее продуман, прочувствован и воспринят.

---

[1]) С конца 1924 год в Германии начала выходить официальная история мировой войны; в вышедших до сих пор двух томах охвачены события лишь первого месяца военных действий на французском и русском фронтах.

II. Причины и поводы к войне.

О виновниках войны.

Никогда, быть может, в военной истории вопрос о том, кто является виновником войны, не ставился так остро, не вызывал таких страстных споров, как в эту мировую войну. Большое число держав, вовлеченных в борьбу, острый характер возникших между ними недоразумений и, вследствие этого, решительные, беспощадные приемы ведения войны с первых-же дней ее возникновения,—все это придавало и придает до сих пор этому спорному вопросу особенное значение. Едва-ли можно найти в западно-европейской литературе сочинение об этой войне, в котором эта тема не была бы затронута и не обсуждалась бы со всей страстностью и нетерпимостью к противнику. Немцы считают виновниками этой войны англичан, с их кознями и происками, с их стремлением к мировому господству; и даже французские мечты о реванше, казавшиеся в течение последних сорока лет перед войной неугасающей искрой, могущей ежеминутно вызвать европейский пожар, даже они кажутся им второстепенным фактором, лишь искусно использованным Англией. С другой стороны, англо-французы обвиняют Германию в желании подчинить себе всю Европу, придавивши ее тяжестью своего милитаризма, а также в грубом нарушении международных договоров. Вокруг этого центрального спора главных действующих лиц мировой драмы сгруппированы взаимные обвинения других, более мелких участников войны, образуя настолько сложный и запутанный клубок международных разногласий, что разобраться в нем, распутать его не представляется никакой возможности.

В настоящее время, пользуясь достигнутым превосходством над противником, державы Согласия пытаются воз-

ложить всю ответственность за войну и ее бедствия на Германию; несомненно, что единственным их правом к тому является право сильного. Я, конечно, не последую в этом отношении за ними. и вопрос о виновниках войны оставлю открытым; тем более, что вообще подобная постановка вопроса о причинах и поводах к войне совершенно ненаучна и, являясь лишь отражением временно-обостренной национальной вражды, не соответствует правильным методам изучения военной истории. Виновников войны не существует, или все государства, участвующие в войне, являются одинаково в ней виновными. Существуют лишь причины, вызывающие войну и глубоко коренящиеся в течение целого ряда лет в толще международных отношений, подобно вулканическим силам, постепенно развивающим в недрах земли свое напряжение; а временами возникают те или другие поводы, внезапно обнаруживающие эти скрытые силы и приводящие их в действие.

Обращаясь к исследованию обстоятельств, которые привели к мировой войне, я считаю необходимым оговориться, что коснусь этого вопроса лишь в общих чертах; потому что его подробное изучение выходит из пределов поставленной мною себе задачи, заключающейся в изучении военных явлений одного лишь периода этой войны.

Кроме того, исследование тех политических, экономических и социальных факторов, которые вызвали эту борьбу народов и затем в течение $4^1/_2$ лет поддерживали ее, относится к области социально-экономических наук, а не военной истории.

Группировка европейских держав до войны.

Еще задолго до этой войны европейские державы, под влиянием чрезвычайно сложных международных факторов социально-экономического характера (соревнования в области промышленности и торговли, борьбы за мировые рынки, колониальной политики, национальной вражды и др.), стали постепенно раскалываться на две враждебные друг другу групы. Это явление впервые обозначилось ясно в начале девяностых годов прошлого столетия, когда был заключен франко-русский союз, в

противовес которому образовался в центре Европы тройственный союз из Германии, Австро-Венгрии и Италии. Большинство остальных европейских держав, не примыкая явно ни к одной из этих груп, тем не менее общим характером своей внешней политики склонялось то к той, то к другой ориентации; одна лишь Англия оставалась совершенно обособленной, ведя свою собственную, ярко эгоистическую политику, часто вызывавшую враждебное отношение обеих груп, особенно сильное в эпоху южно-африканской войны.

Однако, быстрое возрастание внешнего могущества Германии, развитие ее морских сил, расширение ее колониальной програмы, возбудили серьезные опасения в Англии и постепенно склонили ее, вскоре после русско-японской войны, вопреки ее традиционному недоверию и враждебности к восточной политике России, на сторону французской ориентации. Таким образом, друг перед другом оказались в Европе две тройственные групы, из коих одна, состоявшая по прежнему из Германии, Австро-Венгрии и Италии, именовалась тройственным союзом, а другая—Россия, Франция и Англия — стала называться тройственным согласием. С этих уже пор общий характер международных отношений в Европе определялся исключительно лишь соревнованием этих груп, их обоюдным, враждебным одна другой, стремлением установить свое господство, как в европейской, так и в мировой политике. И вокруг этих двух враждебных лагерей, в непрестанном движении политической жизни, скоплялись и наслаивались разнообразные интересы остальных европейских держав, подобно тому, как отлагается песок у прибрежных скал и камней вечно плещущим морским прибоем.

В результате такого процеса, в Европе уже за несколько лет до этой войны обозначились два весьма запутанных, крепко затянутых узла международных отношений, окрашенных враждебными настроениями и являвшихся постоянным, неустранимым источником для всевозможных разногласий, споров, взаимных упреков и угроз между двумя тройственными групами держав. Один из них, восточный, заключал в себе нити, которые опутывали балканский полу-

остров, представлявший собою арену борьбы немецких и славянских влияний; сюда входили: славянский вопрос в его широком значении, австро-русские разногласия в украинских, польских и сербских делах, стремление Австро-Венгрии получить выход к Эгейскому морю, для утверждения своего экономического господства на балканском полуострове и нараставшая вражда между Австрией и Сербией на почве великодержавных стремлений последней. Другой, западный, имел своим ядром эльзас-лотарингский вопрос, обвеянный неумиравшей мечтой французов о реванше и осложненный сочувствием Англии, возбужденной против Германии опасением лишиться своего преобладания на морях, столь необходимого ей для ее империалистической политики, сохранения своих многочисленных колоний и своего преобладания на важнейших мировых рынках и на ведущих к ним мировых путях. Таким образом, в двух районах Европы постепенно разгорались два очага враждебности и соперничества, не раз угрожавшие перейти в открытую вооруженную борьбу между стоявшими друг перед другом сторонами; такая опасность являлась в марокском вопросе; она казалась неизбежной с присоединением Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины; наконец, она представлялась возможной на почве обеих балканских войн 1912—13 годов.

Подготовка сторон к войне.

Вообще, в течение последних 4—5 лет перед войной, в Европе установилось весьма тревожное настроение; каждая из враждебных груп, питая глубокое недоверие к противнику и как-бы предчувствуя приближение грозы, которая должна была разрядить сгущенную политическую атмосферу, спешила усилить свое военное могущество, как на морях, так и на суше. В период времени с 1910 по 1913 год почти все крупные державы Европы расширяют свои военные программы, устанавливая на ближайшие годы целый ряд новых сухопутных формирований и постройку новых судов. Раньше всех начинает это дело Россия в 1910 году, за ней следуют Германия и Австро-Венгрия в 1911 году, наконец, в 1913 г.

Германия и Франция, почти одновременно, издают военные законы, значительно увеличивающие численность их армий. Повидимому, обеим, уже изготовившимся к бою, сторонам все еще казалось недостаточным тех сил, которыми они располагали, и с лихорадочной поспешностью они их совершенствуют и умножают.

И в Германии, и во Франции вполне сознавали неизбежность скорой войны и готовились к ней постоянно. В ноябре 1913 года, при свидании с бельгийским королем в Берлине, император Вильгельм определенно сказал, что „он пришел к убеждению, что война с Францией неизбежна и близка"...

Еще в 1908 году известный германский военный писатель, фельдмаршал граф Шлифен, писал [1]) о том, что военные и политические условия Европы так сложились, что в каждый данный момент миллионные армии могут быть брошены в Вогезы, на Маас, Неман и Буг и даже на Изонцо и Тирольские Альпы. Таким образом, еще тогда он считал положение Европы чрезвычайно тревожным, а Италию — уже в числе врагов Германии.

Столь напряженное состояние, конечно, не могло оставаться продолжительное время, и нужен был лишь какой-нибудь предлог, какой-нибудь незначительный повод, чтобы произошел взрыв и загорелся пожар по Европе. И такой повод в действительности нашелся.

Убийство в Сараеве. Австрийский ультиматум Сербии.

Этим поводом явилось убийство австро-венгерского престолонаследника, эрцгерпога Франца-Фердинанда, и его жены боснийскими революционерами в Сараеве 28 июня 1914 года. Последовавшее за ним судебное разбирательство обнаружило сношение убийц эрцгерцога с некоторыми политическими организациями Сербии, в результате чего все это дело было поставлено австро-венгерским правительством в связь с сербской агитацией, которая велась против Австрии в ее славянских областях, особенно же в Боснии и Герцеговине. По окончании судебного процесса, 23 июля,

[1]) Der Krieg in der Gegenwart. (Berlin, 1913).

Австро-Венгрия обратилась к Сербии с ультиматумом, в котором потребовала прекратить эту агитацию и сношения с зарубежными славянскими революционными организациями, причем выполнение этих требований обставила условиями, весьма унизительными для Сербии, как независимого государства.

Посредничество держав.

В виду чрезвычайно острого характера, который приняло это дело, и явной невозможности для сторон сговориться между собой, явилась необходимость посредничества, которое и приняли на себя державы тройственного согласия. Даже Германия, едва-ли действовавшая в этом случае искренно, в лице императора Вильгельма выступила с примирительными предложениями, обращенными как к русскому императору, так и к английскому королю. Началась спешная, сложная, запутанная и во многом лицемерная с обоих сторон дипломатическая переписка, которая, конечно, не привела к благоприятным последствиям. Каждая из сторон обвиняла одна другую, и в результате этого европейского переполоха, через несколько дней после австрийского ультиматума Сербии, стояли друг перед другом во враждебной позе, с рукой, положенной на рукоятку меча, уже не Австро-Венгрия и Сербия, а тройственное согласие, заслонившее собой маленькую Сербию, против Австро-Германии. Третий член тройственного союза, Италия, неожиданно, и для друзей, и для противников, не стала на сторону Австро-Венгрии, а заняла не то нейтральное, не то выжидательное положение. Во всяком случае, было ясно, что сохранение европейского мира невозможно, что длительный процес разделения Европы на два враждебных стана, который определял собой общий характер международных отношений за последнюю четверть века, уже дошел до предела, что не сегодня-завтра война должна вспыхнуть не только на среднем Дунае, но и во многих местах Европы.

Последовательная мобилизация сторон.

После того, как Сербия отклонила пред'явленный ей ультиматум, а посредничество других держав потерпело неудачу, Австро-Венгрия решила об'явить сначала мобилизацию пограничных с Сербией корпусов, а затем, когда выяснилось явно сочувственное отношение к последней России и 27 июля состоялась мобилизация 8 русских корпусов, расположенных на австрийской границе, она об'явила 31 июля и общую мобилизацию своей армии. В ответ на это и Россия начала в тот же день приведение всей своей армии на военное положение. В то же время Германия об'явила у себя „положение, угрожающее войной".

Таким образом, восточный очаг международной вражды и соперничества уже вспыхнул ярким пламенем, искры которого немедленно же стали перебрасываться на очаг западный. Непосредственно за мобилизацией русской и австро-венгерской армий последовательно была об'явлена мобилизация: в Бельгии 31 июля, в Германии и во Франции—1 августа и в Англии—4 августа. Вслед за этим, с 1-го по 5 августа все враждебные державы об'явили одна другой войну [1]), а 2 августа военные действия уже начались вступлением передовых германских войск в пределы Бельгии, Франции и Люксембурга.

Насколько неожиданным оказался для центральных империй выход Италии из тройственного союза, эта измена союзника, казавшегося до тех пор вполне надежным, настолько же оказались они неподготовленными к выступлению Бельгии и Англии.

Бельгийский нейтралитет и нарушение его Германией.

Как будет изложено ниже, при разборе оперативных планов войны обеих сторон, Германия уже давно имела в виду, с целью расширения своего стратегического фронта, нарушить бельгийский нейтралитет и вторгнуться во Францию через Бельгию и Люксембург. Договорами 1831 и 1839 годов, зак-

---

[1]) Германия: России—1-го, Франции—3-го и Бельгии—4 августа; Англия: Германии—4 августа; Австро-Венгрия: России—5 августа.

люченными между Англией, Францией, Россией, Австрией и Пруссией, Бельгии обеспечивался „вечный нейтралитет“ и „неприкосновенность ее территории“. Это же было подтверждено и гаагской конференцией 18 октября 1907 года. Люксембург был признан лондонским договором 11 мая 1867 года „постоянным нейтральным государством“.

Тем не менее, Германия, рассчитывая на слабость Бельгии и невозможность для нее оказать серьезное сопротивление, пред'явила ей 2 августа требование пропустить через свои пределы германские войска, об'ясняя это опасением вторжения французской армии на бельгийскую территорию, на участке Живэ - Намюр; вместе с тем, Бельгии обещана гарантия ее независимости и очищение ее территории после войны. Германия угрожала, в случае отказа, считать ее в числе своих противников [1]). Но решаясь на такое насилие, она, устами своего имперского канцлера Бетман - Гольвега [2]), признала, что вторжение в Бельгию и Люксембург является нарушением права, вынужденным необходимостью самообороны против вторжения французских войск на бельгийскую территорию.

Выступление Англии.

Между тем, когда Бельгия ответила отказом, то энергичным и неожиданным для Германии защитником ее нейтралитета явилась Англия, которая еще 31 июля запросила Францию и Германию, намерены-ли они, в случае вооруженного столкновения, соблюдать нейтралитет этой страны? Первая ответила утвердительно, вторая же дала уклончивый ответ, почему 3 августа бельгийский король обратился к английскому королю с просьбой о дипломатическом вмешательстве. Последствием этого явился ультиматум Англии, пред'явленный ею Германии 4 августа, с требованием соблюдения бельгийского нейтралитета; одновременно

---

[1]) Подобное же вторичное предложение Германия сделала Бельгии после взятия Льежа, 9 августа, через голандского министра иностранных дел.

[2]) Его речь в рейхстаге 4 августа.

с этим, английское правительство уведомило Бельгию, что Англия будет защищать ее [1]).

Имеются некоторые основания предполагать, что до тех пор Англия не имела в виду принимать активного участия в начинавшейся войне, решивши ограничиться лишь обещанием обеспечивать своим флотом безопасность берегов Франции. Но после того, как германский министр иностранных дел фон-Ягов заявил 4 августа, что Германия вынуждена не считаться с нейтралитетом Бельгии, Англия решила принять участие и в сухопутных операциях, а когда германские войска перешли бельгийскую границу,—она об'явила Германии войну.

Выступление Англии явилось неожиданным для Германии, которая пыталась с 29 июля успокоить первую обещанием территориальной неприкосновенности континентальной

---

[1]) Едва-ли Франция и Англия искренно защищали нейтралитет Бельгии; может быть, они делали это лишь потому, что немцы предупредили их в этом отношении и создали для них невыгодную обстановку с первых-же дней войны. Во всяком случае, и в их литературе, и в их правительственных документах, в течение нескольких лет, предшествовавших войне, откровенно говорилось о том, что, в случае войны с Германией, они не будут считаться с бельгийским нейтралитетом. Повидимому, так же смотрела на этот вопрос и Бельгия. По крайней мере, еще в декабре 1909 г. бельгийский министр иностранных дел де-Фаверо, во время обсуждения в сенате военного законопроекта, заявил, что по его наблюдениям и по изучении различных дипломатических документов, он пришел к убеждению, что договор о нейтралитете Бельгии — ничего не стоющий кусок бумаги и что, в случае новой франко-германской войны, этот нейтралитет будет нарушен, и весьма вероятно Францией, которой очень выгодно направить свои войска к германской границе через Бельгию. Англия, по всей вероятности, не будет возражать против этого, во-первых, из-за дружественных чувств к Франции, а во-вторых, и потому, что ей выгодно все, наносящее вред Германии. В виду этого, Фаверо предлагал не придавать никакого значения договору, а для действительного обеспечения нейтралитета вступить в союз с одной из соседних великих держав. (См. Kuhl, Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges. Об отношении бельгийцев к нарушению их нейтралитета французами или немцами см. также ниже, главу „Планы сторон").

Франции (но не ее колоний, особенно африканских) и очищения Бельгии по окончании войны. 4 августа фон-Ягов, в беседе с английским послом, выразил свое „глубокое сожаление“ по поводу „крушения своей политики“, а Бетман-Гольвег говорил ему, что решение Англии выступить „в защиту одного слова, одного клочка бумаги—ужасно до последней степени“..., что ее выступление — „удар в спину Германии в ту минуту, когда она защищает свою жизнь от двух нападающих“. Вообще, поведение в этом случае Англии, весьма опасное для немцев, вызвало в Германии величайшее возбуждение и озлобление и сделало с тех пор эту страну злейшим врагом англичан, вложившим всю свою злобу к ним в известном „гимне ненависти к Англии“ [1]).

В результате всех этих выступлений, в первых числах августа, почти одновременно начались военные действия в Бельгии, на среднем Дунае и в Восточной Пруссии; через несколько дней после этого завязались также бои в Вогезах и на русско-австрийской границе. Мировая война, однажды вспыхнувши, неудержимо разгоралась и на западе и на востоке Европы.

---

[1]) Повидимому, выступление Англии явилось неожиданностью для германских дипломатов, но не для германского генерального штаба, который не всегда делился своими сведениями с министерством иностранных дел. Генерал ф.-Мольтке, в своих соображениях на случай войны, составленных в 1911—12 г.г., определенно предусматривает это выступление англичан (Kuhl. Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges, а также Der Weltkrieg 1914 bis 1918, Erster Band, стр. 11).

III. Обзор театра военных действий.

(Схема № 1).

Общий характер театра военных действий.

Театр военных действий на французско-бельгийском фронте заключает в себе территорию Бельгии, великое герцогство Люксембург, Эльзас-Лотарингию, Рейнскую провинцию и северо-восточные департаменты Франции. Восточной границей театра является р. Рейн, западной — морское побережье от устья р. Шельды до устья р. Сены, северной — граница Голландии, а южной—р. Сена от устья до гор. Труа и далее условная линия на Шомон, Везуль, Бельфор и Базель.

В этих границах театр военных действий заключает в себе области, принадлежащие к числу наиболее населенных, культурных и богатых местностей Западной Европы, изобилующих всевозможными средствами, необходимыми для ведения войны и содержания войск; Бельгия и французские департаменты, примыкающие к ней, являются богатейшими в Европе промышленными районами.

Размеры театра: по фронту — около 520 килом. (устье Сены—Париж—Труа—Бельфор—Базель), в глубину—около 360 килом. (Париж—Кельн).

В отношении рельефа вся эта огромная территория может быть подразделена на две части: западную, равнинную, местами даже низменную, заключающую в себе почти всю Бельгию (к западу от Мааса) и французские области между морем и р. Уазой, и восточную, частью гористую, частью вообще возвышенную, — остальная площадь театра к востоку от р. Уазы. Каждая из этих частей представляет своими топографическими условиями и выгоды, и неудобства для передвижений и боевых действий войск.

Западный участок.

Западная (равнинная) часть, обилием дорог и ровным характером местности, облегчает передвижения, хотя в своих низменных участках по р.р. Шельде, Лису и Изеру, изобилующих болотами и глинистым грунтом и перерезанных значительным числом каналов, она представляет во многих местах большие затруднения для движения войск. В тактическом отношении западная часть театра являет собой мало разнообразия: здесь мало удобных и сильных позиций, недостаток хороших наблюдательных пунктов и обширного кругозора; лишь пересеченная местность низменных участков по Шельде, Лису и Изеру, с их болотами, каналами, протоками, представляет известные выгоды для обороняющегося. Многочисленность селений с прочными постройками, весьма пригодными для упорной обороны, является также существенным фактором в тактическом отношении; впрочем, это относится ко всему театру военных действий.

Восточный участок.

Восточный, гористый участок театра представляет собою систему трех горных групп, расположенных вдоль франко-бельгийской и франко-германской границ и дающих целый ряд отрогов далеко вглубь французской территории. Из этих трех групп, северная—Ардены,—заполняет все пространство левого берега р. Мааса между верховьями р. Уазы и излучиной р. Эна у Ретеля, а к востоку от Мааса прорезает южную часть бельгийского Люксембурга. Ардены не имеют характера ясно выраженного горного хребта; это—группа плоских возвышенностей, широко разбегающихся во все стороны; к западу от Мааса эти возвышенности не превосходят нигде 350 метров над уровнем моря, к востоку же от этой реки, вблизи бельгийско-германской границы, они достигают вдвое большей высоты. Примерно на линии Ретель—Монмеди Ардены входят в связь со следующей горной группой—Аргонским лесом, который, в виде двух узких, лесистых параллельных цепей, заполняет пространство между р. Маасом и верхним течением р. Эна. Обе цепи Аргонского леса разделяются течением р. Эра (правого притока р. Эна), имеют резко обозначенный

характер горных хребтов и представляют значительные затруднения для движения войск на путях из Лотарингии к Реймсу. Однако, высота этих горных цепей незначительна: увеличиваясь с севера на юг, она достигает в южных окрестностях Бар-ле-Дюка всего лишь около 400 метров над уровнем моря.

Ардены и Аргоны отбрасывают к западу целый ряд постепенно ниспадающих отрогов, заполняющих пространство между левыми притоками р. Уазы, а также между р. Марной и ее притоками. Эти отроги в большинстве случаев имеют вид плоских возвышенностей, круто падающих в долины омывающих их рек и представляющих по берегам последних ряд сильных и удобных позиций, обладающих широким кругозором. Такой характер этих возвышенностей и расположение их поперек путей, ведущих из Бельгии к Парижу и р. Марне, естественно, придает им большое тактическое значение; и действительно, как при наступлении германских армий к югу, так и в позиционном периоде войны, все эти междуречные плоскогория сыграли крупную роль в боевых столкновениях.

Вогезы. Третья и последняя горная группа,—хребет вогезских гор, протянувшийся в меридиональном направлении вдоль границы Эльзаса. Это—наиболее высокий и трудно одолимый горный хребет, являющийся как бы барьером, прикрывающим здесь обе стороны от вторжения крупных масс, передвижения и действия коих сильно затрудняются диким характером этих гор. Насколько труден этот хребет для сообщения, свидетельствует то обстоятельство, что его прорезают лишь две сквозные железнодорожные линии: Страсбург—Саарбург—Люневиль и Страсбург—С. Дие, и то в его наиболее низком, северном, участке. Впрочем, число обыкновенных колесных путей значительно на всем протяжении хребта. Вогезы повышаются с севера на юг и достигают наибольшей высоты в своей южной оконечности. на путях от Эпиналя к Кольмару и Мюльгаузену: здесь высшие точки хребта достигают 1500 метров над уровнем моря. Рассматриваемый хребет, западнее линии Ремиремон—

Бакара, теряет характер горной цепи и расширяется в запутанную систему возвышенностей, заполняющих собой обширное пространство на обоих берегах р.р. Мозеля и Мерты до ближайших окрестностей Нанси и Туля.

Из этих трех горных групп, в условиях рассматриваемого театра, Ардены и Аргоны не имеют значения оборонительных линий: Ардены — по своему направлению, не пересекающему путей наступления из Бельгии во Францию; Аргонский лес—вследствие расположения своего за оборонительной линией р. Мааса, усиленной крепостными сооружениями. Лишь одни Вогезы, как по направлению своих хребтов, так и по своим физическим условиям, способствуют обороне на путях из Эльзаса к верхнему Мозелю. Однако, оборонительное значение и этой горной группы в сильной степени ослабляется расположением ее вне важнейших операционных путей из Германии во Францию и легкостью обхода этих гор с севера, через Лотарингию. Безусловное оборонительное значение принадлежит лишь упомянутым выше плоским отрогом, сопровождающим течение многочисленных рек, пересекающих, между р.р. Уазой и Маасом, все операционные пути, ведущие из пределов Бельгии к Парижу и Марне.

Водные оборонительные линии.

В противоположность возвышенностям, водные оборонительные линии театра военных действий, в виде рек и каналов, как по направлению своего течения, так и по своим тактическим свойствам, приобрели в боевых операциях этой войны большое значение. В этом отношении главная роль принадлежит р. Маасу, имеющей, в общем, направление течения с юга на север и на пути своем, от Лангрского плато до границ Голландии, пересекающей все пути, ведущие из Германии в Бельгию и Францию. На некоторых участках течения оборонительные свойства Мааса усилены фортификационными сооружениями; таких участков имеется три: северный, бельгийский, с крепостями Льежем и Намюром и промежуточным между ними фортом Гюи; средний, арденский, усиленный фортами Рокруа, Мезьером и Монмеди, и южный, входящий

со своими укреплениями, начинающимися у Вердена, в общую крепостную систему восточной границы Франции. Сильнейший из этих участков — последний, слабейший — средний, хотя здесь естественные условия обоих берегов Мааса, местами прорывающегося через Ардены глубоким ущельем, и представляют во многих местах затруднения для форсирования реки. Маас принадлежит своим течением обоим участкам театра: и западному — равнинному, и восточному — гористому. Все же прочие водные оборонительные линии принадлежат тому или другому участку.

В западном следует отметить: р. Шельду, прикрывающую пути, ведущие из восточной Бельгии к морскому побережью и усиленную на своем левом фланге сильной крепостью Антверпеном; р. Изер, имеющую подобное же значение, и р. Сомму, пересекающую пути, идущие из западной Бельгии к Парижу.

В восточном участке оборонительное значение имеют: левые притоки р. Уазы—Сэр и Эн; последний с впадающими в него р.р. Эр и Вэль, а также р. Марна с двумя своими левыми притоками, Большим и Малым Морэнами. Все эти реки пересекают своим течением пути, ведущие из восточной Бельгии и Люксембурга к Парижу и в связи с упоминавшимися выше плоскими возвышенностями, сопровождающими их, приобретают, вследствие этого, большое тактическое значение. Мы увидим из дальнейшего изложения, как много разнообразнейших боевых столкновений произошло на берегах этих рек.

Сравнительно с ними, второстепенное оборонительное значение по своему положению имеют: верхнее течение р. Мозеля, от истоков в Вогезах до Меца, и ее правый приток—р. Мерта; обе реки преграждают пути из Эльзас-Лотарингии к верхней Марне и усилены крепостями: Мозель—системой укреплений Туль—Эпиналь—Ремиремон, а Мерта—крепостью Нанси.

Уаза, протекая в направлении главных операционных путей театра, оборонительного значения не имеет; ей принадлежит лишь роль преграды, разобщающей действия

войск, совершающих передвижения или сражающихся к западу и востоку от реки.

Как дополнение к рекам, в качестве оборонительных рубежей, следует отнести многочисленные каналы, частью сопровождающие течение рек, а частью соединяющие их. Там, где они идут вдоль течения рек, они значительно усиливают оборонительные свойства последних, образуя двойную водную преграду, местами даже приспособленную к устройству наводнений. В этом отношении особенное значение имеют реки западной, приморской части Бельгии.

Что касается собственно гидрографических свойств водных оборонительных линий театра, то, в отношении ширины своего русла, глубины и быстроты течения, они, в общем, не представляют особенных затруднений для переправы; обилие же на многих из них постоянных мостовых и паромных переправ, а также различных плавучих средств, еще более облегчает форсирование их крупными массами войск. Вообще говоря, реки и каналы театра приобретают характер трудно-одолимых преград лишь на тех участках своего течения, которые или усилены укреплениями, или снабжены сооружениями для производства наводнений. Во всех же других местах они имеют лишь настолько оборонительное значение, насколько придает им таковое тактический характер позиций, расположенных на их берегах (как, например, левые притоки Уазы и р. Марна): там, где эти позиции сильны и допускают упорную оборону, реки и каналы могут надолго задержать противника; там же, где позиции слабы, водные линии не имеют серьезного тактического значения. Впрочем, одна лишь р. Маас, особенно на своем бельгийском участке, а отчасти в Арденах, по своим естественным условиям, может представить затруднения для форсирования своего русла, даже независимо от тактического характера своих берегов или наличности на них укреплений.

Население. Племенной и религиозный состав населения театра военных действий представляется чрезвычайно однообразным: подавляющий процент его составляют фран-

цузы, остальное — бельгийцы и небольшое количество немцев (в рейнской провинции и Эльзас-Лотарингии); как известно, жители Бельгии, городские всецело, а сельские — в значительной своей массе, восприняли французскую культуру и французский язык, что сильно сближает их с населением Франции, особенно при общности религии, и придает театру вполне однородный этнографический характер. Это обстоятельство являлось, конечно, весьма благоприятным для оборонявшего эту территорию и невыгодным для неприятельской армии, вторгавшейся в страну; оно вызывало для последней необходимость непрерывного наблюдения за местным населением, которое, естественно, было склонно вредить неприятелю всякими способами, что в свою очередь влекло за собой крупный расход войск для тыловых гарнизонов, с целью поддержания порядка в стране и обеспечения сообщений.

Впрочем, при условиях ведения войны массовыми армиями, действовавшими на широких фронтах, охватывавшими целые страны, образовавшими непрерывную боевую линию, совершенно изолировавшую одну от другой местности, находившиеся по обе стороны этой линии и недопускавшую между ними сношений, — в этих условиях вредная роль местного населения ослаблялась в значительной степени.

В отношении размещения населения театр представляет очень благоприятные условия: все его части населены весьма густо, обладают большим количеством крупных городов, снабженных всевозможными приспособлениями для культурной жизни, и почти сплошь покрыты сельскими поселениями, состоящими в большинстве случаев из прочных, каменных, благоустроенных построек. Все это значительно облегчает расквартирование войск и пользование различными видами местных средств.

Средства страны. Средства театра и велики, и разнообразны. Однако, собственно в продовольственном отношении не все его районы могут удовлетворить огромным потребностям нынешних массовых армий, в виду того, что

деятельность местного населения направлена в некоторых из них не на производство пищевых продуктов, а на другие виды сельского хозяйства, каково, например, виноделие в Шампани, а также посвящена добывающей и обрабатывающей промышленности. Добывающая промышленность заключается, главным образом, в разработке угольных копей, которыми богаты многие районы Бельгии, и железной руды, богатейшие залежи которой находятся в районе Брие, к северо-востоку от Вердена, вблизи границ Лотарингии. Обрабатывающая промышленность состоит в производстве сукон и всякой другой мануфактуры, выделываемой на многочисленных французских и бельгийских фабриках, сосредоточенных преимущественно в районе Лиль—Валансьен—Камбрэ и в прилегающих к нему местностях Бельгии.

Естественно, что обладание угольными копями и железными рудниками должно давать существенные выгоды стороне, захватившей их, потому что и то, и другое необходимо для производства предметов вооружения и боевого снаряжения, запасы которых, как бы велики они ни были, не могут удовлетворить колосальной потребности современной войны. Что же касается мануфактурного производства, то значение его в деле снабжения войск обмундированием само собой понятно.

В эту войну германцы, захвативши Бельгию и весь промышленный район северо-восточной Франции, основательно использовали для военных нужд, в течение своего продолжительного владения этой территорией, все ее ископаемые богатства и все ее фабричное производство.

В остальных районах театра население занято, главным образом, земледелием, которое, при высокой культурности принятых способов возделывания полей и большом плодородии почвы, может доставлять действующим здесь войскам значительное количество продовольственных припасов.

Пути сообщения.

Театр изобилует путями сообщения, как обыкновенными, так и рельсовыми; водные пути, вследствие невыгодного направления те-

чения рек, преимущественно пересекающих операционные направления из Германии во Францию, не могли иметь серьезного военного значения.

Обыкновенные дороги.

Обыкновенные дороги, частью шоссированные, частью мощеные, но вообще отличного качества, густой сетью покрывают всю территорию театра, представляя весьма благоприятные условия для движения всех родов войск во всякое время года. Не только города, но даже многие селения связаны между собой хорошими дорогами, обсаженными деревьями и окопанными канавами, а потому легко приспособляемыми к обороне. Такое состояние обыкновенных путей чрезвычайно облегчает широкое пользование средствами механической тяги, способствуя быстрому подвозу к войскам всего им необходимого, а также установлению связи между ними, как в глубину, так и по фронту.

Железные дороги.

Рассматриваемый нами театр обладает чрезвычайно густой сетью рельсовых путей, имеющей наибольшую густоту в промышленном районе Лиль—Валансьен и прилегающих к нему местностях Бельгии. Наиболее беден железными дорогами горный район вогезского хребта, а также гористые местности Арден и Аргонского леса.

Как известно, все железные дороги, независимо от своего протяжения, направления и степени технического оборудования, имеют то или другое военное значение, облегчая ведение войны в самых разнообразных видах. Однако, широкая оперативная роль принадлежит только сквозным линиям большого протяжения, которые связывают исходные пункты стратегического развертывания сторон с конечными пунктами их операционных направлений, а также устанавливают сообщение вдоль стратегического фронта. При той густоте рельсовых путей, которой обладает изучаемый нами театр, является возможность составить значительное число таких сквозных железнодорожных линий со многими к ним вариантами.

Эти линии могут быть сведены в следующие три группы:

1) Линии, связывающие исходные пункты стратегического развертывания германских армий на германско-бельгийской границе (Аахен, Эйпен, Мальмеди, С. Вит, Трир) с морским побережьем, имевшим в этой войне столь выдающееся военное значение (на участке Остенде, Кале, Булонь, Этапль, Абевиль). Они дают возможность в кратчайший срок перебросить крупные массы войск с германско-бельгийской границы к побережью Па-де-Кале [1]). Немцы лишь отчасти использовали эти пути, так как первоначальной задачей своим армиям они поставили вторжение в северо-восточную Францию и разгром французских армий; движение же к морскому побережью, с целью его захвата, явилось более поздней, второй задачей их войск, ставшей на очередь лишь после крушения первоначального германского плана и, как увидим из дальнейшего,—задачей запоздалой.

2) Линии, идущие от исходных пунктов сосредоточения германских армий на германско бельгийской и германско-французской границе (Аахен, Эйпен, Мальмеди, С. Вит, Трир, Мец, Саарбрюкен, Страсбург, Мюльгаузен), к Парижу и другим важным географическим пунктам северо-восточной Франции; это—пути продольные, пути вторжения [2]). Они способствуют наступлению, как из Германии во Францию, так и в обратном направлении, значительных войсковых масс одновременно на широком фронте. Однако, распределение их по фронту неравномерно: бо́льшая их часть лежит к западу от Арден, довольно густо пролегают они от границ Лотарингии в басейн р. Сены, но их совсем нет на участке Шарлевиль—Верден (85 клм. шириной) и на значительном протяжении вогезского хребта, от С.-Дие до Бельфора.

Если принять во внимание, что все линии лотарингского района, как будет видно из описания укреплений восточ-

---

[1]) Таких линий имелось 6.

[2]) Этих линий могло быть избрано около 20.

ной границы Франции, были прегражденны крепостями или отдельными фортами-заставами, то одно уже распределение рельсовых путей рассматриваемой группы, этих путей вторжения, выявляет ту идею, которая, естественно, должна была лечь в основу германского наступательного плана в этой войне: идею наступления через Бельгию.

3) Линии, пролегающие вдоль стратегического фронта на всем его протяжении, от морского побережья (Остенде, Дюнкерк, Кале, Булонь, Абевиль, Ле-Трепор, Дьеп) к Эльзас-Лотарингии и Вогезам (Страсбург, Мюльгаузен, Бельфор, Безансон); это—пути поперечные, пути для связи, способствующие переброске войск с одного операционного направления на другое. Они связывают собой все районы театра военных действий вдоль стратегического фронта между морем и Вогезами [1]). Но кроме этих сквозных линий, в пределах театра существует много поперечных рельсовых путей небольшого протяжения, имеющих местное значение и облегчающих переброску войск на отдельных участках фронта.

Из рассмотрения железнодорожной сети театра видно, что она давала, как вследствие своей густоты, так и направления своих важнейших линий, значительные удобства для широких операций массовых армий, обеспечивая им и достаточное число тыловых рельсовых путей для подвоза, и поперечные пути для выполнения стратегических маневров и перегруппировок на широком фронте.

Крепости и укрепления. Театр обладал большим количеством крепостных сооружений различного типа, начиная от небольших отдельных фортов, имевших узкое значение—запереть какую-нибудь железнодорожную линию или горный проход, и кончая большими маневренными крепостями, занимавшими обширную площадь. Несмотря на это, существовавшую до войны, подготовку театра в инженерном отношении нельзя признать основательной и целесообразной, особенно, если принять во внимание план германского втор-

[1]) Таких линий могло быть избрано 6—7

жения во Францию, который уже давно был известен в общих чертах французам, и выполнение которого из года в год ожидалось ими при всяком международном осложнении.

Соответственно своему географическому положению и возлагавшимся на них стратегическим задачам, все эти укрепления могут быть разделены на четыре группы: а) бельгийская крепостная система, преграждавшая операционные пути, ведущие из рейнской провинции к морскому побережью и к северо-восточной границе Франции; б) внутренние крепости театра, разбросанные на путях от бельгийской границы к Парижу; в) система крепостей восточной границы Франции, преграждающая пути от Рейна через Вогезы и г) германские крепости Эльзас-Лотарингии.

Стратегическое значение каждой из этих групп, их состав и их оборонительное состояние перед войной были весьма различны.

Бельгийская группа состояла из передовой линии по р. Маасу и внутренних укреплений. Первую составляли две небольшие крепости-лагери, Льеж (Лютих) и Намюр, с промежуточным фортом у Гюи, на полпути между ними [1]). Назначение этих передовых укреплений заключалось в усилении оборонительных свойств реки, представляющей на этом участке своего течения серьезные затруднения для переправы. Предполагалось, что при наличности этих укреплений, неприятельской армии, вторгающейся из рейнской провинции в Бельгию, придется затратить много времени и усилий для форсирования Мааса и для обеспечения себе сквозного движения по железнодорожным линиям, запираемым этими укреплениями.

За этой оборонительной линией, в 90 километрах к северо-западу, расположена на р. Шельде большая современная маневренная крепость Антверпен, а впереди нее, на полпути до Мааса—двойной форт Диест, запиравший железнодорожную линию из Мастрихта. Антверпен лежит у северной границы Бельгии, в стороне от кратчайших операционных путей, ведущих из рейнской провинции

[1]) В 25 километрах от каждой из них.

внутрь страны и к ее столице, а потому не может иметь оборонительного значения в случае неприятельского вторжения с востока: он не усиливает оборонительной линии Мааса и не служит поддержкой ее укреплений. Неприятельские войска, переправившиеся через Маас, имеют возможность захватить столицу Бельгии и занять почти всю ее территорию, оставаясь вне непосредственного влияния этой крепости. Таким образом, в отношении этих операций [1]), Антверпен может иметь значение лишь редюита страны, последнего укрепленного убежища для бельгийской армии, понесшей поражение в полевом бою. Как увидим из дальнейшего, такова и оказалась в действительности его роль в этой войне [2]).

Вторая група укреплений театра, укреплений внутренней части последнего, состояла из большого числа самых разнообразных крепостных сооружений, разбросанных без всякой системы на огромной площади, между берегом моря, бельгийской границей и Маасом. Среди них лишь один Париж представлял собой обширную маневренную крепость значительной оборонительной силы, которой, при известных условиях, могло принадлежать большое стратегическое значение. Все же почти остальные крепости и укрепления этой групы принадлежали к числу старых, сохранившихся от прежних времен и утративших в современных условиях войны всякое боевое значение, или новых, недостроенных, неоконченных, а потому тоже не обладавших надлежащей обороноспособностью. Лишь несколько фортов, запиравших железнодорожные линии, ведущие из Бельгии и Люксембурга, соответствовали современным требованиям, хотя и не обладали большой силой сопротивления. К числу таковых относились: Мобеж (6 фортов и 7 промежуточных укреплений), сильнейшее из этих укреплений, в узле железных дорог, ведущих в долину р. Уазы из Бельгии со стороны Намюра, Брюсселя и Гента; Мезьер (форт Ле-Зайвель), пре-

[1]) Эти же соображения справедливы и в отношении неприятельского вторжения со стороны Франции.

[2]) Более подробное описание крепостей и фортов, подвергшихся атаке, будет приведено при изложении боевых действий.

граждавший железнодорожную линию Намюр—Реймс; Монмеди и Лонгви, запиравшие железную дорогуТрир—Седан.

Прочие крепости и форты, разбросанные вдоль бельгийской границы, каковы С. Омер, Эр, Лиль, Кенуа, Ландреси, Гирсон, Рокруа, Живэ, не обладали никакой обороноспособностью против современных средств нападения. Дюнкерк, как береговая, приморская крепость, не лишен серьезного значения, но, по своему положению, он не мог играть никакой роли в сухопутных операциях.

Далее, к югу, на путях к Парижу, были разбросаны слабые или старые укрепления Амьена, Перонна, Ла-Фэра (3 форта), Лаона (2 форта), Суассона и Реймса (10 фортов).

Французские гарнизоны, находившиеся в укрепленных пунктах рассматриваемой нами группы, в большинстве случаев покидали их до приближения противника или сдавали неприятельским войскам без сопротивления, в виду невозможности оборонять их под огнем современной артиллерии.

Таким образом, мы видим, что северо-восточная граница Франции оставалась неукрепленной; это об'ясняется французскими исследователями этой войны расчетом французского генерального штаба на нейтралитет Бельгии, который должен был прикрывать Францию и пути к Парижу с северс-востока. Едва ли возможно согласиться с таким об'яснением, потому что идея германского вторжения через Бельгию витала над Францией задолго до последней войны и, конечно, вероятный план этого наступления не мог быть неизвестен в общих чертах французскому генеральному штабу. Правильнее предположить, что это явилось результатом или непредусмотрительности военного ведомства, или перемены во взглядах французского высшего командования на стратегическую роль крепостей в современной войне. Быть может, с последним связывались намерения вести наступательную войну, хотя бы и с нарушением нейтралитета Бельгии, на что имеются некоторые намеки, как в плане войны, составленном французским генеральным штабом, так и в стратегическом развертывании французских армий. Однако, как увидим дальше, эти намерения не получили осуществления, и французам прин-

лось вести на северо-восточной границе Франции войну оборонительную и без крепостей.

Переходя теперь к рассмотрению крепостной системы восточной Франции, необходимо раньше всего отметить, что эта система была создана исключительно под впечатлением тяжких поражений 1870—71 г.г. и не имеет непосредственного отношения к военно-политической и стратегической обстановке, сложившейся перед последней войной. Франция, подвергшаяся в 1870 году неприятельскому вторжению с востока, разбитая и униженная, лишенная Эльзас-Лотарингии, естественно, после войны, в числе первых же мер по организации своей государственной обороны, поставила на очередь мощное укрепление своей восточной границы, которая, по условиям того времени, представляла собой наиболее уязвимое, самое больное место страны. И вот, в ближайшие годы, следующие за франко-прусской войной, осуществляется грандиозный проект генерала Серэ-де-Ривьера по созданию могучего барьера из крепостей вдоль эльзас-лотарингской границы [1]): строятся новые крепости, старые перестраиваются, создается целый ряд фортов, связывающих между собой обширные укрепленные лагери и запирающих железные дороги и горные проходы. Основная идея этого обширного инженерного плана состояла в том, чтобы держать всю пограничную зону вдоль восточной границы под огнем крепостных орудий, оставивши для наступления неприятельских войск лишь несколько узких интервалов в этой длинной цепи укреплений и вынудивши, таким образом, противника двигаться по заранее известным направлениям и путям. Этот план в полной мере был осуществлен только на протяжении 80 километров лотарингского фронта, где нет ни одной дороги, ведущей к границе, которая не находилась бы под огнем одного или даже двух укреплений.

---

[1]) Eugène Tenot. Nouvelles défences de la France, 1882. Серэ-де-Ривьер был председателем образованного в 1870 г. комитета по обороне страны. См. также général Maitrot, Nos frontières de l'Est et du Nord.

Главными опорными пунктами этой крепостной системы служили большие крепости-лагери Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор, промежутки между которыми были заполнены группами фортов и батарей, связывавших их в один непрерывный железный пояс. Этот пояс должен был, по замыслу Серэ-де-Ривьера, охватить всю границу Франции до морского берега, причем его участок, обращенный к Бельгии, должен был опираться на укрепления Реймса, Мобежа и Лиля. Однако, эта часть плана не была выполнена, укрепления эти не были закончены, и северо-восточный фронт остался неукрепленным.

Левый фланг восточного крепостного фронта опирался на крепость Верден, раскинувшуюся своими укреплениями (26 фортов, более 30 укреплений и батарей) на обоих берегах Мааса и запиравшую прямой железнодорожный путь от Меца на Шалон и Париж. Эта крепость прикрывает восточные выходы из Аргон, господствует над путями, ведущими к востоку от Мааса, и является надежным щитом для полевой армии, сосредоточивающейся на левом берегу этой реки. От Вердена на юг, вдоль Мааса, по его правому берегу, шла линия долговременных фортов: Женикур, Труайон, С.-Мьель (укрепления римского лагеря), Парош, Лиувиль и Жиронвиль, входя в связь с северными укреплениями крепости Туля, расположенной в излучине р. Мозеля, на железной дороге Нанси—Бар-ле-Дюк—Витри—Париж. Туль имел двойной ряд фортов, из коих три, сильно выдвинутые к востоку (С. Венсен, Маноивилер и Фруар), имели назначением прикрывать Нанси. Этот последний пункт не был укреплен перед войной, хотя укрепление его и предусматривалось общим планом постройки крепостей на восточной границе. Повидимому, захвату его неприятелем не придавалось большого значения при наличности в ближайшем тылу Туля. Однако, посещение этого города, во время осенних маневров 1912 г., русской военной миссией, обсуждавшей с высшими военными властями Франции его положение в случае войны с Германией, привело к решению немедленно же приступить к работам по созданию здесь долговременных укреплений; эти работы были вскоре начаты, но,

вследствие различных обстоятельств, не были закончены к началу войны и продолжались уже во время военных действий, до окончания маневренной войны, когда построенные укрепления вошли в общую линию позиционного фронта.

На юг от Туля, вдоль Мааса, находились форты: Паньи (на правом берегу реки) и Нэфшато (на левом берегу). Далее к югу, на обоих берегах Мозеля—обширная крепость Эпиналь, с системой весьма сильных фортов (50 километров в окружности). Промежуток между Тулем и Эпиналем, шириной в $\frac{2}{3}$ 65 километров, не имевший укреплений (так называемый шармский проход), считался наиболее слабым местом восточной границы Франции. Но по характеру местности он был трудно доступен для войск, наступающих с востока, почему и не был в действительности так слаб, как считали во Франции до войны, основываясь единственно на отсутствии здесь долговременных сооружений. Мозель ниже Эпиналя представляет собой сильную преграду (40—50 метров ширины), усиленную к тому же широким и глубоким каналом, идущим вдоль реки; широкая долина последней, открытая и плоская, имеет левый берег очень удобный для обороны, а фланги этого сильного в оборонительном отношении участка упираются в большие крепости (Туль и Эпиналь), выдвинутые форты которых своим огнем сокращают шармский проход до 40 километров. Такие свойства этого участка границы вполне учитывались германским генеральным штабом, который во время войны не поддался соблазну кажущейся легкости прорыва в этом направлении, предвидя вероятность здесь позиционной борьбы.

К югу от Эпиналя, вдоль верхнего Мозеля, шли форты: Арш, Ремиремон, Рю, Шато-Ламбер, Балон-де-Серванс (два последние—близ истоков Мозеля, у подножья главного хребта Вогезов) и Жироманьи; последний входил в связь с северными укреплениями Бельфора.

Крепость Бельфор — обширный укрепленный лагерь, имевший внутреннюю ограду и значительное число фортов и укреплений, разбросанных между горными отрогами Вогезов и р. Дуб. Далее, до швейцарской границы, были

расположены отдельные форты: де-ла-Шо, Мон-Бар и Ломон с батареями Рош.

Такова эта крепостная система, преграждавшая на протяжении около 250 километров кратчайшие операционные пути из Эльзас-Лотарингии к Парижу.

В тылу этой укрепленной линии, составляя как бы вторую, находились: незаконченная крепость Реймс (10 фортов, несколько батарей), Лангр—укрепленный лагерь на лангрском плато и крепости Дижон и Безансон; сильнейшая из них—последняя, имевшая цитадель и 12 фортов.

Наконец, последнюю, четвертую группу крепостей театра составляли германские крепости Эльзас-Лотарингии: Диденгофен (Тионвиль), долговременный форт, запиравший железные дороги Седан—Саарбрюкен (или Сааргемюнде) и Верден—Трир; Мец на Мозеле и Страсбург на Рейне, большие крепости-лагери современного типа; и Ней-Бризах, долговременный форт в Верхнем Эльзасе, преграждавший железную дорогу, идущую от восточного склона Вогезов через Кольмар к Рейну. Ни числом крепостей, ни расположением их эта группа не могла иметь назначения воспрепятствовать вторжению противника в Эльзас-Лотарингию и более соответствовала активным задачам германских войск, прикрывая их сосредоточение и развертывание на французской границе и обеспечивая их наступление к Маасу.

Значение отдельных участков театра военных действий.

Изложенное выше описание театра дает нам теперь возможность сделать оценку различных его участков (районов) в отношении к тем военно-политическим и стратегическим задачам, которые пред'являла война обеим воюющим сторонам.

Раньше всего обращает на себя внимание юго-восточная часть театра, примыкающая к Эльзас-Лотарингии и прикрытая со стороны последней двойным барьером—хребтом вогезских гор и сплошной линией крепостей и фортов от Вердена до швейцарской границы. Соответственно таким оборонительным свойствам, эта часть театра, естественно, являлась районом, предназначавшимся для пассивных действий, т.-е. для второстепенных боевых операций. Этот во-

сточный фронт приобретал для германцев именно такое значение, вследствие тех значительных затруднений, с которыми неизбежно было связано его форсирование при попытке вести наступление крупными силами из Эльзас-Лотарингии. Для французов же пассивный характер этой части театра вытекал из самой идеи мощного укрепления восточной границы, потому что, если бы французы признавали возможным развить широкие наступательные операции на этом участке своего фронта, то, конечно, не было бы никакой надобности создавать этот железный пояс крепостей, стоивший таких усилий и расходов.

Следовательно, ясно, что такие свойства этой части театра должны были побуждать ту сторону, которая являлась обороняющейся, прикрываться этим укрепленным участком фронта, как щитом, удерживая за ним лишь незначительную часть своих войск, чтобы иметь свои главные силы свободными для маневра вне крепостей. С другой стороны, армия наступающая, естественно, должна была обходить своими главными силами этот укрепленный фронт с целью скорейшего выполнения своей главной задачи—поражения живой силы противника в открытом поле. Уже самый характер этого района определял собой вероятный план стратегических действий обеих сторон на границе Эльзас-Лотарингии.

Иной характер имела северо-западная часть театра, обнимающая собой бельгийскую территорию и прилегающие к ней местности северной Франции: отсутствие здесь мощных укреплений и сильных оборонительных линий делали этот участок весьма пригодным для широких наступательных действий, для ведения маневренной войны, для вторжения крупных сил с той или другой стороны. Бельгийские крепости на Маасе были слишком слабы для того чтобы остановить подобный натиск; Антверпен же, как мы видели, расположен вне операционных путей, ведущих от Рейна через Бельгию в северную Францию.

Таким образом, эта часть театра—район активных действий, район главных боевых операций, которые должны были так или иначе решить исход вооруженной борьбы

поднявшихся друг на друга народов. Именно сюда, в эти местности, нестесненные оборонительными сооружениями и изобилующие разнообразными путями сообщения, должны были, естественно, стремиться своими главными силами обе враждующие стороны, чтобы в решительных сражениях маневренной войны испытать и свои силы, и свое стратегическое искусство.

Конечно, такие особенности этого района, а также нахождение в его пределах кратчайших и удобнейших путей к столице Франции, придавали ему первенствующее значение в отношении тех стратегических задач, которые должны были ставить себе обе стороны в этой войне.

Совершенно особенное значение имел приморский участок театра,—береговая полоса от Остенде до Булони. Это побережье должно было служить как бы связующим звеном между территориями двух держав, составлявших коалицию в борьбе против Германии. Здесь, в гаванях и портах Остенде, Дюнкерка, Кале и Булони, должна была поддерживаться непрерывная связь между вооруженными силами Англии и Франции; здесь пересекали французские и бельгийские берега кратчайшие пути, ведущие с британских островов к главным районам и пунктам театра военных действий. Естественно, что при столь важном стратегическом значении этого побережья, захват его, с целью разобщения союзников или затруднения им связи между собою, должен был сделаться одной из важнейших оперативных задач германской армии, вторгавшейся в пределы Бельгии и Франции. После разгрома неприятельской живой силы на путях к Парижу или в районе восточных крепостей, эта стратегическая задача могла считаться важнейшей в условиях той обстановки, в которой Германия вела войну с западной коалицией. Занявши это побережье, немцы не только лишили бы англичан прямого, кратчайшего сообщения с фронтом и вынудили бы их поддерживать с Францией связь кружным путем через Гавр или Брест, но и могли бы создать непосредственную угрозу для британских островов, как своим флотом, так и возможностью переброски своих войск через канал на английский берег. Понятно, что и то,

и другое могло бы затруднить взаимодействие союзников и ослабить военную мощь коалиции, тем более, что, порожденная этими условиями, забота Англии о своей собственной безопасности должна была отвлечь ее внимание от боевых задач на материке. И насколько захват этого побережья представлялся существенным для Германии, настолько удержание его в своих руках являлось необходимым для англо-французов.

Итак, мы видим, что уже одна оценка сравнительного значения различных участков или районов театра, а также главных предметов действий, заключавшихся в их пределах, выявляют нам, в общих чертах, основные идеи оперативных планов, которыми должны были задаться обе воюющие стороны.

IV. Вооруженные силы сторон.

Я уже говорил о том, что державы, принявшие участие в этой войне, в течение последних лет перед войной, как бы предусматривая неизбежность вооруженного столкновения, спешили развить и усовершенствовать свои армии. В краткий срок, с весны 1911 года по август 1913 года, в Германии, Франции и Бельгии были введены существенные изменения в составе и численности сухопутных вооруженных сил, направленные как к увеличению их боеспособности, так и к ускорению их перехода на военное положение. Одна лишь Англия оставалась при своей старой системе вербованных войск, дававшей ей весьма незначительный, по сравнению с другими державами, боевой контингент, который мог быть введен в дело с первых же дней войны. Однако, и в этой, столь консервативной в военном отношении стране уже раздавалась перед войной проповедь в пользу введения воинской повинности и увеличения состава сухопутных войск, причем, во главе этого знаменательного движения, направленного к нарушению вековых традиций британской военной системы, стоял один из популярнейших военных вождей Англии, престарелый, покрытый ранами и боевыми лаврами, фельдмаршал Робертс. Повидимому, могучий дух эпохи уже втягивал в круг вооруженных народов и выставляемых ими массовых армий этих упрямых, не склонных к военной деятельности островитян, до тех пор предпочитавших воевать во всех странах света, проливая не свою кровь, а кровь своих туземных подданных. Тем не менее, предубеждение против общеевропейской военной системы было еще столь велико в Англии, что нужны были исключительные условия этой войны и вся широта развернувшихся перед англичанами военно-политических задач, чтобы одо-

леть это предубеждение и привести нацию к сознанию необходимости пойти навстречу этой тяжкой жертве, отдать эту драгоценную дань потребностям своего времени.

Ознакомимся теперь последовательно с устройством и характером вооруженных сил всех четырех держав, воевавших на французском фронте.

1. Германская армия.

а) Общий характер германской армии.

Германская армия комплектовалась по всеобщей воинской повинности. Призывной возраст был установлен 20 летний; сроки службы: в действующих войсках—2 года (3—в конных частях), в резерве—4½ года (4 года в конных частях), а затем в ландвере 1-го призыва 5 лет и в ландвере 2-го призыва—8 лет. Таким образом, общий срок службы—19½ лет, с 20 до 39½ лет. После этого, отслужившие этот срок зачислялись в ландштурм 2-го призыва (ополчение) до 45-летнего возраста. В ландштурм зачислялись, кроме того, вообще все военнообязанные до своего призыва на действительную службу, с 17 до 20 лет. Эта категория молодых ландштурмистов дала германской армии при новых формированиях во время войны большое число добровольцев [1]).

Военнообязанные, освобожденные по разным случаям от призыва на действительную службу, но признанные годными по своим физическим качествам, зачислялись на 12½ лет в эрзац-резерв, а затем последовательно: до 39½ летнего возраста—в ландвер 2-го призыва или ландштурм 1-го призыва и до 45-летнего возраста в ландштурм 2-го призыва. Все же, признанные негодными по своим физическим качествам для службы в действующих войсках, зачислялись прямо в ландштурм 1-го призыва до 45-летнего возраста. Эти две категории, эрзац-резерв и ландштурм первого призыва, представляли собой необученные контингенты, почему во время войны, когда огромная потребность в лю-

[1]) Особенно много их было в новых формированиях (в резервных корпусах), принимавших участие в операциях во Фландрии в ноябре 1914 года.

дях вынудила привлечь в ряды армии и эти категории пришлось их обучать в запасных частях ранее отправления на фронт.

Германия никогда не исчерпывала всего своего запаса пригодных для службы людей, почему ежегодные контингенты призывных не заключали в себе всех достигших призывного возраста. Каждый год давал излишек военнообязанных, зачислявшихся в эрзац-резерв. Вследствие большого прироста населения, даже последовательное увеличение численности армии, в течение последних лет перед войной, не могло уничтожить этих излишков.

Германская армия комплектовалась по территориальной системе, с некоторыми исключениями для пограничных округов, в виду иноплеменного состава их населения. Вся территория Германии разделялась на 24 корпусных округа (21 общеимперский и 3 баварских). Корпусные округа делились на бригадные (от 4 до 7), эти последние—на ландверные.

Различные категории военнообязанных, указанные выше, служили для комплектования и различных категорий войск, из которых одни находились под знаменами и в мирное время, а другие призывались лишь при мобилизации. Люди действительной службы комплектовали постоянную армию мирного времени, резервисты пополняли эту армию при мобилизации до штатов военного времени; ландверисты обоих призывов комплектовали при мобилизации, а также в течение войны, особые резервные и ландверные войска, придаваемые к полевым частям постоянной армии; эрзац-резервисты и ландштурмисты 1-го призыва служили для пополнения убыли в полевых войсках; наконец, из ландштурмистов 2-го призыва формировали во время войны тыловые, гарнизонные части небоевого назначения.

Перед войной в Германии запас обученных людей был следующий: в постоянной армии мирного времени—761 тыс., в резерве—1.100 тыс, в ландвере 1-го призыва—919 тыс., в ландвере 2-го призыва—1.000 тыс. и в ландштурме 2-го призыва—1.120 тыс., а всего 4.900 тыс. Необученных: в эрзац-резерве—950 тыс., в ландштурме 1-го призыва: до-

призывного возраста—1.400 тыс., призывного возраста—1.700 тыс. и в ландштурме 2-го призыва—800 тыс., а всего—4.850 тыс. Весь же запас людей, который возможно было использовать для войны, в различных категориях войск, составлял около 10 миллионов человек.

Германская армия издавна пользовалась репутацией лучшей армии в Европе, обладавшей высокой боеспособностью и боевой готовностью, что вполне и подтвердила эта война с первых же своих дней. Такими своими ценными качествами эта армия, несомненно, была обязана отличному составу как своих офицеров, так и унтер-офицеров. Корпус офицеров обладал высоким образовательным уровнем, хорошей военной подготовкой, сильным корпоративным духом и прочными традициями, делавшими военную службу привлекательной и почетной. Унтер-офицерский состав получил свои отличные качества, благодаря широкой системе сверхсрочной службы, поощряемой различными мерами. Однако, запас этих двух категорий командного состава был недостаточен для удовлетворения потребностей военного времени, почему при новых формированиях пришлось привлекать на командные должности лиц, не вполне соответствовавших по своей боевой подготовке условиям современной войны.

Выдающееся значение для тактической подготовки и боеспособности армии имел германский генеральный штаб. Сложившийся исторически, окрепший в победоносных войнах, он был проникнут идеями великого Мольтке, долго и плодотворно работавшего над его усовершенствованием в течение многих лет своего пребывания начальником генерального штаба. Независимое и влиятельное положение в военном ведомстве, а также блестящий личный состав, проходивший очень тяжелую школу штабной и строевой службы, создали из германского генерального штаба могущественный орган по подготовке армии к войне. Его учителем и воспитателем (а вместе с тем и всей германской армии) в духе современной „большой войны“ был генерал граф Шлифен, занимавший должность начальника генерального штаба с 1891 по 1905 год. Он был истолкователем идей Мольтке в

применении их к новым условиям военно-политической обстановки, и ему же принадлежит замысел и разработка плана войны с Францией и Россией, лишь частично выполненный германцами в 1914 году. Шлифена заменил ген. Мольтке (племянник великого Мольтке), остававшийся на этом посту до мировой войны, развивавший положения, установленные Шлифеном, но не ознаменовавший своей деятельности довоенного времени чем-либо выдающимся [1]).

Из составных частей Германской империи самостоятельное военное управление имели: Пруссия, Бавария, Саксония и Вюртемберг; последние два государства—с некоторыми ограничениями в пользу императора; все остальные государства лишь выставляли свои войсковые части (от полков до дивизий), или пополняли своими людьми прусские войска. Верховным главнокомандующим всех вооруженных сил Германии, как в мирное, так и военное время, был император.

б) Военные законы 1911 и 1913 г.г.

Военные законы 27 марта 1911 г. и 2 июля 1913 г. внесли в состав и численность германской армии те последние изменения, с которыми она вступила в войну.

Закон 27 марта 1911 года коснулся, впрочем, не всех родов войск: пехота и конница, не считая мелких добавлений, не были увеличены; сильное развитие получили лишь вспомогательные войска—тяжелая артиллерия, пулеметные части, войска сообщений и связи (телеграфные, автомобильные, авиационные). Таким образом, постановления этого закона имели целью не внешнее расширение армии, а внутреннее ее усовершенствование, путем повышения технического снабжения войск. Обратно этому, закон 2 июля 1913 г. имел своей задачей увеличение размеров армии, развитием главного рода войск—пехоты и формированием новых тактических соединений. Впрочем, не все предусмотренные этим законом формирования удалось выполнить до войны.

---

[1]) Согласно одной из статей Версальского мирного договора, германский генеральный штаб был расформирован 1 октября 1919 года.

Согласно этому закону сформированы: из третьих дивизий I-го и XIV-го корпусов и лишних бригад некоторых других корпусов—два новых корпуса, XX-й—на русской и XXI-й—на французской границе; в 14 пехотных полках—третьи батальоны и новый пехотный полк в XII-м (Саксонском) корпусе, всего 17 батальонов; в артиллерии—24 легких батареи, а также несколько пулеметных рот. На все эти новые формирования потребовалось увеличение численности армии на 29.000 человек. Благодаря закону 1913 года, германская армия к лету 1914 года достигла численности в 761.000 чел., что, при населении в 67 миллионов, составляло 1,2% народонаселения.

в) Постоянная армия мирного времени.

Пехота: 217 полков (3-х батал. состава), 18 егерских и 2 морских батальона, а всего 671 батальон. Батальоны полков и морские имели по 4 роты, егерские—по 6 рот. В состав полков и егерских батальонов входили пулеметные роты (по 6 пулеметов) и команды—самокатная, саперная и телефонная. Полки были сведены, по 2 или 3, в 106 пехотных бригад, егерские батальоны частью были включены в состав бригад, частью приданы корпусам. Бригады, по 2 или 3, входили в состав дивизий.

Конница: 110 полков (105—5-ти эск., 5—4-х эск.) или 545 эскадронов. В каждом полку команды—самокатная, телеграфная и саперная. Полки, по 2, были сведены в 55 кавалерийских бригад; 4 гвардейские бригады составляли гвардейскую кавалерийскую дивизию, остальные бригады были приданы армейским дивизиям.

Артиллерия: а) *легкая*: 100 полков, каждый из 6 батарей, сведенных в два дивизиона; учебный полк, 9-ти батарейный и 11 конных дивизионов, каждый по 2 батареи. Всего 631 батарея, из коих 418—6-ти оруд., а 213—4-х оруд. состава, и все по 2 зарядных ящика. 2 артиллерийских полка составляли артиллерийскую бригаду (всего 50 бригад), входившую в состав армейской дивизии. Конно-артиллерийские дивизионы были причислены к 11-ти артиллерийским бригадам и

предназначались для придачи в военное время к 11 кавалерийским дивизиям. Из числа ездящих батарей было 63 гаубичных, входивших в состав 22 бригад, по одной на корпус. Всего в легкой артилерии 3.360 орудий (2.850 ездящих, 378 гаубиц и 132 конных). При каждом дивизионе содержалось по 1 легкому парку (21 зарядный ящик). б) *Тяжелая:* 7 бригад, учебный полк и отдельный батальон. Бригады—из 3—4 полков, 24 полка; полк из двух батальонов, батальон из 3—4 батарей. Всего 25 полков и отдельный батальон (51 батальон или 202 батареи). Батальоны имели на вооружении различное число орудий крупного калибра, частью в запряжке, частью не запряженных; из них и формировались в военное время тяжелые батареи, придававшиеся полевой армии.

Инженерные войска: 35 саперных батальонов 4-х ротн. состава; 34 железнодорожные роты, из коих 31 рота была сведена в 3 полка (2-х батал.) и 2 отдельных батальона; 9 телеграфных батальонов (по 3—4 роты каждый) и 8 крепостных телеграфных рот; 5 автомобильных рот; 5 авиационных батальонов (по 2—3 роты); 6 воздухоплавательных батальонов (по 2 роты).

Обозные войска: 25 дивизионов.

Высшие соединения. Вся армия подразделялась на 25 корпусов (гвардейский, I—XXI и 3 баварских); корпус состоял из двух армейских дивизий, 1 саперного батальона, 1 полка тяжелой артиллерии и 1 обозного дивизиона (в некоторых корпусах было по 2 саперных батальона, по 2 полка тяжелой артиллерии, по 1 егерскому батальону и по 1 пулеметному отделению; в гвардейском корпусе—гвардейская кавалерийская дивизия). Каждая из 50 армейских дивизий имела в своем составе: 2 пехотные, 1 кавалерийскую и 1 артиллерийскую бригады (в 6 дивизиях—по 3 пехотных бригады, в 3 дивизиях—по 2 кавалерийских бригады),

Нормальная численность по мирному составу: дивизии (12 батальонов, 10 эскадронов и 12 батарей)—около 12 тыс. чел. и 72 орудия; корпуса (25 батальонов, 20 эскадронов, 24 легких и 6—8 тяжелых батарей)—около 25 тыс. чел. и

144 легких орудия [1]) (из них 12—18 легких гаубиц). Некоторые дивизии и корпуса, в зависимости от придачи им дополнительных частей, имели несколько большую численность.

Общая численность армии к июлю 1914 года составляла: 671 батальон пехоты, 545 эскадронов, 631 легкая батарея (3.360 орудий), 202 тяжелые батареи, 861 пулемет, 61 инженерный батальон и 25 обозных дивизионов или 36.000 офицеров и 725.000 солдат.

Вооружение: а) пехотное магазинное ружье обр. 1898 г. и обр. 88/05 и б) кавалерийский карабин обр. 1898 г., оба—калибра 7,9 мил. (около 3 лин.), прицел на 2.000 м., предельная дальность 4.000 м., пуля остроконечная; в) пулемет Максима, калибр, патрон и дальность, как у ружья; г) легкая пушка обр. 1896 г., калибр 7,5 сант. (около 3 дм.), скорострельная, безоткатная, щитовая, с унитарным патроном, шрапнель и бризантная граната, дальность до 8.000 м.; д) легкая гаубица обр. 98/09, калибр. 10,5 сант., скорострельная, безоткатная, щитовая, шрапнель и граната, дальность 7.000 м. (для шрапнели) и 6.000 м. (для гранаты); е) 15-сант. тяжелая гаубица, безоткатная, скорострельная, дальность 7.500 м.; ж) 21-сант. мортира, скорострельная, безоткатная, дальность 8.000 м.; з) 10-сант. скорострельная пушка, безоткатная, дальность 10.300 м. (граната) и 8.300 м. (шрапнель). Кроме того, в крепостях находилось на вооружении большое число орудий разнообразных калибров и систем, частью уже устаревших.

Снабжение боевыми припасами. Носимый и возимый запас до корпусных парков включительно: на пехотное ружье—375, на кавалерийский карабин—115, на пулемет—12.000 патронов; на легкую пушку—372, на легкую гаубицу—224, на 15-ти сантиметровую гаубицу—432 и на 21-сантиметровую мортиру—77 выстрелов.

---

[1]) Число тяжелых орудий не было определено и было весьма разнообразно.

г) Мобилизованная армия.

Мобилизованная, по плану 1913 года, германская армия к окончанию мобилизации составляла следующие пять войсковых контингентов: 1) *полевые войска*, образовавшиеся из постоянной армии мирного времени, пополненной резервистами до штатов военного времени; 2) *резервные войска*, вновь сформированные из сильных кадров, выделенных полевыми войсками и пополненных резервистами и ландверистами 1-го призыва; 3) *ландверные* войска, образованные без кадров из ландвера обоих призывов; 4) *запасные* войска из эрзац-резервистов и ландштурмистов 1-го призыва и 5) *ландштурменные* войска из старых годов ландвера 2-го призыва и ландштурмистов 2-го призыва.

Полевые и резервные части образовали группу перволинейных войск, предназначенную для главных операций; из них, главным образом, и были составлены те полевые армии, которые вторглись в Бельгию и Францию и вели бои в течение всего первого, маневренного периода войны. В дальнейшем ходе операций, когда выяснилась необходимость широкого развития, выставленных в поле, вооруженных сил, из последних трех категорий постепенно тоже стали формировать высшие соединения и включать их в состав полевых армий. Впрочем, главная масса таких формирований была использована немцами на восточном фронте, против наших войск; на французском же они встречались в небольшом количестве.

I. *Перволинейные войска* (полевые и резервные) имели следующий состав, численность и организацию.

1) *Пехота*: 218 полевых, 113 резервных и 3 морских полка (все—3-х батал.), 18 полевых егерских и 30 резервных егерских батальонов; всего—1.050 батальонов. Полевые полки и полевые егерские батальоны имели по 1 пулеметной роте, всего при пехоте было 237 рот или 1.422 пулемета. Резервные части при мобилизации пулеметов не получили [1]).

[1]) Впоследствии, повидимому, для снабжения резервных частей пулеметами были использованы 15 крепостных пулеметных рот, но к окончанию мобилизации эти роты еще оставались в крепостях.

2) *Конница:* 110 полевых (4-х эск.) [1]) и 34 резервных (3-х эск.) полков; всего—552 эскадрона.

Артиллерия: а) *легкая*—102 полевых и 30 резервных полков, все по 6 батарей, сведенных в 2 дивизиона. Батарея—6 орудий и 6 зарядных ящиков. Всего 792 батареи или 4.752 орудия; из этого числа: 619 батарей были вооружены пушкой 7,9 сантиметровой, а 173 батареи—гаубицей 10,5 сантиметровой. Каждый дивизион имел легкий парк из 2-х шрапнельных (12 зарядных ящиков) и 1 гранатного (9 зарядных ящиков) отделений.

б) *Конная*. 11 дивизионов по 2 батареи; батарея—4 орудия и 4 зарядных ящика. При каждом дивизионе—легкий парк того же состава, как и в легких дивизионах.

в) *Тяжелая*. Содержавшиеся в мирное время 25 полков и отдельный батальон образовали *полевую тяжелую артиллерию*: 25 батальонов тяжелых 15-сант. гаубиц обр. 1902 г. (каждый батальон из 4-х батарей по 4 орудия и 208 зарядных ящиков), составивших тяжелую артиллерию полевых корпусов; и 18 батальонов тяжелых 21-сант. мортир обр. 1911 г. (каждый батальон из 2-х батарей по 4 орудия и 100 зарядных ящиков), образовавших армейскую тяжелую артилерию. После этих формирований, в сухопутных и морских крепостях Германии оставалось еще несколько батальонов тяжелой артилерии с орудиями крупных калибров, от 10 до 21 сант., частью запряженных, частью позиционных; их использовали впоследствии для действий под крепостями и для новых формирований. Вне этой организации находилось несколько 38-сант. пушек и 42-сант. мортир, употреблявшихся в случаях, требовавших особенно сильного разрушительного действия.

Для резервных корпусов было сформировано при полевых полках тяжелой артиллерии 55 батальонов или 220 батарей, вооружение коих было более разнообразное и устарелое, чем тяжелых батарей полевых корпусов. В общем, вся тяжелая артиллерия перволинейных войск состояла из 422 батарей или 1.688 тяжелых орудий.

---

[1]) 5-е эскадроны оставались на местах в качестве запасных.

4) *Инженерные войска*: 90 саперных батальонов, 104 понтонных парка и 11 конно-саперных отделений; 105 железнодорожных рот; армейские и корпусные телеграфно-телефонные, дивизионные и крепостные телефонные и армейские, корпусные и дивизионные искровые отделения, сформированные из телеграфных и телефонных частей мирного времени; автомобильных формирований не было, потому что мобилизация автомобильных частей была основана на реквизиции частных машин; на каждый корпус и управление армии было сформировано по одному авиационному отделению (6 апаратов); воздухоплавательные батальоны образовали несколько полевых воздухоплавательных отделений (змейковые аэростаты), отделений дирижаблей и крепостные воздухоплавательные отряды. Отряды цепеллинов не входили в общую организацию.

5) *Артиллерийские парки*. Из хранившегося в складах имущества вновь сформировано: на каждую полевую артиллерийскую бригаду по 1 парковому дивизиону, из 5 артиллерийских (по 21 зарядному ящику) и 2 пехотных (по 24 патронных ящика) парков; на каждый корпус по 2 парковых дивизиона такого же состава и по 2 этапных парка (по 50 повозок) для подвоза от головных железнодорожных станций.

6) *Обозные войска*: 25 обозных дивизионов мирного времени сформировали целый ряд полевых обозных рот, провиантских транспортов, полевых хлебопекарен и других обозных частей.

7) *Высшие соединения*. Полевые войска (кроме конницы) сохранили свою корпусную и дивизионную организацию мирного времени: 25 корпусов 2-х дивиз. состава и 50 дивизий 2-х бриг. состава (кроме одной 3-х бриг.), всего 101 пехотная бригада. Остальные 5 пехотных бригад, вместе с 106 резервными пехотными полками, образовали 29 резервных дивизий[1]), которые составили 14 резервных (2-х ди-

---

[1]) В категорию резервных дивизий и в число этих 29-ти входила вновь сформированная при мобилизации 3-я гвардейская пехотная дивизия.

виз.) корпусов и 1 отдельную дивизию. Следовательно, всех перволинейных корпусов было 39, дивизий—79 (из них 1—отдельная), пехотных бригад—162 (из них 3—отдельные) и пехотных полков—333 (из них 4 отдельные). Конница видоизменила свою организацию: из 110 полков—68 образовали 11 кавалерийских дивизий, составивших самостоятельную (стратегическую) конницу, остальные 42 полевых и 34 резервных образовали дивизионную кавалерию. 10 кавалерийских дивизий были сведены в 4 кавалерийские корпуса (2—по две и 2—по три дивизии).

Состав армейского корпуса: 2 дивизии, рота сапер, батальон тяжелой артиллерии (16 орудий и легкий парк), телеграфное, телефонное, искровое, авиационное и воздухоплавательное отделения, 2 парковых дивизиона, полевая хлебопекарня, понтонный парк, 13 интендантских транспортов, 12 полевых госпиталей [1]).

Состав армейской дивизии: 2 пехотных бригады, легкая артиллерийская бригада, полк (дивизион) конницы, саперная рота с понтонным парком, 1—2 полевых лазарета, телефонное отделение, прожекторный взвод.

Состав кавалерийской дивизии: 3 кавалерийских бригады, егерский батальон (с 1—2 самокатными ротами), конно-артиллерийский дивизион, пулеметная батарея, конно-саперное отделение, конно-телеграфный взвод, искровая станция.

Общее количество мобилизованных перволинейных войск составляло: 1.050 батальонов, 552 эскадрона, 814 легких и конных батарей (4.840 орудий), 422 тяжелых батареи (1.688 орудий), 90 батальонов, 147 рот и 104 парка инженерных войск, 893 артиллерийских парка и 1.840 пулеметов, а всего 52.994 офицера и 1.834.097 солдат.

II. *Второлинейные войска* (ландверные, запасные и ландштурменные) образовали к окончанию мобилизации следующие части:

а) *Пехота*—97 ландверных (4-х батал.) полков (без пулеметов), 833 запасных, 476 ландштурменных и 207 ланд-

---

[1]) В некоторых корпусах было, кроме того, по одному егерскому батальону.

штурменных запасных батальонов (с рекрутским депо), всего 1.904 батальона; б) *конница*—63 ландверных, 128 запасных (с рекрутским депо; 110 эскадронов из 5-х эскадронов полевых полков) и 87 ландштурменных эскадронов, а всего 278 эскадронов; в) *артиллерия*—88 ландверных, 435 запасных (с рекрутским депо) и 34 ландштурменные легкие батареи разнообразного состава (4—6 орудий); 36 ландверных (147 батарей), 36 запасных, с рекрутским депо (154 батареи) и 20 ландштурменных (71 батарея) батальонов тяжелой артиллерии; всего 557 легких батарей (3.242 орудия) и 372 тяжелые батареи (1.488 тяжелых орудий устаревших образцов); г) *инженерные войска*—48 ландверных саперных рот и 26 запасных саперных батальонов.

Из второлинейных войск образовали к началу военных действий лишь 29 ландверных и 15 эрзац-резервных дивизий; остальные высшие соединения были сформированы впоследствии, по мере привлечения этих войск в состав армий.

III. *Общий состав и численность мобилизованной армии* к окончанию мобилизации (39 корпусов, 11 кавалерийских, 1 резервная, 29 ландверных и 15 эрзац-резервных дивизий, а всего 123 дивизии): 2.954 батальона пехоты, 830 эскадронов, 1.371 легкая батарея (8.082 легких орудия), 794 тяжелые батареи (3.176 тяжелых орудий), 1.840 пулеметов, 116 батальонов, 195 рот и 104 парка инженерных войск, 893 артиллерийских парка. Итого 112.233 офицера и 4.103.720 солдат.

д) Дальнейшие формирования.

От окончания мобилизации и до установления позиционной войны, т.-е. до середины ноября 1914 года, в Германии были вновь сформированы следующие войсковые части: 52 резервных пехотных полка (из эрзац-резервистов и добровольцев), 13 резервных егерских батальонов, 13 резервных кавалерийских дивизионов (2-х эск.), 13 резервных полков легкой артиллерии (3-х дивиз., по 9 батарей 4-х оруд.), 3 морских артиллерийских полка (по 6 батарей 4-х оруд.), 7 батальонов тяжелой артиллерии (по 1 батарее из 4-х орудий) и 13 ре-

зервных саперных рот. Эти войска, кроме морских артиллерийских полков и тяжелой артиллерии, образовали 13 резервных дивизий так называемой 1-й серии, каждая из 4-х пехотных полков, егерского батальона, артиллерийского полка, кавалерийского дивизиона и саперной роты. Из этих дивизий были сформированы 6 новых резервных корпусов (XXII резервный—XXVII резервный), а одна дивизия (6-я баварская) оставалась отдельной. Общая численность этих новых формирований: 169 батальонов пехоты, 26 эскадронов, 135 легких батарей (540 легких орудий), 7 тяжелых батарей (28 тяжелых орудий) и 13 саперных рот, всего — 5.650 офицеров, 208.590 солдат.

Присоединивши сюда 2 морские дивизии, сформированные из морской пехоты, мы получим, что к концу маневренного периода войны германцы имели 138 дивизий.

е) Заключение.

Из сведений о германской армии видно, что эта армия получила при мобилизации весьма широкое развитие. Если принимать во внимание даже одни перволинейные войска, то и в этом случае армия мирного времени увеличивала свою численность втрое, причем пехота почти удваивала число своих батальонов, а тяжелая артиллерия число своих батарей, легкая артиллерия усиливалась на одну треть, а число пулеметов увеличилось более, чем вдвое. Сравнивая же общую численность мобилизованной армии с численностью войск мирного времени, мы видим, что общее увеличение германских вооруженных сил при мобилизации достигало огромных размеров: численность людей возросла в 5 раз, число пехотных батальонов—в $4^1/_2$ раза, число легких батарей—более, чем вдвое, а тяжелых батарей—вчетверо.

Столь значительное развитие армии, выполненное в короткий мобилизационный срок, свидетельствует о высоких достоинствах германской военной системы, об умении немцев использовать имевшиеся у них средства, о точности их расчетов, об их организаторских способностях.

Однако, все операции изучаемого нами периода войны были проведены немцами, главным образом, своими перво-

линейными войсками; огромная же масса второлинейных войск оставалась в течение этого времени молоиспользованной и получила полное применение уже в дальнейшем ходе войны. Численность перволинейных войск была сама по себе настолько велика, а фронт, на котором им предстояло развертываться и наступать, настолько тесен, что естественно приходилось держать главную массу второлинейных войск до поры до времени в тылу, пользуясь ею как резервом для подкрепления полевых армий и для заполнения в этих армиях тех широких брешей, которые пробивали в них многодневные, упорные бои. Так, к концу ноября 1914 года из 1.904 батальонов этих войск было введено в дело на обоих фронтах, западном и восточном, лишь 697 батальонов.

2. Французская армия.

а) Общий характер французской армии.

Французская армия, подобно германской, комплектовалась тоже по всеобщей воинской повинности. Призывной возраст в армию был 20-летний. Сроки службы были установлены следующие: на действительной службе в постоянной армии — 3 года, в резерве постоянной армии — 11 лет, в территориальной армии и ее резерве по 7 лет, а всего—28 лет.

Территориальная армия представляла собой категорию второлинейных войск, не содержавшихся в мирное время, но формировавшихся при мобилизации по заранее составленному плану из людей соответствующей категории (т. е. отслуживших свой срок в постоянной армии и ее резерве). Резерв, как постоянной, так и территориальной армии, служил для пополнения при мобилизации и той, и другой до штатов военного времени.

Постоянная армия мирного времени комплектовалась по территориальной системе: вся территория Франции и Алжира была разделена на 20 корпусных округов; каждый корпусный округ — на 2 дивизионных, дивизионный — на 2 бригадных, а бригадный — на 2 военных отдела.

Число военнообязанных, которыми располагала Франция к началу войны, составляло (с постоянной армией) 4.829.000 человек, из коих обученных (т.-е. прошедших через ряды армии) около 4.500 тысяч. Запас командного состава, офицеров и унтер-офицеров, считался достаточным для удовлетворения мобилизационной потребности армии; однако, затянувшаяся война создала, конечно, и для французской армии значительные затруднения в пополнении потерь в командном составе.

К 1914 году французская армия успела уже давно залечить свои раны, нанесенные ей поражениями 1870—71 г.г., и хотя еще не вполне освободилась от морального гнета, являвшегося результатом сознаваемого ею превосходства германской военной системы, но все же была одушевлена бодрым, героическим настроением. Неутолимая же жажда мести за унижения 1870—71 г.г. побуждала французов напрягать все свои силы, все свои творческие способности для того, чтобы использовать весь неугасший еще пламень французского военного гения на усовершенствование и усиление своей армии. И эта армия в действительности достигла высокого уровня боеспособности и, как показала эта война, явилась достойным соперником своего восточного соседа.

Подготовкой к войне ведал во Франции высший военный совет, составленный из наиболее опытных генералов, предназначавшихся в военное время на высшие командные должности; председатель этого совета (он же начальник генерального штаба) предназначался на пост главнокомандующего [1]). Каждый из членов совета имел в своем ведении какой-нибудь отдел подготовки, и кроме того, обязан был ежегодно проверять боевую готовность тех войск, которые должны были, с об'явлением войны, поступить под его командование.

Что касается офицерского состава, то, по своей военной подготовке и общему образованию, он не только не уступал

---

[1]) К началу войны председателем высшего военного совета был генерал Жоффр.

корпусу германских офицеров, но даже в некоторых отношениях превосходил его. Однако, ему недоставало немецкой сплоченности, корпоративности, однообразия взглядов, настроений и традиций, чем было так сильно и крепко, так цельно, как монолит, офицерство германское. Почти то же можно сказать и о французских унтер-офицерах; система сверхсрочной службы, с ее мерами поощрения в виде наград, денежных премий и пенсий, широко применялась во французской армии: нормально две трети штатного состава унтер-офицеров замещались сверхсрочными. Тем не менее, французские унтер-офицеры, опять таки вследствие национальных особенностей, уступали германским, придававшим такой устойчивый характер германским приемам обучения и воспитания войск.

б) Военный закон 7-го августа 1913 г. Уже задолго до войны Франция была сильно озабочена постепенно возраставшими затруднениями в развитии своих вооруженных сил вообще и увеличении численности своей постоянной армии в частности, проистекавшими из прогрессивно уменьшавшейся рождаемости населения. Неудержимый рост вооруженных сил держав тройственного союза и мощное развитие германского милитаризма, естественно, побуждали французов принимать всевозможные меры не только для усовершенствования своей военной системы, но и для внешнего расширения своей армии. Однако, в числе этих мер лишь одна могла дать существенные результаты; эта мера—увеличение ежегодного числа призываемых в армию. Только увеличивая из года в год контингент новобранцев, возможно было обеспечить постепенное увеличение численности постоянной армии и резерва и не отставать в этом отношении от своих вероятных противников. Между тем, именно эта мера была неосуществима для французов, вследствие слабого прироста населения, к тому же уменьшавшегося с годами.

Этот вопрос особенно остро стал перед Францией в последние годы, когда грозный призрак большой европейской войны уже волновал умы в Европе, уже заставлял

одну державу за другой напрягать все свои силы для достижения военного превосходства над соседом. И в этих условиях Франция решается на героическую меру—переход от двухлетнего к трехлетнему сроку службы, что должно было сразу же увеличить численность постоянной армии на одну треть и соответственно ускорить и облегчить приведение ее на военное положение.

Военный закон, установивший эту меру, столь непопулярную в широких кругах населения, был принят французским парламентом 7 августа 1913 г. с поразительным единодушием, свидетельствовавшим о ясном понимании французами условий создавшейся международной обстановки. Эта мера дала им возможность, еще до наступления войны, усилить пограничные гарнизоны, доведением состава рот до 200 человек.

Однако, французскому правительству не удалось задержать старший возрастный класс на 3-й год, почему для перехода к трех-возрастной армии пришлось осенью 1913 года призвать под знамена сразу два возраста, что дало контингент новобранцев в 445 тыс. чел. Эта мера дала возможность довести армию в 1914 году до 776 тыс. чел. (без туземных войск). Всего же, к началу войны французская армия, с туземными войсками, составляла 863.000 чел. (из коих 32 тыс. офицеров). Эта численность вызывала такое колоссальное напряжение сил страны, составляя при 39 мил. ее населения около 2% от него (не считая африканских войск), что ясна была невозможность для Франции вынести эту тягость более 2—3 лет. Поэтому, независимо от политических условий, одно это указывало на расчеты французов вести войну в ближайшие же годы, что определенно учитывалось германским генеральным штабом в его подготовке к войне.

в) Постоянная армия мирного времени.

Постоянная армия французской республики имела следующий состав и организацию.

Пехота: 163 линейных полка (39—4-х батал., остальные—3-х батал.), 30 стрелковых батальонов (6-ти ротн.) и африканские части, формировавшиеся из туземцев

(10 полков, 5 батальонов и 8 рот); всего—618 батальонов и 8 отдельных рот. При каждом батальоне состояло пулеметное отделение из 2-х пулеметов и различные специальные команды (самокатные, саперные, телефонные).

Конница: 79 европейских, 10 африканских полков и 2 отдельных африканских эскадрона, все полки 5-эск.; всего—447 эскадронов. Из европейских полков 42 были сведены, по 2—3 полка, в 19 кавалерийских бригад, по одной на каждый европейский корпус; остальные 37 полков составляли 8 кавалерийских дивизий [1]). При каждой бригаде—пулеметное отделение, при каждом полку—специальные команды (телеграфные, саперные, понтонные).

Артилерия: а) *легкая*: 62 полевых полка, 5 африканских (4-х батар.) дивизионов и 2 горных полка. Из числа полевых полков—20 полков, каждый из 12 батарей или четырех дивизионов, составляли корпусную артилерию; 42 полка, 9-ти батар. или 3-х дивиз. состава, входили в состав пехотных дивизий. Кроме батарей постоянного состава, по полевым полкам были расписаны 16 конных и 21 гаубичная (155 мил.) батареи. Горные полки имели 7 или 8 батарей. Все полевые полки были сведены в 20 артилерийских бригад (полк корпусной и 2 полка дивизионной артиллерии), по одной на европейский корпус и парижское генерал-губернаторство. Состав батарей: полевой—4 орудия и 12 зарядных ящиков, горной—6 орудий. Всего было легких батарей: ездящих 655, конных—16, горных—19, итого 690 или 2.798 орудий.

б) *Крепостная*: 11 полков разнообразного состава и 2 африканских (4-х батар.) дивизиона. Всего батарей: европейских—89 (51—сухопутная и 38—береговых) и африканских—8. Все они были распределены по крепостям и фортам, причем часть из них была предназначена для формирования в военное время осадной артиллерии. Таким образом, собственно полевой тяжелой артиллерии во француз-

---

[1]) Законом 7-го августа 1913 года установлено образование двух новых кавалерийских дивизий, которые были сформированы в 1914 году в период мобилизации.

ской армии не было. Артиллерийских парков в мирное время тоже не было; все потребное для их формирования имущество хранилось в складах.

Инженерные войска: 6 саперных и 1 железнодорожный полк; саперные полки из 3—4 батальонов; железнодорожный—4 батальона (телеграфный и 3 железнодорожных). Всего—26 батальонов. В составе двух саперных полков содержалось 6 воздухоплавательных рот.

Обозные войска: 20 эскадронов, по одному на корпус и 12 рот для африканских частей.

Колониальные войска, комплектовавшиеся французскими гражданами колоний и находившиеся на службе во Франции: 12 пехотных полков (по 3 батальона) и 3 артиллерийских полка (по 12 батарей—6 ездящих и 6 крепостных); всего—36 батальонов и 36 батарей (144 орудия) [1]).

Высшие соединения. Все войска мирного времени были сведены в 21 корпус (19 европейских, 1 алжирский и 1 колониальный). Каждый европейский корпус состоял из 2-х пехотных дивизий (кроме двух, имевших по 3 дивизии), 1 стрелкового батальона, 1 кавалерийской бригады, 1 артиллерийской бригады, 1 саперного батальона, 1 обозного эскадрона. Алжирский (19-й) корпус имел 4 пехотные дивизии (3 алжирских и 1 тунисскую), колониальный—3 пехотные дивизии. Всех дивизий было: пехотных—47, кавалерийских—8. Пехотная дивизия состояла из 2-х пехотных бригад и одного 9-ти батар. артилерийского полка; кавалерийская из 2—3 конных бригад и конно-артиллерийского дивизиона (2-х батар.); пехотная бригада из двух, кавалерийская—из 2—3 полков. Общее число бригад: пехотных—94, кавалерийских—38.

Нормальная численность по мирному составу пехотной дивизии (12 батальонов, 9 батарей)—около 7.500 чел. и 36 орудий, корпуса (25 пехотных батальонов, 8 эскадронов, 30 батарей, 1 саперный батальон и 1 обозный эскадрон)—около 24 тыс. чел. и 120 орудий (из них 4 гаубицы 155 мил.).

Общая численность армии к июлю 1914 года составляла—

---

[1]) Из них легких—54.

656 батальонов пехоты, 447 эскадронов, 707 легких батарей (2.864 орудия), 107 крепостных батарей, 1.314 пулеметов, 26 инженерных батальонов, 20 обозных эскадронов и 12 обозных рот, или 32.000 офицеров и 831.000 солдат.

Вооружение: а) пехотное магазинное ружье обр. 1886 г. и б) кавалерийский карабин обр. 1890 г., оба—калибра 8 мил. (около 3 лин.), прицел на 2.000 м., пуля—остроконечная; предельная дальность пехотного ружья—4.400 м.; в) пулемет Гочкиса; калибр и пуля, как у пехотного ружья; г) легкая пушка калибра 75 мил., скорострельная, безоткатная, щитовая; предельная дальность—8.500 м.; д) легкая гаубица Римольо, калибра 155 мил., разборная, скорострельная; предельная дальность—6.000 м.; е) горная пушка обр. 1906 г., калибр—65 мил., дальность—5.000 м.

В крепостях находилось много крепостных орудий разнообразных калибров.

Снабжение боевыми припасами. Носимый и возимый запас: на пехотное ружье—296, на кавалерийский карабин—66 патронов, на легкое орудие—522 выстрела.

г) Мобилизованная армия. К окончанию мобилизации французские сухопутные вооруженные силы образовали следующие три категории войск: 1) *полевые (крепостные) войска,* образовавшиеся из частей постоянной армии, пополненных резервистами до штатов военного времени; 2) *резервные войска,* вновь сформированные из кадров, выделенных полевыми частями и пополненных людьми резерва; и 3) *территориальные войска,* вновь сформированные из людей, состоявших на учете территориальной армии и ее резерва.

Полевые (крепостные) и резервные войска составляли группу перволинейных войск, предназначавшихся для ведения главных военных операций; территориальные же войска служили для образования второлинейных частей, употреблявшихся для службы в тылу и на сообщениях. Те французские армии, которые сражались в течение первого, маневренного периода войны, состояли главным образом из перволинейных войск. Территориальные части были использованы для перволинейных формирований уже позже,

в дальнейшем ходе войны, когда значительные потери в армиях вызвали потребность в крупных пополнениях на фронте.

I. *Перволинейные войска* (полевые и резервные) имели следующий состав и организацию.

1) *Пехота*: 163 линейных и 145 резервных полков (все—3-х батал.), 30 стрелковых (6-ти ротн.) и 30 резервных стрелковых (4-х ротн.) и 39 крепостных (4-х ротн.) [1]) батальонов, 10 африканских полков (разнообразного состава), 5 африканских батальонов (6-ти ротн.) и 8 отдельных африканских рот, всего 1.083 батальона и 8 отдельных рот. При батальонах полевых войск—по пулеметному отделению из 2-х пулеметов; были ли приданы при мобилизации и в каком числе пулеметы к резервным батальонам, сведений нет. Таким образом, число пулеметов приходится принять то, которое показано для мирного времени.

2) *Конница*: 79 полевых, 42 резервных и 10 африканских полков (все 4-х эск.) [2]), 24 отдельных резервных и 2 отдельных африканских эскадрона, всего—550 эскадронов.

3) *Артиллерия*: а) *Легкая*—62 полевых (20—по 12, 42—по 9 батарей) и 2 горных полка (15 батарей), 5 африканских (4-х батар.) и 100 резервных (3-х батар.) дивизионов, 21 отдельная 155-мил. батарея; всего—974 батареи (3.934 орудия).

б) *Конная*—8 дивизионов по 2 батареи, всего 16 батарей (64 орудия). Дивизионы придавались, по одному, к каждой из 8 кавалерийских дивизий.

в) *Крепостная*—89 батарей (51 сухопутная и 38 береговых), находившихся на вооружении крепостей и отдельных фортов. Часть этих батарей была использована в качестве позиционной артиллерии на полевых укрепленных позициях.

4) *Инженерные войска* остались в том же составе, как и в мирное время; каждый корпус получил при мобилизации по 3 саперных роты, из коих две предназначались для дивизий. Остальные инженерные части поступили в ведение высших штабов или специальных органов.

---

[1]) Из четвертых батальонов 39 полевых полков.

[2]) Пятые эскадроны оставались на местах в качестве депо.

5) *Артиллерийские парки* не имели кадров; при каждой из 20 артиллерийских бригад формировалось по одному корпусному артиллерийскому парку из 3-х эшелонов; для каждой армии формировалось по одному парку из 4-х эшелонов.

6) *Обозные войска*: 20 обозных эскадронов и 12 обозных рот, содержавшиеся в мирное время, удваивали свой состав.

7) *Колониальные войска* оставались в том же составе, как и в мирное время.

8) *Высшие соединения*. Полевые войска, в общем, сохранили свою корпусную и дивизионную организацию мирного времени, с тем лишь изменением, что в районе Нанси был сформирован, из третьей дивизии 7-го корпуса и некоторых лишних частей других корпусов, новый, 21-й корпус, а в состав некоторых корпусов были введены резервные пехотные бригады, каждая из двух полков [1]). Кроме того, артилерийские полки дивизионной артиллерии, входившие в мирное время вместе с полками корпусной артиллерии в состав артиллерийских бригад, приданных корпусам, с мобилизацией были выделены из состава этих бригад; таким образом, в непосредственном распоряжении командира корпуса оставался лишь полк корпусной артиллерии (12 батарей, 48 орудий). Резервные войска, кроме пехотных бригад, включенных в состав копусов, образовали в период мобилизации 26 отдельных резервных дивизий, которые в различном числе вводились в состав полевых армий. В конице был сформирован один 3-х дивизионный корпус, остальные дивизии, частью оставались отдельными, а частью, по мере надобности, сводились временно в корпуса.

Состав корпуса: 2 пехотные дивизии, резервная пехотная бригада, кавалерийская бригада, 1 артиллерийский полк (48 орудий), 1 саперная рота, 1 обозный эскадрон, 1 артиллерийский парк.

Состав пехотной дивизии: 2 пехотные бригады, 1 эскадрон, 1 артиллерийский полк (36 орудий) [2]), 1 саперная рота.

---

[1]) Всего 72 резервных батальона, соответствовавшие 6-ти резервным дивизиям.

[2]) В резервных дивизиях—по дивизиону (12 орудий).

Состав кавалерийской дивизии: 2—3 кавалерийские бригады, конно-артиллерийский дивизион (8 орудий).

Общее количество мобилизованных перволинейных войск было следующее: 1.121 батальон пехоты, 550 эскадронов, 1.008 легких и конных батарей (4.052 орудия), 107 крепостных батарей, 1.314 пулеметов, 26 инженерных батальонов, 20 обозных эскадронов и 24 обозных роты, а всего 56.000 офицеров, 1.800.000 солдат.

II. *Второлинейные войска* (территориальные, таможенная и лесная стража) образовали к концу мобилизации следующие части:

а) *Пехота* — 145 территориальных полков (разнообразного состава), 7 стрелковых территориальных, 38 таможенных и 12 африканских батальонов и 63 отдельные роты таможенной и лесной стражи, всего—782 батальона и 63 отдельные роты; б) *конница*—36 европейских и 3 африканских егерских эскадрона, всего 39 эскадронов; в) *артиллерия*—39 легких (2-х батар.) дивизионов, всего—78 батарей (312 орудий); г) *инженерные войска*—21 саперный батальон (4-х ротн. состава).

Второлинейные войска образовали 13 отдельных территориальных дивизий, включавшихся, смотря по надобности, в состав полевых армий.

III. *Общий состав и численность мобилизованной армии к* окончанию мобилизации: 1.919 батальонов пехоты, 589 эскадронов, 1.086 легких батарей (4.364 орудия), 107 крепостных батарей, 1.314 пулеметов, 47 инженерных батальонов, 20 обозных эскадронов и 24 обозных роты. Итого 75.000 офицеров, 2.500.000 солдат.

Это составляло дивизий: 79 перволинейных (47 полевых, 26 резервных дивизий и 12 резервных бригад в корпусах) и 13 территориальных. В течение августа было сформировано еще 32 резервные дивизии.

О дальнейших формированиях, произведенных с конца августа до установления позиционной войны, сведений не имеется, но таковые формирования, несомненно, производились, главным образом, в отношении территориальных войск и частей полевой тяжелой артиллерии.

3. Английская армия.

а) Общий характер английской армии.

Сухопутные вооруженные силы Англии, как по своему общему характеру, так и по своему составу и организации, были совершенно не похожи на германскую и французскую армии, которые, как мы видели, были устроены, в общих чертах, на одинаковых началах. Построенная не на принципе всеобщей воинской повинности, а комплектуемая по системе вербовки, английская армия, естественно, должна была получить и иные внешние формы и иное внутреннее устройство, сравнительно с другими европейскими армиями.

До последней войны Англия упорно держалась своей традиционной военной системы; и несмотря на то, что в последние годы перед войной в стране зародилось идейное течение в пользу введения всеобщей воинской повинности, вопрос этот не получил до войны никакого движения.

Эта отсталость в строительстве сухопутных военных сил находилась как будто бы в некотором противоречии с той активной, воинственной политикой, которую вела в последнее время Англия на материке Европы, главным образом, в отношении Германии, при своей постоянной готовности непосредственно вмешаться в столкновения между континентальными державами. Тем более, что, как мы увидим в следующей главе, она имела даже определенное намерение оказать вооруженное содействие, как Франции, так и Бельгии. Все это об'ясняется, однако, общим характером внешней политики Англии, в традициях которой издавна было воевать на сухом пути главным образом войсками своих союзников. Повидимому, и на этот раз Англия, не предусмотревши тех размеров и того напряжения, которых достигла с первых же дней своего возникновения эта война, была далека от мысли о возможности для нее больших военных операций на европейском материке.

Однако, после сражения на Марне, когда обнаружился весь широкий размах современной войны и огромная потребность в людях для противодействия германскому натиску, только тогда Англия решилась перейти сначала к прину-

дительной вербовке всех годных к военной службе, в возрасте от 18 до 40 лет, а затем в начале 1916 года и к всеобщей воинской повинности, и приступила к развитию своих вооруженных сил на новых началах.

Добровольцы, вербовавшиеся в постоянную армию, принимались на службу на разнообразные сроки, от 3 до 8 лет, после чего обязаны были отслужить от 4 до 9 лет в резерве, а затем 4 года в территориальных войсках [1]). Резерв разделялся на 2 категории: одна пополняла при мобилизации войска постоянной армии, а другая (так называемый специальный резерв) служила для формирования, при мобилизации, вспомогательных частей небоевого назначения, а также для пополнения убыли в полевой армии. Территориальные войска, имевшие в мирное время лишь небольшие кадры, формировались только с об'явлением мобилизации и имели назначением оборону отечественных пределов. Туземные войска Англии (индийские, [африканские и др.) пополнялись тоже вербовкой на различные сроки. Эти контингенты не имели дальнейших образований, — резерва или ополчения, а каждый туземец, отслуживший свой срок службы в постоянных войсках, увольнялся в первобытное состояние.

б) Постоянная армия мирного времени. Постоянная армия мирного времени состояла из двух частей: *британских войск*, составлявших армию Соединенного Королевства, а также командированных на различные сроки в Индию и колонии, *и индийских войск*, образовавших главную массу англо-индийской армии.

1. *Британские войска.*

Пехота: 71 линейный (2-х или 3-х батал.) и 2 стрелковых (4-х батал.) полка, всего—157 батальонов. При каждом батальоне: пулеметное отделение из 2-х пулеметов и команды ездящей пехоты и самокатчиков. Батальоны—8-ми ротн.

---

[1]) Большинство вербовалось на 7 лет действительной службы, с последующим перечислением на 5 лет в резерв.

Из 157 батальонов 82 находились в метрополии, а 75 в Индии и колониях [1]).

Конница: 31 полк (4-х эск.) или 124 эскадрона; 17 полков—в метрополии, 14—в Индии и колониях. При каждом полку—пулеметное отделение из 2-х пулеметов.

Артиллерия: а) *Легкая*—50 дивизионов (3-х батарейных) или 150 батарей, из коих 21 гаубичная. Батареи—6-ти орудийные; 33 дивизиона—в Соединенном Королевстве, 17—в Индии и колониях; б) *Конная*—14 дивизионов или 28 батарей (6 оруд.); 7 дивизионов—в Европе, 7—за морем; в) *Горная*—8 батарей (6 оруд.), все—в Индии; г) *Крепостная*—99 рот, из коих 43—в Англии, 56—в Индии и колониях; 6 европейских и 6 индийских были вооружены орудиями крупных калибров и назывались тяжелыми батареями, которые составляли тяжелую артиллерию полевой армии и были приданы, по одной, к полевым дивизиям, как в метрополии, так и в Индии. Остальные роты крепостной артиллерии были распределены по укрепленным пунктам Соединенного Королевства и заморских владений.

Инженерные войска: 15 саперных (12 в Англии) и 12 телеграфных рот, 5 конно-пионерных взводов, 3 понтонных парка, 31 крепостная рота, электроосветительная рота, 4 с'емочные, 2 воздухоплавательные и 3 железнодорожные роты, всего 68 рот, 5 взводов, 3 парка.

Обозные войска: 81 рота.

Колониальные войска: 2 пехотных полка (всего 5 батальонов) и 9 крепостных артиллерийских рот.

Высшие соединения. Пехотные и кавалерийские полки были сведены в бригады: пехотная бригада—4 батальона, кавалерийская—3 полка. В Соединенном Королевстве находилось всего 18 пехотных и 5 кавалерийских бригад, кои составляли 6 полевых дивизий. Войсковые части, не вошедшие в состав дивизий, образовали самостоятельные местные группы (округа, отделы). Полевая дивизия состояла из 3 пе-

[1]) Как общее правило, каждый полк имел 1 батальон в метрополии, а другой—в Индии или колониях; через известный срок батальоны менялись стоянками; 9 гвардейских батальонов, составляющих 4 полка, всегда находились в Англии.

хотных бригад, 3—4 артиллерийских дивизионов и 4 инженерных рот; в состав трех дивизий входило по одной кавалерийской бригаде. Следовательно, наибольший состав полевой дивизии мирного времени: 12 батальонов, 12 эскадронов, 30 пулеметов, 72 орудия и 4 инженерные роты, или около 16.000 человек.

Общая численность британских войск: 162 батальона пехоты, 124 эскадрона, 150 легких, 28 конных и 8 горных батарей (1.116 орудий), 12 тяжелых батарей (48 орудий), 96 крепостных артилерийских рот, 68 инженерных рот и 81 обозная рота, или 9.000 офицеров, 246.000 солдат.

2. *Индийские войска.*

Пехота: 127 полков (по 1—2 батал.), или 138 батальонов.

Конница: 39 полков (4-х эск.) и $5^1/_2$ отдельных эскадронов, всего—$161^1/_2$ эскадрон.

Артиллерия: 12 горных (6-ти оруд.) батарей и пограничная крепостная артиллерия (8 рот).

Инженерные войска: 3 саперные батальона (по 8—9 рот), 2 железнодорожные и 4 минно-морские роты, всего—32 роты.

Высшие соединения. Пехотная бригада—4 батальона, кавалерийская бригада—3 полка и 1 конная батарея (1 полк и батарея—британские). Бригады сводились в дивизии, нормальный состав коих был следующий: 1 английская пехотная бригада, 2 туземные пехотные бригады, 1 туземный пионерный полк, 1 туземный кавалерийский полк, 3 легкие и 2 горные батареи (английские), 2 туземные саперные роты, а всего 13 батальонов, 4 эскадрона, 30 орудий, 28 пулеметов, 2 инженерные роты или 440 офицеров, 12.000 солдат. Всех дивизий в Индии (с Бирмой)—10; кроме того—4 отдельные бригады.

Общая численность индийских войск: 138 батальонов пехоты, $161^1/_2$ эскадрон, 354 пулемета, 72 орудия и 32 инженерных роты, а всего—6.800 офицеров и 149.000 солдат.

3) *Общая численность постоянной армии мирного времени* (британские и индийские войска, но без самостоятельных контингентов Австралии, Канады и Южной Африки, имеющих местное значение и милиционный характер): 300 батальонов пехоты, $285^1/_2$ эскадронов, 740 пулеметов, 150 ездя-

щих, 28 конных, 20 горных и 12 тяжелых батарей (1.188 легких и 48 тяжелых орудий), 104 крепостных артиллерийских, 100 инженерных и 81 обозная рота, а всего—15.800 офицеров, 395.600 солдат. Из них в *Европе*: 82 батальона пехоты, 68 эскадронов, 99 ездящих и 14 конных батарей (678 легких орудий), 6 тяжелых батарей (24 орудия), 37 крепостных артилерийских рот, 198 пулеметов, 41 инженерная рота и 80 обозных рот, а всего—5.900 офицеров и 126.150 солдат.

4) *Вооружение*: а) пехотное ружье и кавалерийский карабин Ли-Энфильда, обр. 1903 г., калибр 0,303 дм., наибольший прицел 4.400 ш.; б) пулемет Максима, калибр 0,303 дм.; в) 18-ти фунт. (3,3 дм.) скорострельная пушка обр. 1908 г. (для ездящих батарей); г) 13-ти фунт. (3-х дм.) скорострельная пушка обр. 1908 г. (для конных батарей), у обеих—только шрапнель, предельная дальность—5 килом.; д) 4,5 дм. стальная гаубица (для гаубичных батарей); е) 60-ти фунт. (5-ти дм.) стальная пушка (для тяжелых батарей), с предельной дальностью около 7 килом.; ж) в крепостях— разнообразные калибры от 4,7 до 12 дм.

5) *Снабжение огнестрельными припасами*. Носимый и возимый запас до дивизионных парков включительно: на пехотное ружье—450, на кавалерийский карабин—400 патронов, на 18-фунтовую пушку—498, на 13-ти фунтовую пушку—540, на 5-ти дюймовую гаубицу—250 и на 60-ти фунтовую тяжелую пушку—254 выстрела.

в) Мобилизованная армия. К окончанию мобилизации британские вооруженные силы в Европе должны были образовать три группы войск: а) *экспедиционную армию*, сформированную из частей постоянной армии, расположенных в Соединенном Королевстве и пополненных небольшим числом резервистов; это и были полевые, перволинейные войска, с которыми Англия могла вступить в борьбу на материке почти одновременно с другими державами: б) *резервные войска*, формировавшиеся из кадров, содержавшихся при частях постоянной армии и пополнявшихся резервистами; и в) *территориальную армию*, сформированную из кадров, содержавшихся тоже при частях по-

стоянной армии и пополненных людьми соответствующей категории.

1) *Экспедиционная армия* состояла из 6 полевых и 1 кавалерийской дивизий и армейских войск. Каждая полевая дивизия — из 3-х пехотных бригад, 2-х рот ездящей пехоты, 3-х легких и 1 гаубичного дивизионов, 1 тяжелой батареи, 2 саперных и 1 телеграфной роты и дивизионного артилерийского парка; всего—12 батальонов, 2 роты ездящей пехоты, 24 пулемета, 54 легких, 18 гаубичных и 4 тяжелые орудия и 3 инженерные роты или около 18.000 человек. Кавалерийская дивизия: 4 бригады (36 эскадронов), 2 конно-артилерийские дивизиона (24 орудия), 4 конно-пионерные взвода, 1 телеграфная рота, 24 пулемета или около 9.000 человек. Армейские войска: 2 кавалерийские бригады (каждая по 3 эскадрона, 6 конных орудий, 2 ездящих батальона и 5 пулеметов), 2 эскадрона иоменов, 1 пехотный батальон и 10 инженерных рот (телеграфных, понтонных, воздухоплавательных).

Всего в экспедиционной армии: 73 батальона пехоты, 24 роты ездящей пехоты, 44 эскадрона, 182 пулемета, 324 легких, 36 конных, 108 гаубичных и 24 тяжелых [1]) орудия и 30 инженерных рот или 5.700 офицеров и 160.300 солдат.

Остальные части постоянной армии должны были оставаться в стране для новых формирований и высылки пополнений.

Экспедиционная армия, что явствует из ее названия, предназначалась для военных действий вне Соединенного Королевства, а потому она была приспособлена к быстрой погрузке на суда и отправлению в требуемом направлении. Войска этой армии и приняли участие в первых же операциях этой войны.

2) *Резервные войска*: 101 пехотный батальон (8-ми ротн. состава), 2 кавалерийские полка (по 4 эск. и 2 пулемета), 6 легких артилерийских дивизионов (18 батарей или 108 орудий), 2 инженерные батальона, всего 3.200 офицеров и 78.264 солдата.

---

[1]) Собственно „средних".

3) *Территориальная армия*: 264 пехотные батальона (8-ми ротн. состава), 56 кавалерийских полков (по 4 эск. и 2 пулемета), 41 ездящий и 1 горный артилерийский дивизион (3-х батар.), 14 гаубичных дивизионов (2-х батар.), 14 конных и 20 тяжелых батарей (все батареи—4-х оруд., при каждом дивизионе и отдельной батарее— по артилерийскому парку), 95 крепостных артилерийских рот, 58 полевых инженерных рот (саперных, телеграфных и воздухоплавательных), 1 железнодорожный батальон, 58 крепостных инженерных рот и 70 обозных рот. Все эти войска должны были составить 14 территориальных дивизий, 14 отдельных териториальных конных бригад, армейские части и войска береговой обороны, но в действительности они получили иную организацию, потому что переход ко всеобщей воинской повинности и формирование новых дивизий, соответственно требованиям боевой обстановки, привели к существенным изменениям в мобилизационных соображениях, составленных до войны. Однако, эти новые формирования (так называемая армия Китченера) целиком относятся уже к более позднему времени и в операциях первого, маневренного периода войны участия не принимали. Численность территориальных войск была—11.267 офицеров и 302.047 солдат [1]).

4) *Общая численность мобилизованной армии в Европе* составляла: 438 батальонов пехоты, 24 роты ездящей пехоты, 276 эскадронов, 298 пулеметов, 924 легких, 12 горных, 92 конных, 220 гаубичных и 104 тяжелых орудия, 95 крепостных артилерийских рот, 3 инженерных батальона, 146 инженерных и 70 обозных рот, а всего 20.167 офицеров и 546.611 солдат.

Кроме того, англо-индийская армия и колониальные войска, не подвергавшиеся обычной мобилизации и остававшиеся в составе мирного времени.

---

[1]) В ноябре во Францию начали прибывать территориальные дивизии, но они были использованы для военных действий лишь в 1915 году. Несколько отдельных территориальных батальонов приняли небольшое участие во Фландрском сражении.

Из всех этих войск Англия и выставила те 8 полевых, 3 кавалерийские и 2 индийские дивизии, с которыми она вела бои с первых дней войны до окончания Фландрского сражения.

г) Дальнейшие формирования. Из этих частей три дивизии: две пехотные (7-я и 8-я) и одна кавалерийская (3-я), всего в общем $24^1/_2$ батальона пехоты, 36 эскадронов, 168 легких и 8 тяжелых орудий и 8 инженерных рот (35.000 чел.), были сформированы уже во время военных действий, после сражения на Марне, и приняли участие только в операциях во Фландрии.

д) Заключение. Вся английская военная система была совершенно неприспособлена к активному участию Англии в операциях большой европейской войны. Имея сравнительно большую численность войск, как содержавшихся в мирное время, так и мобилизованных во время войны, Англия, тем не менее, могла послать на театр военных действий в течение первых 4-х месяцев войны лишь экспедиционную армию, т.-е. всего $^1/_5$ часть своих вооруженных сил военного времени. Такой жалкий результат британской мобилизации явился следствием двух характерных для Англии особенностей ее военной системы: нахождения большей части ее постоянной армии вне Европы и предназначения ее территориальных войск, этой наиболее крупной массы ее второлинейных сил, только для ведения войны в пределах своей страны. Хотя последнее обстоятельство и было изменено особым постановлением парламента, в связи с выработкой плана новых обширных формирований, тем не менее, на это ушло не мало времени, столь драгоценного, особенно в начале войны.

Во всяком случае, Англия, вследствие этого, приняла небольшое участие в военных действиях первого периода войны.

4. Бельгийская армия.

а) Общий характер бельгийской армии.

Третья из союзных армий, совместно сражавшихся против немцев на полях Бельгии и Франции,—бельгийская армия, по своей численной слабости, представляла собой ничтожный фактор в той титанической борьбе, которая потрясла западную Европу в августе 1914 г.; по своему материальному значению, эта армия являлась слишком мелким слагаемым в общей сумме сил и средств, направленных союзниками на противодействие германскому наступлению, почему она и не могла сыграть никакой заметной роли в судьбах этой войны, не могла ни усилить другие союзные армии, ни отстоять пределы своей страны. Эта маленькая армия, ранее других вступившая в борьбу с германским великаном,—в эту неравную борьбу, столь явно клонившуюся к неудаче, без всякой надежды на своевременную поддержку союзников,—эта героическая армия служила лишь моральным фактором, брошенным на чашку весов в великом споре западных держав за гегемонию в Европе.. В этом самоотверженном подвиге бельгийцев, стоившем им тяжких поражений и потерянного на целые годы отечества, их более могучие союзники черпали нравственные силы для продолжения борьбы, для упорного стремления к победе, являвшейся уже вопросом чести по отношению к этому слабому, за других пострадавшему, меньшему брату.

Устройство вооруженных сил Бельгии перед войной определялось военным законом 30 августа 1913 г. Армия комплектовалась на началах всеобщей воинской повинности, допускавшей, однако, многочисленные изъятия, вследствие чего численность армии мирного времени являлась непропорционально малой по отношению к численности населения. В армии допускались и добровольцы, но число их никогда не было значительным. Призывной возраст был установлен 19-летний.

Срок действительной службы 15 месяцев, после чего люди зачислялись на 11 лет и 9 месяцев в резерв, причем в течение первых 7-ми лет они должны были превлекаться

при мобилизации для пополнения постоянной армии мирного времени (полевых войск), а в последние 5 лет—для формирования резервных частей. Все, отбывшие срок службы в армии и ее резерве и еще годные к военной службе, зачислялись до 50-летн. возраста во 2-й призыв ополчения (гражданской стражи); освобожденные от службы в армии и резерве, но годные к военной службе, зачислялись в это ополчение с 21-летн. возраста и до 32 лет состояли в первом призыве, а с 32 до 50 лет—во втором.

б) Постоянная армия мирного времени.

Постоянная армия мирного времени состояла из следующих частей:

Пехота: 36 полевых, 2 крепостных и 1 карабинерный полки, все 3-х батал. состава; каждый полк заключал в себе небольшой кадр для формирования при мобилизации резервных, запасных и крепостных частей. Всего пехоты—117 батальонов.

Конница: 12 полков 6-ти эск. состава (1 эскадрон запасный) и самокатный батальон, всего—60 действующих и 12 запасных эскадронов.

Артиллерия: а) *Легкая*: 6 полков, каждый из 3-х дивизионов (дивизионы из 3-х действующих, 2-х резервных и 1 запасной батареи), 18 отдельных дивизионов (3-х батар.) и 1 конно-артиллерийский дивизион (2-х батар.). Батареи по 4 орудия. Всего—164 батареи (110 действующих, 36 резервных и 18 запасных) [1]) или 656 легких орудий. б) *Крепостная*: 5 полков; всего—51 действующая, 27 резервных и 3 запасных батареи.

Инженерные войска: 6 саперных батальонов, конно-пионерное отделение, 5 специальных инженерных рот (телеграфная, железнодорожная, понтонная, воздухоплавательная и минная).

Обозные войска: 1 батальон 8-ми ротн. состава (7 действующих и 1 запасная рота).

Высшие соединения. Все эти войска были сведены в 6 армейских и 1 кавалерийскую дивизию. Армейская дивизия

---

[1]) Резервные и запасные—без запряжек.

состояла из 3-х пехотных бригад, полка дивизионной конницы, полка дивизионной артиллерии (9 батарей), саперного батальона и артиллерийского парка. Каждая пехотная бригада состояла из 2-х пехотных полков, пулеметной роты и артиллерийского дивизиона (3 батареи). Всего в армейской дивизии—18 батальонов пехоты, 6 эскадронов, 18 батарей (72 орудия), 3 пулеметных роты, 1 саперный батальон и 1 артиллерийский парк или около 14.500 чел. Кавалерийская дивизия имела 2 бригады по 3 полка, конно-артиллерийский дивизион, самокатный батальон, конно-пионерное отделение и легкий парк, всего—36 эскадронов, 1 батальон, 8 орудий или около 2.500 человек.

Общая численность постоянной армии к июлю 1914 года: 117 батальонов пехоты, 72 эскадрона, 110 легких батарей (440 орудий), 81 крепостная батарея, 17 инженерных рот, конно-пионерное отделение, 18 пулеметных рот, 1 самокатный батальон и 7 артиллерийских парков или около 100 тыс. чел.

Вооружение: а) пехотное магазинное ружье Маузера, обр. 1889 г., калибра 7,65 мил., прицел на 2.000 м., запас патронов (носимый и возимый)—285; б) кавалерийский карабин той же системы; в) легкая пушка обр. 1905 г. калибра 7,5 сант., щитовая, скорострельная, безоткатная; г) легкая гаубица; д) крепостные орудия разных систем и калибров, от 5,7 до 24 сант.

в) Мобилизованная армия.

К окончанию мобилизации вооруженные силы Бельгии должны были образовать две группы войск: *полевые войска*, составлявшиеся из постоянной армии мирного времени, пополненной резервистами до штатов военного времени, и *резервные войска*, формируемые из кадров и резервных частей, содержавшихся при постоянной армии.

1) *Полевые войска* сохраняли, в общем, свой состав и организацию, но выделяли из себя все кадровые резервные и запасные части на сформирование резервных и запасных войск. Таким образом, в этих войсках оставалось: 117 батальонов пехоты (из них—9 для крепостей), 60 эскадронов

110 легких батарей (440 орудий), 58 крепостных батарей, 1 самокатный батальон, 17 инженерных рот, конно-пионерное отделение, 18 пулеметных рот, 1 обозный батальон и 7 артиллерийских парков, всего около 117 тыс. чел.

2) *Резервные войска*: 72 батальона пехоты, из коих 36 были сведены в 6 бригад двухполкового состава с пулеметной ротой, включенных, по одной, в состав армейских дивизий, а другие 36 пошли на усиление гарнизонов крепостей (Антверпена, Льежа и Намюра); 36 легких батарей, из коих 18 были сведены в 6 дивизионов, приданных к резервным пехотным бригадам, остальные 18 образовали легкую (вылазочную) артиллерию крепостей; 27 крепостных батарей и 1 саперный батальон; всего около 58 тыс. чел.

3) *Общая численность мобилизованной армии*: 189 батальонов пехоты, 72 эскадрона [1]), 164 батареи [2]) (656 легких орудий), 85 крепостных батарей, 1 самокатный батальон, 19 инженерных рот, 24 пулеметных роты, конно-пионерное отделение, 1 обозный батальон и 7 артиллерийских парков, а всего около 175 тыс. чел.

4) *Ополчение* (гражданская стража) могло дать до 200 тыс. плохо обученных людей для тыловых формирований и службы на сообщениях.

5) *Высшие соединения*. Все полевые и часть резервных войск образовали, как и в мирное время, 6 армейских и 1 кавалерийскую дивизии. Каждая армейская дивизия состояла из 3-х полевых и 1 резервной бригады и дивизионных войск (кавалерийский и артиллерийский полки, саперный батальон и артиллерийский парк), всего 24 батальона пехоты, 5 эскадронов, 30 батарей (120 орудий), 4 пулеметные роты, 1 саперный батальон и артиллерийский парк или около 18.500 чел. Кавалерийская дивизия имела такой же состав и численность, как и в мирное время.

Эти 7 дивизий, с добавлением некоторого числа резервных и крепостных батальонов и батарей, составлявших основное ядро гарнизонов крепостей, и послужили той во-

---

[1]) 12 запасных, назначенных для формирования запасных депо. 18 запасных, назначенных для формирования запасных депо

оруженной силой, с которой Бельгия вступила в эту войну и вела боевые действия включительно до фландрской операции.

5. Сравнительная оценка вооруженных сил обеих сторон.

В нижеследующей таблице сведены цифровые данные, касающиеся состава и численности вооруженных сил различных категорий Германии, Франции, Англии и Бельгии. Из общего состава английской постоянной армии в таблицу включены лишь те войска, которые находились в Европе, потому что именно они служили для образования при мобилизации экспедиционной армии, предназначенной для ведения войны вне пределов Англии и только они одни могли принять участие в операциях на материке с первых же дней войны. Ясно, что те войска, которые находились в Индии и колониях, не могли, по отдаленности своего расположения, поспеть своевременно для решения судьбы первых больших сражений в Бельгии и северной Франции, определившей весь дальнейший ход войны. К тому же, эти войска понадобились для ведения операций на других, второстепенных театрах: сначала в германских колониях, а затем, после выступления Турции на стороне центральных держав,—в Египте и Месопотамии.

Из таблицы видно, что численностью, как своих постоянных армий, так и перволинейных мобилизованных войск, союзники превосходили немцев, но за то были вдвое слабее противника числом своих второлинейных войск. Однако, если принять во внимание, что эти последние служили обеим сторонам для более поздних формирований и в операциях маневренного периода войны приняла участие лишь их незначительная часть, то это преимущество немцев не имело существенного значения для первых крупных боевых столкновений. Оно сказалось в дальнейшем ходе борьбы, особенно на восточном театре, где против наших армий постепенно выставлялись немцами все новые и новые формирования из состава второлинейных войск. Таким образом, мы приходим к заключению, что силы союзников, которые

могли быть с первых же дней войны введены в дело для главных операций в Бельгии и Франции, имели перевес над германскими силами. Несомненное превосходство немцы имели в полевой тяжелой артиллерии, которой у союзников в начале военных действий почти совсем не было.

Таковы были материальные факторы той величественной борьбы, которая завязалась в западной Европе осенью 1914 года; каковы же были ее моральные факторы: дух и настроение армий, их боевая подготовка, характер их военной доктрины, их метод ведения войны и боя? Хотя союзные силы слагались из трех различных армий, но имея в виду численную слабость и английских, и бельгийских войск и их малое значение в общем ходе военных операций, мы можем исследование этих вопросов отнести, главным образом, к двум сильнейшим армиям—германской и французской. Несомненно, что характерные особенности французской армии определяли собою общий характер вооруженных сил союзников и всю их систему ведения войны. Поэтому, сравнение обеих сторон в отношении упомянутых выше вопросов сводится к сравнению вооруженных сил Германии и Франции.

Германская и французская армии, весьма однородные по своему племенному составу, как и население обеих стран, их комплектующее, носят на себе яркий отпечаток характерных особенностей германской и французской наций: первая из них—врожденную склонность к порядку и к дисциплине, душевную уравновешенность, упорство и настойчивость, систематичность и планомерность в работе, наконец, выдающиеся организаторские способности; вторая—подвижность и живость характера, склонность к беспорядочности, душевный порыв, способный достигать высокого напряжения, но легко и быстро потухающий при неблагоприятных условиях, творческие способности, но без уменья приводить создаваемое в строгую систему, недостаток настойчивости и упорства.

Все эти национальные особенности германского и французского воина, естественно, отражались на всей военной деятельности масс, на методах их обучения, на системе их

мобилизации, на характере военной доктрины и на приемах ведения войны и боя; они резко отличали одну армию от другой, как в мирное, так и в военное время, проникая во все области их быта, их учебной работы, их боевой службы.

Столь же различны были эти две армии и в отношении того духа, того настроения, с которым они готовились в мирное время к войне и ждали много лет, со дня на день, рокового момента, когда придется обнажить меч против соседа. И та, и другая жили перед войной все еще под впечатлением памятных событий 1870—71 г.г.; немцы— своих блестящих побед, французы—своих тяжких поражений. Так глубоко, так сильно захватили эти события обе враждебные нации, что ни многие годы, ни длинная вереница новых явлений мировой жизни не могли в них вытравить тех следов, которые оставила эта война в их духовной природе. И германская армия жила, совершенствовалась и готовилась к новой войне, полная горделивого сознания своего превосходства и своей силы, готовая в любой момент доказать непреложность и того, и другого. Иначе чувствовала себя французская армия: на собственном горьком опыте, в течение ряда лет, она убеждалась в том, что военные поражения страшны не тем, что они приводят к потере территории, крепостей, целых армий, даже и не тем, что за них должна уплачиваться из трудовых народных сбережений огромная контрибуция, а тем, что они поражают душу нации, поселяют в ней недоверие к собственным силам, отравляют ее страхом будущих поражений.

Конечно, за долгие годы, протекшие с того времени и сменившие одно поколение другим, французская нация успела изжить многие моральные последствия своих неудач и своего унижения, но все же, вплоть до последней войны, на всем ее духовном укладе, на ее литературе, особенно военной, на ее боевой доктрине, на ее планах будущей борьбы с Германией, сохранялся ясный отпечаток все еще не вполне изжитых, еще болезненных ощущений от старых ран.

Все это создавало для Франции и ее армии не вполне благоприятную моральную обстановку для новой войны и

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ

вооруженных сил различных категорий Германии, Франции, Англии и Бельгии к началу военных действий в 1914 году.

ГОСУДАРСТВА.	Постоянная армия мирного времени.								Мобилизованная армия.											
									Первоочередные войска (полевые и резервные).							Второочер. войска (ландв., ландшт., запасн., террит.).						
	Пехота.	Конница.	Легк. артил.	Тяж. артил.	Пулем. части	Инж. части.	Обозн. войска	Численность	Пехота.	Конница.	Легк. артил.	Тяж. артил.	Пулем. части.	Инж. войска.	Численность.	Пехота.	Конница.	Легк. артил.	Тяж. артил	Инж. войска.	Численность.
	Батал.	Эскадр.	Орудий.	Батар	Пулем.	Батал. или рот.	Дивиз. (эск. или рот).	Людей.	Батал.	Эскадр.	Орудий.	Орудий (батарей).	Пулем.	Батал. или рот.	Людей.	Батал.	Эскадр.	Орудий.	Орудий.	Батал. или рот.	Людей.
Германия	671	545	3360	202	861	61 б.	25 д.	761.000	1050	552	4840	Орул. 1688	1840	90 б. 147 р.	1.887.091	1904	278	3242	1488	26 б. 48 р.	2.328.862
Франция	656	447	2864	Креп. 107	1314	26 б.	20 э 12 р.	863.000	1121	550	4052	Кр. [1] 107 б.	1314	26 б	1.856 000	798	39	312		21 б.	719.000
Англия	82	68	678	43	198	41 р.	80 р	132.050	76	44	468	24 ор.	182	30 р.	166.000	365	232	780	80	3 б. 116 р.	400.778
Бельгия.	117	72	440	81	108	17 р.	8 р	100.000	189	72	656	Кр. [1] 85 б.	144	19 р.	175.000		—	-	-	—	—
Итого союзники. . .	855	587	3982	231	1620	26 б. 58 р.	20 э. 100 р.	1.095.050	1386	666	5176	Креп. 192 б. 24 ор.	1640	26 б. 49 р.	2.197.000	1163	271	1092	80	24 б. 116 р.	1.119.778

[1]) Число орудий неизвестно.

во всяком случае, менее выгодную, чем та, в которой ковала и точила свой меч Германия, победоносная в прошлом, уверенная в своих победах в будущем. И поэтому несмотря на всю свою жажду реванша, Франция боялась новой войны и готова была воспользоваться всякой возможностью, чтобы избежать ее; тогда как Германия желала ее, искала для нее повода, с нетерпением ожидала возможности начать ее. Первая страшилась новых поражений и, вступая в борьбу, смотрела на нее, как на явление неотвратимое; вторая—уже предвкушала новые победы в этом долгожданном нападении. К таким заключениям приводит не только та моральная обстановка, в которой жили перед войной обе армии, но и другие явления, обнаружившиеся в оперативных планах сторон, в их стратегическом развертывании, в их первых боевых действиях в Бельгии и Франции. Начиная эту войну, французская армия, не взирая на все свои отличные боевые качества, все же в своем сердце уже носила эту отраву, это предчувствие своих неудач в первых боевых операциях.

Вытекавшие отсюда, робость мысли, ограниченность желаний, нерешительность стремлений, отражались на всем характере французской боевой доктрины, отличавшейся осторожностью расчетов, умеренной активностью, готовностью отдать инициативу в руки противника. В противоположность этому, германская боевая доктрина, смелая до дерзновения, самоуверенная и решительная, вся была проникнута неудержимым стремлением подчинить себе волю врага и сохранить за собой инициативу действий. Вследствие этого, французская доктрина получила неопределенный, бледный, смешанный наступательно-оборонительный характер, тогда как германская была ярко наступательной. Соответственно этому, столь же различный характер имели и все уставы, боевые наставления и тактические указания германской и французской армий, послужившие для их боевой подготовки.

Во всех положениях боевой обстановки немцы раньше всего считали необходимым возможно скорее сойтись с противником, непременно навязать ему свою волю и свое реше-

ние и со всей решительностью осуществить свой план действий, свой маневр, не считаясь с намерениями и желаниями неприятеля. Наоборот, во французской доктрине господствовало стремление раньше всего прикрыться со стороны противника, возможно полнее разведать о нем, разгадать его намерения, проникнуть в его планы и, соответственно с результатами этой разведки и этого изучения, сообразовать свои действия. Эти, столь не похожие друг на друга, тактические воззрения приводили и к различным тактическим приемам, принятым в той и другой армии. Французы дали широкое развитие и большую самостоятельность передовым частям, как на походе, так и в бою, в расчете, под прикрытием этих частей, выиграть время для принятия решения и для соответственной группировки своих войск; в противоположность этому,—немцы не придавали передовым частям самостоятельного оперативного значения и смотрели на них лишь как на слабую завесу, за которой главные силы выполняли заранее намеченный маневр и заносили свой, уже нацеленный, удар. Понятно, насколько разнятся один от другого эти методы боевого употребления войск: первый из них осторожен и не обеспечивает захвата инициативы, второй—решителен и ведет к этому захвату.

Обе стороны признавали наступление наиболее желательным способом действий, считая оборону неизбежным злом, допустимым лишь при слабости сил и невыгодной тактической обстановке. Однако, во французских взглядах на наступление заключалось много теоретического, отвлеченного; к нему стремились более рассудком, чем сердцем, его преимущественное значение признавалось более фактором умового, чем волевого характера. У немцев же стремление к наступлению, порожденное длинным рядом блестящих побед прошлого, было органическим, оно горело в их сердце, оно напрягало их нервы в нетерпеливом ожидании новых успехов.

В последние годы перед войной, под влиянием идей, исходивших из стен французской высшей военной школы, где в то время имели преобладающее значение молодые

офицеры генерального штаба, больше теоретики, чем практики военного дела,—французская наступательная доктрина приобрела весьма яркую окраску и во французской армии стал утверждаться принцип наступательных действий во что бы то ни стало. Это увлечение, имевшее теоретическое, книжное происхождение, придавало французской доктрине слишком прямолинейный и односторонний характер, тем более опасный, что немецкая наступательная доктрина обладала большой гибкостью и способностью приспособляться к обстановке; будучи убежденными сторонниками наступления, немцы, однако, не отказывались, если бы это потребовалось, идти к нему через оборону. Вообще, их доктрина, допуская комбинированное использование атаки и обороны, соответственно условиям обстановки, оказывалась более жизненной, чем французская.

Обе армии признавали огонь одним из важнейших факторов современного боя и перевес в огне над противником—одним из главных условий боевого успеха; однако, французы придавали этим вопросам абсолютное значение, тогда как немцы понимали их в условном, ограничительном смысле, всегда выдвигая на первое место духовную природу воина. Поэтому, у французов, в их тактических взглядах о бое, вопросы укрытия своих войск от неприятельского огня в лучшем случае стояли в уровень с вопросами о действии, но нередко они преобладали над последними; у немцев же требование ставить действие выше укрытия, при всяких условиях боевой обстановки, проходит красной нитью через все их уставы и боевые наставления. Замечательно то, что германская армия, лучше других снабженная техническими усовершенствованиями, в то же время меньше других окрашивала свои тактические воззрения принципами военного материализма, во всем подчиняя эти последние духовным началам: в представлении немцев воля человека всегда господствовала над всеми усовершенствованиями техники, над всем материальным могуществом современных средств разрушения.

И французы, и немцы правильно понимали значение маневра, этого символа инициативы и наступательного духа,

в особенности же его наиболее опасной и трудной формы— обхода неприятельского фланга. Но в применении маневренных идей на практике их взгляды существенно расходились, главным образом, в оперативном использовании обходов. Французы считали обходный маневр желательным и возможным, но лишь как вспомогательное, привходящее действие к маневрированию на фронте, с которым оно должно быть связанным и во времени, и в пространстве. Наоборот, германцы видели в обходе одного или обоих неприятельских флангов обязательный акт всякой наступательной операции и придавали ему такое преобладающее влияние в общей совокупности боевых воздействий на противника, что склонны были допускать даже самостоятельные действия на флангах и в тылу неприятеля, независимо от степени успешности своего наступления на фронте. Для французов обход представлялся целесообразным настолько, насколько он сам собой вытекал из наличных условий обстановки; в представлении же немцев он имел абсолютную ценность, почему они полагали необходимым, в случае, если обстановка не благоприятствовала обходу, всеми возможными мерами стремиться видоизменить ее. Естественно, что более осторожный и менее решительный характер оперативных взглядов французов не мог привести их к смелым, рискованным и ярким формам обходного маневра, который, правда, не раз был с успехом использован ими в кампанию 1914 года, но всегда в обстановке почти полной безопасности; но именно вследствие этого, эти успехи и являлись посредственными. Смелый же и активный характер германской наступательной доктрины способствовал сильному развитию в германской армии взглядов на первостепенное значение обходного маневра, получивших еще задолго до мировой войны такое яркое и полное выражение в идеях фельдмаршала Шлифена. В следующей главе мы увидим, как эта разница во взглядах отразилась на первоначальных оперативных предположениях сторон.

Вообще же, общий характер боевых действий немцев, насколько он отражался до войны в уставах и тактических наставлениях германской армии, отличался большей про-

стотой, большей грубостью приемов, чем оперативный метод французов, склонных к более сложным приемам и тактическим ухищрениям. Быстрое сосредоточение сил с подавляющим численным и техническим превосходством над противником и решительное, бурное движение их в заранее избранном направлении, с обходом, угрожающим жизненным интересам неприятельской армии,— вот схема германского метода ведения операций при этом, упреждение противника в наступлении, захват инициативы, подчинение его воли своей воле,—раньше всего и превыше всего. И весь опыт этой войны подтвердил целесообразность этих приемов и доказал, что немцы глубже, чем французы, проникали в сущность боевых действий массовых армий, лучше их восприняли и дух, и форму современной войны.

Тем не менее, хотя германская армия и имела немаловажные преимущества в боевой подготовке и в общем характере своей военной доктрины, по сравнению со своим соседом по то сторону Вогезов, но французская армия никоим образом не могла считаться противником, борьба с которым обещала немцам легкий успех. Обе эти армии имели, каждая по своему, отличную боевую подготовку, были воодушевлены пламенным желанием победить и обладали прекрасным техническим снабжением; вообще, на лицо имелись все условия, которые должны были сделать их борьбу длительной и упорной. Обе стремились к тому, чтобы стать в уровень с требованиями времени и чтобы в страшный день судный, вынужденные начать борьбу за жизненные интересы своей нации, они могли не только устоять, но и одолеть в этой борьбе. И каждая из сторон не жалела ни трудов, ни денег, чтобы достигнуть этого. Поэтому, нельзя не согласиться с французским военным писателем Артуром Буше, который незадолго до войны, в своей интересной книге „L'Allemagne en péril" сказал следующее: „Принимая военный закон 1913 года, Германия доказала, что для дела государственной обороны она не жалеет денег; принимая свой военный закон того же года, Франция доказала, что для той же цели она не жалеет

человеческих жизней“ [1]). Немцы отлично понимали все это и, несмотря на всю свою самоуверенность и гордое сознание своего превосходства над противником, накануне войны, устами одного из своих наиболее авторитетных военных мыслителей, ген. Бернгарди, отзывались о французах таким образом: „Необходимо считать французскую армию вполне достойным и серьезным противником. Все, что мы знаем о ней, кажется, подтверждает это мнение. Да и было бы невероятным, чтобы оказались бесплодными все многолетние труды и усилия, затраченные французским народом на улучшение качества своей армии и развитие в ней патриотизма. Приходится примириться с тем фактом, что на нашей западной границе мы встретим первоклассную армию“... [2]).

В таком же благоприятном для французов тоне давал свой отзыв о французской армии германский генеральный штаб накануне войны: „Француз—интелигентный и ловкий солдат, воодушевленный горячей любовью к отечеству, легко воспламеняющийся для великих усилий. Офицеры, в большинстве случаев, преданы военному делу, скромны и настойчивы; в отношении их теоретической и практической подготовки сделано много. Французская армия — одна из лучших в Европе, это—противник, качества которого никоим образом не следует недооценивать“ [3]).

А вот в каких словах, оправдавшихся в первых же боевых действиях мировой войны, отзывается о германской армии за несколько месяцев до этой войны официальное издание нашего генерального штаба: „Тактическая подготовка армии, если и не согласована во всех частях с требованиями современного боя, ведется за то с такой тщательностью и достигает такой высоты, что масса германской армии подготовлена к воспринятию на полях будущих

---

[1]) Подразумевается введение 3-х летнего срока службы.

[2]) Фридрих фон-Бернгарди. Наша будущность. 1914 г., стр. 110.

[3]) Kuhl. Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges. 1920.

сражений тех новых форм боя, надобность коих будет выяснена при первых же столкновениях“ [1]).

Таковы были те армии, столкновение которых должно было определить весь ход завязавшейся борьбы и рано или поздно решить участь этой войны.

---

[1]) Вооруженные силы Германии. Часть II. 1914 г., стр. 55. См. также Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Erster Band, стр. 83—84 (герм. официальн. описание войны).

V. Планы сторон.

(Схемы №№ 2 и 3).

Мы видели, что призрак большой европейской войны уже задолго до 1914 года витал над Европой. И по мере того, как политическая обстановка делала эту войну все более вероятной, а европейские державы постепенно раскалывались на две враждебные группы, настроение в Европе становилось все более тревожным, и ответственные руководители военно-политической жизни европейских государств все пристальнее всматривались в неясные черты этого грозного, кровавого призрака, который так назойливо, так неотступно стоял в тумане будущего. Вопрос о грядущей войне, явно надвигавшейся на Европу, не только обсуждался и изучался в негласных материалах заинтересованных министерств и в секретной дипломатической переписке между союзниками, но он затрагивался не раз даже в парламентских речах и сделался животрепещущей темой военно-политической и специально военной литературы европейских держав. Можно сказать без преувеличения, что эта литература, в течение 10—15 лет до мировой войны, отразила в себе главные, важнейшие черты тех планов, которые втайне разрабатывались вероятными участниками будущей борьбы и обнаружила наиболее яркие и существенные намерения будущих противников. Тайное становилось почти явным; так взволнованы были умы ожиданием чего-то необыкновенного и ужасного в ближайшие годы, что военно-политическая мысль, томившаяся в тисках секретной работы военных и дипломатических канцелярий, неоднократно вырывалась на простор гласного обсуждения. Это обстоятельство облегчало до известной степени вероят-

ным противникам взаимно ориентироваться в обстановке и предугадывать действительные намерения другой стороны. И в настоящее время, когда в целом ряде военно-исторических исследований раскрывается тайная работа по подготовке к войне воевавших государств, ясно видно, какое сильное влияние оказывали на ход и характер этой работы те мысли и те факты, которые давала довоенная литература бывших противников [1]).

Соответственно тревожным ожиданиям крупного военного столкновения, в каждом из государств, опасавшихся быть вовлеченными в эту борьбу, в течение многих лет перед войной, шла деятельная разработка военных планов, определявших порядок приведения постоянной армии на военное положение, развертывание ее на границе и введение ее в действие. Эти планы, в зависимости от различных изменений в составе и численности вооруженных сил, постройки новых железных дорог и перемен в международном положении в Европе, постепенно перерабатывались и пересоставлялись; и чем тревожнее становилось время, тем лихорадочнее и напряженнее была эта работа. Ознакомление с этими планами, с основными идеями, заложенными в них, с задачами, которые ставились ими, наконец, с последовательным развитием составлявших их оперативных соображений, существенно необходимо для правильного уразумения военных событий изучаемого нами периода войны, даже независимо от того, вытекали ли последние из этих планов или произошли вопреки их предположениям. Без рассмотрения их совершенно невозможно установить правильный взгляд на мотивы тех или других решений, а следовательно нельзя и дать правильную критическую оценку этих решений и тех результатов, к которым они привели. Кроме того, изучение этих планов, обнимающих обстановку весьма широкого масштаба и предусматри-

[1]) В этом отношении особенный интерес представляет сочинение немецкого генерала фон-Куля Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges, показывающее как внимательно следил германский генеральный штаб за французской литературой.

вающих иногда весьма отдаленные и грандиозные цели, дает интересную и яркую характеристику военных воззрений обеих сторон.

1. Германский план.

Возникновение основных идей плана.

Срединное географическое положение Германии в Европе уже давно наводило на мысль, что, при создавшейся политической группировке европейских держав, немцам, в случае войны, придется воевать на два, а может быть, и на три фронта. Со времени же заключения франко-русского союза такая борьба представлялась уже для Германии неизбежной. Это обстоятельство вполне определенно предусматривалось немцами, что и находило себе отражение и в речах политических деятелей, и в военной литературе Германии. Еще в ноябре 1888 года Бисмарк, в речи, произнесенной в рейхстаге, откровенно указывал на то, что географическое положение империи создает для нее опасность враждебной коалиции окружающих ее соседей, а следовательно и возможность борьбы на три фронта.

Идея такой войны, как грандиозного осуществления действий по внутренним операционным линиям, находила для себя благоприятную почву в умах германцев, потому что над всей совокупностью военных представлений немцев о государственной обороне издавна тяготел авторитет Фридриха Великого с его победоносными походами в Семилетнюю войну, служившими для Германии классическим образцом операций по внутренним линиям. К тому-же немцы правильно оценивали, что с того времени многие новые обстоятельства, как напр, усовершенствование путей сообщения, быстрота мобилизации и различные технические изобретения, поставили эти операции в более благоприятные условия и сделали их более выполнимыми.

Однако, война на два фронта, т.-е. одновременная борьба с двумя противниками, разобщенными друг от друга большими растояниями, естественно требовала хорошо обдуманного, правильного выбора одного из них для нанесения ему

первого решительного удара, так как было ясно, что для одновременного удара на обоих фронтах у Германии не могло быть достаточно сил. Это приводило немцев к необходимости, в зависимости от различных изменений в политическом или военном положении своих противников, видоизменять свой план в смысле перенесения своего главного удара с одного фронта на другой и, кроме того, искать союзников для облегчения себе различных оперативных группировок и переброс ок между фронтами.

Вот каков был общий характер той идейной и психологической обстановки, в которой немцам приходилось разрабатывать и переделывать свой план войны с Францией. Посмотрим же, в чем именно заключался он с момента своего зарождения и до своего последнего варианта перед войной.

Первоначальный план Мольтке и его развитие.

Возникновение германского плана войны на два фронта относится к 1871 году, когда начальник германского генерального штаба, фельдмаршал граф Мольтке, впервые стал заниматься этим вопросом. Впрочем, еще до франко-прусской войны, в январе 1870 года, он как-то высказал, что „политическая обстановка дает повод предполагать, что в ближайшем будущем или позже, если нам предстоит война, то это будет война на два фронта". [1]) Но ближайшее будущее, как известно, ознаменовалось для немцев войной с одной только Францией, почему идея о войне на два фронта подверглась дальнейшему обсуждению лишь после окончания франко-прусской войны.

Изучая этот вопрос, Мольтке раньше всего остановился на предположении о возможности одновременного наступления и против Франции, и против России, в виду значительного ослабления первой после недавнего разгрома. Но так как военное положение Франции быстро улучшалось и крепло, то в скором времени Мольтке был вынужден отказаться от

[1]) Moltkes Kriegslehren Herausgegeben von Grossen Generalstab. Berlin. 1911.

своих первоначальных соображений и обратиться к решению вопроса: на каком фронте следует наступать, а на каком—обороняться, в случае войны и на западе, и на востоке?

Мольтке пришел к заключению, что в первую очередь нужно наступать на французском фронте, а на русском—временно обороняться, мотивируя это решение большей боевой готовностью французской армии по сравнению с вооруженными силами России; французы, по предположениям немцев, могли быть готовы к боевым действиям на 12-й день мобилизации. На 3-й неделе после об'явления войны, по расчетам Мольтке, германцы могли дать французам решительное сражение. Если бы оно привело германскую армию к победе, то Мольтке не предполагал преследовать противника до Парижа, зная, по опыту войны 1870—71 г.г., как трудно сокрушить Францию, а думал предоставить дальнейшие действия на этом фронте дипломатии, которая должна была использовать победу германского оружия и склонить французов к прекращению сопротивления и к открытию мирных переговоров. А в это время, к концу 4-й недели, германские силы были бы переброшены на восточный фронт против России, которая, по всей вероятности, к этому времени не успела бы дойти до Вислы, вследствие медленной мобилизации своей армии.

Однако, этот план обладал тем крупным недостатком, что в своих расчетах на дипломатию он, конечно, расчитывал на дипломатическое искусство Бисмарка, который мог и не быть в то время, когда возгорелась бы эта война; а надеяться достигнуть благоприятных результатов заурядными дипломатическими переговорами, даже после решительной победы, не было никакого основания.

Между тем, с 1879 года, с заключением Германией союза с Австро-Венгрией, военно-политическая обстановка в Европе значительно изменилась, почему и план, разрабатывавшийся немцами с 1871 года, потребовал существенных изменений. Вследствие этого, Мольтке теперь резко меняет свои оперативные соображения и приходит к решению временно ограничиться обороной против Франции,

а с первых же дней войны начать наступление главными силами на русском фронте. Такое решение было основано на предположении, что, в виду законченной реорганизации французской армии, укрепления Парижа и создания на восточной границе Франции сильной линии крепостей и фортов, нельзя было расчитывать на достижение быстрого успеха в военных действиях на французском фронте. На русском же фронте такой успех был весьма вероятен, в виду медленной мобилизации русской армии, сильно отставшей в этом отношении от германской. Кроме того, здесь немцы надеялись на содействие Австро-Венгрии, которая могла выставить против России полумиллионную армию.

При этих условиях, вероятные операции во Франции представлялись начальнику германского генерального штаба в таком виде. Французы сосредоточатся на верхнем Мозеле и на Массе между крепостями Верденом и Эпиналем и поведут наступление главными силами в Лотарингии, а меньшими в Эльзасе. В этом случае немцы должны были атаковать противника впереди р. Саара, а в Эльзасе остановить его. Движение французов через Швейцарию признавалось невозможным, в случае же их наступления через Бельгию—они были бы остановлены на Рейне. Если бы немцы были оттеснены неприятелем, то стали бы отходить: из Лотарингии—к Майнцу, из Эльзаса—к Страсбургу, с целью занять между этими крепостями оборонительное положение за Рейном. Мольтке полагал, что противник, истощивши свои силы при атаке Меца, Страсбурга и Майнца и растянувши свою операционную линию, дал бы немцам возможность не только преградить ему путь в германские пределы, но и вступить с ним в решительное сражение в благоприятной для них обстановке. А к тому времени могли бы прибыть подкрепления с восточного фронта, где русской армии уже был бы нанесен решительный удар. Этот последний явился-бы результатом концентрического наступления против русских главных сил, расположенных в Польше (с фланговыми отрядами на Немане и в Подолии): германской армии—с северо-запада, в обход крепостей на Висле и австрийской армии—с юго-запада.

Мольтке остался верен этому плану даже и тогда, когда к австро-германскому союзу присоединилась Италия, потому что он находил, что итальянские войска, выдвинутые к французской границе, могут упрочить положение германских войск, находящихся в Эльзасе, и привлечь на себя часть французских сил.

В 1888 году фельдмаршала Мольтке сменил граф Вальдерзее, участвовавший с 1882 года, в качестве генерал-квартирмейстера, в разработке плана своего предшественника. В общем, он сохранил оперативные соображения этого плана, предполагая направить в наступление против России 7 корпусов для совместных действий с австрийской армией, а 13 корпусов—для активной обороны на западном фронте.

Мольтке вообще считал наступление на французском фронте очень трудным и возможным только по двум направлениям: или севернее Вердена через Стенэ, что, впрочем, затруднялось угрозой со стороны Вердена левому флангу наступавшего, или между Эпиналем и Тулем по так называемому шармскому проходу. Но Вальдерзее не мог уже расчитывать и на это последнее направление, в виду сведений о предположенном в то время укреплении Нанси и вследствие постройки форта Маннонвилера в окрестностях этого города.

До тех пор еще не было и речи об обходном движении германских армий через Бельгию. Об этом еще не думали и в первые годы деятельности графа Шлифена на посту начальника германского генерального штаба, который он занял после Вельдерзее в 1891 г. Лишь после того, как образовался русско-французский союз, в Европе создалась обстановка, которая привела немцев к мысли о необходимости наступать через Бельгию. Эта обстановка сложилась из следующих новых условий: вооруженные силы Франции получили в это время значительное развитие, французская мобилизация была ускорена, наступательный дух во французской армии сильно окреп, и, кроме того, явилась вероятность усиления французов английскими войсками. Все это в совокупности могло привести к тому, что, выполняя на западе оборонительный план, немцы были бы вынуждены,

раньше чем расчитывали, вступить с противником в решительное сражение в невыгодных для себя условиях и притом ранее достижения каких-нибудь результатов на восточном фронте. В виду этого, французы, которые могли быстро изготовиться к наступлению, становились весьма опасным противником; тогда как помощь Италии, по политическим соображениям, становилась сомнительной, а следовательно нельзя было расчитывать на отвлечение части французских сил к альпийской границе.

Изменения, внесенные в план Мольтке Шлифеном.

Таким образом, теперь уже приходилось откинуть прежние расчеты на пассивно-оборонительные намерения французов, как это было в первые годы после войны 1870—71 г.г., и нужно было ожидать с их стороны энергичного наступления. При этих условиях, предположенный фельдмаршалом Мольтке оборонительный способ действий в Лотарингии мог привести к неудаче, потому что противник уже был способен к наступлению на более широком фронте. Что же касается России, то условия здесь сделались тоже более трудными для достижения быстрого решения, так как в течение последних лет русские возвели много новых крепостей и укреплений. Эти соображения, естественно, ставили ребром чрезвычайно важный для Германии вопрос: на каком фронте надлежит раньше всего сосредоточить свои главные силы и развить энергичные действия? На кого из двух противников следует напасть в первую очередь, с целью уничтожить его до прибытия к нему на помощь союзника? Ясно было, что Россия со своими огромными расстояниями, слабо развитой железнодорожной сетью, со своей медленной мобилизацией, не может выступить на арену борьбы одновременно со своим западным союзником. Из этого вытекало, что Германия должна раньше всего броситься со всеми своими силами на Францию, как на врага, скорее изготовлявшегося к бою, а потому и более опасного, разгромить ее в кратчайший срок, а затем, перебросивши свои армии на восток, напасть на Россию. Этот способ действий становился более надежным в случае при-

соединения к германцам австро-венгерской армии, которая могла принять на себя задачу отвлечь своим наступлением русскую армию от германской границы.

Итак, все изложенное выше приводило к заключению, что необходимо искать решения на западе, а на востоке нужно придать операциям более ограниченный характер, т.-е. почти все силы Германии следует бросить против Франции, для достижения решительного результата в кратчайшее время.

Решаясь на выполнение такого плана, Германии приходилось принять меры к тому, чтобы действовать с наибольшей быстротой и вторгнуться во Францию возможно скорее. Для этого раньше всего необходимо было избрать для вторжения на неприятельскую территорию то направление, на котором германские армии могли бы встретить наименьшее сопротивление.

Очевидно, оно не могло идти из Лотарингии через восточную границу Франции с тех пор, как эта граница, от Вердена до Бельфора, была превращена в сильную систему крепостей и укреплений. Возможно ли было быстро достигнуть желательного результата фронтальным наступлением на эту укрепленную границу? Конечно, нет. Приходилось искать другого направления, в обход этой трудно-одолимой преграды. Этот обход был невозможен в узкой полосе между Верденом и люксембургской границей, потому что в этом случае для левого фланга наступавших войск, как это предусматривал еще и Мольтке, явилась бы угроза со стороны крепости, а в тылу оставалась бы Бельгия. Следовательно, для обхода оставались направления через Швейцарию и Бельгию. Первое из них представляло два невыгодных условия: сильно гористую местность, неудобную для действий массовых армий, и кружный путь к столице Франции; тогда как второе выводило германские армии на кратчайшие пути к Парижу и пролегало по местности, вполне благоприятствовавшей боевым операциям. Таким образом, оставалось одно: идти через Бельгию.

И Шлифен, придя к такому заключению, уже должен был, в своих оперативных работах, считаться со всеми

последствиями этого решения. Вот каким путем, последовательно, постепенно, германская военная мысль дошла до сознания необходимости избрать для вторжения во Францию направление через Бельгию, т.-е. нарушить нейтралитет этой страны.

Шлифену принадлежит план войны на два фронта, с Россией и Францией, заключающий в себе грандиозные цели самого решительного значения, подобных которым военная история не знает с дней наполеоновских походов. И тем не менее, было бы неправильно считать его замыслы чем-то необыкновенным, потому что, в сущности говоря, Шлифен представляет собой продолжателя Мольтке, последователя его идей, развивавшего их в более широком масштабе и применительно к новой обстановке. Подобно Мольтке, он не считал возможным легко и быстро разделаться с Францией, с тем, чтобы возможно раньше перебросить все германские силы на русский фронт; опыт японской войны ясно показал, что даже блестяще выигранные сражения не освобождают армию победителя и влекут за собой еще целый ряд последующих операций, требующих участия в них весьма крупных сил. Поэтому Шлифен считал необходимым одновременно с наступлением во Франции вести операции против России силами, достаточными для длительной задержки русского наступления.

Основными положениями его плана являются следующие два: 1) быстрые и решительные действия массовыми армиями возможны в современной обстановке и 2) эти действия могут дать решительный результат лишь при обходе или одного, или обоих флангов противника, с целью окружения и уничтожения всех или большей части его сил (идея Канн) [1].

---

[1]) Эту идею Шлифен неоднократно высказывал в своих литературных произведениях; ей посвящен особый его труд „Cannae", изданный у нас в 1923 г. в русском переводе высшим военным редакционным советом.

План Шлифена.

План Шлифена вырабатывался постепенно. Первый этап в этой работе относится к периоду 1894—99 годов и представляет собой следующие соображения. Шесть армий развертываются на линии С. Вит—Трир—Саарбрюкен—Саарбург—Страсбург, VII-я армия—уступом за правым флангом; задачи армий: I-я и II-я переходят Маас у Доншери и Стенэ, прикрываемые со стороны Бельгии VII-й армией; далее к югу, на мааские высоты, наступает III-я армия; IV-я и V-я овладевают линией Нанси — Фруар — С. Венсен и наступают далее через шармский проход южнее Туля на Нэфшато; VI-я армия прикрывает левый фланг. Участок Верден—Туль, как сильно укрепленный, не предполагалось атаковать. Как видно из этого распределения сил, Шлифен намечал здесь для противника Седан (или Канны): с фронта одна армия (III-я), на обоих флангах по 3 армии, охватывающие фланги противника. Одновременно с этим, на восточном фронте оставлялись слабые силы, которые, в случае необходимости, могли отойти за Вислу. Решение борьбы ожидалось на западе, причем, если бы здесь был достигнут успех, то все потерянное на востоке было бы возвращено.

К этому плану был составлен вариант в предположении, что, в случае, если Германия выступит против России в союзе с Австро-Венгрией, то Франция в первое время займет выжидательное положение. При этих условиях, необходимо сильное наступление на восточном фронте, где, большая часть германских вооруженных сил, в связи с австро-венгерскими войсками, должна наступать: сильная группа войск—из В. Пруссии на участок р. Нарева Пултуск—Ломжа, с левым флангом на Белосток, а более слабая группа—на Осовец и Августов для атаки русской неманской армии. Небольшая часть германских сил должна оставаться внутри страны, в виде стратегического резерва, который, в случае перехода французов в наступление, может быть направлен на запад для охвата их левого фланга.

В следующие годы Шлифен постепенно видоизменял свой основной план, придавая обходному маневру правым

флангом все большее и большее значение. Наступление на фронте ослаблялось, левому флангу в Лотарингии было дано совершенно пассивное значение[1]); театр военных действий расширялся все более и более. На подобные изменения плана оказало, между прочим, свое влияние поражение России в японскую войну, потому что в то время немцы считали, что на восточном фронте можно обойтись небольшими силами и что тыл Германии не будет угрожаем с востока. Если принять во внимание, что план Шлифена был окончательно выработан в декабре 1905 года, когда уже обнаружилось ослабление России, и что автор этого плана расчитывал, в виду тревожного и благоприятного в то время для Германии политического положения в Европе, использовать этот план в ближайшие же месяцы, то станет понятным, почему он придавал так мало значения операциям на восточном фронте. Тем более, что на западе предполагалось выступление англичан бок-о-бок с французами, а Италия уже не считалась на стороне Германии.

Таким образом, Шлифен как-будто бы и не предполагал вести войну на два фронта. Однако, подобное заключение совершенно неверно. В многочисленных, выполненных под его руководством, военных играх и полевых поездках, как на западном, так и на восточном фронтах, он изучал различного рода комбинации боевых действий на два фронта, имея в виду постепенное восстановление военного могущества России. Во всех этих вариантах резко подчеркивалось значение германских крепостей в Эльзас-Лотарингии, которые сильно затрудняли бы наступление французов между Мецом и Страсбургом, создавая угрозу их обоим флангам, а группа Мец—Диденгофен как бы раскалывала их фронт и вынуждала расходовать значительные силы для обложения своих укреплений. В свою очередь на восточном фронте,

---

[1]) По мере того, как левый фланг все более ослаблялся в отношении численности войск, все больше обращалось внимания на усиление укреплений Меца, Тионвиля (Диденгофена) и Страсбурга.

Шлифеном отмечалось значение линии мазурских озер, разделявших неманскую группу русских войск от наревской.

Теперь обратимся к распределению сил, предусмотренному планом 1905 года и задачам, данным различным группам войск.

Для западного фронта были предназначены 7 армий, заключавших в своем составе $40^1/_2$ полевых и резервных корпусов, 11 кавалерийских дивизий и $20^1/_2$ ландверных бригад. Для восточного фронта назначена одна армия в составе 10 полевых и резервных дивизий и 7 ландверных бригад.

Распределение сил на западном фронте было предположено следующее: главную группу, т.-е. активный фронт, на линии Крефельд-Мец, составляли 6 армий или $35^1/_2$ полевых и резервных корпусов и 8 кавалерийских дивизий, которые должны были наступать на линию Дюнкерк—Верден; второстепенную группу, т.-е. пассивный фронт, в Лотарингии,— образовала одна армия из 5 полевых и резервных корпусов и 3 кавалерийских дивизий (кроме того, крепостной гарнизон Страсбурга); на верхнем Рейне—$4^1/_2$ ландверные бригады. Главная группа расчленялась на 3 частные группы: правую (9 корпусов и 5 кав. дивизий), которая направлялась на фронт Брюссель—Намюр, имея за собой во 2-й линии (для обеспечения правого фланга и осады Антверпена) 7 эрзац-рез. корпусов; центральную (6 корпусов, 1 рез. и 1 кав. дивизии)—для наступления на участок Намюр—Мезьер; и левую (8 корпусов и 2 кав. дивизии), имевшую уступом за левым флангом 5 рез. корпусов (для обеспечения этого фланга и осады Вердена) и наступавшую на участок Мезьер-Верден. Кроме того, во 2-й линии за этими войсками должны были следовать: севернее Мааса—10, а южнее—6 ландверных бригад (для обеспечения флангов и тыла).

Правое крыло германцев должно было постоянно обходить левый фланг противника [1]). Если бы неприятель соз-

[1]) Во французской и германской литературе имеются указания на то, что Шлифен предполагал, с целью сократить путь для I-й германской армии, которая должна была развернуться севернее

дал укрепленный фронт на р. Уазе от Парижа до Ла-Фэра, то, развлекая его внимание на этом участке частью сил, остальные 7 корпусов следовало двигать далее, в обход Парижа с запада и юга, а эрзац-резервными корпусами, которые должны были наступать за ними,—обложить столицу Франции; 7 корпусов, обошедшие Париж, продолжают наступление на Труа, все время охватывая левое крыло противника. Остановка французов на р. Сомме считалась маловероятной, но если бы это и произошло, то германский правый фланг пошел бы на Амьен и даже на Абевиль. Предполагалось, что к 22-му дню мобилизации правое германское крыло достигнет линии Гент—Мобеж—Мезьер—Монмеди—Диденгофен, а к 31-му дню—линии Амьен—Ла-Фер—Ретель—Диденгофен. В этом втором варианте своего плана Шлифен сильно расширяет район для обходного маневра правого крыла: в дополнение к правобережной Бельгии и Люксембургу, он захватывает и всю центральную Бельгию, получая для продвижения германских армий район, богатый местными средствами и путями сообщения.

Что касается лотарингской группы, то, в случае пассивности противника, она должна была наступать на Нанси; если же противник будет наступать в превосходных силах, то отходить на немецкий Нид и здесь обороняться. При первой же возможности 2 корпуса из этой группы следовало перебросить на активный фронт. Допускалась возможность вторжения французов в южную Германию (из Эльзаса),

---

Ахена, направить ее через голландский Лимбург, на что и расчитывал получить согласие голландского правительства. Мольтке-младший, в своей записке, касающейся отступления с Марны и составленной летом 1915 г. (см. Erinnerungen, Briefe, Dokumente, 1877—1916. стр. 429—430), упоминает о том, что Шлифен действительно предполагал нарушить нейтралитет Голландии, расчитывая на то, что голландское правительство ограничится протестом. Сам Мольтке находил, что, хотя соблюдение голландского нейтралитета и затрудняло развертывание правого германского фланга, но за то нарушение его ослабило бы этот фланг выделением сил для борьбы с голландскими войсками или наблюдения за ними и потребовало бы значительно больших усилий для обеспечения германских сообщений при вторжении в северную Францию и для овладения Антверпеном.

причем план оценивал такой случай, как благоприятный для немцев, потому что чем больше противник направил бы туда своих войск, тем меньше осталось бы у него для решительного сражения во Франции. Между тем, в это время все, оставшиеся в Лотарингии, германские войска, с гарнизонами Меца и Страсбурга, должны были принять участие в наступлении к западу, с целью завершить окружение неприятельских армий или между Парижем и Нанси, или у мозельских крепостей, или даже где-нибудь южнее.

Впрочем, такое наступление левого крыла считалось мало вероятным, вследствие недостатка здесь сил и наличности многочисленных укреплений на французской границе. Следовательно, сравнивая между собой оба варианта плана, мы видим, что идея окружения, идея Канн, ярко выявленная в первом варианте, во втором уступает место идее обхода левого неприятельского фланга, что может быть об'яснено или недостатком сил, при новой их группировке (при усилении правого крыла), или расширением фронта, затруднявшим согласованное наступление очень удаленных один от другого флангов [1]). Конечное окружение противника, попрежнему, считалось желательным и даже возможным при благоприятных условиях, но оно могло быть достигнуто в этом случае способом, несколько отличавшимся от классического маневра Канн: не одновременным, одинаково активным действием обоих флангов навстречу один другому, а посредством загона неприятельских масс с одного фланга к другому флангу, где расстроенный и ослабленный отступлением противник должен был быть или уничтожен, или взят в плен. Однако, идея Канн в чистом

---

[1]) Французы называют этот вариант—чисто наполеоновским по своему замыслу, обладающим всеми характерными особенностями стратегических маневров Наполеона. Ген. Камон в своей статье La genèse du plan de guerre allemand (Revue militaire francaise, № 6, 1921) приводит весьма интересные сопоставления оперативных соображений Шлифена со стратегическими указаниями Наполеона в 1806 и 1812 годах, из которых видно поразительное их сходство между собой, как по духу, так и по форме.

виде не покидала Шлифена, и впоследствии он вернулся к ней в своем проекте 1912 г. [1]).

Шлифен полагал, что французы не будут в состоянии планомерно и сосредоточенными силами встретить наступление германских армий на фронте Антверпен—Верден или повести наступление в Лотарингии, между Мецом и Страсбургом, потому что обходное движение главных сил германцев через Бельгию нарушит все их расчеты и вызовет

---

[1]) Находясь не у дел, Шлифен продолжал работать над своей излюбленной идеей—широкого обхода неприятельских флангов в случае войны с Францией. Эта работа закончилась в декабре 1912 г. составлением нового плана, который представлял собой дальнейшее развитие оперативных соображений 1905 г.

В этом плане решительное наступление предполагалось не только правым германским крылом (находившимся к северу от Вердена), но всем фронтом, от моря до швейцарской границы, с обходом обоих флангов противника и атакой восточных крепостей Франции. Однако, главный удар, попрежнему, был намечен на правом фланге, мощной группой из 21 корпуса, на участке от Абевиля до С. Кентена. Атака участка между Верденом и Бельфором должна была начаться лишь после того, как правый фланг перейдет бельгийско-французскую границу и переправится через Маас ниже Вердена. Шлифен полагал, что, когда правое крыло достигнет линии Абевиль—С. Кентен—Ретель—Верден, то противник покинет южный участок фронта от Вердена до Бельфора. Для выполнения такого грандиозного плана германские силы, которые существовали в то время, были, конечно, недостаточны, а потому необходимо было значительно увеличить их; между тем, и союзный совет, и рейхстаг противодействовали этому. В виду этого, Шлифен остановился на мысли, которая уже позже, в процессе мировой войны, вновь возродилась и получила осуществление, а именно, увеличить при мобилизации число высших тактических соединений, путем изменения состава корпусов: вместо 24 полевых батальонов назначить в каждый корпус 12 и придать к ним 8 резервных, что дало бы две трехполковые дивизии с 90 орудиями на корпус. Этим путем число полевых корпусов могло быть увеличено вдвое. Шлифен считал, что некоторое уменьшение числа батальонов в корпусе и переход от четырехполковых к трехполковым дивизиям не могли отразиться неблагоприятно на боевой годности этих тактических соединений, тогда как увеличение числа последних допускало выполнение более широкого маневра.

Этот второй план Шлифена представлял собою его неофициальную работу, имел исключительно теоретическое значение и практического применения не получил.

торопливые меры по приведению их армий в положение, соответствующее новой обстановке.

Бельгийская армия признавалась слишком слабой и числом, и своей боевой подготовкой, чтобы могла задержать германское наступление; по всей вероятности она сделает лишь видимость сопротивления и запрется в Антверпен в ожидании более благоприятной обстановки. Что же касается бельгийских крепостей на Маасе, то немцы надеялись справиться с ними своей могущественной тяжелой артиллерией.

План предусматривал возможность выступления Англии на стороне Франции и Бельгии, но высказывал надежду, что англичане не успеют выставить на материке крупных сил ранее того, как немцы достигнут решения и разгромят Францию.

Несмотря на то, что в рассматриваемом нами плане указана довольно подробная группировка войск и предусматриваются и характер наступления, и его отдаленные цели, тем не менее, на него следует смотреть лишь как на общую схему действий, как на идею, а не как на рецепт, обязательный к выполнению во всех мелочах; все же расчеты, группировки и порядок движения, приводимые в этом плане, являются лишь иллюстрацией его идейного содержания. Так именно на этот план смотрел и сам Шлифен, считавший, подобно Мольтке, что ни один план войны не должен определять хода событий дальше первого крупного боевого столкновения с противником, потому что оно создает совершенно новую обстановку, предусмотреть которую заблаговременно невозможно.

Таков был план германского генерального штаба, законченный разработкой в декабре 1905 года, лишь за несколько недель до оставления Шлифеном своего поста; таков был проект этого гигантского маневра миллионной массы людей на равнинах Бельгии и Франции, с целью раньше всего ошеломить противника, подавить его моральные силы, лишить его веры в успех своего сопротивления, а затем— отбросить его к югу, загнать, как зверя, в тупик и там окружить и истребить.

Изменения, внесенные в план Шлифена Мольтке младшим.

С уходом Шлифена в отставку, его место занял генерал Мольтке, племянник знаменитого фельдмаршала, унаследовавший от своего покойного дяди громкое имя, но не обладавший воинскими талантами, достойными этого имени. План своего предшественника он сохранил в общих чертах, хотя, с течением времени, под влиянием, главным образом, психологических факторов, внес в него такие частичные изменения, которые весьма существенно видоизменили его характер и лишили его тех особенностей, которые составляли его сильную сторону. Этими психологическими факторами являлись: все возраставшая уверенность германского генерального штаба, что сопротивление Бельгии, вследствие содействия Франции и Англии, окажется сильнее, чем это первоначально предполагалось, и опасение решительного наступления французов в первые же дни войны, в виду, многочисленных признаков усиления среди командного состава французской армии наступательного настроения. Все это приводило к предположению, что обстановка может сложиться таким образом, что в то время, когда германские армии правого крыла будут задержаны в Бельгии, французы крупными силами вторгнутся через Эльзас-Лотарингию в южную Германию и достигнут здесь успешного результата ранее, чем обходный маневр германцев на правом фланге окажет какое-либо существенное влияние на общее положение сторон на театре военных действий. Такие опасения наводили на мысль о необходимости усилить южную группу германских войск, которой в плане Шлифена предназначалась совершенно пассивная роль, и дать ей более активную задачу. Это привело к замене этой группы, представлявшей собою лишь одну армию из 10 пехотных и 3 кавалерийских дивизий,—двумя армиями (VI-й и VII-й) общего состава в 16 пехотных и 3 кавалерийских дивизий. Соответственно этому, была изменена и задача этого фланга: он должен был оказать противодействие неприятельскому наступлению уже на линии р. Брейши, на верхнем Рейне и на р. Ниде.

Обе армии должны были атаковать противника, если бы он наступал к р. Саару, VI-я—с севера, со стороны Меца и р. Нида, а VII-я—с юга. Кроме того, V-я армия, в первые дни наступления, должна была, оставаясь на месте, находиться в готовности броситься к югу, в Вевр или Лотарингию, против левого фланга французов. А в том случае, если бы наступление французов в Эльзас-Лотарингию не осуществилось, обе армии наступали бы к р.р. Мозелю и Мерте, с целью воспрепятствовать противнику перебрасывать свои силы к северу.

Мольтке считал, что все те силы, которые противник имел бы здесь, пропадали бы для его наступления в Бельгию, а потому более сильный состав VI-й и VII-й армий, по его мнению, не мог затруднить операций главной массы германских войск. По достижении этими армиями поставленной им цели, бо́льшая часть их сил должна была быть переброшена по железным дорогам к северу, на правый фланг (для чего по обе стороны Рейна преполагалось заготовить необходимый для этого подвижной состав).

Что касается восточного фронта, то Мольтке оставил здесь почти те же силы, которые были назначены в плане Шлифена, но лишь немного видоизменил их состав: вместо 10 полевых и резервных дивизий и 7 ландверных бригад, он назначил на русский фронт 9 полевых и резервных и 1 кавалерийскую дивизии, ландверный корпус и 3 ландверные бригады. Для западного фронта Мольтке назначил 70 полевых и резервных [1]) и 10 кавалерийских дивизий, $17^1/_2$ ландверных бригад и 6 эрзац-резервных дивизий.

Таким образом, в смысле соотношения германских сил западного и восточного фронтов, цифры, принятые Мольтке, мало отличаются от установленных Шлифеном.

Следовательно, и Шлифен, и Мольтке, были вполне солидарны в вопросе о преобладающем значении западного фронта, почему в этом смысле план Шлифена можно считать

---

[1]) Впрочем, две из них (IX-й резервный корпус) должны были оставаться на побережьи, в Шлезвиге, на случай высадки здесь противника.

получившим осуществление в 1914 году. Но несколько иначе разрешен вопрос о распределении сил западного фронта, о соотношении численности войск на различных его участках. Мольтке видоизменил это соотношение в пользу южной, второстепенной группы, нарушив тем основную идею шлифеновского плана. Ошибка Мольтке заключалась, в сущности, вовсе не в самом изменении численности войск левого крыла, потому что даже усиление левого фланга 6-ю пехотными дивизиями дало ему возможность иметь на активном участке силы не меньшие, чем те, которые были назначены туда его предшественником. Его ошибка состояла в том, что усиливая левое крыло и давая ему активную задачу, он психологически ослаблял главный удар, заносимый правым крылом, отвлекал внимание высшего командования от выполнения важнейшей задачи, разделял усилия по двум направлениям, как бы раскалывал, расщеплял основную идею плана, лишая последний той цельности, которая так важна для операций со столь решительными задачами и со столь широкими целями. И в дальнейшем изложении мы увидим, какое неблагоприятное влияние оказало на боевые действия германских армий это раздвоение оперативных замыслов высшего командования, с созданием на левом фланге крупных стратегических об'ектов, имевших совершенно нереальное, призрачное значение.

Сравнение плана Шлифена с планом Мольтке младшего.

Как Шлифен, так и Мольтке, оба имели в виду только оборону Эльзас-Лотарингии, почему, казалось бы, и роль левого крыла должна была быть у обоих одинакова; однако, как различны оказались те задачи, которые выпали на долю этого крыла у того и другого! Шлифен, располагая здесь небольшими силами, желал лишь выиграть время, которое было необходимо для достижения решительных результатов в другом месте; Мольтке же, назначивши сюда более крупные силы, пытался разбить здесь противника, рассчитывая этим облегчить наступление правого фланга. Не трудно понять, как велика разница в оперативных приемах обоих стратегов и как непохожи одна на другую эти две

стратегии: одна, которая жертвует всем для достижения успеха в направлении важнейшей цели и другая, пытающаяся достигнуть такого же успеха посредством постановки, наряду с главной, еще и второстепенной цели, ведущей к разделению, а следовательно и к ослаблению сил. Несомненно, что, в случае неудачи или неполного успеха VI-й и VII-й армий, слишком большие силы совершенно бесцельно отвлекались от главного операционного направления; и Шлифен ясно предусматривал вероятность такого положения, полагая, что наступление к Нанси будет безрезультатным, так как противник будет сражаться здесь, опираясь на близлежащие крепости. Мольтке не сумел правильно оценить этой обстановки, которая, на его несчастье, с первых же дней войны сделалась еще более неблагоприятной для немцев, вследствие укрепления Нанси французами. Во всяком случае, наступление левого крыла должно было затруднить переброску его войск к северу, потому что оно тактически приковывало здесь значительные силы немцев, а следовательно расчеты Мольтке на использование этих сил на главном направлении не имели никаких шансов на осуществление.

Все сказанное здесь ясно обнаруживает, насколько различна была та психологическая основа, из которой вышли и на которую опирались главные оперативные соображения обоих германских стратегов и которая отчетливо проглядывала в их планах сквозь густую сетку стратегических рассуждений и предположений, по внешнему виду как будто бы даже мало между собой различавшихся. Из каких же моментов или составных частей слагалась у каждого из них эта психологическая ткань?

Шлифен был в полной мере самостоятельным творцом своего плана, основная идея которого долго вынашивалась, разрабатывалась и совершенствовалась им, с глубокой верой в ее победное значение в грядущей войне; в противоположность этому, Мольтке являлся, в сущности говоря, исполнителем чужого плана, лишь несколько видоизмененного, переделанного, принятого им на веру, и не был духовно связан с оперативным замыслом, вложенным в нем.

Соответственно своей твердой уверенности в том, что только мощный натиск через Бельгию может привести к быстрому и решительному успеху, Шлифен обнаруживал непреклонную решимость вести наступление в этом, и только в этом направлении; отсюда, как естественный результат этого,—его сочувственное отношение к нарушению бельгийского нейтралитета и спокойный взгляд на возможные события в Лотарингии. Не так устойчиво, не так ясно был настроен в этих вопросах Мольтке; его угнетала мысль о политических последствиях, которые могло повлечь за собой нарушение нейтралитета Бельгии, и, кроме того, он опасался как бы этот грандиозный маневр правого фланга не оказался ударом по воздуху, потому что продолжительность этого широкого обходного движения могла лишить его характера внезапности и дать противнику время и возможность встретить его контр-ударом в центре или на левом фланге.

Шлифен не допускал возможности выполнения французами наступления в Эльзас-Лотарингии, потому что предвидел, что как только противник выяснит себе характер германского удара через Бельгию, он тотчас же направит свои главные силы навстречу этому движению [1]); отсюда вывод—правое германское крыло должно быть возможно сильнее, так как именно здесь лежит решение. Обратно этому, Мольтке полагал, что, если французы сосредоточат свои главные силы в Лотарингии, то наступление немцев через Бельгию теряет свой смысл, потому что при этих условиях следует атаковать противника там, где будут его главные силы, которые необходимо разбить; это приводило к заключению, что в этом случае немцы могут быть вынуждены сосредоточиться в Лотарингии, где и будет решение; или, удерживая противника на лотарингском участке и оставивши небольшой заслон на правом фланге против бельгийцев и англичан, все остальные силы бросить с севера к юго-западу для главной атаки западнее Меца.

Таким образом, Шлифен имел в виду полную самостоятельность действий германских армий, не считаясь с пла-

---

[1]) Это в действительности и случилось в 1914 году.

ном противника и стремясь подчинить себе волю врага, принудить его отказаться от своего замысла, вообще—видоизменить обстановку в свою пользу. Мольтке же применялся к образу действий неприятеля, считался с его волей, подчинялся его оперативному замыслу, следовательно, лишь приспособлялся к условиям обстановки. Правда, оба ставили себе одну и ту же решительную цель—уничтожение противника, но пути, которыми они хотели достигнуть этой цели, были различны. Во всяком случае, первоначальный замысел Шлифена не только подвергался в руках Мольтке частичным изменениям, но ему грозило изменение и по духу.

Шлифен и Мольтке младший.

Теперь перенесем на несколько минут свое внимание от планов войны, от стратегических идей и от оперативных замыслов к тем людям, которые являлись их авторами, их творцами. Оба, несомненно, заслуживают этого, потому что их планы тесно сплелись с событиями первых месяцев мировой войны, этими роковыми для немцев, потрясающими событиями маневренной кампании 1914 года, отражающими в себе одновременно отблеск идей этих обоих стратегов.

Вот перед нами старый фельдмаршал, много лет работающий в тиши своего кабинета, среди карт, оперативных докладов, различных вариантов плана будущей войны с соседями, весь отдавшийся стратегической работе, напрягающий все силы своего ума и всю мощь своего воображения для правильной оценки обстановки и для того, чтобы предусмотреть ее вероятные изменения в будущем. С душой, полной восторгом творчества, с безграничной верой в торжество своего замысла, он глубоко предан своему делу, сильный духом, настойчивый, весь горящий священным огнем увлечения!.. Мы видим его в конце 1905 г., в тот критический момент для франко-русского союза, когда Россия, ослабленная войной с Японией, оставила Францию одинокой, лицом к лицу с могучим врагом,—мы видим его в это время в нетерпеливом ожидании войны, в ожидании приказа о мобилизации, как восторженного призыва к победе. Или теперь, или никогда! Нужно использовать исклю-

чительно благоприятную обстановку для Германии, необходимо возможно скорее претворить в жизнь этот широкий, смелый замысел молниеносного вторжения во Францию, чтобы железом и кровью спаять все частные усилия и все отдельные стремления в одно непреодолимое, цельное, твердое, как сталь, напряжение всего народа к уничтожению противника. Мы видим его 8 лет спустя, за несколько дней до смерти, все также охваченным этой наступательной идеей, попрежнему полным решительности и веры в победу. „Вся Германия должна броситься на одного врага, сильнейшего, опаснейшего, т.-е. на Францию, поддерживаемую Англией!“ говорит он уже на смертном одре. И затем:—„Необходимо дать врагу решительное сражение; но для этого сделайте правое крыло возможно сильнее!“ шепчут этот прощальный завет отечеству его холодеющие уста. Последняя, слабая вспышка уже угасавшего пламени, которым долгие годы горела и согревалась эта душа!

Оглядываясь на деятельность Шлифена, немцы спрашивают себя: возможно ли признать историческим лицом такого деятеля, который сам не принимал участия в исторических событиях, который сам не делал истории? Шлифен в своей военной деятельности пережил тяжелую душевную драму: имея органическую, прирожденную склонность к полководчеству, он никогда не имел случая найти для нее применения. Как известно, он не участвовал ни в одной войне в какой-либо видной, ответственной роли, и его имя не занесено на скрижалях военной истории; он не был полководцем в условиях живой действительности, а являлся таковым лишь на карте, в своих планах и предположениях для будущего. Тем не менее, хотя ему и не было суждено руководить действиями крупных войсковых масс на войне, но по свойствам своего ума и характера, он представляет собой военного деятеля широкого, полководческого масштаба. И достаточно окинуть взором военную литературу, касающуюся мировой войны, чтобы убедиться в том, как властно господствуют над явлениями важнейшего, маневренного периода этой войны идеи и решения Шлифена и придти к

заключению, что деятелю такого рода не может не принадлежать крупное историческое значение.

А вот, рядом с этой величественной фигурой стоит в истории мировой войны другой человек, в судьбе которого не мало элемента трагического. Мольтке - младший был случайным человеком на посту начальника германского генерального штаба, а следовательно он оказался таковым и в роли исполнителя шлифеновского плана, который, как мы видели, был в некотором отношении видоизменен им. Однако, судьба дала ему то, чего так несправедливо был лишен Шлифен: тяжкое бремя полководчества. Он не лишен был положительных качеств ума и характера, но имел склонность теоретизировать военные явления и легко поддавался пессимизму. В его душе никогда не горел священный огонь полководческого дарования, и у него никогда не было веры в свою звезду, уверенности в грядущей победе. Этот недостаток самоуверенности не мог быть восполнен чувством долга и напряжением воли, почему он всегда нуждался в людях, которые могли бы оказывать на него ободряющее влияние и своими более крепкими нервами облегчали бы его душевную борьбу в моменты оперативных кризисов. Между тем, в тяжелые дни кампании 1914 года, осуществлявшей план, в успех которого Мольтке не верил, в те дни, когда колебания и нерешительность угнетали его до болезненного состояния, около него не было того сильного человека, который мог бы помочь ему охватить обстановку во всей ее широте и в хаосе отдельных фактов и разнообразных, часто противоречивых впечатлений уловить сущность этих событий.

Как, в самом деле, различна судьба этих людей! Один, стремившийся всеми своими помыслами к полководческой деятельности, восторженно ожидавший ее, умер, не познавши ни горя, ни радостей полководчества; другой, не только не стремившийся, но уклонявшийся поднять это бремя, получил его на свои слабые плечи и пал под его тяжестью при первом же испытании...

Общая оценка германского плана.

После всего сказанного, как о самом германском плане войны, так и об его авторах, перейдем к общей оценке плана, с целью уяснить себе степень соответствия военно-политической обстановке заключающихся в нем оперативных идей и шансы на их осуществление.

Как известно, оперативные планы сами по себе, без отношения к той или другой обстановке и к тем результатам, к которым они приводят, все одинаково хороши или одинаково плохи, и для их оценки не существует в природе абсолютного критерия. Хорош тот план, который соответствует обстановке и приводит к успеху; план никуда не годится, если он не согласован с условиями обстановки и влечет за собой неудачу. И потому только с такой точки зрения мы и должны производить оценку и сравнение тех оперативных предположений, которые были составлены для этой войны обеими сторонами.

Германский план, вообще говоря, вполне соответствовал тем об'ективным условиям, которые существовали в то время в Европе для ведения Германией войны на два фронта, т.-е. иначе говоря, немцы правильно оценили сравнительную силу и боеспособность своих противников на западе и на востоке и в зависимости от этого сделали правильное распределение своих сил между западным и восточным фронтами. Кампания 1914 года, особенно в первоначальных своих операциях, вполне подтвердила целесообразность этого распределения. Но этого невозможно сказать о группировке сил на западном фронте, где, как мы видели, Мольтке изменил установленное Шлифеном соотношение сил северной и южной групп, нарушивши этим цельность первоначального оперативного замысла. Это тем более заслуживает упрека, что, как видно из опубликованных ныне немцами метериалов, германский генеральный штаб представлял себе французское развертывание очень близко к тому, как оно было намечено французами и как было в действительности произведено. А именно: выдвижение левого фланга на бельгийский Маас, правого—в Эльзас, наступление главных сил—в центре, или в Лота-

рингию, или в Люксембург и Бельгию; последнее направление—более вероятное. Не трудно придти к заключению, что группировка Шлифена более соответствовала такому развертыванию противника. Первые же боевые действия пограничного сражения вполне обнаружили это, доказавши полную нецелесообразность изменений, сделанных Мольтке. Замечательно то обстоятельство, что в ходе боевых операций маневренного периода немцы достигали всегда успеха там, где сохранялось влияние оперативных идей Шлифена в более или менее чистом виде и обратно—везде, где этот светлый источник мутнел от примеси последующих переделок плана, там получались или неполный успех, или неудача.

Наиболее характерной особенностью германского плана на западном фронте является, конечно, движение главных сил через Бельгию. Вопрос о нарушении немцами бельгийского нейтралитета создал с тех пор целую литературу, в которой, однако, как мне кажется, военная сторона этого вопроса оценена недостаточно. Некоторые исследователи, даже в Германии, упрекают Шлифена за нарушение этого нейтралитета, обвиняя его в политической непредусмотрительности, которая будто бы подняла против Германии почти всю Европу. Но кто мог поручиться за то, что, если бы немцы уважали этот нейтралитет, число врагов Германии было бы меньше? Выступление Японии и Америки, не имевших никакого отношения к этому вопросу, едва ли располагает к подобному предположению. Очевидно, что появление на арене этой борьбы столь многочисленных врагов Германии должно об'ясняться более глубокими причинами мирового масштаба; бельгийский же вопрос такого широкого значения не имел и не мог иметь. Тем не менее, не подлежит сомнению, что он ускорил решение Англии принять активное участие в войне, то решение, к которому она, однако, неизбежно пришла бы в ближайшее время.

Если бы Германия могла покончить с Францией одним мощным ударом, если бы война на западе, начатая германским вторжением на бельгийскую территорию, была бы окончена в 1914 году, то нарушение нейтралитета Бельгии

явилось бы мерой абсолютно целесообразной, потому что без нее совершенно невозможно было бы нанести противнику тот удар, который должен был смертельно поразить его. Иначе говоря, нарушение бельгийского нейтралитета настолько являлось полезным для достижения немцами конечной цели войны, насколько война с Францией могла уложиться в рамки шлифеновского плана, т.-е. могла дать быстрое решение. В этом случае, если и могли быть какие-нибудь отрицательные, невыгодные стороны в этом явлении, то все же приносимые им выгоды значительно превышали их. При этих условиях бельгийский вопрос, по всей вероятности, остался бы исключительно стратегическим вопросом и никакого другого значения не получил бы, потому что Англия не успела бы принять видного участия в операциях на материке, Франция не имела бы возможности оказать помощи бельгийцам и вообще, как в Европе, так и за ее пределами, едва ли накопилось бы достаточно поводов для того, чтобы создать в нейтральных странах настроение, враждебное Германии. Решительная победа, хотя может быть временно, развязала бы все узлы, покончила бы со всеми вопросами.

Совершенно другое положение создавалось в том случае, если германское наступление 1914 года не давало решения и война затягивалась на продолжительное время, как это в действительности и случилось. В такой обстановке бельгийский вопрос приобретал более сложное значение, из вопроса чисто-стратегического превращался в вопрос политический международного характера, вокруг которого постепенно наслаивались настроения, неблагоприятные немцам. В этом случае невыгоды, являвшиеся результатом такого положения, сильно преобладали над стратегическими преимуществами наступления через Бельгию.

Вот этого, повидимому, Шлифен не предусматривал или вообще не допускал. Составленный им план войны заключал в себе такое могучее сочетание огромных материальных средств с необычайно смелым и решительным замыслом, что сомневаться в быстром успехе германского наступления для него не было никаких оснований. Необходимо

принять во внимание, что Шлифен, в соответствии со стремительным, энергичным характером своей стратегической доктрины, признававшей лишь решительные цели уничтожающего значения, не имел в виду затяжной, продолжительной войны. Даже несколько лет спустя после составления своего плана, он определенно высказал в литературе мнение, что продолжительные войны невозможны, потому что существование государства зависит от непрерывного развития торговли и промышленности, и быстрое решение борьбы должно вернуть к деятельности фабричные станки; война на истощение не может имет места, когда содержание миллионов солдат требует миллиардных расходов [1]).

Нельзя отрицать того, что Шлифен не предусмотрел масштаба, в котором развернется мировая война. Но заслуживает ли он за это упрека? Ведь он предполагал, что Германия будет вести войну во всем согласно с его планом; а можно ли с уверенностью сказать, что, будь это так, то судьба германского наступления в 1914 году была бы такая же? Мольтке вел подготовку к войне при совершенно других политических условиях, в которых отдавал себе ясный отчет, но и он не мог предвидеть тех осложнений, которые создались впоследствии на почве оперативных соображений несколько видоизмененного шлифеновского плана.

---

[1]) Der Krieg in der Gegenwart. Berlin, 1913 г. Продолжительность большой европейской войны предусмотрел, кажется, только старик-Мольтке, который еще в 1890 г. сказал: „Если война, которая уже в течение 10 лет висит над нашими головами, как Дамоклов меч, разразится, то ее продолжительность и ее исход трудно предусмотреть. В этой войне примут участие сильнейшие государства Европы, которые будут подготовлены к этой борьбе, как никогда до тех пор; ни одно из них не может быть настолько разбито в одной или двух кампаниях, чтобы считать себя вынужденным заключить мир и не расчитывать, после более или менее продолжительного перерыва, возобновить борьбу. Это будет, может быть семилетняя, а может быть и тридцатилетняя война". (Kuhl. Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges.)

До сих пор, мы производили оценку германского плана с точки зрения решительной борьбы на уничтожение, которая и предполагалась его авторами, но которая, как известно, не осуществилась. Между тем, с точки зрения обыкновенной войны с ограниченными целями, этот план дал немцам очень большие преимущества при ведении маневренной войны в 1914 году. Он являлся естественным, логическим результатом закупорки восточной границы Франции крепостями и привел германскую армию к блестящим стратегическим и тактическим успехам. Правда, он не дал того, чего от него ожидали; но все же он обеспечил немцам захват инициативы и достижение первоначальных успехов, а также возможность занять на театре военных действий выгодное положение в отношении противника, облегчившее им дальнейшие успехи и затруднявшее таковые для неприятельских армий. Германский замысел броситься на Францию через Бельгию проще всего и быстрее всего вел германские армии к достижению важнейшей цели войны—решительному поражению главной массы неприятельской живой силы, ради чего немцы ни на минуту не задумались пренебречь условностями дипломатических соглашений и предрассудками международного права. Нарушение немцами нейтралитета Бельгии, с целью достижения этим путем главной оперативной цели своего наступления, представляет собой редкий в военной истории, образцовый пример осуществления превосходства стратегических, оперативных интересов над всеми другими интересами и соображениями, которые могут привлекать внимание воюющей стороны. И в этом преобладании интересов стратегии при решении вопросов—идти или не идти через Бельгию, отнестись ли с уважением к принципам международной морали, или отбросить их в сторону,—сказалось правильное понимание немцами и целей вооруженной борьбы, и характера современной большой войны. Во всяком случае, в своей подготовке к войне они сделали очень много,—и, как увидим из дальнейшего, гораздо больше своих противников,—чтобы за пролитую кровь и за разорение народное удостоиться победы.

2. Французский план.

Основные идеи французского плана.

Все оперативные планы французов для войны с Германией, последовательно составлявшиеся французским генеральным штабом после войны 1870—71 г.г., в своих основных чертах определялись двумя нижеследующими господствующими идеями: 1) германская армия обладает большей боевой готовностью, чем французская, почему захват немцами инициативы и вторжение их во Францию являются вероятными; и 2) опасность такого вторжения должна вызывать особую заботу о создании прочного прикрытия на восточной границе, с целью обеспечения для французской армии безопасного сосредоточения в пограничной полосе. Эти идеи, несомненно связанные своими корнями с поражениями 1870 года, владели французским военным мышлением в течение десятков лет вплоть до мировой войны и, несмотря на изданные за это время во французской военной литературе сотни томов, посвященных вопросам о предпочтительности наступления и захвата инициативы, они густо окрасили французскую стратегическую доктрину склонностью к оборонительным действиям и к подчинению своего оперативного творчества предполагаемому замыслу противника.

Тем не менее, по мере того, как шли годы, французская армия крепла, подготовка к войне совершенствовалась, а вместе с тем и увеличивалась боевая готовность Франции, что постепенно приводило к видоизменению тех форм, которые принимали оперативные соображения, направляемые указанными выше основными идеями.

Зарождение и развитие плана [1]).

В первые годы после франко-прусской войны, примерно до 1875 года, французская армия, еще не успевшая оправиться от разгрома, была слаба, а постройка крепостей по восточной границе еще только начиналась; почему имелось в виду, в слу-

[1]) В 1-й главе 1-го тома сочинения французского генерального штаба Les armées françaises dans la grande guerre имеется обзор французских планов с № 1-го по № 17-й.

чае новой войны, отвести армию с началом мобилизации за р. Луару, потому что близость ее в эти дни к границе считалась для нее опасной, вследствие ее малой боевой готовности. В эти годы единственным средством для обеспечения армии безопасного перехода на военное положение и вслед за этим развертывания являлось оставление обширной отечественной территории, которая с первых же дней войны могла быть занята противником.

Во второй половине 70-х годов укрепление восточной границы достигло уже значительных результатов, поэтому к началу 80-х годов было решено использовать эту укрепленную линию, как прикрытие, как завесу для обеспечения мобилизации и развертывания и оказать здесь неприятельскому наступлению первое сопротивление передовыми войсками, расположенными по границе. В этом случае выигрыш во времени приобретался уже не потерей обширной территории, а оставлением лишь узкой пограничной полосы между линией крепостей и германской границей. Однако, крепостной пояс ген. Серэ-де-Ривьера еще не был настолько могуч, чтобы мог остановить натиск германских армий с ее превосходством в артиллерийских средствах, что привело французский генеральный штаб к решению, в случае прорыва этого пояса немцами, отходить к западу, на Париж, с последовательным использованием ряда оборонительных рубежей на этом направлении; если же ни на одном из них нельзя будет остановить наступление неприятельских армий, то отойти к Парижу, который к тому времени уже был обращен в большой укрепленный лагерь, но отойти сюда не для того, чтобы запереться в крепости и обречь себя на пассивное сопротивление противнику, а с целью, опираясь на крепость, активными действиями вынудить немцев перейти к обороне.

Между тем, французская армия все усиливалась и улучшалась и к 1887 году она была уже настолько боеспособной, что во Франции явилась мысль, не дожидаясь окончания грандиозного проекта укрепления восточной границы, наметить для нее более активные задачи в районе уже построенных крепостей. Раньше всего явился вопрос: нельзя ли

выдвинуть ее для боевых действий впереди линии крепостей? Но в то время это оказалось еще невозможным, потому что мобилизация армии и сосредоточение ее в пограничной полосе требовали 15 дней, тогда как немцы могли вторгнуться в пределы Франции в превосходных силах через 12 дней после об'явления войны. В виду этого, пришлось ограничиться развертыванием армии в полосе пограничных укреплений, а для того, чтобы придать ее действиям более активный характер, распределить войска, главным образом, по участкам слабо или совсем неукрепленным, по так называемым проходам (Шармскому, Стенэ и др.), где они имели бы возможность при наступлении противника выполнять тот или другой маневр. После прежних пассивно-оборонительных планов, такой план представлял уже значительный шаг вперед. Этот новый способ действий, получивший наименование „оборонительно-наступательного", начиная с 1890 года, сделался нормальным при всех проектах сосредоточения французской армии в течение последующих 20 лет. В сущности говоря, это была оборона дефиле, частью впереди, а частью позади таковых, замедлявшая или задерживавшая наступление противника, то в одном, то в другом месте, но не исключавшая для последнего возможность выполнять свой маневр и проявлять инициативу. Эта система обороны, первоначально принятая под давлением необходимости и расчитанная на проявление сравнительно слабых усилий, с течением времени становилась опасной, особенно с 1906 года, когда начался период международных кризисов, которые могли потребовать от армии быстрых и решительных действий; тем более, что во Франции ясно представляли себе простой, грубый, молниеносный и беспощадный способ наступления германцев. Необходимо было изменить систему действий и ускорить насколько возможно сосредоточение армии к границе.

Под влиянием этих соображений и настроений, а также побуждаемая страстным желанием стряхнуть с себя гипноз германского превосходства, оперативная мысль французского генерального штаба принимала все более смелый, самостоятельный и активный характер, а наступательная идея была

признана первенствующей, причем в такой степени, что явилось желание предупредить противника в готовности к боевым действиям хотя бы на 1—2 дня, хотя бы даже на несколько часов! Таким взглядам и стремлениям, распространенным в то время в широких кругах французской армии, не вполне сочувствовал начальник генерального штаба генерал Мишель, предназначавшийся главнокомандующим в военное время; не находя поддержки ни в лице военного министра, ни в своих ближайших сотрудниках, он покинул свой пост в 1911 году и был заменен генералом Жоффром, назначенным 28 июля 1911 г. председателем высшего военного совета Франции и начальником французского генерального штаба, с предназначением на пост главнокомандующего французскими армиями в военное время. Вскоре Жоффр приступил к разработке крупных вопросов, касавшихся операций современных армий; ему предстояла нелегкая задача—создать для обороны Франции наступательный план, который был бы в соответствии и с французской психологией того времени, и с военными традициями французской армии.

План № 17.

План войны с Германией, составленный под его руководством и известный, как план № 17-й, был утвержден правительством 20 мая 1913 года.

Основными, руководящими положениями при разработке этого плана являлись следующие: 1) не начинать наступления ранее того, как будут сосредоточены все имеющиеся силы и 2) изготовиться к этому наступлению не позже германцев. Быстрая готовность к операциям имела для французов особенное значение, в виду их постоянного опасения неожиданного натиска немцев в первые же дни после об'явления войны. К 1913 году в этом отношении были достигнуты благоприятные результаты, вследствие ускорения мобилизации и сосредоточения, дававшего возможность уже на 12-й день начать военные действия крупными силами. Войска прикрытия на восточной границе были значительно усилены, по сравнению с предыдущим планом № 16: благодаря новому делению страны на корпусные

округа, вместо трех корпусов теперь могли принять участие в прикрытии сосредоточения — пять (7-й, 21-й, 20-й, 6-й и 2-й), причем эти войска были более придвинуты к границе, с целью с'узить ту пограничную полосу, которая могла быть захвачена противником внезапной атакой; кроме того, закон о трехлетнем сроке службы способствовал усилению пограничных гарнизонов. Войска прикрытия должны были опираться на укрепления у Монмеди, на маасских высотах (у Вердена) и у Нанси, из коих некоторые были уже подготовлены в мирное время.

План № 17 разрабатывался в наступательном духе, даже на тот случай, если бы противник предупредил французов в своей готовности к действиям. Имелось в виду, в случае, если бы обстановка не оправдала предположений, касавшихся неприятеля, не менять плана, а энергично и настойчиво выполнять намеченные мероприятия, с целью сохранить за собой инициативу. В общих чертах, распределение вооруженных сил, согласно этому плану, было следующее. Все войска, предназначенные для военных действий против Германии, должны были составить 5 армий (всего—79 полевых и резервных и 10 кавалерийских дивизий) и развернуться на фронте от Бельфора до Гирсона [1]). Наступление этих армий распадалось на две главные операции: правая, между лесистой областью Вогезов и Мозелем ниже Туля, левая—к северу от линии Верден—Мец; между этими операциями устанавливалась связь войсками, назначенными для действий на маасских высотах и в Вевре. В правую группу были назначены 1-я и 2-я армии (10 корпусов и 4 кавалерийские дивизии); в левую—5-я армия и отдельный кавалерийский корпус (5 корпусов и 4 кавалерийские дивизии); связующим звеном служила 3-я армия (3 корпуса и 1 кавалерийская дивизия). Кроме этого, 4-я армия (3 корпуса и 1 кавалерийская дивизия) временно располагалась во 2-й линии, к востоку от С. Дизье, в готовности двинуться

---

[1]) В предыдущих планах левый фланг французских армий был указан южнее: в планах до № 16 южнее Вердена, в № 16—немного севернее этой крепости, в № 16 bis—у Мезьера.

к югу или к северу от 3-й армии, смотря по обстоятельствам, а две группы резервных дивизий (по 3 дивизии), располагаясь за флангами общего фронта, у Везуля и у Сисона, оставались в распоряжении главнокомандующего. В распоряжении последнего находились также африканские войска и корпуса, находившиеся на итальянской границе. Таким образом, развертывание должно было образовать 6 групп в 2 линии: в 1 й линии—правое крыло (1-я и 2-я армии), центр (3-я армия) и левое крыло (5-я армия и кавалерия); во 2-й линии—три группы резервов (4-я армия и две группы резервных дивизий).

1-я армия должна была наступать в общем направлении на Бакара—Саарбург—Сааргемюнде, выделив отдельный отряд (корпус с кавалерийской дивизией) для наступления на 4-й день мобилизации в Эльзас. Занятие последнего считалось необходимым для отвлечения туда неприятельских сил и для эвакуации той части населения, которая осталась верна Франции. 2-я армия наступала с линии Люневиль-Нанси на Шато-Сален—Саарбрюкен. 3-й армии, соответственно ее вспомогательной роли, была указана пассивная задача—оборона маасских высот со стороны Меца и Диденгофена, но, при благоприятных условиях, она могла наступать к Мецу и обложить эту крепость. 5-я армия была предназначена для действий против правого крыла неприятельских войск, причем, если противник не будет наступать через Бельгию, то она должна двигаться на Диденгофен и Люксембург, имея в виду обложить первый из них своими резервными дивизиями; если же немцы вступят на бельгийскую территорию, то наступать к северо-востоку, в бельгийский Люксембург, в обоих случаях сохраняя уступ за своим левым флангом для обеспечения его. В случае движения 5-й армии в Бельгию, 4-я армия выдвигается на ее место и наступает на Арлон. Отдельный кавалерийский корпус (3 дивизии, поддержанные пехотной бригадой) должен быть в готовности или для содействия левому флангу 5-й армии, или для наступления с разведывательными целями в Бельгию, в случае нарушения нейтралитета этой страны немцами. Вступление на бельгийскую территорию фран-

цузских войск могло быть произведено только по распоряжению верховного командования. Общее наступление предполагалось начать на 12-й день после об'явления мобилизации [1]). Хотя в этом плане не упоминалось, по соображениям политическим, об английской армии, но в секретной военной конвенции предусматривалась перевозка во Францию английской экспедиционной армии (6 пехотных и 1 кавалерийская дивизии) и расположение ее на левом фланге французского фронта, между Мобежем и Ле-Като [2]).

Что касается бельгийской армии, то ее содействие не принималось во внимание, потому что невозможно было предусмотреть, что будет делать эта армия в случае германского вторжения в Бельгию.

Из сказанного здесь видно, что план № 17 имел в виду возможность наступления немцев через Бельгию, однако, не далее бельгийского Люксембурга, т.-е., на правом берегу Мааса. Несмотря на то, что вопрос о нарушении Германией бельгийского нейтралитета лишь слегка затронут в этом плане, он представляет столь большой интерес в отношении правильной оценки французских оперативных соображений, что на нем следует остановиться.

Вопрос о нарушении бельгийского нейтралитета.

Намерения немцев вторгнуться во Францию через Бельгию не представляли собой тайных вожделений германского генерального штаба и уже задолго до мировой войны служили в Европе темой для откровенных обсуждений, в военной литературе, в парламентах и в различных специальных совещаниях, тех возможностей, к которым эти намерения могли привести. Еще в 1876 году строитель французских крепостей, ген. Серэ-де-Ривьер, обращал внимание правительства на то, что международная гарантия Бельгии сохранения ее нейтралитета не имеет реальной ценности,

[1]) Все приведенные здесь оперативные указания изложены в директиве № 1, включенной в план № 17.

[2]) Эти данные об английской армии находились в секретном приложении к плану, озаглавленном „армия W".

а потому, для обеспечения Франции с севера он считал необходимым создать сильные укрепления у Лиля, Мобежа и Реймса.

Затем, по мере того, как выростали крепости на восточной границе, во Франции раздавались голоса, заявлявшие, что для того, чтобы избежать необходимости атаковать эти крепости, немцы поведут наступление к северу от них; и чем больше совершенствовались укрепления на востоке, тем сильнее была уверенность, что это будет именно так. В течение целого ряда лет перед войной вероятный план германского наступления через Бельгию обсуждался французскими, германскими и бельгийскими военными писателями [1]); особенно внимательно и подробно этот вопрос рассматривался во французской военной литературе 1909—1912 г.г. Французы сами приходили к заключению, что для немцев нет другого выхода из создавшегося положения, как идти через Бельгию. При этом, никто тогда не был озабочен сохранением бельгийского нейтралитета, и этот вопрос изучался лишь с точки зрения военной необходимости. Авторы задавались вопросом: большие ли силы немцев пойдут через Бельгию и далеко ли к северу протянут они свое правое крыло? Одни высказывали мнение, что противник произведет грандиозный обход до морского побережья, с целью одновременно угрожать и Англии на случай ее возможного выступления; другие, наоборот, склонялись к тому, что немцы не пожелают создавать себе затруднений и осложнять обстановку вторжением своих войск за Маас и поэтому направят свой правый фланг восточнее этой реки через бельгийские Ардены на Мезьер; наконец, некоторые предполагали, что германский генеральный штаб примет среднее решение: перебросит правое крыло за Маас и затем повернет его к юго-западу, к верхней Уазе, чтобы наступать к Парижу историческим путем

---

[1]) Во Франции—Э. Тено, Бонналь, Бушэ, Ланглуа, Метро, Бюа, де-Лакруа, Купийо, Мордак, Груар, Гелинэ и др.; в Германии—Бернгарди, Фалькенгаузен, Шлифен и др.; в Бельгии—Бриальмон, Дежарден, Дюкарн.

древних германских нашествий. Наиболее вероятным решением немцев казалось то, которое вело их армии правого фланга через бельгийский Люксембург по правому берегу Мааса. В самом деле, целый ряд различных соображений должен был, повидимому, побуждать их к этому решению: при таком наступлении правое крыло не отрывалось от центра и имело возможноеть сохранять прочную связь с укрепленным районом Мец-Диденгофен; бельгийцы не оказывали бы этому движению сопротивления, а Англия не имела бы оснований опасаться германского вторжения; наконец, наступающие колонны шли бы вне района действий маасских крепостей и не должны были бы терять время и силы на овладение ими.

Наряду с этими предположениями, высказывались и такие, которые все еще допускали главный удар германцев из Лотарингии; однако, после 1909 года во Франции уже не сомневались в том, что через Бельгию пойдут крупные силы противника, на что указывало обширное железнодорожное строительство немцев в рейнской провинции; а непосредственно перед войной французы пришли к заключению, что эти крупные силы и будут наносить главный удар.

Оценка плана. Таким образом, мы видим, что во Франции, перед войной, с достаточной ясностью представляли себе возможность той обстановки, которая в действительности сложилась с первых же дней на театре военных действий; не может быть, конечно, сомнений, что французский генеральный штаб мог предусмотреть эту обстановку правильнее и точнее, чем она изображалась в литературе. И тем не менее, он остановился на предположении, что правое крыло противника не будет протянуто далее бельгийского Люксембурга, т.-е. не пойдет за Маас, и соответственно этому разработал план развертывания на восточной границе. Какие же соображения могли побуждать его к принятию такого решения?

Французские исследоватали мировой войны дают этому явлению следующее об'яснение. Французы не могли произ-

водить развертывание на бельгийской границе, потому что это означало бы, что они сами имеют в виду нарушить нейтралитет Бельгии, чего нельзя было допустить при существовавших у Франции отношениях к ее будущим союзникам; Франция должна была считаться с возможными последствиями такого развертывания, из коих важнейшее— возможность для Бельгии, не знающей, откуда она может получить поддержку, броситься в об'ятия Германии. Кроме того, такое развертывание могло бы вызвать подозрения со стороны англичан. Никогда ни одно правительство во Франции не допустило бы такого плана войны [1]). Между тем, развертывание на восточной границе давало возможность, при хорошо развитой системе французских железных дорог, своевременно произвести перегруппировку армий в северном направлении. Если бы французский генеральный штаб пожелал принять меры на случай вторжения немцев через Бельгию, то, имея в виду, что вероятность главного удара с этой стороны была далеко не безусловной, он должен был бы развернуть французские армии кордоном от Бельфора до Лиля, удерживая резервы в районе Парижа, как центральном в отношении железнодорожных сообщений. А такое расположение было бы равносильно отказу от активных операций и возвращению к старой, изжитой с таким трудом системе „оборонительно-наступательных" действий.

Сосредоточивая французские армии к стороне Лотарингии, Жоффр имел в виду, что, в случае наступления противника своими главными силами через Бельгию, немцы будут встречены и задержаны на этом направлении сосредоточенными силами белы'ийской и английской армий, что даст ему время сделать чувствительным для неприятеля свое наступление в Лотарингии и Люксембурге. При этом,

---

[1]) Фельдмаршал Френч, в своей книге „1914", говорит, что в различных оперативных соображениях союзников, составлявшихся до войны, относительно участия Бельгии в европейской войне, никогда не имелось в виду наступление через Бельгию, а всегда подразумевалась лишь оборона Бельгии.

5-я французская армия, расположенная таким образом, чтобы иметь возможность наступать или на Нэфшато (в бельгийском Люксембурге) или на Люксембург—Трир, будет в состоянии действовать, смотря по обстоятельствам, или соответственно требованиям первоначального французского плана, или применительно к условиям плана противника. Кроме того, для удлинения в этом случае левого фланга, можно было бы использовать находящиеся еще в распоряжении верховного командования африканские войска и корпуса с итальянской границы. Во всяком случае, говорят французские исследователи, Жоффр имел намерение, обеспечивши себе быстрое развертывание своих войск, атаковать противника всеми своими силами, дать ему тотчас же решительное сражение, без колебаний, не оглядываясь назад, с ясным сознанием того, что, ставя на карту судьбу французских армий, он подвергает испытанию и судьбу самой Франции.

Доверяясь этому об'яснению, мы должны будем придти к заключению, что французский генеральный штаб предусмотрел все возможные комбинации, ничего не упустил из виду и принял такое решение, которое легко могло быть приспособлено к той или другой обстановке с первых же дней войны. Однако, стать на такую точку зрения едва ли возможно. Несомненно, что французы никогда не придавали серьезного значения предположениям о наступлении главной массы германских войск через внутреннюю Бельгию, с форсированием оборонительной линии р. Мааса и глубоким обходом левого фланга французского стратегического фронта, а потому, вероятно, никогда и не считали эту комбинацию заслуживающей внимательного обсуждения. Доказательством этого является, во-первых, то, что хотя они и знали о намерении немцев формировать в военное время резервные корпуса, но допускали появление этих корпусов на театре военных действий не ранее, как через несколько недель после об'явления войны, что, естественно помешало французскому генеральному штабу предусмотреть масштаб германского наступления и глубину

обхода через Бельгию [1]). Во-вторых, французы вовсе не были так уверены, как об этом говорят в настоящее время, в непреклонном решении бельгийцев защищать свой нейтралитет, где бы и как бы он ни был нарушен; наоборот, во французском генеральном штабе допускали, что они легко примирятся с движением германских войск через Ардены, если им будет дано вознаграждение за это и обещано не переходить на левый берег Мааса в пределах Бельгии,—а это само собой приводило к заключению, что немцам нет никакого расчета идти за Маас и поднимать против себя всю страну [2]). Наконец, в третьих, французы, повидимому, не представляли себе наступления немцев сплошным, широким фронтом, а предполагали его несколькими отдельными группами, разделенными расстояниями, достаточными для маневра; этим и об'ясняются их расчеты на движение их армий то в одном, то в другом направлении, на поддержку своими войсками бельгийцев или англичан, вообще, на возможность широких перегруппировок в процессе боевых столкновений. И если бы наступление правого крыла немцев через Бельгию рисовалось французскому генеральному штабу, как размах тяжелого молота, прочно связанного с общим германским фронтом, то не может быть сомнения в том, что, несмотря на всю важность соображений, не позволявших французам развернуть свои армии на бельгийской границе, Жоффр не задумался бы отбросить их в сторону и пойти кратчайшим и вернейшим путем к достижению той цели, которую он так безнадежно ставил себе в Лотарингии. Следовательно, приходится придти к заключению, что не все возможные комбинации были хорошо продуманы французским генеральным штабом и что, поставленный военно-политической обстановкой в необходимость многое угадывать и предусматривать в отношении противника, он не обнаружил при составлении плана № 17 ни предусмотрительности, ни прозорливости.

---

[1]) Lt.-Col. Thomasson. Le revers de 1914 et ses causes. Paris, 1921.

[2]) Gén. Lanrezac. Le plan de campagne français et le premier mois de la guerre, Paris, 1921, стр. 27.

Тем не менее, этот план обладает одним несомненным достоинством: стремлением провести в жизнь самостоятельный оперативный замысел, независимый от возможных действий противника, не подчиняющийся его воле, направленный к захвату инициативы. Но значение этого положительного качества ослаблялось тем обстоятельством, что французы не могли расчитывать на то, что им удастся этим вторжением предупредить наступление германских армий в Бельгию, потому что условия времени складывались не в пользу Франции: уже по одному настроению, господствовавшему в ней перед войной, было ясно, что нападающей стороной будет Германия, следовательно, и все выгоды инициативы, все преимущества, связанные с более ранней готовностью, будут на стороне немцев. Эта неблагоприятная обстановка еще ухудшалась, вследствие неполного развертывания французских армий в первые дни войны и оставления на некоторое время довольно крупных сил в выжидательном положении, чем в значительной степени ослаблялся стратегический порыв и закрадывалось в душу исполнителей подозрение, что осуществление задуманного плана должно находиться в зависимости от группировки и от действий противника. Кроме того, для одновременного наступления с решительными целями, и в Бельгию, и в Лотарингию, необходимо было иметь большое превосходство в силах, которого в то время не было у французов.

Вследствие этого и в виду других соображений, упомянутых выше, оперативный план французов не мог иметь того решительного характера, который, повидимому, хотели ему придать. И ни в каком случае он не может идти в этом отношении в сравнение с германским планом, в котором, несмотря даже на последние изменения, чувствуется отчетливость стратегического замысла, кипучая энергия исполнения, клокочущая, подобно лаве перед извержением вулкана, и железная воля полководца, вложившего в этот план все силы своего ума.

Этот недостаток французского плана тем более удивляет, что сильно укрепленная восточная граница давала францу-

зам возможность, сделавши эту часть фронта пассивным участком и оставивши на ней минимальное количество войск, сосредоточить все свои силы к северу от Вердена, для того, чтобы двинуть их навстречу главным силам противника и здесь, в решительных столкновениях с ними, или решить судьбу этой войны, или дать последующим операциям выгодное для себя направление.

Но, повидимому, французский генеральный штаб не был расположен к такому решительному способу действий, предпочитая ему сомнительные диверсии в пределы Эльзаса и Лотарингии, которые должны были угрожать левому флангу и тылу германских армий, при их наступлении через Люксембург или бельгийские Ардены.

Возможен был и другой способ действий, чисто оборонительный, сторонники которого имелись тогда в среде французского генерального штаба и имеются в настоящее время в рядах французских военных писателей [1]). Согласно этому взгляду, решение Жоффра во что бы то ни стало наступать всеми силами было нецелесообразно и не отвечало обстановке, являясь отражением господствовавшего в то время настроения во французском генеральном штабе, который покланялся идее наступления, как фетишу, а оборону считал чем-то позорным. Между тем, многое говорило в пользу обороны в первые дни, а может быть и в первые недели войны: и наличность многочисленных укреплений на восточной границе, дававших возможность оборонять эту границу с небольшими силами, чтобы с остальными организовать сильный оборонительный фронт к стороне Бельгии; и необходимость выждать выступление России, изготовлявшейся к войне медленнее своих союзников; и желательность присоединить к французским войскам английскую армию, которая запаздывала своим сосредоточением. По мнению сторонников оборонительного способа действий, ни одно из наступлений, намеченных планом № 17, ни в Эльзас-Лотарингию, ни в Бельгию, не имело никаких

---

[1]) Gén. Lanresac. Le plan de campagne français et le premier mois de la guerre. Paris, 1921.

шансов на успех. Первое из них, вследствие того, что французам пришлось бы здесь наступать по очень трудной местности, среди германских крепостей, которые нужно было бы осаждать, а потому невозможно было расчитывать на быстрое продвижение; потеря же времени в этом районе отразилась бы весьма неблагоприятно на общей обстановке, потому что противник мог бы в это время добиться успеха на левом фланге французского фронта. Второе из этих наступлений тоже было обречено на неудачу: если французы решили вступить на бельгийскую территорию не ранее того, как будет нарушен немцами нейтралитет Бельгии, то, естественно, они с первого же дня войны выпускали из рук инициативу и в дальнейшем должны были бы сообразовать свои действия с намерениями противника.

Оборона на всем фронте потребовала бы, может быть, отнести развертывание армий от границ вглубь страны (кроме войск прикрытия и гарнизонов укрепленных районов восточной границы), с предоставлением противнику широкой полосы отечественной территории; но в тех условиях, в которых Франция начала войну, этот способ действий, вероятно, не дал бы худших результатов, чем тот, который осуществлялся французами в первых операциях на бельгийской границе.

Во французском плане № 17 заключалось глубокое внутреннее противоречие: имея, в сущности, здоровую стратегическую основу, он вышивал на ней неудачные оперативные узоры, дававшие в совокупности очень бледную картину, на фоне которой с трудом можно было различать неясные контуры оперативного замысла, этой души стратегической операции; весь проникнутый стремлением к наступлению, к захвату инициативы и к решительному столкновению с противником, он, тем не менее, вылился в форму развертывания полу-наступательного, полу-выжидательного характера. Немецкие исследователи дают этому странному явлению следующее идейное и психологическое обоснование.

Несмотря на крайний шовинизм, господствовавший во Франции в течение нескольких лет перед войной и не взи-

рая на то, что во многих литературных трудах французские писатели горячо ратовали за энергичный, наступательный образ действий, все же общий характер французской военной доктрины ярко отразился на тех суждениях и предположениях, которые высказывались во французской печати относительно плана будущей войны. Вот наиболее характерные из них: Франция должна быть готова к тому, что в первых же боях ее войска будут вынуждены отходить; французская армия должна выжидать прибытия английских и своих африканских войск, почему, может быть, ей придется временно уступить противнику часть своей территории; все силы должны быть сосредоточены в каком-нибудь центральном положении, из которого, по получении сведений о мерах, принятых немцами, они перейдут в наступление; последнее будет иметь крайне решительный характер, но должно быть начато в удобный момент и крупными силами; вообще, следует маневрировать из глубины.

Французы относились скептически к вероятному способу германского наступления — широким фронтом, с стремлением обойти фланги противника, не считаясь с его намерениями, — и полагали, что немцам не удастся окружить их, потому что французские армии, сосредоточенные в нескольких группах, будут иметь возможность, при мощном содействии железных дорог, маневрировать и неожиданно для противника сосредоточивать свои войска то в одном, то в другом месте. Отсюда, как результат таких суждений, — план стратегического развертывания в глубоком порядке. Французский генеральный штаб считал, что германский способ наступления вырывает управление операциями из рук высшего командования и лишает последнее возможности исправлять ошибки, которые могут происходить от недостаточного выяснения обстановки; поэтому, лучше выждать, когда обстановка выяснится и действовать наверняка. Хотя он отдавал себе отчет в затруднительности правильного выбора момента и пункта для решительного удара, но возлагал большие надежды на воздушную разведку в смысле своевременного выяснения обстановки. Однако,

с 1913 года зарождается идейное течение в пользу немедленного наступления на всем фронте, всеми силами; так, в „Указаниях высшему командному составу", составленных в феврале 1914 г., говорится о необходимости вести на главном театре стратегическое наступление, от которого будет зависеть судьба Франции. Но это усиление наступательных стремлений уже не могло изменить того направления, в котором велась подготовка к войне.

Вот, следовательно, каковы те идейные и психологические предпосылки, которые обусловили собой указанный выше характер французского оперативного плана для кампании 1914 года.

Сводя все сказанное здесь об оперативных предположениях французов, мы можем теперь придти к заключению, что план № 17 обладал крупными недостатками, которые неизбежно должны были подвергать большой опасности наступление французских армий на восточной границе; он во многом не соответствовал обстановке, он не имел тех резко выраженных, жестких и тяжеловесных оперативных форм, которые, подобно тому, как у немцев, грубо давили бы на психологию противника; но он и не обладал той гибкостью, которая давала бы ему возможность быстро приспособляться к новым условиям. Поэтому, вступая в эту войну, Франция предоставляла свои армии на произвол случая и заранее обрекала их на потерю инициативы и на все, связанные с этим, оперативные затруднения.

Жоффр.

План № 17 обыкновенно называют планом ген. Жоффра, т.-е. таким планом, в котором нашли себе отражение более характерные оперативные взгляды этого полководца. Поэтому, не лишним будет сказать несколько слов о личности последнего. Жоффр возглавлял перед войной ту стратегическую школу, которая господствовала во Франции в годы между японской и мировой войной и имела большое число сторонников, как в рядах высшего командного состава, так и среди генерального штаба, особенно среди его молодого поколения. Это была школа, проповедовавшая наступление во что бы то ни стало и возлагавшая свои на-

дежды, главным образом, на сильную кадровую армию, причем резервным формированиям при мобилизации не придавалось большого значения, почему таковые и не получили широкого развития в начале войны. Заменивши в 1911 году ген. Мишеля, относившегося несочувственно к этим взглядам, Жоффр назначил на все ответственные должности генерального штаба представителей этой школы, называвшейся „молодой армией“ и, таким образом, вполне осуществил единство доктрины в тех учреждениях и среди тех лиц, которые ведали разработкой соображений, послуживших материалом для плана № 17. Жоффр имел большое пристрастие к своим более молодым сотрудникам, с мнениями и суждениями которых он считался; советам же старших по возрасту лиц командного состава и генерального штаба не придавал серьезного значения. Характерным для его приемов управления и оперативной работы является то обстоятельство, что члены высшего военного совета, предназначавшиеся на высшие командные должности в военное время, не были привлечены им к составлению оперативного плана на случай войны, который был об'явлен им 7 февраля 1914 г. И даже в тех случаях, когда эти генералы, незадолго до войны, а некоторые почти накануне об'явления мобилизации, после ознакомления с районом предстоявших им действий и состоянием войск, назначенных в состав их армий, делали Жоффру представления о желательных изменениях в плане № 17, последний не только не шел навстречу этим попыткам исправить некоторые ошибки в стратегических соображениях, составленных его молодыми и недостаточно опытными помощниками, но даже иногда не входил в обсуждение таких представлений, оставляя их без ответа. Это, конечно, должно было весьма неблагоприятно влиять на настроение командующих армиями, с которым они приступали к ведению операций, ослабляло их доверие к верховному командованию и умаляло их авторитет в глазах генерального штаба. Вообще же, Жоффр, повидимому, имел в виду вести войну, не прибегая к идейному сотрудничеству старшего командного состава и смотрел на последний лишь как на исполнителей тех опера-

тивных указаний, которые составлялись под его руководством группою его ближайших молодых сотрудников.

Он был до такой степени необщителен в вопросах, касавшихся оперативных соображений, что его называли „крепостью, замкнутой со всех сторон"; в плане № 17 он весьма скуп на мотивировку своих решений, и его директива № 1 напоминает собой больше оперативный приказ для исполнения, чем оперативный план, предназначенный для широкой ориентировки высшего командного состава. Жоффр сам сказал, что план № 17 вовсе не оперативный план, потому что „план операций, это—идея, которую полководец держит в своей голове, но не доверяет бумаге"; [1]) следовательно, план № 17 представляет собой лишь план мобилизации и сосредоточения французских армий, использование которых для предположенного наступления находилось в зависимости от полководческого вдохновения, возбуждаемого энергией и дерзанием молодого генерального штаба, окружавшего Жоффра.

Мало разговорчивый, несклонный к обсуждению и решению дел в совещаниях, а потому нерасположенный к прениям и об'яснениям, самоуверенный, упрямый, настойчивый в проведении своих указаний, не терявший присутствия духа в тяжелые минуты, обладавший значительной долей оптимизма при оценке обстановки и составлении предположений на будущее,—таков этот незаурядный полководец, которому Франция доверила свои армии, а вместе с тем и судьбу свою в этой борьбе.

Связь между планом № 17 и русскими планами операций против Германии.

Очерк французского плана был бы неполон, если бы я не добавил к сказанному несколько строк относительно связи, существовавшей между оперативными соображениями французского и русского генеральных штабов.

Зарождение мысли о военном соглашении между Россией и Францией относится к середине 1891 года, когда

[1]) Jules Isaac. Joffre et Lanresac. Paris, 1922, стр. 15.

и начались переговоры по этому вопросу, закончившиеся заключением в августе 1892 года франко-русской военной конвенции, подписанной с нашей стороны начальником главного штаба ген. Обручевым и с французской—начальником генерального штаба ген. Буадефром. Это соглашение устанавливало взаимное обязательство, в случае нападения сил тройственного союза или одной Германии на одну из договаривающихся сторон, выступить другой стороне без предварительного сговора; затем, оно определяло силы, которые каждая из сторон должна была ввести в действие и сроки их готовности, имея ввиду, чтобы Германия была вынуждена вести войну на два фронта. Ни одна из этих сторон не могла заключить сепаратного мира.

В 1899 году было признано необходимым вести согласованную работу генеральных штабов, что привело к решению периодически созывать совещания их представителей. Эти совещания начались в 1900 году и продолжались до 1913 года, причем в последние 4 года перед войной они происходили ежегодно; в них принимали участие с нашей стороны начальники главного и генерального штабов генералы Сахаров, Палицын, Гернгросс и Жилинский, а с французской — начальники генерального штаба генералы Делян, Пендзек, Брэн, Лафон-де-Ладеба, Дюбайль и Жоффр.

На этих совещаниях обсуждались различные вопросы, связанные с военной конвенцией 1892 года, и последовательно принимались по ним решения. Важнейшие из них заключались в следующем. Очень подробно и много обсуждался почти на всех совещаниях вопрос об отвлечении русскими армиями возможно бо́льших сил противника на востоке, с целью предоставить Франции численное превосходство над немцами с первых же дней войны. Французы опасались, что Германия, пользуясь меньшей готовностью России к войне, выставит против нее слабую завесу и бросит все свои силы на Францию, чтобы одним ударом сокрушить ее. В виду этого, русский генеральный штаб уже с первого совещания принял на себя обязательство ускорить мобилизацию и сосредоточение русских вооруженных сил. В дополнение одной из статей военной конвенции было по-

становлено, что, в случае выступления Германии, обе стороны приступают к общей мобилизации без предварительного сговора, но при выступлении Австрии или Италии — по предварительному соглашению, потому что в этом случае интересы России и Франции будут затронуты в неодинаковой степени.

Во время японской войны и в течение первых 2-х лет после нее, требования, пред'являвшиеся Францией России, были несколько смягчены, вследствие ослабления русских военных сил, но с 1907 года французы возобновили свое требование ускорить мобилизацию и сосредоточение русских армий на германской границе, чтобы не поставить Францию в тяжелое положение, если она будет иметь перед собой все вооруженные силы Германии; за это французы обещали немедленно же, по окончании своего сосредоточения, начать решительное наступление всеми своими силами. Такие требования, повторявшиеся почти на каждом совещании и с годами становившиеся все настойчивее, оказывали сильное давление на наш генеральный штаб, который, в период с 1907-го до 1912 года, разработал ряд мер, обеспечивавших на 15-й день мобилизации сосредоточение и готовность к наступлению против Германии $^2/_3$ наших вооруженных сил; это вполне удовлетворило французский генеральный штаб, который в это время с большей достоверностью выяснил германский план на случай войны с Францией. Однако, с 1912 года, в виду усиления военных сил Австрии и возникших у России опасений по отношению к этой стране, на совещаниях обнаружилось намерение нашего генерального штаба ослабить те силы, которые были предназначены против Германии, с целью усиления наших войск, направляемых против Австрии. Французы, не оспаривая необходимости для России иметь крупные силы для борьбы с австро-венгерскими армиями, тем не менее, на последнем перед войной совещании в августе 1913 года, устами ген. Жоффра, решительно указывали на первостепенную важность для обеих сторон в первую же очередь полного поражения Германии, которое лучше и скорее всего облегчит операции русских армий против других враждеб-

ных держав.В виду этого, русский генеральный штаб считал себя по прежнему обязанным подготовить быстрое наступление больших сил против Германии, исключительно с целью оказать поддержку своему союзнику на западе. Но так как такие меры могли бы повредить нашей готовности к операциям против Австрии, в случае выступления последней, а наше развертывание против Германии могло бы оказаться излишне сильным по сравнению с числом оставленных ею против нас войск, то явилась необходимость иметь подготовленными два плана мобилизации и сосредоточения: один—на случай, когда главные силы должны быть направлены против Германии (план Г) и другой — когда они будут сосредоточены против Австрии (план А). Оба эти плана и были разработаны к 1914 году.

Только уяснивши себе ту услугу, которую Россия соглашалась оказать Франции, или лучше сказать—ту жертву, которую она готова была принести на алтарь русско-французской дружбы, подготовляя совершенно ненужное ей и, может быть, даже опасное для общего стратегического положения своих армий сосредоточение крупных сил на германской границе,—только при этом условии возможно в полной мере понять оптимизм Жоффра, намеревавшегося бросить свои армии так опрометчиво в наступление по обе стороны Вердена. Несомненно, только этой готовностью России пренебречь вероятным выступлением Австрии и повести сильное наступление в пределы Германии, с риском допустить вторжение австро-венгерских армий в юго-западный край, можно об'яснить расчеты французского генерального штаба на отвлечение части германских сил на восточный театр и ослабление их главной массы на западном. И несмотря на то, что этого возможно было достигнуть лишь по истечении некоторого времени после об'явления войны, для французов все-таки было важно, чтобы с первых же дней крупные русские силы наступали в Германию, с целью произвести моральное воздействие на германское верховное командование и ободрить французскую на-

цию[1]). России предстояло, принося в жертву свои весьма существенные интересы на австрийском фронте, использовать свои силы на германском, но не для того, чтобы нанести здесь поражение войскам общего противника, а лишь с целью ободрить, морально поддержать своего союзника. В таком решении нашего генерального штаба, сильно стеснявшем оперативную свободу русских армий, таилась опасная угроза крупных неудач на русском фронте, которые едва ли могли быть уравновешены в общем балансе войны впечатлением от вторжения русских войск в В. Пруссию. К счастью, однако, Россия подготовила два варианта своего развертывания, с тем, чтобы в последнюю минуту, смотря по условиям обстановки, выбрать из них тот, который, не нарушая основных положений русско-французской военной конвенции, позволил бы ей выступить также и на защиту собственных интересов.

Во всяком случае, в секретных шкафах нашего генерального штаба в Петербурге хранилось очень ценное дополнение к французскому плану № 17, побуждавшее Жоффра и его молодых сотрудников с такой самоуверенностью подготовлять французские армии к наступлению.

3. Бельгийский план.

Положение Бельгии в случае европейской войны.

Географическое положение Бельгии между такими могущественными державами, как Англия, Франция и Германия, уже издавна утвердило в бельгийцах убеждение, что борьба этих держав между собою неизбежно должна привести к нарушению нейтралитета их страны, а следовательно и вовлечь ее в эту борьбу. Опыт французских революционных и на-

[1]) На одном из совещаний начальников генеральных штабов (в 1910 году) французский представитель определил эту цель следующими словами: „вы не можете себе вообразить, какое впечатление произведет у нас известие, что русская армия перешла в наступление, и что первая английская рота высадилась в Кале". (Н. Валентинов. Военные соглашения России с иностранными государствами до войны, стр. 111. Военно-исторический сборник, вып. 2-й, 1919 года).

полеоновских войн давал много примеров этому; в новейшее же время Бельгии угрожало такое положение во время франко-прусской войны в 1870 году. Этот вопрос приобрел для бельгийцев особенную остроту с последних лет прошлого столетия, когда стала явно обнаруживаться деятельная подготовка к войне—и политическая, и военная—ее обоих могучих соседей. Еще в 1882 году известный бельгийский военный писатель и военный инженер ген. Бриальмон писал и говорил, что в случае новой войны между Германией и Францией, германские армии будут наступать через Бельгию. С тех пор, как мы видели из рассмотрения германского и французского планов, эта мысль получила широкое распространение в европейской военной литературе и, в конце концов, в Бельгии создалась уверенность, что в будущей франко-германской войне ее нейтралитет будет нарушен Германией. При таких условиях естественно было подумать бельгийцам об обороне своей страны и защите ее нейтралитета.

Главным образом, в виду вероятности такой стратегической обстановки, были предприняты в 1890—1892 г.г., по мысли и инициативе Бриальмона, меры по укреплению оборонительной линии р. Мааса и усилению Антверпена. На Маасе начали перестраивать Льеж и Намюр, с целью создать в этих пунктах крепости-лагери, а Антверпен расширяли и совершенствовали постройкой нового пояса далеко выдвинутых вперед фортов, чтобы превратить этот укрепленный город в обширную первоклассную крепость, которая могла бы прочностью своих верков оказать продолжительное сопротивление атаке, а размером своих запасов—выдержать длительную осаду. К началу войны еще не все предположенные работы были закончены в этих крепостях; наибольшей неготовностью отличались укрепления Антверпена.

Основные соображения бельгийского плана.

Соответственно такой системе укреплений, план операций бельгийской армии, в случае вторжения немцев в Бельгию и необходимости оказать им вооруженное сопротивление, должен был заключаться в следующем. Полевая армия должна была,

опираясь на занятые крепостными войсками укрепления Льежа и Намюра, оборонять линию р. Мааса между голландской границей и Намюром, пытаясь войти в связь своим правым флангом с французской армией, а может быть и с англичанами, если они успеют к тому времени перебросить часть своих сил на континент. Но если бы бельгийцы понесли на Маасе поражение до прибытия туда союзников, то, предоставивши оборону маасских крепостей их гарнизонам, полевые войска отходили бы на линию Диест-Тирлемон-Намюр, прикрывая в этом положении пути, ведущие и на Антверпен, и на столицу. В случае же невозможности удержаться и на этой линии и неприбытия союзных подкреплений, армия должна была укрыться в Антверпен, откуда угрожать правому флангу или тылу германских войск, наступающих вглубь страны. Бельгийцы рассчитывали, что встречное наступление в Бельгию крупных англо-французских сил остановит германское вторжение и освободит бельгийскую армию в Антверпене.

Из этого плана возможно вывести два следующие заключения: первое, что бельгийцы не предполагали оборонять ту часть Бельгии, которая находится к востоку от Мааса [1]), и второе, что, в случае неудачи в первых боях на Маасе, они не предполагали отходить на своих союзников, предпочитая дожидаться их прибытия у Антверпена. Насколько целесообразным представляется их первое решение, настолько неуместным—второе. Последнее возможно было бы понять в том случае, если бы бельгийцы расчитывали воевать в единоборстве с немцами; при этих условиях, потерпевши поражение в поле, они, естественно, вынуждены были бы отойти в единственное, более или менее прочное убежище своей страны, в свой обширный редюит, крепость Антверпен, чтобы попытаться здесь, затянувши борьбу и утомивши противника в осадной войне, добиться менее тяжелых для себя условий капитуляции и мирного дого-

---

[1]) Это, между прочим, подтверждается и тем фактом, что перед войной, за исключением небольшой воинской команды в Арлоне, бельгийцы не держали войск восточнее Мааса.

вора. Но, конечно, такое единоборство с Германией являлось невероятным по условиям политического характера и невозможным, вследствие колоссального неравенства сил, почему участие бельгийской армии в борьбе с немцами должно было предусматривать совместные операции с союзниками, будут ли то французы или англичане. При совместных же действиях с союзными войсками, указанный план бельгийцев становится непонятным. Изолированные, самостоятельные операции бельгийской армии являлись допустимыми лишь до тех пор, пока маасская укрепленная линия не была взята противником; после же этого, они утрачивали всякую стратегическую целесообразность.

Оценка бельгийского плана.

Как видно из этого, весь бельгийский план войны был проникнут одной преобладающей идеей, идеей крепостной обороны Бельгии, принадлежащей Бриальмону, которая и придала ему такой односторонний и пассивный характер, неминуемо направлявший бельгийскую армию на путь поражений; между тем, вероятность совместных операций бельгийских войск с англо-французскими должна была вдохнуть в оборону страны маневренность и активность и превратить бельгийскую армию в авангард союзных армий, которые могли бы наступать в Бельгию и развертывание которых она могла бы прикрыть. Бриальмон, несмотря на весь свой талант и на свои познания в военном деле, все-же был военным инженером по преимуществу, т.-е. односторонним специалистом, склонным придавать в вопросах войны преобладающее значение элементам инженерной обороны, которые в этой обстановке менее всяких других могли спасти Бельгию.

Расчитывали ли в действительности бельгийцы на помощь союзников и вообще имели ли они намерение во что бы то ни стало защищать с оружием в руках неприкосновенность своей территории?

О том, что они имели в виду помощь союзников, свидетельствуют, встречавшиеся в последние годы перед войной во французской и германской литературе, многочисленные указания о сношениях Бельгии с Францией и Англией по

вопросу о совместных действиях в случае войны с Германией. С 1910 года французами была организована агентурная разведка в Бельгии и наблюдение за дорогами, ведущими из Германии. Осенью 1912 года состоялась негласная поездка офицеров французского генерального штаба на бельгийскую территорию, в район крепости Намюра. С мая 1913 года французские аэропланы периодически производили полеты над бельгийской территорией, не вызывая протеста бельгийских властей, а английские моряки производили разведки по бельгийскому побережью [1]). Кроме того, как будет сказано при изложении английского плана, неоднократно велись переговоры между представителями бельгийской и английской армий.

Хотя все эти сношения и не привели к определенным соглашениям, тем не менее, одно уже то, что они велись, и при том настойчиво и продолжительное время, свидетельствовало о намерении союзников видеть Бельгию, в предстоявшей войне с немцами, на своей стороне. Казалось бы, этого было вполне достаточно для того, чтобы при составлении бельгийцами плана первоначальных операций, принять в расчет возможность совместных действий с англо-французскими войсками, которые, при этих условиях, должны были уже с первых дней войны устремиться в Бельгию.

Неопределенный, не соответствовавший военно-политической обстановке и стратегически совершенно нецелесообразный план действий бельгийцев наводит на мысль о том, что они вовсе не были расположены вести войну с немцами, и поэтому решение вопроса об этом оттягивали до последней возможности. Я уже указывал на то, что часть Бельгии, лежащая к востоку от Мааса, не имела гарнизонов; здесь же не было и укреплений, почему, пока германские войска не перешли через Маас, устранялись поводы для столкно-

---

[1]) Такие сведения исходят, главным образом, из немецких источников (напр. Baron v. Schoen. Erlebtes, 1921), но некоторые французские авторы отрицают существование таких сношений и соглашений (напр. Dupont. Le haut commandement allemand en 1914).

вений между ними и бельгийскими войсками. Повидимому, бельгийцы и расчитывали именно на такую обстановку, которая дала бы им возможность, ограничившись дипломатическим протестом по поводу нарушения немцами нейтралитета их страны, остаться в стороне от борьбы, наблюдая за ней с того берега Мааса. На это указывает и то обстоятельство, что бельгийцы отнеслись с большой нерешительностью в первые дни войны к предложению Франции апеллировать к державам-покровительницам бельгийского нейтралитета, как бы не желая вмешательства в это дело ни Франции, ни Англии. Но, к несчастью для Бельгии, ни ее дипломатия, ни ее генеральный штаб не предусмотрели того широкого размаха, который должно было принять германское наступление, разметавшее, как карточный домик всю постройку бельгийского плана.

4. Английский план.

Зарождение английского плана.

Хотя открытое вступление Англии в ряды держав Согласия произошло и незадолго перед мировой войной, но тайное тяготение англичан к анти-германской коалиции началось уже давно, с тех пор, как намерение Германии нарушить нейтралитет Бельгии обнаружилось с достаточной откровенностью. И с этих пор в Англии зарождается мысль придти на помощь бельгийцам своими сухопутными войсками и принять участие в войне с Германией не только на море, но и на европейском материке.

Впервые эта идея приняла конкретные формы в 1906 г., когда начались переговоры между военными представителями Англии и Бельгии по вопросу о совместных действиях английской и бельгийской армий в случае нарушения Германией нейтралитета Бельгии. Эти переговоры то прекращались, то возобновлялись, но, в общем, велись с перерывами до 1914 года. В них разновременно приняли участие: с английской стороны — начальник генерального штаба ген. Грирсон и военные агенты в Брюсселе полк. Барнардистон и подполк. Бридж, а с бельгийской — началь-

ники генерального штаба ген. Дюкарн и Юнгблют. Протоколы, происходивших по этому случаю, совещаний помещены в документе, захваченном немцами в бельгийском архиве в Брюсселе и озаглавленном „Conventions anglo-belges".

План высадки английской армии на материке.

Этими переговорами предусматривалась высадка 150—160 тыс. англичан, в течение 10—13 дней после об'явления войны, на французском побережьи, на участке Кале-Дюнкерк, или на бельгийском берегу, в Зеебрюге и Остенде. Поднимался также вопрос о высадке английских войск в Антверпене, но он был отвергнут, в виду того, что был связан с нарушением нейтралитета Голландии, а также и потому, что высадка здесь требовала огромных транспортных средств и продолжительного времени (до $1^1/_2$ месяца), и была небезопасна, вследствие близости германской морской базы. При этих переговорах Англия постоянно настаивала на необходимости для Бельгии увеличить свою армию военного времени до 300.000 чел.; в свою очередь, Бельгия требовала, чтобы Англия приняла меры к ускорению высадки своих войск на материке, с целью встретить германское наступление соединенными силами на оборонительной линии Мааса.

Однако, Бельгия не успела увеличить свою армию (что имелось в виду сделать в ближайшие годы, согласно с военным законом 1913 года), Англия же не успела ускорить свою боевую готовность и сосредоточение своих войск на континенте. Кроме этих переговоров, с 1911 года велись переговоры между Англией и Францией о высадке английской экспедиционной армии на французском побережьи и сосредоточении ее в районе Мобеж—ле-Като—Гирсон. Хотя заключенное по этому вопросу соглашение имело лишь условный характер и не являлось обязательным для обеих сторон, тем не менее оно дало возможность французскому генеральному штабу включить в план № 17 предположение о развертывании английской армии на левом фланге французских армий.

Все эти продолжительные переговоры между тремя соседними державами, желавшими об'единиться для борьбы с общим врагом, не привели ни к какому реальному результату, и меры, необходимые для этого об'единения, по прежнему, оставались в области предположений. От всех этих попыток сговориться о совместных действиях осталась лишь одна идея высадки на материке английской экспедиционной армии, которая должна была своим наступлением от побережья угрожать правому флангу и тылу германских армий. Но, не приняв мер к ускорению переброски своих войск на французское побережье, Англия не имела возможности своевременно использовать их, потому что в течение тех двух недель, которые нужны были для выполнения стратегического развертывания английской армии, обстановка в Бельгии, естественно, должна была настолько измениться, что движение английских войск от побережья могло утратить то оперативное значение, которое хотели придать ему. А вместе с тем, весь английский план действий, мало считавшийся с элементом времени, был заранее обречен на неудачу и должен был с первых же дней войны потерпеть полное крушение.

5. Оценка союзных планов.

Из всего сказанного о планах союзников видно, что все предположения их, как взятые в отдельности для каждой из союзных армий, так и рассматриваемые в совокупности, не отвечали ни военно-политической, ни стратегической обстановке, сложившейся перед войной, а также не обладали ни решительностью замысла, ни ясностью заложенных в них идей. Они не были согласованы между собой в отношении совместных операций и создания единого фронта для борьбы с германским нашествием. Вообще, в этом отношении союзники вступали в войну совершенно неподготовленными и оказались вынужденными создавать план совместных действий под ударами неприятельских армий [1]).

[1]) 4 сентября представители России, Франции и Англии подписали в Лондоне договор, по которому все три державы обязывались не заключать с неприятелем сепаратного мира.

Но некоторые попытки заблаговременно создать такой план несомненно существовали. В последние годы перед войной во французской военной литературе обсуждался вопрос об установлении связи между операциями французских, английских и бельгийских войск, в случае наступления немцев в Бельгию. Основой этих суждений являлось требование, чтобы бельгийцы не были предоставлены сами себе и чтобы англо-французские войска возможно быстрее оказали им помощь. Бельгийская армия должна была развернуться на р. Маасе, а оборонительная линия этой реки севернее Вердена должна была послужить продолжением французского фронта. Было предположено занять Намюр французскими войсками, которые в этом месте вошли бы в связь с бельгийцами, занявшими участок Мааса между Льежем и Намюром. Что касается англичан, то, после своей высадки в Дюнкерке, Кале и Булони, они должны были сосредоточиться на левом фланге бельгийской армии, в районе Льежа.

Несмотря на все эти соображения, предположения и намерения, направленные к об'единению стратегических мер, намеченных каждым из союзников для своей армии, никакой связи между их планами достигнуто не было; отсутствие об'единенного командования, различная мобилизационная готовность союзных армий и неизбежный вследствие этого захват немцами инициативы должны были опрокинуть все эти проекты и оставить союзников без общего плана действий, лицом к лицу с германским вторжением в Бельгию.

VI. Мобилизация, сосредоточение и развертывание сторон.

(Схемы №№ 4, 8 и 9).

1. Мобилизация.

Вследствие глубокого недоверия обеих сторон друг к другу, приведение их вооруженных сил на военное положение было в большинстве случаев начато еще ранее об'явления войны: в Германии и Франции — 1 августа, т.-е. за два дня до об'явления немцами войны французам, а в Бельгии — 31 июля, за 4 дня до об'явления ей войны Германией. Впрочем, британский флот, содействием которого охране французских берегов первоначально и должно было ограничиться участие Англии в войне, начал приводиться в боевую готовность еще раньше. Благодаря этим мерам, в день об'явления войны сторонами, их армии были уже почти мобилизованы. Быстроте приведения армий на военное положение способствовал также ряд подготовительных мобилизационных мер, принятых обеими сторонами еще до опубликования правительственных указов о мобилизации.

Мобилизация германской армии.

Общий ход германской мобилизации представляется в следующем виде. 28 июля началось возвращение войск из лагерей в места постоянного расквартирования, усилена охрана железных дорог и об'явлен частичный призыв резервистов; 29-го — прекращение отпусков и начало мобилизационных работ в крепостях; 30-го — усилена охрана границ, причем прикрывавшие их войска придвинуты к ним, а также призваны 6 возрастных класов резервистов; 31-го об'явлено „положение, угрожающее войной“ (Kriegsgefahrzustand),

давшее возможность еще до об'явления мобилизации выполнить ряд мероприятий, облегчавших и ускорявших приведение армии на военное положение. Общая мобилизация об'явлена 1-го августа; первым ее днем назначено 2 августа. Вследствие указанных предварительных распоряжений, в момент опубликования императорского указа о мобилизации, германская армия в значительной степени уже выполнила мобилизационные работы, а войска, назначенные для прикрытия границы с Бельгией и Францией, уже были перевезены к местам назначения: на бельгийскую границу — I-й кавалерийский корпус (гвард. и 5-я кав. дивизии) и 6 пехотных бригад различных корпусов; на люксембургскую — IV-й кавалерийский корпус (3-я и 6-я кав. дивизии), а в Лотарингию — III-й конный корпус (баварская, 7-я и 8-я кав. дивизии). Мобилизация постоянной армии закончена 5 августа [1]).

Мобилизация французской армии.

Торопилась с мобилизацией и Франция. 26-го и 27 июля французские войска были собраны в пунктах постоянного квартирования; 28-го — прекращены отпуска, усилена охрана границ и начат сбор перевозочных средств; 29-го — произведен в восточной пограничной полосе призыв младших возрастных классов резервистов; 30-го — начаты мобилизационные работы в крепостях, а в пограничной полосе продолжался призыв резервистов; 31-го — начата перевозка в пограничные районы войск, назначенных для прикрытия мобилизации и сосредоточения: 2-го, 6-го, 7-го, 20-го и 21-го корпусов; 2-й, 4-й, 6-й и 8-й кав. дивизий; кав. полков 2-го, 5-го и 8-го корпусов; 3-й, 9-й и 15-й пех. дивизий и 84-й пех. бригады. 1 августа об'явлена мобилизация, 2-го — ее первый день. Со второго по четвертый день произведена большая часть мобилизационных перевозок, и кроме того, в эти дни перевезены в Европу (в район Бельфора) африканские войска. 3 августа закончена перевозка войск при-

[1]) Указываемые мною сроки относятся, конечно, только к главной массе войск той или другой армии.

крытия, а 5-го — закончена мобилизация постоянной армии.

Таким образом, Франция и начала, и кончила свою мобилизацию одновременно с Германией; между тем, по мнению германских писателей, она имела возможность опередить в этом отношении немцев, потому что французский военный министр, по конституции, пользовался правом самостоятельно принимать некоторые, весьма существенные меры для ускорения мобилизационной готовности армии, напр., задерживать на службе отслуживших срок или закончивших учебный сбор и приводить на военное положение пограничные войска простым телеграфным распоряжением. Но французское правительство, не желая быть обвиненным в том, что оно вызвало войну своими преждевременными военными мероприятиями, не использовало этих возможностей и было озабочено лишь тем, чтобы не отставать от германской мобилизации. Вероятно, для того, чтобы не вызвать в пограничной полосе, раньше чем следовало, столкновений с германскими пограничными войсками, войскам прикрытия было приказано не приближаться к границе ближе как на 10 килом.; кроме того, известие об об'явлении войны Германией передано им с запозданием на 14 часов (утром 4 августа). Однако, едва-ли такая осторожность могла быть в каком либо отношении полезной для французской армии, потому что, и без этого, сознание германского превосходства и боязнь поражений составляли характерные особенности психологии французских войск.

Мобилизация бельгийской и английской армий.

Большую предусмотрительность в мобилизационном отношении обнаружила Бельгия. Повидимому, она предвидела возможность европейской войны еще с того дня, когда Австро-Венгрия пред'явила свой ультиматум Сербии, а потому уже 24 июля бельгийское правительство решило принять некоторые меры к усилению боевой готовности армии; затем, 28-го состоялось распоряжение о призыве в войска трех возрастных классов резервистов. Вследствие этого к вечеру 31 июля, когда был опубликован королевский

декрет о мобилизации, бельгийская армия находилась уже в усиленном составе.

Что касается Англии, то ее положение в отношении мобилизации было совершенно иное, потому что, как мы знаем, она содержала, хотя немногочисленную, но вполне готовую к военным действиям экспедиционную армию, которая требовала лишь небольших пополнений; следовательно, в данном случае вопрос шел не столько о мобилизации, сколько о перевозке этих войск на материк. Раньше всего, Англия начала приводить на военное положение свои морские силы: 27 июля флоту приказано сосредоточиться в Портланде, 28-го — приступить к мобилизационным работам, 30-го началось наблюдение английскими судами за германским побережьем, а 31-го флот закончил мобилизацию. 4 августа началась, а 7-го окончилась мобилизация экспедиционной армии.

2. Сосредоточение войск к границам.

Перевозка германских войск.

Массовая перевозка германских войск к границам Бельгии и Франции, в назначенные для них районы сосредоточения, началась 7 августа; до этого дня туда перевозились войска, прикрывавшие мобилизацию и сосредоточение. Главная масса войск прибыла на места к 10—11 августа, но перевозки продолжались до 17-го, когда все армии кончили свое сосредоточение, причем последними прибыли почти во всех армиях резервные корпуса. Затем, до 20-го еще перевозились в армейские районы некоторые второлинейные войска, предназначенные для тыловой службы. Быстрому сосредоточению к бельгийской границе крупной массы германских войск в значительной степени способствовала подготовка немцами еще с 1904 года своих железных дорог в этом районе. До этого года главный узел пограничных железнодорожных линий Германии находился у Меца, но с тех пор он постепенно переносится к северу: в рейнской провинции (в Пфальце и Эйфеле) прокладываются новые рельсовые линии и под'ездные пути, а на фронте Ахен-Мальмеди-

Трир сооружаются на конечных железнодорожных станциях (С. Вит, Прансфельд, Трир) воинские платформы. Достаточно сказать, что на железнодорожное строительство в рейнской провинции за $1^1/_2$ года до войны, в марте 1913 года, рейхстагом было отпущено 452 мил. марок. Перевозка войск облегчалась еще и тем обстоятельством, что большая часть железных дорог великого герцогства люксембургского уже в мирное время находилась в германском управлении.

Как видно из этого, немцы не жалели ни трудов, ни денег для того, чтобы обеспечить своим войскам возможность быстрого сосредоточения к бельгийской границе. Недаром германский министр иностранных дел фон-Ягов, накануне открытия военных действий, сказал английскому послу сэру Э. Гошену: „быстрота действий — вот главный козырь Германии".

Перевозка французских войск.

Французские перевозки по сосредоточению на восточной границе начались 6 августа, причем к 13 августа в армейских районах уже была высажена главная масса войск. Поэтому, если бы в ближайшие дни не явилась надобность вносить существенные изменения в группировку французских армий, то французы были бы готовы одновременно с немцами к крупным операциям и могли бы начать свое наступление в Арденах как раз в то время, когда германские армии правого крыла подходили бы к Маасу. Но надобность в таких изменениях оказалась весьма настоятельной, что повлекло за собой новые крупные перевозки и внесло некоторые осложнения в план сосредоточения. Вследствие этого, эти перевозки затянулись до 19 августа.

Между 5 и 13 августа были также перевезены: в северный район группа территориальных дивизий ген. д'Амада (81-я, 82-я и 84-я дивизии) и территориальные войска в парижский гарнизон (83-я, 85-я, 86-я и 89-я дивизии и 185-я бригада). Одновременно с общими перевозками были перевезены в районы соответствующих армий и войска, стоявшие на итальянской границе, 14-й и 15-й корпуса и батальоны аль-

пийских стрелков, потому что об'явление Италией 3 августа своего нейтралитета дало возможность Франции считать эту границу безопасной [1]).

Перевозка бельгийских и английских войск.

Перевозка бельгийских войск в район сосредоточения, на левом берегу Мааса, начатая утром 4 августа, была произведена весьма быстро, благодаря густоте железнодорожной сети Бельгии и небольшим расстояниям, на которые приходилось перевозить войска. Эта перевозка обеспечивалась заблаговременным выдвижением кавалерийской дивизии к Варему, а также разрушением переправ на Маасе и рельсовых путей, ведущих в Германию. К утру 6 августа бельгийская армия окончила свое сосредоточение, хотя еще не все ее дивизии закончили свою мобилизацию.

Сосредоточение английской армии в районе, назначенном ей французским главным командованием, находилось в более трудных условиях: островное положение Англии и необходимость переброски ее войск через морской канал требовали больших перевозочных средств и продолжительного времени, а потому замедляли появление этих войск на театре военных действий и лишали англичан тех преимуществ, которые были связаны с большой мобилизационной готовностью экспедиционной армии. Неподготовленность портов к посадке войск на суда позволила начать таковую лишь 9 августа; с 11-го они отправляли ежедневно по 13 судов с войсками (с средним суточным тонажем в 52 тыс. тон). Пунктами высадки на французском берегу служили Булонь, Руан и Гавр, где войска экспедиционной армии высаживались с 12-го по 17 августа. Перевозка по французским железным дорогам в район сосредоточения (Мобеж-Ландреси) началась 14-го, а кончилась 20 августа.

---

[1]) Использование этих войск французами с первых же дней войны, повидимому, предусматривалось немцами, потому что об этом достаточно откровенно сообщалось во французской литературе перед войной (v. Kuhl. Der Deutsche Generalstab).

Заключение о сосредоточении сторон.

Из приведенных здесь сведений о сосредоточении сторон видно, что англо-французские армии закончили его лишь немногим позже германских армий. Поэтому, следует придти к заключенню, что общая боевая готовность союзных армий была нисколько не ниже готовности германской; французская же армия в этом отношении даже, пожалуй, несколько превосходила своего противника. Те оперативные преимущества, которые оказались на стороне немцев с первых же дней войны, должны об'ясняться вовсе не тем, что они закончили свое полное сосредоточение на 2 дня раньше французов, а исключительно лишь качествами германского плана войны, ясного, простого и определенного, и характером военных действий германских армий, полных инициативы, смелости и решительности. Из описания боевых операций в Бельгии и северо-восточной Франции это станет для читателя вполне ясным.

3. Стратегическое развертывание сторон.

(Схемы №№ 4 и 9).

Мы видели, что между 11 и 13 августа главная масса германских и французских войск уже была перевезена в районы сосредоточения, где эти войска тотчас же занимали назначенные им пункты и откуда они, уже распределенные по армиям, должны были начать свое наступление [1]).

Посмотрим-же, в каком виде в эти дни было произведено это стратегическое развертывание.

Германские армии.

Германские армии выполнили свое развертывание на бельгийской и французской границах под прикрытием следующих войск: кавалерийских частей, доставленных на границу еще в период

[1]) Частичное наступление началось с обеих сторон еще в начале сосредоточения, напр., движение немцев к Льежу, захват ими Люксембурга, вторжение французов в Эльзас и т. п., о чем будет сказано в следующих главах.

мобилизации; сводного отряда ген. Эмиха, получившего задачу овладеть Льежем до перехода армий в общее наступление; и пограничных гарнизонов тех корпусов, которые в мирное время были расположены вдоль границ — VIII-го (Ахен — Трир), XVI-го (Диденгофен — Мец), XXI-го (Саарбрюкен — Саарбург), XV-го (Страсбург — Ней-Бризах) и XIV-го (Мюльгаузен).

Все германские войска образовали семь армий и отдельный отряд в верхнем Эльзасе, развернувшиеся на границе Бельгии, Люксембурга и Франции, от Крефельда до Мюльгаузена, на фронте около 380 килом.

Армии расположились в следующем порядке:

I-я армия, генерал-полковника фон-Клука (II-й, III-й, IV-й, III-й резервный и IV-й резервный корпуса, 210 тыс. чел.), к северу-востоку от Ахена, в районе Крефельд — Эркеленц — Юлих — Бергейм; штаб армии — Гревенбройх.

II-я армия, генерал-полковника фон-Бюлова (гвардейский, VII й, IX-й, X-й, гвардейский резервный, VII-й резервный, X-й резервный и II-й кавалерийский корпуса [1]), 260 тыс. чел.), к югу от Ахена, в районе Ахен — Эйпен — Мальмеди — Бланкенгейм — Эйскирхен — Дюрен; штаб армии — Монжуа.

III-я (саксонская) армия, генерал-полковника барона фон-Гаузена (XI-й, XII-й, XIX-й, XII-й резервный [2]) и I й кавалерийский корпуса, 160 тыс. чел.), к югу от С. Вита, в районе С. Вит — Нейербург — Витлих — Прюм; штаб армии — Прюм.

IV-я армия, герцога Альбрехта вюртембергского (VI-й, VIII-й, XVIII-й, VIII-й резервный и XVIII-й резервный корпуса, 180 тыс. чел.), в районе Дикирх — Люксембург — Ремих — Вадерн — Трир; штаб армии — Трир.

V-я армия, кронпринца германского (V-й, XIII-й, XVI-й, V-й резервный, VI-й резервный, IV-й кавалерийский

---

[1]) Кавалерийские корпуса в период развертывания были подчинены в оперативном отношении непосредственно главному командованию.

[2]) Корпуса: XII-й, XIX-й и XII-й резервный — саксонские.

корпуса [1]) 33-я резервная дивизия и рез. дивизия Меца, 230 тыс. чел.), в районе Бетенбург — Диденгофен — Мец — Саарбрюкен; штаб армии — Саарбрюкен.

VI я (баварская) армия, кронпринца Рупрехта баварского (I-й баварский, II-й баварский, III-й баварский, XXI-й, I-й баварский резервный и III-й кавалерийский корпуса, 200 тыс. чел.), в районе Курцель — Шато-Сален — Диец — Саарбург — Сааргемюнде; штаб армии — С. Авольд.

VII-я армия, генерал-полковника фон-Геерингена (XIV-й, XV-й, XIV-й резервный корпуса и резервная дивизия крепости Страсбурга, 140 тыс. чел.), в районе Цаберн — Страсбург — Фрейбург — Мюльгейм; штаб армии — Страсбург.

Эльзасский отряд ген. Гедэ (55-я, 1-я и 2-я бав. ландверные бригады и ландв. пех. полк, 20 тыс. чел.), подчиненный командующему VII-й армией, занимал верхний Эльзас от Шлетштадта до швейцарской границы.

Кроме этого, к 20 августа в тыловых районах армий сосредоточены 6½ эрзац-резервных дивизий (для VI-й и VII-й армий), 14 ландверных бригад [2]), 4 пехотных и 7 пионерных ландверных полков и несколько тяжелых ландверных батарей (для всех армий), всего около 200 тыс. чел. [3]).

Всего немцами было развернуто на границе: 22 полевых, 12 резервных и 4 кавалерийских корпуса, 3 резервных и 6½ эрзац-резервных дивизий, 17½ ландверных бригад и несколько мелких частей, что составляло около 1.600.000 чел. [4]); причем главная масса этих войск находи-

---

[1]) I-й и IV-й кав. корпуса первоначально были сосредоточены в районе IV-й армии.

[2]) Эти ландверные бригады были распределены между армиями для несения тыловой службы (в I-й—10-я, 11-я и 27-я; во II-й—25-я и 29-я; в III-й—47-я; в IV-й—49-я; в V-й—13-я, 43-я, 45-я, 53-я и 9-я баварская; в VI-й—5-я бав. и в VII-й—60-я).

[3]) Из перволинейных войск, предназначенных на западный фронт, внутри страны еще оставались IX-й резервный корпус и 3 полка морской пехоты, находившиеся в Шлезвиге на случай высадки противника; они отправлены на театр военных действий позже.

[4]) Во всех армиях находилось около 4½ тыс. легких пушек и более 500 тяжелых орудий.

лась к северу от Меца, где на фронте протяжением около 200 килом. было сосредоточено около 1.100.000 чел.

К тому же времени на восточном (русском) фронте была сосредоточена VIII-я армия генерал-полковника фон-Притвица, в составе I-го, XVII-го, XX-го и I-го резервного корпусов, 1-й кавалерийской, 3-й резервной и трех эрзац-резервных дивизий и нескольких ландверных бригад, всего около 220 тыс. чел.

Верховное командование всеми вооруженными силами Германии принял на себя император Вильгельм II, а его начальником штаба (фактически—главнокомандующим) был начальник германского генерального штаба, генерал фон-Мольтке. С окончанием стратегического развертывания армий германская главная квартира перешла 17 августа из Берлина в Кобленц.

Развертывание немцев, раз начатое, продолжалось без всяких существенных изменений, в духе тех оперативных идей, которые были положены в основу германского плана. Однако, необходимо отметить, что германское главное командование, в своей оперативной работе в течение этого времени, до перехода армий в общее наступление, все же пережило момент тяжелого колебания, едва не имевшего своим результатом весьма важное решение, которое могло оказать роковое влияние на выполнение всего наступления в Бельгию и Францию. Мольтке с первых же дней войны ожидал французского вторжения крупными силами в Эльзас-Лотарингию, что находило себе подтверждение в сосредоточении французами двух наиболее сильных армий на границе этой провинции. Если принять к тому же во внимание, что он еще в мирное время не доверял безопасности южно-германских областей (вследствие чего и внес в шлифеновский план изменения, заключавшиеся в усилении левого крыла), то не покажется странным, что это настроение могло возникнуть и теперь в германской главной квартире. Под этим впечатлением, 14 августа Мольтке приказывает V-й армии быть готовой наступать к югу, чтобы от Меца и французского Нида атаковать левый фланг противника, наступавшего против VI-й германской армии; с этой же

целью противодействия французскому наступлению в Лотарингию, он отдает VI-й армии все шесть эрзац-резервных дивизий, находившихся в распоряжении главного командования. Спустя два дня, частью вследствие возражений командующего V-й армией, а частью ввиду развития событий в Бельгии, распоряжение, касавшееся этой армии, было отменено, но все таки ей указывалась возможность операции против левого неприятельского фланга в Лотарингии, причем шесть эрзац-резервных дивизий оставлены в VI-й армии. Еще раз центр тяжести германского стратегического развертывания передвигается к югу; те резервы, которые могли бы на правом фланге способствовать достижению большего успеха в боевых действиях I-й и II-й армий, обрекались на юге, под стенами французских крепостей, на пассивную роль.

Мысль о нанесении французам решительного поражения в Лотарингии, запавшая в душу Мольтке, однако, не сразу заглохла; почти что накануне перехода германских армий в общее наступление, уже после падения Льежа, в главной квартире обсуждался вопрос: не следует ли допустить продвижение противника вглубь Лотарингии, между Мецем и Вогезами, и затем атаковать его с севера, во фланг, V-й армией, вне полосы французских восточных крепостей?

Но для выполнения такого маневра необходимо было длительное отступление VI-й и VII-й армий, а может быть даже и V-й, которая могла бы при этом оторваться от правого германского крыла и дать противнику возможность проникнуть в образовавшийся прорыв. Все это в совокупности могло затруднить наступление правофланговых армий в Бельгию и, даже в случае успеха в боях в Лотарингии, нарушить весь план вторжения во Францию. В виду этого, мысль об этом маневре была оставлена, и было решено идти двумя южными армиями навстречу неприятельскому наступлению в Лотарингии, с целью отбросить французов к мозельским крепостям, а если окажется возможным, то и форсировать эту оборонительную линию. Следовательно, было решено вернуться к первоначальному плану, выполнение которого и продолжалось в последующие дни.

Французские армии.

Развертывание французских армий на эльзас-лотарингской и бельгийской границах было выполнено под прикрытием передовых частей следующих корпусов: 2-го с 4-й кав. дивизией (на линии Монмеди—Лонгюон—Спинкур); 6-го (на линии Конфлан—Понт-а-Муссон); 20-го со 2-й кав. дивизией (на линии Номени—Шанпеву—Эмбермениль); 21-го с 6-й кав. дивизией (на линии Монтиньи—Бакара—С. Дие—Фрэз); и 7-го с 8-й кав. дивизией (на линии Жерардмер—Корнимон—ле-Тиле); далее к югу прикрытием служил укрепленный район Бельфора.

Французские войска образовали здесь, на фронте Гирсон—Бельфор, протяжением в 345 килом., пять армий.

Расположение их было следующее:

1-я армия, генерала Дюбайля (7-й, 8-й, 13 й, 14-й и 21-й корпуса; 6-я и 8-я кав. дивизии; 1-я группа резервных дивизий: 58-я, 63-я и 66-я; 57-я и 71-я резервные дивизии в гарнизонах крепостей Бельфора и Эпиналя, 320 тыс. чел.), располагалась: главные силы у крепости Эпиналя, в районе Шарм—Ремиремон—Дарнэ, 7-й корпус с 57-й резервной дивизией на линии Мелизэ—Бельфор и 1-я группа резервных дивизий—у Везуля. Штаб армии—Эпиналь.

2-я армия, генерала Кастельно (9-й, 15-й, 16-й, 18-й и 20-й корпуса; 2-я и 10-я кав. дивизии; 2-я группа резервных дивизий: 59-я, 68-я и 70-я; 73-я резервная дивизия в гарнизоне крепости Туля, 300 тыс. чел.), заняла район Туль—Нэфшато—Мирекур—Везелис. Штаб армии—Нэфшато.

3-я армия, генерала Рюфэ (4 й, 5-й и 6-й [1]) корпуса; 7-я кав. дивизия; 3-я группа резервных дивизий: 54-я, 55-я и 56-я; и гарнизон крепости Вердена—72-я резервная дивизия, 200 тыс. чел.), развернулась у Вердена и южнее, в районе Монфокон—Вобекур—Комерси—Этен. Штаб армии—Верден.

5-я армия, генерала Ланрезака (1-й, 2-й, 3 й, 10-й и 11-й корпуса; 4-я кав. дивизия; 52-я и 60 я резервные дивизии, 250 тыс. чел.), собралась в обширном районе Гирсон—Синьи—Бюзанси—Сюип—Ретель, имея за своим левым

[1]) 6-й корпус 3-х дивизионного состава.

флангом, на линии Вервэн—Нэфшатель, 4-ю группу резервных дивизий (51-я, 53-я и 69-я, 60 тыс. чел.), а перед фронтом, на линии Мезьер—Седан—Кариньян, 1-й кавалерийский корпус (1-я, 3-я и 5-я кав. дивизии, 10 тыс. чел.) Штаб армии—Ретель.

4-я армия, генерала Лангль-де-Кари (12-й, 17-й и колониальный корпуса и 9-я кав. дивизия, 125 тыс. чел.), была сосредоточена во 2-й линии, между верхним течением р. Марны и Аргонами, в районе Шалон—Витри-ле-Франсуа—С. Дизье — Линьи — С. Менегу — Монтуа. Штаб армии—С. Дизье [1]).

Группа территориальных дивизий, ген. д'Амада (81-я, 82-я и 84-я дивизии, 60 тыс. чел.), заняла район Армантьер—Арас—Дуэ—Лиль. Штаб группы—Арас.

Следовательно, французы развернули всего 21 корпус [2]), 10 кавалерийских, 24 резервных [3]) и 4 территориальные дивизии, численностью в 1.325.000 чел. [4]). Из этих войск на восточной границе, против Эльзас-Лотарингии, была развернута главная масса,—1-я, 2-я, 3-я и 4-я армии—945 тыс. чел., а на бельгийской границе—лишь 380 тыс. (5-я армия, 4-я группа резервных дивизий, конница и группа д'Амада).

Верховное командование французскими армиями было возложено на генерала Жоффра, начальником штаба у кото-

---

[1]) Первоначально высадка 4-й армии предполагалась южнее и в более тесном районе Бар-ле-Дюк—Гондрекур, но уже 2 авг., по получении первых сведений о вступлении немцев в Люксембург, район сосредоточения был отодвинут к северу, что соответствовало предусмотренному в плане № 17 наступлению этой армии севернее 3-й. Однако, вследствие этого, районы 4-й и 5-й армии у Монтуа—Сюип совпадали.

[2]) 19-й (африканский) корпус только частью сил прибыл во Францию (в район Бельфора), остальные его войска еще были на пути из Алжира.

[3]) В том числе 12 резервных бригад в составе корпусов.

[4]) Если к этому числу добавить не прибывшие еще части 19-го (алжирского) корпуса и некоторые резервные формирования, введенные, однако, в действие в ближайшие дни, то окажется, что французы с первых же дней войны выставили силы не меньшие, чем немцы.

рого был генерал Бэлен. С окончанием указанного здесь развертывания французская главная квартира перешла из Парижа в Витри-ле-Франсуа.

Английская армия. Одновременно с указанным здесь развертыванием французских армий, английские войска начали прибывать в район Мобеж—Ландреси—Боэн, постепенно образуя собой связующее звено между 5-й французской армией (4-й группой французских резервных дивизий ген. Валябрега) и группой территориальных дивизий ген. д'Амада. По окончании сосредоточения, английская армия к 20 августа заняла следующее расположение.

Конница, генерала Аленби (дивизия из 4-х бригад и 5-я отдельная бригада, 8 тыс. чел.), заняла, к востоку от крепости Мобежа, район Жемон—Кусольр, вдоль бельгийской границы.

1-й корпус, генерала Дугласа Хэйга (1-я и 2-я дивизии, 30 тыс. чел.), расположился к востоку от Боэна, в районе Васиньи—Меневрэ.

2-й корпус, генерала Смит-Дорьена (3-я и 5-я дивизии, 30 тыс. чел.), занял район Ландреси—Маруай.

Всего англичанами сосредоточено в это время во Франции около 70 тыс. чел. [1]).

Главнокомандующим английской армией был фельдмаршал Френч, прославившийся в южно-африканской войне; его начальником штаба—генерал Мэрей. Главная квартира английских войск с 17 августа расположилась в Ле-Като [2]).

В то время, когда английская армия собиралась в назначенном для нее районе, фельдм. Френч отправился в Париж

---

[1]) 4-я дивизия была посажена на суда в Англии лишь 23 августа и присоединилась к английской армии через Гавр уже после сражения у Монса.

[2]) Первоначально британское правительство хотело развернуть свою армию у Амьена, но Жоффр настоял на том, чтобы район развертывания был выдвинут к северу, предполагая, что английская армия окажется здесь на спокойном участке, потому что он не допускал в то время возможности германского наступления западнее бельгийского Мааса.

для переговоров с ген. Жоффром относительно предстоявших им совместных операций. Эти переговоры были, конечно, необходимы, тем более, что английское правительство, отправляя свою экспедиционную армию во Францию для участия в общей с союзниками борьбе с немцами, не пожелало, однако, подчинить свои войска союзному главнокомандующему, а решило сохранить за ними полную самостоятельность. В письменной инструкции, переданной Френчу, перед его от'ездом из Англии, военным министром лордом Китченером, имеется определенное указание, что Френч „вполне самостоятелен, и ни в каком случае, и ни в каком отношении не будет подчинен никакому союзному генералу".

В этой инструкции имеется, между прочим, еще одно интересное указание, весьма характерное для того положения, которое Англия хотела занять в ряду союзников на континенте. Оно гласит следующее: „хотя необходимо идти с полной охотой навстречу предположениям и желаниям нашего союзника, тем не менее, вы должны самым серьезным образом обдумывать возможность вашего участия в таких наступательных движениях, в которых не участвуют крупные силы французов и где ваша армия может быть подвержена нападению в неблагоприятной обстановке; и если такой случай будет предполагаться, то вам следует сообщить мне об этом настолько заблаговременно, чтобы я мог успеть уведомить вас о решении, принятом по этому вопросу правительством" [1]).

Таким образом, оперативное сотрудничество англичан с французами не только было поставлено в зависимость от добровольного соглашения английских генералов с французскими, но и должно было сообразоваться со взглядами британского правительства, повидимому, мало расположенного к решительным и рискованным предприятиям. Вероятно, эти своеобразные указания китченеровских напутствий, которыми благословляли в Лондоне на ратный подвиг английского главнокомандующего, и придали действиям британ-

---

[1]) Brig.-Gen. Edmonds. Military operations, France and Belgium, 1914, стр. 442—443.

ских войск тот осторожный, нерешительный и неустойчивый характер, который составлял их яркую особенность в течение всей кампании 1914 года.

Бельгийская армия.

Бельгийская армия закончила свое развертывание раньше других союзных армий и 6 августа расположилась всеми своими силами в треугольнике Брюссель—Льеж—Намюр. Главные силы заняли район Лювен (2-я дивизия)—Вавр (6-я дивизия)—Тирлемон (1-я дивизия)—Первец (5-я дивизия), пересекаемый оборонительными рубежами р.р. Жеты и Диля; кавалерийская дивизия стала впереди этого района, у Варема. В качестве авангардов, которые должны были усилить гарнизоны крепостей и упрочить оборону последних, были выдвинуты: к Льежу и Тонгру—3-я дивизия, а к Намюру и Гюи—4-я дивизия. Общее число бельгийских войск, вместе с крепостными гарнизонами, достигало 175.000 чел., из коих собственно полевых—около 117.000. Верховное командование армией принял на себя король Альберт, назначивший начальником своего штаба генерала Селье-де-Моранвиля. Главная квартира бельгийской армии находилась в Брюсселе.

Оценка стратегического развертывания сторон.

Приступая к сравнению стратегического развертывания сторон, раньше всего сопоставим те силы, которые с первых же дней войны выставлены ими в боевую линию. Не считая ландверных формирований у немцев и территориальных у французов, в виду того, что таковые несли в то время тыловую службу, мы получим цифры, указанные в таблице на стр. 164.

Эта таблица показывает, что союзники с первых же дней войны превосходили противника числом дивизий и что Франция, выставивши в поле почти равные силы с Германией и имея значительно меньше населения (39 мил. против 67 мил. немцев), проявила гораздо большее военное напряжение, чем Германия.

АРМИИ.	ДИВИЗИЙ.				
	Пехотных.				Кав.
	Полев.	Резерв.	Эрз. рез.	Итого.	Полев.
Германские	44	29 [1])	6½	79½	10
Французские . . .	47 [2])	32 [3])	—	79	10
Английская	4	—	—	4	2
Бельгийская . . .	6	—	—	6	1
Итого союзники .	57	32	—	89	13

Мы видели, что развертывание германских и французских армий произведено совершенно различно: уже в самом распределении немецких войск на различных участках стратегического фронта, в массировании их на бельгийской границе, ясно обнаруживается основная идея германского оперативного плана, заключающаяся в наступлении главной массы войск через Бельгию и нанесении противнику главного удара в обход крепостей восточной границы Франции. Эта идея выражена настолько ярко в группировке и численности армий, что, не имея даже никаких предварительных сведений о намерениях немцев использовать для своего на-

[1]) Считая и IX-й рез. корпус, прибывший к Антверпену вскоре после пограничного сражения.

[2]) В том числе три дивизии 19-го (африканского) корпуса, прибывшие во время перегруппировки армий.

[3]) Сюда включены 12 рез. бригад, входивших в состав корпусов, и 8 рез. дивизий, прибывших в армии и крепости в период перегруппировки.

ступления территорию Бельгии, каждый человек, взглянувший на карту, составит себе об этом вполне определенное представление. Ясный, и к тому же весьма простой по замыслу, план войны вылился у немцев в отчетливые оперативные формы и привел их к целесообразному стратегическому развертыванию: $^2/_3$ своих сил они сосредоточили на путях, открытых для свободного вторжения в северо-восточную Францию через бельгийские пределы, а $^1/_3$ направили к восточным крепостям Франции для широкой стратегической демонстрации и для прикрытия своих собственных границ.

В противоположность германскому развертыванию, в стратегическом развертывании французов не видно никакой руководящей идеи, никакого определенного плана, никакого оперативного замысла: войска разбросаны почти равномерно от верховья р. Уазы до Бельфора, и нигде, ни их группировкой, ни их численностью, им не обеспечено никаких оперативных преимуществ сравнительно с противником[1]). Это — какое-то подготовительное, выжидательное положение, а не стратегическое развертывание для осуществления решительных задач в борьбе с неприятельскими армиями. Эта странная группировка французских армий отличается и неясностью оперативных целей, и нерешительностью наступательных намерений, что в совокупности и придает ей этот незаконченный, неопределенный характер: с одной стороны, расположение главной массы войск (1-й, 2-й, 3-й и 4-й армий) на восточной границе как бы указывает на стремление повести наступление в Эльзас-Лотарингию, но, с другой стороны, сосредоточение 5-й армии в районе Арден, и перед ней — крупной кавалерийской массы впереди Мааса, обнаруживает желание вторгнуться в Бельгию. Но правильнее всего, повидимому, будет придти к заключению, что в это время ни того, ни другого намерения в действи-

[1]) На бельгийской границе — 5 корпусов, 5 рез. и 4 кав. дивизии; в верденском районе — 3 корпуса. 4 рез. и 1 кав. дивизии; в Лотарингии—5 корпусов, 4 рез. и 2 кав. дивизии; в Вогезах — 4 корпуса, 1 рез. и 2 кав. дивизии; у Бельфора — 1 корпус и 4 рез. дивизии; в резерве—3 корпуса и кав. дивизия.

тельности не было у французского высшего командования, которое к моменту первоначального развертывания еще не пришло ни к какому определенному решению: наступать или обороняться, где и какими силами наступать, какой предпринять маневр против неприятельских армий. В этом нас более всего убеждает неполнота, незаконченность французского развертывания, а именно — оставление целой армии в резерве, как бы в расчете направить ее в то или другое место, в зависимости от того, как сложится обстановка, иначе говоря, в зависимости от действий, а следовательно и от воли противника. Уже с этих первых дней борьбы французы предоставляли врагу все выгоды и преимущества инициативы, сохраняя за собой лишь сомнительную возможность применяться и приспособляться к меняющимся условиям боевой обстановки.

В самом деле, на всем этом сказалась робкая, нерешительная политика Франции в вопросе о подготовке к войне вообще и в вопросе о Бельгии в частности. С одной стороны, соблюдая формальные требования международного договора, Франция не решалась нарушить бельгийский нейтралитет с целью приобретения некоторых стратегических преимуществ в отношении противника; но с другой стороны, она опасалась, как бы при этом не приобрел этих преимуществ неприятель, не отличавшийся, как было известно французам, большой щепетильностью и приверженностью к устарелым дипломатическим документам. Таким образом, нерешительность в политике привела французов к полумерам и колебаниям в области оперативных решений, в противоположность немцам, смелая политика которых с момента об'явления войны, вся отданная на служение стратегии, обусловливала собой этот цельный и решительный план наступления через Бельгию.

На развертывание французских армий неблагоприятное влияние оказала в некоторой степени и медленная переброска во Францию английских войск, которые должны были удлинить левый фланг стратегического фронта и усилить ту группу союзных войск, которая сосредоточивалась на бельгийской границе. Если бы вся английская

экспедиционная армия, в том своем составе, в котором она предназначалась для операций на континенте, т.-е. в числе 166 тыс. чел., была сосредоточена на верхней Самбре одновременно с перевозкой к границе французских армий, то, вероятно, недостатки стратегического развертывания последних не приобрели бы того крупного значения, которое они в действительности получили в ближайшие дни.

Вообще же, медлительность в переброске английских дивизий во Францию вызывает справедливое недоумение; во-первых, вследствие обилия в Англии морских транспортных средств, а, во-вторых, и вследствие того, что вероятность участия английских войск в операциях на европейском материке, как мы видели выше, предусматривалась уже давно. За эту неготовность англичан больше всего поплатились бельгийцы, сильно расчитывавшие на английскую помощь.

Что касается развертывания бельгийской армии, то оно имело тоже неопределенный характер. Одно лишь было ясно и несомненно: это то, что бельгийцы, после первоначальных колебаний и неоправдавшихся расчетов на возможность остаться в стороне от начавшейся борьбы, решили защищать свои отечественные пределы. Но это решение не было сообразовано с той стратегической обстановкой, в которой оказалась бельгийская армия: стоя лицом к лицу с германскими армиями, обладавшими подавляющим численным превосходством, при сомнительных шансах на поддержку англо-французских войск, бельгийцы, конечно, должны были в общих оперативных интересах союзников, не связывая себя непосредственной обороной своей территории, произвести такое сосредоточение своих сил, которое обеспечивало бы им с первого же дня войны соединение с союзниками и совместные с ними боевые действия. Это, конечно, сразу открыло бы противнику свободный доступ на территорию Бельгии, но, ведь, не могло подлежать никакому сомнению, что сама по себе бельгийская армия не была в состоянии преградить неприятельским армиям путь в отечественные пределы и, рано или поздно, они должны были занять бельгийскую территорию.

Сложилось мнение, что бельгийцы расчитывали, упорно отстаивая оборонительную линию Мааса, выиграть время, в течение которого могли бы подойти подкрепления союзников. Однако, необходимо принять во внимание, что неприятельские армии находились ближе к бельгийским войскам, чем англо-французы, а в отношении быстроты мобилизации и сосредоточения они не уступали французским армиям и, конечно, сильно упреждали английскую армию.

Вообще, нельзя не придти к тому заключению, что та группировка, которую приняла в эти дни бельгийская армия, являлась результатом еще не вполне отброшенных бельгийским правительством сепаратных стремлений и, конечно, с интересами союзной стратегии не имела ничего общего.

4. Перегруппировка французских армий.

Стратегическое развертывание, указанное для германских армий, явилось для них окончательным и послужило им исходным положением для наступления. Группировка их сил с такой определенностью выражала основную идею предстоявших операций, направляя их по руслу заранее разработанного плана, что оставалось лишь торопиться с началом военных действий, чтобы обеспечить за собой инициативу и дать событиям развиваться в желательном для себя направлении; и раньше всего необходимо было поскорее покончить с бельгийской армией и ее маасскими крепостями, с целью проложить германским армиям путь через Бельгию до прибытия туда крупных англо-французских подкреплений.

Обстоятельства, вызвавшие необходимость перегруппировки французских армий.

В совершенно ином положении оказались французские армии. Вследствие различных обстоятельств, о которых было сказано мною при исследовании плана № 17, а также при изложении мобилизации и сосредоточения, французы с первых же дней войны находились в нерешительном состоянии. Несмотря на свои наступательные стремления и самоуверенность, с которой

французское главное командование готовилось к наступлению, французы все же чувствовали, что на их стратегическом горизонте далеко не везде ясно и что есть на нем один небольшой участок, на котором возможно появление зловещей грозовой тучи. И хотя главное командование всячески отгоняло от себя эти мрачные мысли и делало вид, как будто бы оно совершенно не верит тому, что гром может грянуть с севера, тем не менее, уже с дней мобилизации, оно не отрывало глаз от этой части горизонта. Посылая корпуса за корпусами на восток, Жоффр все оглядывался на север; и чем более он приближался к осуществлению своих наступательных намерений на востоке, тем глубже закрадывалось в его душу сомнение в целесообразности и выполнимости этих намерений, тем сильнее были его колебания в решениях. Но этот процесс разрушения предвзятых стратегических представлений французского главнокомандующего, процесс разрушения его оперативного замысла, шел очень медленно, встречая для себя серьезные препятствия в упрямом, настойчивом, близоруком стремлении Жоффра продолжать выполнение подготовленного плана. Но события,—эти наиболее убедительные аргументы при обсуждении оперативных решений на войне,—постепенно делали свое дело, направляя его мысли, его стремления, его энергию совершенно в другую сторону.

Вот какова психологическая подкладка всех тех перемен, перемещений, колебаний, приказаний и их отмен, которые в конечном результате привели в течение третьей недели августа к большой перегруппировке французских армий. Проследим же в последовательности ход этих изменений и вызвавшие их причины.

Еще 2 августа, в первый день мобилизации, под впечатлением германского налета на Люксембург, Жоффр меняет для 4-й армии, предназначенной во 2-ю линию, район ее сосредоточения, продвигая его к северу; он как бы предопределяет для действий этой армии, из двух вариантов плана № 17, тот, который намечает ее наступление севернее Вердена, между 3-й и 5-й армиями. Хотя этот вариант и предусмотрен французским планом развертывания,

но нельзя отрицать того, что, в виду той быстроты, с которой французское командование реагировало на событие не особенно крупного стратегического значения, уже в этой перемене таился тревожный признак неустойчивости оперативного плана французов. И по мере того, как стратегическое развертывание осуществлялось, иризнаки этой неустойчивости обнаруживались все чаще и чаще.

Со 2 го до 7 августа французской главной квартирой последовательно получаются следующие сведения о противнике. Около трех корпусов (а может быть и меньше) наступают к Льежу; это сведение вызывает 6 августа высылку 1-го кавалерийского корпуса ген. Сорде от Мезьера на Нэфшато (в бельгийском Люксембурге) и побуждает Жоффра 4 августа вечером дать французским войскам разрешение вступить на бельгийскую территорию. Одновременно с этим поступают сведения о подготовке крупных высадок неприятельских войск у Люксембурга. 6 августа становится известным о присутствии около Льежа частей пяти корпусов и четырех кавалерийских дивизий противника. В этот день к Лаону начинают подходить с юга (из Марселя) эшелоны 37-й и 38-й (африканских) дивизий; главная квартира находится в нерешительности: куда вести эти дивизии? Решено высаживать их в Лаоне и считать в резерве главнокомандующего. Разведывательная сводка главной квартиры от 6 августа исчисляет силы противника в 20 полевых корпусов, 7 кавалерийских и 7—8 резервных дивизий, распределенных таким образом: в Эльзасе—3 корпуса, между Саарбургом и Вогезами—4 корпуса; между Саарбургом и С. Витом—3 армии, силой в 15 корпусов, из них главная масса между Триром и Саарбургом. В сводке оговорено, что эти три армии не имеют в своем составе резервных войск, что указывает на то, что они предназначены для главного наступления. На следующий день новые сведения: обнаружено движение противника в направлении к Намюру (у Марша и Рошфора) и работы его по укреплению линии Люксембург—Арлон. Является предположение: не сосредоточивает ли противник, под прикрытием этой укрепленной линии, свои войска для

нанесения главного удара? С другой стороны, скопление неприятельских войск замечено южнее, на фронте Саарбург—Страсбург—Шлетштадт, а в верхнем Эльзасе 7-й корпус, уже наступавший к Мюльгаузену, встретил сопротивление противника.

К вечеру 7 августа во французской главной квартире сложилось следующее представление об обстановке на фронте. Германцы сосредоточиваются в двух группах: 1) в Лотарингии и нижнем Эльзасе и 2) в Люксембурге; связью между этими группами является крепостной район Диденгофен—Мец. Но с целью отвлечь внимание французов от этих участков фронта, противник предпринял две демонстрации, в верхнем Эльзасе и у Льежа; у последняго немцы, повидимому, решили овладеть переправой и тет-депоном на Маасе, чтобы воспрепятствовать бельгийцам выйти здесь в тыл их армиям, наступающим к юго-западу восточнее этой реки.

Задачи, данные французским армиям.

Из этого представления об обстановке вытекает решение: возможно скорее использовать эти сведения для наступления, пока противник еще не начал движения. Результатом же такого решения является, данная армиям 8 августа, общая директива № 1, которая впервые определяет задачи армий для предстоящего наступления.

Обстановка на стороне противника обрисовывается таким образом: главные силы немцев сосредоточены в Люксембурге и в районе Мец—Диденгофен, с целью наступать к западу; перед 1-й и 2-й армиями—не более 6 неприятельских корпусов, на севере одна германская армия вступила в Бельгию. Намерение главного командования—дать сражение всеми своими соединенными силами, примыкая своим правым флангом к Рейну. Армиям указаны следующие задачи: 1-й—атаковать противника на фронте Саарбург—Донон—долина р. Брейши, с целью отбросить его к Страсбургу и в нижний Эльзас; 7-й корпус этой армии с 8-й кав. дивизией, движением на Кольмар и Шлетштадт, содействует этому наступлению, а 1-я группа резервных диви-

зий наблюдает Ней-Бризах, выполняет блокаду Страсбурга и прикрывает верхний Эльзас; 2-й армии—прикрываясь со стороны Меца, наступать в общем направлении на Саарбрюкен, на фронте Дельм—Шато-Сален—Диец, причем два левофланговые корпуса (18-й и 9-й) остаются в районе Нанси, на левом берегу Мозеля, в готовности действовать в северном направлении; 3-й—развернувшись к востоку от Мааса на линии Виньей—Орн, быть в готовности для наступления к северу, левым флангом на Дамвилер или для контр-атаки противника, в случае его наступления от Меца, причем в первом случае два левофланговые корпуса 2-й армии могут быть приданы ей; 4-й—сосредоточившись на линии Суйи—Обревиль—Сервон, быть в готовности или атаковать, между Маасом и Аргонами, неприятельские войска, которые могут форсировать Маас к северу от Вердена, или самой переправиться через эту реку севернее крепости; 5-й—занять более узкий фронт между Вузье и Обантоном, чтобы иметь возможность атаковать противника, дебушрующего между Музоном и Мезьером, или самой перейти Маас между этими пунктами; кавалерийский корпус сначала прикрывает фронт 5-й армии, а затем отходит в район Мариембург—Шимэ для установления связи между английской армией и 4-й группой резервных дивизий; эта последняя располагается вокруг Вервэна таким образом, чтобы иметь возможность наступать или к северу, или к востоку. В заключение, директива предлагает командующим армиями подготовить все необходимое для наступления, которое должно быть начато по особому телеграфному распоряжению.

Из этой директивы, как и из предшествовавших ей ориентировок и решений французской главной квартиры, видно, что, несмотря на явные признаки энергичной деятельности немцев на путях к Льежу и Намюру, главное командование до 8 августа упорно не придает этой деятельности серьезного значения, хотя командующий 5-й армией, ген. Ланрезак, несколько раз настойчиво убеждает Жоффра в необходимости продвинуть его армию далее к северу, в виду угрожающего ей обхода крупных неприятель-

ских сил по левому берегу Мааса [1]). И в эти дни единственной мерой, принятой для встречи наступления противника западнее этой реки, является приказание 4-й группе резервных дивизий быть в готовности, наступать от Вервэна между прочим и к северу; кроме того, кавалерийский корпус Сорде, условно, если бы он уже был к тому времени в районе Мариембург—Шимэ, мог принять участие в этих боях. А так как англичане в то время еще и не начинали высадки своих войск во французских портах, то в ближайшие дни только эти слабые силы и могли встретить наступление превосходных сил германцев на левом берегу Мааса.

Второе обстоятельство, бросающееся в глаза среди вышеизложенных данных, заключается в том, что французы предполагали наступать по всему фронту, двумя группами почти одинаковой силы, в расходящихся направлениях: левой, с фронта Верден—Гирсон, на северо-восток и правой, с фронта Нанси—Бельфор, на восток; причем обе группы должны были обходить крепостной район Диденгофен-Мец, лишь выставляя в его сторону заслоны. Если принять во внимание, что французская главная квартира сама установила сосредоточение в этом районе главных сил противника, то такой план наступления представляется непонятным, потому что движение германских войск из этого крепостного района на линию Верден—Нанси раскололо бы французский фронт на две части.

Из всего этого можно сделать следующие выводы: во-первых, что в этот период развертывания французская главная квартира неправильно представляла себе обстановку на фронте, и во-вторых, что она не сумела в своих соображениях для наступления соблюсти цельность, определенность своего замысла, с одной стороны обнаруживая стремление к овладению Эльзас-Лотарингией, а с другой—желая остановить наступление противника к северу от Вердена.

Из дальнейшего мы увидим, как упорно сохраняют эту двойственность замысла все последующие оперативные со-

---

[1]) Об этом Ланрезак говорит в своей книге—Le plan de campagne français.

ображения французского главного командования, до того момента, когда тяжкие поражения, наконец, стряхнут с них предвзятость оценки намерений противника и налет романтизма в отношении боевых действий на эльзас-лотарингском фронте.

Директива от 8 августа, между прочим, указывает на то, что 4-я армия была выведена из 2-й линии еще до окончания своего сосредоточения, потому что уже в этот день ей назначено развертывание восточнее Аргон, с целью выдвижения между 3-й и 5-й армиями.

Следующая неделя не только не придает большей определенности планам французской главной квартиры, но, наоборот, по мере того, как обнаруживаются новые данные раскрывающейся обстановки, все глубже становится противоречие между намерениями главного командования на восточной границе и его оперативными мерами на севере. Пассивность немцев в эти дни в Лотарингии и Эльзасе, в связи с неудачей первого французского наступления к Мюльгаузену [1]), все более и более разжигают у французов желание ускорить здесь свое наступление, которое назначается на 14 августа. И даже в том случае, если бы противник предупредил их в этом отношении в Лотарингии, наступление 1-й армии должно было осуществиться, но с тем лишь изменением, что ее два левофланговые корпуса удерживали бы линию р. Мерты.

Ни в крепостном районе Диденгофен-Мец, ни в Люксембурге не было заметно какой-либо оживленной деятельности неприятеля, причем обстановка на этом участке фронта представлялась совершенно неясной; но за то в пределах Бельгии, не только в Арденах и на путях к нижнему Маасу, но даже на левом берегу этой реки, было обнаружено наступление крупных сил противника, предшествуемых кавалерией.

---

[1]) Упоминаемые в этой главе боевые действия будут описаны в следующих главах, здесь же о них говорится лишь настолько, насколько это необходимо для уяснения себе их влияния, в ряду других факторов обстановки, на решения французского главного командования в отношении перегруппировки сил.

Посмотрим, что происходило в это время на левом фланге французского фронта.

Положение французского левого фланга.

Конница 5-й армии (4-я кав. дивизия) разведывала между Флоранвилем и Этале́м в направлении на Арлон и Люксембург, поддерживая связь между кавалерийским корпусом ген. Сорде и 2-м корпусом у Марвиля. Командующий этой армией, ген. Ланрезак, желая установить связь с бельгийцами, просил коменданта Намюра, ген. Мишеля, занять своими войсками участок Мааса к югу от крепости, но так как у того свободных войск для этого не оказалось, то он был вынужден послать к Динану один из своих полков, находившийся в Живэ (148-й пехотный). Само по себе это выдвижение к северу одного полка не вносило, конечно, никаких существенных изменений в обстановку, но оно заслуживает внимания в том отношении, что этим выдвижением началось медленное, постепенное вытягивание 5-й армии вниз по р. Маасу, вопреки упорному сопротивлению главного командования, все еще не придававшего серьезного значения германскому наступлению в Бельгии. Между тем, сведения оттуда становятся с каждым днем все тревожнее и тревожнее; вследствие настойчивых представлений Ланрезака, Жоффр 12 августа дает ему разрешение передвинуть из Мезьера к Динану весь 1-й корпус, который 13-го утром и уходит туда. Этому корпусу дана задача: оборонять Маас на участке от Намюра до Живэ. Одновременно с этим, обе африканские дивизии (37-я и 38-я) перебрасываются из Лаона на север, в район Филипвиль—Шимэ—Рокруа, где включаются в состав 5-й армии вместо 2-го корпуса, переданного в 4-ю армию. В то же время 1-й кавалерийский корпус ген. Сорде (1-я, 3-я и 5-я кав. дивизии и 45-й пех. полк, всего 72 эскадрона, 3 батальона, 36 орудий и несколько броневиков), находившийся в непосредственном подчинении главной квартире, совершал свои странствования на правом берегу Мааса.

Еще 6 августа он был выслан для разведки в Бельгию на фронт Нэфшато—Бастонь—Хуфализ; выяснивши здесь

присутствие крупных сил неприятельской конницы в районе верхней Урты [1]), он повернул 7-го к северу, к Рошфору, а оттуда 8 августа пошел к Льежу, уже атакованному немцами; на пути к этой крепости он был задержан на р. Урте германской пехотой, и, не вступая с противником в крупные боевые столкновения и не собравши здесь никаких ценных сведений, отошел на юг, к р. Лесс, где расположился на обоих берегах реки, между Рошфором и Бореном. Высылая отсюда разведывательные части на Нэфшато и к р. Урте, французская конница оставалась здесь до 11 августа. Обнаруживши отсюда появление противника у Нэфшато, она перешла в этот день в район Месэн-Либэн для более тщательной разведки на фронте Нэфшато-Либрамон, но, не получивши здесь никаких существенных сведений о неприятеле, на следующий день вернулась в окрестности Борена. 13 августа эта конница ведет разведки на Марш и Лярош, где обнаруживает наступление к Динану гвард. и 5-й кав. дивизий противника (I-го кав. корпуса), а 14-го, получивши сведение о завязавшемся у Динана бое (1-го франц. корпуса с герм. кавалерией), направляется туда, но не может достигнуть этого пункта, задержанная на р. Лессе неприятельской пехотой. В тот же день Сорде получил приказание главнокомандующего перейти на левый берег Мааса с целью прикрывать здесь сосредоточение 5-й франц. армии. На следующий день, 15-го, французская конница переправилась через Маас у Хастьера и к вечеру расположилась между Флореном и Динаном. В результате своих 8-ми дневных разведок на правом берегу, перед фронтом III-й и IV-й герм. армий, уже продвигавшихся своими передовыми частями к западу, три французские кав. дивизии дали очень скудные сведения о противнике: ни одна из этих неприятельских армий не была обнаружена, нигде не установлено присутствие крупных пехотных масс, и единственным ценным сведением, добытым этой конницей, было сведение о движении германской конницы между Ма-

[1]) Повидимому, это был I-й герм. кав. корпус, наступавший из своего района сосредоточения (около Люксембурга) к Динану.

асом и Уртой. Естественно, что при такой слабой разведывательной деятельности стратегической конницы, обстановка на нижнем Маасе и в Арденах очень медленно выяснялась для французского главного командования. Затем, нельзя также не отметить и того, что конница Сорде избегала боя: на Урте и Лессе она была задержана неприятельской пехотой, хотя последняя не могла быть в те дни в большом количестве в этих местах, и три кав. дивизии могли бы в спешенном бою проложить себе дорогу и к Льежу, и к Динану; но больше всего удивляет то, что, определивши с большой точностью силы и местонахождение германской конницы, корпус Сорде, вместо того, чтобы атаковать ее, отбросить или уничтожить, уходит за р. Лесс, предоставляя противнику свободный путь к Маасу.

Хотя Жоффр, по прежнему, считает эльзас-лотарингский участок главным участком фронта, но, как видно из указанного выше, он постепенно усиливает свой левый фланг, который должен был удерживать бельгийский Маас южнее Намюра и, при наступлении 5-й армии к Нэфшато, содействовать ей с запада. Ясно, что в оперативном плане французской главной квартиры, все еще пытавшейся провести в жизнь план № 17, образовалась опасная трещина. Оперативная инерция все еще влекла главное командование к признанию преобладающего значения наступательных действий на восточной границе, но с каждым днем она становилась слабее; Жоффр все еще надеялся осуществить свой план наступления всеми силами по обе стороны Вердена, но уже обнаружились тревожные признаки возможной задержки наступления на левом крыле.

13 августа заканчивалось сосредоточение главной массы французских войск, почему Жоффр полагал уже своевременным сделать распоряжение о переходе в ближайшие дни в наступление и северной группой своих армий, что, в связи с наступлением с 14 августа двух южных армий, должно было осуществить давнишнюю мечту о наступлении „всеми соединенными силами“, положенную в основу плана № 17 и затем—директивы от 8 августа.

Директива от 13 августа, определявшая собой переход в наступление 3-й, 4-й и 5-й армий, заключала в себе следующие указания.

3-я армия, занявши своими резервными дивизиями подготовленные позиции к северу и югу от Вердена, должна была: или встретить противника, вышедшего из Меца, своими двумя правофланговыми корпусами, поддержанными 18-м корпусом [1]); или принять участие в наступлении к северу 4-й и 5-й армий.

4-я армия, 14 августа, выдвигалась своими главными силами на Маас к югу от Дэна.

5-я армия должна была держать свои главные силы в 8—10 килом. не доходя Мааса, в готовности встретить контр-атакой противника, который переправится на левый берег реки. Переправы от Мезьера до Живэ следовало энергично оборонять, а где нужно—разрушить. 1-й корпус обеспечивал левый фланг армии и служил опорой для конницы Сорде. Последняя же располагалась на левом фланге армии, выполняя свое первоначальное назначение и, пока возможно, оставалась на правом берегу Мааса.

В заключение, директива добавляет, что в случае, если противник окажется еще в значительном удалении, то с 15 августа должны быть приняты меры, чтобы 4-я и 5-я армии могли по первому же приказанию быстро выдвинуться на линию Борен—Жедин—Пализей—Кюньон—Маргю.

Из этой директивы видно, что, в сущности говоря, никакого наступления левым крылом не предполагалось: армии должны были ожидать противника, чтобы встретить его контр-атакой и лишь в том случае, если бы этого противника по близости не было, совершить небольшое продвижение за Маас, но с какой именно целью—неизвестно. Вот, следовательно, какое неблагоприятное влияние оказывала на план общего наступления та опасность, которая уже угрожала с севера, но еще не была открыто признана главным командованием; не желая еще признать ее, но и не обладая решимостью совершенно ее отвергнуть, Жоффр оста-

[1]) Левофланговый корпус 2-й армии (см. директиву от 8 августа).

новился на полумере: наступать двумя южными армиями, а тремя северными оставаться в бездействии до полного выяснения обстановки. Это дает нам право сказать, что с 13 августа, т.-е. со дня подписания Жоффром директивы для боевых действий левофланговых армий, план № 17 перестал существовать и столь заботливо утверждаемая в войсках французским генеральным штабом идея одновременного, решительного наступления всеми силами потерпела крушение [1]).

Французы всегда опасались, что немцы, начавши мобилизацию раньше, выполнивши быстрее их сосредоточение и развертывание, будут раньше готовы к наступлению и, захвативши в свои руки инициативу действий, обрушатся на них, как снеговая лавина, неожиданно и стремительно, не давши им возможности собрать все свои силы и организовать свое общее наступление. Но эти опасения не оправдались: не истекло еще двух недель со дня об'явления войны, а пять французских армий уже стояли на границе, готовые к бою, ожидая приказа броситься на территорию противника; судьба, казалось, благоприятствовала французам: неприятельские войска еще не начали своего общего наступления, они еще не захватили инициативы. Казалось, Жоффру стоило лишь протянуть руку, и он захватил бы ее... Что же мешало ему осуществить эту заветную мечту

---

[1]) Бездействие северной группы имело в это время особенное значение для района, занятого 3-й армией, потому что, именно вследствие этого, неприятелю удалось захватить и закрепить за собой окрестности города Брие (в 45 килом. к сев.-вост. от Вердена), богатые железной рудой. Потеря этих рудников отозвалась очень неблагоприятно на французской металлургической промышленности в течение войны. 13 августа командующий армией, ген. Рюфэ, предлагал Жоффру начать своими войсками наступление к востоку, севернее Меца, для содействия 2-й армии; в это время противник занимал пограничную полосу небольшими силами, почему не представляло бы больших затруднений занять рудниковый район, хотя бы для того, чтобы испортить шахты и тем помешать немцам воспользоваться ими. Главная квартира отклонила это предложение и подтвердила свое приказание оставаться в выжидательном положении до особого распоряжения.

французского генерального штаба? Ведь, он имел теперь в своем распоряжении все то, с чем он намеревался вторгнуться в неприятельские пределы, когда составлял свой план для войны; ведь, еще нигде германские войска не стесняли его оперативной свободы, и сам противник представлялся еще французскому главнокомандующему скорее отвлеченным понятием, чем существом реальным, более возможностью, чем фактом. Да, у него было все, что необходимо для составления наступательного плана, даже наиболее смелого, но у него не хватало одного могучего фактора, без которого ни один план не может быть осуществлен: у него не было решимости провести свой замысел в жизнь, не было воли к победе. Угроза германского наступления западнее Мааса, угроза, едва признаваемая во французской главной квартире, все же постепенно расшатывала веру главного командования в спасительность наступления на восточной границе и ослабляла его наступательный дух. Несомненно, это не говорит в пользу полководческих качеств главнокомандующего, но верно также и то, что это доказывает нецелесообразность того плана, который он пытался выполнить с таким упорством и с такой уверенностью в успехе.

Директива от 13 августа представляет для нас исключительно психологический интерес, как одно из явлений, характеризующих оперативное творчество французского главного командования и его приемы проведения в жизнь своих оперативных решений; практического же значения для дальнейшего хода событий она не имеет, потому что ни одно из указанных в ней действий не получило осуществления; новые боевые явления, возникшие по обе стороны бельгийского Мааса, и новые стратегические возможности на фронте, вынудили французскую главную квартиру направить свое внимание в другую сторону.

Мы видели, что командующий 5-й французской армией, как начальник, ответственный за безопасность левого фланга, и, вследствие этого, более чувствительный к сведениям, приходившим с севера,—уже не раз обращал внимание Жоффра на необходимость передвинуть свою армию в се-

верном направлении, с целью поставить ее в более благоприятное положение на случай наступления крупных германских сил западнее Мааса. Директива от 13 августа, убедившая Ланрезака в том, что главное командование по прежнему упорствует в своем первоначальном намерении направить главные силы его армии в Ардены, побуждает его снова сделать попытку склонить Жоффра к отказу от этого намерения и к продвижению этой армии к северу. 14 августа, сначала при личном свидании в главной квартире, а затем и в письме, он излагает перед главнокомандующим свои соображения в пользу предлагаемой им меры, но безуспешно. Жоффр и его ближайшие сотрудники, генералы Бэлен и Бертело, не видят еще непосредственной опасности на левом берегу Мааса: она еще далека, вероятность ее еще вовсе неустановлена, еще хватит времени приготовиться к ее встрече, в случае, если она действительно будет угрожать левому флангу французских армий... Впрочем, Жоффр не возражает против того, чтобы протянуть левый фланг 5-й армии за Мезьер, к Монтэрмэ, т.-е. на 12—15 килом. к северу!

На следующий день, утром, главная квартира, повидимому, все-таки задумавшаяся над обстановкой, слагавшейся на нижнем Маасе, разрешила Ланрезаку подготовить для передвижения туда два корпуса своей армии, но с тем условием, что они выступят лишь по приказу главнокомандующего [1]).

Передвижение 5-й французской армии к северу.

Наконец, полученное к вечеру в этот день донесение командира 1-го корпуса о бое у Динана, удачном для французов, но не имевшем большого стратегического значения, произвело настолько сильное впечатление на Жоффра, что в тот же

[1]) Давление на Жоффра в этом направлении шло и с другой стороны: 15 августа в главную квартиру, в Витри-ле-Франсуа, прибыл один из членов высшего военного совета, ген. Галиени, с поручением от военного министра Месими обратить внимание главнокомандующего на опасность, грозившую французскому левому флангу со стороны Бельгии.

день, ночью, он приказал 5-й армии перейти к северу, в район между Самброй и Маасом. Директива, которая заключала в себе это распоряжение, давала лево-фланговой группе французских армий следующие указания.

„Противник, повидимому, направляет главный удар своим правым крылом к северу от Живэ. Другая группа неприятельских войск наступает на линию Седан — Монмеди — Дамвилер.

„5-й армии, оставивши для обороны Мааса 11-й корпус и свои резервные дивизии (52-ю и 60-ю) и передавши 4-й армии 4-ю кав. дивизию, перейти с остальными войсками в район Мариембург — Филипвиль, с целью действовать против северной группы противника, совместно с английской и бельгийской армиями.

„Кавалерийский корпус Сорде и 4-я группа резервных дивизий (у Вервэна) переходят в состав 5-й армии.

„4-я армия, в состав которой поступают 4-я кав. дивизия, 11-й корпус, 52-я и 60-я резервные дивизии, располагается фронтом к северо-востоку, чтобы иметь возможность наступать с линии Седан—Монмеди в общем направлении на Нэфшато".

Французская главная квартира, повидимому, уверовала, наконец, в действительность той угрозы левому флангу, которая висела над ним с того дня, когда германские пушки впервые заговорили перед фортами Льежа. Но сколько времени потребовалось для того, чтобы усилия более прозорливых людей и снаряды тяжелой германской артиллерии, уже гремевшей на территории Бельгии, могли убедить ее в этом! И сколько было потеряно драгоценного времени в этих колебаниях, в этой нерешительности протянуть левый фланг в северном направлении [1])! Из того же доку-

[1]) Нельзя не согласиться с мнением одного из французских исследователей этого периода войны (F. Engerand. Le drame de Charleroi), который говорит по этому вопросу следующее: „После великолепного покаяния на Марне, теперь можно смело сказать, что еще никогда так сильно не ошибались. Заблуждение было полное—и что поражает—добровольное, потому что никогда неприятельское наступление не было так ясно предусмотрено и предсказано, как насту-

мента мы заключаем, что между командованием бельгийской и французской армий не было достаточной связи и французы не имели определенных сведений о расположении и движении бельгийских войск [2]); потому что в противном случае Ланрезаку не могла быть дана задача действовать совместно с бельгийцами, которые (как увидим это в следующей главе) в это время совсем не стремились к этому, отходя к западу и даже не могли войти в связь с 5-й франц. армией, отделенные от нее германскими войсками, находившимися уже между Маасом и р. Жетой.

Итак, к 16 августа на левом французском крыле осуществлена крупная перегруппировка: одна армия (5-я) двигается на север, другая (4-я) получает самостоятельный участок на Маасе и Шиере, за которыми раскинулись к северо-востоку лесистые холмы бельгийских Арден, куда ей скоро придется направить свои колонны. Каковы же те силы, которыми должен был теперь располагать ген. Ланрезак? 1-й корпус, находившийся на Маасе, у Динана, 3-й—у Мезьера, 10-й—у Седана, три резервные дивизии ген. Валябрега (51-я, 53-я и 69-я) у Вервэна, две африканские дивизии (37-я ген. Комби и 38-я ген. Муто) в районе Рокруа—Шимэ—Филипвиль и кавалерийский корпус ген. Сорде. К этим войскам к 20 августа должен был присоединиться 18-й корпус (из 2-й армии), перевозка которого из Туля в район Мобежа началась 17 августа. Таким образом, вместо взятых у Ланрезака двух корпусов (2-го и 11-го), коренных в составе 5-й армии, принадлежавших в мирное время к тому инспекционному округу, за боевой подготовкой которого он наблюдал, Ланрезак получил новые части, с которыми не имел времени ознакомиться. Помимо этого, в составе его армии теперь находилось 5 отдельных дивизий, не имевших корпусных учреждений и сносившихся непо-

---

пление немцев в августе 1914 года; стратеги старой школы не только предсказали его за 40 лет, но даже указали нам способы противодействовать ему, однако, их идеи осмеивали, их труды оставляли в пренебрежении"...

[2]) Хотя с 5 августа при бельгийской главной квартире и состоял, командированный Жоффром, офицер для связи (полк. Брекар).

средственно со штабом армии по всем вопросам снабжения и устройства тыла. Такая организация и такой состав армии не обещали в ближайшем будущем хорошего управления и ясно обнаруживали, что французское главное командование, согласившись под давлением обстоятельств на выдвижение левого фланга к северу, все таки продолжало смотреть на 5-ю армию, как на группу войск второстепенного значения.

В виду того, что, с уходом 3-го и 10 го корпусов на север, участок Мааса ниже Седана мог быть занят лишь двумя резервными дивизиями 4-й армии, левый фланг этой армии был усилен у Мезьера 9-м корпусом, перевезенным сюда к 20 августа из Нанси, где он до тех пор укреплял передовую позицию Гран-Куронэ и принял небольшое участие в наступлении в Лотарингии [1]). С прибытием 9-го корпуса к Мезьеру, 52-я и 60-я резервные дивизии приняли на себя оборону Мааса от устья р. Семуа до Живэ. Переданная из 5-й армии 4-я кав. дивизия составила с 9-й кав. дивизией сводный кавалерийский корпус, разведывавший в направлении к Нэфшато.

Все эти изменения внесли значительное осложнение в развертывание трех северных французских армий и отдалили срок их готовности для общего наступления. 1-я и 2-я армии уже начали боевые действия в Эльзас-Лотарингии, на севере крупные силы германцев уже вступили на территорию Бельгии, а, между тем, левый фланг союзников (английская и 5-я франц. армии) все еще был разбросан на огромном протяжении, от Мезьера до Ле-Като, неустроенный, без внутренней связи между своими отдельными группами, не имевший определенных оперативных задач. И нужна была по крайней мере еще одна неделя, чтобы привести эту группу войск в порядок, установить в ней внутреннюю связь и нацелить ее в направлении, соответ-

[1]) Собственно, к Мезьеру была перевезена только 17-я дивизия с корпусными учреждениями, потому что 18-я была задержана боями в Лотарингии. Взамен последней в состав корпуса была включена у Мезьера мароккская дивизия, подвезенная туда из Марселя почти одновременно с 17-й.

ствующем обстановке. Как же совершалась эта спешная и трудная работа, которая должна была поставить этот опаснейший участок французского фронта в условия, благоприятные для решительных боевых столкновений с противником?

Корпусам ген. Ланрезака (3-му и 10-му) пришлось пройти, из района Седан-Мезьер до нижней Самбры, 120 килом. в сильную жару, почему они не могли, по достижении назначенных им пунктов, находиться в таком бодром состоянии, которое было желательно для предстоявших боев. Остальным частям 5-й армии предстояли передвижения на значительно меньшие расстояния. Сосредоточение армии в углу между Самброй и Маасом было произведено таким образом: 1-й корпус (с 148-м полком), имея свои главные силы у Динана, должен был удерживать переправы на Маасе от Намюра до Живэ и на Самбре выше Намюра; 3-й выступил 16 августа от Мезьера, был направлен на Синьи-ле-Пти к Шарлеруа и прибыл к вечеру 20-го к Жерпину; 10-й, выйдя в тот же день из Седана, шел через Рокруа к Фосу, куда и прибыл к вечеру 20-го; обе африканские дивизии сосредоточивались в пунктах своей высадки (у Филиппвиля и Шимэ) и были приданы: 37-я—к 10-му и 38-я — к 3-му корпусам; 18-й корпус, по окончании высадки в Мобеже 20 августа, через Бомон достиг Тюэна вечером 21-го; 53-я и 69-я резервные дивизии через Гирсон перешли к Мобежу, где и расположились к северо-востоку от крепости, уступом за левым флангом 18-го корпуса; 51-я резервная дивизия отправлена от Гирсона к Динану, где она должна была к вечеру 22 августа сменить 1-й корпус на маасских переправах. Штаб армии 18-го перешел в Синьи-ле-Пти, где и оставался до 20-го. Кавалерийский корпус ген. Сорде, по распоряжению главной квартиры, выступил 16 августа из окрестностей Динана к северу, за Самбру, с целью войти в связь с бельгийской армией, а также для разведки на левом берегу реки и для задержки противника, который пытался бы перейти эту реку между Мобежем и Намюром. Эта конница настолько уже была утомлена предыдущими передвижениями на правом берегу

Мааса, что едва-ли была пригодна для активных действий за Самброй; между тем, только быстрое продвижение в окрестности Брюсселя могло привести ее к установлению связи с правым флангом бельгийских войск. Сорде, вместе с тем, прикрывал сосредоточение 5-й франц. и английской армий; эта задача была бы, конечно, выполнена более удачно, если бы англичане одновременно с этим выдвинули и свою конницу на территорию Бельгии, но фельдм. Френч отказался от этого, мотивируя свое решение тем соображением, что, в виду малочисленности своей армии, он должен держать свою конницу непосредственно при себе в качестве резерва. Повидимому, указания китченеровской инструкции Френчу уже начинали приносить свои плоды: английское командование, с первых же дней появления английской армии во Франции, стало на вредную, недопустимую точку зрения обособленных действий, которые, однако, раньше всего пали на голову самих англичан. По этому поводу Ланрезак выражается таким образом: „можно было предвидеть, что наши военные сношения с англичанами вовсе не будут удобными, несмотря на несомненное доброе желание с обеих сторон; мы не только говорили на разных языках, но, что еще важнее, имели различные взгляды на войну“ [1]). Из дальнейшего изложения событий мы увидим, насколько справедлива эта оценка.

16 августа Жоффр обратился к Френчу с запиской, в которой обстановка обрисована таким образом: противник, повидимому, подготовляет главный удар на своем правом фланге и в центре, а именно севернее Живэ и на участке Седан-Монмеди-Дамвилер, сохраняя оборонительное положение к югу от Меца [2]). Затем, после указания задачи, возложенной на 5-ю армию и состава этой армии [3]), в записке сказано, что хотя еще нет возможности в точности

---

[1]) Le plan de campagne français, стр. 92.

[2]) Необходимо отметить, что о получении этой записки, заключавшей в себе очень интересные для Ланрезака сведения, Френч не упомянул при личном с ним свидании 17 августа в Ретеле.

[3]) Между прочим, в этой записке указано, что крепость Мобеж подчинена Ланрезаку.

определить характер предстоявшего союзникам маневра, но уже можно в общих чертах наметить движение английской армии: по окончании сосредоточения, 21 августа утром, она пойдет к северу, за Самбру, в район Монса и далее на Нивель, чтобы или примкнуть к левому флангу 5-й франц. армии, если последняя будет наступать в северном направлении, или стать уступом за ее левым флангом, в случае ее перемещения к востоку. Относительно конницы указано, что английская кав. дивизия должна, действуя в связи с корпусом ген. Сорде, прикрывать движение своей армии, а после сближения с противником, вся кавалерия отходит на левый фланг англичан. На бельгийцев Жоффр, повидимому, уже мало расчитывал, потому что высказывал лишь пожелание, чтобы, прикрывая Брюссель и Антверпен, они угрожали флангу и тылу германцев.

Эта записка, несомненно, обнаруживает желание французского главнокомандующего установить согласованность в действиях союзников в Бельгии, но, если принять во внимание, что здесь находились три армии различных национальностей (английская, бельгийская и 5-я франц.), из коих две не были подчинены Жоффру и имели независимых друг от друга командующих, то выполнение этого являлось не только трудным, но и невозможным. Согласованность могла бы быть достигнута лишь назначением одного общего начальника этой группы, подчиненного французской главной квартире; но ни англичане, ни бельгийцы не были склонны на такое ограничение своей оперативной самостоятельности. Пока же, трудная задача связать действия бельгийских войск с англо-французскими была возложена на ген. Сорде, который, как я уже говорил, 16 августа выступил со своим корпусом на север.

Собравшись во Флерюсе 17-го, корпус двинулся 18-го к северо-востоку, в район Первеца, где, по полученным сведениям, находилась германская конница. Сначала здесь пыталась оказать содействие его левому флангу бригада 6-й бельгийской дивизии, но затем, увлекаемая общим отступлением своей армии, она бросила французскую конницу;

последняя лишившись пехотной поддержки [1]), была вынуждена отойти к Жемблу, откуда 19 августа еще раз безуспешно наступала к Первецу, но, встреченная здесь неприятельским отрядом всех родов войск, отошла к Флерюсу, а на следующий день — за канал, где заняла переправы от Госели до Сенефа. Так закончилась 12-ти дневная разведывательная служба этого конного корпуса, по обе стороны Мааса, не давшая главному командованию никаких ценных сведений о противнике, не установившая связи с бельгийцами, не воспрепятствовавшая неприятельской кавалерии угрожать флангу бельгийской армии, измотавшая и всадников, и конский состав, и лишившая левое крыло союзников боеспособной конницы именно в то время, когда ее боевая служба была бы для него особенно ценной.

Столь неудачная деятельность французской конницы в Бельгии имела своим естественным последствием плохую ориентировку главного командования относительно положения неприятельских сил в этом важнейшем районе театра военных действий. Это ясно обнаруживается в директиве главной квартиры от 18 августа, которая заключает в себе уже последние оперативные указания за время перегруппировки французских армий и является, в сущности говоря, директивой для будущего пограничного сражения. Вот как изложены в ней задачи армий и обстановка, в которой им придется их выполнять.

Последний период перегруппировки.

3-я, 4-я и 5-я франц. армии, действуя в связи с английской и бельгийской, имели предметом своих действий неприятельские войска, сосредоточенные около Диденгофена, в Люксембурге и в Бельгии. Эти силы противника, предполагаемые в двух группах, исчислялись таким образом: северная — 7 или 8 корпусов с 4-мя кав. дивизиями и южная, между Бастонем и Диденгофеном, 6—7 корпусов и 2—3 кав. дивизии.

---

[1]) 45-й пех. полк, входивший раньше в состав кавалерийского корпуса, остался на Маасе у Динана, где находился и другой (148-й) полк 8-й бригады (4-й дивизии 2-го корпуса).

Относительно выполнения армиями своего наступления предусмотрено два случая: а) противник наступает по обе стороны Мааса; в этом случае левое крыло союзников (5-я франц., английская и бельгийская армии) задерживает это наступление к западу от Мааса, пытаясь бельгийскими войсками и кавалерийским корпусом обойти неприятеля с севера, тогда как 3-я и 4-я армии атакуют неприятельский центр; причем, в случае успеха, бо́льшая часть последней направляется к северу, против левого фланга северной группы противника; б) германцы идут главным образом по правому берегу Мааса, имея на левом лишь слабые силы и направляя свои правобережные войска северной группы против левого фланга 4-й армии, атакующей, вместе с 3-й, центр неприятеля—в этом случае 5-я армия, предоставив англичанам и бельгийцам (может быть, с поддержкой 4-й группы французских резервных дивизий) действовать против германцев к западу от Мааса, повернет на восток и через Намюр и Живэ будет наступать на линию Марш—С. Юбер.

Эта директива заключает в себе три данные, весьма характерные для деятельности французской главной квартиры того времени. Во-первых, она показывает, что силы противника на фронте Мец—Брюссель считались вдвое слабее, чем они были в действительности: вместо 27½ корпусов всего лишь 13—15 корпусов; во-вторых, наступление главной массы германцев все еще предполагалось к востоку от Мааса и допускалась даже возможность задержать немцев на левом берегу этой реки слабыми и разрозненными силами англичан и бельгийцев, при этом в то время, когда бельгийская армия уже отходила к Брюсселю под натиском превосходных сил противника. И, наконец, в-третьих, признавалось возможным 5-ю армию, состоявшую из 13 дивизий и развернувшуюся фронтом к северу, уступами с правого фланга, спешно повернуть всем своим фронтом к востоку. Не доказывает ли эта директива полной неосведомленности французского главного командования относительно обстановки на театре военных действий и его растерянности и неуверенности в своих решениях? Оно все

еще цеплялось за свой первоначальный замысел прорвать неприятельский центр на линии Люксембург — Арлон — Нэфшато [1]), но уже на своем правом фланге, где в то время две южные армии, составлявшие более 1/3 всех французских сил, втянулись в упорные бои в Вогезах и Лотарингии, оно с каждым днем теряло интерес к этому наступлению. Все чаще, взглядывая на север, то колеблясь, то упорствуя, то отвергая предложения и предостережения своих более дальновидных командующих армий, то уступая им, французская главная квартира уже уделяла ему все меньше и меньше внимания.

Пока происходили изложенные выше передвижения на левом фланге союзников, не обошлось без перегруппировки и в центре. Директивой главной квартиры от 15 августа, относящейся лишь к 3-й армии, этой последней указывалось: оставивши к стороне Меца 3-ю группу резервных дивизий ген. Дюрана, занять 4-м и 5-м корпусами и двумя дивизиями 6-го корпуса линию Ямец—Этен, для наступления в общем направлении на Лонгви; третью дивизию 6-го корпуса временно оставить для прикрытия правого фланга к стороне Конфлана и Брие.

Так как этой директивой определялось наступление 3-й армии к северу, которое, естественно, обнажало бы верденский укрепленный район со стороны Меца, то решено было усилить группу ген. Дюрана, чтобы дать ей возможность не только прикрывать Верден, но, при благоприятных условиях, и предпринять обложение Меца. Это должно было освободить 3-ю армию от заботы охранять крепость и облегчить ей сосредоточить все свое внимание на активных действиях. Приказ об этом был отдан главной квартирой 16 ав-

---

[1]) Так как уже с различных сторон во французскую главную квартиру проникали сомнения в целесообразности этого замысла, то Жоффр и его ближайшие сотрудники считали необходимым подбадривать себя и других, с целью сохранить уверенность в спасительность этого плана; так 19 августа ген. Бертело сообщал военному министру: „чем больше противник будет иметь сил на нашем левом фланге, тем лучше, потому что тем легче будет нам прорвать его центр". (Jules Isaac. Joffre et Lanresac, стр. 53).

густа. В состав новой группы вошли следующие резервные дивизии: три резервные дивизии 3-й армии (54-я, 55-я и 56-я), занимавшия с 13 августа укрепленные позиции на маасских высотах от Орна до С. Мьеля, 67-я, перевезенная 18 августа из Шалона, и гарнизоны Вердена и Туля; командующим этой группой был назначен ген. Дюран, на которого была возложена двойная задача: отражать попытки противника прорваться между крепостями и начать осаду юго-западного фронта Меца. Взаимоотношения ген. Рюфэ и Дюрана не были определены главным командованием, но первый считал второго подчиненным себе.

19 августа Жоффр решил еще более усилить эту группу и придать ей вполне самостоятельное значение: к ней были добавлены 64-я, 65-я, 74-я и 75-я резервные дивизии, подвозившиеся из тыла, а также резервные дивизии 2-й армии; последние—лишь в случае продвижения всех этих войск к востоку. Новая группа получила наименование лотарингской армии, командующим которой назначен ген. Монури (состоявший в распоряжении военного министра). Задача этой армии была, в общих чертах, такая же, как и указанная раньше группе ген. Дюрана. Распоряжения главной квартиры относительно формирования лотарингской армии достигли войск не ранее 21 августа, когда началось наступление французов севернее Вердена, почему они во многом остались лишь на бумаге [1]).

К вечеру 20 августа главная масса войск ген. Ланрезака достигла назначенных ей пунктов, а вместе с тем и закончилась перегруппировка французских армий.

Я остановился несколько дольше на сложном процессе перегруппировки, которую пришлось выполнять французским войскам в полосе своего стратегического развертывания, потому что этот двухнедельный подготовительный период к общему наступлению представляет глубокий психо-

---

[1]) Вероятно по небрежности органов связи, ген. Рюфэ не получил приказа о сформировании лотарингской армии, что приводило не раз в последующих боях к недоразумениям между ним и Монури по вопросу о боевом использовании резервных дивизий.

логический интерес. На этих, быстро сменяющих друг друга, оперативных решениях, которые возникают у французского главного командования, то как результат новых данных обстановки, то вопреки этим данным, мы имеем возможность проследить эту тяжелую, полную внутренних противоречий, работу оперативного творчества французской главной квартиры. Предвзятые идеи французского плана № 17, на проведение которых в жизнь у французов не имелось ни достаточных средств, ни достаточного времени, уже начали терять свою яркость при первом же столкновении с действительностью; первые же сведения, полученные французским полководцем из вражеского стана, уже заронили в его душу сомнение. И день за днем это сомнение крепло, вступая в борьбу с упорством и уверенностью, принесенными на театр военных действий из рабочего кабинета начальника генерального штаба, где долгие месяцы, при восторженном одобрении молодежи, полной энтузиазма и наступательного порыва, слагался гимн наступлению во что бы то ни стало, наступлению всеми сосредоточенными силами... И казалось, что многое благоприятствовало такому решению: железные дороги с поразительной точностью и быстротой доставляли корпуса и дивизии в районы сосредоточения; войска, охваченные порывом, нетерпеливо ждали приказа вступить на территорию противника; а германцы ни единым действием не нарушили планомерности стратегического развертывания французских армий. Но душа французского полководца уже была встревожена; в темной области неизвестного, лежавшей по ту сторону неприятельских передовых постов, твердая воля противника, закаленная в горниле ясной и смелой боевой доктрины, уже заносила удар, уклониться от которого не было никакой возможности. И с этого момента оперативный замысел французского главнокомандующего раздваивается, все шире и глубже, все меньше обнаруживая внутренней силы и стремления к единству. Вместо одного оперативного плана получается два; вместо одного решительного наступления всеми силами, которое должно было нести в себе навстречу врагу всю мощь волевого напряжения французского народа, предпри-

няли два нерешительные, разновременные наступления, воплощавшие в себе слабость и колебания мятущейся души полководца.

Если французским армиям пришлось изменить свою группировку еще до начала военных действий, теряя на эти передвижения драгоценное на войне время, то это ясно указывает на то, что французы не предусмотрели германского наступления через Бельгию и сами не собирались направить своего главного удара в бельгийские пределы, предполагая, повидимому, оказать поддержку бельгийской армии наступлением своих армий на германскую территорию. Однако, неудачно сложившаяся для них обстановка заставила их в первые же дни войны отказаться от этого намерения, подчиниться воле противника и повернуть главную массу своих войск навстречу победоносному движению неприятельских армий.

Французские писатели утверждают, что вероятность германского наступления через Бельгию предусматривалась французским генеральным штабом и что в плане стратегического развертывания был тот вариант, который выразился в запоздалой перегруппировке левофланговых армий [1]). Но

[1]) Это утверждает и Куль (Der Deutsche Generalstab). Он говорит, что, в сущности, французы только для виду начали свое первоначальное развертывание, желая, чтобы ответственность за нарушение нейтралитета Бельгии легла на Германию и чтобы они имели право сказать, что развертывание по плану № 17 соблюдало этот нейтралитет; в действительности же, перегруппировка началась гораздо раньше, чем были получены сведения о вторжении немцев в Бельгию: перевозки по железным дорогам в новых направлениях начались уже 5 августа, т.-е. тотчас же после германского ультиматума Бельгии. С таким мнением Куля, конечно, нельзя согласиться. Невозможно допустить, чтобы такая сложная операция, как развертывание нескольких армий, производилась для виду и чтобы, из-за нежелания быть обвиненной в нарушении нейтралитета соседнего государства, страна решилась рисковать проигрышем кампании. Что же касается того, что перевозки по перегруппировке начались очень рано, то это вполне естественно, потому что рано стало известно французам и решение немцев—не считаться с нейтралитетом Бельгии, или, что одно и то же, решение их вторгнуться в эту страну. Для того, чтобы начать эти перевозки вовсе не было надобности ждать известий о том, что это вторжение уже произведено.

это нисколько не говорит в пользу французского главного командования; в военном деле ценными являются не те планы, которые, быть может и всесторонне обдуманные, остаются в кабинетах генерального штаба, а те, которые проводятся в жизнь на театре военных действий; для практических потребностей войны важна не предусмотрительность кабинетных стратегов, составляющих оперативные планы в мирное время, а прозорливость полководца, стоящего со своими армиями лицом к лицу с противником.

Французы надеялись, перегруппировкой своего левого крыла, улучшить свое стратегическое положение, войти в связь с бельгийскими крепостями и атаковать немцев в Бельгии еще до падения маасских крепостей. Мы увидим, что они не успели и не сумели этого сделать. Немецкие исследователи этих событий полагают, что французская армия и не могла достигнуть этих целей, потому что она не была способна на такие быстрые маневры, требовавшие проявления крайней энергии и решительности; и что, хотя в последние годы перед войной, наступательная доктрина и культивировалась во французской армии, но все же эта армия была более пригодна для „наступательной обороны", чем для решительного наступления.

Положение к окончанию французской перегруппировки.

В результате перегруппировки положение французского фронта представлялось в следующем виде: правый фланг (1-я и 2-я армии), ослабленный на два корпуса, занимал свой прежний участок, наступая в Вогезах и Лотарингии; центр (3-я и 4-я армии), усиленный одним корпусом и несколькими резервными дивизиями (лотарингской армией), был ближе придвинут к границе и занял более сосредоточенное расположение между Этеном и устьем р. Семуа; наконец, левый фланг (5-я армия), усиленный одним корпусом и двумя отдельными дивизиями, выдвинулся к р. Самбре. Совершенно отдельно от этого общего фронта располагалась группа территориальных дивизий ген. д'Амада: 81-я дивизия — от моря до р. Лиса, 82-я — от р. Лиса до р. Скарпы и 84-я — от р. Скарпы до Валансьена,

где она входила в связь с левым флангом английской армии [1]). Назначение группы д'Амада заключалось в образовании завесы между Дюнкерком и Мобежем, с целью воспрепятствовать разрушению железных дорог неприятельскими конными отрядами.

Между левым флангом 5-й франц. армии и правым группы д'Амада собиралась английская армия, но она не могла быть готова к наступлению ранее 22—23 августа.

А пока англо-французские армии совершали свои передвижения, боевые действия уже шли полным ходом на флангах бельгийско-французского фронта: германские армии уже вступили в Бельгию, Льеж уже пал, Намюр доживал последние дни, германские орудия уже гремели на путях от Мааса к бельгийской столице; оживленные боевые действия велись и в Вогезах, лесистые ущелия которых были полны шумом и грохотом боя.

---

[1]) Через несколько дней д'Амад был усилен 88-й территориальной дивизией, которая заняла Лилль.

VII. Вторжение германцев в Бельгию.

(Схемы №№ 5, 6, 7, 8 и 10).

1. Обстановка перед вторжением.

Задачи, данные бельгийской армии.

6 августа бельгийская армия закончила свое стратегическое развертывание и приготовилась к встрече противника, уже вступившего своими передовыми частями на бельгийскую территорию. Было приказано разрушить железные дороги, тунели и мосты, находившиеся на путях движения германских войск и не препятствовать переходу бельгийской границы французскими войсками. В то же время бельгийское правительство сообщило союзникам, что оно решило оказать сопротивление германским войскам и счастливо заявить, что крепости Бельгии находятся в состоянии, дающем им возможность обороняться. В соответствии с этим заявлением, бельгийское главное командование наметило следующий план действий. В случае столкновения с значительно превосходными силами противника: а) удерживаться на позициях, выдвинутых возможно далее вперед, с целью преградить путь неприятелю и не допустить его к захвату значительной части территории государства; б) выжидать в этом положении прибытия французских и английских войск, выполняя в отношении этих войск обязанности авангардов; и в) если союзные войска не успеют подойти раньше германцев, то избегать крупных боевых столкновений с последними, чтобы не понести больших потерь и ни в каком случае не допустить окружения армии. В том же случае, когда придется встретить равные неприятельские силы, следовало атаковать их, пользуясь для этого наиболее благоприятной обстановкой, как например, сильно растянутым

их расположением, расстройством или ослаблением. Гарнизонам Антверпена, Намюра и Льежа было указано упорно обороняться.

Вступление передовых германских войск в Бельгию и Люксембург.

В противоположность французам, опасавшимся приближаться к границе ранее своего сосредоточения, немцы тотчас же после об'явления войны направили в пограничную полосу Бельгии и Франции свои передовые войска, преимущественно конницу с егерскими батальонами; задачей этих войск являлось: ведение стратегической разведки, где таковая была возможна, прикрытие своего развертывания занятием различных оборонительных рубежей и захват некоторых пограничных пунктов, узлов дорог и переправ, которые могли облегчить выход германских колонн на территорию противника.

2 августа части 16-й пехотной дивизии (VIII-го корпуса) из Трира, перейдя р. Сауер у Васербилига и Ремиха, вступили на территорию великого герцогства люксембургского и в тот же день заняли его столицу. Быстрый захват этого района был необходим германцам для обеспечения развертывания в нем одной из своих армий.

Но еще важнее было для немцев захватить участок р. Мааса около голландской границы, как ближайший к району развертывания германских армий, где должны были переправиться на левый берег вся I-я армия и правый фланг II-й; между тем, именно этот участок запирался крепостью Льежем. Следовательно, необходимо было овладеть последней и притом возможно скорее. Быстрое овладение этой крепостью было необходимо не только потому, что оно освобождало для I-й германской армии полосу бельгийской территории для наступления вглубь Бельгии, но и в виду того, что, при этом условии, бельгийцы не имели бы времени для разрушения в районе крепости мостов, крайне нужных немцам для быстрой переброски своих войск на левый берег. Особенное значение имело для них сохранение железнодорожного моста в Льеже, дававшее возможность, при дальнейшем наступлении, в кратчайший срок

восстановить железнодорожное сообщение с Брюсселем и Намюром. Вообще, скорейший захват этой крепости являлся одним из существенных условий для успешного выполнения германского вторжения в Бельгию.

В виду такого важного значения этой операции, она была предусмотрена в плане стратегического развертывания и стала выполняться немедленно же после об'явления войны. С целью выигрыша времени, для атаки Льежа были назначены шесть немобилизованных пехотных бригад нескольких корпусов [1]): 11-я, 14-я, 27-я, 34-я, 38-я и 43-я; в состав каждой из них, кроме своих пехотных полков, входили [2]): егерский батальон [3]), эскадрон конницы, дивизион легкой артиллерии, мелкие инженерные и технические части; на все шесть бригад были даны две 21-сант. мортирные батареи. Кроме того, в состав отряда был включен II-й кавалерийский корпус ген. фон-Марвица (2-я, 4-я и 9-я дивизии). Командование этим отрядом, состоявшим из 44 батальонов, 78 эскадронов, 36 легких пушек, 72 легких гаубиц, 8 тяжелых мортир и 6 саперных рот, и получившим название маасской армии, было вверено командиру X-го корпуса, ген. фон-Эмиху. Общее руководство всей операцией против Льежа принадлежало командующему II-й армией. Все перечисленные войска к утру 4 августа были перевезены из мест своего постоянного квартирования на бельгийскую границу, в Ахен, Эйпен и Мальмеди. Но раньше чем говорить об их наступлении к Маасу, посмотрим, что представляла собой та бельгийская крепость, которая явилась предметом действий войск ген. Эмиха.

Крепость Льеж.

Крепость Льеж была построена знаменитым бельгийским военным инженером ген. Бриальмоном, между 1880 и 1892 годами, а в последующие годы в некоторых отношениях усовершенствована.

---

[1]) Эти бригады получили свои мобилизационные пополнения в Льеже после падения крепости.

[2]) В бригадах по 2 полка, кроме 34-й, в которой было три полка.

[3]) 43-я бригада—без егерского батальона.

Она имела 12 фортов, расположенных по 6 на обоих берегах Мааса: Баршон, Эвенье, Флерон, Шофонтен, Энбур и Бонсель—на правом берегу, а Флемаль, Холонь, Лонсен, Лантен, Лиер и Понтис—на левом; форты были удалены от города на расстояние от 6 до 8 килом., а промежутки между ними имели от 2 до 6 килом. Центральной ограды в крепости не было; на левом берегу, у северо-западной окраины города находилась цитадель, а на правом, у его восточной окраины—устаревший форт Шартрез. Форты Эвенье, Шофонтен, Энбур, Холонь, Лантен и Лиер имели малые размеры, прочие же принадлежали к числу больших фортов. Крепостной обвод имел 52 килом. В пределах фортового пояса на Маасе было 13 мостов.

Форты имели прочные сводчатые постройки с весьма толстым слоем бетона; артиллерия была прикрыта броней или расположена во вращающихся броневых башнях. Форты были снабжены бронированными наблюдательными пунктами и электрическими прожекторами. Рвы, большой глубины, но сравнительно узкие, имели фланговую оборону; телефонное сообщение в крепости не было достаточно обеспечено. Вооружение фортов состояло из орудий нескольких калибров: четырех 12-ти, двух—15-ти и двух 21-сант., среди которых были и дальнобойные; каждый форт, кроме того, имел четыре скорострельные 57 мил. пушки, предназначенные для фланкирования рвов и отражения штурмов вместе с пехотой и пулеметами. Всего в крепости находилось около 400 орудий, из коих более 100—устаревших образцов. Промежутки между фортами не были в мирное время подготовлены к обороне, а с об'явлением войны, за недостатком времени, были развиты очень слабо, почему вся сила сопротивления крепости была сосредоточена на фортах.

Местность в районе крепости имеет холмистый характер, пересекается глубокими руслами р. р. Урты и Вездера, сливающихся у города, и изобилует лесными рощами, которые не были своевременно вырублены; последние облегчали скрытное приближение к фортам и затрудняли наблюдение за промежутками и ведение по ним огня из фортов; впереди обстрел был расчищен лишь на 600 мет-

ров. Это обстоятельство и побудило немцев сделать попытку к овладению крепостью внезапным нападением. Форты занимали командующие высоты, были хорошо применены к местности и плохо видимы с дальних расстояний; лишь на некоторых фортах броневые башни представляли удобные цели для артиллерии атакующего. Крепость оборонялась: постоянным гарнизоном из крепостных войск (12 батальонов пехоты, саперный батальон и крепостная артиллерия); и 3-й дивизией полевой армии, всего около 30 тыс. чел.; комендантом крепости был ген. Леман.

3 августа раз'езды бельгийской конницы, наблюдавшие германскую границу от Голандии до Ставело, донесли о появлении крупных сил германцев между Ахеном и Эйпеном. В виду этого, комендант Льежа притянул в крепость 12-ю бригаду из Тонгра, где она прикрывала развертывание полевой армии, и к утру 4-го распределил свои войска следующим образом: в каждом из фортовых промежутков, в наскоро вырытых окопах,—по одному батальону крепостной пехоты; гарнизоны правобережных фортов усилены батальонами 14-й бригады; 9-я, 11-я и 12-я бригады—в общем резерве на правом берегу, к востоку и северо-востоку от форта Шартреза; наконец, батальон 12-го полка (12-й бригады) назначен для обороны переправ у Визе и Аржанто. Войска энергично принялись за укрепление промежутков, расчистку обстрела, устройство наблюдательных пунктов и другие оборонительные работы; деятельное участие в этих работах принимало также и гражданское население.

2. Атака германцами Льежа.

План германской атаки.

План атаки Льежа был разработан немцами еще в мирное время; имелось в виду принять все возможные меры для овладения крепостью быстрым и внезапным нападением, для чего раньше всего попытаться, воспользовавшись неукрепленными промежутками между фортами, прорваться за их линию и захватить город и переправы на Маасе. Предполагалось, что, при этих условиях, форты, обойденные с тыла, не будут в со-

стоянии держаться. В случае неудачи этого предприятия, имелось в виду бомбардировать форты тяжелой артиллерией и взять их штурмом.

Войскам ген. Эмиха были даны следующие задачи. К вечеру 5 августа они должны были подойти к фортам Льежа с севера, востока и юга, оттеснить за их линию передовые бельгийские войска, произвести разведку промежутков и в ночь с 5-го на 6-е—произвести прорыв между фортами. II-му кавалерийскому корпусу поставлено целью: обойти Льеж с севера и юга, переправиться через Маас и, разрушивши железные дороги, ведущие от крепости к Брюсселю, Намюру и Динану, и прервавши телефонное и телеграфное сообщение с внутренними областями Бельгии, сосредоточиться северо-западнее Льежа.

Наступление ген. Эмиха к Льежу. (4—5 авг).

4 августа, утром, маасская армия перешла бельгийскую границу и направилась к Льежу. После вступления на территорию Бельгии, ген. Эмих обратился к бельгийцам с воззванием, в котором говорил, что нарушение их нейтралитета явилось необходимостью для германцев и убеждал их не оказывать сопротивления, обещая уплачивать за все взятое и заверяя их в своих дружественных чувствах. Однако, это обращение „к уму и патриотизму“ бельгийцев не дало благоприятных результатов и, как мы видели, бельгийская армия стояла уже за Маасом, готовая к бою, а Льеж лихорадочно готовился к обороне. Гражданское население тоже отнеслось недружелюбно к вторгавшимся в его страну чужеземным войскам и создавало им различные затруднения.

На правом фланге маасской армии сводная кав. дивизия ген. Гарнье (из только-что высадившихся частей 2-й и 4-й кав. дивизий) и 34-я пех. бригада наступали от Ахена на Гомбург и Берно; конница с самокатчиками, егерями и саперами должна была захватить переправы у Визе. Последние оборонялись батальоном 12-го бельгийского пех. полка, поддержанного огнем крепостных орудий с форта Понтиса; лишь после полудня частям конницы, при содействии 9-го егерского

батальона и отчасти 25-го пех. полка, удалось пробиться через Визе до реки, но бельгийцы, отходя за реку, взорвали мосты. В виду того, что мостовой парк германцев еще не успел подойти, пришлось отложить переправу до следующего дня. Конница, выславшая разведку к Ликсу, и 34-я пех. бригада заночевали между голландской границей и Визе.

Южнее, от Ахена на Мортру и Юлемон, наступала 27-я пех. бригада, а из южных окрестностей Ахена на Анри-Шапель и Эрве—14-я; обе заночевали в этот день на линии Юлемон-Эрве.

От Эйпена, вдоль р. Вездера, на Вервье, шла 11-я пех. бригада, достигшая к вечеру Суарона. Из Мальмеди выступили 9-я кав. дивизия и 38-я пех. бригада и через Спа достигли к вечеру: пехота—Лювейня, а конница—Пульсэра, где захватила мосты на р. Урте и выслала разведку к юго-западу. Кав. дивизия получила задачу прикрывать со стороны Намюра операцию, начатую против Льежа. Наконец, на левом фланге 43-я пех. бригада, выступившая из Линьевиля вдоль ручья Амблева на Ставело, дошла к вечеру до Стумона.

В этот день комендант Льежа, предвидя угрозу северным фортам левого берега, перевел на этот берег, к Вотему, 11-ю бригаду, усилившую 2-мя батальонами оборону промежутков между фортом Лантеном и р. Маасом.

5 августа, утром, к коменданту крепости явился германский военный агент в Брюсселе и пред'явил ему от имени германского главного командования требование пропустить немецкие войска через крепость, на что ген. Леман ответил решительным отказом. В этот день конница ген. Марвица (2-я и 4-я кав. дивизии) должна была переправиться через Маас около Визе и выслать разведку к западу, в район сосредоточения бельгийской армии. Сильно отставший на плохих дорогах ее мостовой парк замедлил эту переправу; в этот день коннице удалось перебросить на левый берег лишь несколько небольших разведывательных и подрывных партий. Более успешно шли дела в 34-й пех. бригаде, подошедшей в 3 час. дня к Ликсу: имея 2 мостовых

парка своей дивизии, бригада к 10 час. вечера перебросила на левый берег два полка без артиллерии; третий полк остался на правом берегу и был придан к 27-й пех. бригаде. Переправившиеся через реку полки немедленно двинулись через Эр-ле-Ромэн к Герме. 27-я бригада, обеспечивая с юга переправу 34-й бригады, в то же время прикрывала установку около Мортру и Болана двух 21-сант. мортирных батарей, которые с 2 час. дня открыли огонь по фортам Баршону и Эвенье. К вечеру полки 27-й бригады развернулись на линии Хус—Бленьи—Серексе-Эсё, против форта Баршона и промежутка до форта Эвенье. Далее к югу, 14-я бригада развернулась на линии Мелен-Сумань (промежуток Эвенье-Флерон), 11-я—между Айенё и Форэ (промежуток Флерон - Шофонтен), 38-я, выделивши батальон против форта Энбура и для свизи с 11-й бригадой, расположилась в районе Пульсэр—Энё, на р. Урте, а 43-я—за ней, при впадении ручья Амблева в р. Урту. 9-я кав. дивизия, оставаясь своими главными силами у Пульсэра, выслала к Маасу разведывательные эскадроны, получившие, между прочим, задачу взорвать железнодорожные линии на Намюр и Живэ; они встречали в этот день лишь небольшие раз'езды противника. По всему, занятому немцами, фронту происходила перестрелка сторожевых и разведывательных частей, и только в 27 й бригаде дело дошло до более крупного боя: здесь германцы оттеснили к форту Баршону передовые части бельгийцев и дошли до проволочных заграждений, но контр-атакой 11-й бельгийской бригады, вызванной с левого берега (через мост у Юпиля), были отброшены. В этот день в состав гарнизона крепости прибыла из Гюи 15-я бригада (4-й дивизии).

В виду того, что все германские войска подошли уже близко к фортам, было решено в ночь с 5-го на 6 августа выполнить намеченный прорыв между форами, но всеми бригадами одновременно, чтобы не предоставлять противнику возможности сосредоточить свои силы на каком-либо участке фортового пояса. Атакующие колонны должны были иметь слабые авангарды (с саперами), за которыми главные силы—возможно ближе; было приказано действовать исключительно

штыками и ружья имет незаряженными. Только те бригады, которые шли к цитадели и форту Шартрезу, брали с собой свою легкую артиллерию, которая могла им понадобиться для подготовки штурма этих укреплений; все же остальные батареи должны были оставаться перед фортами для ведения по ним огня [1]).

Атака промежутков между фортами. (6—7 авг.).

Раньше всех начали движение 38-я и 43-я бригады против южного фронта крепости. К 8 ч. вечера авангард обеих бригад (10-й егерский батальон) достиг д. Пленво, откуда 2 роты были направлены к форту Бонселю для демонстрации с фронта, а вся колонна повернула к северо-востоку и втянулась в лес Борегард. Ночь стояла темная, разразилась гроза с ливнем, что значительно затруднило движение: батареи не могли следовать за пехотой, а пулеметы пришлось нести на руках. Авангард неожиданно был встречен ружейным и пулеметным огнем противника и остановлен проволочными заграждениями. Несмотря на запрещение стрелять, немцы ввязались, однако, в оживленный огневой бой с бельгийцами. Так как не представлялось возможным выяснить сил и положения неприятеля, то начальник коллоны решил прекратить наступление до рассвета; с величайшим трудом удалось остановить бесцельную стрельбу и устроить войска. Когда рассвело, германская пехота овладела неприятельскими окопами и отбросила к северу находившиеся здесь части 34-го линейного и 8-го крепостного пех. полков противника. После этого обе бригады успешно потеснили неприятеля к реке.

Несмотря на продвижение к Маасу и выход в тыл форту Бонселю, положение германцев оказалось неблагоприятным: войска устали, перемешались и пришли в беспорядок; почти все патроны были израсходованы; батареи остались в тылу; с соседями не было никакой связи; наконец, общая обстановка под крепостью была совершенно не-

[1]) В монографии германского генерального штаба („Lüttich—Namür“) говорится, что днем 5 августа несколько германских конных партий прорвались через промежутки между фортами к городу, с целью захватить в плен коменданта, но потерпели неудачу.

известна. При таких условиях, движение за реку представлялось опасным, тем более, что противник усиливался на этом участке: его 4-й стрелковый полк повел контр-атаку из д. Угрэ и вытеснил немцев из этой деревни. В виду этого, решено было отходить. Под натиском бельгийских частей 9 й бригады и 12-го полка, переброшенных сюда с восточного фронта крепости, германцы к вечеру 6 августа отошли на правый берег Урты в район Энё—Спримон.

Столь же неудачна оказалась и попытка 11-й бригады прорваться между Флероном и Шофонтеном. Оставивши небольшие заслоны против обоих фортов, бригада выступила около 1 часу ночи из д. С. Гаделен на д. Манье, но с рассветом встретила сильное сопротивление частей 14 го бельгийского пех. полка сначала у д. Ромзе, а затем у Бейн-Хэсэ и, не будучи в состоянии преодолеть его, с большими потерями отошла к вечеру к д. Манье. В то же время на севере 34-я бригада, вследствие позднего окончания переправы у Ликса, сосредоточилась у Герме лишь незадолго до рассвета; однако, еще в темноте ей удалось преодолеть сопротивление противника (частей 12-го крепостного и 11-го линейного полков) у железнодорожной станции Мильмор и в лесу около форта Понтиса. Затем, взявши неверное направление, германцы к рассвету оказались не у Льежа, а у д. Герсталя, где произошел жестокий бой с бельгийской пехотой (12-го и 32-го линейных полков); небольшие партии германских егерей ворвались в северную часть города, но здесь были частью уничтожены, частью взяты в плен; в то же время артиллерия форта Понтиса расстреливала германскую пехоту, залегшую перед Герсталем. Дальнейшие боевые действия не обещали успеха, почему около полудня немцы начали отходить на Мильмор и Герме и отошли, через переправу у Ликса, на правый берег Мааса. Что касается 27-й бригады, оставившей один полк у д. Бленьи для прикрытия мортирных батарей и наступавшей от д. Аржанто к югу вдоль реки двумя полками, то ей не удалось даже пройти мимо форта Баршона; упорное сопротивление 2-х батальонов бельгийцев в д.д. Шерат и Вандр,

приведенных в оборонительное состояние, вынудило германцев отойти к северу, к д. Ришель.

Более успешно велось наступление 14-й бригады, при которой находились ген. Эмих с несколькими офицерами своего штаба и обер-квартирмейстер штаба II-й армии ген. Людендорф. Бригада, оставивши небольшие заслоны против фортов Флерона и Эвенье, выступила в 1-м часу ночи от д. Мишеру на Лиери, где встретила упорное сопротивление противника; командир бригады был здесь убит, связь с авангардом утрачена, войска пришли в беспорядок. В это время к голове колонны прибыл ген. Людендорф, который вступил в командование бригадой и устроил войска. Барикады у д. Лиери были взяты, но у Кэ-дю-Буа части 12-го линейного полка остановили продвижение немцев; уже светало, необходимо было торопиться. Пришлось ввести в дело легкие гаубицы, которые расчистили путь пехоте, занявшей эту деревню. Было уже совершенно светло, когда бригада собралась к западу от Кэ-дю-Буа, где войскам был дан отдых до 10 часов утра. Противник мелкими частями отходил к городу и к д. Юпиль. Для установления связи с соседними бригадами были посланы офицерские дозоры, но везде они встречали противника; было ясно, что наступление соседей не увенчалось успехом. Отдохнувши, никем не тревожимая, бригада прошла д. Юпиль и подошла к форту Шартрезу, где открыла огонь из гаубиц по городу и цитадели. В 2 час. дня над городом и цитаделью появились белые флаги, а форт Шартрез оказался брошенным противником. Парламентер, отправленный ген. Эмихом к коменданту Льежа с предложением сдать крепость, в 7 час. вечера вернулся с отказом. Вновь был открыт по городу огонь из гаубиц, который поддерживался всю ночь; форт Шартрез был занят пехотой, и сюда же поместили 1.500 пленных бельгийцев. Рота 4-го егерского батальона заняла ночью, без сопротивления со стороны противника, 4 моста через Маас и Урту. Главные силы бригады заночевали у форта Шартреза.

Нелегким оказалось положение 1.500 человек немцев, расположившихся внутри неприятельской крепости, без связи с соседями, окруженных сплошным поясом фортов

и окопов противника, без боевых и продовольственных запасов, под угрозой нападения превосходных сил неприятеля. Как следовало поступить им в этом опасном положении? Какое необходимо было принять решение в этих исключительных условиях? Ведь, никто извне крепости не мог им помочь в это время: остальные бригады, как мы видели, отошли в свое исходное положение, и лишь одна 11-я бригада собиралась вновь произвести попытку прорыва; большая часть 2-й кав. дивизии только-что переправилась на левый берег севернее Визе, где началась наводка моста, а вся 4-я еще оставалась на правом; 9-я дивизия, вследствие неудачи, постигшей германское наступление между Маасом и Уртой, все еще оставалась у Спримона. Левый берег Мааса оставался, таким образом, еще не угрожаемым, и обороняющийся мог свободно направить свои резервы с левого на правый берег, с целью уничтожения или пленения проникшего в крепость противника.

Что же делает в этом положении обороняющийся? В 8-м часу вечера 6 августа, под впечатлением смелого прорыва германцев, уже стоявших со своими слабыми силами у восточного предместья Льежа, ген. Леман приказывает создавать оборонительную линию на левом берегу, между фортами Лантеном и Холонем, фронтом к городу, занимая ее сборными частями, составленными из людей и команд, потерявших свои части. Этот приказ служит явным признаком поколебленного духа обороны, доказательством утраченной ею веры в возможность успешной борьбы на линии правобережных фортов. В нем уже сказывается моральная победа атакующего, своим дерзновением ослаблявшего и материальную силу обороняющегося, в то время еще столь значительную по всему поясу фортов. Это вполне подтверждается событиями следующего дня.

На заре 7 августа состоялось совещание Эмиха с Людендорфом. Что делать? Повернуть ли обратно, чтобы пробиваться через кольцо со всех сторон охватившего их противника, или идти вперед для захвата города и цитадели? Совещание было непродолжительное, а решение—твердое

и бесповоротное: идти вперед! И вот в 6 час. утра германская колонна, с необходимыми мерами охранения, втянулась в лабиринт городских улиц, вся в напряженном ожидании неприятельского нападения, вся охваченная решимостью вступить в отчаянный, может быть в последний, гибельный для нее бой с превосходным противником. Но городские улицы пусты, городские дома безмолвны, вот и река с мостами, охраняемыми германскими караулами; и на левом берегу—те же пустота и безмолвие; навстречу колонне выходят откуда-то группы бельгийских солдат, без оружия, обтрепанные и измученные, и сдаются... Здесь колонна разделяется на две части: одна идет на северо-западную окраину города, чтобы принять меры охранения к стороне форта Лонсена, а другая направляется к цитадели. Людендорф, расчитывая, что голова колонны уже подошла к последней, садится в бельгийский автомобиль и мчится туда. Ворота цитадели закрыты; он стучится—их открывают, и к его великому изумлению, перед ним—внутренность цитадели, переполненная сотнями, не германских, а бельгийских солдат. Он требует сдачи, и они покорно сдаются. Подходит 27-й германский пех. полк и занимает цитадель, а над ее башней спустя несколько минут уже развевается германский флаг. Итак, город и переправы на Маасе в руках немцев.

После овладения городом, Людендорф на бельгийском автомобиле прорвался обратно за линию фортов с целью донесения о положении дел в крепости командующему II-й армией и для установления связи с другими бригадами. Между тем, некоторые из них уже сами спешили на помощь. Командир 11-й бригады, еще не зная об удачных действиях своего соседа, с утра 7 августа предпринял новую попытку прорыва и на этот раз, лишь обстрелянный артиллерией форта Шофонтена, но не встречая другого сопротивления, благополучно достиг цитадели; так же успешно окончилась вторичная попытка прорыва сначала 16-го пех. нолка, стоявшего у форта Баршона, а затем и остальных двух полков 27-й бригады, получившей сведение о захвате Эмихом цитадели. К утру 8 августа в городе со-

брались 3 германские бригады, с которыми, конечно, уже возможно было предпринять активные действия против фортов, тем более, что беспрепятственное движение 11-й и 27-й бригад между фортами указывало на ослабление обороны на правом берегу. И действительно, 7 августа комендантом Льежа было сделано распоряжение, чтобы 3-я полевая дивизия и крепостные батальоны, занимавшие промежутки, покинули правый берег и сосредочились на левом, в районе Ан-Лонсен-Холень. Форты правого берега были предоставлены своим собственным силам.

Французские и бельгийские писатели говорят, что германцы, об'явивши 8 августа об овладении крепостью, преждевременно хвастались победой. Мне кажется, что, по существу дела, немцы имели уже право об'явить о своей победе.

Первый акт боевой драмы у Льежа окончился. Попытка войск ген. Эмиха овладеть крепостью внезапным нападением привела лишь к частичному успеху: внутренний район был занят, оборона фортовых промежутков почти уничтожена, но форты стояли по прежнему во всеоружии, и еще нужно было овладеть ими. Материальный результат боевых действий 6—7 августа был невелик, но моральный—огромный. Неприятель уже признал себя побежденным, что ясно видно из распоряжений ген. Лемана и 6-го, и 7 августа; сопротивление фортов являлось в этих условиях лишь героическим жестом, необходимым для сохранения воинской чести и поддержания воинского духа бельгийской армии, но делом безнадежным и ненужным для оперативных интересов бельгийцев.

Изложенные мною события под Льежем представляют большой интерес в отношении того значения, которое принадлежит моральным, волевым факторам при ведении боевых действий. Не говоря уже о таких ярких проявлениях воли, каковы захват мостов на Маасе, решение Эмиха занять город и цитадель и захват последней Людендорфом, но и много других явлений в течение этих двух дней резко выявляют преобладающую роль сильного солдатского сердца. Германские бригады, атаковавшие фортовые про-

межутки, находились приблизительно в одинаковых условиях, действовали одним и тем же способом и, в сущности говоря, все почти прорвали атакованные ими участки; все были на шаг от поставленной им цели, на волосок от победы. Южным бригадам (38-й и 43-й) стоило лишь переправиться через Маас, и они убедились бы, что победа за ними; 34-й бригаде следовало лишь продвинуться на несколько сот шагов, и цитадель стала бы такой же их легкой добычей, какой она сделалась спустя полдня для 14-й бригады; столь же вероятен был успех и для 27-й и 11-й бригад, если бы их командиры проявили больше настойчивости и больше упругости воли. Но лишь в одной 14-й бригаде, благодаря присутствию Эмиха и Людендорфа, оказалось столь сильное волевое напряжение, что, без особых усилий со стороны войск, была пройдена та незаметная грань, которая отделяет почти сделанное от сделанного, почти достигнутое от достигнутого. И этот случай представляет собой блестящий пример того, как важна и как значительна для боевого успеха способность начальника и его войск довести порученное им дело до конца и в своем стремлении к поставленной им цели исчерпать все свои физические и моральные силы.

Атака фортов Льежа. (8—16 августа). Схема № 6.

8 августа 2-я и 4-я германские кав. дивизии, переправившись через Маас по мостам у Ликса, достигли шоссе Мастрихт—Тонгр, имея задачей направиться на следующий день к западу. В виде поддержки для этой конницы, 34-я пех. бригада расположилась у Берно. 38-я и 43-я бригады заняли линию Ольн—Лювейнь, поджидая прибытия пополнений; вновь прибывшая 28-я бригада (14-й дивизии) стала у Ольна. На юге 9-я кав. дивизия продолжала вести разведку от Спримона в юго-западном направлении.

Между тем, в результате доклада Людендорфа о положении дел у Льежа, командующий II-й армией, ген. Бюлов, принял следующее решение: с целью скорейшего овладения фортами Льежа, поручить только что прибывшему в Эйпен командиру VII-го корпуса ген. Эйнему, с корпусами VII-м,

IX-м и X-м и осадной артиллерией, атаковать эти форты; особенно важно было привести к скорейшему падению северные форты, чтобы освободить фронт для I-й армии. Раньше всего Эйнем приказал Эмиху с 3-мя бригадами удерживать город Льеж, прочим же силам, уже находившимся под крепостью или подходившим к ней, обложить правобережные форты. Задачи корпусам были распределены таким образом: IX-й корпус, усиленный 28-й пех. бригадой, 8-ю 21-сант. мортирами, 16-ю 13-сант. пушками, 4-мя 42-сант. мортирами и саперным батальоном, под начальством ген.-лейт. Кваста, должен был обложить северный и восточный фронты и овладеть фортами Флероном, Понтисом и Лиером; VII-й корпус, усиленный 43-й пех. бригадой [1]), 8-ю 21-сант. мортирами и саперным батальоном, под начальством ген.-лейт. Борна—обложить юго-восточный фронт и взять форты Шофонтен и Энбур; наконец, X-й корпус (ген.-лейт. Гофман)—прикрывать левый фланг, расположившись от устья р. Амблева до Мааса, обложить южный фронт и поддерживать связь с 9-й кав. дивизией. В то же время Эмих должен был атаковать левобережные форты от Лантена до Мааса. Общее руководство действиями всей осадной артиллерии было возложено на начальника артиллерии II-й армии ген.-лейт. Штейнмеца.

Для сосредоточения под крепостью всех этих войск, выступивших 10 августа из Ахена (IX-й корпус), Эйпена (VII-й корпус) и Монжуа (X-й корпус) и выполнения всех этих распоряжений, необходимо было еще несколько дней. Но это время не было потерянным, потому что Эмих, имея под руками 3 бригады с легкой артиллерией и двумя батареями 21-сант. мортир, решил овладеть некоторыми фортами. Еще 7 августа была произведена такая попытка в отношении форта Флерона, но неудачно; 8 августа форт Баршон был обложен 16-м пехотным полком, взят под огонь 21-сант. мортир и легких гаубиц и после 5-ти часового сопротивления сдался. 10 августа 27-я бригада обложила форт Эвенье,

[1]) 34-я и 38-я пех. бригады присоединились к своим дивизиям (17-й и 19-й).

обстреляв его из 21-сант. мортир; на следующий день форт капитулировал. Таким образом, еще до прибытия корпусов Эйнема и их могущественной артиллерии, северо-восточный фронт крепости пал и бригады Эмиха вошли в связь с прочими войсками, стоявшими на линии фортов.

Между тем, конница ген. Марвица к утру 11 августа выяснила, что французско-бельгийские войска находятся на линии Тирлемон—Гюи и бельгийская кав. дивизия—у Диеста, почему в тот же день обе германские кав. дивизии выступили из С. Трона на Тирлемон и нашли р. Жету сильно занятой неприятельской пехотой. Это побудило Марвица повернуть на север, чтобы искать переправы юго-восточнее Диеста. Что же касается 9-й кав. дивизии, то она еще не выяснила положения на юге, но нашла форт Гюи слабо занятым частями 8-й бельгийской бригады. В эти дни все егерские батальоны, входившие в состав отряда Эмиха, были переданы в распоряжение кавалерийского корпуса.

К 12 августа корпуса ген. Эйнема подошли к Льежу и расположились таким образом. Из IX-го корпуса, 17-я дивизия стала по обе стороны Мааса против северного фронта крепости и обложила форт Понтис с севера и юга; 18-я дивизия, с 28-й пех. бригадой, развернулась на линии Сэв—форт Эвенье—Сумань, против форта Флерона, который с утра стал обстреливаться 21-сант. мортирами, а с 7 часов вечера и мощным огнем, поставленных у Мортру, 42-сант. мортир, впервые появившихся в этот день на полях сражений и своим небывалым грохотом возвестивших крепости приближение ее последнего часа. Эти же орудия начали обстрел и форта Понтиса [1]). Против форта Флерона, также первый раз в эту войну, были употреблены тяжелые минометы.

VII-й корпус (с 43-й пех. бригадой) занял участок Айенё—Форэ—Бофэ, по обе стороны р. Вездера, и открыл по форту Шофонтену огонь из 21-сант. мортир.

---

[1]) Эти орудия в небольшом числе экземпляров начали строиться в 1909 г. на заводе Круппа по заказу германского генерального штаба, но изготовление их держалось в секрете; хотя французы и знали об этом, но не имели сведений об устройстве, мощности и числе этих орудий.

X-й корпус достиг в этот день устья р. Амблева и 38-й пех. бригадой занял участок Пленво—Невиль-ан-Кондроз, между Уртой и Маасом.

На левом берегу бригады Эмиха развернулись: 14-я—от Лиера до дороги Льеж—Ан—Лонсен, а 11-я—южнее, до Мааса, обе ведя разведку и тесня противника; 27-я бригада оставалась в городе. В виду того, что имелись сведения об укреплении противником западного фронта крепости к стороне города и о том, что сюда ожидаются подкрепления из полевой армии, Эйнем приказал 17-й дивизии с 4-мя батареями 10-сант. пушек сосредоточиться 13 августа на левом берегу, для поддержки Эмиха и затем движения в тыл противнику; а X-му корпусу—теснее обложить форт Бонсель и расположить свои тяжелые гаубичные батареи на таких позициях, с которых возможно было бы, не позже как с рассветом 14 августа, открыть огонь по левобережным фортам Флемалю и Холоню.

13 августа, к вечеру, 17-я дивизия сосредоточилась к юго-востоку от Тонгра; в тот же день пал форт Понтис, совершенно разрушенный 4-х часовой бомбардировкой 42-сант. мортир. В виду этого, 36-я бригада 18-й дивизии перешла у Герсталя на левый берег для действий против форта Лиера, а две остальные бригады (28-я и 35-я) остались против форта Флерона, который по-прежнему был под огнем 21-сант. мортир. На участке VII-го корпуса в этот день пали форты Шофонтен и Энбур, разрушенные 21-сант. бомбами, а последний и под угрозой штурма. Падение этих фортов дало возможность начать решительные действия против форта Бонселя 14-й дивизией с правого берега Урты, а 19-й (X-го корпуса)—между Уртой и Маасом, где у Ротэ заняли позиции 15-сант. гаубицы, имевшие задачу вести огонь и по форту Флемалю. В этот день началась постройка понтонного моста на Маасе у Гермаль-су-Гюи для 9-й кав. дивизии.

14 августа, утром, после нескольких удачных попаданий 42-сант. бомб (от д. Фрепона), сдался форт Флерон [1]) и

[1]) После падения этого форта 28-я бригада вернулась в состав VII-го корпуса.

почти одновременно с ним, на левом берегу—форт Лиер, приведенный к молчанию 21-сант. мортирами и 13-сант. пушками 18-й дивизии. Между тем, тяжелая артиллерия, освободившаяся на правом берегу, была переброшена на левый берег в распоряжение ген. Эмиха для атаки фортов Лонсена и Лантена; в том числе батареи 42-сант. мортир были поставлены у города. Вместе с тем, 13-я дивизия перешла на левый берег и развернулась против фортов Флемаля и Холоня. К северу от нее, против Лонсена и Лантена, находилась 14-я бригада. Вечером тяжелые батареи открыли огонь по Лантену. Пока происходили эти перемещения к востоку от этих фортов, 17-я дивизия перешла от Тонгра к шоссе Льеж—С. Трон и заняла расположение по обе стороны шоссе западнее фортов. Ее тыл прикрывался конницей ген. Марвица, которая вела наблюдение к западу; 9-я кав. дивизия, переправившись 14 августа через Маас у Гермаль-су-Гюи, дошла в этот день до Варема, где вошла в связь с прочими дивизиями своего корпуса и тоже приняла участие в выполнении этой задачи.

15 августа, утром, пал форт Бонсель после продолжительной, концентрически направленной бомбардировки 15-сант. гаубицами X-го корпуса и 14-й дивизии, веденной с вечера 14-го в течение всей ночи. После этого 14-я дивизия присоединилась на левом берегу к 13-й [1]). С утра в этот день начался сосредоточенный обстрел фортов Лантена и Лонсена 13-сант. пушками и 15-сант. гаубицами; первый из них быстро сдался, но второй оказал упорное сопротивление, в виду чего по форту был открыт огонь из 42-сант. мортир. После 25-го попадания 42-сант. бомбы, в 6-м часу вечера, произошел огромный взрыв на форту, совершенно разрушивший его; развалины форта, среди которых был найден в бессознательном состоянии комендант крепости, ген. Леман, были заняты войсками 14-й пех. бригады. Вечером к фортам Холоню и Флемалю были посланы парламентеры с предложением сдать их во избежание напрасного кровопролития; одному из офицеров форта Холонь было разре-

[1]) 43-я бригада отправлена на присоединение к XI-му корпусу.

шено посетить развалины Лонсена, чтобы убедиться в разрушительном действии германских орудий, а затем—повидать ген. Лемана для получения от него указаний. Комендант крепости, только что извлеченный из-под обломков бетона и брони, переживший весь ужас пребывания под огнем 42-сант. орудий, еще нашел в себе достаточно моральных сил, чтобы сказать бельгийскому офицеру: „передайте коменданту форта, что честный солдат не должен сдавать своего укрепления без боя". На следующее утро, 16 августа, по фортам был открыт артиллерийский огонь, а через три часа оба форта сдались. Солдатская честь защитников была спасена, бороться дольше с могущественной артиллерией противника было бесполезно. Все 12 фортов крепости находились теперь в руках немцев, и путь для движения двух правофланговых германских армий за р. Маас был уже свободен.

Оценка боевых действий под Льежем.

Второй период боевых действий под Льежем резко отличается от первого. Там преимущественное значение имели боевые столкновения между живыми силами сторон, состязавшимися в крепости нервов, решительности, моральной устойчивости и упругости воли; здесь боролись друг с другом, главным образом, материальные факторы, в столкновении которых моральный элемент имел ограниченное значение, потому что превращенный в развалины форт обязательно становился добычей атакующего, независимо от доблести своих защитников. Там атакущий строил свой успех на внезапности и быстроте нападения, чтобы удивить, озадачить противника, поразить его воображение; здесь же—исключительно на мощности своих тяжелых орудий, на невиданной разрушительности их могучих снарядов. Во втором периоде пехота принимала в боевых действиях слабое, нерешительное участие; она или прикрывала осадную артиллерию, или охватывала атакованные форты с целью отрезать их от соседей, иногда—угрожала им штурмом, но не штурмовала ни одного форта. Наоборот, в первом периоде, все, что было сделано—сде-

лано одной пехотой, при таком ничтожном содействии артиллерии, что возможно и не говорить о нем.

При сопоставлении этих двух различных приемов овладения Льежем, естественно возникает вопрос: нужен-ли был первый из них, т.-е прием внезапного нападения, если все-таки понадобилось послать к крепости еще 3 корпуса и могущественную артиллерию, которая и покончила с ней? Тем более, что попытка овладеть Льежем посредством прорыва между фортами не дала ожидавшихся результатов: не только самый прорыв не был выполнен так, как он намечался, но даже там, где он удался, он не лишил форты силы сопротивления; потому что с горжи они не могли быть взяты, а сдаваться преждевременно не желали. Несмотря на это, нет никаких оснований отрицать того важного значения, которое имели энергичные действия войск ген. Эмиха: помимо того, что они произвели угнетающее впечатление на противника и с первых же боевых столкновений обнаружили превосходство германских войск во всех отношениях, они расстроили всю оборону крепости; не будь этого, корпусам ген. Эйнема, даже с их могущественной артиллерией, пришлось бы, вероятно, значительно дольше простоять под фортами, потому что неуничтоженная, а с течением времени, может быть, и усовершенствованная оборона промежутков, даже в случае разрушения фортов, сильно затрудняла бы овладение ими. Ошибкой немцев являлось то, что войска Эмиха не были снабжены артиллерией крупнее 21-сант. калибра, хотя было известно, что форты Льежа могут противустоять разрушительному действию 21-сант. бомб; но даже и таких орудий только восемь были даны Эмиху. Если бы ему дали более могучие артиллерийские средства, то смелое предприятие его войск, дало бы, конечно, более существенные результаты.

Наряду с решительными, быстрыми, часто дерзновенными действиями германской пехоты и артиллерии под Льежем, обращают на себя внимание медлительные, вялые действия германской конницы: 2-я и 4-я кав. дивизии только 8 августа переправились всеми силами через Маас и лишь 11-го двинулись к Тирлемону, в расположение бельгийской

армии; 9-я кав. дивизия вышла за Маас еще позже, лишь 14 августа и при этом ничего существенного не выяснила к стороне Намюра. Все это тем более удивляет, что германская кавалерия до сих пор не встречала никакого сопротивления противника.

Что касается действий бельгийских войск при обороне Льежа, то из описания событий под крепостью ясно видны неискусное управление войсками и растерянность бельгийского командования. Имея в своем распоряжении равные с противником силы по количеству пехоты и более могущественную артиллерию, комендант ни разу и нигде не сосредоточил их в таком количестве, чтобы иметь возможность развить активные действия против прорывавшихся между фортами немцев; везде бельгийцы оказывали пассивное сопротивление лишь мелкими частями или производили малодействительные контр-атаки. Ни разу они не использовали затруднительных, иногда критических положений, в которых оказывались войска Эмиха во время своего внезапного нападения на крепость; в особенности же, бельгийское командование обнаружило неумение использовать благоприятные условия боевой обстановки, когда допустило слабую неприятельскую бригаду, почти без артиллерии, хозяйничать внутри крепости, вместо того, чтобы окружить ее и уничтожить.

Так пала первая из маасских твердынь, пала быстро, в течение 10 дней, обнаружив полное бессилие своих оборонительных средств в борьбе с могущественными артиллерийскими средствами атаки; такова была первая схватка в этой гигантской борьбе народов, первая в бесконечной веренице кровавых боевых столкновений, которым суждено было разыграться на полях Бельгии и Франции.

После падения Льежа. После падения Льежа отряды Эмиха и Эйнема были немедленно расформированы, и войска входившие в их состав, вернулись в свои армии и корпуса; IX-й корпус передан из II-й армии в I-ю и уже 15 августа начал собираться южнее Тонгра. В этот же день 20-я дивизия (X-го корпуса) получила задачу овладеть фор-

том Гюи, для чего ей приданы 4 батареи тяжелых гаубиц гвардейского корпуса. К вечеру 40-я бригада подошла к Гюи и нашла его покинутым противником; на следующее утро немцы заняли этот пункт. Временно в гарнизоне Льежа приказано остаться 13-й рез. дивизии (VII-го рез. корпуса) [1]).

На стороне бельгийцев 3-я дивизия, с 15-й бригадой 4-й дивизии, еще до атаки немцами левобережных фортов, отошла к западу на присоединение к полевой армии; 8-я бригада (тоже 4-й дивизии), занимавшая форт Гюи на Маасе, опасаясь быть окруженной, 15 августа ушла в Намюр.

С падением Льежа бо́льшая часть оборонительной линии р. Мааса оказалась в руках наступавшего, и путь во внутренние области Бельгии уже лежал открытым перед германскими армиями [2]). Правда, там дальше, в направлении к столице, стояла готовая к бою, еще неразбитая бельгийская армия, а крепость Намюр еще гремела артиллерией своих фортов; но после той пассивности, которую проявила бельгийская армия при обороне этого участка Мааса, и после того быстрого разрушения, которому подвергся Льеж, судьба полевой армии и участь Намюра были предрешены бесповоротно. Их могло спасти только какое нибудь чудо, только немедленное прибытие к Маасу крупных союзных сил, которые могли бы резко изменить в этой части театра военных действий стратегическую обстановку. Но откуда могло это чудо явиться? Как могли оказаться здесь эти союзные силы, находившиеся еще далеко, еще не готовые для движения навстречу противнику?

---

[1]) В последних числах августа эта дивизия была сменена прибывшими из Германии 37-й и 38-й ландверными бригадами с 31-м инженерным полком и выступила на присоединение к своему корпусу.

[2]) В этом отношении весьма благоприятным обстоятельством было то, что железнодорожный мост в Льеже оказался неразрушенным; это значительно ускорило восстановление железнодорожного сообщения с Бельгией.

3. Наступление I-й, II-й и III-й германских армий за р. Маас.

Расположение бельгийской армии в дни атаки Льежа.

С отходом, в первые дни боевых действий под Льежем, бельгийских полевых частей из этой крепости к полевой армии, последняя к 10 августа заняла более сосредоточенное положение на путях, ведущих к Брюсселю. Ее дивизии расположились в две линии следующим образом: в первой, за р. Жетой, на фронте Жодуань—Тирлемон, стали 5-я, 3-я и 1-я, имея на левом фланге, у Диеста и Гелена, кав. дивизию, отошедшую сюда из Варема через С. Трон; во второй линии, на р. Диль, у Лювена и Гам-Миля—2-я и 6-я дивизии. Такое расположение, отодвигавшее бельгийскую армию несколько к западу, вглубь Бельгии и прерывавшее связь между нею и маасскими крепостями, свидетельствовало об отказе бельгийцев содействовать обороне этих крепостей своими полевыми войсками. Бельгийское главное командование, повидимому, было озабочено, главным образом, сохранением своих сообщений с Брюсселем и Антверпеном, борьбу же на Маасе предоставляло вести самим крепостям. Между тем, занявши столь небольшой фронт (протяжением всего лишь в 30 килом.) и не имея связи ни с Намюром, ни с подходившими с юга, вниз по Маасу, передовыми частями французских войск, слабая бельгийская армия оказалась в очень опасном положении, лицом к лицу с численно превосходным противником, готовым устремиться за Маас и обойти ее с обоих флангов. И в этом, столь невыгодном в стратегическом отношении положении, она намеревалась, следуя принятому оперативному плану, задерживать германское наступление до тех пор, пока французские армии не ударят во фланг наступающему противнику со стороны Намюра. В это время английские войска еще не начинали прибывать во Францию, а из французских войск вступили на бельгийскую территорию: кавалерийский корпус ген. Сорде на правом берегу Мааса и 148-й пех. полк (1-го корпуса) — на левом берегу.

При таком расположении союзников в Бельгии началось наступление германской кавалерии от Мааса к западу. Мы видели, что 11 августа конные отряды из состава II-го кавалерийского корпуса ген. Марвица вошли в соприкосновение с бельгийскими войсками на р. Жете; но, не имея возможности перейти реку на фронте, занятом неприятельской пехотой, повернули на следующий день к северу, чтобы попытаться форсировать реку около Диеста. Уже на пути к этому месту германская конница встретила у Будингена бельгийскую кавалерию и отбросила ее к Гелену. Здесь, с утра 12-го, бельгийские эскадроны, поддержанные ротами самокатчиков, несколько часов обороняли переправу, но под натиском превосходных сил 2-й и 4-й германских кав. дивизий отошли к западу; немцы переправились через реку, но прибывшая к 3 час. дня от Тирлемона 4-я пех. бригада остановила их продвижение. В дальнейшем, до падения Льежа и, вслед за этим, до подхода крупных сил I-й герм. армии к р. Жете, боевые действия здесь не развиваются, германская же конница ограничивает свою деятельность разведками на левом фланге бельгийской армии.

Теперь обратимся к рассмотрению наступательного движения трех правофланговых германских армий, их перехода через Маас и вторжения вглубь Бельгии.

Наступление к Маасу I-й германской армии. (12—14 авг.).

В своем районе сосредоточения, к северо-востоку от Ахена, I я герм. армия имела полевые корпуса в 1-й линии, считая справа налево, II-й, IV-й и III-й, а за ними во 2-й линии— III-й рез. и IV-й рез.

В таком порядке они и двигались некоторое время. Армия должна была идти по трем дорогам, резервные корпуса за полевыми; все корпуса должны были пройти через Ахен, как единственный проход между районом II-й армии и голландской границей. Переправа через Маас была назначена на участке Визе—Герсталь, протяжением всего лишь в 10 килом. Только тогда, когда I-я и II-я подойдут к Маасу, могли начать движение и прочие германские армии. Движение двух корпусов по одной дороге было

вызвано, во-первых, малой шириной фронта, на котором могла наступать I-я армия, а во-вторых, и тем соображением, чтобы некоторое время удержать резервные корпуса во 2-й линии и не вводить в дело сразу всех сил. Такая организация марша не могла не вызвать значительных затруднений при движении, почему и требовала принятия некоторых особых мер, которые заключались в следующем: на одного из командиров корпусов была возложена обязанность делать общие распоряжения по движению и снабжению войск продовольствием; за каждой дивизией шел 1-й эшелон интендантского и артиллерийского обоза (продовольственные повозки с 2-х дневным запасом и часть артиллерийских парков); 2-й эшелон этого обоза всех 4-х дивизий — за тыловым корпусом; для облегчения движения тыловых корпусов им было разрешено продвинуть вперед свои выгрузочные станции, почему поезда с их продовольственными грузами доходили почти до границы и выгружались к юго-западу от Ахена; наконец, полевые корпуса должны были иметь при себе (как на людях, так и в повозках) увеличенное число продовольственных дач.

Для перехода через Маас были произведены тщательные разведки и приготовления; мосты у Визе и Аржанто были разрушены противником, мост у Герсталя—поврежден. Средствами X-го корпуса (II-й армии) был наведен мост у Ликса (Наваня), восстановление и исправление остальных явилось возможным лишь после падения форта Понтиса, т.-е. не раньше 14 августа. Тем не менее, движение к Маасу и далее за реку должно было быть быстрым, чтобы разгромить бельгийскую армию ранее прибытия к ней англо-французских подкреплений, а это требовало и искусной организации марша и большого напряжения со стороны войск.

Задачи и порядок предстоявшего наступления были таким образом определены в директиве германской главной квартиры от 10-го августа.

„Главные силы германской армии должны наступать во Францию через Бельгию и Люксембург. Их наступление будет захождением вокруг оси, находящейся в районе

Диденгофен—Мец. После овладения Льежем и после того, как I-я и II-я армии будут готовы к наступлению в районе этой крепости, будет дано приказание для общего наступления. II-я армия будет наступать правым флангом на Вавр, I-я армия—в общем направлении на Брюссель, прикрывая правый фланг остальных армий. Движение I-й армии, в связи с наступлением II-й, должно способствовать захождению всего фронта".

II-й кавалерийский корпус, подчиненный пока II-й армии, с началом наступления переходил в непосредственное подчинение главной квартире и должен был, наступая севернее Намюра на фронте Антверпен—Брюссель—Шарлеруа, обнаружить расположение бельгийской армии, высадку английских войск и вступление французов на бельгийскую территорию. Эта конница должна была сообщать сведения и штабу I-й армии.

Во исполнение этой директивы, войска I-й армии начали наступление 12 августа и к вечеру этого дня достигли: перволинейные корпуса—ближайших окрестностей Ахена (в 10 килом. к северу-востоку от города), а резервные находились в одном переходе сзади. На следующий день, 13-го, вся армия прошла через Ахен тремя колоннами, что представляло собой весьма сложное предприятие, потребовавшее точного расчета движения и искусного выбора путей для колонн. За II-м корпусом (правофланговым) шел III-й рез., за IV-м—IV-й рез.; III-й был на левом фланге армии. К вечеру 14 августа перволинейные корпуса подошли к переправам на Маасе: II-й—у Визе (Ликс — Навань), IV-й — у Аржанто и III-й—у Герсталя[1]). Так как к этому времени северные форты Льежа (Баршон и Понтис) уже пали, то корпуса могли переправляться без помехи со стороны противника.

В это время обстановка представлялась немцам в следующем виде: 3 – 4 бельгийские дивизии находятся на фронте

---

[1]) IX-й корпус (II-й армии), входивший в состав группы ген. Эйнема, выдвинутой для атаки фортов Льежа, шел по дороге III-го корпуса, впереди него и переправился частью своих сил у Герсталя 13 августа.

Лювен—Вавр, имея авангарды на линии Диест—Тирлемон; по одной дивизии — в Антверпене и Намюре; французские войска идут к Брюсселю и на линию Намюр—Динан, а англичане высаживаются у Остенде, Дюнкерка и Кале, причем крупные силы неприятельской конницы собираются восточнее Брюсселя. Следовательно, давая о бельгийцах правильное понятие, эти сведения преувеличивали силы и готовность англо-французских войск на территории Бельгии. Тем не менее, положение корпусов I-й герм. армии могло внушать немцам некоторые опасения; если бы в это время бельгийские войска (особенно с союзными подкреплениями) решились оказать противнику противодействие на Маасе, опираясь на сохранившиеся еще на левом берегу форты Льежа и форт Гюи, то они могли бы создать серьезные затруднения для I-й армии. Это станет понятным, если принять во внимание, что этой армии приходилось со своими пятью корпусами, раньше чем развернуться за Маасом, пройти через узкую (10-ти килом.) полосу по обе стороны реки. Но бельгийская армия уже обрекла себя на пассивный образ действий, а ее союзники находились еще слишком далеко, чтобы оказать ей какую-нибудь помощь; поэтому войскам I-й армии в действительности ничто еще не угрожало.

Наступление II-й германской армии к Маасу. (10—16 авг.)

Наступление II-й герм. армии к Маасу началось раньше, чем I-й, потому что выполнение задачи по овладению Льежем уже с 10 августа привело к выдвижению 3-х корпусов этой армии (VII-го, IX-го и X-го), вслед за которыми постепенно стали выдвигаться и остальные корпуса, по мере их высадки и сосредоточения: VII-й рез. и X-й рез.—по дорогам за VII-м и X-м корпусами, гвардейский—на Хамуар, а за ним—гвардейский резервный [1]). Одновременно с тем, как войска ген. Эйнема преодолевали последнее сопротивление бельгийцев на левобережных фортах Льежа, II-я армия

[1]) К началу наступления в состав II-й армии вошли также 25-я и 29-я ландверные бригады, предназначенные для тыловой службы, и армейская тяжелая артиллерия.

подтягивалась к крепости и южнее ее. Дивизии II-го кавалерийского корпуса находились к 14 августа на линии Вимертинген (2-я)—Энгельмансговен (4-я)—Варем (9-я), где вели разведку к р. Жете и вниз по р. Демеру. 2-я кав. дивизия получила приказание прикрывать наступление I-й армии, а 4-я и 9-я—наступать через Ханну к Первецу. 15 августа IX-й корпус, находившийся уже на левом берегу южнее Тонгра, передан в I-ю армию. К 16 августа войска II-й армии заняли на Маасе следующее расположение: VII-й корпус на левом берегу между Льежем и фортом Лиером, X-й—в районе Гермаль-су-Гюи и Гюи, гвардейский—у Модава (между Маасом и Уртой), резервные корпуса—в одном переходе за соответствующими полевыми. В это время о противнике имелись, в общем, те же сведения, которые были и в I-й армии, потому что они получались из того же источника, от разведывательных частей конницы ген. Марвица.

Из сказанного о передвижении II-й армии к Маасу видно, что эта армия, хотя и стала выдвигаться раньше I-й, но шла медленнее и держалась по отношению к ней уступом назад, что вполне соответствовало идее захождения правым флангом и задаче, данной I-й армии по обеспечению правого фланга остальных армий. Что касается III-й армии, то в это время она еще оставалась на месте, осуществляя этим уступное расположение фронта.

Наступление I-й германской армии до занятия Брюсселя. (15—20 авг.).

15 августа I-я армия переправилась через Маас и к вечеру достигла линии Бильзен—Мембрюген—Тонгр [1]), где и простояла весь следующий день, чтобы дать возможность подтянуться II-й армии. 17-го армия дошла до линии Кермпт—Стеварт—Горсум—С. Трон, резервные корпуса подошли к Маасу. Передовые части корпусов уже находились в соприкосновении с неприятельскими войсками, занимавшими р. Жету. В этот день главное командование

[1]) До выдвижения в 1-ю линию резервных корпусов, только полевые корпуса достигали пунктов указываемых здесь, а резервные оставались в одном переходе за ними.

подчинило ген. Бюлову, с целью большей согласованности действий, I-ю армию и конный корпус ген. Марвица[1]). Этой об'единенной группе правого фланга оно поставило задачу: отрезать бельгийскую полевую армию от Антверпена, а в дальнейшем, обеспечивши себя со стороны этой крепости, продолжать наступление на фронте Брюссель—Намюр.

Чем больше углублялись германские войска в неприятельскую территорию, тем сильнее и чаще стало проявляться враждебное настроение местного населения, выражавшееся в вооруженных нападениях на мелкие части войск, раз'езды, обозы и тыловые учреждения; это вынуждало германское командование, помимо различных репрессий по отношению к жителям, обратить внимание на охрану тыловых сообщений. С 19 августа с этой целью ландверные бригады, находившиеся в распоряжении штаба I-й армии, были распределены таким образом: 27-я—в Ахене, 11-я—в Тонгре, а 10-я получила задачу занять тет-де-поны на Маасе, от Визе до Герсталя.

С утра 18 августа перволинейные германские корпуса атаковали бельгийцев на р. Жете, каждый корпус двумя колоннами (по-дивизионно): II-й—на Диест и в обход его с севера, имея 2-ю кав. дивизию правее себя; IV-й—на Гелен и южнее; III-й—на Будинген и южнее; IX-й—на Тирлемон. Все корпуса выслали воздушную разведку на фронте от р. Демера до Вавра. Резервные корпуса в этот день подошли к Бильзену и Тонгру. В центре своего расположения бельгийцы, не дождавшись германской атаки, отошли, но на флангах оказали упорное сопротивление наступлению II-го и IX-го корпусов; у Диеста немцев задерживала бельгийская конница, поддержанная пехотой, а у Тирлемона—1-я и 3-я дивизии. В виду угрожавшего бельгийцам обхода их левого фланга (германской конницей и правой колонной II-го корпуса), они отошли на заранее подготовленную для обороны линию Риляе—Винге—высоты к западу от Тирлемона, к левому флангу которой подошла от

[1]) Из состава этого корпуса 2-я кав. дивизия передана в распоряжение ген. Клука.

Лювена 2-я дивизия; но, не задерживаясь здесь, к ночи отступили за р. Диль. Это отступление прикрывала на левом, наиболее опасном фланге, у Эршо, 3-я бельгийская дивизия, атакованная вечером войсками II-го корпуса, обходившего ее левый фланг. Такой энергичный натиск противника и не прекращавшаяся угроза сообщениям бельгийской армии с Антверпеном, побудили бельгийское командование отдать приказание войскам, не укрепляясь за р. Диль, на следующий день отходить к Антверпену, куда еще накануне переехало из Брюсселя бельгийское правительство.

К вечеру 18 августа I-я армия дошла до линии Герселт—Винге—Тирлемон. Вследствие почти безостановочного отступления бельгийцев, войска I-й армии имели в течение 19-го незначительные боевые столкновения с противником; лишь 2-я кав. дивизия вела более крупный бой с двумя бельгийскими пехотными полками у Верхтера. К концу дня армия достигла линии Гехт—Вельтем—Лоонбек, к западу от Лювена.

В виду полученного приказания Бюлова обеим армиям достигнуть 20 августа линии Нинове—Жемблу, Клук направил в этот день свои корпуса к Брюсселю, причем 2-й кав. дивизии приказано, сохраняя связь со II-м корпусом, следовать перед правым флангом армии, освещая район между Антверпеном и Брюсселем. III-му рез. корпусу приказано следовать на Диест и Эршо, с целью принять на себя обеспечение армии со стороны Антверпена. Воздушная разведка направлена на фронт от Термонда до Монса. К вечеру 20 августа войска I-й армии заняли следующее положение: 2-я кав. дивизия—у Вольфертема; II-й корпус, задержанный сопротивлением отходившего противника, дошел только до Вильфорда; III-й рез.—авангардами к западу от Эршо, фронтом к Антверпену; IV-й и III-й—до западных и юго-западных окрестностей Брюсселя[1]), а IX-й—до Ватерлоо; наконец, IV-й рез. остановился западнее Тирлемона. С этого дня армия начала захождение правым флангом, меняя западное направление своего наступления на юго-западное.

---

[1]) Через город прошел IV-й корпус.

В тот же день бельгийская армия, не теснимая противником и лишь наблюдаемая его конной и воздушной разведкой, беспрепятственно отошла к Антверпену, расположившись на линии южных и юго-восточных фортов крепости и выделивши небольшой отряд к Термонду для обеспечения сообщений с Гентом.

С занятием Брюсселя была выполнена первая задача, возложенная на армию ген. Клука. Быстрое наступление этой армии, потребовавшее от ее войск огромного напряжения сил, застало бельгийскую армию врасплох, не дало ей возможности поджидать прибытия англо-французских подкреплений и вынудило к поспешному отступлению под защиту фортов Антверпена. Правда, бельгийцам еще не было нанесено решительного поражения, их армию не удалось отрезать от ее базы и источника ее существования, но она была уже настолько ослаблена неудачными боями и в материальном, и в моральном отношении, что могла быть заперта в Антверпене сравнительно небольшими силами и для решительного сражения уже не годилась. Вместе с тем, почти вся Бельгия оказалась в руках германцев, и уже ничто не препятствовало свободному движению германских войск в северную Францию и устройству их тыловых сообщений через бельгийскую территорию. Оставался еще небольшой район около крепости Намюра, где противник продолжал сопротивляться, но, обойденный и с севера, и с юга, этот район уже не имел большого стратегического значения, и в ближайшие дни должен был пасть под ударами II-й и III-й герм. армий.

Боевые действия в районе Намюра. (17—23 авг.)

В то время, когда I-я герм. армия вела бои с главными силами бельгийцев, II-я и III-я наступали по обе стороны Намюра, встречая на пути своего движения, вне крепости, весьма незначительные силы противника.

17 августа VII-й, X-й рез. и X-й корпуса II-й армии сосредоточились на левом берегу Мааса в районе Льежа, гвардейский — у Гюи, гвардейский рез. и VII-й рез. — на правом берегу за соответствующими полевыми корпусами.

На следующий день они достигли следующих пунктов: VII-й — Офей, X-й рез. — Вансена, X-й — Браншона, гвардейский — Васейга, причем последний прикрывал армию со стороны северо-восточного фронта Намюра; несколько южнее, на правом берегу, шел гвардейский рез. корпус, являясь заслоном к стороне юго-восточного фронта крепости; наконец, VII-й рез.[1]) — находился в одном переходе за VII-м корпусом. В этот день конница II-й армии (4-я и 9-я кав. дивизии) встретила у Первеца части франц. кав. корпуса Сорде и в боях этого дня и 19 августа отбросила их к югу, после чего к востоку от железной дороги Авр—Намюр неприятельских войск уже не было. Вечером получено приказание главного командования приступить к атаке Намюра войсками II-й и III-й армии под общим руководством ген. Бюлова. 19 августа армия дошла до линии Босю (VII-й корпус)—Сар-Рибар (X-й рез.) — Первец (X-й) — Мехень (гвард.); VII-й рез. — за VII-м корпусом, гвард. рез.— на правом берегу Мааса против Намюра. У Флерюса и Жемблу, а также к северу от Шарлеруа, конницей обнаружены передовые конные части противника. 19-го же Бюловым сделаны распоряжения о предстоявшей атаке Намюра, которая поручена командиру гвардейского рез. корпуса ген. Гальвицу. Для этой цели в распоряжение последнего назначены корпуса гвардейский рез. и XI-й (из III-й армии) и сильная осадная артиллерия. 20 августа II-я армия достигла линии Охэн—Жемблу, составивши один общий фронт с I-й армией; ее конница дошла до Марбэ. Гальвицу приказано перевести одну дивизию гвардейского рез. корпуса на левый берег Мааса и направить свой главный удар на северо-восточный фронт крепости.

Посмотрим теперь, что происходило в эти дни на фронте III-й герм. армии.

Эта армия имела в 1-й линии, считая справа налево, 3 полевых корпуса: XI-й, XII-й и XIX-й, а во 2-й линии — XII-й рез. I-й кавалерийский корпус (гвард. и 5-я кав. ди-

[1]) Собственно, только корпусные войска и 14-я рез. дивизия, потому что 13-я рез. дивизия оставалась в гарнизоне Льежа.

визии и 5 егерских баталионов), подчиненный непосредственно главному командованию, был перевезен раньше других войек в район сосредоточения армии, с целью прикрытия и разведки; усиленный двумя пех. бригадами XII-го и XIX-го корпусов, он находился перед фронтом армии, ведя с 13 августа разведку на участке Мааса между Намюром и Мезьером. 14-го и 15 августа главные силы этой конницы, поддержанные егерскими батальонами, дошли до Мааса, у Динана переправились по мосту через реку и атаковали на левом берегу части 1-й франц. дивизии (1-го корпуса), охранявшие переправы к югу от Намюра. Но встреченная здесь превосходными силами противника, германская кавалерия была вынуждена отойти за реку. Этот бой, как мы видели, привлек 14 августа к Динану франц. кавалерийский корпус ген. Сорде, стоявший на правом берегу у Борена: заслышав канонаду со стороны Динана, Сорде решил угрожать левому флангу немцев, для чего и выступил к северу; но задержанный на р. Лессе пехотными частями противника, повернул к югу, а на следующий день переправился на левый берег у Хастьера и расположил свою конницу к западу от Динана. К 17 августа германская конница доставила следующие сведения о противнике: две франц. кав. дивизии (1-я и 5-я) медленно продвигаются против левого фланга III-й и правого IV-й герм. армий; 1-й франц. корпус находится на Маасе южнее Намюра, а другой двигается с юга к Живэ; сильные французские колонны идут на Филипвиль к р. Самбре. Следовательно, передвижение 5-й франц. армии от Мезьера к северу было своевременно обнаружено германской конницей.

III-я армия, производившая свое сосредоточение под прикрытием двух пехотных бригад, выдвинутых с 4 августа в окрестности Хуфализа, с 14 августа продвинула туда-же и передовые части своих трех перволинейных корпусов. Между 14 и 17 августа главные силы этих корпусов подошли к границе, а XII-й рез. корпус — в юго-восточные окрестности С. Вита. Общее наступление армия начала лишь 18 августа, т.-е. тогда, когда обе правофланговые армии находились уже далеко за Маасом, совершая свое

захождение через внутреннюю Бельгию. Армии была дана главным командованием такая задача: наступать правым флангом, через Дюрбюи и Хавеланж, против южного фронта Намюра, в связи с левым флангом II-й армии, а налево держать связь с IV-й армией. В первый день движения корпуса достигли следующих пунктов: I-й кавалерийский оставался у Динана, ведя разведку и мелкие бои с противником, находившимся на другом берегу; XI-й дошел до Сой, XII-й—до Лароша, XIX-й—до Мабонпрэ, а XII-й рез.— до С. Вита. Правофланговый (VIII-й) корпус IV-й армии находился в этот день у Вильца. 19-го и 20 августа армия продолжала наступать к Маасу без задержки со стороны неприятеля. В виду полученного приказания Бюлова о назначении одного корпуса III-й армии для операций против Намюра, XI-й корпус повернул 20-го к этой крепости и достиг юго-западных окрестностей Андена; в тот же день XII-й корпус дошел до Хаверзэна, XIX-й — Сиерньона и XII-й рез. — Эрезэ.

К 20 августа II-я и III-я армии своими внутренними флангами охватили Намюр с севера и с юга и готовились приступить к овладению этой крепостью. Остальные их силы продолжали свое движение навстречу противнику. В это время 5-я франц. армия только еще сосредоточивалась в углу между Маасом и Самброй: ее 1-й корпус, попрежнему, стоял на Маасе в районе Динана, а остальные корпуса и резервные дивизии частью подходили к Самбре, а частью находились еще значительно южнее. Английская армия медленно собиралась в районе Ландреси—Мобеж.

4. Атака германцами Намюра.

Крепость Намюр.

Теперь уже было ясно, что англо-французские войска опоздали в Бельгию и что судьба этой страны решена победоносным вторжением крупных германских сил, до сих пор не встречавших на своем пути значительного сопротивления. И едва ли эта, благоприятно сложившаяся для немцев, обстановка могла быть изменена теперь вмешательством запоздавших союз-

ников. С падением Льежа пала и оборонительная линия р. Мааса; бельгийская армия была вытеснена с поля и искала убежища за фортами Антверпена; большая часть территории Бельгии с ее столицей была занята германцами, и только одна крепость Намюр еще удерживалась бельгийцами, как последнее средство для поддержания связи с союзниками, как последняя преграда на пути движения противника.

Стратегическое значение Намюра, побуждавшее немцев атаковать его, определялось, главным образом, тем обстоятельством, что он запирал собою несколько важных железнодорожных линий, соединявших внутреннюю Бельгию с Германией, Люксембургом и северо-восточной Францией и необходимых германским армиям в качестве коммуникационных линий. Кроме того, овладение этой крепостью вообще обеспечивало безопасность тыловых сообщений этих армий.

Намюр был построен, по проекту ген. Бриальмона, между 1888 и 1892 годами и состоял из 9 фортов, имевших, в общем, такой же характер, как и форты Льежа; внутреннего ядра и цитадели не существовало. Город расположен при впадении р. Самбры в Маас, главным образом, на левом берегу этих рек. На правом берегу Мааса находились форты: Мезере, Андуа и Дав; между Маасом и Самброй — С. Эрибер и Малон; к северу от Самбры и Мааса — Сюарле, Эмин, Коньеле и Маршовелет. Из этих фортов: 4 больших (С. Эрибер, Сюарле, Коньеле и Андуа) и 5 малых (остальные). Форты вынесены от города на расстояние от 3-х до 7 килом.; промежутки между ними имеют от $3^1/_2$ до 6 килом. Крепостной обвод — около 40 килом. Вся артиллерия помещалась на фортах. Для меньшей видимости форты были маскированы древесными насаждениями. В 1911 году в укреплениях Намюра были произведены некоторые усовершенствования; в первых числах августа 1914 года бельгийцы начали укреплять промежутки между фортами и к началу германской атаки первая линия обороны в промежутках была уже окончена. Бриальмон называл Намюр, также как и Льеж, двойным тет-де-поном; это указывает на то, что он не придавал им самостоятельного значения, как крепостям,

а считал необходимым использовать их лишь как опорные пункты для маневрирования полевых войск на обоих берегах реки. Но ни та, ни другая крепость не выполнили этого назначения, вследствие преждевременного отказа бельгийской полевой армии от активной обороны Мааса.

Гарнизон Намюра состоял из 4-й полевой дивизии (без 15-й бригады, отправленной 5 августа в Льеж) и крепостных войск (4 крепостных полка, легкий артиллерийский дивизион, 12 крепостных батарей, 4 пулеметные роты, саперный батальон и различные технические части), всего около 37.000 чел. Комендантом крепости был ген. Мишель.

В состав осадной армии ген. Гальвица, кроме упомянутых выше гвардейского рез. и XI-го корпусов, были назначены: от II-й и III-й армий 3 саперных батальона, 4 батареи 10-сант. пушек, 4 батареи 13-сант. пушек, 10 батарей 21-сант. мортир, 1 батарея 42-сант. мортир и 4 автомобильные батареи 30,5-сант. мортир. Общее руководство действиями осадной артиллерии было поручено ген. Штейнмецу, уже имевшему в этом отношении опыт при атаке Льежа. Численность осадной армии составляла около 60.000 чел.

План германской атаки.

План, принятый ген. Гальвицем, заключался в одновременной атаке трех фортов восточного фронта крепости, расположенных на обоих берегах Мааса,—Маршовелета, Мезере и Андуа, вместе с их промежутками; причем было решено сразу же ввести в действие всю имевшуюся в осадной армии тяжелую артиллерию, с целью достижения скорейшего результата. Обилие оврагов в окрестностях Намюра давало возможность избрать для расположения этой артиллерии необходимое число закрытых позиций.

20 августа войска осадной армии расположились против избранного для атаки фронта следующим образом: 3-я гвард. дивизия ген.-лейт. Бонина, с саперным батальоном и тяжелыми батареями,—севернее Мааса на участке Хинжон-Вэзен; XI-й корп. ген.-лейт. Плюскова, тоже с саперным батальоном и тяжелой артиллерией, южнее Мааса между рекой и линией Фоль—Бетлеем—Флорэ; наконец, 1-я гвард. рез.

дивизия в общем резерве—у Андена, откуда она могла оказать поддержку то одному, то другому боевому участку. Для того, чтобы занять указанное расположение, немцам пришлось оттеснить к фортам передовые войска бельгийцев, занимавшие укрепленные рощи и селения впереди фортовой линии. Эти бои, в связи с воздушной разведкой, обнаружили, что промежутки между фортами подготовлены к обороне, почему о захвате этих промежутков внезапным нападением не могло быть и речи. К вечеру, при содействии огня легких батарей, немецкая пехота подошла на расстояние 1 килом. к фортам; последние, в свою очередь, открыли огонь по неприятелю, пытаясь помешать установке его тяжелых батарей. В виду того, что воздушная разведка заметила скопление бельгийских войск у форта Коньеле и движение неприятельских поездов к Намюру с юга и юго-запада, явилось предположение, что бельгицы, вероятно с французскими подкреплениями, подготовляют атаку правого фланга осадной армии или вообще наступление против левого фланга II-й герм. армии. Это побудило ген. Бюлова приказать ген. Гальвицу перевести 1-ю гвард. рез. дивизию из Андена на левый берег, к Понтила. Эта дивизия, задержанная в Андене восстановлением моста, разрушенного бельгийцами 19 августа, и столкновениями с вооруженными жителями, дошла к вечеру только до Ландена. Между тем, правый фланг 3-й гвард. дивизии в 6 час. вечера подвергся атаке противника со стороны форта Коньеле, но, после непродолжительного боя, отбросил неприятельские войска. Тяжелая артиллерия в этот день не открывала огня, потому что имелось в виду начать бомбардировку одновременно всеми тяжелыми батареями, их коих некоторые не успели до наступления темноты занять указанные им позиции. К утру 21 августа севернее Мааса, восточнее линии Новиль-ле-Буа, Хинжон, Вэзен, расположились следующие батареи: 4—21-сант. мортир; 2—австрийских (30,5 сант.) береговых мортир, по 1—10-ти и 13-сант. пушек, 1—42-сант. мортир и 4—15-сант. гаубиц; эти батареи имели своей целью форты Коньеле и Маршовелет. Южнее Мааса сначала развернулись обе дивизии XI-го корпуса (22-я — севернее, 38-я

южнее), но, так как пересеченный и закрытый характер местности затруднял здесь атаку в крупном масштабе, а противник угрожал правому флангу осадной армии, то Гальвиц решил удлинить и усилить свой левобережный участок, соответственно ослабив свои силы на правом берегу. В течение 21 августа 1-я гвард. рез. дивизия заняла район Лонгшан—Лёз, на дороге из Намюра в Тирлемон, а южнее Мааса 38-я дивизия была отведена к Хальтину; 22-я дивизия, вследствие этого, заняла весь участок от реки до Флорэ. Далее к югу, через Асес, наступал правый фланг III-й армии. На участке 22 й дивизии стали следующие батареи: 2 — 10-сант. пушек, 2—15-сант. гаубиц, 4—21-сант. мортир и 2—австрийских (30,5 сант.) береговых мортир, имея целью форты Мезере и Андуа с промежутком между ними.

Атака фортов (21—25 августа).

Около полудня 21 августа германская тяжелая артиллерия открыла огонь по неприятельским укреплениям; в течение дня форты Маршовелет, Мезере и Андуа получили более или менее крупные повреждения (особенно первый), но сохранили свою боеспособность, ведя борьбу с артиллерией противника. Форт Коньеле, находившийся под огнем орудий небольшого калибра, стоял почти нетронутый. 8-й бельгийский крепостной полк, занимавший промежутки между фортами, понес большие потери от неприятельского огня, почему и был подкреплен полевыми войсками. Город был обстрелян 15-сант. гаубицами, но без существенных разрушений.

К вечеру 21 августа Гальвиц решил, в виду местных условий, вести на южном берегу только демонстративную атаку 22-й дивизией, а главную — на северном берегу, для чего перевести туда и 38-ю дивизию, которая, вместе с 1-й гвард. рез. дивизией, должна была составить атакующую группу под начальством ген. Плюскова. В течение 22 августа войска заняли новое расположение на северном берегу: 1-я гвард. рез. дивизия (без 1-й бригады) — участок между линиями Эгезе—Досуль—железная дорога на Намюр

и Кортиль-Водон — Молош — д. Коньеле; 38-я дивизия (без 96-го пех. полка) — левее, до линии Талье — Отри — Маршовелет — дорога Шампион-Намюр; 3-я гвард. дивизия — левее, до линии Фран-Варэ — шоссе на Намюр. Общий резерв (1-я гвард. рез. бригада с артиллерийским дивизионом и 96-й пех. полк) — у Лёз — Кортиль-Водон. Пехота к вечеру подошла к линии Рион — Крокюль — Молош — Маршовелет — Фран Варэ и подтянула на расстояние от 2-х до 3-х килом. до противника свою легкую артиллерию, успевшую еще до наступления сумерок открыть огонь по промежуткам. Весь этот день германские тяжелые батареи бомбардировали форты, причинивши им серьезные повреждения. Хотя атака немцев была назначена на 23 августа, но уже 22-го на участке Коньеле — Маршовелет завязались упорные бои, которые к ночи привели атакующего к прорыву междуфортового промежутка. В этих боях, вместе с частями 10-го и 30-го бельгийских пех. полков, приняли участие и французы, вступившие в 10 час. утра в пределы крепости, в числе 3-х батальонов (один — 45-го и два — 148-го пех. полков из состава 5-й франц. армии).

С раннего утра 23 августа осадные батареи возобновили свою бомбардировку, главным образом, по фортам Коньеле и Маршовелету и промежутку между ними. Перед рассветом бельгийцы произвели энергичную вылазку от дер. Коньеле против правого фланга 38-й дивизии, но были отброшены. После нескольких мелких боевых столкновений между передовыми частями, с 10 час. утра началась атака на участке Коньеле—Маршовелет: 15-я рез. бригада (1-й гвард. рез. дивизии) и 38-я дивизия атаковали в направлении к Шампиону; после двухчасового боя с частями 30-го бельгийского, 45-го и 148-го французских пех. полков, немцы после полудня дошли до города и заняли его северную окраину. Общий резерв был передвинут к С. Сэрве, к правому флангу, с целью прикрыть его со стороны фортов Эмина и Сюарле, против которых демонстрировала 14-я рез. дивизия (VII-го рез. корпуса), с целью отвлечения неприятельских сил от атакованного участка. Левее 38-й дивизии продвигалась и 3-я гвард. дивизия. Во 2-м часу дня

форт Маршовелет поднял белый флаг и тотчас же был занят немцами. К 5 час. дня войска 3-й гвард. дивизии сосредоточилось у Бужа; тем временем пал форт Коньеле. На южном берегу под обстрелом батарей 22-й дивизии, пал в 2 часа дня форт Мезере. Вскоре после 5 час. дня к коменданту крепости был отправлен парламентер с требованием сдать город и все, еще сопротивлявшиеся, форты; но так как ответа на это требование не было получено, то по городу был открыт артиллерийский огонь, а пехота продолжала наступление и к ночи дошла до Самбры и Мааса, где все мосты оказались взорванными бельгийцами. После занятия немцами города, бельгийцы увели свои полевые войска с левого берега р. Самбры на правый, а ночью комендант приказал начать общее отступление к югу, на Биуль; одни лишь форты должны были еще оказывать сопротивление противнику.

На следующий день, 24-го, 38-я дивизия перешла на южный берег Самбры и начала бомбардировку фортов Малона и С. Эрибера; первый из них был захвачен небольшим пехотным отрядом, а второй — сдался под огнем тяжелых германских гаубиц; 3-я гвард. дивизия заняла город, а 1-я гвард. резервная перешла к западной окраине города, в район С. Марк—С. Сэрве, для обезпечения тяжелой артиллерии, выставленной к северу от Намюра против фортов Эмина и Сюарле. Наконец, южнее Мааса 22-я дивизия развернула свою артиллерию против фортов Андуа и Дава, а 43-ю бригаду направила на Лойе и Эрпен, в тыл этим фортам; в результате этого, Андуа пал вскоре после полудня. В тот же день на западном участке пал форт Эмин под мощным огнем германских тяжелых батарей. Оставались еще только два форта (Сюарле и Дав), продолжавшие сопротивляться и так как, кроме их небольших гарнизонов, в крепости уже не было неприятельских войск, то было решено, продолжая бомбардировку этих фортов, корпуса вернуть в состав полевых армий. 25 августа гвард. рез. корпус получил приказание идти на левый фланг II-й армии, а XI-й — через Флорен к Филиппвилю на присоединение к III-й армии. В тот же день пали два последние форта крепости.

Между тем, бельгийские войска, покинувшие накануне крепость, под начальством ее коменданта ген. Мишеля, двигались к югу, на присоединение к французским войскам; в это время корпуса III-й герм. армии уже форсировали р. Маас южнее Намюра и XII-й рез. корпус атаковал на левом берегу, у Арбра, отходивших бельгийцев и нанес им большие потери [1]); едва лишь 10—12 тыс. чел. из них спаслись к югу, войдя в связь с 1-м франц. корпусом у Розе. Затем, к вечеру 24 августа они достигли Мариембурга, а 25-го—Овилер-ле-Форжа, откуда по железной дороге были отправлены через Руан и Гавр в Остенде, куда и прибыли между 2-м и 7 сентября.

Так закончилась операция по овладению Намюром. Падение этой крепости, по своему стратегическому значению, представляло собой не только потерю укрепленного города, преграждавшего важные пути сообщения и отвлекавшего на себя некоторую часть неприятельских сил, но эта была также утрата опорного пункта для правого фланга англо-французского фронта на р. Самбре, значительно ослаблявшая его оперативную силу и уменьшавшая шансы союзников на успех их борьбы с германцами на бельгийско-французской границе.

Атака Намюра была произведена совершенно иным способом, чем атака Льежа: одновременным, систематическим использованием с первого же дня атаки могущественных артиллерийских средств, которым немцы и обязаны своим быстрым успехом; крепость пала исключительно под ударами артиллерийских снарядов. Применение именно этого способа атаки вызывалось, во-первых, тем, что Намюр, будучи атакован на 2 недели позже Льежа, успел создать оборону промежутков, исключавшую возможность внезапного нападения, и во-вторых, наличностью большого числа тяжелых батарей, подвезенных армиями при своем наступлении в Бельгию. Более же быстрое, по сравнению с Льежем, падение этой крепости может быть об'яснено, с одной

[1]) По другим сведениям, бельгийцы были атакованы здесь 1-й гвард. дивизией (гвард. корпуса).

стороны, меньшими ее размерами (9 фортов вместо 12), а с другой—почти полной ее изолированностью от бельгийских и французских войск и захватом германскими армиями всех сообщений крепости с районами, занятыми полевыми войсками союзников, что лишало обороняющегося всякой надежды на выручку. Оборона же крепости велась крайне пасивно, без применения какого-либо маневра крепостным гарнизоном, уже начавшим покидать крепость после падения трех фортов северо-восточного сектора.

5. Оценка действий сторон в Бельгии.

Наступление германских армий.

Из вышеизложенного видно, что собственно против бельгийской армии наступала одна I-я герм. армия (6 корпусов и 1 кав. дивизия); II-я армия шла в промежуток между правым флангом бельгийцев и передовыми частями 5-й франц. армии,— промежуток, прикрытый на своем правом фланге крепостью Намюром; III-я же герм. армия двигалась прямо навстречу передовым французским войскам, подходившим с юга в район Живэ и Динана. Все три армии наступали в тесной связи между собою, образуя сплошной оперативный фронт. Уже одна эта согласованность их наступательных действий, при подавляющем превосходстве сил и захвате инициативы, предопределяла исход столкновения этих сосредоточенных масс с разрозненными, слабыми, не об'единенными ни внешней связью, ни стремлением к одной общей цели, войсками союзников.

Обращаясь теперь к оценке действий обеих сторон, раньше всего необходимо отметить, что германцы обладали таким значительным превосходством, как в численности своих войск, так и в стратегическом их положении в отношении бельгийской армии (более широкий фронт, охватывавший оба неприятельские фланга), что нет никакой надобности искать об'яснения германских успехов в тех или иных оперативных приемах наступления. Немцы, несомненно, действовали целесообразно, смело и решительно, обнаружив с первых же дней войны большое искусство

в вождении крупных войсковых масс, но общие условия обстановки сложились для них в Бельгии настолько благоприятно, что германские армии, во всяком случае, должны были смести слабые бельгийские силы, пытавшиеся преградить им путь в северную Францию. Поэтому, оценка стратегических и тактических действий немцев при их вторжении в Бельгию не представляет большого интереса. Я коснусь лишь трех вопросов, относящихся к этим действиям, в виду общего значения, которое они имеют и для последующих операций.

Первый из них—об оперативном взаимоотношении I-й и II-й герм. армий. Как известно, с 17 августа главная квартира подчинила I-ю армию командующему II-й, с целью большего согласования совместных действий обеих армий. Правильно ли поступило германское главное командование? Клук считает такую меру неправильной, в виду того, что роль его армии была более самостоятельной, более широкой в стратегическом отношении, чем II-й. Однако, с таким мнением нельзя согласиться. Назначение I-й армии, несомненно, было весьма важным в стратегическом отношении, но все-таки эта армия, как фланговая, выполняла некоторую служебную роль по отношению ко всей правофланговой группе германских войск, обеспечивая их фланг и облегчая их наступление непрерывным обходом неприятельского левого фланга. Уже одна эта роль ограничивала оперативную самостоятельность этой армии, которая должна была сообразоваться с действиями и движениями главной массы войск германского правого крыла. В самой природе широких фланговых операций заложено известное центробежное стремление, всегда несколько уклоняющее действия фланговых частей от общего направления, всегда несколько обособляющее эти войсковые части от общей массы войск, а потому и вынуждающее принимать меры для более тесного взаимодействия тех и других. Нет ничего удивительного в том, что и I-я армия, особенно при грандиозном размахе ее обходных маневров, могла проявить эту склонность к обособленным операциям, вредным с точки зрения общих интересов германского наступательного плана. В виду этого,

об'единение в руках ген. Бюлова командования I-й и II-й армиями представляется мерой вполне целесообразной в стратегическом отношении. Ошибка германской главной квартиры заключалась вовсе не в том, что она подчинила Клука Бюлову, а в том, что она не об'единила в одних руках командования всеми тремя армиями правого крыла, притом не на несколько дней, а в качестве меры длительного характера, впредь до изменения группировки правофланговых армий.

Второй вопрос—характер действий германских кавалерийских масс, приданных армиям. Вообще говоря, германская конница действовала в Бельгии малоуспешно в стратегическом отношении, несмотря на огромное свое превосходство в численности по сравнению с бельгийской и французской кавалерией, которую приходилось ей встречать на пути своего наступления. Мы видели, как медленно, нерешительно и вяло переправлялись германские кав. дивизии через Маас и двигались вглубь Бельгии, нигде не выдвигаясь далеко перед фронтом своих армий и никогда не совершая смелых, широких обходных движений на флангах противника. Вследствие этого, кавалерийская завеса была слабой и всегда искала опоры в пехоте, следовавшей непосредственно же за ней. Но насколько плоха была стратегическая деятельность германской конницы, настолько образцовы были ее тактические действия. Бои у Гелена, Динана и Первеца свидетельствуют об отличной тактической подготовке германской кавалерии, искусно сочетавшей действия в спешенном строю с конной атакой, умело пользовавшейся своими егерскими батальонами и действовавшей в тактическом отношении с большой смелостью и энергией.

В связи с неудачной стратегической службой германской конницы находится третий из намеченых мною вопросов: о распределении кавалерийских масс между германскими армиями. Это распределение представляется совершено нецелесообразным: I-я, фланговая армия, в задачу которой входило обеспечение правого фланга германцев и широкий обходной маневр, следовательно нуждавшаяся в больших средствах для разведки, сначала совсем не имела армейской

конницы и только за Маасом ей была дана одна дивизия из состава II-го кав. корпуса. Между тем, II-я и III-я армии, занимавшие внутреннее положение, имели каждая по две кав. дивизии; в частности, III-я армия наступала на столь небольшом фронте, особенно перейдя Маас, и имела свои фланги настолько обеспеченными соседними армиями, что можно, вообще, оспаривать потребность этой армии в стратегической коннице. Во всяком случае, и II-й, и III-й армиям было бы достаточно каждой по одной конной дивизии, а три таковых необходимо было включить в состав I-й армии. При таком распределении кавалерии, быть может, было бы возможно более удачно наметить ей задачи по ведению стратегической разведки и образованию завесы перед фронтом своих армий.

Действия бельгийцев на оборонительной линии р. Мааса.

Перейдем теперь к критической оценке тех способов, которыми бельгийцы пытались оборонять свою территорию и задерживать германское наступление. Являлись ли эти способы единственно возможными в тех условиях, в которых сражалась бельгийская армия? Соответствовали ли они общей стратегической обстановке? Могли ли они привести бельгийцев к успешному разрешению поставленных себе задач и дали ли они какие-нибудь благоприятные результаты?

Оставивши на р. Маасе, в крепостях Льеже и Намюре, два авангарда, бельгийцы держали главную массу своей полевой армии в полном бездействии на путях к столице, в то время, когда авангарды изнемогали в неравной борьбе с противником. Бельгийская полевая армия, стоявшая в расстоянии 1—2 переходов от Льежа, не сделала ни малейшей попытки поддержать крепость своими действиями против атакующих войск неприятеля; Льеж был предоставлен собственным силам, и полевая армия являлась лишь праздным зрителем разрушения германской артиллерией маасских укреплений, на длительном сопротивлении которых был построен весь план обороны бельгийцами своей территории. Такое бездействие главных сил бельгийской армии

тем более непонятно, что в эти дни они еще ничем не были отвлечены в другую сторону и имели перед собой только разведывательные части германской конницы. И между тем, они лишь приняли на себя разбитые, удрученные неудачей войска гарнизона, покинувшие залитые кровью и дымившиеся развалины Льежа.

Бельгийцы добровольно отказались от активной обороны своей важнейшей и сильнейшей оборонительной линии. Владея многочисленными переправами на Маасе, в районах укреплений Льежа, Намюра и Гюи, следовательно, владея обоими берегами этой реки на участках значительного протяжения, они имели возможность отстаивать эту оборонительную линию с полной активностью, действуя во фланг и тыл неприятельским войскам, атаковавшим маасские крепости. Если выполнение этого, вследствие общих условий обстановки, являлось затруднительным и запоздалым в отношении противника, атаковавшего Намюр, то в районе Льежа и Гюи это представлялось вполне возможным; тем более, что в то время, когда немцы начали атаку Льежа, главные силы германских армий еще не окончили своего сосредоточения и еще не переходили бельгийской границы, а на Маасе находился лишь немногочисленный отряд ген. фон-Эмиха и стратегическая конница II-й герм. армии. И все преимущество немцев, стоявших в то время у Льежа, заключалось лишь в смелом, дерзком стремлении разбить противника, захватить его врасплох, поразить его воображение, подавить его моральные силы, его энергию, его активность.

Неудачи, сопровождавшие действия бельгийских войск на р. р. Жете и Диль, являлись уже естественными последствиями неудачной обороны Мааса: если бельгийцы допустили бить себя по частям и непроизводительно потеряли почти одну треть своей армии в маасских крепостях, то они не могли уже расчитывать на удачи в последующих боевых столкновениях.

Мне могут возразить, что и при всяком другом способе обороны Мааса бельгийская армия была бы раздавлена превосходными силами германцев. Но в таком случае следовало

вообще отказаться от сопротивления на этой оборонительной линии и избрать способ борьбы с противником, более соответствовавший силам бельгийцев и общим условиям стратегической обстановки, в связи с намерениями и действиями союзников. Быть может, оборона бельгийцами Мааса и сопротивление, оказанное ими на путях к Брюсселю, были предприняты в связи с общим планом совместных действий союзников в Бельгии? Но расчет на эти совместные действия основывался лишь на добром желании союзников совместно оборонять бельгийскую территорию, а не на каких-либо реальных данных, потому что английские войска не могли поспеть на Самбру ранее как через $2^1/_2$ недели после об'явления войны; ближайшая же французская армия ранее этого срока не могла оказать существенной поддержки Намюру, а вместе с этой крепостью—правому флангу бельгийской армии.

Вообще, как эти, так и последующие боевые операции в Бельгии определенно указывают на отсутствие какого-либо подготовленного, продуманного плана совместных действий союзников, опоздавших на помощь друг другу, выполнявших несогласованные одна с другою задачи, стремившихся к достижению целей на расходящихся направлениях.

Выполнили ли бельгийские крепости на Маасе ту стратегическую задачу, которая была предопределена для них планом обороны Бельгии, т.-е. задержали ли они вторжение германцев за Маас, а следовательно и в северную Францию? Об этой задерживающей, преграждающей роли маасских крепостей много написано во французской и бельгийской литературе, восхваляющей героизм бельгийцев в этой неравной борьбе с германским вторжением. Но во всех этих суждениях об обороне Мааса больше славословия и романтизма, чем учета реальных условий обстановки, в которой происходили боевые действия у порога Бельгии. Вполне определенный ответ на поставленный выше вопрос может быть дан простым сопоставлением некоторых событий. Начнем с крепости Льежа. Главные силы I-й и II-й герм. армий, в своем общем наступлении, подошли к Маасу

15—16 августа, т.-е. в то время, когда все правобережные форты Льежа и два северные левобережные (Лиер и Понтис) уже пали. Поэтому, ни I-я, ни II-я армии не встречали в это время уже никакого сопротивления на переправах через Маас и такового они не встретили и за Маасом, потому что, пока II-я армия переправлялась и подтягивала свои колонны южнее Мааса, пали и остальные форты левого берега. Что же касается Намюра, то он, по своему положению, вообще не преграждал путей наступления противника и был обойден с двух сторон еще до появления под его фортами германских орудий, принудивших его к капитуляции. Сдача этой крепости нужна была немцам не для свободного прохода в Бельгию и северную Францию, а для обеспечения своих тыловых сообщений. Следовательно, стратегическая роль маасских крепостей свелась лишь к тому, что отвлекла на непродолжительное время от главных операций небольшие силы противника (но и то только у Намюра) и нанесла им, в общем, незначительные потери.

Отступление бельгийцев к Антверпену.

Было ли правильным решение бельгийцев, после неудачных боев на путях к столице, отойти к Антверпену? Несомненно, отступление в этом направлении являлось в оперативном отношении совершенно неправильным. Оно приводило к раз'единению союзных сил, оно противоречило основной идее обороны Бельгии, заключавшейся в соединении этих сил на бельгийской территории; наконец, оно обрекало полевую бельгийскую армию на пасивную роль и создавало ей серьезную угрозу быть запертой в крепости и лишиться возможности принять участие в дальнейшем ходе войны.

Отойдя к югу или юго-западу, к р. Самбре, на соединение с англо-французами, бельгийцы усилили бы эту группу союзных войск и, быть может, могли бы повлиять на судьбу последующих сражений у Монса или Шарлеруа. Повидимому, лучшим решением вопроса было бы их отступление к левому флангу англичан, в район Конде, что, затруднило

бы, а, может быть, и остановило обходное движение I-й герм. армии, едва не завершившееся катастрофой для английских корпусов, охваченных противником с левого фланга.

Что могло притягивать бельгийцев к Антверпену, при условии ведения войны в союзе с англо-французами? Говорят, что их притягивала к крепости наличность в ней значительных продовольственных и боевых запасов, дававших бельгийской армии возможность оказать упорное и длительное сопротивление германскому нашествию в ожидании прибытия английских войск. Но могло ли такое сопротивление способствовать достижению тех общих целей, которые ставили себе союзники в Бельгии? Увеличивало ли оно шансы союзников на победу? Ведь, при таком способе действий, не только все запасы Антверпена теряли всякое значение в общей экономии средств, которыми располагали союзники для ведения войны, но и сама живая сила бельгийцев, отрезанная от англо-французских армий, истощалась в бесполезной борьбе с противником; возможно ли было расчитывать на то, что слабая экспедиционная армия англичан будет в состоянии отбросить противника и открыть сообщение Антверпена с союзными армиями?

Конечно, такая самостоятельная, эгоистическая стратегия бельгийцев не говорит в пользу правильного, широкого понимания обстановки бельгийским высшим командованием, которое, повидимому, еще не прониклось в то время сознанием общих интересов коалиционной войны, а все еще склонялось в сторону частных выгод своей армии и своей страны. Но подобное стремление не могло, конечно, спасти Бельгию, а вместе с ней и ее армию; их могла спасти лишь борьба за общие интересы союзников, борьба, одушевленная взаимной выручкой и готовностью нести тяжелые жертвы на пользу общего дела. На эту точку зрения бельгийцы стали уже значительно позже, когда тяжкий, горький опыт антверпенского сидения убедил их не только в бесполезности, но и в крайней опасности того изолированного положения, которое они заняли на театре военных действий.

В военной литературе встречается предположение [1]), что отступление бельгийцев к Антверпену соответствовало видам французского главного командования и было выполнено с его одобрения; будто бы предполагалось, что немцы своими главными силами потянутся за бельгийцами и подставят свой левый фланг и свой тыл удару союзников со стороны Намюра. Как известно, немцы поступили более целесообразно: направили к Антверпену небольшую часть своих сил, а остальными продолжали наступление к юго-западу.

Едва ли таковы были предположения и намерения французского командования; что отход бельгийской армии к Антверпену не соответствовал его видам, это мы можем заключить из указаний, данных французской главной квартирой 17 августа командующему 5-й армией ген. Ланрезаку по поводу скорейшей высылки кавалерийского корпуса Сорде от Динана за р. Самбру, для установления связи с бельгийцами: здесь говорится о том, что в Брюсселе потеряли голову и что бельгийское правительство уезжает в Антверпен, почему необходимо предотвратить отступление туда же и бельгийской армии [2]).

Изучение боевых операций обеих сторон в Бельгии в эти первые дни войны указывает на то, что быстрое, смелое, бурное как ураган, вторжение германских войск на бельгийскую территорию, имевшее целью возможно скорее раздавить бельгийцев и занять их страну до высадки крупных английских сил и до подхода с юга французских армий, совершенно расстроило намечавшийся план совместных действий союзных армий и поселило большую растерянность в высшем командовании этих армий. Эта растерянность продолжала роковым образом тяготеть над всеми действиями союзников в период их нахождения на территории Бельгии и она же привела их к тяжелым поражениям в большом пограничном сражении, завязавшемся одновременно с атакой Намюра.

---

[1]) Karl Egli. Der Aufmarsch und die Bewegungen der Heere Frankreichs, Belgiens uud Englands auf dem westlichen Kriegsschauplatz bis zum 23 August 1914.

[2]) Général Lanresac. Le plan de campagne français, стр. 95

VIII. Боевые действия в Эльзас-Лотарингии.

(Схемы №№ 11 и 12).

Обстановка на Эльзас - Лотарингском фронте в первых числах августа.

Почти одновременно с боями, разыгравшимися на территории Бельгии, развивались события и на противоположном фланге стратегического фронта сторон, в пределах имперских провинций Германии, ставших с первых же дней войны ареной упорных боевых столкновений. Но характер эльзас-лотарингских операций, в отношении их возникновения и развития, значительно отличается от характера бельгийских. На своем левом фланге, в Бельгии, французы, с большой осторожностью и нерешительностью, постепенно ввязывались в боевые действия, которые возникали в большинстве случаев помимо и даже вопреки их желаниям и от которых они не ожидали решительного результата; и несмотря на это, через несколько дней, силою неотвратимых обстоятельств, они были втянуты здесь в водоворот крупных событий, имевших решающее значение для последующих операций в северной Франции. Наоборот, в Эльзас-Лотарингии они захватили в свои руки инициативу и проявили немалое упорство и настойчивость в проведении в жизнь своих активных намерений, но почти с первого же дня своей боевой деятельности в этом районе, где они рассчитывали добиться значительных преимуществ, были вынуждены ослабить свой натиск и постепенно придти к решению отказаться от активных действий. Уже с первых дней августа центр тяжести боевых операций перемещается с юга на север, прочно и надолго определяя относительное оперативное значение обоих флангов.

Мы видели, что в период стратегического развертывания весьма крупная масса французских войск была направлена к границам Эльзаса и Лотарингии и что в первоначальном плане французского генерального штаба ей предназначалась наступательная задача, с целью привлечь на себя возможно большее количество неприятельских сил. Хотя в этом плане и предусматривалось частичное наступление одного корпуса до срока общей готовности всех армий, но с другой стороны, в нем заключалось определенное указание не начинать наступления до полного сосредоточения. Между тем, еще не успели головные эшелоны корпусов 1-й франц. армии начать высадку в назначенных им пограничных районах, как и командующий этой армией, и главнокомандующий решают произвести немедленное вторжение в пределы Эльзаса отрядом из войск, прикрывавших сосредоточение в районе Бельфора. Результатом этого решения французского командования явилось преждевременное и неудачное наступление французских войск в Верхний Эльзас, значительно осложнившее для них обстановку на этом участке фронта.

Проследим, в какой последовательности развивались события в Эльзас-Лотарингии, начиная с этого первого эпизода и затем в течение общего наступления французского правого фланга.

С 5 августа на эльзас-лотарингской границе, под прикрытием 7-го, 21-го и 20-го корпусов, с 8-й, 6-й и 2-й кав. дивизиями, начали сосредоточиваться войска двух правофланговых французских армий: 1-й—между Бельфором и Люневилем и 2-й—в районе Нанси. Одновременно с этим, начали прибывать и германские войска в свои районы сосредоточения: VI-я армия—в район Диец—Сааргемюнде—Саарбург, под прикрытием пограничных частей на р. Сейль; VII-я армия—в район Страсбург—Шлетштадт с передовыми частями у вогезских проходов, от Донона до Шлюхта; и эльзасская группа второочередных формирований—к Кольмару и Мюльгаузену. Задача обеих германских армий заключалась в том, чтобы своим наступлением в Лотарингии связать противника на этом участке фронта, но в случае, если бы у него оказались превосходные силы,—отходить,

прикрывая левый фланг германских армий, наступавших через Бельгию.

До вечера 3 августа французские войска прикрытия, во исполнение общего распоряжения главной квартиры, оставались в 10 килом. от границы, но затем, в виду вступления германцев в нескольких местах на территорию Франции, они продвинулись к границе и местами вступили в первые боевые столкновения с противником. Этим противником были в эти дни дивизии III го герм. кав. корпуса (7-я, 8-я и баварская), поддержанные бригадой баварской пехоты и начавшие с 5 августа наступление с линии С. Авольд—Бенсдорф—Саарбург к р. Сейль. 6 августа баварская конница вела, в окрестностях Шато-Салена, бой со 2-й франц. кав. дивизией и отбросила ее за реку. Затем, бав. и 7-я кав. дивизии выдвинулись на линию Аврикур—Бламон, потеснили за р. Везус французскую конницу, но дальше продвинуться не могли. 8-я кав. дивизия оставалась в это время у Шато-Салена. С 10 августа бав. кав. дивизия приняла участие в боевых действиях XXI-го корпуса в районе Диеца и Лагарда; но так как противник был обнаружен уже в значительных силах на р.р. Сейль и Везусе, и дальнейшее продвижение конницы являлось невозможным, то все три герм. кав. дивизии были к 14 августа оттянуты в северо-западные окрестности Моршингена, к правому флангу VI-й армии.

1. Верхне-эльзасская (мюльгаузенская) операция.

Вечером 5 августа командующий 1-й франц. армией ген. Дюбайль, тотчас же по прибытии своем в Эпиналь, выполняя указания, полученные им от главнокомандующего, послал командиру 7-го корпуса, расположенного в районе Бельфора, приказание немедленно занять район Мюльгаузен—Сенгейм; причем ему было разрешено усилить свои войска бригадой из состава гарнизона крепости. Но в виду того, что командир этого корпуса, ген. Бонно, донес о неготовности вверенных ему войск и представил некоторые возражения относительно столь несвоевременного наступления, Дюбайль ограничил продвижение 7-го корпуса линией Танн—Альткирх и разрешил отложить операцию до 8 августа.

Однако, 6-го вечером, из главной квартиры пришло настойчивое требование поспешить вторжением в Верхний Эльзас, но без об'яснения—с какой именно целью предпринималось это торопливое и плохо обдуманное наступление.

1-е наступление французов в Верхний Эльзас (7 - 10 августа).

С утра 7-го войска ген. Бонно вступили на территорию Эльзаса: 14-я пех. и 8-я кав. дивизии наступали от Бельфора на Альткирх, 41-я пех., занимая растянутое расположение к северу от крепости, на линии Бюсан—прох. Шлюхт, приняла участие в этом наступлении только своей правофланговой (82-й) бригадой. направленной от Бюсана к Танну. Правая группа в тот же день атаковала небольшой германский отряд (58-ю пех. бригаду XIV-го корпуса), сильно укрепившийся у Альткирха и, после 6-ти час. боя, обойдя его конницей с юга, заняла этот город и оттеснила немцев к востоку. Бригада 41-й дивизии заняла Танн без сопротивления со стороны противника. Между тем, с утра 8 августа главная квартира вновь стала настаивать на более энергичном ведении этой операции, требуя занятия Мюльгаузена и разрушения мостов на Рейне. Ген. Дюбайлю было предложено также занять вогезские проходы к северу от Шлюхта, с целью дальнейшего наступления долиной р. Брейши. В тот же день вечером 14-я дивизия вступила без боя в Мюльгаузен, а немцы отошли за Рейн у Нейенбурга, оставивши сильное охранение к востоку от города на лесистых высотах Гарда. Для обеспечения тыла 7-го корпуса 57-я рез. дивизия выдвинута из Бельфора к Дамеркирху.

Занятию Мюльгаузена французы придавали большое моральное значение; Жоффр обратился к эльзасцам с воззванием, в котором приветствовал их с возвращением в лоно старого отечества, а военный министр, в письме на имя ген. Бонно, уведомлял его о том воодушевлении, которое было вызвано во Франции известием о занятии этого города и передавал ему благодарность правительства. Но эти ликования оказались преждевременными.

Насколько занятие Верхнего Эльзаса являлось для французов важным в моральном отношении, настолько в том же отношении оно являлось недопустимым для немцев; а потому легко было предвидеть, что германское командование примет немедленные меры для удаления неприятельских войск из района Мюльгаузена. В эти дни второочередные германские части, предназначенные для обороны Верхнего Эльзаса, еще не прибыли из пунктов своего формирования, почему эта задача лежала пока на пограничных частях XIV-го (баденского) и XV-го корпусов, выполнявших в это время свои перевозки по сосредоточению.

По первоначальному плану, VII-я герм. армия должна была наступать из района Страсбурга в тесной связи с VI-й армией, с целью атаковать правый фланг французов при их наступлении в Лотарингию. Это требовало одновременного развертывания обеих армий по обе стороны р. Саара. Однако, в период сосредоточения своих корпусов к Страсбургу, командующий VII-й армией, получивши сведения о вторжении французов в Верхний Эльзас, задумал атаковать противника у Мюльгаузена. Верховное командование, давая свое согласие на эту операцию, мотивировало его тем обстоятельством, что всякая возможность достижения частных успехов не должна оставаться неиспользованной.

Так как значительная часть войск VII-й армии находилась еще в железнодорожных эшелонах, то для немцев неожиданно создалась благоприятная обстановка для сосредоточения необходимых сил в районе Мюльгаузена. Эшелоны XIV-го корпуса (ген. бар. Гойнинген-Гюне) были направлены правым берегом Рейна к Нейенбургу, а эшелоны XV-го корпуса (ген. Деймлинга) — левым берегом на Кольмар и южнее.

К утру 9 августа германские войска высаживаются на линии Гебвейлер—Нейенбург и вскоре после полудня начинают свое наступление. В это время французские войска располагались следующим образом: главная масса, 14-я дивизия с подошедшими только что головными частями 57-й рез. дивизии,—у Мюльгаузена (к востоку от города) и между этим городом и Сенгеймом; бригада 41-й дивизии—впереди Танна;

конница (корпусная и 8-я кав. дивизия) прикрывала правый фланг у Абсгейма и южнее. Немцы повели атаку частями XIV-го корпуса—на Мюльгаузен и в обход города с юга, а частями XV-го—на участке Зульц—Вительсгейм. Левый фланг французов, численно слабый и не наблюдаемый конницей, неожиданно атакованный превосходными силами противника (не менее дивизии), был частью обойден, частью прорван и еще засветло отброшен к Танну; в районе Мюльгаузена французы оборонялись более упорно, но здесь, как и на правом фланге у Абсгейма, они вынуждены были, с наступлением темноты, отойти к западу. К ночи французские войска временно задержались на линии Танн—Рейнинген—Альткирх, но с утра 10-го, под натиском противника, несмотря на энергичные требования Дюбайля и Жоффра прекратить отступление и восстановить утраченное положение, они продолжали свой отход к границе, увлекая за собой и те, встречавшиеся на пути, части 57-й рез. дивизии, которые еще не успели принять участия в бою. Германские войска, занявши Мюльгаузен, Танн и Альткирх, не преследовали противника.

Поражение французских войск в Верхнем Эльзасе произвело тяжелое впечатление во Франции; главное командование признало ген. Бонно виновным в нераспорядительности и недостатке энергии, почему он и был отрешен от командования корпусом и заменен ген. Вотье. В результате этого наступления, предпринятого с недостаточными силами, веденного на излишне широком фронте (28 килом.) и неискусно руководимого, Верхний Эльзас вновь был занят немцами, а две пех. и одна кав. дивизии были сильно ослаблены потерями и деморализованы этой первой, столь крупной и неожиданной неудачей. Главным виновником последней является, несомненно, главнокомандующий, задумавший это наступление, настаивавший на его выполнении, не давший для этой операции достаточных сил [1]) и нару-

[1]) Жоффр не разрешил Дюбайлю послать на подкрепление 7-му корпусу к Мюльгаузену 71-ю рез. дивизию из Эпиналя, хотя эта крепость с ее гарнизоном и была подчинена командующему 1-й армией.

шивший ею цельность своего оперативного плана. Все это представляется тем более странным, что сами французы еще до войны относились скептически к подобному вторжению в пределы Эльзаса: еще в 1911 году во французской военной литературе высказывалось мнение [1]), что Верхний Эльзас—глухой закоулок, неудобный для боевых действий, которые являются здесь бесцельными.

Это первое поражение, особенно в пределах той провинции, среди населения которой Франция так желала утвердить свой военный престиж, показалось французскому главному командованию настолько опасным для положения на эльзас-лотарингской границе, что решено было повторить это наступление, но уже с более крупными силами. Для этой цели в районе Бельфора был образован из войск 1-й армии особый отряд, вверенный командованию ген. По [2]) и выделенный из состава этой армии. Он состоял из 7-го корпуса, 44-й пех. (прибывшей с итальянской границы), 8-й кав. и трех. рез. дивизий (58-й, 63-й и 66-й), только что закончивших свою высадку у Бельфора и пяти альпийских батальонов ген. Батайля [3]).

2-е наступление французов в Верхний Эльзас (15—25 авг.).

Этому отряду была поставлена задача: нанести решительный удар противнику в Верхнем Эльзасе, не только с целью занятия Мюльгаузена и других пунктов, но и для того, чтобы приковать к этому району возможно бо́льшее количество неприятельских войск. Было решено вести наступление на более узком фронте, чем при первом вторжении, а именно между Танном и Дамеркирхом, в расчете, что, в случае движения противника южнее Альткирха, возможно будет угрожать его сообщениям с Рейном; обеспечением с севера служили небольшие отряды 1-й армии, занимавшие вогезские проходы от Балона до Шлюхта.

---

[1]) Полк. Груаром и ген. Метро.

[2]) Перед войной ген. По командовал 20-м корпусом в Нанси; при об'явлении войны состоял в резерве.

[3]) Во французских источниках этот отряд называется „эльзасской армией".

Наступление войск ген. По началось 15 августа: в центре, от Бельфора до Мюльгаузена шел 7-й корпус; правее, на Дамеркирх, 66-я рез. и 44-я дивизии; левее, на Сенгейм—58-я рез. и 63-я рез. дивизии; на Танн наступали альпийские батальоны ген. Батайля; 8-я кав. дивизия обеспечивала правый фланг. Так как корпуса VII-й герм. армии (XIV-й и XV-й) уже были к тому времени оттянуты к северу, в район их главных операций, то в Верхнем Эльзасе остались лишь слабые второочередные германские части, прибывшие наднях из-за Рейна. Вследствие этого, французы не встретили на своем пути значительного сопротивления: к 17 августа они легко заняли Танн, Сенгейм и Дамеркирх, а 19-го, после непродолжительного боя в юго-западных окрестностях Мюльгаузена, вновь заняли этот город; на правом берегу р. Иль 66-я рез. и 44-я дивизии овладели местностью до Абсгейма. В тот же день альпийские батальоны ген. Батайля, наступая от Танна между р. р. Тюр и Ляух, заняли Гебвейлер. Наконец, 20-го, конница заняла Альткирх. На этом и закончились успехи второго французского наступления; несмотря на то, что неприятельские войска отходили к Рейну и нигде в пределах Эльзаса не проявляли активности, дальнейшее движение французов, предполагавшееся на восток до Рейна и на север до Кольмара, было прекращено. Причинами этого послужили отчасти слухи об опасности, угрожающей правому флангу со стороны Истейна и Гюнингена [1]), но главным образом, общее неблагоприятное положение французских армий в Лотарингии и Бельгии, где к тому времени обнаружилось наступление крупных германских сил, уже достигших везде значительных успехов.

В своем сообщении от 25 августа французская главная квартира об'явила Эльзас второстепенным районом боевых действий и тотчас же приступила к переброске некоторых частей из отряда ген. По на другие участки фронта:

---

[1]) Еще в дни первого наступления французов ходили слухи (приходившие из Швейцарии) о перевозке австрийских войск в Верхний Эльзас.

7-й корпус—в район Амьена [1]) (в состав вновь формируемой соммской армии ген. Монури), 8-ю кав. дивизию—к Шалону, а 44-ю дивизию—к Эпиналю, на усиление левого фланга 1-й армии. 26 августа отряд ген. По был расформирован, с передачей оставшихся в нем частей в подчинение ген. Дюбайлю; эти последние, отойдя к границе, получили задачу прикрывать пути, ведущие из Верхнего Эльзаса к Бельфору и через вогезский хребет на участке от прохода Балона до прохода Шлюхта. После ухода французских войск немцы вновь заняли оставленную ими территорию. Теперь оборона Эльзаса была вверена особой группе германских войск ген. Фалькенгаузена, составленной из эрзац-резервных и ландверных частей; в Нижнем Эльзасе этими войсками командовал ген. Тетенборн, а в Верхнем—ген. Гедэ.

Так неудачно закончились обе попытки французов утвердиться в Эльзасе; ни одна из поставленных себе в этом случае целей ими достигнута не была: ни возбуждение населения в пользу Франции, внесением в пределы Эльзаса трехцветного знамени республики, ни привлечение на себя неприятельских сил для ослабления их натиска на прочих участках фронта. Оба наступления оказались бесцельными в стратегическом отношении и не отвлекли с севера никаких германских войск на сколько-нибудь продолжительное время; между тем, они расстроили и физически, и морально крупные французские силы, которые могли быть использованы целесообразно в других, более важных районах театра военных действий.

2. Сражение в Вогезах.

Боевые действия на путях к Кольмару и в долину реки Брейши. (7—23 авг.).

При рассмотрении французского плана № 17 и перегруппировки французских армий в период их стратегического развертывания мы видели, что главной задачей, указанной главнокомандующим для 1-й армии, было наступление между Саарбургом и р. Брейшей, которое должно было начаться 14 августа. Естественно, что это наступление сле-

[1]) В составе этого корпуса 41-я дивизия, оставленная в Верхнем Эльзасе, была заменена 63-й рез. дивизией.

довало обеспечить со стороны вогезских проходов, тем более, что первоначальное распоряжение, данное войскам прикрытия, оставаться в 10 килом. от границы, отдало большинство перевалов в хребте в руки передовых войск противника. Необходимо было овладеть этими перевалами и закрыть неприятелю доступ в долину верхнего Мозеля и его правых притоков. Эта задача выпадала на долю 14-го и 21-го корпусов, из коих последний прикрывал в этом районе сосредоточение армии, а отчасти и на левофланговые войска 7-го корпуса (между проходами Балоном и Шлюхтом). Более благоприятный для французов характер местности в южной части хребта позволил частям 41-й дивизии (7-го корпуса) легко овладеть здесь перевалами, но за то к северу от Шлюхта 14-й и 21-й корпуса встретили немало затруднений пока утвердились в назначенных им горных проходах. Это обстоятельство, между прочим, не дало возможности ген. Дюбайлю использовать для главного наступления в районе Саарбурга весь 21-й корпус, лишь часть которого приняла участие в этом наступлении.

К 7 августа, т.-е. к началу наступления французских войск в Верхний Эльзас, войска 21-го корпуса были расположены следующим образом: 43-я дивизия находилась в верхнем течении р. Мерты, на линии Фрэз—Прованшер, а 13-я—далее к северу, от Сенона до Бадонвилера; левый фланг корпуса прикрывался 6-й кав. дивизией в районе Бадонвилер—Бламон. В течение 7-го и 8 августа 21-й корпус с боя овладел перевалами Бонном и Сент-Мари, при этом на последнем встретил сильное сопротивление противника, занимавшего эти перевалы частями XV-го корпуса. С 9 августа войска 21-го корпуса постепенно сменяются здесь войсками 14-го корпуса, начинающими прибывать сюда из Корсье. В тот же день 6-я кав. дивизия ведет бой с германской пехотой (I-го баварского корпуса) у Ожевилера. На следующий день, 10-го, 14-й корпус собирается в Корсье (27-я дивизия) и к северу от него (28-я дивизия). По окончании развертывания этой центральной группы своих корпусов, ген. Дюбайль дает ей следующую задачу: 21-му корпусу овладеть перевалами на участке хребта от Прованшера до

Донона и наступать в долину р. Брейши; 14-му продвигаться к востоку между Прованшером и Фрэзом, своим правым флангом на Кайзерберг. Для поддержки этих двух корпусов, 71-я рез. дивизия выдвинута из Эпиналя к Брюеру.

Выполняя вышеуказанную задачу, 21-й корпус в течение 11-го и 12 августа утвердился на перевале Зааль, сбросивши с него ландверные части противника, и проник к верховью р. Брейши; в то же время 14-й корпус безуспешно пытался продвинуться за перевалы Сент-Мари и Бонном. На левом фланге 21-го корпуса, у Бадонвилера, 25-я бригада была сильно атакована баварцами и потеснена к р. Мерте. Но при содействии частей 8-го корпуса, удалось отбросить противника к Бламону, нанеся ему значительные потери.

14 августа, в тот день, когда левофланговая групп корпусов 1-й франц. армии начала свое наступление к Саарбургу, 21-й корпус занял проход Донон без большого сопротивления со стороны противника и частью своих сил вышел в долину р. Брейши у Сен-Блеза, овладеть которым ему удалось лишь после упорного боя с частями 39-й герм. дивизии (XV-го корпуса); в тот же день 14-й корпус продвинулся своим левым флангом от Прованшера к Вейлеру и Шлетштадту. В течение 15—17 августа постепенно принимались меры к продвижению левого фланга 14-го корпуса далее к северу, с целью сменить войска 21-го корпуса в долине р. Брейши, чтобы дать возможность этому корпусу принять участие в наступлении к Саарбургу. Это казалось тем более возможным, что одна резервная бригада, расположенная на перевале Шлюхт, была передана 17 августа из отряда ген. По в распоряжение 14-го корпуса; вместе с тем, дабы не ослаблять участка центральных Вогезов, 71-я рез. дивизия была передвинута 16 августа из Брюера в Корсье. С 19 августа альпийские батальоны 14-го корпуса повели наступление от перевала Боннома на Кайзерберг к Кольмару, тесня перед собой 1-ю бав. ландв. бригаду и 22-го были уже в 4 килом. от этого города.

Между тем, 18-го, в долине Брейши и южнее обнаружилось сильное наступление противника: XIV-го рез. корпуса и второочередных германских частей (баварской эрзац-рез.,

19-й эрзац-рез. и 30-й рез. дивизий) [1]. 13-я франц. дивизия (21-го корпуса), временно включенная в состав 14-го корпуса, была выбита из Ширмека и отошла к Донону, который ей приказано удерживать; 55-я бригада (14-го корпуса) понесла поражение в бою у Вейлера. Эти неудачи задержали продвижение левого фланга 14-го корпуса в долину р. Брейши, на смену частей 21-го, одна дивизия которого осталась прикованной у Донона; лишь другая дивизия этого корпуса (43-я) направлена на Вальшейд для участия в наступлении к Саарбургу. Дюбайль приказывает 71-й рез. дивизии сменить войска 14-го корпуса на перевалах Сент-Мари и Бонном, а корпусу вновь овладеть Ширмеком. В течение 20-го и 21 августа, на участке Вогезов от Донона до Боннома, шли упорные бои вышеупомянутых германских войск с частями 14-го и 21-го франц. корпусов: обе дивизии XIV-го герм. рез. корпуса безуспешно атаковали из долины р. Брейши горный массив Донона, а 30-я рез., 19-я и бав. эрзац-рез. дивизии с трудом продвигались на С. Блез, Зааль и к Маркирху. 22 августа в Брюере высаживается одна бригада, а в С. Дие — другая 44 й франц. дивизии, только что прибывшей из Верхнего Эльзаса с задачей поддерживать, смотря по обстоятельствам, или левую группу корпусов в направлении на Бакара, или 14-й корпус на вогезских перевалах. В этот день 71-я дивизия сбита противником с перевала Сент-Мари, 14-й корпус терпит неудачу при атаке Ширмека, а 13-я дивизия отброшена с Донона войсками XIV-го герм. рез. корпуса. Тем не менее, немцам не удается в этот день выйти из гор в долину р. Мерты, а следовательно и не удается осуществить удар во фланг левофланговой группе корпусов 1-й франц. армии, отходившей за эту реку.

Неблагоприятная обстановка, уже сложившаяся к тому времени для французов в Лотарингии, в результате их неудачных боевых действий на р.р. Сааре и Сейле, привела командующего 1-й армией к решению прекратить 23 августа

---

[1] Баварская эрзац-рез. и 30-я рез. дивизии составляли сводный корпус ген. Эбергарда (в составе VII-й герм. армии).

наступление в Вогезах: войскам, занимавшим перевалы от Донона до Зааля, приказано отойти на западную сторону хребта (13-й дивизии—в Сэль, в состав своего корпуса), а наступавшим к Кольмару—вернуться к перевалу Бонному. Это облегчило продвижение германских войск, наступавших долиной реки Брейши и южнее; к вечеру 23-го XIV-й рез. корпус достиг северных и восточных окрестностей Сенона, а приданные ему дивизии овладели выходами из гор между перевалами С. Блез и Сент-Мари. С этого дня боевые действия этих войск ведутся уже в тесной связи с наступлением главных сил VII-й армии к р. Мерте.

Боевые действия в вогезских горах притянули к этому району весьма крупные силы 1-й франц. армии, несоразмерные с той скромной задачей, которая им была указана (обеспечивать со стороны Эльзаса наступление левофланговой группы корпусов этой армии). Действительную ценность этих вспомогательных действий мы уясним себе лишь после того, когда рассмотрим выполнение 1-й армией ее главной операции—наступления к Саарбургу, в связи с наступлением 2-й армии из района Нанси.

3. Лотарингская операция.

Наступление левого фланга 1-й французской армии к р. Саару (14—20 авг.).

Наступление 1-й армии к р. Саару, вместе с боевыми действиями 2-й севернее р. Сейль, составляет так называемую лотарингскую операцию, в которой с германской стороны приняли участие VI-я и частью VII-я армии; из частей 1-й франц. армии в этом наступлении участвовали: 8-й, 13-й и частью 21-й корпуса (насколько последний мог быть освобожден от действий в вогезских проходах).

Между 10 и 13 августа 8-й и 10-й франц. корпуса совершали передвижения от пунктов высадки к р. Мерте, причем 11-го части 8-го корпуса, находившегося значительно впереди 13-го, приняли участие в боевом столкновении у Бадонвилера между 25-й бригадой (21-го корпуса), выполнявшей здесь роль прикрытия, и войсками I-го бав.

корпуса (с 7-й кав. дивизией), занявшего своими передовыми частями французскую территорию по обе стороны р. Везуса. К вечеру 13 августа оба корпуса сосредоточились на левом берегу Мерты: 8-й—между Фрембуа и Глонвилем, а 13-й—между Бакара и Раон л'Этапом. 6-я кав. дивизия, с прибытием 13-го корпуса, выдвинулась к р. Везусу, в район Ожевилера.

В директиве французской главной квартиры, данной армиям в этот день вечером, задача 1-й и 2-й армий определена следующим образом: „Противник должен быть атакован там, где он будет встречен. Его необходимо преследовать до линии Саарбург—Газельбург—Оберштейген 1-й армией, которая устроится на этой линии и закрепится у Донона с целью господствовать над долиной р. Брейши. После того, как противник начнет отходить, 2-я армия обратится на север для атаки на фронте Диец—Шато-Сален, поддерживая связь с 1-й армией".

Из этой директивы видно, во-первых, что наступление левого фланга 1-й армии не предполагалось вести дальше заранее намеченной линии, отстоявшей всего лишь на один переход от границы, и во-вторых, что 2-я армия должна была в самый разгар операции переменить направление своего движения с северо-восточного на северное, разойдясь с 1-й армией в разные стороны. Такого рода указания, устанавливавшие наступление обеих армий в расходящихся направлениях, конечно, не могли способствовать согласованности их действий [1]).

Задачи, данные двум герм. армиям, заключались в следующем: в случае наступления крупных сил противника в Лотарингию, VI-я армия должна была отходить за р. Саар, с целью привлечь на себя возможно больше неприятельских войск, а VII-я — не допустить противника прорваться через Вогезы в южную Германию; затем, когда французы будут завлечены вглубь германской территории,

---

[1]) В действительности, как увидим из дальнейшего, этот маневр французских армий не осуществился, вследствие перехода немцев в общее наступление.

обеим армиям, в удобный момент, перейти в наступление с охватом обоих неприятельских флангов. Предусматривалась возможность, в случае если противник замедлит своим наступлением или выделит часть своих сил к северу, атаковать его на фронте Нанси — Эпиналь [1]). Таким образом, боевые действия южной группы германских армий ставились в непосредственную зависимость от действий французов, сведения о которых далеко не были достаточны для того, чтобы своевременно принимать необходимые решения. Отсюда и вытекали те колебания в оперативной деятельности германского командования на этом участке фронта, которые мы будем наблюдать в период с 14-го по 19 августа.

Между тем, с утра 14 августа 8-й и 13-й франц. корпуса переправились через р. Мерту и начали наступать к северо-востоку: 8-й корпус был направлен своим правым флангом на Бламон, 13-й—на Бадонвилер и Сирэ. В тот же день, по распоряжению главного командования, из двух кав. дивизий 2-й армии (2-й и 10-й) и 6-й дивизии 1-й армии сформирован конный корпус ген. Конно, предназначенный для действий на внутренних флангах армий [2]). До реки Везуса французские корпуса не встречали сопротивления своему наступлению, но на следующий день, 15-го, оба уже вели горячие бои с неприятельскими войсками, принадлежавшими к составу I-го баварского корпуса и 7-й кав. дивизии. Правофланговый корпус 2-й армии (16-й) находился еще значительно позади и не мог, в случае необходимости, оказать 8-му корпусу и кавалерии поддержку; к тому же, в этот день 15-й корпус был задержан противником, что затрудняло продвижение и 16-го.

Под натиском французских войск баварцы начали отступление за р. Везус, а конница — к Лагарду. Одновременно

---

[1]) Немцам в то время еще не было известно, что уже с начала 1914 года французы приступили к постройке долговременных укреплений в Нанси.

[2]) До тех пор эти кав. дивизии несли службу прикрытия: 2-я— в районе Лагарда, 6-я — южнее р. Везуса, а 10-я — между Саноном и Везусом.

с этим, XIV-й герм. рез. корпус совершал передвижение от Шлетштадта к Мольсгейму, а XIV-й и XV-й корпуса возвращались к северу после боев у Мюльгаузена.

8-й и 13-й франц. корпуса продолжали 16 августа свое наступление к границе и к вечеру этого дня, с небольшими боями, достигли: 8-й — линии Атиньи — Сен-Жорж, а 13-й — Сен-Кирин — Нидергоф. Для связи между внутренними флангами армий, от 16-го корпуса был назначен пехотный полк, следовавший от Аврикура на Гондрексанж. В этот день I-й бав. корпус, с 7-й кав. дивизией, отошел к Саарбургу, где и расположился на высотах к югу от города. 17-го 8-й и 13-й корпуса без боя достигают р. Саара на линии Сен-Жорж — Ла-Невевиль — Воспервилер, а на следующий день с утра занимают окрестности Саарбурга: 8-й — у Керприша на левом берегу реки, а 13-й — у Шнекенбуша на правом; конный корпус ген. Конно располагается у Дольвинга к северу от города. Баварцы, отходя под натиском превосходных сил противника, сначала задерживаются в Саарбурге, но около полудня оставляют город и занимают, с целью обороны, заблаговременно укрепленные высоты к востоку и северо-востоку от него. В 1 час дня полк 8-го корпуса вступил в покинутый баварцами город. Одновременно с этими действиями левофланговых корпусов на обоих берегах р. Саара, 43-я дивизия (21-го корпуса), усиленная колониальной бригадой, только что подошедшей из Рамбервилера [1]), выдвинулась в направлении на Вальшейд.

Повидимому, в саарском районе обстановка складывалась благоприятно для решительных действий французов: обладая несомненным численным превосходством над противником у Саарбурга, где позиции баварцев охватывались ими с обоих флангов (от Дольвинга и Шнекенбуша), и прикрытые справа расположением войск 21-го корпуса, они имели возможность, энергично и быстро продолжая наступление

---

[1]) По одной колониальной бригаде входило в состав 1-й, 2-й, 3-й и 4-й франц. армий.

на правом берегу Саара, нанести I-му бав. корпусу поражение; тем более, что французские корпуса (включая в это число и конный) не могли быть утомлены исполненными передвижениями: с р. Мерты до Саарбурга ими пройдено в течение пяти суток всего лишь 40 килом. с весьма незначительными боевыми столкновениями. В этом случае, как и во многих других в эту войну, в тот момент, когда нужно было принимать решение атаковать противника, который стоял на виду и в условиях благоприятных для этой атаки, французское командование оказывается озабоченным выяснением обстановки на других направлениях и начинает колебаться; вместо того, чтобы, проявивши активность, видоизменять обстановку в свою пользу, оно ждет каких-то сведений, теряет время и подчиняет свою волю воле противника, предоставляя ему инициативу действий. Так именно поступил 18 августа ген. Дюбайль в решающий момент саарбургского сражения. В течение этого дня он получил сведения о появлении крупных неприятельских сил в районе Фальсбург — Арцшвилер — Оберштейген; это были войска VII-й герм. армии (XIV-й и XV-й корпуса и гвард. эрзац-рез. дивизия), наступавшие от Страсбурга. Движение противника в этом направлении представляло, конечно, некоторую опасность для положения французов на р. Сааре, но если принять во внимание, что войска 21-го корпуса могли угрожать этому движению с фланга, а, при численном превосходстве французов у Саарбурга, часть 13-го корпуса могла быть использована для задержки этого наступления с фронта, то возможно придти к заключению, что энергичная, решительная атака у Саарбурга 8-го и конного корпусов всеми своими силами, а 13-го корпуса хотя-бы частью сил, имела шансы на успех не только 18-го, но и 19 августа. Между тем, ген. Дюбайль, весь охваченный тревогой за безопасность своего правого фланга и озабоченный мыслью о необходимости отбить удар, который мог быть нанесен ему с этой стороны, заботливо приберегает главную массу своих войск в саарском районе для этого контр-удара; атака же у Саарбурга поручается

только одной дивизии 8-го корпуса, при содействии конницы. При этом, атакующим войскам дается весьма неопределенная задача: вместо того, чтобы разбить противника, — только приковать его к месту, вероятно для того, чтобы воспрепятствовать ему принять участие в боевом столкновении, которое может произойти с неприятельскими войсками, наступавшими с востока. Вообще, французский полководец добровольно отказывается от боя, обещающего ему успех своими вполне реальными возможностями, в пользу другого боевого столкновения, хотя и возможного, но совершенно гадательного.

Саарбургское сражение. (19—20 авг.)

Неблагоприятные последствия такого решения не замедлили обнаружиться на следующий же день. Утром 19 августа положение сторон на р. Сааре было следующее: 16-я дивизия (8-го корпуса) наступала от Керприша в северо-восточном направлении для атаки высот, занятых немцами на правом берегу к северу от Саарбурга; левее этой дивизии, у Госельмингена и Дольвинга, находилась 2-я дивизия кав. корпуса Конно, получившего задачу выйти в тыл противнику в направлении на Саарюнион; 6-я и 10-я дивизии этого корпуса располагались между Дольвингом и Керпришем [1]). 15-я дивизия (8-го корпуса) находилась в резерве в южных окрестностях Саарбурга; весь 13-й корпус, оставаясь в районе Шнекенбуша, не имел никакого боевого назначения и выжидал выяснения обстановки с северо-востока; наконец, войска 21-го корпуса (43-я дивизия с колониальной бригадой), выдвинувши авангард к Вальшейду, закреплялись в своем расположении, с целью прикрыть оба левофланговые корпуса с востока. Следовательно, из $5^1/_2$ дивизий в этот день только одна дивизия должна была участвовать в боевых действиях.

Баварцы, не дожидаясь французской атаки на правом берегу реки, перешли на левый берег и заняли здесь ле-

---

[1]) С этого дня конница Конно подчинена командующему 1-й франц. армией.

систые высоты между Дольвингом и Саарбургом, где встретили противника контр-атаками, остановившими наступление 16-й дивизии; это же обстоятельство не позволило французской коннице выйти на правый берег Саара. Эта неудача побуждает ген. Дюбайля, хотя и с большим запозданием, внести некоторую поправку в план своих действий: он приказывает 15-й дивизии принять участие в наступлении к северу от Саарбурга и в ночь на 20-е овладеть переправами у Госельмингена, для того чтобы открыть коннице ген. Конно путь на правый берег и далее в тыл противнику. Но ночная атака 15-й дивизии окончилась неудачно; неприятельские же войска в течение ночи закрепились на левом берегу в районе Дольвинга. С утра 20 августа обе дивизии 8-го корпуса возобновили атаку: 15-я дивизия местами выбила противника из леса, а также овладела Госельмингеном, но не могла удержаться здесь вследствие сильного артиллерийского огня, сосредоточенного немцами по этой деревне; 16-я же несколько продвинулась к северо-востоку от Саарбурга, что, впрочем, являлось бесцельным в виду невозможности для 15-й дивизии выйти за р. Саар. Конный корпус ген. Конно, независимо от неудачной попытки пехоты овладеть переправами, вообще не мог выполнить возложенной на него задачи, вследствие утомления лошадей и отсутствия фуража, почему в этот же день был отведен к югу за рейно-марнский канал [1]).

Продвижение 16-й дивизии северо-восточнее Саарбурга вызвало сильную контр-атаку со стороны левофланговых войск I-го бав. корпуса, что вынудило ген. Дюбайля направить 25-ю дивизию (13-го корпуса) от Шнекенбуша на Саарбург для атаки этих неприятельских частей во фланг. Таким образом, командующий 1-й франц. армией постепенно втягивал в бой у Саарбурга новые войска, вводя их в дело по частям и как бы желая исправить недостатки своих первоначальных распоряжений.

---

[1]) Этот канал находится в 4 килом. южнее Саарбурга.

Общее наступление германских войск в Саарском районе. (20—21 авг.).

Но момент для этого был упущен, уже было слишком поздно исправлять сделанные ошибки и переделывать план сражения, развивавшегося не только независимо от желаний французского командования, но и вопреки этим желаниям, с передачей инициативы в руки противника. В этот день около полудня началась сильная атака 2-й бав. дивизии (I-го бав. корпуса) со стороны Дольвинга на 15-ю франц. дивизию, что явилось первым признаком общего наступления VII-й герм. армии. Эта армия, в состав которой с 19 августа был включен I-й бав. корпус, имела задачей наступление на участок Саарбург — Донон, с целью отбросить левофланговую группу 1-й франц. армии. Корпуса наступали в таком порядке, считая с правого фланга: I-й бав., XIV-й, XV-й и XIV-й рез. (усиленный тремя рез. дивизиями), имея за правым флангом армии, в качестве армейского резерва, гвард. эрзац-рез. дивизию.

Почти одновременно с 15-й франц. дивизией были атакованы: 16-я дивизия к востоку от Саарбурга, левый фланг 13-го корпуса к северу от Шнекенбуша и части 21-го корпуса у Вальшейда; 16-я дивизия пыталась удержать в своих руках Саарбург, но, под натиском частей 1-й бав. дивизии, была вынуждена покинуть город и отойти к Керпришу, куда вскоре отошла и 15-я дивизия, левому флангу которой угрожала 1-я бав. рез. дивизия (I-го бав. рез. корпуса) со стороны Госельмингена. Правофланговая дивизия 13-го корпуса (26-я) направилась для поддержки 21-го корпуса и, атакованная войсками XIV-го герм. корпуса в окрестностях Шнекенбуша, оказала здесь упорное сопротивление противнику; к вечеру к ней подошла 25-я дивизия, неудачно наступавшая к Саарбургу. Что же касается частей 21-го корпуса, то они успешно задерживали в районе Вальшейда наступление обеих дивизий XV-го герм. корпуса, продвинувшихся лишь на незначительное расстояние.

В 3 часа дня ген. Дюбайль получил сведение, что правофланговый (16-й) корпус 2-й армии атакован превосходными силами противника и уже отошел к Мезиеру, обнажив левый фланг 8-го корпуса. Не теряя еще надежды

удержаться на р. Сааре, Дюбайль приказывает 8-му корпусу упорно обороняться у Керприша, 13-му—закрепиться на своих позициях у Шнекенбуша, а 21-му, сохраняя связь с 13-м, прикрывать своим правым флангом пути, ведущие к Донону. В это время, по распоряжению французского главного командования, конный корпус ген. Конно в составе двух дивизий (2-й и 10-й) передается во 2-ю армию, а одна (6-я) дивизия оставляется у ген. Дюбайля. Вечером командир 8-го корпуса донес командующему армией, что, вследствие сильного натиска противника, его войска не в состоянии удерживать своего положения у Керприша и вынуждены отходить за рейно-марнский канал. Это донесение послужило как-бы сигналом для общего отступления 1-й франц. армии.

Отступление 1-й франц. армии к р. р. Мерте и Мортани. (21—23 авг.)

К ночи на 21 августа выяснилось, что правый фланг 2-й армии, не задерживаясь у Мезиера, отходит к юго-западу, не только обнажая левый фланг 1-й армии, но и создавая опасный разрыв между этими флангами. Это побудило французскую главную квартиру сообщить ген. Дюбайлю о желательности не упорствовать в обороне левофланговыми корпусами позиций, занятых ими к югу от Саарбурга, а начать отступление, отправивши немедленно же свои обозы и парки за р. Мерту. В соответствии с этим, на рассвете 21-го были отданы приказания об отходе корпусов к р. Везусу, левым флангом армии к форту Манонвилеру, а центром — на участок Бламон — Сирэ; 6-я кав. дивизия должна была прикрывать левый фланг армии в районе Аврикура. Между тем, еще ночью, под сильным натиском I-го бав. корпуса, 8-й франц. корпус отошел к Сен-Жоржу; баварцы достигли окрестностей Гондрексанжа. Вслед за этим, остальные войска ген. Дюбайля в течение дня, под прикрытием сильных арьергардов, отходили на указанную им линию. XIV-й герм. корпус занял Шнекенбуш, а XV-й продвинулся за Вальшейд к Альбершвейлеру. К вечеру фронт 1-й армии проходил следующим образом: 8-й корпус—на линии Рейон—Бламон, имея за собой

у Ожевилера 6-ю кав. дивизию; 13-й корпус — между Бламоном и Сирэ; 21-й корпус — далее к юго-востоку, до реки Плена, с 13-й дивизией в верховьи этой реки; наконец, 14-й корпус, попрежнему, вдоль Вогезов на С. Блез, Сент-Мари и Бонном, где входил в связь с левым флангом верхне-эльзаского отряда ген. По. Корпуса, особенно оба левофланговые, были сильно изнурены беспрерывными передвижениями и боями последних дней и значительно ослаблены в своем численном составе; так напр., 8-й корпус понес до 50% потерь. Это обстоятельство не давало возможности задерживаться на р. Везусе и само собой предопределяло дальнейший отход, тем более, что 2-я франц. армия не выказывала устойчивости в своем отступательном движении к Нанси, а VII-я германская продолжала теснить левый фланг и центр ген. Дюбайля.

С утра 22 августа 8-й корпус вновь был атакован баварцами и отошел за р. Везус, на линию Монсель—Монтиньи; I-й бав. корпус достиг окрестностей Бламона. Соответственно этому, и 13-й франц. корпус несколько отодвинулся за реку под натиском XIV-го германск. корпуса, занявшего Сирэ; XV-й герм. корпус продвинулся без боев до Сен-Кирина. Остальные войска 1-й армии в этот день сохранили свое расположение. После полудня ген. Дюбайль получил следующую директиву французской главной квартиры: „2 я армия отходит к Нанси, 1-я армия должна удержать в своих руках позиции, занимаемые ею в Вогезах и занять такое положение, которое давало бы ей возможность наступать во фланг противнику, атакующему 2-ю армию". В виду этого, Дюбайль принял решение: удерживаясь в Вогезах, на следующий день расположить свой центр по обе стороны р. Мерты (у Бакара), а свой левый фланг отвести за р. Мортань. Необходимые для этого передвижения были выполнены войсками в течение 23 августа и к вечеру этого дня 8-й корпус занял район Дама-о-Буа—Аленвиль до р. Мортани, 13-й—расположился к северу от Рамбервилера между Мортанью и Мертой (имея часть своих сил у Бакара), а 21-й—от Бакара до р. Плена; 6-я кав. дивизия находилась впереди Дама-о-Буа.

44-я дивизия, располагаясь по-бригадно у Брюера и С. Дие, составляла армейский резерв.

Следовательно, 1-я франц. армия, при своем отступлении, удерживаясь своим правым флангом в Вогезах, сильно откинула свой левый фланг к юго-западу, что вызвано энергичным натиском противника в этом направлении; если же принять во внимание, что правый фланг 2-й армии по такой же причине оказался отброшенным в район Байон—Шарм, то окажется, что внутренние фланги обеих армий составляли на левом берегу Мортани входящий угол.

Вслед за французами медленно продвигались 23 августа корпуса VII-й герм. армии: I-й бав.—в северо-западные окрестности Бакара, XIV-й—к Бакара и восточнее и XV-й (с гвард. эрзац.-рез. дивизией)—к Раон л'Этапу; I-й бав. рез. корпус охранял, в окрестностях Аврикура, правый фланг армии. К вечеру корпуса не достигли назначенных им целей и заночевали, не доходя до р. Мерты. Собственно, в этот день общее отступление 1-й франц. армии закончилось, и хотя в последующие дни отход на некоторых участках (особенно на правом фланге) еще продолжался, но дальнейшие боевые действия на фронте этой армии имели уже целью закрепить за войсками занятое ими расположение, для чего неоднократно предпринимались частичные наступления с переменным успехом. Эти местные наступления привели в течение ближайших дней к ряду боев на Мортани и Мерте.

Бои на реках Мортани и Мерте. (24—27 авг.).

В течение 24 августа VII-я герм. армия, продолжая выполнение своей задачи, достигла главными силами р. Мерты при слабом сопротивлении противника: I-й бав. корпус—в районе Глонвиль—Бакара, XIV-й—между Бакара и Раон л'Этапом и XV-й (с гвард. эрзац.-рез. дивизией)—у Раон л'Этапа; XIV-й рез. корпус, встретивший упорное сопротивление 14-го франц. корпуса, продвинулся лишь до Сэля, а приданные ему дивизии все еще не могли выйти из гор в долину р. Мерты. На следующий день VII-я армия должна была продолжать свое наступление к юго-западу, совместно с VI-й.

С вечера 24 августа, с целью облегчить положение правого фланга 2-й франц. армии, сильно атакованного войсками II-го бав. и XXI-го герм. корпусов, левый фланг и центр ген. Дюбайля перешли в наступление: 8-й корпус с 6-й кав. дивизией и 13-й корпус—к северу, по обе стороны Мортани, а 21-й корпус—на Бакара, вдоль Мерты. Это наступление, развивавшееся очень медленно, продолжалось и весь следующий день на участке двух левофланговых корпусов; I-й бав. корпус, продвигавшийся от Бакара к Рамбервилеру, был задержан этим наступлением французских войск у Мениля. Но 21-й корпус, энергично атакованный XIV-м и XV-м герм. корпусами, потерпел неудачу, в результате чего немцы заняли Бакара и Раон л'Этап и продвинулись до Сен-Бенуа. Для поддержки левого фланга этого корпуса была направлена 44-я дивизия. К вечеру 25 августа левый фланг 1-й армии (8-й и 13-й корпуса) несколько продвинулся на линию Клезантен—Ксафевилер, центр (21-й корпус)—оттеснен за Раон л'Этап, а правый фланг (14-й корпус), хотя еще и держался частью своих сил на вогезских перевалах, но уже постепенно вытеснялся с этих перевалов XIV-м рез. корпусом противника, достигшим в этот день линии Сенон—Прованшер—перев. Сент-Мари.

В течение 26 августа VII-я герм. армия, вследствие оказанного французами сопротивления, не могла продолжать своего наступления, и один лишь XIV-й рез. корпус, с приданными ему дивизиями, немного продвинулся к С. Дие. В результате боевых столкновений этого дня, фронт 1-й франц. армии установился от Розельера на Клезантен, Сен-Бенуа, Этиваль и далее по правому берегу Мерты до Сольси. На следующий день, 27-го, в этом расположении произошло крупное изменение лишь на правом фланге армии, где 14-й корпус, под натиском XIV-го рез. корпуса противника, потерял С. Дие и отошел за Мерту, на участок между Этивалем и Фрэзом.

Этим эпизодом я заканчиваю описание боевых действий 1-й франц. армии и сражавшихся против нее германских войск в большом сражении в Лотарингии, потому что последующие бои в этом районе имеют уже местный характер.

не вносят никаких существенных изменений в стратегическое положение сторон и, рассматриваемые в своей совокупности, относятся уже к другому периоду изучаемой нами кампании, отличающемуся от периода, только что описанного, новыми условиями обстановки. Поэтому, краткое изложение дальнейших событий на этом участке французского фронта будет дано мною в последующих главах.

Как видно из вышеизложенного, наступление 1-й франц. армии, и в Эльзас, и в Лотарингию, окончилось неудачей. Что же происходило в это время в соседней, 2-й армии, предпринявшей почти одновременно с 1-й вторжение в неприятельские пределы?

Наступление 2-й французской армии от Нанси за реку Сейль. (14—20 авг.).

2-я франц. армия ген. Кастельно имела двойственную задачу: во-первых, решительно наступать в Лотарингию, с целью привлечь на себя возможно большие силы противника, и во-вторых, обеспечить Нанси от каких-либо покушений неприятеля со стороны Меца. Такой характер указанной этой армии задачи, естественно, должен был неблагоприятно отразиться как на ее наступательных, так и на оборонительных действиях, потому что одновременное выполнение тех и других являлось весьма затруднительным; и во всяком случае необходимость заботиться о безопасности Нанси должна была сильно стеснять оперативную свободу армии при ее наступлении. Если этому городу угрожала какая-нибудь опасность со стороны Меца, то следовало образовать здесь особую группу войск с оборонительной задачей, выполнение которой могло быть поставлено в связь с обороной укрепленного района крепости Туля.

С первых же дней августа, по обе стороны р. Сейль уже находились передовые войска, французские и германские, прикрывавшие сосредоточение главных сил 2-й франц. и VI-й герм. армий. С французской стороны здесь находился 20-й корпус со 2-й кав. дивизией, с немецкой—XXI-й корпус с баварской кав. дивизией. С 4 августа, когда французским войскам прикрытия было приказано придвинуться

к границе, начались боевые столкновения между передовыми частями обеих сторон. Более крупное из них произошло 11 августа у Лагарда, куда накануне было выдвинуто несколько батальонов только-что прибывшего в свой район сосредоточения 15 го корпуса; эти батальоны вступили в бой с сильными передовыми частями XXI-го герм. корпуса (с баварской конницей) и были отброшены к югу.

Постепенно с обеих сторон прибывали корпуса, занимавшие предназначенные им места вдоль границы. С германской стороны: III-й бавар. корпус—в районе Курцеля, II-й бав.—у Фалькенбурга и Моршингена, I-й бав. рез.—у Саарюниона и I-й бав.—к северу от Саарбурга; главные силы XXI-го корпуса группировались у Диеца. Германская конница частью собиралась на правом фланге армии (8-я дивизия) [1]), частью находилась в составе войск прикрытия (баварская и 7-я дивизии). По мере того, как стратегическая разведка и боевые столкновения передовых войск выясняли присутствие крупных неприятельских сил перед фронтом VI-й армии, в штабе кронпринца баварского назревало решение готовиться к отступлению, не ввязываясь пока в большое сражение с противником; такое намерение находилось к тому же в полном согласии с предположениями главного командования. В виду этого, уже 14 августа, с окончанием сосредоточения всех корпусов, войска были предупреждены об этом. К этому дню корпуса и дивизии заняли следующее расположение: III-й бав. с 8-й кав. дивизией—в окрестностях Люпи, II-й бав.—в районе Дельм—Шато-Сален, XXI-й—в районе Марсаль—Лагард, I-й бав. и 7-я кав. дивизии—между Лагардом и Бламоном, I-й бав.—в районе Бламон—Сирэ и I-й бав. рез.—у Саарюниона.

К вечеру 13 августа 2-я франц. армия окончила свое сосредоточение и располагалась следующим образом: 16-й корпус—у Люневиля, на правом фланге армии; 15-й—между Арокуром и Сэром; 20-й—собрал свои передовые части у Монселя (на р. Сейле), а главные силы имел между Амансом

[1]) 8-я дивизия через несколько дней была отправлена на восточный фронт.

и Нанси; 9-й—к северо-западу от Нанси; 18-й—к юго-западу от Понт-а-Мусона; 59-я и 68-я рез. дивизии—у Вандевра, а 70-я выдвинута к Амансу. Конница (2-я и 10-я дивизии) находилась впереди правого фланга армии, на р. Саноне. В этот день 18-й корпус получил приказание приготовиться к посадке для отправления на север, в состав 5-й армии, а обе кав. дивизии, сведенные с 6-й дивизией 1-й армии в конный корпус ген. Конно, должны были на следующий день, перейдя в подчинение ген. Дюбайлю, действовать в промежутке между армиями. Следовательно, к 14 августа, первому дню общего наступления, состав 2-й армии уменьшился до 4-х корпусов и 3-х рез. дивизий.

Во исполнение директивы французской главной квартиры от 13 августа[1]), ген. Кастельно приказал главным силам своей армии (16-му и 15-му корпусам и бо́льшей части 20-го корпуса) начать на следующий день продвижение в общем направлении на Аврикур; остальным частям 20-го корпуса и 18-й дивизии (9-го корпуса) было назначено, наступлением от Нанси, прикрывать левый фланг армии, а 17-й и резервным дивизиям—обеспечивать район Нанси от возможных покушений противника со стороны Меца. Итак, мы видим, как неблагоприятно отразился на организации наступления двойственный характер задачи, указанной 2-й армии: ответственность, возложенная на эту армию, по отражению воображаемого удара со стороны Меца, расколола ее на две почти равные части, сильно ослабив ее наступательную силу; в наступлении на главном операционном направлениии должны были принять участие неполных три корпуса и почти столько же войск было назначено для обеспечения этой операции, частью движением на левом фланге армии, а частью расположением на месте, в окрестностях Нанси. Это, естественно, приводило к тому, что, обладая в общем численным превосходством над противником[2]),

[1]) Эта директива приведена мною при изложении боевых действий 1-й франц. армии.

[2]) Это превосходство в особенности станет ясным, если принять во внимание, что I-й бав. корпус действовал против левого фланга 1-й франц. армии.

ген. Кастельно рисковал оказаться, в будущем решительном столкновении с VI-й герм. армией, численно слабее неприятеля.

Мы видели, что в этот день корпуса этой армии уже выдвинулись к границе от Люпи на Дельм, Шато-Сален, Лагард и Бламон, находясь в готовности начать отступление, в случае появления превосходных сил противника; а I-й бав. корпус и две герм. кав. дивизии, первые подвергшиеся неприятельскому натиску, уже начали свой отход к северу.

К вечеру 14 августа 16-й франц. корпус достиг Аврикура, 15-й—при своем движении от Сэра к р. Сейль, встретил у Монкура столь сильное сопротивление передовых частей XXI-го герм. корпуса, что не в состоянии был продолжать в этот день свое наступление; 20-й выдвинулся своими главными силами на р. Сейль в район Монселя. На следующий день эти корпуса, не продвигаясь вперед, заняли более сосредоточенное расположение в занятых ими накануне районах, а 9-й корпус, оставаясь своими главными силами на укрепленной позиции Гран-Куронэ у Нанси, выдвинул небольшой отряд, из состава 18-й дивизии, к Номени. XXI-й герм. корпус начал отходить за р. Сейль. 16 августа французские корпуса продолжали наступление и к вечеру достигли следующих пунктов: 16-й—между Азонданжем и Лагардом, 15-й—Донеле и 20-й—Вика; 9-й корпус оставался в прежнем расположении. Противник, оказывая лишь слабое сопротивление, медленно отходил к северо-востоку под натиском превосходных сил французских корпусов: III-й бав. и II-й бав.—к Моршингену (Моранжу), XXI-й—на Диец к Лаутерфингену, бав. и 7-я кав. дивизии—к Бенсдорфу; I-й бав. рез. корпус оставался между Саарюнионом и Саарбургом. 17-го, соответственно указаниям директивы главного командования, 2-й франц. армии надлежало совершить захождение своим правым флангом, с целью продолжать наступление в северном направлении, для чего правофланговому, 16-му, корпусу приходилось выполнить более значительное продвижение, чем остальным корпусам. В виду отсутствия неприятельского сопротивления, этому корпусу удалось

в этот день выдвинуться до Ангвейлера; 15-й корпус занял Марсаль, а 20-й—Шато-Сален.

Германцы оставались 17 августа на месте, в виду того, что в намерениях армейского командования произошли колебания: все, полученные до этого дня, сведения о неприятеле указывали, повидимому, на то, что французы не только не ведут здесь своего главного наступления, но часть своих сил уже начали перебрасывать к северу. Это, естественно, вызывало сомнение в целесообразности дальнейшего отступления VI-й армии. Однако, немедленный переход в наступление являлся невозможным, потому что VII-я армия, два корпуса которой были отвлечены на днях боями в Верхнем Эльзасе, еще не была готова для общего наступления: XIV-й корпус сосредоточивался у Арцшвилера, XIV-й рез. переходил к Мольсгейму, а XV-й перевозился по железной дороге от Кольмара к Страсбургу. VII-я армия не ранее 20 августа могла принять участие в общем наступлении, частью сил от Страсбурга, а остальными—вверх по долине р. Брейши.

С утра 18 августа правый фланг 2-й франц. армии встретил уже сильное сопротивление противника в районе Лаутерфингена, куда 16-й корпус выдвинулся своими передовыми частями; здесь леса и селения были прочно заняты крупными отрядами германских войск XXI-го корпуса, 7-й кав. и 1-й бав. рез. дивизий. Это вынудило французов отойти в тот же день к Ангвейлеру. 15-й и 20-й корпуса оставались своими главными силами у занятых накануне пунктов, выдвинув лишь небольшие отряды к северу, 9-й корпус получил приказание стянуться к Нанси и приготовиться к отправлению на север, в состав 4-й армии, причем выполнявшаяся им задача по обеспечению Нанси и левого фланга армии была передана резервным дивизиям. Хотя это и ослабило общий состав 2-й армии, но собственно на выполнение главной, активной задачи, данной трем правофланговым корпусам, не могло влиять неблагоприятно, потому что в данном случае непосредственно ослаблялась левофланговая, пассивная группа войск.

Сведения, которые имелись в это время в штабе армии о неприятеле, не соответствовали действительности; хотя число германских корпусов, находившихся перед 2-й фран. армией и их общее расположение на фронте и было известно, но местонахождение главных сил противника предполагалось гораздо далее, чем было на самом деле, а I-й бав. рез. корпус даже считали еще неготовым для наступления. В действительности же, корпуса VI-й герм. армии уже по всему фронту находились своими главными силами в близком расстоянии от французских войск, готовые к немедленному наступлению: III-й бав.—в районе Орона, II-й бав.—в окрестностях Моранжа (Моршингена), XXI-й — между Бенсдорфом и Лаутерфингеном, 1-я бав. рез. дивизия к юго-востоку от Лаутерфингена, а I-й бав. корпус—у Саарбурга; промежуток между II-м бав. и XXI-м корпусами был занят бав. и 7-й кав. дивизиями. Вероятно, именно это неправильное представление об обстановке, об'ясняемое отчасти малой активностью противника и побудило ген. Кастельно назначить войскам своей армии дневку на 19 августа, несмотря на то, что наступление велось весьма медленно: даже правый фланг армии проходил в среднем только по 8—10 килом. в сутки, почти без боевых столкновений. Однако, обстановка, сложившаяся к этому дню на фронте 1-й армии, а именно—угроза ее правому флангу со стороны германских войск, обнаруженных в районе Хальсбург—Оберштейген и решение ген. Дюбайля атаковать противника у Саарбурга только частью сил своего левого фланга,—вынудила французского главнокомандующего потребовать от 2-й армии на 19 августа, вместо отдыха, дальнейшего наступления, с целью поддержать левый фланг Дюбайля в районе Саарбурга. Вследствие этого, 16-му корпусу приказано наступать к Лаутерфингену, 15-му — к Бенсдорфу, а 20-му — к Моранжу (Моршингену); а в виду того, что первому из них приходилось дебушировать из лесисто-озерной местности окрестностей Ангвейлера, где он мог быть легко задержан даже небольшими силами противника, 15-му корпусу было приказано, начавши движение раньше 16 го, наступать на Диец и Вергавиль, чтобы таким движением обеспечить ему выходы из лесов. 15-й корпус в течение дня легко за-

нял оба эти пункта, но одна из его дивизий, выдвинувшаяся далее в сторону Бенсдорфа, оказалась внезапно под столь сильным артиллерийским огнем неприятеля, что не могла удержаться здесь и, понеся значительные потери, отошла к Вергавилю, а затем и к Диецу. Неудача, постигшая 15-й корпус, не дала возможности 16-му продвинуться к северу, тем более, что в этот день ясно определилось расположение крупных германских сил на укрепленной позиции, протянувшейся по холмам от Мартиля на Моршинген (Моранж), Бенсдорф и несколько севернее Лаутерфингена.

Тем не менее, 20-й корпус успешно и без сильного сопротивления неприятельских войск вел в этот день наступление к Моранжу через Орон и Абюденжан и к вечеру остановился несколько севернее этих двух селений. В то же время 68-я рез. дивизия, расположившись между Шато-Саленом и Дельмом, приняла на себя охранение левого фланга 20-го корпуса со стороны Меца, а остальные две рез. дивизии обеспечивали Нанси, находясь—одна (70-я) у Ману, на р. Сейле, а другая (59-я) на укрепленной позиции Гран-Куронэ у самого города.

Легкость, с которой 20-й корпус достиг окрестностей Моранжа, наводила на мысль, что обнаруженная накануне укрепленная позиция противника занята лишь его передовыми войсками; это, в свою очередь, привело командующего 2-й франц. армией к решению сделать 20 августа вновь попытку продвинуть 16-й корпус к северу. Для этого обоим правофланговым корпусам было приказано с утра одновременно атаковать неприятеля между Лаутерфингеном и Бенсдорфом и отбросить его за железную дорогу, проходящую через эти пункты; 20-й корпус должен был оставаться на месте, в готовности продолжать свое наступление к северо-востоку, а в случае необходимости—обратиться к стороне Меца.

В течение 18-го и 19 августа немцы перед фронтом 2-й франц. армии получили крупные подкрепления: к 1-й бав. рез. дивизии присоединилась подошедшая от Саарю-

ниона 5-я бав. рез. дивизия [1]), а к правому флангу VI-й армии, в район Фалькенбург—Моршинген, собрались три эрзац-рез. дивизии (4-я, 8-я и 10-я). Вместе с тем, бав. кав. дивизия перешла к западу для ведения разведки на Дельм. Для предстоявшего с 20 августа общего наступления VI-й армии, кронпринцем баварским были сделаны следующие распоряжения: III-му бав. корпусу приказано наступать на Дельм и восточнее, II-му бав. (с 4-й эрзац. рез. дивизией)—к Шато-Салену и Вику, XXI-му—на Диец, I-му бав. рез. задерживать противника в лесах севернее Ангвейлера; коннице (бав. и 8-й кав. дивизиям) указано вести разведку на правом фланге армии, в районе Дельма, а подвижному резерву крепости Меца (33-й рез. дивизии с ландв. бригадой), наступая к Номени, обеспечивать операцию со стороны Нанси. Во 2-й линии должны были следовать: 10-я эрзац-рез. дивизия за правым флангом, а 8-я эрзац-рез. и 7-я кав. дивизии—за центром армии.

Наступление германцев против 2-й франц. армии.

20 августа, на рассвете, в то время, когда войска 16-го франц. корпуса собирались начать наступление, они были сами внезапно атакованы неприятелем, который в значительных силах проник в течение ночи в лесистую местность, к северо-западу от Ангвейлера. Натиск баварских войск (I-го бав. рез. корпуса) был настолько стремителен, что обе французские дивизии (31-я и 32-я) сразу были опрокинуты и, не будучи в силах нигде задержаться в течение дня, к вечеру были отброшены с большими потерями к Мезиеру.

Столь же неудачно пытался наступать в этот день и 15-й корпус, атакованный XXI-м герм. корпусом и частью II-го бав. у Вергавиля; левофланговая (30-я) дивизия французского корпуса некоторое время успешно сопротивлялась наступлению 31-й герм. дивизии, местами даже продвигаясь вперед, но с 10 час. утра обе французские дивизии начали отступать и к вечеру в большом беспорядке собрались в южных окрестностях Диеца, занятого германцами.

---

[1]) Обе дивизии составляли I-й бав. рез. корпус.

Бой у Моранжа (20 авг.).

Но наиболее неблагоприятное положение создалось для французов на левом фланге армии, в районе Орона и Моранжа (Моршингена), где находились 68-я рез. дивизия и 20-й корпус. Командир этого корпуса (ген. Фош), вопреки данной ему совершенно пассивной задаче, приказал своим дивизиям овладеть некоторыми пунктами в окрестностях Моранжа: 39-й—к западу от этого селения, а 11-й — к востоку от него; последняя должна была, кроме того, поддерживать связь с 15-м корпусом и, в случае необходимости, содействовать ему. Хотя еще в 7-м часу утра командующий армией, в виду неудачи на правом фланге, успел приостановить задуманные ген. Фошем активные действия, но все же расположение войск этого корпуса, в результате сделанных раньше распоряжений, оказалось слишком разбросанным. Едва лишь были отданы приказания об отмене наступления, как левофланговая (39-я) дивизия была атакована превосходными силами II-го бав. корпуса к востоку от Орона (4-й бав. и 4-й эрзац-рез. дивизиями) и, после упорного сопротивления, отброшена к Шато-Салену; почти одновременно с нею была атакована и другая (11-я) дивизия, против которой действовала 3-я бав. дивизия, усиленная на левом фланге частями 8-й эрзац-резервной из армейского резерва и сначала оттеснившая ее к Абюденжану, а затем и к Шато-Салену. Отступление 20-го корпуса поставило в опасное положение 68 ю рез. дивизию у Дельма, тем более, что последняя сама была атакована войсками III-го бав. корпуса; это вынудило ее отойти, без упорного сопротивления к р. Сейль, на участок между Ману и Номени. Здесь в тот же день произошло столкновение между французскими рез. дивизиями и германскими войсками, вышедшими из Меца, окончившееся отражением германцев. К вечеру III-й и II-й бав. корпуса достигли линии Дельм—Шато-Сален.

Вследствие неудачных боев, веденных в этот день всеми французскими корпусами, уже к 4 час. дня положение на фронте 2-й армии оказалось настолько неблагоприятным, угрожавшим разрывом между внутренними флангами 1-й и 2-й армий у Саарбурга, что ген. Кастельно признал необходимым отдать распоряжение об общем отступлении.

Отступление 2-й французской армии. (21—23 авг.).

Итак, 2-я франц. армия, подобно тому, как и 1-я, в своем наступлении в Лотарингии понесла полное поражение. В течение одного дня боевых действий, или вернее—лишь в течение нескольких часов, под энергичным натиском корпусов VI-й герм. армии, были разбиты три, слабо связанные в своих действиях, французские корпуса, и сведены к нулю все результаты недельной операции, все усилия, затраченные на овладение широкой полосой неприятельской территории. Теперь нужно было отходить и притом возможно скорее и дальше, потому что боеспособность разбитых корпусов оказалась весьма слабой. Первоначально, еще вечером 20 августа, в виду того, что 16-й корпус отошел уже к Мезиеру, 15-му приказано отойти к Донеле и Марсалю, а 20-му—на участок Марсаль—Шато-Сален; 21-го, продолжая отходить, корпуса достигли: 16-й — окрестностей Люневиля, 15-й — Домбаля, а 20-й—Ара; рез. дивизии (59-я, 68-я и 70-я) отведены к Гран-Куронэ. Следовательно, в этот день 2-я армия заняла участок р. Мерты, от Люневиля до Нанси; здесь ее застала директива главного командования от того же числа, ставившая ей следующую задачу: закрепиться и устроиться на позиции Гран-Куронэ и между Мертой и Мозелем.

Германские войска по пятам следовали за отступавшими французскими корпусами: III-й бав. корпус — на Орон и Дельм к р. Сейль, II-й бав. (с 4-й эрзац-рез. дивизией)— на Моранж и Шато-Сален, XXI-й—на Диец и Марсаль, бав. ландв. дивизия — на Лагард, I-й бав. рез. корпус—на Аврикур. Являлось опасение, что расстроенные и утомленные французские войска, остановленные на р. Мерте, не выдержат нового натиска победоносного противника и будут отброшены к Мозелю, может быть, даже с потерей Нанси. Поэтому необходимо было принять спешные меры для усиления армии свежими силами. С этой целью приказано: двум бригадам 9-го франц. корпуса, еще не успевшим выбыть из состава армии, занять укрепленную позицию Гран-Куронэ; 73-й рез. дивизии (из гарнизона крепости Туля) выдвинуться на левый берег Мозеля, к северу от Нанси, на участок реки от Понт-а-Мусона до Дьелюара, чтобы вос-

препятствовать немцам обойти Гран-Куронэ с севера; наконец, двум другим резервным дивизиям Туля расположиться за флангами армии: 64-й — у Домбаля, а 74-й — у Байона, между Мозелем и Мортанью. Кроме того, в первый же день отступления, 2-й армии были возвращены обе кав. дивизии (2-я и 10-я), которые с 22 августа приняли на себя охранение правого фланга, к юго-востоку от Люневиля. Однако, и с такими поддержками разбитые корпуса 2-й армии едва ли могли удержаться в том расположении, которое было ими теперь занято.

К вечеру 21 августа обстановка уже выяснилась для германского командования: все указывало на то, что противник быстро уходит к югу и не намерен оказывать сильного сопротивления. Это побудило кронпринца баварского отдать приказ обеим армиям с утра 22-го начать энергичное преследование французов к р. Мерте, имея заслон к стороне Нанси (III-й бав. корпус у Шато-Салена, 10-я эрзац-рез. дивизия—у Дельма и конница у Монселя) [1]). В виду этого, после отхода французов за р. Сейль, III-й бав. корпус не пошел за ними, а простоял в бездействии, с вечера 21-го до утра 24 августа, между Дельмом и Шато-Саленом. II-й бав. продолжал наступление на Вик и Сэр, в западные окрестности Люневиля; XXI-й — на Айнвиль к Люневилю, I-й бав. рез. обходил форт Маноивилер с обеих сторон: 5-й рез. дивизией с запада, а 1-й рез. — с востока (для атаки Маноивилера был выделен отряд из 1-й бав. рез. дивизии).

22 августа II-й бав. корпус (с 4-й эрзац-рез. дивизией), преследуя арьергарды 15-го франц. корпуса, с небольшими боями, достиг района Ремеревиль — Мэкс; войска XXI-го герм. корпуса повели сильную атаку на позиции 16-го французского северо-восточнее Люневиля и вынудили его к отступлению за Мерту. Сначала последний остановился на правом берегу Мортани, где и начал закрепляться, но командующий армией решил отвести правый фланг армии еще дальше, чтобы дать ему возможность устроиться; по-

[1]) 33-я рез. дивизия возвращена в Мец для передачи ее в V-ю армию.

этому, в тот же день было приказано 16-му корпусу отойти в юго-восточные окрестности Байона, имея слева от себя, на дороге из Байона в Люневиль, 74-ю рез. дивизию, а справа, между Эйнво и Жербевилером, кав. корпус Конно; 15-му же корпусу перейти от Домбаля к Осонвилю. Остальные войска 2-й армии остались на прежних местах, в районе Ар—Нанси, на р. Мерте. Вследствие того, что правый фланг армии был сильно откинут к юго-западу, армия оказалась расположенной фронтом к востоку, под углом к расположению 1-й армии, левый фланг которой находился в районе Шарма.

Командующий VI-й герм. армией, отдавая свои приказания на 22 августа, предполагал вести наступление только до р. Мерты, потому что противник казался ему уже настолько потрясенным и ослабленным, а левый фланг главной массы германских войск, наступавшей через Бельгию, настолько обеспеченным, что, повидимому, наступал момент для переброски войск из VI й армии к северу. Между тем, после полудня 22-го он получил из главной квартиры приказание: с целью отрезать крупные неприятельские силы, находящиеся в Вогезах, продолжать преследование противника в направлении к Эпиналю. Такое неожиданное решение германского главного командование об'ясняется тем обстоятельством, что при больших преимуществах, которые были на стороне французов в отношении железнодорожных перебросок, для немцев было выгоднее задержать возможно большие силы противника в Лотарингии, чем перебрасывать свои силы на север [1]).

С отходом французских корпусов за р. Мортань, XXI-й герм. корпус занял Люневиль, а его передовые войска достигли р. Мортани на участке от ее впадения в р. Мерту до Жербевилера; в то же время II-й бав. корпус, достигший Сэра, 22-го своим левым флангом отбросил французов у Мэкса за р. Санон и занял участок к северу от этой реки до Ремеревиля. Таким образом, расположение германских корпусов 23 августа до некоторой степени соответствовало

[1]) См. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Erster Band, стр. 569.

направлению главного удара, указанного кронпринцу баварскому германской главной квартирой. Это направление было весьма опасным для французов, в виду нахождения в этом районе так называемого шармского прохода, который представляет собой одно из наиболее доступных мест в системе укреплений восточной границы Франции [2]). Это обстоятельство привело французское главное командование к решению не ограничиваться в этом положении обороной, а перейти с 24 августа внутренними флангами армий в наступление. Мы уже знаем, как выполнила эту задачу 1-я франц. армия; теперь нам остается сказать о переходе в наступление 2-й.

В сущности говоря, возобновление французскими армиями активных действий в Лотарингии, насколько такие действия вообще были в то время возможны, не могло дать, вследствие сильного расстройства войск, каких-либо ценных результатов, из-за которых стоило бы рисковать наступлением; но оно необходимо было в моральном отношении. Не только корпуса и дивизии были измучены и ослаблены, но (что было гораздо опаснее) высшее командование в армиях, особенно во 2-й, было сильно подавлено неудачами и с большой тревогой ожидало еще худшего. Ген. Кастельно очень опасался за участь своей армии и даже не был уверен, что Нанси даст ему возможность остановиться на Мерте; может быть, придется отойти даже за р. Мозель? Главнокомандующий убеждал его не покидать Нанси без крайней необходимости, указывая на то, что оставление французскими войсками этого укрепленного города произведет тягостное впечатление во Франции и что сохранение его весьма важно для успешного выполнения маневра северными армиями. С целью ободрить 1-ю и 2-ю армии и внушить им сознание хорошо исполненного ими долга и веру в свои силы, Жоффр обратился к ген. Дюбайлю

---

[2]) См. главу III (Обзор театра военных действий), описание восточной границы Франции. Бои, происходившие в 20-х числах августа, как в 1-й, так и во 2-й франц. армиях на берегах р. Мортани, известны во французской военной литературе под названием сражения у шармского прохода.

и Кастельно с посланием, в котором отметил, что вверенные им войска доблестно выполнили первую часть выпавшей на их долю задачи, а именно — привлекли на себя значительные силы противника, но что теперь необходимо их удерживать перед собой и готовиться к наступлению! И, в самом деле, только подготовкой к этому наступлению, только попытками, то здесь, то там, перейти к активным действиям, лишь надеждой достигнуть в ближайшие дни какого-либо успеха, — возможно было вдохнуть в эту расстроенную и удрученную массу войск живой дух и волю к победе.

24 августа, около полудня, командующим 2-й франц. армией был отдан приказ о переходе в наступление левым флангом (одной дивизией 20-го корпуса и группой рез. дивизий) в направлении на Сэр; другой дивизии 20-го корпуса, 15-му и 16-му корпусам приказано удерживать противника с фронта, а конному корпусу—находиться на правом фланге армии. Такая организация наступления вызывалась тем обстоятельством, что к этому дню обнаружилось продвижение к юго-западу значительных неприятельских сил из района Люневиля, в направлении на Байон и Жербевилер, почему Кастельно рассчитывал ударить во фланг продвигавшегося за Мерту противника. А последний, действительно, не прекращал своих наступательных действий, выполняя директиву германской главной квартиры от 22 августа.

День 23-го прошел на германской стороне сравнительно спокойно. Для предстоявшего наступления к Эпиналю необходимо было произвести некоторую перегруппировку войск и пополнить сведения о противнике. Обе германские армии в этот день лишь в немногих местах продвинулись вперед. Общее наступление было назначено кронпринцем баварским на 24 августа: в то время, когда VII-я армия должна была выйти из гор на линию Рамбервилер—С. Дие, левый фланг VI-й, т.-е. II-й бав. и XXI-й корпуса, получал задачу—нанести удар от Люневиля к Жербевилеру. Правофланговые же войска этой армии должны были по прежнему обеспечивать операцию со стороны Нанси: III-й бав. корпус—у Шато-Салена, а три эрзац-рез. дивизии (4-я, 8-я и 10-я)—на участке от Дельма на Шаппену до р. Санона. Кон-

ница была распределена по всему фронту армии: бав. кав. дивизия—у Вика, 8-я—у Люневиля и 7-я—у Аврикура, в окрестностях которого еще оставались главные силы I-го бав. рез. корпуса. Задуманное немцами наступление ни в каком случае нельзя назвать решительным; хотя VII-я армия наступала и всеми своими силами, но за то VI-я, из своих 11 пех. дивизий, лишь 4 назначила для активных действий. Столь велико было опасение неприятельского контр-удара со стороны Нанси!

24 августа боевые действия начались на правом фланге 2-й франц. армии, где у Жербевилера войска II-го бав. корпуса атаковали конный корпус ген. Конно и оттеснили его к юго-западу; к вечеру эта конница отошла в юго-восточные окрестности Байона. Баварцы заняли левый берег р. Мортани до ее слияния с Мертой. Одновременно с этим и 6-я кав. дивизия 1-й франц. армии, находившаяся к юго-востоку от Жербевилера, отошла, под натиском войск XXI-го герм. корпуса, в район Дама-о-Буа. Немцы утвердились к вечеру на обоих берегах Мортани до Ксафевилера, 7-я и 8-я герм. кав. дивизии перешли в западные окрестности Бакара. Вместе с тем, I-й бав. рез. корпус получил приказание перейти к Люневилю, с целью прочно связать ударную группу войск с правофланговым заслоном. На левом фланге 2-й франц. армии, вскоре после полудня, началось продвижение 39-й дивизии 20-го корпуса, 70-й рез. дивизии и двух бригад 9-го корпуса от Нанси к Сэру, что, в свою очередь, вызвало перемещение III-го бав. корпуса, по инициативе командира корпуса, на участок между Сэром и Люневилем, для прикрытия дороги на Диец. В этом новом расположении, вся группа германских войск правого фланга была об'единена под начальством командира III-го бав. корпуса ген. Гебсателя.

Обстановка, сложившаяся в этот день на левом фланге 2-й франц. армии ставила перед ней на 25 августа новую задачу—дальнейшим движением вдоль р. Санона, к дороге Шато-Сален—Люневиль, выйти на сообщения главных сил VI-й герм. армии, действовавших в районе Люневиль—Жербевилер (II-й бав. и XXI-й корпуса и 5-я бав. рез. дивизия).

Последние, совместно с корпусами VII-й герм. армии, продолжали и в этот день свое наступление к юго-западу. В виду этого, необходимость оказать содействие 8-му франц. корпусу, встретившему упорное сопротивление противника при своем продвижении к Клезантену, видоизменила план наступления 2-й франц. армии и вынудила ген. Кастельно бросить в наступление также и 15-й и 16-й корпуса с 74-й рез. дивизией, что привело к ряду оживленных боев с противником на линии Розельер — Эйнво. К вечеру этого дня 16-й корпус (с 74-й рез. дивизией) утвердился на этой линии, занявши оба эти пункта, а 15-й—продвинулся к месту слияния Мортани и Мерты; неприятельские войска II-го бав. корпуса отошли к Мортани, по обе стороны Жербевилера. Одновременно с этими боями, правее 16-го корпуса весь день вела бой у Розельера 6-я кав. дивизия, поддержанная 2-й кав. дивизией корпуса Конно, а также пехотой 15-й дивизии; здесь германская пехота XXI-го корпуса, имея на левом фланге 7-ю и 8-ю кав. дивизии, захвативши с утра Розельер, угрожала проникнуть в промежуток между флангами армий, но была остановлена спешенной конницей, занявшей лес к югу от Розельера. Вечером эта деревня была занята войсками 16-го корпуса. Что же касается левого фланга 2-й армии, то наступление здесь в этот день продолжалось: одна дивизия 20-го корпуса продвинулась на 4 килом. за Домбаль к стороне Люневиля, а 70-я рез. дивизия и обе бригады 9-го корпуса успешно продвигались на линию Шаннену — Ремеревиль — Арокур, при мощной поддержке артиллерийского огня из крепости. Натиск французских войск был настолько стремителен и внезапен, что германская группа ген. Гебсателя, занимавшая участок от границы до северных окрестностей Люневиля, с трудом удерживала свои позиции, поддержанная слева 5-й бав. рез. и ландв. дивизиями (со стороны Люневиля) и 10-й эрзац-рез. от Дельма [1]). К вечеру французы утвердились

[1]) 10-я эрзац-рез. дивизия находилась уже на пути в V-ю армию, куда была направлена, ввиду тяжелого положения левого фланга этой армии в районе р. Орна, но была возвращена в распоряжение ген. Гебсателя.

на указанной выше линии, а немцы с наступлением темноты, отошли на линию Монсель — Хоевиль — Люневиль, с целью выйти из-под обстрела французской крепостной артиллерии, для борьбы с которой у них не было тяжелых орудий, отправленных для бомбардировки форта Манонвилера.

Бои 25 августа, в общем, привели французов к благоприятному стратегическому результату, потому что с этого дня наступление немцев к шармскому проходу, в промежуток между флангами 1-й и 2-й франц. армий, было остановлено.

26-го центр и правый фланг 2-й армии продолжали продвигаться к р. Мортани и к Люневилю, но весьма медленно, вследствие упорного сопротивления противника (II-го бав., I-го бав. рез. и XXI-го корпусов и 7-й кав. дивизии [1]). К ночи 16-й корпус (с 74-й рез дивизией) достиг реки к северу от Жербевилера, а 15-й (с 64-й рез. дивизией) весь день вел бои на южном берегу Мерты (западнее впадения в нее Мортани), но перейти на северный берег не мог; 20-й корпус продвинулся к Люневилю, потеснивши части I-го бав. рез. корпуса, причем его правый фланг находился вечером лишь в 2 килом. от города; левее, 76-я рез. дивизия едва выдвинулась за Арокур, а 68-я рез. и две бригады 9-го корпуса оставались в районе Шаппену—Ремеревиль. На следующий день, 27-го, правый фланг 16-го корпуса подошел к Жербевилеру, все же прочие войска армии отдыхали и устраивались. Фронт 2-й армии к вечеру этого дня протянулся по р. Мортани, от Жербевилера до ее устья, откуда он шел на Арокур, Ремеревиль, Шаппену и Аманс. В этот же день пал форт Манонвилер, после двухдневного сопротивления, совершенно разрушенный 158 выстрелами из двух 42-сант. мортир с расстояния в 13 килом. (от Аврикура) [2]. Войска VI-й герм. армии, прекра-

[1]) Бав. кав. дивизия оставалась у Дельма, наблюдая за правым флангом армии, а 8-я в этот день получила приказание об отправлении на восточный фронт.

[2]) Форт имел бетонные покрытия толщиной в 3 метра и броню в башенных куполах в 30 сантиметров.

тивши наступление и приступивши к укреплению своих позиций, в это время занимали следующее расположение: эрзац-рез. дивизии — от западных окрестностей Монселя до Хоевиля, 5-я бав. дивизия — у Сэра, бав. ландверная — у Айнвиля, 6-я баварская — южнее р. Санона, I-й бав. рез. корпус — к западу от Люневиля; далее по правому берегу Мортани до Бакара стояли II-й бав., XXI-й и I-й бав. корпуса.

4. Оценка действий обеих сторон.

Все три наступательные операции французов, в Верхнем Эльзасе, в Вогезах и в Лотарингии, окончились неудачно. Потеряно около трех недель времени и очень большие французские силы отвлечены от главных операций, развернувшихся на границе Бельгии, но сами не отвлекли оттуда ни одной неприятельской части; обе французские армии в лучшем случае отброшены в свое исходное положение, но местами оттеснены и далее, почти вплотную к стенам мозельских крепостей, понеся тяжкие потери и в людях, и в артиллерии. Каковы же причины этой крупной и неожиданной для французов неудачи?

Оценка действий французов.

Главная из них, это—неопределенная, неясная оперативная задача, которая была поставлена обеим южным армиям. Обе были двинуты в пределы неприятельской территории не с целью разбить находившиеся там войска противника и даже не с тем, чтобы овладеть каким-нибудь важным в военном отношении пунктом или какой-либо оборонительной линией, а для того, чтобы привлечь на себя неприятельские силы, оттянуть возможно большее число их от важнейших операционных направлений и, внесением французского оружия в Эльзас-Лотарингию, создать в этой провинции психологическую обстановку, выгодную для французских армий. Такой демонстративный характер этого наступления и отсутствие реальных предметов для действий должны были отразиться неблагоприятно на операциях французских войск и

вызвать вслед за собой остальные причины неудачных для них боев в Эльзасе, Вогезах и Лотарингии, т.-е. отсутствие определенного плана, вялость и медлительность наступления, при слабом взаимодействии войск, сражавшихся без поддержки соседей. Что касается 1-й армии, то эта неясность и неопределенность оперативных задач привела ее к наступлению тремя изолированными группами, по расходящимся направлениям, приводившему к разброске сил и создавшему опасность отдельного поражения этих групп сосредоточенными массами противника.

Во 2-й армии это отразилось на организации наступления еще более неблагоприятно, потому что вызвало со стороны армейского командования излишнюю заботливость о безопасности Нанси, раздвоило его внимание и усилия по двум противоположным направлениям—в сторону наступления и в сторону обороны,—а следовательно и ослабило энергию атаки. Боясь оторваться от крепостей своим левым флангом, но в то же время завлекаемая вглубь неприятельской территории отступлением противника и соблазном разбить его войска, казавшиеся слабыми и не готовыми к бою, 2-я армия то продвигалась, то стояла на месте, то загоралась стремлением атаковать врага, то проявляла безнадежную пассивность. Получилось медленное, осторожное продвижение по местности, от рубежа к рубежу, от селения к селению, без конкретных боевых целей, без единого плана, без общей руководящей идеи.

Второй причиной поражения французов в Эльзас-Лотарингии необходимо признать неискусное использование живой силы, несоответствовавшее оперативному значению тех или других боевых действий. Подсчитаем те силы, которыми располагали обе стороны в эльзас-лотарингском районе, включая сюда и войска, прибывшие во время выполнения операции. Армия Дюбайля [1]) имела 5 полевых корпусов, 6 отд. дивизий (рез. и полевых), 2 отд. бригады (колониальную и альпийскую) и 2 кав. дивизии; армия Кастельно — 3 полевых корпуса, 6 рез. дивизий, колониальную бригаду

[1]) Считая и эльзаскую группу ген. По, войска которой лишь на короткое время были выделены из 1-й армии.

и 2 кав. дивизии. Из этих 29½ пех. и 4 конных дивизий использовано для главных боевых действий на фронте Саарбург—Моршинген (Моранж) только 9 пех. и 3 конных дивизии, т.-е. ⅓ имевшихся сил; все же остальные войска или вели бой на второстепенных участках, или оставались на флангах и в тылу с задачами пассивного, оборонительного характера.

Совершенно другое использование войск мы видим на германской стороне. VI-я герм. армия состояла из 5-ти корпусов, 5-ти рез. и ландв. и 3-х кав. дивизий, а VII-я—из 3-х корпусов, 4-х рез. дивизий и 2-х ландв. бригад, всего, следовательно, в эльзас-лотарингском районе немцы ввели в действие 26 пех. [1]) и 3 кав. дивизии. Из этих войск в главных операциях, т.-е. в боях у Саарбурга и Моранжа, приняли участие 18 пех. и 3 кав. дивизии, что составляет ⅔ наличных сил.

Таким образом, имея, в общем, численное превосходство над немцами (в особенности, в начале операции, до переброски на север 18-го корпуса и одной дивизии 9-го) и обладая инициативой действий, французы везде в решительных столкновениях с противником оказывались слабее его [2]).

Наконец, третьей причиной французских неудач в Эльзас-Лотарингии являются крупные недостатки в организации маршей, в распределении задач и поддержании связи между войсками, вообще неудовлетворительное оперативное управление армиями. Мы видели, как в сражении у Саарбурга Дюбайль вводил в бой свои силы по частям, теряя время на

---

[1]) Сюда включаются лишь те эрзац-рез. дивизии, которые были в районе боевых действий армии.

[2]) Германское официальное описание войны (Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Erster Band, стр. 646) считает, что в период 20—24 августа противники имели в районе боевых действий (включая сюда и те войска, которые находились в пограничных крепостях или в ближайшем тылу и могли принять участие в боях) следующее количество войск: немцы, в районе VI-й и VII-й армий,—328 батал., 143 эск., и 1.766 орудий, а французы, в районе 1-й и 2-й армий,—420 батал., 161 эск. и 1.648 орудий. Следовательно, в пехоте и коннице французы имели численное превосходство.

выяснение обстановки на своем правом фланге и упуская благоприятный случай охватить фланги I-го бав. корпуса и нанести ему поражение; и как нерешительно направлял он свою конницу в тыл противника. А сосед его, ген. Кастельно, развернувши свои три корпуса на фронте шириной более 30 килом. (причем левофланговый, 20-й корпус, имея слабую связь с другими двумя корпусами, действовал в значительной степени изолированно), ни разу, в течение всей операции, не сумел направить их совокупные усилия к достижению какой-нибудь определенной боевой цели. При таких условиях одновременное, согласованное, планомерное наступление германских корпусов должно было быстро и легко опрокинуть эту плохо организованную, неустойчивую боевую линию французских войск, вырвать инициативу из рук французского командования и создать серьезную угрозу положению 1-й и 2-й армий. Германцы, отходя в первые дни операции своими передовыми частями под натиском превосходных сил противника, сосредоточивались и сжимались в занимаемых ими районах, подобно тому, как сжимается пружина под давлением внешней силы, накопляя в себе скрытую энергию противодействия; и как только эта энергия достигла определенного напряжения, эти армии с огромной силой ударили по французским войскам и отбросили их далеко к югу.

Следует также отметить, что в то время, когда совместные действия обеих германских армий были согласованы между собой путем об'единенного командования, принадлежавшего кронпринцу баварскому, французские армии, несмотря на общую цель, поставленную их наступлению в Лотарингии, действовали независимо одна от другой, мало содействуя друг другу; французская главная квартира, расположенная слишком далеко от фронта, занятая в то время подготовкой наступления в Бельгию и развлекаемая более важными событиями, уже развивавшимися на франц-бельгийской границе, не могла, с необходимой твердостью, об'единять и согласовать действий своих южных армий.

Оценка действий германцев.

Победа в Эльзас-Лотарингии осталась за немцами; однако, несмотря на блестящие тактические результаты, достигнутые здесь ими, их стратегический успех оказался незначительным. Победа VI-й и VII-й герм. армий была, в сущности, обыкновенной, заурядной победой, фронтальным оттеснением неприятельских войск без угрозы их сообщениям, без охвата их флангов, без прорыва их фронта. Хотя уже в процессе наступления, с прибытием к германцам эрзац-рез. дивизий, у германского командования и явилась мысль ударить по внутренним флангам французских армий, с целью прорвать неприятельскую укрепленную линию в шармском проходе и охватить правый фланг 2-й армии, но это не удалось осуществить, вследствие быстрого отступления французов и упорной обороны ими своих новых позиций. Обе французские армии, опираясь на свои крепости, сохраняли возможность, отдохнувши и получивши пополнение в людях и материальной части, вновь перейти в наступление.

Нельзя так же не отметить того, что с приближением VI-й герм. армии к укрепленному району Нанси, наступательная энергия этой армии слабеет и значительные ее силы отвлекаются от активных операций для выполнения пассивных задач, связанных с обеспечением ее правого фланга. Возможно, что при более решительном использовании своих сил для удара от Люневиля к Шарму, кронпринцу баварскому удалось бы достигнуть более значительных результатов.

Не могла ли VI-я герм. армия добиться более решительной победы, продолжая свой отход к северо-востоку еще в течение 1—2 дней, для того, чтобы завлечь французские армии подальше вглубь Лотарингии и дать возможность VII-й армии шире охватить их правый фланг и даже выйти в тыл лотарингской группе войск ген. Дюбайля? Такой маневр, конечно, мог бы привести немцев к самым решительным результатам, если бы им удалось потянуть за собой в указанном направлении всю массу французских войск, наступавших в Лотарингии; и желательность для них этого маневра станет тем более понятной, если принять во вни-

мание, что VII-я герм. армия, вследствие участия ее войск в отражении первого французского наступления к Мюльгаузену, начала с некоторым запозданием свое движение с линии Фальсбург — Оберштейген против правого фланга лотарингской группы 1-й франц. армии, почему и дала ей возможность благополучно отойти к р. Везусу. Но, имея в виду общий характер действий французов в Лотарингии, следует признать, что едва ли удалось бы немцам заманить их в эту ловушку: во-первых, директива Жоффра от 13 августа ставила 1-й армии ограниченную цель—достижение линии Саарбург—Оберштейген, а 2-й—поворот после этого к северу; и во-вторых, наступление французов велось так нерешительно и осторожно, что в течение 1—2 ближайших дней они едва ли продвинулись бы на значительное расстояние. А задержка германского наступления в этом районе могла быть невыгодной для общего положения немцев на театре военных действий, потому что могла способствовать дальнейшей переброске французских полевых корпусов с юга на север, где в то время уже отчетливо обозначилась грозная опасность, надвигавшаяся на левый фланг англо-французских армий [1]).

После оттеснения французов за р. Мерту, у германского главного командования возникал вопрос: что же делать дальше на этом участке фронта? Ограничиться ли здесь достигнутым успехом и начать переброску войск из VI-й или VII-й армии на север, для усиления правого фланга, или продолжать наступление к французским мозельским крепостям, с целью прорвать эту укрепленную линию и охватить главную массу неприятельских войск, уже отступавшую

[1]) Мольтке в одной из своих записок о кампании 1914 года, составленной в 1915 году (см. Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1877—1916, стр. 433—434), упоминает, что он предлагал VI-й армии отходить вглубь Лотарингии, с целью завлечь противника подальше на восток и затем охватить его фланги; но командующий армией опасался, что продолжительное отступление невыгодно повлияет на дух войск, почему этот план действий и не был осуществлен. Напомним читателю, что уже в дни стратегического развертывания германских армий, Мольтке задумывал подобный маневр, но с участием в нем также и V-й армии.

в это время от бельгийской границы, не только с левого, но и с правого фланга? Крупный успех германцев в пограничном сражении и трудность выполнения больших переброс, вследствие разрушения многих французских и бельгийских железных дорог, склонили германскую главную квартиру к решению продолжать двумя южными армиями наступление в прежнем направлении, что и было об'явлено в директиве от 27 августа, заключавшей в себе указания для преследования разбитого в пограничном сражении противника. Это решение, не отвечавшее ни обстановке на всем фронте, ни соотношению сил на южном участке и углублявшее ложную идею об активной роли двух южных армий, внесенную ген. Мольтке в план Шлифена, привело к ряду новых, совершенно ненужных в стратегическом отношении боев на р.р. Мерте и Мортани, о которых будет сказано в одной из следующих глав.

В заключение сделанной мною оценки действий обеих сторон остается сказать еще о той оперативной роли, которую сыграли в этих действиях эльзас-лотарингские и восточные французские крепости. Как немцы, так и французы наступали в промежуток между Страсбургом и Мецом, причем во время наступления германских армий эти крепости прикрывали их фланги, что давало возможность германскому командованию использовать почти все намеченные силы для активных операций; в отношении же французских армий эти крепости имели, конечно, обратное значение, отвлекая (главным образом Мец) значительные силы французов для наблюдения за ними и для обеспечения своих флангов. С другой стороны, французские восточные крепости не давали своим армиям той свободы маневра, которую, казалось бы, они могли и должны были им дать, что происходило главным образом от преувеличенного представления о той опасности, которая угрожала Нанси со стороны Меца; опасение за участь этой крепости и привело к оставлению за левым флангом 2-й франц. армии большой группы войск, бездействовавших в то время, когда в двух переходах к северо-востоку решалась судьба операции.

Тем не менее, вся линия французских мозельских укреплений имела, в общем, положительное значение для обеих французских армий, потому что давала этим армиям временную опору, влиявшую благоприятно на психологию войск, удрученных понесенными поражениями; кроме того, эти крепости могли быстро подкрепить полевые армии, как своими подвижными резервами, так и своей материальной частью и запасами всякого рода. Нанси привлекал к себе крупные силы противника и, вследствие этого, задерживал неприятельское наступление, веденное в весьма опасном для французов направлении.

Бросая теперь общий взгляд на изученную нами эльзас-лотарингскую операцию, мы должны придти к заключению, что, судя по численности войсковых масс, использованных в ней французами, по размерам охваченной боями территории и по продолжительности боевых действий, эта операция представлялась французскому главному командованию весьма важной и от нее ожидали больших результатов. Но, несмотря на это, по мере того, как для французов выяснялось преобладающее оперативное значение бельгийского района, они постепенно охладевали к наступлению своих южных армий и еще до окончания перегруппировки на своем левом фланге уже потеряли надежду своим наступлением в Лотарингии предупредить противника и оказать давление на его намерения и решения.

Если перегруппировка французских армий была произведена с целью создать более благоприятные условия для противодействия главному неприятельскому вторжению через Бельгию, то какие стратегические цели могли теперь привлекать французов в сторону Эльзас-Лотарингии? Завязавшаяся борьба представлялась слишком опасной для Франции, чтобы она могла позволить себе, одновременно с движением навстречу главному наступлению противника, развлекаться крупными операциями на второстепенных участках и отвлекать для этого значительные массы своих войск. Казалось бы, с той минуты, когда французским главным командованием было принято решение изменить свой план действий, следовало совершенно отказаться от наступления на

восточной границе и перебросить все, что было возможно, к северу. Между тем, несмотря на столь изменившуюся стратегическую обстановку, французы ставят своим южным армиям, по-прежнему, наступательную задачу и вынуждают их затрачивать свои силы на выполнение операций, не опасных для общего положения германцев и для себя бесполезных.

В последние дни августа боевые операции на эльзас-лотарингской границе затихают, и хотя в дальнейшем бои временами и загораются здесь с прежней силой,[1]) но постепенно война принимает в районе восточных крепостей неподвижный, позиционный характер.

Этому в значительной мере способствовало быстрое развитие решительных военных событий в других районах западного и восточного театров, привлекавших к себе все резервы, поглощавших своими маршами и боями почти все внимание главного командования обеих сторон. В то время на восточном театре русские армии уже вторгнулись в Восточную Пруссию и Галицию; на западном, на берегах Самбры и Мааса, уже разыгралось первое из больших сражений этой войны, надолго определившее судьбу захваченной немцами Бельгии.

---

[1]) Об этих боях будут даны краткие сведения в следующих главах.

IX. Пограничное сражение.

(Схемы №№ 13, 14 и 15).

1. Обстановка перед сражением.

К тому времени, когда началось общее наступление двух южных герм. армий из Лотарингии и Эльзаса на французскую территорию, остановившее вторжение в эти провинции 1-й и 2-й франц. армий, немцы уже достигли крупных успехов в пределах Бельгии. Оборонительная линия р. Мааса, с ее обеими крепостями, была взята; бельгийская армия, хотя и не была уничтожена и успела укрыться в Антверпен, но была разбита в боях и сильно расстроена; почти вся территория Бельгии уже была занята германцами, и их правофланговые армии к 20 августа уже стояли на пороге северо-восточной Франции, готовые атаковать те англо-французские войска, которые были в это время двинуты на бельгийскую территорию с целью задержать их победное движение. Вообще, все указывало на то, что здесь, в противоположность южному участку, боевое напряжение растет с каждым днем и что если не сегодня, то завтра в этом районе должны произойти крупные боевые столкновения.

Общее расположение сторон на бельгийско-французской границе к 20 августа.

В это время, т.-е. 20 августа, общее расположение германских и англо-французских войск на бельгийско-французской границе представлялось в следующем виде.

I-я герм. армия, оставивши III-й рез. корпус против Антверпена и имея IV-й рез. еще в тылу (у Тирлемона), остальными своими войсками (2-й кав. див., II-м, IV-м, III-м и IX-м корпусами) достигла

линии Вольфертем — Брюссель — Ватерлоо, готовая начать захождение своим правым флангом к юго-западу.

II-я армия, выделивши свой гвард. рез. корпус для атаки Намюра, прочими войсками (VII-м, X-м рез., X-м, гвард. и VII-м рез. корпусами, 4-й и 9-й кав. див.) находилась между Охэном и Жемблу, в тесной связи с I-й армией.

III-я армия, направивши XI-й корпус к Намюру, оставшимися двумя полевыми корпусами (XII-м и XIX-м) дошла до линии Хаверзэн — Сиерньон, имея XII-й рез. корпус еще за р. Уртой, а I-й кав. на Маасе, у Динана.

IV-я армия своими полевыми корпусами (VIII-м, XVIII-м и VI-м) достигла западной границы вел. герц. люксембургского по линии Бастонь—Атер, а резервные корпуса (VIII-й рез. и XVIII-й рез.) еще удерживала в ближайшем тылу.

Наконец, V-я армия подвела свои корпуса (кроме V-го рез., остававшегося у Бетенбурга) на линию Эталь — Арсвейлер, по обе стороны форта Лонгви.

Таким образом, в тот день, когда французы едва заканчивали свою перегруппировку севернее Вердена и все еще не могли отказаться от активных намерений в районе своих восточных крепостей, немцы подвели уже свои пять армий на близкое расстояние к бельгийско-французской границе; 18 корпусов и 7 кав. дивизий, имея за собой еще 4 корпуса во 2-й линии, могли в течение 2—3 ближайших дней вторгнуться на французскую территорию.

Против этой массы германских войск, готовых к боевым действиям, стояли три французские армии, а английская еще только заканчивала свое сосредоточение южнее Мобежа. Далее к западу, от Валансьена до морского побережья, кордоном протянулись 4 территориальные дивизии ген. д'Амада, назначение которых заключалось в преграждении неприятельской коннице путей вглубь французской территории.

3-я франц. армия (4-й, 5-й и 6-й корпуса и 7-я кав. див.) находилась на левом берегу р. Отэна, на линии Этен-Ямец, имея группу рез. дивизий (так назыв. лотарингскую армию) к востоку от Вердена, в районе маасских высот.

4-я армия (2-й, 9-й, 11-й, 12-й, 17-й и колон. корпуса; 4-я и 9-я кав. див. и две рез. дивизии), только что сменивши 5-ю армию на участке Мааса, между устьями р. р. Шиеры и Семуа, заняла широкий фронт от Монмеди до Шарлевиля.

5-я армия (1-й, 3-й, 10-й, 18-й корпуса и две дивизии 19-го, 1-й кав. корпус и три рез. дивизии) к вечеру этого дня заняла указанное ей расположение между р.р. Самброй и Маасом, причем ее конница находилась на левом берегу Самбры.

Из этого видно, что 3-я и 4-я армии имели против себя две германские, IV-ю и V-ю, обладавшие, в общем, равными с ними силами, причем, по своему положению относительно друг друга обоим противникам предстояло фронтальное столкновение. Принимая во внимание, что на пути наступления I-й герм. армии должна была находиться английская, против войск ген. Ланрезака оказывались две герм. армии, II-я и III-я, которые не только значительно превосходили их своей численностью, но и занимали уже теперь по отношению к ним охватывающее положение. Вообще же, вся правофланговая группа герм. армий (I-я, II-я и III-я) занимала в самбро-мааском районе, по отношению к находившимся здесь англо-французским войскам, столь выгодное в оперативном смысле расположение, допускавшее обход обоих флангов и прорыв между союзными армиями, что именно здесь, к западу от Мааса, следовало ожидать в ближайшие дни решающих событий большого стратегического значения.

Наступательные планы сторон.

Каковы же были оперативные намерения обеих сторон, те оперативные планы, которые должны были привести в действие эти крупные массы войск, развернувшиеся на столь широком фронте и направлять их к каким-то стратегическим целям?

План германского главного командования получил свое, хотя и не очень отчетливое, выражение в директиве германской главной квартиры, об'явленной для трех правофлан-

говых армий вечером 20 августа [1]). Задачи, поставленные армиям, определены здесь следующим образом: I-я и II-я армии, обеспечив себя со стороны Антверпена, устраиваются на линии, достигнутой ими в тот день, а затем, по соглашению между командующими армиями, продолжают наступление против неприятеля, находящегося к западу от Намюра, в связи с наступлением III-й армии на участке Мааса Намюр—Живэ; атака Намюра должна быть начата возможно скорее. Для действий IV-й и V-й армий не было дано каких либо определенных указаний, потому что предполагалось, что обстановка сама укажет атаковать ли им находящегося перед ними противника или перейти к обороне. Следовательно, собственно наступление, с целью поражения находившегося впереди противника, предусматривалось только для трех правофланговых армий и должно было вестись не под руководством главного командования, как следовало ожидать, а по взаимному соглашению командующих армиями. Уклоняясь от ближайшего руководства операциями правого фланга, германская главная квартира лишала свои армии той согласованности действий, которая так нужна была для обеспечения им решительного успеха в предстоявших боях к западу от Намюра [2]). Основная идея наступательного плана немцев заключалась в атаке противника правым крылом, западнее Мааса, с предоставлением армиям широкой самостоятельности в выборе способов для выполнения этой задачи.

Французский план наступления выражен в трех директивах главной квартиры, данных 3-й и 4-й армиям (отдельно каждой) вечером 20 августа, а 5-й и английской (обеим вместе)—утром 21-го [3]). Директива для 3-й армии заключала

---

[1]) Директивы герм. главн. квартиры имеются в сочинениях Клука, Бюлова, Гаузена и Дюпона, где они приведены, в большинстве случаев, текстуально, в официальном же германском описании войны они даны или в выдержках, или в пересказе.

[2]) Это неблагоприятное обстоятельство в некоторой степени ослаблялось подчинением с 17 августа I-й армии ген. Бюлову.

[3]) Эти директивы приведены в книге Ф. Анжерана (La Bataille de la Frontière, стр. 110—113).

в себе следующие указания: 21 августа армия должна начать наступление в общем направлении на Арлон, продвинувши головы своих корпусов на линию Виртон—Теланкур—Пьерпон; задача армии—атаковать противника, который будет угрожать правому флангу 4-й армии и быть готовой, если потребуется, сражаться фронтом к востоку. Директива для 4-й армии разрешала немедленное выдвижение сильных авангардов на линию Бьевр—Пализей—Бертрикс—Стрэмон—Тинтиньи, для обеспечения выхода армии за р. Семуа и ее наступления в общем направлении на Нэфшато. Наконец, директива, общая для 5-й и английской армий, гласила следующее: 5-я армия, опираясь на Маас и на крепость Намюр, будет иметь предметом своих действий северную группу противника; английская армия должна содействовать этому, поддерживая связь с левым флангом 5-й армии и выдвинувши свои главные силы в направлении на Суаньи.

Эти французские директивы дают нам возможность составить себе определенное представление лишь о частных задачах армий и о том, что наступление было указано всем четырем армиям; но каков должен быть общий характер этого наступления, какая положена в основание оперативного плана руководящая идея, общая для всего театра военных действий и для всех вооруженных сил союзников, и каково было относительное значение различных операционных направлений,—об этом мы не получаем никаких определенных сведений из этих распоряжений французского главного командования. За этими сведениями мы должны обратиться к самому Жоффру, который, в своей брошюре „La préparation de la guerre et la conduite des opérations“ [1]), так формулирует свой оперативный план: главный удар должны были нанести 3-я и 4-я армии, наступая, через вел. герцогство люксембургское и бельгийский Люксембург, на сообщения германских армий, направлявшихся через Маас между Намюром и голландской границей; вспомогательное наступление возлагалось на 1-ю и 2-ю армии между Мецом и Вогезами, с целью отвлечь на себя те силы противника,

[1]) Имеется в русском переводе, изд. В. В. Р. Сов. 1923 г.

которые могли угрожать флангу 3-й и 4-й армий; наконец, 5-я, английская и бельгийская армии получили задачу служить заслоном в самбро-маасском районе против неприятельских войск на левом берегу Мааса, для того, чтобы, задерживая их движение, предоставить французским армиям необходимое время для развития наступления в Люксембурге.

Итак, главный удар—в центре, а две вспомогательные атаки на флангах: на правом—более сильная, на левом—слабее (особенно с того дня, когда бельгийская армия отошла к Антверпену). Несмотря на то, что наступление в Эльзас-Лотарингию привело французов к большим разочарованиям, а вторжение в Бельгию крупных германских сил создало серьезную угрозу для положения союзных армий на бельгийско-французской границе, Жоффр все же не отказывается от мысли вести главное наступление в Арденах, хотя момент для этого был уже безвозвратно потерян. До какой степени французское главное командование неправильно уясняло себе в то время обстановку, видно из письма Жоффра к командующему 4-й армией, ген. Ланглъде-Кари, от 20 августа, в котором, в ответ на нетерпеливые требования своего подчиненного скорее начать наступление, французский главнокомандующий говорит: „Я понимаю ваше нетерпение, но думаю, что еще не настало время начинать движение; чем более будет обнажен район Арлон, Одэн-ле-Ромен, Люксембург, тем лучше для нас. Я твердо решил не начинать наступления до тех пор, пока не наступит подходящий момент; противник может быть заинтересован в том, чтобы вызвать нас на это наступление раньше времени, но нам не следует лезть в западню".

Но, как будет видно из дальнейшего изложения, наступление пришлось начать раньше, чем наступил этот подходящий момент, и лишь с величайшим трудом оказалось возможно избегнуть западни, приготовленной противником; потому что, вследствие благоприятного стратегического положения, занятого к тому времени на театре военных действий германцами, решающим фактором обстановки явля-

лась их оперативная воля, значение которой слишком низко расценивалось французским командованием.

И если бы последнее даже и пожелало считаться с этим фактором и применяться к намерениям противника, то оно встретило бы значительное затруднение для этого в тех недостаточных и неправильных сведениях о неприятеле, которые в то время находились в распоряжении французской главной квартиры.

Вот в каком виде представлялась ей обстановка: на Маасе (к северу от Намюра)—7 герм. корпусов и 4 кав. дивизии, в бельгийском Люксембурге—3 корпуса и 1 кав. дивизия, между Люксембургом и Диденгофеном—3 корпуса и 2 кав. дивизии, а всего в Бельгии и Люксембурге—13 корпусов и 7 кав. дивизий. Первые сведения о германских рез. корпусах получены лишь 17 августа; тогда же стало выясняться движение II-й герм. армии и ее переправа через Маас между Гюи и Льежем; о движении I-й армии имелись лишь смутные сведения: к 20 августа было только известно о наступлении крупных сил противника на Брюссель. Столь же неясны были сведения о наступлении III-й герм. армии; было лишь обнаружено движение каких-то неприятельских частей к Маасу южнее Намюра. О IV-й и V-й герм. армиях не имелось никаких определенных сведений, почему французский план и не принимал во внимание сильную V-ю герм. армию, наступавшую в направлении весьма опасном для французских войск, направляемых за р. Семуа, и угрожавшую правому флангу и тылу 3-й франц. армии. Кроме того, этот план возлагал на 5-ю франц. и английскую армии очень трудную, даже, может быть, непосильную задачу—остановить германские войска в самбро-маасском районе, где, даже по сведениям французской главной квартиры, находились в то время силы противника, не уступавшие по численности англо-французским, но в действительности значительно превосходившие их.

Таким образом, та картина неприятельского наступления, которую рисовала в это время французская разведка своему главному командованию, обладала двумя неблагоприятными особенностями: она сильно уменьшала (почти вдвое) числен-

ность противника, наступавшего через Бельгию, и не давала никакого представления о группировке этих сил по армиям и о тех направлениях, по которым эти армии наступали; иначе говоря, она не давала возможности разгадать намерения противника, уяснить себе, хотя бы в общих чертах, характер неприятельского плана.

На всем фронте от среднего Мозеля до верхней Шельды армии противников или уже наступали (правофланговые германские армии в Бельгии), или готовились наступать, почему, в результате этого встречного наступления, в ближайшие дни вблизи бельгийско-французской границы произошел ряд крупных боев, совокупность которых известна в истории мировой войны под названием пограничного сражения. Это грандиозное столкновение девяти армий (пяти германских с тремя французскими и одной английской), охватившее фронт протяжением около 250 килом., в сущности говоря, не представляло собой одного сражения, а являлось сложной стратегической операцией. Соответственно группировке армий обеих сторон и районам, в которых они наступали и сражались, эта общая операция может быть подразделена на две частные: 1) арденскую, обнимающую собой марши и бои встречного наступления в Арденах IV-й и V-й герм. армий против 3-й и 4-й французских и 2) самбро-маасскую, заключающую в себе передвижения и боевые действия I-й, II-й и III герм. армий против 5-й франц. и английской, по обе стороны р. Самбры и на Маасе южнее Намюра. В свою очередь, каждая из этих частных операций распадается на сражения, в зависимости от бо́льшей или меньшей обособленности и самостоятельности действий отдельных армий. Так, арденская операция состоит из сражений: у Лонгви (между V-й герм. и 3-й франц. армиями) и на р. Семуа (между IV-й герм. и 4-й франц.), а самбро-маасская: у Шарлеруа—Динана (между II-й и III-й герм. и 5-й франц. армиями) и у Монса (I-я герм. против английской армии).

После этих общих сведений о положении сторон и их оперативных намерениях, перейдем к описанию и исследованию боевых действий противников в отдельных сраже-

ниях. Начнем с операции в Арденах, где французы вели свое главное наступление и где раньше всего определилось крушение их оперативного плана.

2. Арденская операция (21—25 августа).

Характер местности в районе боевых действий.

Районом боевых действий 3-й и 4-й франц. и IV-й и V-й герм. армий послужила южная часть бельгийского Люксембурга и прилегающая к ней пограничная полоса французской территории до Мааса. Эта местность представляет собой невысокое лесистое плоскогорье Арден и имеет закрытый, пересеченный характер; реки текут здесь в глубоких руслах, в крутых, местами отвесных, берегах и имеют весьма извилистое течение. Дороги во многих местах пролегают по глубоким лощинам и оврагам, с частыми под'емами и спусками. Страна, в общем, малонаселенная, бедная, с малым числом крупных селений; более густое население встречается, главным образом, по долинам рек. Такой характер местности весьма неблагоприятно отражается на тактической деятельности войск: он затрудняет их движение, особенно артиллерии и обозов; вынуждает к принятию особых мер для поддержания связи между колоннами и обеспечения согласованности в их действиях; стесняет кругозор, затрудняя разведку и наблюдение; а в бою требует высокого проявления инициативы и находчивости со стороны частных начальников. Все эти обстоятельства приобретали в данном случае особенное значение, потому что предстоявшие боевые столкновения должны были иметь характер встречных боев, иногда неожиданных для обеих сторон. Эти особенности местности резче выражены к северу от линии Монмеди—Лонгви и слабее к югу от этой линии; южная часть района боевых действий, по обе стороны р. Орна и южнее, имеет равнинный и открытый характер.

Сражение у Лонгви. (21—25 авг.)

К вечеру 20 августа, в момент получения директивы главного командования для наступления, 3-я франц. армия находилась на левом

берегу р. Отэна, на линии Этен—Ямец: 4-й корпус—в районе Ямец—Марвиль, поддерживая у последнего пункта связь со 2-м корпусом (4-й армии); 5-й—у Манжиена; две дивизии 6-го корпуса и 7-я кав. дивизия — в районе Спинкура, а третья (40-я) дивизия этого корпуса — у Муавиля, фронтом на Конфлан—Брие, для прикрытия правого фланга армии; наконец, группа из семи рез. дивизий располагалась к востоку от Вердена, вдоль маасских высот, для обеспечения со стороны Меца участка Верден-Туль, при чем две из этих дивизий, 54-я и 67-я, находились у Этена [1]).

Положение обеих сторон к 21 августа.

Соответственно приведенной выше директиве Жоффра, командующий армией, ген. Рюфэ, в ночь на 21 августа сделал распоряжение о продвижении на следующий день своих корпусов на линию Виртон — Теланкур — Пьерпон, при чем, по мере продвижения главных сил армии к северу, 54-я рез. дивизия должна была сменить 40-ю дивизию, чтобы дать ей возможность продвигаться уступом за другими дивизиями своего корпуса. В то время, когда отдавалось это приказание, в штабе 3-й армии имелись недостаточные и неопределенные сведения о противнике: район Виртон—Арлон—Лонгви считался незанятым; по одним сведениям Лонгви обстреливался неприятельской артиллерией, по другим — оставался нетронутым; какие-то германские войска обнаружены двигающимися к северу от Лонгви со стороны Люксембурга.

Посмотрим, каково же было в действительности в это время положение V-й герм. армии, находившейся против 3-й французской.

Еще в период сосредоточения этой армии в районе Диденгофен—Мец, между 4 и 7 августа, IV-й кавалерийский корпус (3-я и 6-я кав. дивизии) перешел французскую границу между Филиером и Одэн-ле-Роменом и направился к линии Спинкур—Лонгюон, тесня перед собой слабые неприятельские части из войск прикрытия; 10 августа эта

[1]) Некоторые из этих дивизий (напр., 65-я и 75-я) прибыли к Вердену с других участков фронта уже во время сражения.

конница дошла до р. Отэна: западнее Лонгюона 3-я кав. дивизия вела бои с 9-й франц. кав. дивизией, а 6-я, выдвинувшись за реку, в окрестности Манжиена, атаковала передовыя части 8-й франц. дивизии (4-го корпуса), но была отброшена к Аранси. После этого 3-я кав. дивизия была перемещена к северу от Лонгви для освещения местности к стороне Кариньяна и Монмеди, 14-го достигла Эталя и здесь отбросила к Тиньтиньи 4-ю франц. кав. дивизию; 6-я отошла к левому флангу своей армии, к Одэн-ле-Ромену.

До 17 августа V-я армия, в виду ожидавшегося наступления французов к югу от Меца, удерживалась главным командованием на линии Бетенбург—Диденгофен—Мец; в 1-й линии находились V-й, XIII-й и XVI-й корп., во 2-й—V-й рез. и VI-й рез., а кавалерийские дивизии—на флангах. На следующий день армия начала продвигаться на линию Арлон—Диденгофен: V-й корпус от Бетенбурга на Арлон, XIII-й—из северных окрестностей Диденгофена на Кюнцих, XVI-й—от Диденгофена к Арсвейлеру, V-й рез.—от Бетенбурга на Капелен и VI-й рез.—из северных окрестностей Диденгофена на Эш. Левофланговый (VI-й) корпус IV-й армии в то же время наступал на Атер и Леглиз к Нэфшато. К вечеру 20 августа армия заняла линию Эталь (V-й корпус и 3-я кав. дивизия)—Шатийон (XIII-й)—Эш (VI-й рез.)—Отинген—Арсвейлер (XVI-й), имея V-й рез. корпус эшелонированным от Бетенбурга на Капелен; 6-я кав. дивизия находилась к югу от Арсвейлера. Следовательно, уже в своем исходном положении для наступления, эта армия находилась лишь в одном переходе от 3-й французской, которая не имела почти никаких сведений о ней и, будучи вдвое слабее ее [1]), занимала своими главными силами положение, дававшее немцам возможность легко охватить оба ее фланга.

Директивой германской главной квартиры от 17 августа (определявшей порядок общего наступления всеми армиями) V-й герм. армии указана задача: выдвинувшись своим пра-

[1]) Считая у немцев ландверные бригады и 33-ю рез. дивизию, которые пока оставались в тылу, но в последующие дни приняли участие в сражении.

вым флангом к Эталю, для сохранения связи с IV-й армией, своим левым флангом оставаться у Диденгофена, чтобы служить осью захождения для армий, наступавших через Бельгию; на нее же было возложено овладение фортами Лонгви и Монмеди. Армии была дана, в общем, оборонительная задача; она должна была принять на себя атаку противника и лишь после этого, смотря по обстоятельствам, перейти к наступательным действиям. В виду этого, армия не получила на 21 августа никаких приказаний для дальнейшего движения и весь следующий день оставалась в занятом ею расположении, ведя своей конницей разведку на флангах: 3-й кав. дивизией на Флоранвиль, а 6-й—в западных окрестностях Одэн-ле-Ромена. В этот день были, однако, сделаны распоряжения для атаки Лонгви: для этой цели был сформирован отряд под начальством ген. Кэмпфера (начальника инженеров армии), в составе 52-й пех. бригады (XIII-го корпуса), артиллерийских и инженерных частей. Атака поведена с утра 21-го с северной стороны; сначала пехота подошла на близкое расстояние к форту, чтобы дать возможность установить тяжелые батареи, а затем, с 4 час. дня, тяжелая артиллерия начала громить фортовые сооружения. В тот же день артиллерия форта прекратила огонь, но гарнизон еще не сдавался.

Боевые действия 21 августа.

Между тем, с утра 21 августа корпуса 3-й франц. армии начали свое наступление к северу и без сопротивления со стороны противника к вечеру достигли назначенных им пунктов: 4-й—Виртона, 5-й — северных окрестностей Теланкура, 6-й — Пьерпона, 40-я дивизия — западных окрестностей Ляндра и 7-я кав. дивизия—Одэн-ле-Ромена; 6-й корпус с кав. дивизией без труда потеснил слабые передовые части XVI-го герм. корпуса, занимавшие район Ляндра, и отбросил их к Омецу. Вследствие различных недоразумений, происшедших при формировании группы резервных дивизий ген. Дюрана и при распределении между дивизиями оперативных задач, ни одна из них в этот день не была готова сменить 40-ю дивизию и занять участок Этен—Спинкур для

обеспечения правого фланга армии, почему 21 августа между этим флангом и резервными дивизиями, группировавшимися в районе Этен—Верден, образовался разрыв протяжением около 20 килом.

В приказе по армии на 22 августа ген. Рюфэ дал следующие указания для дальнейших действий: задача армии такая же двойственная, как и вчера—быть готовой атаковать и к северу, и к востоку; 4-й корпус наступает подивизионно, на Эталь и Шатийон; 5-й—к Мей (между 4-м корпусом и Лонгви); 6-й, одной дивизией заслоняется к стороне форта Дифердингена, а другой наступает между этим фортом и Лонгви; 40-я дивизия продвигается к Филиеру, будучи в готовности отразить всякую атаку со стороны Диденгофена; 7-я кав. дивизия ведет разведку на Эш и Диденгофен; наконец, 54-я рез. дивизия занимает участок Этен—Спинкур, а 67-я располагается в западных окрестностях Этена, обе—для обеспечения правого фланга армии.

Следовательно, армия своим левым флангом должна была тянуться к северу, а правым—смотреть на восток; причем из 9-ти дивизий (не считая конницы) только 5 должны были выполнять главную задачу — идти навстречу противнику, а 4 дивизии назначались для второстепенных действий по обеспечению главных операций и для охранения фланга.

Такой характер наступательного плана ген. Рюфэ был тем более опасен, что в этот день сведения о противнике оставались столь же скудными, как и накануне; достаточно сказать, что за весь этот день, до 6 час. вечера, 7-я кав. дивизия, находившаяся в постоянном соприкосновении с неприятелем в районе Ляндр—Одэн-ле-Ромен, не дала о нем ни одного сведения.

В то же время готовилась к наступлению и V-я герм. армия. В штабе этой армии, на основании собранных в течение дня сведений о противнике, к вечеру 21 августа составилось такое представление о его действиях и намерениях: неприятель наступает к северо-востоку с целью освободить Лонгви, а также для того, чтобы проникнуть в промежуток между V-й и IV-й герм. армиями и атаковать

последнюю в левый фланг; одновременно же с этим, своим наступлением в районе Лонгви он хочет прорвать фронт V-й армии. Этому наступательному плану противника, конечно, невозможно было противодействовать оборонительными действиями; для того, чтобы расстроить этот неприятельский план, необходимо было немедленно перейти в наступление. Однако, в виду того, что директива от 17 августа не предусматривала для V-й армии такого наступления, пришлось, раньше чем принимать соответствующие решения, испросить по этому вопросу согласие главного командования, которое вскоре и было получено. После этого, для боевых действий 22 августа были даны, вечером 21-го, по соглашению со штабом IV-й армии, следующие приказания: левофланговый (VI-й) корпус IV-й армии должен был с утра наступать от Леглиза на Росиньоль и Тинтиньи; 3-я кав. дивизия — поддерживать связь между внутренними флангами армий; V-й корпус — наступать от Эталя к Виртону и Эту, где и расположиться для обороны; XIII-й — от Шатийона на Блейд и Теланкур; VI-й рез. — из западных окрестностей Эша на Лонгюон и Пьерпон; V-й рез.—выйти в промежуток между VI-м рез. и XVI-м корпусами и наступать на Эш и далее на Филиер; XVI-й — наступать южнее V-го рез., на участке до Одэн-ле-Ромена; 6-я кав. дивизия—обеспечивать левый фланг армии к югу от Одэн-ле-Ромена. Такая организация наступления указывает на то, что немцы опасались за правый фланг V-й армии и за связь этого фланга с левым флангом IV-й; выдвижение германских войск должно было привести на следующий день к целому ряду встречных боев на всем фронте, наступавших одна против другой, армий.

Боевые действия 22 авг. а) Бои у Виртона и Эта.

С утра 22 августа обе стороны начали наступление; стоял густой туман, сильно затруднявший наблюдение и приводивший, в утренние часы, ко многим неожиданным столкновениям. Прикрываясь справа 3-й кав. дивизией, поддерживавшей связь с VI-м корпусом, V-й корпус насту-

пал 9-й дивизией на Виртон, а 10-й — на Эт [1]). В то же время навстречу ему, на Эталь и Шатийон, шел 4-й франц. корпус. Германцы начали свое движение еще ночью, чтобы к рассвету пройти лесистую местность, лежавшую на пути к Виртону, а потому рано утром, когда авангард 8-й франц. дивизии начал выходить из Виртона по дороге на Эталь, немцы уже подходили к этому пункту. Французский авангард был атакован 9-й герм. дивизией и отброшен на главные силы, которые, не будучи в состоянии продвинуться на Эталь, развернулись по обе стороны Виртона и завязали бой с противником. В 9 час. утра туман рассеялся и артиллерия обеих сторон открыла огонь. После сильного артиллерийского боя и нескольких пехотных атак, 8-я франц. дивизия, которой содействовали у Мей-деван-Виртона [2]) правофланговые части 2-го корпуса (4-й армии), упрочила свое положение у Виртона, но к наступлению темноты немцы все таки овладели французской позицией. В течение ночи французы отошли к Ламарто. В то же время 10-я герм. дивизия вела бой у Эта с 7-й французской. Сначала, пока стоял туман, головные части немцев, подходившие к этому селению и неожиданно обстрелянные французским авангардом, были потеснены, но когда туман исчез, германской артиллерии удалось своим огнем отрезать этот авангард от главных сил противника, а пехоте — проникнуть в промежуток между 4-м и 5-м франц. корпусами, которые в этот день не имели никакой связи друг с другом. Тем не менее, французам удалось до вечера удержать селение в своих руках, но так как к этому времени 5-й франц. корпус уже отошел к югу, то и 7-й дивизии пришлось ночью отойти за р. Шиеру в район Шаранси.

---

[1]) Хотя действия VI-го корпуса и были задуманы в связи с общей операцией V-й армии, но так как этот корпус входил в состав IV-й армии и в боях у Росиньоля и Тинтиньи имел против себя войска 4-й французской, то мне кажется более удобным отнести описание этих боев к исследованию встречного наступления тех армий, к составу которых принадлежали участвовавшие в них войска.

[2]) На схеме №13 — Мей.

В этих боях герм. артиллерия понесла большие потери людьми, вследствие того, что лесистая местность, а в утренние часы и туман, вынуждали занимать открытые позиции на близких расстояниях от противника.

б) Бои у Блейда и Лонгви.

Еще более неудачны оказались в этот день действия 5-го франц. корпуса. Вместо того, чтобы наступать западнее Лонгви к северу, сохраняя связь с 4-м корпусом, командир корпуса выделил часть 9-й дивизии к Блейду и Баранзи, а с главными силами пошел от Теланкура на Лонгви, где вскоре после полудня вступил, в крайне невыгодных для себя условиях, в бой с германскими войсками, осаждавшими форт и занимавшими хорошо укрепленные позиции, снабженные тяжелой артиллерией. В виду наступления французов к форту, ген. Кемпферу пришлось отменить назначенный на этот день штурм и, при содействии бригады 26-й дивизии, атаковать противника и отбросить его, с большими потерями и в беспорядке, к Теланкуру. Одновременно с этим, остальные войска XIII-го герм. корпуса (27-я див. и бригада 26-й) атаковали части 9-й франц. дивизии у Блейда и оттеснили их к югу. Поражение 5-го франц. корпуса, особенно его главных сил, наткнувшихся на неприятельские укрепления и тяжелые батареи противника, произошло столь неожиданно и быстро, что вызвало полное расстройство войск и их поспешное отступление. По получении об этом донесения, командующий армией тотчас же командировал в расположение корпуса начальника штаба армии, ген. Гросети, для приведения войск в порядок и организации отхода. Между тем, немцы, достигнувши такого крупного успеха в начале дня и с небольшими потерями, вместо того, чтобы развивать его, временно прекратили бой, ввиду неясности обстановки и потери связи с соседними частями; и лишь в 3 ч. дня начали преследовать противника, отходившего к Теланкуру [1]). Этот двухчасовой перерыв, конечно, дал

[1]) Немецкие источники об'ясняют этот перерыв боя необходимостью, раньше, чем преследовать французов, установить утраченную связь с V-м корпусом, что было особенно важно, вследствие

возможность французам устроить свои войска и в порядке отвести их к Лонгюону. К вечеру XIII-й герм. корпус, дойдя до Теланкура, занял этот пункт 26-й дивизией, а 27-ю расположил севернее. Следует думать, что если бы командир этого корпуса, ген. Фабек, не прерывая боя, продолжал энергично теснить противника, то едва ли последнему удалось бы увести свои расстроенные войска к р. Шиере.

в) Бои у Уньи и Донкура.

6-й франц. корпус своими главными силами наступал от Пьерпона на Уньи (12-й дивизией) и Лекс (42-й дивизией). Навстречу ему, из западных окрестностей Эша, шел VI-й герм. рез. корпус: 11-я рез. дивизия—на Уньи и Лонгюон, а 12-я рез.—на Лекс и Пьерпон. Не доходя Уньи, между этим селением и Лонгви, немцы столкнулись с противником и, после непродолжительного боя, оттеснили его к юго-западу, заняли Уньи и здесь до вечера отражали неприятельские контр-атаки. 12-я рез. дивизия дошла до Лекса без боевых действий, но у Донкура (в 5 килом. далее к юго-западу) встретила упорное сопротивление французов, большая колонна которых (12-я дивизия) наступала сюда с юга, угрожая левому флангу германцев. Для противодействия этому охватывающему движению противника пришлось обратится за помощью к соседнему V-му рез. корпусу, который в 3 час. дня направил одну бригаду 10-й рез. дивизии от Иопекура на Пьерпон, что дало возможность 12-й рез. дивизии спокойно отойти на высоты к западу от Лекса. VI-й рез. корпус заночевал на линии Уньи—Лекс, а 6-й французский отошел на р. Крюн, в район Аранси—Пьерпон. Таким образом, не нанеся, в сущности говоря, решительного поражения противнику, немцы в этих боях достигли лишь ограниченной цели,—не допустили французов подойти к Лонгви и воспрепятствовать штурму форта.

появления неприятельской пехоты (вероятно, 7-й франц. дивизии из Эта) в промежутке между герм. корпусами.

г) Бои у Филиера и Одэн-ле-Ромена.

В этот день, как мы знаем, задача по обеспечению правого фланга 3-й франц. армии была возложена на 40-ю дивизию (6-го корпуса), 7-ю кав. и две рез. дивизии. Но, в действительности, эта тяжелая доля досталась одной 40-й дивизии, которая, конечно, одна не могла прикрыть армейский фланг от ударов превосходного по численности противника. 7-я кав. дивизия, которая должна была разведывать и охранять у Одэн-ле-Ромена, при первых же признаках неприятельского наступления с этой стороны, желая уклониться от столкновения с противником (войсками XVI-го герм. корпуса), повернула к северо-западу на Филиер, но, встретивши и здесь германскую пехоту (XVI-го или V-го рез. корпусов, сражавшихся с 40-й франц. дивизией), около 5 ч. вечера, без потерь, отошла на юг к Решикуру, оставивши весь район Одэн-ле-Ромен—Ляндр без наблюдения. 54-я и 67-я рез. дивизии, вследствие путаницы в распоряжениях и вообще плохой организации лотарингской армии, только к ночи с 22-го на 23 августа могли достигнуть Спинкура и расположиться: 54-я — к северо-востоку и востоку, а 67-я — к югу от этого пункта [1]). Итак, 40-й франц. дивизии, наступавшей от Муавиля к Филиеру, приходилось вести неравный бой с противником, надвигавшимся с линии Эш—Отинген—Арсвейлер; это были войска V-го рез. и XVI-го корпусов.

V-й рез. корпус, выдвинувшись ночным переходом из района Капелен—Бетенбург, в промежуток между VI-м рез. и XVI-м корпусами, к 9 час. утра подошел в окрестности Омеца, где около 11 ч. утра получил приказание наступать на участок Пьерпон—Иопекур; 10-я рез. дивизия пошла на Иопекур, а 9-я—на Филиер. Обе вступили в бой с французскими войсками, занимавшими эти пункты: с 42-й дивизией—у первого, а с 40-й—у второго из этих пунктов.

---

[1]) Лотарингская армия состояла, по одним источникам из 7, по другим—из 9 рез. дивизий; 22 августа в командование этой армией вступил ген. Монури (в Вердене) и с тех пор она разделялась на две группы рез. дивизий: ген. Поля Дюрана и ген. Ламаза.

Одна бригада 10-й рез. дивизии, как уже упоминалось выше, направилась на Пьерпон для поддержки 12-й рез. дивизии. Одновременно с этим, на Филиер наступала и правофланговая бригада 34-й дивизии (XVI-го герм. корпуса). После упорного боя с превосходными силами противника, 40-я франц. дивизия, атакованная с двух сторон, отошла, совершенно расстроенная, сначала к Иопекуру, но, преследуемая V-м рез. корпусом и 34-й дивизией, не могла задержаться здесь и продолжала свое отступление к Нуйон-пону и даже южнее. Другая (33-я) дивизия XVI-го герм. корпуса, имея слева от себя 6-ю кав. и встречая лишь слабое сопротивление небольших французских частей, наступала через Одэн-ле-Ромен к Ляндру, не доходя до которого и остановилась на ночлег.

Результаты боевых действий 22 августа и предположения на 23-е.

Из сказанного о боевых действиях 22 августа видно, что французы потерпели в этот день крупную неудачу на всем фронте своей 3-й армии; они не только нигде не могли опрокинуть противника, но даже нигде не остановили его наступления. Немцы во всех боях этого дня неизменно атаковали в наивыгоднейших для себя условиях; то угрожали охватом, то прорывали французские линии и отбрасывали назад расстроенные неприятельские войска. Благодаря некоторой устойчивости 4-го франц. корпуса, обнаруженной им в боях у Виртона, опасность охвата миновала на левом фланге армии, но за то в более грозном виде она появилась к концу дня на правом фланге, где расстройство французских войск было наибольшим. Трудно было ожидать, чтобы корпуса и дивизии, после горьких испытаний этого дня, были пригодны в ближайшие дни для выполнения какой-либо крупной операции. Правда, в распоряжении 3-й армии находилось несколько резервных дивизий, еще не принимавших участия в бою, но мы видели в каком неустроенном виде находилась эта импровизированная, наспех набранная группа, которой было присвоено громкое название лотарингской армии. Составленная исключительно из второочередных частей, привезенных к

Вердену с различных участков фронта и не знавших одна другую, а также своих начальников, не имевшая ни организованного штаба, ни потребных средств для связи и разведывания, эта армия едва ли могла существенно изменить положение, создавшееся в районе Лонгви.

Тем не менее, командующий 3-й армией в ночь на 23 августа вновь задумывает перейти на следующий день в наступление, побуждаемый к этому и главным командованием, которое просит ген. Рюфэ „возобновить атаку в общих интересах операции". Такая просьба французской главной квартиры не покажется нам странной, если мы обратим внимание на то обстоятельство, что, несмотря даже на введение немцами в бой 22 августа весьма крупных сил, французское главное командование исчисляло силы противника значительно ниже действительного; так, в сообщении, посланном в этот день в 4-ю, 5-ю и английскую армии, ген. Бертело говорит, что немцы имеют против 3-й армии XIII-й и XVI-й корпуса и может быть—VIII-й корпус [1]). Но странным кажется, что о наступлении думал и командующий 3-й армией, который знал, что против него находятся значительно большие силы противника и что его войска сильно расстроены. При таких условиях все эти наступательные замыслы теряли, конечно, всякое реальное значение и заранее были обречены на то, чтобы остаться лишь на бумаге; тем более, что и само наступление намечалось какое-то нерешительное и робкое, как будто бы хотели только одной возможностью такового напугать неприятеля. Корпуса должны были основательно закрепиться в занимаемом ими расположении, даже создавши 2-ю укрепленную линию и быть готовыми двинуться вперед; наступление начинал 6-й корпус, но и то условно, после того, как 54-я и 67-я рез. дивизии займут назначенные им места на правом фланге армии. С таким

[1]) Вообще, во французской главной квартире упорно держались мнения, что французы обладали большим численным превосходством над противником и не только в 3-й, но и в других армиях; это высказано Жоффром вполне определенно в его сообщениях военному министру о ходе военных действий 23-го и 24 августа.

оборонительным настроением и с такими условностями французы немногого достигли бы в этом наступлении!

Что касается немцев, то позднее прибытие войск на ночлеги и неполучение в этот день штабом V-й армии указаний главного командования не дали возможности составить заблаговременно каких-нибудь оперативных предположений на следующий день. Кроме того, после успехов 22 августа, кронпринц склонялся к тому, чтобы пока не наступать дальше, а сохранять прочную связь своим левым флангом с крепостным районом Мец — Диденгофен, не подвергая себя опасности фланговаго удара со стороны Вердена. Но, как увидим из дальнейшего изложения, полученные им на следующий день указания главной квартиры изменили его намерения.

Боевые действия 23 августа.

Утром 23 августа немцы занимали линию Виртон — Теланкур — Уньи — Иопекур — Ляндр, имея 3-ю кав. дивизию к юго-западу от Эталя, а 6-ю — у Ляндра; пять ландверных бригад, снятых с позиций на р. Ниде (в виду успешного наступления VI-й армии), сосредоточивались к Мецу и Брие, а 33-я рез. дивизия (главный крепостной резерв Меца) подходила к левому флангу армии.

Французские войска в это время располагались следующим образом: 4-й корпус — на р. Шиере у Шаранси и западнее, 5-й — на р. Отэне у Марвиля и восточнее, а 6-й — главными силами далее по этой реке, у Пилона и Нуйонпона, занимая авангардом укрепленную позицию у Аранси; остатки 40-й дивизии — в расположении этого корпуса; 7-я кав. дивизия — к северо-востоку от Спинкура; 54-я рез. дивизия — в северо-восточных, а 67-я — в юго-восточных окрестностях этого города. Остальные рез. дивизии — у Вердена, в районе маасских высот.

В 7 час. утра в штабе V-й герм. армии была получена директива главного командования, в которой высказывалось пожелание „отбросить противника, находящегося к северу от Вердена, в западном направлении“. В виду этого, командующий армией приказал войскам возобновить преследова-

ние по всему фронту, с целью отрезать французов от крепости; корпусам было указано достигнуть в этот день р. Отэна.

Стремление обеих сторон к продолжению активных действий и сосредоточение ими в районе между Верденом и Мецом свежих войск указывали на вероятность в ближайшее время оживленных боев в этой местности; однако, в этот день боевые действия не получили здесь большого развития.

У немцев, вследствие сильного утомления войск и позднего получения приказаний, корпуса не выполнили данных им задач. V-й корпус потерял связь с VI-м, повернувшим к западу для выполнения задачи, полученной от штаба своей армии и, в виду неясной обстановки, простоял весь день на месте, ведя лишь артиллерийскую борьбу с французскими батареями у Мей-деван-Виртона: впрочем, 10-я дивизия перешла от Эта в южные окрестности Виртона. XIII-й корпус лишь после полудня начал движение и к вечеру своим левым флангом (частями 26-й дивизии) занял Лонгюон; остальные его войска были задержаны передовыми войсками 4-го франц. корпуса в лесистой местности между Теланкуром и р. Шиерой. VI-й рез. поздно вечером достиг р. Крюна на участке Лонгюон (11-я рез. див.) — Пьерпон (12-я рез. дивизия). V-й рез. корпус оставался на месте, у Иопекура, выделивши пехотный полк к Лонгви, в осадный отряд Кэмпфера. Наконец, XVI-й корпус без боев дошел до окрестностей Решикура. Большая перегруппировка происходила в этот день на левом фланге армии: три ландверные бригады (9-я бавар., 13-я и 53-я) собрались из тыла к Брие, а две (43-я и 45-я) — к Ляндру; 33-я рез. дивизия подошла от Меца к Конфлану [1]). Здесь же предполагали сосредоточить и всю армейскую конницу, для чего 3-я кав. дивизия переходила сюда с правого фланга армии для присоединения к 6-й, находившейся у Ляндра.

---

[1]) Эта дивизия до 21 августа находилась на правом фланге VI-й армии, после чего, через Номени и Мец, направлена к левому флангу V-й.

В это время 3-я франц. армия на всем своем фронте оставалась в занятом ею расположении и лишь на ее правом фланге, между Верденом и Спинкуром, местами происходили передвижения рез. дивизий, с целью занять более удобное положение для обеспечения этого фланга. Из полученных за ночь донесений о состоянии войск, ген. Рюфэ убедился в том, что никакое наступление в этот день немыслимо, о чем и донес главному командованию, с добавлением, что таковое будет предпринято лишь после приведения войск в порядок. Медленное продвижение противника и отсутствие боев в течение 23 августа, казалось бы, предоставляли французам возможность организовать какой-нибудь маневр на своем правом фланге с использованием достаточно крупных сил лотарингской армии, для чего необходимо было спешно подготовить эту группу войск для активных действий. Но ничего в этом отношении сделано не было. В то время, когда немцы проявляли усиленную деятельность по сосредоточению свежих войск на участке Ляндр—Конфлан, для выполнения на следующий день наступательного маневра против правого неприятельского фланга, французское командование изощрялось в придумывании различных пассивных задач для своей лотарингской армии. Двум рез. дивизиям (54-й и 67-й), непосредственно прикрывавшим правый фланг армии, постоянно внушалась мысль об их оборонительной роли и о необходимости укреплять свое расположение; общий характер той задачи, которая возлагалась на всю группу войск ген. Монури, так определялся в директиве Жоффра от 3 ч. дня 23 августа: воспрепятствовать противнику пройти между Тулем и Верденом и, по возможности, принять бой не иначе как на сильно укрепленной позиции маасских высот.

Предположения сторон на 24 августа.

К вечеру 23-го, в штабе V-й герм. армии, на основании полученных за день сведений о противнике, сложилось представление, что французами будет оказано сильное сопротивление на реке Отэне, куда ими направлены подкрепления из Вердена че-

рез Этен [1]). В виду этого, на 24 августа приказано, с целью облегчить корпусам на фронте форсирование реки, XVI-му корпусу, при содействии ландверных бригад и 33-й рез. дивизии, произвести обход правого неприятельского фланга. Удар противника со стороны Вердена признавался маловероятным, в виду небольшого числа находившихся в его районе войск. Последнее соображение составляло слабую сторону германских предположений на 24-е, потому что оно обнаруживало недостаточную осведомленность немцев в группировке и составе французских войск и не принимало в расчет лотарингской армии. Хотя последняя, как я уже говорил, и обладала весьма существенными недостатками в своей организации и подготовке к наступательным действиям, но все же это было крупное соединение войск (даже не считая 54-й и 67-й рез. дивизий — пять дивизий), которое, появившись в решительную минуту на поле сражения, могло послужить решающим фактором победы. Мы увидим, что в скором времени эта ошибка немцев сказалась неблагоприятно на положении их левого фланга.

Задачи германским корпусам были распределены следующим образом: V-му корпусу наступать на нижнюю Шиеру к Шаранси, не открывая огня по форту Монмеди; XIII-му—на участок Шиеры между Шаранси и Лонгюоном; VI-му рез.—форсировать р. Крюн у Пьерпона; V-му рез.—наступать к Репикуру для поддержки, смотря по обстоятельствам, или VI-го рез., или XVI-го корпусов. Последний должен был форсировать р. Отэн по обе стороны Спинкура и опрокинуть правый фланг противника; для содействия ему в выполнении этой задачи были назначены пять ландверных бригад, наступавших на Домреми от Ляндра (три бригады) и от Брие (две бригады), и 33-я рез. дивизия—от Конфлана на Гондрекур. Эти части составили сводный корпус ген. Овена [2]), подчиненный командиру XVI-го корпуса.

---

[1]) Это были, по всей вероятности, перемещения резервных дивизий, о которых я упоминал выше.

[2]) Комендант Меца.

Предположения командующего 3-й франц. армией на 24 августа заключались в организации наступательного движения, мало отличавшегося от его нерешительных намерений накануне. Непонятно, почему основным направлением для наступлении армии было назначено направление движения 5-го корпуса из окрестностей Марвиля (на р. Отэне) к Теланкуру, с которым должны были сообразоваться прочие корпуса при своем наступлении: 4-й между Теланкуром и Ламарто, а 6-й—на Нуйон-пон и Решикур; последний начинал движение не ранее того, как рез. дивизии, находившиеся справа, могли поддержать его. 7-я кав. дивизия сначала оставалась на левом берегу Отэна к северо-западу от Спинкура. Рез. дивизии лотарингской армии получили такие указания от ген. Монури: 54-я, 67-я и 72-я, под общим начальством ген. Поля Дюрана, имели задачей поддержать наступление 6-го корпуса, как только оно обнаружится; однако, не переходя за р. Крюн и прикрывая это движение к стороне Брие и Конфлана; 55-й и 56-й дивизиям указано оставаться на месте (на маасских высотах), а 75-й—заменить 72-ю на линии Этен—Фрэн.

Вот каковы были распоряжения французского командования на 24 августа. К какого же рода действиям должны были они привести в этот день? К робкому продвижению корпусов, с постоянным оглядыванием их один на другого, причем 6-му корпусу надлежало ждать поддержки от рез. дивизий, а этим последним—выжидать наступления этого корпуса; но даже и эта поддержка, столь сложно обусловленная, могла быть оказана на небольшом протяжении. А на всем остальном пространстве между правым флангом армии и Верденом должны были царить тишина и спокойствие!.. Французский полководец, замышляя это наступление и пытаясь осуществить свои половинчатые решения, не принял во внимание ни сильной воли противника, обуздать которую он не мог своей слабой волей, ни энергичного характера его оперативных приемов, противодействовать которым он был, конечно, не в силах, вялостью и медлительностью своих действий. А в то же время недобрые вести приходили с севера... 4-я армия уже находи-

лась в полном отступлении на всем своем фронте, 5-я—уже понесла поражение в боях на р. Самбре, а английская—у Монса. Завтрашний день не обещал никакого улучшения в общем положении союзных армий.

Боевые действия 24 авг.

День 24 августа принес с собой много неожиданностей для 3-й франц. армии. Раньше всего, ген. Рюфэ, в ответ на свою просьбу, обращенную к главному командованию, побудить лотарингскую армию предпринять наступление против левого неприятельского фланга [1]), получил приказание Жоффра начать отступление на линию Монмеди—Дамвилер—Азан, в виду отхода 4-й армии к Маасу, на участок от Музона до Стенэ. Но одно совершенно случайное обстоятельство круто изменило ход событий в районе 3-й армии. В тот день, когда велась эта переписка между Рюфэ и Жоффром, один из французских кавалерийских раз'ездов рано утром захватил в окрестностях Конфлана германский автомобиль, в котором был найден приказ об обходном движении в этот день XVI-го герм. корпуса, усиленного ландверными бригадами и 33-й рез. дивизией, против правого фланга 3-й франц. армии; этот приказ ясно обнаруживал неосведомленность германского командования о нахождении крупных французских сил между Этеном и Верденом. Конечно, французскому командованию следовало немедленно же использовать такой исключительно благоприятный случай, для того, чтобы нанести неприятелю удар на его левом фланге, что могло бы иметь при данных условиях решающее значение для общего поло-

[1]) Взаимные отношения командующих 3-й и лотарингской армиями представляются, по имеющимся источникам, весьма неопределенными; повидимому, они никогда не были регламентированы. При первоначальном выделении из 3-й армии группы рез. дивизий ген. П. Дюрана, ген. Рюфэ считал ее подчиненной себе, но с усилением этой группы и назначением ее начальником ген. Монури, главная квартира стала непосредственно сноситься с последним, что само собой поставило его в независимое от 3-й армии положение. Эта неопределенность отношений между Рюфэ и Монури оказала свое неблагоприятное влияние на исход боев 24-го и 25 августа на правом фланге 3-й армии.

жения 3-й армии. Но при оперативной инертности французов и их приемах управления войсками не легко было достигнуть этого. Сравнительно скоро удалось убедить ген. Рюфэ в необходимости спешно организовать контр-маневр рез. дивизиями против неприятельских сил, намеревавшихся охватить правый фланг армии; гораздо труднее было уговорить ген. Монури согласиться на этот маневр, потому что он долго отговаривался полученными от Жоффра указаниями оборонительного характера по обеспечению крепостного фронта Верден—Туль; но больше всего затруднений встретилось при сношениях по этому вопросу с главным командованием, которое не понимало значения задуманного наступления или, может быть, просто не уделяло ему надлежащего внимания, всецело занятое руководством операций на левом фланге. Все же из главной квартиры удалось, наконец, получить уклончивый ответ: ген. Рюфэ и Монури, как ближе осведомленным относительно обстановки в районе Вердена, предоставлялось принять, по соглашению между собою, те меры, которые они найдут соответствующими положению. Таким образом, французское главное командование уклонилось от принятия какого-либо решения в этом вопросе большого оперативного значения и отказалось от руководства операцией, в которой должны были принять участие войска, принадлежавшие к двум самостоятельным группам; и вместо этого, оно предоставило исполнителям использовать один из наиболее неудачных приемов управления, а именно, соглашение между неподчиненными один другому начальниками, к тому же нерасположенными к энергичным действиям и нуждавшимися в сильном понуждении сверху. На все эти переговоры ушло столько драгоценного времени, что невозможно было расчитывать на выполнение намеченного маневра в этот же день, и дело могло ограничиться лишь подготовкой к таковому на 25 августа.

Эта подготовка заключалась в весьма осторожных и неопределенных указаниях о боевых задачах дивизий лотарингской армии, без какой-либо перегруппировки войск, которая выявляла бы основную идею подготовлявшейся операции. В приказе от 11 час. утра, ген. Монури следующим

образом определил эти задачи: группа из 3-х рез. дивизий (54-й, 67-й и 72-й), под общим начальством ген. Поля Дюрана, должна была содействовать наступлению 6-го корпуса тем же способом, как это было указано с вечера 23 августа; 75-я рез. дивизия, находившаяся между Этеном и Фрэном, временно была подчинена ген. Дюрану для поддержки этой атаки; 56-я предназначалась для прикрытия правого фланга атакующих дивизий; наконец, 55-я и 65-я оставались на месте, первая для обеспечения участка от Шамбле до р. Мозеля, а вторая, в качестве резерва, у форта Труайона. Следовательно, из семи дивизий только четыре предназначались для активных действий, но и то—каких действий? В то время, когда противник совершал лишь в нескольких километрах от этих дивизий свой фланговый марш, они должны были только кому-то содействовать, кого-то поддерживать, не имея никакой самостоятельной задачи и находясь в зависимости от действий тех войск, дополнением к которым они служили. Понятно, что такое употребление этих французских дивизий не могло явиться серьезной угрозой для смелого маневра немцев, который, несмотря на свой рискованный характер, приобретал много шансов на успешное выполнение. Уже несколько позже, после полудня, было приказано 75-й рез. дивизии начать наступление от Фрэна за р. Орн на Гондрекур, а 56-й—прикрывать это движение справа; но, в виду позднего времени, это наступление не могло в этот день получить достаточного развития.

Посмотрим же теперь, как развивались в этот день боевые действия с обеих сторон.

а) Бои на р. Шиере.

V-й герм. корпус для того, чтобы не попасть под выстрелы крепостной артиллерии форта Монмеди, шел от Виртона кружным путем к р. Шиере, почему лишь к ночи небольшие передовые части 10-й дивизии дошли до Шаранси и утвердились на левом берегу реки. Находившийся на этом участке Шиеры 4-й франц. корпус не двинулся навстречу противнику, почему в этот день здесь не произошло боевого столкновения. Далее к

востоку, XIII-й и VI-й рез. корпуса наступали своими внутренними флангами на Лонгюон и заняли его 26-й и 11-й рез. дивизиями после боя с передовыми частями 5-го франц. корпуса; к 6 час. вечера французы отошли на высоты между р.р. Шиерой и Отэном. Другие дивизии этих германских корпусов достигли к вечеру с боями: 27-я — р. Шиеры между Лонгюоном и Шаранси, а 12-я рез.— р. Крюна, переправившись через которую, штурмом овладела передовой позицией 6-го франц. корпуса у Аранси. Войска 12-й франц. дивизии оказали здесь упорное сопротивление и немцам удалось отбросить их лишь благодаря содействию слева артиллерии V-го рез. корпуса, наступавшего от Пьерпона на участок Аранси—Спинкур; к ночи этот корпус достиг окрестностей Нуйон-пона.

б) Бой у Спинкура.

XVI-й герм. корпус наступал к Спинкуру 34-й дивизией севернее, а 33-й — южнее этого города; 34-я дивизия, подойдя около полудня к Сен-Пьервилеру (в 4 килом. севернее Решикура), вступила здесь в бой с 42-й франц. дивизией (6-го корпуса), оказавшей немцам сильное сопротивление и после полудня перешедшей в контр-атаку. Столь же трудным оказалось и положение 33-й герм. дивизии к востоку и юго-востоку от Спинкура, где у Решикура и южнее она встретила упорное противодействие 54-й франц. рез. дивизии, правее которой 67-я даже перешла в наступление в северных окрестностях Домреми, угрожая немцам охватом их левого фланга. Лишь около 5 час. вечера, с приближением от Гондрекура трех ландверных бригад ген. Франке (9-й бав., 13-й и 53-й), положение немцев улучшилось и им удалось к 7 час. вечера отбросить 67-ю рез. дивизию за р. Отэн. В сумерках XVI-й корпус достиг р. Отэна по обе стороны Спинкура и у Домреми вошел в связь с ландверными бригадами, занявшими участок реки до Гондрекура.

в) Бой у Этена.

Между тем, к 1 часу дня 33-я герм. рез. дивизия подошла от Конфлана к Этену, атаковала к востоку от этого города 72-ю франц. рез. дивизию и,

после непродолжительного боя, оттеснила ее за Этен к северо-западу. Дальнейшее ее продвижение пришлось приостановить в 3 час. дня, потому что в это время обнаружилось наступление крупных неприятельских сил с юга, к р. Орну, в направлении на Гусенвиль. Это были 56-я и 75-я франц. рез. дивизии, продвигавшиеся к северу из окрестностей Фрэна и имевшие на своем правом фланге 7-ю кав. дивизию, разведывавшую к стороне Брие и Меца. Для противодействия этому неожиданному наступлению противника, к Гусенвилю была направлена от Этена одна бригада 33-й рез. дивизии, которой удалось, при содействии 6-й кав., задержать на реке передовые части французов, но не отбросить их; кроме того, двум ландверным бригадам (43-й и 45-й), находившимся еще у Ляндра, приказано ночью перейти к Гондрекуру для усиления левого фланга.

Результаты боев 24 августа и предположения на 25-е.

В результате боев этого дня французы занимали к ночи следующее расположение: 4-й корпус — на своих прежних позициях за р. Шиерой у Шаранси; 5-й — удерживал высоты правого берега р. Отэна в районе Марвиля; 6-й — потерявши Аранси и Сен-Пьервилер, отошел всеми своими силами за р. Отэн, к Пилону; 54-я рез. дивизия, после того как в 7 час. вечера отступление 67-й обнажило ее правый фланг, пыталась задержаться в Спинкуре, но, не выдержав здесь сильного артиллерийского огня противника, ночью отошла за Отэн в южные окрестности Нуйон-пона; 67-я, сильно расстроенная наступлением и понесшая большие потери, еще засветло отступила к Амелю; 72-я—задержалась между Амелем и Этеном; 56-я и 75-я, а также 7-я кав., оставались между Фрэном и р. Орном; 55-я и 65-я рез. дивизии продолжали выполнять свои пассивные задачи у Шамбле и Труайона. Германские войска расположились на ночь на тех рубежах, которых они достигли в бою.

На северном фланге и в центре сражавшихся армий не произошло в течение дня никаких существенных изменений в расположении сторон, но за то в южной части района их боевых действий происшедшие перемены имели весьма серь-

езный характер. С одной стороны, здесь немцам удалось отбросить за р. Отэн всю правофланговую группу войск 3-й франц. армии, угрожая последней охватом, но с другой стороны, и французы уже обозначили свой контр-маневр против левого фланга V-й герм. армии. Эти боевые действия в районе Спинкур — Этен представляются поучительными в том отношении, что показывают все огромное психологическое значение обходных движений и фланговых угроз, хотя бы они и не сопровождались материальными успехами и даже производились против победоносных войск. Несмотря на благоприятный результат, достигнутый немцами между Этеном и Спинкуром, и наличность здесь крупных германских сил ($4^1/_2$ пех. и 1 кав. дивизии), достаточно оказалось не очень быстрого и не энергичного продвижения к р. Орну неприятельских войск неизвестной численности, чтобы произвести переполох в германских войсках, замедлить наступление 33-й герм. рез. дивизии и вызвать, в ущерб движению в тыл противнику (от Этена на Амель), спешную переброску частей к Гусенвилю. Но каков мог бы быть результат подобного контр-маневра, если бы он был предпринят французами с утра в этот день и если бы заключался в решительном наступлении к р. Орну всех четырех рез. дивизий, находившихся южнее этой реки!

На 25 августа германским войскам приказано продолжать наступление: V-му корпусу на Марвиль и Дамвилер, XIII-му и VI-му рез. — из окрестностей Лонгюона к юго-западу, V-му рез. и XVI-му — из района Спинкура к Манжиену, сводному корпусу ген. Овена — отбросить находившегося против него на р. Орне противника и обеспечить со стороны Вердена левый фланг и тыл армии; всем, еще остававшимся в Меце, частям войск — угрожать правому флангу неприятеля, наступавшего с юга. Следовательно, план германского наступления, вследствие событий, происшедших 24 августа на левом фланге, существенно изменился: корпус Овена уже не имеет задачи обходить неприятельский фланг, а лишь—прикрывать фланг своей армии; ему приказано атаковать противника, но не для того, чтобы на его плечах проникнуть в тыл французской армии, а для

того, чтобы воспрепятствовать противнику угрожать флангу и тылу германских войск. Из этого следует, что германская наступательная операция 25 августа должна была иметь более ограниченные, чем раньше, размеры и более скромные цели. Обход правого французского фланга поручался теперь одному XVI-му корпусу и при том в непосредственной близости этого фланга, отчего он не мог, конечно, ни получить прежнего размаха, ни произвести сильного психологического воздействия на противника.

На французской стороне, для дальнейших действий корпусов с вечера не было принято никаких решений, потому что эти войска находились в состоянии такого утомления и расстройства, что не были пригодны ни для какого наступательного движения; но в отношении рез. дивизий правого фланга (72-й, 75-й и 56-й), принимавших до сих пор мало участия в боевых действиях, было решено, что завтра, с 4 ч. утра, они возобновят наступление на участке от Этена до Оле, в общем направлении к северо-востоку; 54-я рез. дивизия, оторвавшаяся от прочих рез. дивизий и подчиненная командиру 6-го корпуса, получила задачу наступать на Спинкур и Решикур; 55-я должна была подойти от Шамбле к правому флангу 56-й и содействовать наступлению к р. Орну; 67-я и 65-я оставались на месте, первая у Амеля (для связи правого фланга армии с обходной группой), а вторая—у Труайона; 7-я кав. дивизия получила направление на Конфлан. Итак, лишь после продолжительных приготовлений и размышлений, потерявши целые сутки, французы собрались, наконец, нанести противнику тот удар, который должен был расстроить наступательный план V-й герм. армии, указанный ей в директиве главной квартиры от 23 авг.

В какой же мере удалось французам осуществить свои, несколько запоздалые, намерения и выполнить столь важный для них контр-маневр?

Боевые действия 25 августа.

а) Бои на реке Отэне.

С раннего утра 25 августа германские войска возобновили свое наступление. V-й корпус, поддерживая связь с VI-м (левофланговым IV-й армии), наступавшим к р. Шиере на участке

к северу от Монмеди, переправился через реку Отэн и занял Марвиль, после чего, в 4-м ч. дня получил приказание прекратить наступление. 4-й франц. корпус отошел сначала к Ямецу, а к ночи — к Маасу, в район Дэна; XIII-й корпус, в виду утомления и больших потерь 26-й дивизии, наступал одной 27-й, которая форсировала р. Отэн у Рупта и продвинулась на левом берегу до Домбра; 5-й франц. корпус, оказавши весьма слабое сопротивление, отступил на Дамвилер. VI-й рез. корпус обеими дивизиями дошел до р. Отэна в районе Пилона, но около 3 ч. дня прекратил наступление, в виду того, что слева от него V-й рез. корпус, наступавший на Нуйон-пон, получил приказание остановиться, не переходить главными силами реки и окопаться; это приказание явилось результатом неблагоприятной обстановки на левом фланге армии и вызванной ею перегруппировки находившихся здесь германских войск. Благодаря этой остановке противника, 6-му франц. корпусу удалось в 2 ч. дня легко отойти к Азану. Таким образом, к 2 ч. дня главные силы 3-й франц. армии покинули реку Отэн и подошли к маасским высотам. Между тем, XVI-й герм. корпус, продвинувшийся к полудню в районе Спинкура за р. Отэн на полпути к Манжиену и теснивший перед собой 54-ю франц. рез. дивизию, вскоре после 12 ч. дня, по приказанию командира корпуса, прекратил наступление; в 1 ч. дня 34-я дивизия получила распоряжение отойти к Ляндру, где прикрывать левый фланг другой дивизии своего корпуса (33-й), которая должна была до наступления темноты оставаться в своем расположении на левом берегу Отэна, а затем отойти у Спинкура на правый берег реки. Эти передвижения были вызваны необходимостью оказать противодействие тому фланговому маневру французов, который к этому времени уже вполне обнаружился на участке р. Орна между Этеном и Конфланом. Что же именно происходило здесь?

б) Бои на реке Орне.

С 6 ч. утра бригада 33-й герм. рез. дивизии, занявшая накануне Этен, пыталась наступать далее, к северо-западу, на Амель, с целью выйти в тыл

3-й франц. армии, но не могла продвинуться в этом направлении, встретивши здесь сильное сопротивление со стороны 72-й рез. дивизии противника. В то же время ландверные бригады ген. Франке медленно продвигались от Гондрекура на Домреми и Амель, тесня перед собой части 67-й рез. дивизии. Две ландверные бригады, подошедшие от Ляндра к Гондрекуру, наступали к Гусенвилю, на поддержку находившейся там бригады 33-й рез. дивизии; левее их, южнее Гондрекура, стояла фронтом к югу 6-я кав. дивизия. Огонь французов с того берега р. Орна становился все сильнее и сильнее и постепенно распространялся к востоку; похоже было на то, что на участке реки от Гусенвиля до Конфлана наступают крупные силы противника в обход левого фланга V-й герм. армии. Кроме того, воздушная разведка доносила о появлении больших неприятельских колонн к югу от Этена. Для противодействия этому наступлению, веденному в столь опасном для немцев направлении, командир XVI-го корпуса раньше всего приказал ландверным бригадам ген. Франке прекратить движение к северу и расположиться между Спинкуром и Ляндром. Находившийся в то время на р. Орне германский отряд (три пехотные бригады и 6-я кав. дивизия), с трудом сдерживал натиск французов; конница, пытавшаяся обойти правый фланг противника через Конфлан, обнажила левый фланг своей пехоты у Оле, где французы форсировали р. Орн и к 12 ч. дня вынудили 43-ю ландв. бригаду к поспешному и беспорядочному отступлению. Одновременно с этим, бригада 33-й рез. дивизии, находившаяся у Этена, была сильно атакована с запада и севера 67-й рез. дивизией противника.

Все эти обстоятельства, взятые в совокупности, и привели, наконец, командира XVI-го корпуса к решению (о котором уже было сказано выше) перевести 34-ю дивизию к Ляндру, что послужило началом к загибанию левого фланга армии к востоку и переходу на этом фланге к обороне в южном направлении. Вскоре после этого бригада 33-й рез. дивизии была отведена от Этена к левому флангу 34-й дивизии.

Наступление французов на берегах Орна постепенно развивалось: 72-я рез. дивизия заняла Этен и продвигалась на Гондрекур; 75-я вела оживленный бой в районе Гусенвиля, а 56-я успешно перешла реку у Оле и потеснила немцев к Муавилю. К 2 ч. дня к правому флангу этой последней подошла от Шамбле 55-я рез. дивизия, но ей уже не пришлось принять участия в боевых действиях, потому что сражение приходило к концу. По всему фронту, от Этена до Конфлана, германские войска с 3 ч. дня начали отступление к северо-востоку, на линию Ляндр — Брие: одна бригада 33-й рез. дивизии — к Ляндру, другая — в северо-западные окрестности Брие, куда отошли и две ландв. бригады, а 6-я кав. дивизия — в восточные окрестности Гондрекура. В течение этого дня к Брие подошла с севера и 3-я кав. дивизия, прибывшая с правого фланга армии. Французы продвигались за отходившим противником и к 6 ч. вечера достигли линии Этен—Муавиль. 7-я кав. дивизия пыталась, движением через Конфлан, выйти в тыл отходившим немцам, но была задержана здесь германской пехотой, высланной из Меца.

Еще не закончили французские дивизии своего победного движения, еще, упоенные своим неожиданным успехом, они стремились настичь или отрезать противника, как вдруг, в 7 ч. вечера, ген. Дюран получил приказание, в виду общих условий обстановки, прекратить наступление, отойти за р. Орн, а затем в один или два перехода отвести войска к маасским высотам, где подготовить две дивизии для переброски на запад [1]). А когда, с наступлением темноты, это приказание начали приводить в исполнение, то лево-фланговая группа германских войск уже стояла от Спинкура на Ляндр и далее к юго-востоку с перемешанными и расстроенными частями, среди которых это поспешное отступление вызвало даже панику.

[1]) Эта переброска была вызвана необходимостью образовать новую группу войск у Амьена. Для нее были избраны 55-я и 56-я рез. дивизии, под общим начальством ген. Ламаза, как менее расстроенные боями; они совершили посадку 27 августа у Вердена и С. Мьеля и высажены в районе Амьена 29-го.

Наступление французов на р. Орне не только прекратило обходное движение германцев на линии Спинкур—Этен, но и вообще остановило движение всей V-й герм. армии, давши возможность французским корпусам на фронте спокойно отойти и устроиться в своем новом расположении.

Сражение у Лонгви было закончено. Обе боровшиеся армии, прекративши на некоторое время боевые действия, местами отойдя на новые позиции, местами закрепившись на старых, собирались теперь с силами, чтобы опять начать бои, но уже в несколько иных условиях и с новыми задачами.

Оценка боевых действий V-й герм. и 3-й французской армий.

Несмотря на то, что V-я герм. армия достигла значительных успехов в боях 21—25 августа, а 3-я французская была отброшена к маасским высотам, обе они, насколько успех или неудача зависели от самих армий, почти в равной мере заслуживают упреков за ошибки в своей оперативной работе. Правда, франц. армия, уже с первого же дня операции, была поставлена общими условиями обстановки в столь трудное положение (при своем слабом составе должна была сама обеспечивать себя со стороны германского крепостного района), что, даже при более искусном управлении, она едва ли могла бы преодолеть натиск превосходного в силах противника. Но командующему этой армией, ген. Рюфэ, возможно сделать два существенных упрека: во-первых, он недостаточно использовал свою армейскую конницу для освещения района к востоку и юго-востоку от Лонгви и вследствие этого не только своевременно не обнаружил сосредоточения неприятельских войск на своем правом фланге, но и вообще, до начала германских атак по всему фронту своей армии, не имел никакого представления о расположении и силах противника, находившегося поблизости [1]); и во-вторых, он не сумел (а может быть

[1]) Вместо того, чтобы принять решительные меры для правильной постановки армейской разведки, Рюфэ постоянно жаловался главному командованию на слабую боевую работу 7-й кав. дивизии, как будто бы не в его власти было увеличить производительность этой работы.

и не желал) настоять на полном подчинении себе группы рез. дивизий ген. Монури, которая не могла и не должна была иметь самостоятельного значения и оперативная роль которой была тесно связана с общей задачей 3-й франц. армии. Вообще, Рюфэ не проявил никакой энергии при организации на берегах Орна обходного контр-маневра, который мог бы существенно улучшить положение французов в районе Лонгви, если бы был произведен своевременно.

Французские авторы, описывая бои на Орне 25 августа, с досадой и грустью говорят о приказании главного командования прервать это победоносное наступление и отойти к югу, не доведя начатого дела до конца. Но разве возможно было поступить иначе? Не говоря уже о том, что более важные события на театре военных действий требовали этой жертвы, но даже рассматривая эти бои в их местном значении, с точки зрения оперативных интересов 3-й армии чего можно было ожидать от дальнейшего продвижения 3—4 французских дивизий от Орна к северу? Лишь одного— поражения... Ведь германцы имели здесь, между Спинкуром и Брие, силы не меньшие, а большие, чем наступавшие на них, неприятельские дивизии, и, кроме того, несколько ландв. батальонов с артиллерией были выдвинуты из Меца к Конфлану. Следовательно, французы в этом районе, оторванные от 3-й армии, уже отошедшей к маасским высотам (правым флангом к Азану), могли бы быть легко обойдены с обоих флангов (от Спинкура и Брие), а может быть и окружены. В сущности говоря, продолжение французского наступления в этом районе, при той группировке сторон, которая создалась днем 25 августа, было выгодно только для немцев, потому что предоставляло им возможность разбить или даже уничтожить большую группу неприятельских войск и этим прочно обеспечить свой левый фланг при дальнейшем движении к западу.

Маневр лотарингской армии в то время, когда он производился и в том виде, как он выполнялся, был уже стратегически нецелесообразным, а потому и не должен был доводиться до своего логического конца.

В отношении тактического использования войск французами, обращает на себя внимание своеобразная система назначения им боевых задач, которая заключается в том, что корпусам и дивизиям лишь в редких случаях указываются какие-нибудь самостоятельные, определенные предметы действий, но в большинстве случаев они двигаются куда-то в пространство, где почему-либо предполагается присутствие противника; и при этом единственной целью такого движения является содействие друг другу, поддержка и охранение один другого, почему невозможно понять—какие именно войска ведут главное наступление, выполняют главную задачу, и кому отведена вспомогательная роль, а следовательно и нет возможности уловить основной идеи данного наступления. Результатом же этого всегда бывают нерешительные, вялые действия войск, лишенные здорового оперативного импульса и изобилующие всевозможными условностями, порождаемыми излишней зависимостью от движений и действий соседей. И несмотря на это постоянное требование взаимодействия и взаимной поддержки, все же между корпусами и дивизиями 3-й франц. армии в действительности поддерживалась слабая связь, приводившая к недостаточной ориентировке командного состава и несогласованности усилий, затрачиваемых войсками.

Переходя теперь к оценке действий V-й герм. армии, раньше всего необходимо остановиться на замене оборонительного плана наступательным, по инициативе армейского командования, в самом начале операции. Некоторые германские исследователи этих событий высказывают мнение [1]), что это была ошибка германского генерального штаба, что такое изменение в характере оперативной задачи этой армии угрожало последней выйти из общих рамок большой операции и поставило армию, спустя несколько дней, в то опасное положение, которое вынудило ее 25 августа откинуть свой левый фланг к востоку и приостановить наступление. Принимая решение наступать всеми своими силами и отор-

[1]) Куль, Ферстер и др.

ваться своим левым флангом от крепостей, говорят эти исследователи, V-я герм. армия предоставляла судьбу всей операции на произвол неблагоприятных случайностей, всегда возможных по соседству с большой неприятельской крепостью. Верден, утверждают они, сыграл здесь свою роль; в наиболее решительный момент операции, когда, казалось, германцы были так близки к победе, он сказал свое веское слово, и вся стратетегическая комбинация немцев рушилась. Однако, с такими мнениями согласиться невозможно.

Во-первых, почему в то время, когда четыре германские армии правого крыла должны были наступать, пятая армия, принадлежавшая к той же наступательной группе, предназначенной для нанесения противнику главного удара, должна была стоять на месте? Конечно, каждой из них, соответственно своему удалению от заходящего фланга, следовало уменьшать или увеличивать размах и скорость своего наступления, и на долю V-й герм. армии то и другое приходилось в наименьшем размере, но зачем же ей нужно было цепляться за Диденгофен и Мец, которым противник не угрожал? Особенно, если принять во внимание, что даже VI-я армия, имевшая по естественным условиям своего боевого фронта задачу ограниченного значения, и та к этому времени наступала всеми своими силами, не опасаясь оторваться от Меца. Между тем, перед V-й стояла целая неприятельская армия, которая, если бы не была атакована и задержана на месте, могла бы, заслонившись к востоку, обратиться против левого фланга IV-й германской. Именно, в общих интересах большой операции и никак не вопреки им, германцы должны были наступать всеми своими силами и атаковать 3-ю франц. армию, чтобы разбить ее и отбросить за Маас, чем лучше всего достигалось обеспечение Меца и их левого фланга.

Во-вторых, имел ли в данном случае Верден какое-нибудь оперативное значение? Близость этой крепости к левому флангу немцев заключала в себе гораздо больше призрачных, чем реальных опасностей. Крепости, как факторы оперативного порядка, обладают двумя особенностями: они притягивают

к себе, под обманчивую защиту своих укреплений, полевые войска, которые обыкновенно здесь и погибают; и они привлекают к себе внимание военных историков, поддающихся иллюзии их оперативного могущества и впадающих в крупные ошибки при оценке событий, происходящих вокруг крепостей. Отход разбитой французской армии под защиту крепостных верков Вердена не представлял бы ничего опасного для германцев и мог быть только желателен для германского командования, потому что в этом случае гибель этой армии стала бы весьма вероятной. А в какой же мере было связано с этой крепостью сосредоточение в её районе большой группы французских рез. дивизий, угрожавших 24-го и 25 августа левому флангу V-й герм. армии? Облегчалось ли оно близостью крепости? Производилось ли за счет живой силы ее гарнизона? Французские дивизии, за исключением лишь одной, составлявшей гарнизон Вердена, были привезены сюда из различных мест театра военных действий и ничего общего с крепостью не имели; ведь они могли быть доставлены в этот район и выполнить тот же маневр и в том случае, если бы Верден и не был крепостью. И если уже необходимо указать какое-нибудь влияние, которое оказывала крепость на этот обходный маневр, то следует признать, что оно было только отрицательное: Верден не способствовал ему, а затруднял его, потому что задерживал рез. дивизии, как для непосредственной своей защиты, так и для обеспечения промежутка до Туля.

Беда германцев заключалась вовсе не в том, что на фланге их наступления находилась неприятельская крепость, а в том что, преувеличивши расстройство противника и расчитывая на неожиданность своего обходного движения, они пренебрегли французскими войсками, которые могли находиться между Верденом и Мецом, и не вели здесь широкой разведки. Имея две кав. дивизии, штаб армии не сосредоточил их на левом фланге, а поделил между обоими флангами и постоянно давал коннице задачи по непосредственной их охране; если бы 6-я кав. дивизия не жалась к своей пехоте, а смело двинулась в разведку за р. Орн, то она могла бы своевременно обнаружить французские войска в районе

Фрэна и дать возможность армейскому командованию предусмотреть неприятельское наступление с юга, а может быть и предотвратить его [1]).

Вообще же, ведение разведки и поддержание связи между частями войск у германцев нередко оставляло желать весьма многого. Мы видели, как 22 августа, вследствие этого, XIII-й герм. корпус прерывает успешный бой с 5-м франц. корпусом и, бездействуя в течение двух часов, дает противнику возможность избежать полного поражения. Затем, на следующий день, 23-го, почти вся V-я герм. армия, недостаточно ориентированная в обстановке, проявляет очень слабую деятельность, что идет целиком на пользу французов.

Наконец, нельзя оставить без внимания тот прием, которым пытался противодействовать контр-маневру противника командир XVI-го герм. корпуса, ген. Мудра, командовавший группой войск левого фланга и руководивший обходом французского правого фланга между Спинкуром и Этеном. Вместо того, чтобы при первых же признаках неприятельского наступления с юга, повернуть навстречу ему всю свою группу войск и атаковать французов где-нибудь на переправах через р. Орн, он выжидает выяснения обстановки (хотя сам не принимает для этого никаких мер и держит конницу у Гондрекура), колеблется, теряет время, по частям посылает войска к Гусенвилю и, наконец, отводит левый фланг армии почти на переход к востоку [2]), приостанавливая этим общее наступление.

Главным образом, благодаря всем таким ошибкам немцев в области разведывания и управления войсками, 3-я франц. армия и имела возможность сравнительно благополучно закончить бои на р. Отэне, избежать здесь обхода и спокойно отойти к Маасу.

---

[1]) Напр., демонстративным выдвижением крепостных войск из Меца на Шамбле, что, несомненно, вызвало бы у французов опасение за участок Верден—Туль и задержало бы их рез. дивизии в районе маасских высот.

[2]) С линии Спинкур—Амель—Этен на линию Ляндр—Брие.

Сражение на р. Семуа. (21—25 августа). [1])

Исходное положение сторон для предстоявшего им наступления к р. Семуа было следующее.

Положение обеих сторон к 21 августа.

4-я франц. армия своими шестью корпусами расположилась к вечеру 20 августа между Маасом и бельгийской границей, от Монмеди до Шарлевиля: 2-й корпус—к юго-востоку от Монмеди (на р. Отэне); колониальный — у Монмеди (на правом берегу р. Шиеры), 12-й—у Ла-Фэртэ, на р. Шиере, 17-й—у Музона, 11-й—у Седана и 9-й—у Шарлевиля и Мезьера [2]); 60-я рез. дивизия находилась к северо-востоку от Шарлевиля, 52-я—на Маасе, от Шарлевиля до Фюмэ. Армейская конница (кав. корпус ген. Абоно) разведывала впереди фронта армии: 4-я кав. дивизия—на линии Пализей—Бьевр—Жедин, а 9-я—в районе Кюньона; первая из них доходила в этот день до среднего течения р. Лесса, где в районе Сиерньона обнаружила 24-ю дивизию XIX-го герм. корпуса (левофлангового III-й армии), а вторая—немного севернее Нэфшато вступила в бой с частями XVIII-го герм. корпуса и с большими потерями была отброшена на Флоранвиль.

20 августа французская главная квартира разрешила 4-й армии выдвинуть в ночь на 21-е за р. Семуа авангарды от корпусов, с целью обеспечить главным силам армии переправу через эту реку. Однако, ген. Лангль-де-Кари, обладавший нетерпеливым характером и желавший ускорить выдвижение своих войск, выслал авангарды за р. Семуа от 9-го, 11-го, 17-го и 12-го корпусов еще днем; колониальному корпусу приказал занять передовыми частями Жерувиль и Мей-деван-Виртон, а 2-му—не выдвигать авангарда. Всем авангардам было запрещено открывать огонь по противнику, который будет наступать к северо-западу, чтобы преждевре-

[1]) Это сражение называется у некоторых авторов сражением у Нэфшато, а 4-я франц. армия во время этого сражения часто именовалась „армией Стенэ“ (l'armée de Stenay).

[2]) Этот корпус, состоявший из 17-й дивизии, переброшенной от Нанси, и марокканской, прибывшей из Алжира, начал высадку своих войск у Шарлевиля утром 20 августа и окончил ее 22-го.

менно не обнаруживать своего расположения и не привлекать неприятеля к югу. А в 7 ч. вечера корпусам приказано ночным движением немного продвинуть вперед и свои главные силы, но не далее определенной линии (каково бы ни было положение дел в авангардах) и находиться здесь утром 21 августа в готовности к дальнейшему наступлению [1]). Из этих распоряжений армейского командования за 20-е ясно видно, что французы не имели определенных сведений о противнике и пребывали в уверенности, что наступление 4-й армии ударит во фланг те германские силы, которые наступают в Бельгию севернее Живэ; кроме того, они обнаруживают своеобразные приемы оперативного использования войск: подавление инициативы столь крупных начальников, каковы командиры корпусов, указанием им рубежей, за которые они не должны были ни в каком случае продвигать свои главные силы; постановку авангардов в такое положение, которое грозило им отдельным поражением, без поддержки своих главных сил; и лишение своих войск возможности предупредить противника нападением, вследствие запрещения им открывать огонь без особого приказания. Едва ли эти меры способствовали скрытному выдвижению армии за р. Семуа, но они, несомненно, должны были поставить ее в неблагоприятные условия для предстоявших ей встречных боев.

Передвижения 21 августа и предположения на 22-е.

В результате произведенных в течение 21 августа перемещений, войска 4-й франц. армии заняли к вечеру этого дня следующее расположение: 52-я рез. дивизия — на Маасе, между Шарлевилем и Фюмэ; 60-я—на р. Семуа, от Мамбра до устья; 9-й корпус—по одной бригаде у Мамбра и Аля, на обоих берегах р. Семуа, с передовыми частями у Монсо (остальные войска корпуса еще высаживались у Шарлевиля); 11-й—авангардом на линии Бертрикс—Офань, а главными силами—на правом берегу р. Семуа у Буйона и Кюньона;

[1]) Эта линия была указана впереди Мааса и Шиеры, поблизости бельгийской границы.

17-й—авангардом на р. Семуа к югу от Кюньона, а главными силами—между рекой и Месинкуром; 12-й—авангард у Флоранвиля, главные силы—восточнее Кариньяна; колониальный—в районе Ямуань—Сен-Венсен; 2-й—авангард у Мей-деван-Виртона, с главными силами у Монмеди. За исключением передовых частей 12-го и колониального корпусов, имевших небольшие столкновения с мелкими отрядами противника, остальные корпуса наступали, не встречая неприятеля. Кав. дивизии, по-прежнему, вели разведку впереди фронта армии, но уже обе ближе к левому флангу, на линии Бьевр—Пализей—Бертрикс.

Против правого фланга 4-й франц. армии, в пределах великого герцогства Люксембург, находилась IV-я герм. армия герцога Альбрехта вюртембергского. Закончивши свое сосредоточение в районе Дикирх—Люксембург—Ремих—Трир, эта армия, в виду опасения главного командования, что противник может перейти значительными силами в наступление между Мецем и Вогезами, оставалась до 17 августа своими перволинейными корпусами на линии Дикирх—Люксембург. Затем она начала продвигаться к западу и к 19 августа выдвинулась своими перволинейными корпусами (VIII-м, XVIII-м и VI-м) на линию Бастонь—Атер; резервные корпуса еще оставались между Арлоном и Люксембургом. В следующие дни армия медленно продвигалась далее к западу и к вечеру 20 августа достигла перволинейными корпусами линии Амберлю—Леглиз, а резервными: VIII-м рез.—северных окрестностей Вильца, а XVIII-м рез.—северных окрестностей Арлона.

В отношении своих предположений на 21-е, IV-я армия руководствовалась общими указаниями директивы главного командования от 17 августа, где ей дана не вполне определенная и не очень решительная задача—прикрывать левый фланг III-й армии; кроме того, днем 20 августа из главной квартиры было получено следующее указание: в виду того, что V-я армия 21-го остается на месте, не продвигать пока левого фланга в районе Леглиза, но за то выдвинуть свой правый фланг, с целью сохранения связи с III-й армией, уже достигшей своими передовыми войсками

Сиерньона. Поэтому армейское командование и не задавалось для следующего дня каким-нибудь определенным маневром по отношению находившегося против него противника, а решило просто продолжать движение на запад. Не имея в своем составе самостоятельной (стратегической) конницы, IV-я герм. армия не могла вести широкой разведки и в этом отношении находилась в худших условиях, чем неприятельская. Однако, упомянутые мною выше боевые столкновения передовых частей с французской кавалерией у Нэфшато и с авангардами французских корпусов на р. Семуа, дали немцам необходимые сведения для того, чтобы предполагать присутствие крупных сил противника между Маасом и Семуа и на Шиере.

21 августа армия, нигде не встречая противника, продвинулась к западу: VIII-й корпус—в северо-западные окрестности С. Юбера, XVIII-й—в район Либэн—Либрамон, VIII-й рез.—к Бастоню, XVIII-й рез.—в восточные окрестности Нэфшато; VI-й корпус оставался у Леглиза, в готовности начать наступление к западу или к юго-западу. На 22 августа движение корпусов IV-й армии было намечено следующим образом: VIII-й должен был продолжать движение в общем направлении на Живэ, VIII-й рез.—к С. Юберу, XVIII-й—на Ошан и Месэн, XVIII-й рез.—на Бертрикс, сохраняя готовность двинуться к юго-западу, а VI-й—к Росиньолю и Тинтиньи, для содействия правому флангу V-й армии.

Намерения французов на 22 августа определяются директивой французской главной квартиры от 21-го, в которой 4-й армии указано: расположить свои колонны таким образом, чтобы иметь возможность дебушировать к северу от Семуа и завтра, 22-го, продолжать движение к северо-западу правым флангом на Рюль и Леглиз, имея 3-ю армию справа, уступом сзади, причем атаковать противника везде, где он будет встречен. Цель наступления—прижать противника к Маасу между р. Уртой, Намюром и Динаном. Соответственно этому, корпусам даны следующие задачи на 22 августа: конному корпусу—вести разведку впереди левого фланга армии, на линии Либрамон—Либэн—Борен;

9-му—сосредоточиться в районе Гудремон—Бьевр—Аль—Мамбр; 11-му—наступать к Месэну; 17-му—к Ошану; 12-му—к Либрамону; колониальному—к Нэфшато; 2-му—к Леглизу. Это перечисление задач показывает, что наступление 4-й франц. армии направлялось прямо к северу, с равномерным распределением войск по фронту и оставляло без всякого внимания те неприятельские силы, которые были обнаружены в районе Арлона, вероятно, в предположении, что с ними будет иметь дело 3-я армия; пренебрежение этим противником дошло даже до того, что не нашли нужным назначить на правый фланг ни одной части из состава армейской конницы, если не для широкой разведки, то хотя бы для охраны этого фланга. Мы видели, что IV-я герм. армия наступала с востока на запад, почему для германцев создавались благоприятные условия для атаки противника в его правый фланг.

Боевые действия 22 авг.

С раннего утра 22 августа французы начали свое движение к северу. 17-я дивизия 9-го корпуса в течение дня вся собралась в указанном ей районе на правом берегу р. Семуа, не встретивши противника и поддерживая связь с армейской конницей у Жедина (с 4-й кав. дивизией) и у Бьевра (с 9-й); марокккская дивизия еще устраивалась после высадки у Шарлевиля. 11-й корпус в полном составе выступил на рассвете от Буйона и Кюньона двумя колоннами, 22-й дивизией восточнее, а 21-й—западнее Пализея.

а) Бои у Месэна и Ошана.

Между тем, XVIII-й герм. корпус, достигший к 2 час. дня района Ошан—Месэн, начал, во исполнение приказа командующего армией, захождение к юго-западу, предполагая вести дальнейшее наступление на Бертрикс; в это время, занимая разбросанное положение между Месэном, Ошаном и Бертриксом, корпус встретил в этом районе наступавшие к северу 11-й и 17-й франц. корпуса. Это поставило немцев в очень тяжелое положение и, в борьбе с превосходными силами противника, они были вынуждены местами перейти к обороне, а местами даже

отойти. К 7 час. вечера, после оживленного боя с частями 25-й герм. дивизии, 11-й франц. корпус занял Месэн, отбросивши противника к Либэну.

Неожиданная поддержка войск VIII-го рез. корпуса дала возможность XVIII-му упрочить свое положение у Месэна. Командир VIII-го рез. корпуса, имея в этот день приказание повернуть свой корпус к юго-западу, на Либэн, выступил в этом направлении из С. Юбера в 2 часа дня и, получивши в пути сведение о тяжелом положении своего соседа, ускорил движение своих войск; 16-я рез. дивизия и авангард 15-й успели прибыть на поле сражения до наступления темноты и остановили продвижение французских войск восточнее Месэна, но занять этого пункта все-таки не могли. Благоприятное для немцев решение пришло с левого фланга XVIII-го корпуса, где 21-й дивизии удалось потеснить противника. И достаточно было французам узнать, что соседний, 17-й корпус отошел к югу, чтобы командир корпуса, ген. Эйду, опасаясь за свое выдвинутое положение, а главным образом, за свой правый фланг, отдал приказание начать в тот же вечер отступление на Пализей. В течение ночи, не преследуемые противником, усталые и расстроенные войска корпуса отошли к Буйону, а некоторые части даже и за реку, перемешавшись здесь с частями 17-го корпуса, в беспорядке отброшенного от Ошана. Этот последний наступал в этот день из окрестностей Кюньона: 33-й дивизией на Бертрикс к Ошану, а 34-й—на Офань; обеим дивизиям пришлось идти по лесистой местности, которая к тому же была мало освещена разведкой. К 3 час. дня Бертрикс и Офань были заняты французами, но продвижение 33-й дивизии к Ошану встретило сильное сопротивление германских войск 21-й дивизии (XVIII-го корпуса); к тому же, со стороны Сен-Медара обнаружилось наступление частей XVIII-го герм. рез. корпуса, открывших сильный артиллерийский огонь по тылам продвигавшихся к северу французских дивизий. Одна из бригад 33-й франц. дивизии, неожиданно оказавшаяся под огнем германской тяжелой артиллерии, пришла в замешательство и бросилась отходить к юго-западу, потерявши почти всю свою артиллерию и увле-

кая за собой и другие части. Командир корпуса пытался некоторое время противодействовать противнику, наступавшему с двух сторон, но затем, не надеясь добиться успеха и потерявши связь с соседними корпусами, в 7 час. вечера приказал всем войскам отходить к р. Семуа. Немцы, занявши Офань и Бертрикс, не преследовали французов.

б) Бои у Сен-Медара, Сюкси и Росиньоля.

Вправо от 17-го франц. корпуса наступал 12-й, в более благоприятных условиях, от Флоранвиля к Сен-Медару и Стрэмону и, после боя у этих селений, с частями XVIII го герм. рез. корпуса, подошедшими от Нэфшато, дошел до дороги, ведущей из Нэфшато в Бертрикс, где и расположился на ночлег. Противник остановился к западу и юго-западу от первого из этих пунктов. Колониальный корпус действовал в этот день весьма неудачно. Одна его дивизия (2 я), назначенная в армейский резерв, должна была выдвинуться только до Ямуаня, остальные же войска наступали двумя колоннами на Сюкси и Росиньоль; в левой колонне авангард в 11 час. утра около Сюкси завязал бой с частями 25-й рез. дивизии противника (XVIII-го рез. корпуса), но, не поддержанный своевременно, был разбит и отброшен на свои главные силы, которые, после безуспешных попыток восстановить положение и войти в связь с правой колонной, вынуждены были отойти к р. Семуа. В правой колонне головные части вступили в бой у Росиньоля с 12-й герм. дивизией и к 5 час. вечера, понеся большие потери и обойденные с востока, отошли к Ямуаню; в то же время хвост колонны, не дойдя еще до р. Семуа, был атакован у Сен-Венсена германскими войсками 11-й дивизии (VI-го корпуса), наступавшими от Тинтиньи, и оттеснен к западу, в район расположения 2-й дивизии своего корпуса. Наконец, 2-й корпус достиг линии Жерувиль, Мей-деван-Виртон, приняв небольшое участие своей левой колонной (4-й дивизией) в бою с VI-м герм. корпусом у Тинтиньи и Сен-Венсена, а правой колонной (3-й дивизией), оказавши содействие 4-му корпусу (3-й армии) в занятии Виртона. Что касается франц. рез. дивизий, то они оставались в этот день на месте.

Результаты боев 22 авг. и предположения на 23-е.

Результаты боев 22 августа оказались весьма печальными для 4-й франц. армии: ее левофланговый корпус (9-й) не принял никакого участия в боевых действиях; 11-й не сумел развить достигнутого им успеха, а 17-й и колониальный ввели в бой только часть своих сил, но были разбиты, расстроены и отброшены к реке; и лишь 12-й и 2-й корпуса удержали занятые ими позиции, хотя и не достигли никакого существенного успеха. Армия бо́льшей частью своих сил оказалась опять за р. Семуа, имея перед собой всю IV-ю герм. армию.

Основной причиной французских неудач является то обстоятельство, что 4-я армия, имея в своем исходном положении на р. Семуа фронт, обращенный к северо-востоку, оказалась при своем наступлении к северу расположенной уступами слева; вследствие этого, корпуса, начиная с 11-го, имели открытый правый фланг, а так как ни разведки, ни охранения к востоку не было, то каждый из корпусов подвергался бо́льшей или меньшей опасности с этой стороны и, после боя в неблагоприятных тактических условиях, некоторые из них должны были отходить, не успевши использовать всех своих сил.

Немцы в этот день тоже не ввели в дело всех своих войск: VIII-й корпус, оставивши в районе Борена небольшой отряд для связи с левым флангом III-й армии, остальными войсками повернул на юго-запад, на линию Жедин—Бьевр, с целью охвата левого фланга противника, но не успел вступить в бой, потому что 9-й франц. корпус не продвинулся далее Бьевра, сами же немцы прошли лишь полпути до указанной им цели. Правофланговая (16-я) дивизия потеснила к Жедину 4-ю франц. кав. дивизию. VIII-й рез. корпус только частью своих сил участвовал в бою у Месэна. Тем не менее, благодаря благоприятным тактическим условиям (главным образом — внезапности), немцам удалось к вечеру сильно продвинуться к юго-западу, нанеся поражение нескольким неприятельским дивизиям. К вечеру 22 августа IV-я герм. армия занимала линию Поршерес (VIII-й корпус)—Месэн (VIII-й рез. и 25-я див. XVIII-го)—Бертрикс (21-я див. XVIII-го)—С. Медар (XVIII-й рез.)—Тинтиньи (VI-й).

Из описания боевых действий 22 августа видно, что в этот день IV-я герм. армия начала захождение своим правым флангом к юго-западу. Приказание для такого маневра было отдано командующим армией в разгаре боев этого дня, после того, как обстановка на левом фланге (в районе действий VI-го корпуса) и воздушная разведка привели герцога вюртембергского к предположению, что главный удар противника направлен против его центра, в район Нэфшато, т.-е. на слабейший участок его фронта, куда еще только подходили из 2-й линии войска XVIII-го рез. корпуса, имевшего к тому же слабую артиллерию. В виду этого, казалось необходимым приблизить правофланговые корпуса к центру, с тем, чтобы, наступая в южном или юго-западном направлении, они могли угрожать левому флангу неприятельских колонн, продвигавшихся к северу и северо-востоку.

Неожиданная неудача, постигшая столь быстро такие крупные силы французов, произвела весьма тяжелое впечатление на французские войска, почему ген. Лангль-де-Кари, побуждаемый к этому и главной квартирой, решил возобновить на следующий день наступление на левом фланге 9-м, 11-м, 17-м и конным корпусами и двумя рез. дивизиями (52-й и 60-й), на линию Бертрикс—Пализей—Бьевр—Гудремон—Вилерци, а остальными войсками армии удерживать занимаемое ими расположение. Непонятно, чего хотели достигнуть подобными действиями? При сложившейся в течение 22 августа обстановке, выдвижение левого фланга 4-й франц. армии, если бы оно даже и могло быть произведено, не дало бы никаких полезных результатов для общего положения армии, потому что подвергало бы эти войска опасности атаки в правый фланг по крайней мере двумя германскими корпусами (VIII-м рез. и XVIII-м), находившимися в районе Бьевр—Пализей—Бертрикс и не имевшими поблизости от себя к югу боеспособных французских войск, которые могли бы воспрепятствовать этому [1]). И такой результат был тем более возможен, что на 23 августа IV-й

[1]) 17-й корпус, как мы видели, ушел за р. Семуа и был сильно расстроен, а против 12-го находились войска XVIII-го рез. корпуса.

герм. армии было приказано продолжать общее наступление к юго-западу: VIII-му корпусу—на линию Бьевр—Пализей, дивизиям: 15-й рез. (VIII-го рез. корп.) и 25-й (XVIII-го корп.)—на участок Пализей—Бертрикс, 16-й рез. (VIII-го рез. корп.) и 21-й (XVIII-го корп.)—к Бертриксу и восточнее, а XVIII-му рез. и VI-му корпусам—атаковать находившегося против них противника.

Боевые действия 23 авг.

События, происходившие 23 августа на фронте 4-й франц. армии, ярко выявляют полную растерянность французского командования. Не говоря уже о самой организации наступления, лишенной какой-либо определенной стратегической цели, в процессе выполнения задуманных боевых действий у французских начальников обнаружилось безнадежное шатание оперативной мысли, постоянное колебание воли и поразительная неосведомленность о силах и расположении противника.

а) Бои у Бьевра и Мамбра.

Еще рано утром стало очевидно, что предположенное наступление не осуществится, потому что ни 11-й корпус (с приданой ему 60-й рез. дивизией), ни 17-й не могли продвинуться ни на шаг; конный корпус, под натиском частей VIII-го герм. корпуса, начавшего наступление на Жедин и Бьевр, стал отходить за пехоту 9-го корпуса, а 52-я рез. дивизия, которая должна была выдвинуть авангард к Вилерци, задержалась на переправе у Монтермэ. Наступать приходилось одному 9-му корпусу, но и то не в полном составе, вследствие неприбытия в корпусный район бо́льшей части мароккской дивизии. Как только передовые части 17-й франц. дивизии достигли линии Бьевр—Жедин, начался бой с 16-й германской; в то же время 15-я герм. дивизия, обходным движением с востока, скоро вынудила французов отойти от Бьевра. В 11-м часу утра командир корпуса получил следующее словесное приказание командующего армией: „армия отходит на юг, за р. Семуа; 9-му корпусу немедленно следовать туда же“. Но не успели войска левого фланга начать отступление от Гудремона, как был получен приказ по армии (от 10 ч. утра),

в котором опять предписывалось тотчас же возобновить наступление левофланговой группой корпусов, причем сообщалось, что против 4-й армии находятся небольшие силы противника [2]).

Как и следовало ожидать, ни один из корпусов не был в состоянии выполнить требований этого приказа, потому что уже с раннего утра германцы перешли в общее наступление. Более других в этом отношении пытался проявить активность 9-й корпус, командир которого, ген. Дюбуа, решил до последней возможности не оставлять занятого им района на правом берегу р. Семуа у Монсо, для того, чтобы не обнажать правого фланга 5-й армии и сохранить возможность, если потребуется, выйти всеми своими силами на правый берег реки. Но и он был вынужден отойти вечером к переправам у Мамбра, едва сдерживая натиск VIII-го герм. корпуса, охватившего оба фланга 17-й дивизии и к ночи продвинувшегося в окрестности Монсо. В то же время авангард 52-й рез. дивизии, дойдя до Вилерци, не мог войти в связь с 9-м корпусом, уже покинувшим район Жедин—Гудремон; вскоре он неожиданно попал под огонь германского отряда (VIII-го корпуса), находившегося здесь для связи с левым флангом III-й армии, и в беспорядке отошел на главные силы дивизии к Монтермэ.

б) Бои в центре и на правом фланге французов.

Между тем, центральные корпуса 4-й франц. армии, при первых же признаках неприятельского наступления к р. Семуа, начали свое отступление. 11-й корпус, выдвинувшийся опять к Пализею, но угрожаемый здесь с фронта и правого фланга войсками VIII-го герм. рез. и XVIII-го корпусов, не мог держаться и с утра стал отходить на Буйон и далее за реку;

---

[2]) Такая оценка неприятельских сил, вероятно, основывалась на данных франц. главной квартиры, которая от 8½ ч. утра 23 августа сообщала командующему 4-й армией, что „по имеющимся сведениям перед вашим фронтом находится лишь около трех неприятельских корпусов". Странно, что на третий день операции в штабе армии не имелось более точных сведений о противнике!

приданная ему 60-я рез. дивизия отходила левее [1]). Отступление этих частей обнажило правый фланг 17-й дивизии (9-го корпуса) и сделало опасным ее положение на правом берегу Семуа. 17-й корпус, находившийся вообще в расстроенном состоянии на левом берегу реки, не пытаясь даже возобновить наступления, начал отступать еще ранее 11-го корпуса и получил на пути приказание командующего армией занять участок нижнего течения р. Шиеры от Кариньяна до Ремильи. Вслед за этими корпусами противник продвинулся до р. Семуа: VIII-й рез. корпус—к Буйону (15-я рез. див.) и Эрбемону (16-я), а XVIII-й—к Бертриксу (25-я див.) и Флоранвилю (21-я). 12-й фран. корпус, как мы видели, накануне удержал свои позиции между Сен-Медаром и Стрэмоном, но, занимая столь выдвинутое положение, он, конечно, не имел возможности удерживать их и 23 августа; атакованный справа, со стороны Ямуаня, XVIII-м рез. корпусом противника, местами зашедшим французам в тыл, он был отброшен за р. Семуа с огромными потерями и к вечеру собрался на р. Шиере, к юго-востоку от Кариньяна до Ла-Фэртэ; XVIII-й рез. корпус достиг к вечеру 21-й рез. дивизией—Стрэмона, а 25-й рез.—Ямуаня. Правее 12-го корпуса, колониальный пытался с утра, в районе Ямуаня, задержать немцев своей 2-й дивизией, не принимавшей 22-го участия в бою, но последняя, угрожаемая охватом обоих своих флангов войсками XVIII-го рез. и VI-го корпусов, быстро отошла к югу. К ночи корпус сосредоточился на правом берегу р. Шиеры к западу от Монмеди. Наконец, 2-й корпус, дольше других удерживавший свое расположение и отражавший противника у Мей-деван-Виртона, в тесной связи с 4-м корпусом, в 7 ч. вечера, в виду отступления своих соседей

---

1) Германское оффициальное описание войны (Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Erster Band, стр. 335) говорит, что с утра 23 августа 15-я герм. рез. дивизия возобновила атаку на занятый еще французами Месэн и с боя овладела этим пунктом; между тем, французские источники определенно указывают на то, что 11-й франц. корпус отошел от Месэна вечером 22-го. Следует думать, что немцы имели здесь утром 23 августа столкновение лишь с арьергардом противника, оставленным на ночь для прикрытия отступления.

с обеих сторон, был вынужден покинуть свои позиции и отойти к Монмеди; VI-й герм. корпус к ночи продвинулся к позициям, оставленным французами у Ямуаня.

Результаты боевых действий 23 августа и предположения сторон на 24-е.

Второй день боевых действий на р. Семуа, не отличавшихся ни упорством, ни решительностью, но тем не менее приведших всю 4-ю франц. армию за эту реку, ясно показывает, как трудно преодолевать инерцию отступательного движения крупных войсковых масс, получивших сильный толчок на поле сражения. Несмотря на всю энергию, проявленную французским командованием в повторных требованиях возобновить наступление, и на сравнительную слабость неприятельского давления, французские войска не были в состоянии задержать противника и местами отходили даже без всякого сопротивления. При этих условиях продвижение немцев велось без осложнений и задержек, и для того, чтобы заставить французов покидать свои позиции, германскому командованию не приходилось прибегать к каким-либо маневрам; тем более, что отступление французских корпусов и дивизий происходило в разное время и часто без предупреждения соседей, обнажая их фланги и оставляя некоторые войсковые части в сильно выдвинутом, изолированном положении, почему и предоставляло немцам возможность легко обходить противника и даже заходить ему в тыл. А это, в свою очередь, приводило к тому, что французы, не ведя крупных боевых столкновений, все-таки несли огромные потери и становились небоеспособными на продолжительное время.

Такое печальное положение 4-й франц. армии, естественно, приводило к решению, не задаваясь на некоторое время наступательными задачами, каким-либо способом взять эти расстроенные войска в руки, привести их в порядок, главным образом в моральном отношении, и вернуть им возможно скорее способность к активной боевой деятельности. И единственным способом для достижения этой цели являлось отступление всех этих войск на какой-нибудь заблаговременно избранный оборонительный рубеж в ближайшем тылу.

Такое решение представлялось своевременным и целесообразным еще и вследствие того, что к этому времени и другие французские армии уже потерпели крупные неудачи в боях и находились в полном отступлении.

В ночь с 23-го на 24 августа командующий армией приказал войскам к утру 24-го расположиться на Маасе и Шиере следующим образом: конному корпусу — вокруг Мезьера; 52-й рез. дивизии—занять участок Мааса от Мезьера до Ревэна, разрушивши здесь все переправы, включая и железнодорожные мосты; 9-му корпусу — у Мезьера на правом берегу Мааса, находясь в полной готовности перейти на левый берег; 60-й рез. дивизии—на правом берегу между Нувионом и Доншери; 11-му корпусу — на левом берегу, между Ремильи и Музоном; 17-му—на р. Шиере, между Кариньяном и Дузи; 12-му—от Кариньяна до Ла-Фэртэ; колониальному — к западу, а 2-му — к северу от Монмеди. Этот приказ по армии в отношении правофланговых корпусов лишь утвердил то положение, которое создалось на р. Шиере к вечеру 23 августа, но за то на левом фланге сильно оттянул войска к оборонительной линии Мааса. Всем корпусам приказано устроить переправы на этой реке и подготовить их к взрыву, из чего возможно заключить, что здесь не предполагалось вступать в бой с противником, а имелось в виду, с приближением его войск, отходить всеми силами за реку.

IV-я герм. армия получила приказание продолжать 24 августа наступление к Маасу, сохраняя связь своим правым флангом с III-й армией, которая в то время вела бои в районе Динана; VIII-й корпус должен был наступать к Мезьеру, VIII-й рез.—к Седану, XVIII-й—на участок р. Шиеры между Седаном и Кариньяном, XVIII-й рез.—к Кариньяну и VI-й—к Ла-Фэртэ, выдвинувши заслон к стороне Монмеди.

Расположение 4-й французской армии на Маасе 24 августа.

В течение 24 августа войска 4-й франц. армии заняли назначенные им места без помехи со стороны противника, за исключением лишь 12-го корпуса, который был атакован и обстрелян артиллерийским огнем на своем ле-

вом фланге, к северо-востоку от Кариньяна, германскими войсками XVIII-го рез. корпуса, но отразил это нападение. Немцы в этот день, почти без боев, продвинулись всеми своими силами за р. Семуа, мосты на которой оказались неразрушенными и подошли к вечеру передовыми частями к районам, занятым французскими войсками.

Утром 24-го ген. Лангль-де-Кари получил директиву франц. главной квартиры, заключавшую в себе следующие указания: 4-я армия должна была расположиться всеми силами по р. Маасу, на участке ниже Музона—на левом берегу, а между Музоном и Стенэ — на правом; и при этом быть в готовности перебросить свои войска к Римоню для содействия 5-й армии (которая в этот день находилась на линии Живэ—Бомон — Мобеж) и поддерживать с ней связь своей конницей. Следовательно, правый фланг армии отодвигался с р. Шиеры на Маас, а на левый возлагалась задача поддержания связи с соседней армией.

Во исполнение этой директивы командующим армией сделаны следующие распоряжения: 4-й кав. дивизии—отойти в район Обантона, в состав 5-й армии, а 9-й—поддерживать связь между левым флангом 4-й армии и правым 5-й, в районе Живэ; 52-й рез. дивизии — оставаться на левом берегу Мааса, от Мезьера до Ревэна; 9-му корпусу — перейти на левый берег Мааса, между Мезьером и Нувионом, имея марокккскую дивизию в готовности двинуться к Римоню для поддержки конницы; 11-му корпусу (с 60-й рез. дивизией) продолжать переправу через Маас между Нувионом и Ремильи [1]), 17-му—отойти к Маасу на участок Ремильи—Музон; 12-му—за Шиеру, к Маландри, а колониальному и 2-му—расположиться на р. Шиере, от Маландри до Монмеди; 17-му, 12-му, колониальному и 2-му корпусам, расположенным на правом берегу Мааса, приказано удерживать здесь свои позиции. Все эти передвижения были выполнены французскими войсками частью в ночь с 24-го на 25 е, а частью днем 25 августа.

---

[1]) 60-я рез. дивизия—на участке Нувион—Доншери.

Наступление IV-й германской армии к Маасу 25 августа.

Германские войска, задерживаемые французскими арьергардами и лесистой местностью за р. Семуа, медленно приближались к Маасу и Шиере. К вечеру 25-го корпуса достигли: VIII-й—северо-западных окрестностей Седана, VIII-й рез.—северо-восточных окрестностей этого города, XVIII-й—р. Шиеры западнее Кариньяна, XVIII-й рез.—Транблюа и VI-й—Ла-Фэртэ. Между тем, отступление 5-й франц. армии и переправа III-й германской через Маас создавали угрозу левому флангу 4-й французской, в виду чего в течение 25 августа, после взрыва мостов у Мезьера и Шарлевиля, 9-й корпус был передвинут к Римоню, где расположился фронтом на север, имея впереди себя, у Рокруа, 4-ю кав. дивизию, а справа, у Ранвэ, 9-ю. Оборона Мааса, на всем участке до левого фланга 11-го корпуса, была поручена обеим рез. дивизиям.

Весь день 25-го прошел сравнительно спокойно на всем фронте от Шарлевиля до Монмеди, где боевые действия ограничились с обеих сторон лишь артиллерийской канонадой. Немцы обстреляли Седан и пытались навести мост у Ремильи, но французская артиллерия заставила их прекратить наводку моста. Тотчас же после ухода с Мааса 9-го франц. корпуса и взрыва мостов у Мезьера, французами, по недоразумению, был преждевременно покинут мезьерский форт Ле-Зайвель [1]).

---

[1]) Это укрепление не было предназначено для самостоятельной борьбы с неприятелем, а имело назначением служить опорным пунктом для полевых войск при обороне ими Мааса; в виду этого, как только стало известно о предстоявшем перемещении 9-го корпуса к Римоню, комендант форта запросил командующего армией относительно вывода гарнизона, но, не дождавшись ответа, вслед за уходом полевых войск, приказал бросить в реку замки от орудий, вывез из форта хранившиеся в нем взрывчатые вещества для разрушения маасских мостов и покинул укрепление с вверенными ему войсками. Через несколько дней после этого, обвиненный в преждевременном и самовольном оставлении своего боевого поста, он застрелился.

В виду приближения неприятельских корпусов к Маасу и их попыток форсировать эту реку ниже впадения в нее р. Шиеры, положение французских войск, оставшихся еще на правом берегу Мааса, становилось опасным; вследствие этого, после полудня 25 августа, командующий армией приказал этим войскам отойти на левый берег: 2-му корпусу — на участок Стенэ — Сасэ, колониальному — между Стенэ и Мартинкуром, 12-му—далее до Музона и 17-му—от Музона до Ремильи; остальные войска тоже несколько изменили свое расположение: 11-й корпус (с 60-й рез. дивизией) протянулся до Мезьера, 52-я рез. дивизия отошла с Мааса в район Мезьер—Лони—Варнекур, а 9-й корпус—к Обиньи-ле-Потэ, где он должен был прикрывать направление на Синьи-Лябэ. В результате этих передвижений получилось следующее: в то время, когда корпуса IV-й герм. армии нащупывали на Маасе места, удобные для переправы, а 5-я франц. армия отходила из самбро-маасского района к югу, войска ген. Лангль-де-Кари расположились на два фронта: большая часть (5 корпусов и 1 рез. дивизия) за р. Маасом, фронтом к востоку, а меньшая (1 корпус, 1 рез. и 1 кав. дивизии)—западнее Мезьера, фронтом к северу. Участок Мааса ниже Шарлевиля уже был оставлен французами.

Переход французских корпусов на левый берег происходил в тот же день вечером и в течение ночи на 26 августа; постепенно, по мере очищения арьергардами правобережных позиций, взрывали один за другим мосты на реке (у Сасэ, Стенэ, Мартинкура, Музона и в других местах) и вместе с тем 4-я франц. армия переходила от активной к пассивной обороне Мааса [1]). С последним взрывом маасских переправ закончилось сражение в Арденах, и река, ставшая на некоторое время непроходимой преградой, легла гранью между двумя операциями: только что законченной

[1]) Хотя мосты и взрывались, но в большинстве случаев не были вполне разрушены, что дало возможность немцам быстро восстановить переправы; часть мостов попала в их руки неповрежденными.

по обе стороны р. Семуа и теперь начинавшейся к западу от Мааса.

Оценка боевых действий 4-й франц. и IV-й герм. армий.

После четырех суток маршей и боев, наступлений и отступлений, 4-я франц. армия, понеся огромные потери, как в людях, так и в материальной части, к 26 августа вернулась, в общем, в то исходное положение, из которого она начала, полная надежд и наступательного порыва, свое движение в пределы Бельгии. С каким нетерпением ожидал командующий армией этого движения, опасаясь, что противник пройдет мимо его войск к нижнему Маасу и ускользнет от занесенного ему во фланг удара! И вдруг, вместо этой погони за уходящим неприятелем, вместо этого победоносного наступления к северу,—неожиданная остановка авангардов на правом берегу р. Семуа... А вслед за этим—появление по всему фронту армии крупных германских сил и эти ошеломляющие атаки с правого фланга, так быстро и так решительно разрушавшие боеспособность французских войск! Четверо суток, полных неожиданностей и разочарований, колебаний и сомнений, бесплодных усилий восстановить положение, утраченное в первых же боевых столкновениях!

Раньше всего, виновником этого печального для французов явления необходимо признать французское главное командование, которое, неправильной ориентировкой и ложной постановкой оперативной цели, создало для 4-й армии весьма неблагоприятную обстановку при ее движении за р. Семуа. Но не менее виновата в этом неудачном исходе операции и сама армия: всецело занятое мыслью о погоне за противником к северу, армейское командование совершенно пренебрегло мерами охранения и разведывания на правом фланге, почему и привело свои корпуса к необходимости вести бои при постоянной угрозе неприятельского удара с востока. Кроме того, и оперативное использование войск у французов было поставлено неудовлетворительно. Отдельные колонны наступали и отступали, обыкновенно, без связи друг с другом, почему и дей-

ствовали совершенно несогласованно, не уведомляя одна другую о своем отходе и обнажая фланги соседей; авангарды, не всегда достаточно самостоятельные, выдвигались на слишком большое расстояние от главных сил и поэтому часто не получали своевременной поддержки последних и несли отдельное поражение; между родами войск не существовало надлежащей связи и взаимодействия, особенно между пехотой и артиллерией: последняя, в большинстве случаев, опаздывала поддерживать пехотное наступление, находясь слишком глубоко в походных колоннах и не имея навыка в быстром выборе позиций в такой пересеченной и лесистой местности, в которой приходилось действовать в этих боях французам; наконец, войска вообще действовали неумело на этой местности, теряясь при первых же неудачах и обращаясь в поспешное отступление. Все эти недостатки неизменно приводили французские части, от самых мелких до крупных, к тяжким поражениям, сопровождавшимся большими потерями и сильным моральным расстройством войск. Неблагоприятное для французов влияние этих недостатков на исход боевых столкновений сказывалось особенно сильно вследствие встречного и неожиданного характера боев, требовавшего от командного состава большой находчивости, инициативы и решительности для постановки своих войск в выгодное положение.

Германские войска, вследствие своей лучшей тактической подготовки, легче справлялись с затруднениями, которые представляла местность в районе боевых действий; однако, необходимо заметить, что их успехи в значительной степени зависели от общих благоприятных условий, в которых находились в эти дни немцы, благодаря совершенной неосведомленности французов о сосредоточении крупных сил противника в люксембургском районе. Обстановка сложилась здесь настолько удачно для германского командования, что IV-я герм. армия имела возможность, простым фронтальным наступлением, три дня подряд охватывать фланги неприятельских корпусов, не подвергая при этом своих войск никаким опасностям. Принимая это во внимание, приходится признать продвижение немцев за

р. Семуа и далее к Маасу слишком медлительным и осторожным; именно эти недостатки их наступательного марша и были причиною того, что им не удалось использовать, представлявшихся не один раз, воможностей нанести противнику решительное поражение. Французы, несмотря на все свои частные неудачи, все-же не были отброшены за Маас, а отошли за эту реку планомерно и даже собирались одно время активно оборонять ее, что являлось для них возможным только вследствие малой энергии, проявленной немцами при преследовании французской армии, уже разбитой, в сущности говоря, в первых же боях, 22 августа. В этом отношении особенно странным кажется, что германцы не развили своего успеха, достигнутого в этот день в боях с центральными французскими корпусами, 17-м, 12-м и колониальным; энергичный их натиск в центре 4-й франц. армии в течение 23 августа, примерно на участке от Кюньона до Флоранвиля, где французы были приведены в полное расстройство, мог бы расколоть эту армию на две части и отбросить одну в угол между Маасом и Семуа, а другую на соседнюю 3-ю армию.

Насколько в других германских армиях, принимавших участие в пограничном сражении, обстановка благоприятствовала широким обходным движениям, настолько в боях на р. Семуа все складывалось для немцев в пользу прорыва французского фронта. Но для того, чтобы выполнить такую операцию, необходима была, раньше всего, правильная ориентировка в отношении противника, чего, конечно, не было у германского командования. Вообще, обе стороны обладали скудными сведениями одна о другой и вели операцию почти в темную, наугад. Это обстоятельство препятствовало одной из них избегать тех невыгодных положений, в которые ставили ее общие условия обстановки, а другой не давало возможности использовать всех преимуществ своего стратегического положения.

Итоги арденской операции.

Пятидневная операция в Арденах, втянувшая в круг своих маршей и боев весьма крупные силы четырех армий [1]), привела обоих противников к совершенно неожиданным результатам. Французские армии, обладавшие численным превосходством, получали весьма активные и решительные задачи, составлявшие главную, важнейшую часть наступательного плана французов. С другой стороны, обе германские имели довольно скромное оперативное назначение, полу-наступательного, полу-оборонительного характера, вспомогательного для той задачи, которую выполняли три правофланговые армии. В виду этого, возможно было ожидать решительного наступления французских войск в южную Бельгию и соответственно этому—германских попыток остановить, тем или иным способом, это опасное движение противника. Между тем, уже с первых же боевых столкновений обнаружилась неожиданная перемена ролей: не германцам пришлось задерживать наступление французов, а наоборот, последние были вынуждены сдерживать натиск немцев и хотя они все еще не отказывались от своих активных намерений, но в действительности сразу же перешли к обороне. При оценке боевых действий в сражениях у Лонгви и на р. Семуа я указал на причины такого явления, а потому здесь нет надобности повторять этого.

Арденская операция, несмотря на доставленный ею германцам крупный успех, не обладает ни яркостью, ни блеском, свойственными другим удачным операциям немцев в кампанию 1914 года и производит вообще незначительное впечатление; это об'ясняется отсутствием в ней широкого маневра, а вместе с тем и, связанных с таким маневром, катастрофических положений для сражавшихся.

---

[1]) С германской стороны, в IV-й и V-й армиях—10 корпусов, 2 кав. дивизии, 1 рез. дивизия и 5 ландв. бригад, а с французской, в 3-й и 4-й армиях, 9 корпусов, 3 кав. и 9 рез. дивизий; французы имели численное превосходство в 5 пех. и 1 кав. дивизию. По данным германского оффициального описания войны (Der Weltkrieg 1914 bis 1918, Erster Band, стр. 646) немцы имели здесь (в обеих армиях) 236 батал., 120 эск. и 1320 оруд., а французы (тоже в двух армиях) 377 батал., 138 эск. и 1540 оруд.

Тем не менее, нигде неудачи французов не разрушали в такой мере французского наступательного плана, как эти поражения в Арденах, потому что, с крушением надежд на успешное вторжение в бельгийский Люксембург, теряла стратегический смысл и сама идея наступления союзных армий в Бельгию. Неожиданный успех IV-й и V-й герм. армий, далеко превзошедший расчеты германского главного командования, не только остановил неприятельские силы, пытавшиеся ударить во фланг правому германскому крылу, но имел и более активное, более решительное влияние на всю обстановку на бельгийско-французской границе. Эта бедная оперативными формами совокупность боевых явлений, развернувшихся в дни 21—25 августа между Мозелем и Маасом, придала широкий размах обходному движению германского правого фланга через Бельгию, и побудила французское главное командование отказаться от дальнейших попыток осуществить свое запоздалое наступление в центре, которое, в лучшем случае, могло привести лишь к посредственному успеху.

В связи с нерешительными задачами, данными в начале операции IV-й и V-й герм. армиям, может возникнуть следующий вопрос: не лучше ли было бы для немцев, в общих интересах их наступательного плана, предоставить 3-й и 4-й франц. армиям продвинуться к северу, с целью атаковать их с востока с широким охватом их правого фланга? Однако, не говоря уже о том, что для такого маневра необходима была хорошая осведомленность о силах и расположении противника, которой не было у германцев, но такое глубокое продвижение французов в Арденах могло бы поставить в опасное положение III-ю герм. армию и отвлечь ее от действий в самбро-маасском районе. А была ли такая комбинация более выгодной для германцев—вопрос весьма спорный. Для осуществления таковой нужен был очень точный расчет различных оперативных данных, который вообще не соответствовал духу германской стратегии, употреблявшей более грубые и более простые приемы для достижения поставленных себе целей.

3. Самбро-Маасская операция (21—25 августа).

Характер местности в районе боевых действий.

Районом боевых действий самбро-маасской операции послужила пограничная полоса частью французской, но преимущественно бельгийской территории, между р.р. Шельдой и Маасом, к югу от линии Намюр—Лилль. Местность здесь повсеместно представляет собой равнину, удобную для движения войск, но многочисленные леса и рощи, разбросанные по всему району, придают ей во многих местах закрытый характер. Район пересекается с юго-запада на северо-восток р. Самброй, впадающей у Намюра в Маас и разделяющей район на две части: западную, заключавшую в своих пределах поле сражения у Монса, и восточную,—поля сражений у Шарлеруа и Динана. Самбра течет в невысоких, мягких берегах и по свойствам своим не представляет значительной преграды; но Маас, особенно в южной части района, там, где он прорезает лесистые отроги Арден и течет в высоких, крутых берегах нешироким, но глубоким и сильным потоком, является серьезной преградой. Район имеет весьма густое население, занимающееся, главным образом, фабрично-заводским трудом и добыванием каменного угля; вследствие этого, местность густо покрыта селениями, фабриками, заводами и каменноугольными шахтами, придающими ей в тактическом отношении весьма разнообразный характер. Страна изобилует путями сообщения, как железными, так и обыкновенными дорогами, причем последние— отличного качества, пригодные для движения всякого рода.

Сражение у Шарлеруа — Динана. (21—25 авг.). Положение к 21 августа.

При исследовании перегруппировки французских армий перед пограничным сражением я уже упоминал от том, что к вечеру 20 августа почти все войска 5-й франц. армии достигли назначенных им пунктов в районе между р.р. Самброй и Маасом. Расположение этих войск к указанному времени было следующее: 1-й корпус (усиленный 8-й пех. бригадой, находившейся раньше при коннице ген. Сорде), имея главные силы запад-

нее Динана, наблюдал Маас от Ревэна до Намюра и Самбру выше крепости до Флорефа; 51-я рез. дивизия, находившаяся у Рокруа, должна была прибыть 22 августа в Динан для смены 1-го корпуса; 10-й корпус (с приданной ему 37-й дивизией)—в районе Фос — Филипвиль, с передовыми частями на Самбре восточнее Тамина; 3-й (с 38-й дивизией)— в районе Жерпин—Валькур—Шимэ, с передовыми частями на Самбре от Розели до Шарлеруа; кавалерийский корпус ген. Сорде находился за Шарлеруа-Брюсельским каналом, охраняя переправы от Госели до Сенефа; 18-й корпус окончил в этот день высадку у Мобежа и головными частями подходил к Бомону; две рез. дивизии ген. Валябрега (53-я и 69-я)—на пути из района Вервэн—Гирсон в северо-восточные окрестности Мобежа. По всему фронту армии, как вдоль р. Самбры, так и на участке Шарлеруа—Нивель, французские войска находились уже в соприкосновении с передовыми войсками противника.

В штабе 5-й франц. армии имелись в то время вполне определенные сведения о наступлении через Бельгию крупных германских сил, причем ген. Ланрезак считал, что к западу от Мааса находилось по крайней мере 8—10 неприятельских корпусов, составлявших две армии; силы немцев, наступавших с востока к Динану, он оценивал не более как в корпус. Поддерживая связь с комендантом Намюра, он знал также о том, что эта крепость уже обложена немцами с севера [1]).

При таких условиях и имея в виду, что английская армия находилась еще далеко позади, а 4-я французская еще не перешла р. Семуа, Ланрезак не признал возможным тотчас же начать наступление за р. Самбру, а решил отложить его до 23 августа; в этот день он мог бы располагать и 1-м корпусом, который сменялся на Маасе 51-й рез. дивизией лишь к вечеру 22-го, и 18-м, который 21-го должен был собраться у Тюэна. В виду этого, на 21 августа было

[1]) Вследствие просьбы коменданта этой крепости, ген. Мишеля, прислать ему подкрепление, ген. Ланрезак отправил в Намюр 20 августа три батальона из состава 8-й пех. бригады (приданной 1-му корпусу).

приказано следующее: войскам, достигшим назначенных им пунктов, оставаться на местах в боевой готовности, а находившимся в пути — продолжать движение: 18-му корпусу — к Тюэну, а 51-й рез. дивизии — к Динану; одной бригаде 3-го корпуса перейти в западные окрестности Шарлеруа для поддержки конного корпуса; в долину р. Самбры продвигаться лишь отрядам, имеющим задачу препятствовать неприятельской разведке.

Таким образом, 5-я франц. армия, в ожидании своего полного сосредоточения и продвижения соседних армий, заняла к югу от р. Самбры оборонительное положение.

Одновременно с этим, с северо-востока, обходя крепость Намюр, для атаки которой уже были выделены особые войска, подходила к Самбре II-я герм. армия. Посмотрим, как были расположены в это время ее корпуса и какие ближайшие задачи были указаны им в связи с этим наступлением.

Мы оставили армию ген. Бюлова в тот момент, когда выделивши гвард. рез. корпус для атаки Намюра (совместно с XI-м корпусом III-й армии), она подошла четырьмя корпусами (VII-м, X-м рез., X-м и гвардейским) на линию Охэн — Жемблу, имея VII-й рез. корпус во 2-й линии, за VII-м, а конницу (4-ю и 9-ю кав. дивизии) — у Марбэ. В этом положении эта армия образовала с I-й германской общий фронт к юго-западу. Отсюда обеим армиям приходилось начать захождение к югу, для дальнейшего наступления за р. Самбру и к верхней Уазе. В виду этого, левофланговым корпусам II-й армии было приказано на следующий день круто повернуть к югу, а остальным — продолжать движение в юго-западном направлении. Директива германской главной квартиры от 20 августа заключала в себе требование собрать к западу от Мааса сильную конницу, с передачей I-го кав. корпуса из состава III-й армии во II ю, почему ген. Бюлову пришлось сделать распоряжение о перегруппировке конных частей. Всем трем дивизиям II-го кав. корпуса приказано перейти в I-ю армию и следовать впереди ее правого фланга, в направлении на Ат; а I-му кав. корпусу, находившемуся у Динана, обойти Намюр с севера и перейти в район к югу от Нивеля, где посту-

пить в состав II-й армии и вести разведку впереди ее правого фланга, на фронте Валансьен — Мобеж — Филипвиль. Этой перегруппировкой была, наконец, исправлена крупная ошибка в первоначальном распределении армейской конницы между правофланговыми армиями, на которую я указывал при оценке боевых действий германцев в Бельгии и которая, несомненно, ослабила наступательную силу и размах обходного движения I-й герм. армии.

Для выполнения важнейшего указания вышеупомянутой директивы, касавшегося согласования действий II-й и III-й армий в самбро-маасском районе, этим армиям необходимо было теперь же войти в соглашение между собою. По предложению ген. Бюлова, было решено, что III-я армия не ранее вечера 21 августа откроет огонь по левому берегу Мааса и будет затем пытаться обойти с юга противника, находившегося в районе Динана, а II-я в течение 21-го продвинется до линии Бинш—Шарлеруа—Овеле, причем переправа через Самбру начнется лишь после того, когда все войска армии будут подтянуты к реке. Несколько позже Бюлов уведомил III-ю армию, что переправа будет начата утром 23 августа. I-я армия должна была поддерживать эту операцию своим наступлением западнее Мобежа. Но, как увидим ниже, события развивались в ином направлении и скорее, чем предполагалось, почему указанное здесь соглашение между двумя армиями не дало никакого положительного результата.

Бои на реке Самбре (21—22 авг.).

С утра 21 августа корпуса II-й герм. армии продолжали свое движение: VII-й (а вслед за ним и VII-й рез.) — к Нивелю, X-й рез.—к Франу, X-й—к Тамину, а гвардейский—к Овеле. В то же время, по другую сторону Самбры, главные силы 3-го и 10-го франц. корпусов продвинулись к своим авангардам, находившимся на реке; 1-й корпус стягивал свои войска вдоль Мааса к северу, постепенно сменяемый 51-й рез. дивизией; 18-й—подходил к Тюэну, а за ним шли к северу и обе рез. дивизии ген. Валябрега (из района Вервэна).

Следовательно, 5-я франц. армия, имея свои фланговые войска (на правом фланге—1-й корпус и 51-ю рез. дивизию, а на левом—18-й корпус, 53-ю и 69-ю рез. дивизии) уступами позади, выдвинулась к Самбре своим центром, двумя корпусами (3-м и 10-м), усиленными каждый одной дивизией 19-го корпуса. Эти выдвинутые к северу корпуса, раньше других частей 5-й армии пришли в столкновение с противником и приняли на себя удар германских войск, предопределивши до известной степени своими боевыми действиями исход всего сражения, разыгравшегося между Самброй и Маасом.

До полудня соприкосновение между сторонами ограничивалось в пределах разведывательных частей, но с 1 ч. дня оно установилось и между авангардами, раньше всего у Овеле между гвардейским и 10-м франц. корпусами. В виду того, что переправы на реке оказались слабо занятыми французами, для немцев явилась возможность захватить их с небольшими усилиями и этим облегчить последующие действия по форсированию реки. 2-я гвард. дивизия быстрым натиском опрокинула передовые части французов на Самбре и отбросила их за реку, захвативши переправу у Овеле, а 19-я дивизия (X-го корпуса) захватила переправу у Тамина. Обе дивизии 10-го франц. корпуса, подкрепивши свои авангарды, перешли в контр-атаку, 19-я—на Овеле, а 20-я—на Тамин. Несмотря на блестящий порыв французской пехоты и поддержку, оказанную им ближайшими частями 37-й дивизии, немцы были только оттеснены к реке; отбросить же их на левый берег оказалось уже невозможным. К вечеру войска корпуса отошли к югу: 19-я и 20-я дивизии в район Арзимон—Фос—Витриваль, где расположились для обороны, а 37-я—в район Фос—Метэ, в качестве резерва. Почти одновременно с 10-м корпусом был атакован и 3-й франц. корпус у Розели, где авангард 5-й дивизии был отброшен за реку войсками X-го герм. корпуса, овладевшими здесь переправой; 6-я дивизия—у Шарлеруа и 38-я—у Жерпина не принимали участия в бою. Конный корпус ген. Сорде, потесненный в 2 ч. дня к северу от Госели германской пехотой X-го рез. корпуса,

сначала стянулся к Курселю, а к вечеру, по мере проникновения противника за канал, отошел к утру 22 августа вверх по реке до Мэрб-ле-Шато, под прикрытием пехотной бригады 3-го корпуса, занявшей позицию у Андерлю.

Хотя этот первый день сражения и окончился неудачно для французов, и атаки германских войск явились для них полной неожиданностью, но, принимая во внимание, что это было лишь столкновение передовых частей, и даже не всех корпусов [1]), не было еще никакого основания считать дело проигранным; ген. Ланрезак вообще предполагал, в случае, если немцы предупредят его наступлением, вести бой не на реке, а в нескольких километрах южнее. Вследствии того, что выбор момента для перехода в наступление был предоставлен главнокомандующим усмотрению командующего 5-й армией [2]), последний, ожидая на следующий день неприятельскую атаку, приказал войскам приготовиться к обороне. Нехорошо было только то, что некоторые переправы находились уже в руках немцев, а так как конница отошла за левый фланг армии, то невозможно было следить за передвижениями неприятельских войск по ту сторону Самбры.

Между тем, на стороне германцев было принято важное решение, которое значительно ускорило ход событий и усложнило взаимодействие II-й и III-й армий. По сведениям германской главной квартиры, сообщенным вечером 21 августа штабу II-й армии, обстановка между Самброй и Маасом представлялась в следующее виде: на Маасе, между Намюром и Живэ, 3 франц. корпуса; южнее Самбры, между Намюром и Мобежем, неприятельские войска находятся в наступлении, при чем на участке от Намюра до Шарлеруа вблизи Самбры обнаружены 1—2 корпуса; западнее линии Шарлеруа—Шимэ около трех корпусов в движении

---

[1]) С французской стороны в бою 21 августа принимало участие лишь 8 батальонов 3-го и 10-го корпусов.

[2]) В ответ на донесение Ланрезака от 21 августа о том, что он не может наступать 22-го, так как к этому времени 1-й корпус не будет сменен на Маасе, а английская армия едва лишь достигнет Монса, Жоффр сообщил ему, что выбор момента атаки он предоставляет его усмотрению, потому что ему виднее на месте.

на север, в том числе и рез. дивизии; 20 августа они, повидимому, еще не переходили линии Филипвиль—Авен.

Эти сведения указывали на то, что крупные силы французов уже приближались к Самбре, почему в штабе II-й герм. армии явилась мысль, воспользовавшись тем, что на реке пока находятся слабые части противника, поспешить с переправой через реку, чтобы, таким образом, совершить ее в тактически выгодных для себя условиях. Соответственно этому, утром 22 августа корпусам армии было приказано дойти в тот же день до линии Бинш—Метэ, причем гвардейскому корпусу, получившему направление на Метэ, установить связь с правым флангом III-й армии у Ивуара, а VII-му рез., оставаясь в районе Жемблу, обеспечивать левый фланг армии со стороны Намюра.

В ночь с 21-го на 22 августа 5-я франц. дивизия (3-го корпуса) произвела попытку овладеть переправой у Розели, но потерпела неудачу и была приведена этим ночным боем в большое расстройство. А так как одна бригада 6-й дивизии находилась при коннице ген. Сорде, то приходится признать, что 3-й корпус 22 августа обладал малой боеспособностью.

С раннего утра боевые действия начались по всему фронту 5-й франц. армии.

Несмотря на намерение ген. Ланрезака ожидать неприятельского наступления на избранных им позициях, которые было приказано укрепить, войска не произвели за ночь никаких фортификационных работ, а с 6 ч. утра, по инициативе командиров корпусов, повели наступление к реке. Раньше всего начала наступление 20-я дивизия от Витриваля на Тамин, а затем и 19-я от Арзимона на Овеле. Густой туман некоторое время не давал французской артиллерии возможности найти удобные позиции и открыть огонь, почему пехоте пришлось сначала вести атаку без поддержки своих батарей. Несмотря на это, французам удалось, благодаря своему численному превосходству, поставить в очень трудное положение части 2-й гвар. дивизии противника, занимавшие у Овеле южный берег реки. Однако, успешное продвижение X-го герм. корпуса у Тамина и Розели, дало возможность прусской гвардии удержаться на правом бе-

регу. С 11 ч. утра французы уже находились в полном отступлении, хотя и были усилены двумя полками 37-й дивизии. К 7 ч. вечера 10-й франц. корпус отошел на высоты южнее Фоса и Витриваля, установивши своим правым флангом связь с бригадой 1-го корпуса, собравшейся к этому времени к востоку от Фоса и охранявшей переправы в районе фортов Намюра.

3-й франц. корпус наступал в этот день еще более неудачно: 5-я дивизия, расстроенная ночным боем, с утра возобновила атаку на Розели, но не могла овладеть этим селением, занятым неприятельскими войсками X-го корпуса и начала отступать, увлекая с собой части 6-й дивизии, наступавшей левее, на Шатле. Около 10 ч. утра 19-я герм. дивизия (X-го корпуса), при поддержке сильного артиллерийского огня с левого берега Самбры, перешла в контратаку от Шатле и отбросила к югу 5-ю франц. дивизию, пытавшуюся задержаться на попутных рубежах. В то же время обе дивизии X-го рез. корпуса, успешно преодолевая сопротивление 6-й франц. дивизии, захватили переправы у Шарлеруа и своими передовыми частями заняли южный берег реки. Введение в бой бригады 38-й дивизии, доблестно атаковавшей без содействия артиллерии в направлении на Шатле, не изменило хода событий, и между 3 и 4 ч. дня французы начали общее отступление к Жерпину и Налину, не преследуемые противником.

Пока происходили эти бои к востоку от Шарлеруа, к западу от него VII-й герм. корп. приближался к реке; одна из бригад 13-й дивизии, не доходя Бинша, встретила английскую конницу и отбросила ее к юго-западу [1]), а 14-я дивизия атаковала в 9 ч. утра у Андерлю 8-ю франц. цех. бригаду; последняя, не оказавши противнику никакого сопротивления, отошла через Тюэн на правый берег Самбры, где находился в то время в полном бездействии 18-й франц. корпус. Немцы беспрепятственно продолжали свое движение на юг, имея у себя на фланге кавалерийский корпус

---

[1]) Здесь в этот день впервые немцами было установлено присутствие английских войск в районе боевых действий.

ген. Сорде, стоявший у Мэрб-ле-Шато. Рез. дивизии ген. Валябрега достигли в этот день Сольр-ле-Шато.

Результаты боев 21—22 авг. и предположения сторон на 23-е.

Печальны были для французов результаты двухдневных боев на правом берегу р. Самбры. В самом деле, потерявши оборонительную линию реки, с налету захваченную небольшими силами германцев, и истрепавши несколько своих дивизий в бесплодных атаках противника, закрепившегося на переправах, 5-я франц. армия к вечеру 22 августа все еще не могла собрать всех своих сил для общего наступления. Правда, благоприятным обстоятельством до известной степени являлось то, что командующий армией имел, к утру 23-го, два корпуса (1-й и 18-й) и две рез. дивизии (53-ю и 69-ю) совершенно свежими; и Ланрезак сильно надеялся на содействие этих частей, а также на участие в дальнейших боях артиллерии, которая, не имея до сих пор случая участвовать в боевых действиях, оставалась совершенно нетронутой, без потерь в людях и материальной части и без расхода огнестрельных припасов.

Распоряжения ген. Ланрезака на 23 августа заключались в следующем: 10-й, 3-й и 18-й корпуса должны были упорно оборонять занимаемые ими позиции; 1-й корпус—расположиться правее 10-го, с целью атаковать во фланг противника, который может наступать против этого корпуса; конному корпусу ген. Сорде, еще с вечера 22-го, для установления связи с английской армией, занять участок Самбры от Мэрб-ле-Шато до Мобежа, а на следующий день, по смене рез. дивизиями, перейти на левый фланг англичан [1]), рез. дивизиям ген. Валябрега—дойти до Кусольра, где сменить конницу ген. Сорде на указанном выше участке реки. Следовательно, на 23 августа, 5-я франц. армия приготовилась к оборонительным действиям, при том настолько пассивного характера, что даже две свежие дивизии были предназна-

---

[1]) Переброска конницы ген. Сорде на левый фланг английской армии была указана франц. главной квартирой.

чены стоять кордоном на том участке Самбры, которому до сих пор неприятель еще не угрожал.

Что касается немцев, то в течение 21—22 августа бо́льшая часть II-й герм. армии прочно утвердилась на правом берегу реки и заняла удобное исходное положение для дальнейшего наступления; VII-й рез. корпус и 1-я гвард. дивизия, не принимавшие участия в боях на реке, образовали заслон к стороне Намюра на левом берегу. На 23-е корпусам приказано к 8 ч. утра достигнуть линии Тюэн—Метэ: VII-му—наступать на Тюэн и западнее, X-му рез.—на Налин, X-му—на Жерпин и гвардейскому на Метэ; фланговым корпусам указано обеспечить себя со стороны Мобежа и Намюра; I-й кав. корпус, по прибытии в армию, должен был наступать впереди ее правого фланга; к вечеру 22 августа он достиг восточных окрестностей Жемблу.

Быстро развивались события и на флангах сражавшихся на Самбре армий: на западе, в район Монса уже подходили с юга англичане, а с севера—корпуса I-й герм. армии; на Маасе левобережные форты Намюра лежали уже в развалинах; на правом берегу три корпуса III-й герм. армии своими передовыми частями приближались к реке в районе Динана. Казалось, что с востока надвигались на 5-ю франц. армию грозовые тучи; но командующий этой армией был более озабочен тем, что делается слева от него, в стороне англичан, потому что он возлагал большие надежды на 4-ю армию, которая должна была своим наступлением на север отвести неприятельский удар, занесенный на его войска с того берега Мааса! Он не знал еще, что это наступление уже было безнадежно...

День 22 августа явился поворотным моментом в ходе боевых действий между Маасом и Самброй, потому что уже с утра следующего дня французы не предпринимают более наступательных действий, а лишь делают безуспешные попытки облегчить свое тяжелое положение.

Бои южнее р. Самбры. (23 августа). К утру 23 августа 1-й франц. корпус, закончивший смену с маасских переправ, расположился одной дивизией к юго-востоку от Фоса,

а другой—севернее Антэ. Сменившая его 51-я рез. дивизия заняла участок Мааса от Ивуара до Хастьера; на реке переправы были уничтожены, за исключением мостов у Динана и Хастьера, которые предполагалось разрушить с приближением противника. Остальные войска обеих сторон сохраняли к началу боя то положение, которое они занимали накануне вечером.

Раньше всего в этот день боевые действия начались на правом фланге французов. Здесь герм. гвардейский корпус с утра атаковал правый фланг 10-го франц. корпуса у Фоса и отбросил его к Сен-Жерару [1]). В это время войска 1-го франц. корпуса развернулись к северо-востоку от Сен-Жерара, угрожая взять во фланг продвигавшуюся к югу прусскую гвардию. Со стороны Динана уже доносился гул артиллерийской канонады, но ни один французский начальник не был этим обеспокоен, потому что появление противника на Маасе считали лишь демонстрацией! Командир 1-го корпуса, ген. Франшэ д'Эспере, решил атаковать неприятеля, наступавшего против 10-го корпуса; около 1 ч. дня его войска начали наступление к западу, что вынудило герм. гвардейский корпус остановиться и загнуть свой левый фланг к северу. Однако, неожиданно, по приказанию командира корпуса, движение французов было остановлено; это было вызвано только что полученным ген. Франшэ д'Эспере сведением, что части 51-й рез. дивизии допустили немцев переправиться через Маас южнее Динана и отходят от реки, преследуемые неприятелем, продвигающимся к Антэ. Тотчас же 1-й франц. дивизии было приказано следовать к югу: одной бригадой к Антэ, а другой—к Динану, с целью отбросить к реке появившегося на левом берегу противника.

Тем временем германская гвардия, воспользовавшись приостановкой наступления войск ген. Франшэ д'Эспере,

---

[1]) 1-я гвард. дивизия, находившаяся в течение последних дней против западного фронта Намюра, была сменена здесь 14-й рез. дивизией (VII-го рез. корпуса) и присоединилась к гвард. корпусу на правом берегу Самбры.

возобновила свои атаки от Фоса на Сен-Жерар, но встретила здесь упорное сопротивление войск 10-го франц. корпуса. До 4 ч. дня французы сохранили за собой все занимаемые ими позиции в этом районе.

На всем остальном пространстве правого берега, германцы, задержанные переправой через реку своей артиллерии, не наступали в течение первой половины дня. Но на левом берегу VII-й корпус, занявший 13-й дивизией рано утром Бинш, потеснил здесь английскую кав. бригаду, отошедшую к югу. Затем, начиная с 11 ч. утра, корпус повел 14-й дивизией сильную атаку на Тюэн, пытаясь оттеснить от реки войска 18-го франц. корпуса и перебросить свои силы на правый берег; к 4 ч. дня немцам удалось овладеть мостом в 2-х килом. западнее Тюэна (у Лобба), но перейти на правый берег они еще не могли. В отражении этих германских атак приняли участие и конные батареи кавалерийского корпуса ген. Сорде, находившиеся к югу от Мэрб-ле-Шато. Этот корпус, между 3 и 5 ч. дня был сменен на Самбре двумя рез. дивизиями и тотчас же выступил к Мобежу для дальнейшего следования на левый фланг английской армии; на пути к этой крепости, ген. Сорде получил от ее коменданта, ген. Фурнье, уведомление о том, что англичане потерпели в этот день неудачу у Монса и отходят к Мобежу, что вынудило французскую конницу повернуть к югу и пойти кружным путем через Бофор в поисках английского левого фланга.

С 4 ч. дня атаки немцев усилились по всему фронту. 3-й франц. корпус, расстроенный предшествовавшими двухдневными боями, не выдержал натиска германских войск X-го корпуса у Жерпина и 19-й рез. дивизии (X-го рез. корпуса) у Налина и отошел с такой поспешностью, что только, благодаря вялому преследованию противника и отличным артиллерийским позициям, найденным в северо-восточных окрестностях Валькура, с которых французские батареи могли оказать хорошую поддержку своей пехоте, удалось остановить войска корпуса в этом районе и привести их в порядок к 9 час. вечера. Быстрый отход 3-го корпуса поставил в трудное положение 18-й, правый фланг

которого, однако, оказал очень сильное сопротивление у Гозэ наступлению 2-й гвард. рез. дивизии (X-го рез. корпуса), но, ввиду общего неблагоприятного положения, был вынужден отойти к югу; на остальном участке своего расположения, как у Тюэна, так и выше по реке, он успешно отражал атаки VII-го герм. корпуса. В этот день к правому флангу II-й герм. армии подошел I-й кав. корпус: 5-я дивизия—к Госели, а гвард.—к Биншу. На правом фланге французов 10-й корпус, державшийся у Сен-Жерара до 4-х ч. дня, начал теперь отступать и к ночи отошел к Метэ, но части 1-го корпуса еще удерживались в этом районе; 1-я франц. дивизия к наступлению темноты достигла Динана и Антэ, а правофланговые батальоны 51-й рез. дивизии стянулись к этому последнему пункту. Неприятельский отряд, переправившийся здесь на левый берег Мааса, не поддерживал соприкосновения с этими французскими войсками.

На правом берегу р. Самбры положение французов в этот день ухудшилось лишь в незначительной степени: хотя корпуса в центре и отошли на некоторое расстояние к югу, но фланги еще держались, причем правый (2-я дивизия 1-го корпуса) сохранял связь с Намюром, а левый мог быть в любую минуту поддержан частями рез. дивизий, стоявших на реке западнее Тюэна. Но за то положение значительно осложнилось в районе Динана, где с того берега Мааса появились признаки неприятельского обходного движения, направленного в тыл 5-й франц. армии. К вечеру ген. Ланрезак получил сообщение об отступлении 4-й франц. армии, следовательно теперь уже не было оснований надеяться на то, что кто-то задержит германские войска, наступавшие с востока к Маасу, а переправа противника через эту реку на виду у целой французской дивизии не располагала уже считать появление здесь немцев демонстрацией. Необходимо было уже серьезно считаться с этим новым фактором боевой обстановки и принять то или иное решение, с целью найти выход из создавшегося положения. Но раньше, чем заняться этим вопросом, посмотрим, что происходило в действительности в то время на берегах Мааса, к югу от Намюра.

Наступление III-й герм. армии к Маасу (21—22 августа).

А здесь происходили события более значительные, чем предполагал ген. Ланрезак, находясь вечером 23 августа в штабе своей армии в Шимэ.

Описывая первые боевые действия после вторжения германцев в Бельгию, я проследил тогда движение III-й герм. армии до вечера 20 августа, когда два ее корпуса, XII-й и XIX-й, находившиеся в 1-й линии, достигли Хаверзэна и Сиерньона, а XII-й рез.—оставался еще в тылу, у Эрезэ и Ляроша; XI-й корпус этой армии с того же дня был направлен к Намюру, в состав осадной армии ген. Гальвица. На следующий день, 21-го, III-я армия продолжала свое движение к Маасу, причем XII-й рез. корпус к вечеру подошел к правому флангу XII-го. 22 августа все три корпуса своими передовыми частями вошли в соприкосновение с сторожевым охранением противника на правом берегу и отбросили его за реку. На 23-е корпусам была указана ограниченная задача: занять высоты левого берега против Динана, т.-е. фронтально выдвинуться за реку, с целью установить более тесную связь с действиями II-й армии. Вечером в этот день командующий армией получил от ген. Бюлова сообщение, что в виду нахождения на правом берегу р. Самбры небольших неприятельских сил, преимущественно конных частей, желательно быстрое наступление III-й армии правым флангом на Метэ, с целью дать возможность II-й достичь на следующий день линии Бинш—Метэ. Между тем, прибывший в тот же вечер офицер для связи из штаба II-й армии сообщил, что гвардейский корпус уже 21 августа атаковал французов на Самбре и теперь находится на правом берегу. Столь ранняя атака войск ген. Бюлова противоречила состоявшемуся между армиями соглашению, по которому II-я армия должна была форсировать реку лишь 23-го, и требовала новых распоряжений, но так как уже было поздно менять общие приказания для боевых действий следующего дня, то ген. Гаузен, для того, чтобы ускорить переброску своих войск через Маас, приказал XIX-му корпусу в эту же ночь занять одной дивизией переправу у Хастьера.

Бои на Маасе, 23 августа. С 6 час. утра 23 августа германцы открыли артиллерийский огонь по французским отрядам 51-й рез. дивизии, наблюдавшим реку на левом берегу от Хастьера до Ивуара, и вслед затем германские войска выступили к реке, с целью форсировать ее: XII-й корпус—на Хукс (32-я дивизия) и Динан (23-я дивизия); XIX-й — на участок Анзерем—Хастьер, а XII-й рез. — к Ивуару. Мосты у Динана и Хастьера были неразрушены, мост у Анзерема был поврежден, но проходим для пехоты. Переправы у Динана и Анзерема были захвачены немцами еще накануне, а мост у Хастьера был взят в этот день после непродолжительного боя. Владея этими переправами, наступающий имел возможность перебросить на левый берег небольшие отряды пехоты без артиллерии, причем эта переброска была более успешна южнее Динана, где 40-й дивизии (XIX-го корпуса) удалось отбросить от реки сторожевые части противника и продвинуть несколько батальонов на 2—3 килом. от Хастьера на Антэ. Это и был тот эпизод, который вызвал такую тревогу на правом фланге 5-й франц. армии, привел к остановке атаки 1-го корпуса и заставил спешно направить к Антэ одну из его дивизий. У Динана и севернее, несмотря на слабые неприятельские силы, переправа войск оказалась более трудной, главным образом, вследствие затруднений местного характера (скалистый грунт правого берега, сильно углубленные дороги и т. п.), а также и потому, что, уже во время переправы, французы (вероятно, при содействии жителей) взорвали мост у Динана. К вечеру лишь небольшие части пехоты всех трех корпусов утвердились на левом берегу у Хукса, Динана и Хастьера; было приказано в течение ночи преследовать отходившего от реки противника: частями XII-го корпуса на Филипвиль, а XIX-го—на Мариембург.

Из сказанного видно, что форсирование Мааса III-й армией оказалось предприятием более сложным, чем предполагалось и вообще задуманное обоими командующими взаимодействие их армий в самбро-маасском районе не осуществилось. Ген. Бюлов расчитывал, что наступление его войск на правом берегу Самбры откроет корпусам ген. Гаузена путь через

Маас, но так как II-я армия встретила южнее реки более крупные силы противника, чем предполагала, то и не могла оказать III-й армии своевременного содействия; с другой стороны, последняя не была в состоянии облегчить войскам ген. Бюлова выход на правый берег Самбры, потому что, вопреки соглашению и без предупреждения, эти войска приступили к переправе не утром 23-го, а вечером 21 августа.

Впрочем, в этот день состоялось сильно запоздавшее вмешательство германского главного командования в совместные операции этих армий. Утром ген. Гаузен получил из главной квартиры предложение направить часть своих войск к югу от Живэ, с целью захвата путей неприятельского отступления. В виду этого, немедленно же было приказано тем войскам XIX-го корпуса, которые возможно будет вывести из боя у Хастьера и Анзерема, выступить в направленни на Фюмэ. А так как вскоре после этого воздушная разведка донесла, что французы южнее Самбры отходят и часть позиций противника на Маасе уже покинута, то было решено отправить к Фюмэ весь XIX-й корпус, потому что теперь уже нельзя было ожидать сильного сопротивления у Динана. Для приведения в исполнение этих распоряжений необходимо было не мало времени, почему весь XIX-й корпус не мог быть отправлен к югу в этот день и туда выступил лишь отряд ген. Оленхузена, в составе 10 батальонов, 3 эскадронов и 6 батарей. Итак, лишь 24 августа немцы собрались, наконец, осуществить меру, которой так благоприятствовала обстановка с первого же дня операции, т.-е. направить в тыл противника часть сил III-й армии, хотя и очень незначительную часть этих сил! И не слишком ли поздно принялись они за это дело, после трехдневных боев между Самброй и Маасом, когда неприятель уже вполне уяснил себе обстановку, уже понял всю опасность, угрожавшую ему с востока?

Отступление 5-й франц. армии. (24—25 авг.).

Предположения сторон на 24 августа заключались в следующем. Командующий II-й герм. армией считал положение своих войск к ночи с 23-го на 24-е весьма тяжелым: 4 корпуса, ослабленные и расстроенные трехдневными боями, занимали фронт протяжением около 40 килом., имея у себя в тылу реку, а перед собой—сильного противника, который, повидимому, намеревался оказать еще упорное сопротивление; левый фланг армии еще не установил связи с III-й армией, а на содействие I-й уже нельзя было расчитывать, потому что она вела в то время бои с англичанами. Единственным утешительным для ген. Бюлова известием было сообщение ген. Гальвица об успешной атаке Намюра. Тем не менее, после некоторых колебаний и обращений к соседним армиям за помощью, ген. Бюлов решил продолжать на следующий день наступление.

В III-й армии частям XIX-го корпуса, остававшимся еще в районе Хастьера, приказано следовать к Фюмэ для присоединения к отряду ген. Оленхузена, а остальным корпусам—закончить переправу на левый берег и наступать к юго-западу.

Между тем, ген. Ланрезак решил начать с утра 24-го общее отступление. Сведения, полученные им к ночи о состоянии вверенных ему войск, указывали на необходимость спешить с выполнением этого решения: 18-й корпус признавал себя уже непригодным для наступления, 3-й находился в состоянии полной деморализации, 51-я рез. дивизия в беспорядке покидала Маас, теснимая появившимся из-за реки противником. Кроме того, уже было известно, что англичане отошли к Мобежу. Решение отступать было принято командующим 5-й франц. армией по собственной инициативе, потому что, в противоположность германскому, французское главное командование в этот день еще не пожелало вмешиваться в ход событий между Самброй и Маассом и, несмотря на запросы, присылавшиеся из 5-й армии, хранило молчание. Ночью ген. Ланрезаком было приказано: на следующий день, до рассвета, армии начать отходить на линию Живэ—Филипвиль—Бомон—Мобеж. В ответ на доне-

сение о сделанных им распоряжениях для отступления, он получил директиву ген. Жоффра, в которой 5-й армии указывалось „отходить, опираясь на Мобеж слева и на лесистые Ардены справа“. Невозможно понять, какую ценность могли иметь и зачем нужны были эти указания для армии, вынужденной отступать в столь тяжелых условиях? Ведь связь с Арденами уже была потеряна с появлением III-й герм. армии на левом берегу Мааса, а Мобеж представлял собой слишком ненадежную опору, особенно в случае дальнейшего отхода англичан к югу.

С раннего утра 24 августа корпуса II-й герм. армии возобновили наступление, но так как одновременно с этим французы стали отходить, то в этот день крупных боевых столкновений не было; только у Валькура войска 3-го франц. корпуса, вследствие беспорядочного движения, были настигнуты германским авангардом X-го корпуса и пришли в замешательство, но вскоре, слабо теснимые противником, благополучно отошли. К вечеру II-я герм. армия дошла до линии Бомон—Флорен. Вообще, в этот день германские войска двигались медленно и действовали не энергично, как бы желая еще некоторое время задержать отступавших французов в районе между Самброй и Маасом. Такое желание было бы целесообразным, если бы оно имело в виду III-ю герм. армию, которой нужно было время для того, чтобы продвинуть часть своих сил в тыл французам. Но даже и в этом случае не вернее ли достигалась бы эта цель энергичной атакой противника, чтобы втянуть его в бой и приковать к месту? Впрочем, как увидим сейчас, бездеятельность войск ген. Бюлова являлась результатом совершенно иных соображений.

Дело в том, что не успели войска XIX-го корпуса выступить из окрестностей Хастьера для следования к Фюмэ, как приехал офицер из штаба II-й армии, привезший сообщение от ген. Бюлова, в котором он извещал, что имеет перед собой большие силы противника и хотя, в общем, положение пока благоприятно, но, для успеха назначенной на 24-е атаки, крайне желательно наступление III-й армии к западу. Вот, следовательно, из-за чего медлила II-я армия

в своем наступлении 24 августа: опасаясь ввязываться с французами в решительный бой, она поджидала приближения соседней армии к своему левому флангу, а вовсе не выхода ее войск в тыл неприятелю! Ген. Бюлов был озабочен лишь мыслью о достижении тактического успеха своей армией, но упускал из виду общие интересы операции, требовавшие продвижения III-й армии к югу, хотя бы при этом германские войска на Самбре временно и оказались в тяжелом положении. Но как же поступил в этом случае ген. Гаузен? Для сношений с главной квартирой или с Бюловым уже не было времени и необходимо было самостоятельно принимать решение; после некоторых колебаний он отказывается от своего намерения послать крупные силы к югу и приказывает наступать всей армии (кроме отряда ген. Оленхузена) в западном направлении. Основанием для принятия им такого решения являлось опасение, что, в случае неудачи II-й армии, южная группа его войск может быть отрезана от его главных сил.

В результате всего этого, саксонские корпуса в течение дня постепенно переправлялись через Маас и продвигались к западу. Вскоре после полудня воздушная разведка обнаружила отступление французов к югу, что заставило ген. Гаузена пожалеть о своем отказе направить крупные силы в тыл противнику, но время уже было упущено и исправить теперь эту ошибку было невозможно. К вечеру 23-я рез. дивизия (XII-го рез. корпуса) дошла до Флорена, имея по пути столкновение с бельгийскими войсками, уходившими из Намюра [1]); другая дивизия того же корпуса осталась у Динана охранять переправы; XII-й корпус достиг Розе, а оставшаяся часть XIX-го корпуса достигла Ромедена. Вообще, к концу дня внутренние фланги германских армий сошлись у Флорена, почему в дальнейшем III-й армии уже приходилось взять направление более на юг.

К вечеру французские войска благополучно достигли назначенной им линии: две рез. дивизии и 18-й корпус—на

[1]) См. стр. 237.

участке от Мобежа до Бомона; 3-й и 10-й корпуса (с африканскими дивизиями)—в районе Филипвиля и западнее, а 1-й корпус с 51-й рез. дивизией—несколько южнее Ромедена и Живэ.

Что же происходило в этот день у Фюмэ, куда был спешно отправлен еще накануне германский отряд ген. Оленхузена, получивший весьма важное поручение—угрожать путям отступления французской армии? У Вилерци (к востоку от Фюмэ) этот отряд встретился с небольшой пехотной частью 52-й рез. дивизии противника (4-й франц. армии), наблюдавшей правый берег Мааса ниже впадения р. Семуа и вынудил ее отойти к югу. У Хайбеса, на левом берегу, находилось небольшое количество неприятельской пехоты, подвезенной сюда на автомобилях из состава 1-го франц. корпуса; мост здесь был разрушен, и французы, пользуясь естественными условиями левого берега реки, способствующими обороне, оказали немцам упорное сопротивление. К ночи сюда подошла французская бригада из того же корпуса, почему положение здесь упрочилось и опасность выхода германских войск в тыл 5-й франц. армии уже миновала. Отряд ген. Оленхузена, не снабженный мостовым парком, после неудачной попытки очистить от противника левый берег реки, заночевал между Хайбесом и Вилерци. Этим и закончилось обходное движение немцев, которое при более энергичном исполнении могло бы всетаки дать некоторые ценные результаты. Теперь же, выход всех корпусов III-й герм. армии на левый берег Мааса, а главное, дальнейшее отступление французских войск с утра 25 августа, сделали обходный маневр в районе Фюмэ уже ненужным.

В виду того, что англичане продолжали свой отход южнее Мобежа, обнажая левый фланг 5-й франц. армии, последняя в течение 25-го отошла на линию Авен—Мариембург. Германцы, своими обеими армиями, следовали за противником. III-я армия в этот день наступала с линии Филипвиль — Ромеден в общем направлении на Мариембург; у Флорена к армии присоединился XI-й корпус, вернувшийся из Намюра. Во II-й армии было приказано на 25 ав-

густа, для овладения еще не сдавшимися фортами крепости, оставить бригаду гвардейского рез. корпуса, а остальным его войскам следовать за левым флангом армии; VII-му рез. корпусу—идти за ее правым флангом. Одновременно с этим, были сделаны распоряжения для атаки Мобежа: для этой цели приказано назначить по одной дивизии от VII-го, VII-го рез. и IX-го [1]) корпусов с батальоном тяжелых гаубиц, под общим начальством командира VII го корпуса ген. Эйнема. Всем же остальным войскам армии—продолжать преследование французских войск к юго-западу, причем VII-му корпусу, обложивши Мобеж с юга 13-й дивизией, направить возможно бо́льшую часть 14-й на Ольнуа, в тыл англичанам; туда же послать и I-й кав. корпус, который к вечеру 24-го подошел к Мэрб-ле-Шато. В течение 25 августа корпуса армии дошли без боев: VII-й—до Мобежа, X-й рез.—до Сольр-ле-Шато, X-й — до Соважа и гвардейский—до Ранса.

Этим днем я и заканчиваю описание событий, составляющих в совокупности сражение у Шарлеруа—Динана.

Дальнейшее отступление 5-й франц. армии уже происходило согласно указаниям главного командования и в соответствии с общей задачей, поставленной всем англо-французским армиям, а следовательно, в стратегическом отношении представляет как бы новый период боевых действий. Кроме того, на следующий день 5-я франц. армия уже выходила из самбро-маасского района, а немцы приступали к новым операциям по овладению крепостью Мобежем и фортом Живэ.

Сражение у Шарлеруа—Динана было проиграно французами, так же быстро и безнадежно, как одновременно с ним были проиграны другими французскими армиями столь же крупные сражения в Арденах, в Лотарингии и в вогезских горах. Немало имеется, для об'яснения этих неудач, общих причин, о которых я скажу в заключительных строках этой главы, но много есть и частных соображений, да-

[1]) IX-й корпус—из состава I-й армии, которая в это время была подчинена ген. Бюлову.

ющих возможность уяснить себе неудачный исход того или другого отдельного сражения. Обратимся же теперь к тем из них, которые помогут нам выяснить причины поражения французских войск в боях между Самброй и Маасом.

Оценка боевых действий сторон в сражении у Шарлеруа—Динана.

Раньше всего, необходимо признать, что 5-я французская армия была поставлена в неблагоприятные условия общим характером стратегической обстановки, сложившейся к тому времени в самбро-маасском районе. Выдвижение этой армии к северу было связано с расчетом, что 4-я армия своим наступлением в Арденах обеспечит безопасность участка Мааса от Живэ до Намюра, что, однако, не осуществилось в действительности, вследствие неудач, постигших эту армию в боях на р. Семуа. Затем, задача, данная войскам ген. Ланрезака, не соответствовала группировке неприятельских сил на Маасе: этим войскам было указано атаковать северную группу противника, опираясь на Маас, к которому уже подходила целая неприятельская армия, и на крепость Намюр, которая уже была атакована немцами; естественнно, что эти непредвиденные обстоятельства должны были вызвать ту нерешительность действий, которой так ярко окрашена вся эта операция на стороне французов. Наконец, отсутствие какого бы то ни было взаимодействия и согласованности в операциях трех союзных армий, находившихся на территории Бельгии (английской, бельгийской и 5-й французской), создавали для французских войск, сражавшихся между Самброй и Маасом, чрезвычайно невыгодную обстановку, которая едва не привела эти войска в тиски между двумя германскими армиями, из которых им удалось вырваться не без значительных потерь и усилий.

Непонятно то невнимание, с которым ген. Ланрезак относился к положению дел на своем правом фланге. Правда, он считал небольшими те силы противника, которые приближались с востока, и возлагал большие надежды на 4-ю армию, но, ведь, даже и небольшие неприятельские отряды, направленные против фланга, а тем более тыла, могут оказать

решающее влияние на исход сражения. Командующий 5-й франц. армией не только не обращал на это обстоятельство внимания главнокомандующего, но и сам не принимал никаких мер для предупреждения каких-либо печальных неожиданностей, могущих возникнуть на Маасе; рез. дивизии ген. Валябрега зачем-то держались на левом фланге, где в них не было особой нужды, потому что здесь, в недалеком расстоянии, находилась крепость Мобеж и располагалась английская армия, тогда как на правом фланге они могли бы надолго задержать на реке III-ю герм. армию. Неужели невозможно было поддерживать связь с англичанами каким-нибудь иным способом, а не расположением этих двух дивизий кордоном на протяжении 15 километров? Невнимательное отношение к правому флангу доходило даже до того, что некоторые мосты на Маасе не были разрушены и попали в руки противника, а другие были мало повреждены и потому быстро восстановлены.

При выяснении причин французских неудач в этом сражении необходимо иметь в виду, что немцы не имели здесь численного превосходства. Наоборот, общая численность 5-й франц. армии более чем в $1^1/_2$ раза превосходила численность II-й германской [1]) и даже в первых, решающих боях на реке, в течение 21—22 августа, французы имели силы, неуступавшие силам противника [2]).

Немалое, конечно, влияние на неудачные результаты боевых действий французской армии имели и два другие обстоятельства: неискусное оперативное управление войсками и недостаточная тактическая подготовка французских войск.

---

[1]) $13^1/_2$ французских пехотных дивизий против 8 германских.

[2]) 3-й и 10 корпуса (с африканскими дивизиями) против гвардейского, X-го и X-го рез. корпусов. Всего к 22 августа в этой операции, включая и Намюр, осада которого была поручена II-й герм. армии, эта последняя имела 137 батал., 83 эск. и 820 оруд. против 188 бат. 108 эск. и 748 оруд. бельгийско-французских войск; если присчитать к этому те войска, которые обе стороны имели на Маасе (т.-е. III-я герм. армия и французский заслон против нее), то получим следующие цифры: немцы—238 батал., 111 эск. и 1.416 оруд., а союзники—205 батал., 109 эск. и 784 оруд. (Der Weltkrieg 1914 bis 1918, Erster Band, стр. 646).

Каков был, в сущности, план действий ген. Ланрезака? Несомненно, командующий армией опасался идти за р. Самбру, для чего у него были серьезные основания, потому что его войска к 21 августа еще не были сосредоточены, и это движение могло быть предпринято только с шестью дивизиями, т.-е. лишь с половиной его армии. Но при таких условиях, казалось бы, лучшим способом действий было бы прочное занятие переправ, с целью упорной обороны реки на случай появления противника, что дало бы французам выигрыш во времени и могло бы нанести немцам большие потери и сильно расстроить их при атаках. Выполнение этой задачи облегчалось бы тем, что такая оборона нужна была в течение 21—22 августа лишь на сравнительно небольшем участке, примерно от Флорефа до Шатле, так как ниже по реке в то время еще распространялось влияние фортов Намюра, а выше—неприятель мог подойти к Самбре несколько позже. Между тем, Ланрезак, не решаясь выдвинуться за реку и не желая прочно занять ее, останавливается на решении ожидать атаку немцев южнее этой реки, расположивши на ней лишь слабые передовые части, т.-е. предоставляет неприятелю возможность легко одолеть эту водную преграду и упускает удобный случай задержать на ней и ослабить противника. Способ действий, избранный Ланрезаком,—один из наиболее неудачных для операций на реках, не только отдающий без борьбы инициативу в руки врага, но и лишающий обороняющегося многих выгод, связанных с расположением на реке. Затем, помимо того, что этот способ действий сам по себе обладал крупными недостатками, он приобретал еще более неблагоприятный характер для французов вследствие того, что, повидимому, не все строевые начальники сочувствовали ему, а некоторые даже просто не выполняли требований этого плана; чем, вероятно, и об'ясняется то обстоятельство, что, вопреки желанию и прямым указаниям командующего армией, дивизии 3-го и 10-го корпусов, в течение 21-го и 22 августа, вели ряд атак на закрепившегося на переправах противника и разбивались в этих бесцельных атаках. Боевыми действиями этих двух дней руководили не командующий армией и не командиры

корпусов, а командиры дивизий, вырвавшиеся из рук своих начальников. Лишь 23-го Ланрезак, наконец, взял войска армии в свои руки, но в этот день сражение уже явно пошло на убыль. Эти факты свидетельствуют, конечно, о недостатке дисциплины среди французского командного состава и о слабом авторитете самого Ланрезака.

Из недочетов в тактической подготовке французских войск, пожалуй, наибольшее значение имела весьма плохая разведывательная деятельность конницы. Хотя кав. корпус ген. Сорде был уже достаточно измотан предшествовавшими странствованиями и на правом, и на левом берегу Мааса, но, ведь, с 17 августа он уже находился на Самбре и в последующие дни предпринимал лишь небольшие наступления вглубь Бельгии, не сопровождавшиеся крупными боевыми столкновениями. При таких условиях, мог ли этот корпус, имевший в своем составе 72 эскадрона, отказываться от выполнения такой элементарной задачи, как наблюдение за движением неприятельских войск, приближавшихся с северо-востока к р. Самбре? Однако, атака немцами переправ на реке, после полудня 21 августа, явилась совершенно неожиданной не только для армейского командования, но и для самой конницы.

Также недостаточной оказалась у французов и тактическая связь между пехотой и артиллерией, почему первая сплошь да рядом не получала своевременней поддержки от своих батарей. Артиллерия, весьма искусная в технике стрельбы, в тактическом отношении показала себя в этих боях слабо подготовленной; неумение быстро ориентироваться на незнакомой, особенно на закрытой местности, а следовательно и быстро находить позиции, а также неприспособленность к характеру нынешних полей сражений, к их пустоте, невидимости противника,—являлись причиной слабого содействия артиллерии своей пехоте. Лучше других была подготовлена пехота, но она одна не могла вынести на своих плечах всей тяжести современного боя и своими усилиями и жертвами уравновесить и более искусные действия противника, и ошибки своих начальников, и бездействие других родов войск.

Чтобы покончить с французами, остается коснуться еще одного вопроса: правильно ли поступил ген. Ланрезак, приказавши своей армии в ночь на 24 августа, без разрешения главнокомандующего, отходить к югу? Этот вопрос представляет интерес не только по существу своему, но и потому, что за это отступление много упрекали командующего 5-й франц. армией и оно же послужило главной причиной его устранения от командования войсками спустя несколько дней.

Не может быть никакого сомнения, что французы должны были отступить из самбро-маасского района, хотя бы уже по соображениям общего характера, потому что в это время отходили все французские и английская армии; пребывание 5-й французской в этом районе после этого срока было бы совершенно бесцельным для общих интересов союзников. Но было ли это отступление своевременным? соответствовало ли оно об'ективным условиям обстановки, бывшей к вечеру 23 августа? Сопоставивши между собой боевые явления этого дня и те сведения, которые имел в то время о противнике ген. Ланрезак, мы должны признать, что приказ об отступлении был дан им в чрезвычайно удачный момент; армии нельзя было оставаться на месте в течение 24 августа, так как в противном случае ее правый фланг подвергся бы охвату у Флорена, что, в связи с тревогой, вызванной накануне переправой немцев у Хастьера, могло бы привести французов к печальному результату. Нельзя забывать, что появление трех свежих неприятельских корпусов против правого фланга и тыла 5-й французской армии, уже понесшей неудачу, уже растроенной и ослабленной, создавало величайшую угрозу самому существованию этой армии. А если к этому добавить, что южнее Живэ, в районе Хайбес—Жедин, левый фланг III-й герм. армии уже вошел в связь с правым флангом IV-й, победоносно продвигавшейся в это время к р. Семуа, то станет понятной вся опасность, угрожавшая путям отступления войск ген. Ланрезака. Дальнейшее пребывание этих войск в углу между Самброй и Маасом могло привести их к окружению, тем более, что связь с англичанами была непрочна. Только быстрое отступление к югу,

на территорию Франции, могло спасти их от полного разгрома.

В этом сражении немцы торжествовали победу. Несмотря на это, действия обеих германских армий, принимавших здесь участие, были далеки от совершенства. Германское главное командование, по тем или другим соображениям, уклонилось от непосредственного руководства совместными действиями II-й и III-й армий в самбро-маасском районе, предоставивши этим армиям войти в соглашение между собою. Как же выполнили они эту задачу? Для правильной оценки оперативных решений, принятых в разное время ген. Бюловым и ген. Гаузеном, следует иметь в виду, что, в противоположность 5-й франц. армии, их армии были поставлены в чрезвычайно выгодные условия общим планом германского наступления; простым фронтальным движением они уже охватывали противника с правого фланга, а произведя некоторый несложный и неопасный для себя маневр, могли бы легко охватить оба его фланга, а может быть и выйти ему в тыл. Армии действительно пытались согласовать свои действия, но достигнуть этого им не удалось, и каждая из них наступала самостоятельно, лишь слегка помогая соседу и понимая свою задачу лишь в смысле достижения тактического успеха на своем участке. II-я армия действовала, в общем, нерешительно: несмотря на легкое овладение р. Самброй с многочисленными, неповрежденными на ней переправами, она, застигнув неприятеля врасплох, с большой осторожностью и медлительностью выходила на правый берег реки, упустивши удобный случай нанести решительное поражение 3-му и 10-му франц. корпусам в боях 21—22 августа. Допустивши форсирование Самбры значительно раньше срока, условленного с III-й армией, Бюлов тотчас же после этого признал свое положение южнее реки опасным и потребовал от Гаузена помощи движением его войск в западном направлении. Таким требованием он, естественно, удерживал эти войска на менее важном в оперативном отношении направлении, а главное— отвлекал этой мнимой опасностью, будто бы угрожавшей ему, внимание командующего III-й армией от обходного

движения в тыл неприятеля. С утра 24 августа II-я армия очень вяло преследовала французов, как бы желая построить им золотой мост, вероятно потому, что с этого момента противник уже не мог быть ни обойденным с тыла, ни охваченным с флангов.

За упущенный немцами благоприятный случай зажать французскую армию в тиски между Самброй и Маасом, обыкновенно, обвиняют германское главное командование; несомненно, что главная ответственность за это упущение должна пасть на него, но, ведь, и армейское командование представляет собой оперативную инстанцию, достаточно компетентную для подобного рода маневров. Тем не менее, до получения 23 августа предложения главной квартиры, ген. Гаузен и не помышляет о том, чтобы направить часть своих войск южнее Хастьера, и даже после этого действует весьма нерешительно, в результате чего противник, имея свой тыл в течение 2—3 дней обнаженным на виду у целой неприятельской армии, благополучно отходит.

Могут ли для командующего III-й армией служить оправданием такого бездействия просьбы II-й армии о непосредственной помощи? Мне кажется, что в данных условиях не могут. Ген. Гаузен представлял собой тип строевого начальника, всегда более озабоченного тем, чтобы спешить на помощь соседу, чем выполнять свою прямую задачу, т.-е. понимавшего взаимную поддержку не в смысле стремления к достижению общей цели путем выполнения своих частных задач, а в смысле непосредственного, немедленного содействия, с отвлечением своих войск в сторону от своего операционного направления, хотя бы с риском расстроить собственный план. Как известно, такие начальники, обыкновенно, не достигают успеха и почти всегда получают от своих соседей, к которым они с такой готовностью спешат на выручку, вместо благодарности — упреки, то за опоздание, то за недостаточно энергичную помощь [1]).

---

[1]) С этой особенностью ген. Гаузена, которой постоянно пользовались и даже злоупотребляли командующие II-й и IV-й герм. армиями, мы еще не раз встретимся в последующих боевых действиях.

Вследствие таких своих взглядов, Гаузен оказался 24 августа не на высоте положения, отказавшись от сделанных уже распоряжений для переброски всего XIX-го корпуса к Фюмэ. В самом деле, что было в этот день важнее: оказать ли непосредственную, тактическую помощь Бюлову, если бы он даже и встречал какие-либо затруднения для движения (чего, однако, в действительности не было) или выйти частью войск в тыл Ланрезаку? Выполняя последнее, Гаузен вместе с тем содействовал бы продвижению II-й армии оперативно (стратегически) и поставил бы французов в очень тяжелое положение, тогда как оказывая непосредственную поддержку своему соседу, он не достигал ни того, ни другого. Повидимому, в этом случае авторитет Бюлова, стоявший весьма высоко в германских войсках, давил на его психологию в пользу этого неудачного решения.

Не всегда руководимые своим высшим командованием так, как это следовало бы, германские войска все же обнаружили в этих боях хорошую тактическую подготовку. Артиллерия, уступавшая в техническом отношении французской, подавляла последнюю своим огнем и везде оказывала могущественную поддержку своей пехоте. В боях на р. Самбре 21—22 августа немцы показали большую гибкость в применении наступательных и оборонительных действий: ведя стратегическое наступление, они не раз применяли тактическую оборону, встречая противника, считавшего необходимым атаковать во что бы то ни стало, на заблаговременно избранных и наскоро укрепленных позициях, где они могли использовать всю силу огня своей артиллерии и пулеметов; и уже после того, когда французы, атаковавшие в большинстве случаев без поддержки артиллерии, разбивались об эти позиции и приходили в расстройство, германские войска переходили в контр-атаку и довершали поражение противника.

Сражение у Монса. (23—24 авг.). Англичане вступили в боевую линию позже всех союзных армий. Французы к вечеру 20 августа местами уже находились в соприкосновении с немцами, но английская армия была в это время

еще далеко сзади; когда французы уже вели бои на р. Самбре, войска фельдм. Френча только еще совершали свой марш к северу.

Положение сторон к 21 августа и сближение их 21—22-го

К утру 21 августа английская армия была эшелонирована вдоль верхней Самбры на французской территории следующим образом: конница ген. Аленби — у бельгийской границы, в районе Кусольр — Жемон, 1-й корпус — между Меневрэ и Васиньи, а 2-й—между Ландреси и Маруай. Из этого положения в тот же день она выступила в пределы Бельгии, направивши свою воздушную разведку на Брюссель, Турнэ и Куртрэ. Эта разведка не обнаружила на этих направлениях крупных германских сил, но дала сведение о нахождении к юго-западу от Брюсселя неприятельской конницы силою около трех дивизий [1]), что уже само по себе служило указанием на движение за этой конницей больших отрядов противника. Вообще, в течение 21—22 августа, когда английская армия совершала передвижение к Монсу, в штабе армии имелись достаточно верные сведения о силах и движении германцев в Бельгии. Из сношений этого штаба с главной квартирой видно, что фельдм. Френч имел в то время вполне ясное представление об обстановке на стороне противника: он понимал, что главное наступление немцев ведется через Бельгию, знал, что бельгийская столица уже занята ими, что крупные германские силы (5—6 корпусов) наступают с линии Брюссель—Намюр к р. Самбре и что неприятель продвигается даже на запад от Брюсселя, угрожая обходом левому флангу союзников [2]). Это следует иметь в виду для правильной оценки последующих решений английского командования.

Так как английская армия получила задачу направить свои главные силы на Суаньи для содействия 5-й франц.

---

[1]) Это был II-й кав. корпус, наступавший перед фронтом I-й герм. армии.

[2]) Об этом имеются указания у Fernand Engerand'a, стр. 113, 115—116, но без указания, откуда получены англичанами эти сведения.

армии, то раньше всего ей следовало выдвинуться на одну линию с ней, т.-е. примерно в район Монса, что̀ и было выполнено в два перехода: 21 августа до северных окрестностей Мобежа (1-й корпус—у Живри, 2-й—левее) с конницей на линии Конде—Монс—Бинш и 22-го — до линии Конде—Монс—Шарлеруа, с конницей частью севернее канала, частью у Бинша для связи с французами. Впрочем, эта связь была настолько слаба, что Френч узнал о неудачных боях 21 августа на р. Самбре лишь случайно, днем 22-го, на пути из Ле-Като в Филипвиль, куда он ехал для свидания с ген. Ланрезаком; причем смятение и беспорядок в тылу 5-й франц. армии были настолько велики, что он нашел более целесообразным не продолжать поездки в Филипвиль, а немедленно вернуться в свою главную квартиру, в Ле-Като. В этот день Ланрезак, теснимый противником на правом берегу Самбры, обратился к Френчу с просьбой оказать давление на правый фланг германских колонн, продвигавшихся с левого берега, но тот, конечно, не мог исполнить этого в тот же день, потому что все его войска находились в это время на марше от Мобежа к Монсу и для того, чтобы изменить направление их движения, требовалось не мало времени. Тем более, что, узнавши о поражении 5-й франц. армии и предусматривая возможность ее отступления, Френч, вообще, был несклонен к каким-либо активным действиям и уже 22 августа предупреждал Ланрезака, что, в виду занимаемого английской армией выдвинутого положения, ей придется, по всей вероятности, отойти от Монса. Это предупреждение, естественно, не могло внушить командующему 5-й франц. армией какого-либо доверия к содействию его войскам со стороны их английского соседа [1]).

Между тем, с севера быстро надвигались на англичан корпуса I-й герм. армии. После отступления бельгийцев к Антверпену и занятия немцами Брюсселя, войска ген. Клука к вечеру 20 августа расположились в окрестностях бельгийской столицы: II-й корпус—у Вильфорда, 2-я кав. дивизия—

[1]) Единственное содействие, которое Френч вечером 22 августа обещал оказать Ланрезаку, заключалась в том, что английская армия простоит у Монса еще в течение 24 часов.

у Вольфертема, IV-й корпус—в Брюсселе и его западных окрестностях, III-й—у Дрогенбоша, IX-й—у Ватерлоо и два рез. корпуса во 2-й линии: III-й рез.—к западу от Эршо (против юго-восточного фронта Антверпена) и IV-й рез.—к западу от Тирлемона. Такое расположение армии давало возможность, смотря по необходимости, сосредоточить II-й, IV-й и III-й корпуса со 2-й кав. дивизией для боевых действий, как в западном направлении на Ниновэ, так и в северо-западном на Вольфертем, или IV-й, III-й и IX-й корпуса—для действий к югу; причем IV-й рез. мог быть притянут в 1—2 перехода к той или другой группе. Командующий армией считал, что его задача заключается в обеспечении правого фланга германских армий не только со стороны Антверпена, а в более широком масштабе—и со стороны морского побережья, почему 21 августа корпуса были продвинуты несколько к юго-западу: II-й—к Ганхорену, IV-й—к Кастру, III-й—к Галю, IX-й—к Брэн-ле-Шато, IV-й рез. перешел к Лювену, III-й рез. и 2-я кав. дивизия остались на прежних местах.

Так как в течение 21 августа стало известно, что в районе Оденара и Турнэ противника нет, то Клук предполагал на следующий день, продолжая выполнение упомянутой выше задачи и в виду вероятности наступления англичан со стороны Лилля, продвигаться к юго-западу, левым флангом западнее Мобежа. Но ген. Бюлов, которому в это время I-я армия еще была подчинена, представлял себе задачу этой армии в более ограниченном виде и дал ей на 22 августа указание—оказать II-й армии содействие в ее наступлении на правый берег Самбры, что, в свою очередь, должно было облегчить III-й армии форсирование Мааса. Это приказание, предоставлявшее I-й армии вспомогательную роль, которую ген. Клук считал не соответствовавшей ни ее силам, ни ее положению и приурочивавшее все ее операции к ограниченному району Мобежа, мотивировалось тем соображением, что в противном случае, эта армия оторвется от II-й и не будет в состоянии своевременно помочь ей. На такое ограничение свободы действий войск ген. Клука, по-видимому, оказало свое влияние то обстоятельство, что

ген. Бюлов, соответственно сведениям, сообщенным германской главной квартирой, не придавал большого значения слухам о наступлении англичан со стороны Лилля и поэтому непосредственную помощь своей армии считал делом более значительным. Как бы с целью не дать I-й армии выйти из пределов данной ей ограниченной задачи, состоявшая при ней 2-я кав. дивизия была возвращена с 21 августа в состав II-го кав. корпуса, который, наступая от Брюсселя к юго-западу, оставался в прямом подчинении ген. Бюлову.

К вечеру 21-го обстановка представлялась ген. Клуку в следующем виде: на западных направлениях (к Генту, Оденару и Турнэ) противник не обнаружен; южнее Самбры, между Намюром и Мобежем, неприятель наступает к северу. Собственно, об английской армии, находившейся в то время у Мобежа, сведений еще не имелось.

22 августа армия продолжала движение к юго-западу и к вечеру достигла следующих пунктов: II-й корпус—Ниновэ, IV-й—Олиньи, III-й—Торикура и IX-й—Лангрене; корпуса 2-й линии: III-й рез. расположился по обе стороны канала Мехельн—Лювен, а IV-й рез.—дошел до Брюсселя. Конница достигла линии Грамон (2-я див.)—Энгиен (4-я див.)—Суаньи (9-я див.); правофланговый (VII-й) корпус II-й армии находился между Нивелем и Биншем. В течение этого дня получены, от воздушной и конной разведки, некоторые сведения об английской армии: о нахождении английских конных войск у Монса и о расположении каких-то неприятельских частей за каналом Конде. Эти сведения едва ли указывали на целесообразность первоначальных предположений Клука выполнить широкое обходное движение всей армией западнее Мобежа; теперь эта армия должна была, в виду полученных ею приказаний, жаться ко II-й, которая в это время уже вела бои на р. Самбре.

К вечеру 22 августа противники стояли между Шельдой и Самброй уже в небольшом расстоянии один от другого,—правый фланг англичан лишь в расстоянии полуперехода от левого фланга I-й герм. армии,—и знали друг о друге немного; в особенности мало имели сведений о противнике англичане, что кажется весьма странным при наличии у

них, в общем, правильного представления об обстановке в Бельгии [1]). Френч имел вполне определенные сведения о том, что крупные германские силы находились к северу от Самбры, но какие именно силы неприятеля шли на него,— это оставалось для него загадкой; он произвольно оценивал их всего лишь в 1—2 корпуса! Действительность уже готовила ему горькое разочарование на завтрашний день.

Бои у Монса и на канале Конде 23 авг.

К утру 23 августа английская армия занимала очень растянутое расположение (на протяжении около 40 килом.) в районе Монса: 2-й корпус, имея справа 3-ю, а слева 5-ю дивизии,—от ближайших восточных окрестностей этого города, по каналу Конде, до Шельды; 1-й корпус—уступом за правым флангом 2-го, к юго-востоку от Монса, вдоль дороги на Бомон и за ней; 5-я кав. бригада—у Бинша, с передовыми частями в направлении на Суаньи; 2-я кав. бригада—впереди канала Конде для разведки на фронте Ат—Суаньи; остальная конница (три бригады)—за левым флангом 2 го корпуса у Кюеврена. В течение дня на левом фланге 5-й дивизии расположилась 19-я пех. бригада, подвезенная по железной дороге к Валансьену с тыла, где она находилась на охране сообщений. 2-му корпусу было приказано, насколько возможно, укрепить занимаемое им за каналом расположение, причем мосты на канале подготовить к разрушению.

На совещании Френча с командирами корпусов и начальником конницы, состоявшемся в это утро в штабе 2-го корпуса для обсуждения вопросов, связанных с предстоявшими действиями, английские генералы свидетельствовали о полном спокойствии на фронте и о вполне устойчивом положении, занимаемом их войсками. Командующий армией, повидимому, смотрел на положение дел с меньшим оптимизмом, чем его подчиненные, потому что предупреждал их о возможности

[1]) Это об'ясняется, по всей вероятности, тем, что сведения общего характера получались сторонними, внеармейскими путями (из франц. главной квартиры, от соседей, от бельгийского правительства и т. п. способами), а сведения местного значения доставлялись армейской разведкой, которая была весьма слаба у англичан.

всяких неблагоприятных случайностей. И, конечно, он имел полное основание не доверять благополучию своего положения, потому что в это время разведывательные части английской конницы уже отходили к левому флангу армии под натиском авангардов III-го и IV-го герм. корпусов, наступавших от Торикура и Суаньи, а 5-я кав. бригада уже была выбита из Бинша частями VII-го герм. корпуса, атаковавшего в этот день левый фланг 5-й франц. армии на Самбре.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса, как было организовано в это утро наступление I-й герм. армии.

С вечера 22 августа корпусам этой армии было приказано дойти в течение завтрашнего дня до следующих пунктов: II-му — через Грамон до Ла-Гамэда, IV-му—до Базэкля и немного восточнее; III-му — до Жемапа и немного западнее, причем занять высоты по ту сторону канала, а IX-му — обеспечивать армию со стороны Мобежа наступлением на участок Монс—Тьё и далее против северного и северо-восточного фронтов этой крепости. Вместе с тем, IV-й рез. корпус подтягивался к Галю, а III-й рез. должен был обеспечивать тыловые сообщения армии со стороны Антверпена. В этот же день II-й кав. корпус достигал р. Шельды, западнее Ренэ. Из этих сведений видно, что ген. Клук направлял в течение 23 августа три корпуса на ту именно линию, на которой уже с полудня 22 августа стояла английская армия, о чем он, конечно, не знал, потом что ни одному из корпусов не указано никакой боевой задачи по отношению этого противника; а так как не ожидали приближения неприятеля и англичане, то предстоявшее столкновение должно было иметь для обеих сторон совершенно неожиданный характер.

Сражение началось около полудня атакой IX-го герм. корпуса с северо-востока на выступ канала у Ними; овладевши этим выступом около 3 ч. дня и занявши Монс, немцы сразу же стали здесь в положение, угрожавшее правому флангу 2-го англ. корпуса, главным образом 3-й англ. дивизии, занимавшей этот участок. После этого стали подходить к каналу III-й и IV-й герм. корпуса и атаковали

англичан к западу от Монса (III-й — у Жемапа и западнее, IV-й—у Помроля) и потеснили левый фланг 3-й и бо́льшую часть 5-й англ. дивизии, которые, отходя от канала, взорвали мосты. При создавшейся таким путем обстановке, 2-й англ. корпус, хотя еще и держался своим левым флангом на канале, но, конечно, не мог оставаться у Монса и должен был начать отступление. К вечеру обе дивизии этого корпуса отошли на линию Тюлин — Патюраж — Фрамери, а немцы, наведя с вечера мосты на канале, приступили ночью к переправе своих главных сил. 1-й англ. корпус в этот день не принимал никакого участия в боевых действиях, а к вечеру передвинул одну бригаду 2-й дивизии от Буньи к Фрамери для поддержки 3-й дивизии.

Отступление английской армии 24 августа.

Фельдм. Френчу казалось опасным оставаться в том положении, которое заняли к ночи его войска, почему, не ожидая новой атаки противника, он приказал в 2 ч. ночи начать общее отступление на линию Валансьен—Бавэ—Мобеж. Отступление 2-го корпуса, за которым по пятам следовали немцы, оказалось весьма трудным, особенно на участке 5-й дивизии, в районе Кюеврена, где войска IV-го герм. корпуса энергично наседали на англичан. И только благодаря деятельному содействию конницы ген. Аленби, которая то занимала в пешем строю попутные рубежи, то атаковала неприятеля в конном строю, 5-й дивизии удалось, после упорных арьергардных боев, отойти к Жанлену. К вечеру 24 августа весь 2-й корпус собрался на линии Жанлен—Бавэ. Одновременно с этим, с целью облегчить его отступление, 1-й корпус частью своих сил произвел демонстративное наступление к Биншу, не давшее никакого результата, после чего стал отходить к Бавэ, задерживаясь по пути и окапываясь, сначала вдоль дороги Монс — Мобеж, а затем у Кеви. К вечеру корпус отошел к Бавэ и Фейньи, а вся английская армия собралась на линии Жанлен—Бавэ—Мобеж, имея конницу частью впереди, а частью на флангах.

В течение дня фельдм. Френч получил от ген. Жоффра директиву, в которой английской армии указывалось отойти

на линию Валансьен—Мобеж и, в случае сильного натиска противника, отходить затем в общем направлении на Камбрэ, правым флангом на Ле-Като, а левым—вдоль р. Шельды.

Германским войскам IV-го, III-го и IX-го корпусов, утвердившихся накануне на южном берегу канала, было приказано в течение 24 августа отбросить англичан к Мобежу и отрезать им пути на запад. Но быстрое отступление последних избавило немцев от крупных боевых столкновений в этот день; к вечеру они достигли линии Кюеврен—Дур—Женли—Живри. II-й герм. корпус дошел до Конде и между этим пунктом и Турнэ частью рассеял, частью взял в плен франц. территориальную бригаду из группы ген. д'Амада; IV-й рез. корпус достиг западных окрестностей Ата [2]); II-й кав. корпус, подчиненный с вечера 24 августа ген. Клуку, направлен в обход левого фланга англичан к Денену.

При свидании в тот же день в Авене фельдм. Френча с ген. Сорде, корпус которого, как мы знаем, следовал из района 5-й франц. армии на левый фланг англичан, начальник французской конницы, в ответ на просьбу Френча оказать содействие его армии, обещал ему свою помощь только через сутки, вследствие изнурения лошадей. Но ждать так долго английская армия, конечно, не могла; кто мог предугадать, что произойдет, при этих условиях, через день?

С отходом англичан в район Мобежа, сражение у Монса окончилось. На 25 августа английской армии было приказано продолжать отступление, с целью скорее выйти из под ударов противника; немцы же предполагали в этот день возможность нового сражения, для чего I-й армии и были даны соответствующие указания.

С неудачей, постигшей английскую армию у Монса, опасным стало и положение группы ген. д'Амада, несмотря на усиление ее 23 августа 61-й и 62-й рез. дивизиями, прибывшими к Аррасу из состава парижского гарнизона; в виду этого, после небольших боевых столкновений с германской

---

[2]) В этот же день через Льеж прошел только-что прибывший из Германии IX-й рез. корпус, назначенный к Антверпену.

конницей у Турнэ и между этим городом и Лиллем, она начала отходить к югу, стараясь не терять связи с англичанами.

Оценка боевых действий сторон с 21-го по 24 августа.

В результате боевых действий между Шельдой и Самброй, английской армии досталась такая же горькая доля, как и 5-й французской армии. Однако, обстановка здесь была более простая, чем на участках французских войск, проще были и причины того тяжелого поражения, которое привело англичан, после бедственного отступления с огромными потерями, вплотную к стенам Парижа. Английская армия, вообще, оказалась совершенно непригодной к ведению большой войны, хотя тактическая подготовка ее войск и не была плохая. Поэтому в мелких боях англичане очень часто достигали успеха, даже против превосходного в силах противника, но в операциях более крупного масштаба, требующих широкой ориентировки командного состава и уменья разбираться в более сложной обстановке, они неизменно терпели неудачи. Судя по распоряжениям фельдм. Френча в течение 21—22 августа, он не вполне уяснял себе задачу, предстоявшую его армии: если он предполагал, что против него наступают небольшие силы немцев (чуть ли не более слабые, чем его армия), то почему он медлил и не спешил своим наступлением к северу (куда ему и было предложено наступать директивой ген. Жоффра) для угрозы правому флангу германских войск, надвигавшихся в значительном числе на 5-ю франц. армию? Зачем, после небольшого перехода 23 августа, он остановил свою армию на канале Конде и приказал ей здесь укрепляться? Невозможно допустить, чтобы такие действия вызывались осторожностью английского главнокомандующего, потому что в его представлении неприятель, находившийся против него, не был уже так силен; проще предположить, что это — просто отсутствие сноровки в маневрировании крупными силами, тяготение к оборонительным линиям, наступление по разделениям, от рубежа к рубежу.

В тесной связи с этим вопросом находится вопрос о разведывательной деятельности английской конницы. Сама по себе эта конница и не плохо разведывала, но она вела разведку лишь вблизи своих войск, удовлетворяя потребностям мелких боевых столкновений, но не более широким операциям всей армии. Имея на 12 пехотных бригад 5 бригад конницы, Френч мог бы уже с 21 августа организовать широкую разведку на важнейших направлениях к северу и северо-востоку, что дало бы ему более верные сведения о противнике, который наступал на него. Но он не только не вел такой стратегической разведки при своем движении к Монсу, но даже в наиболее важный для своей армии момент, при расположении ее на канале Конде, держал главную массу конницы за пехотой, об'ясняя это тем соображением, что, при малой численности последней, эта кавалерия должна была служить ему в качестве резерва. Не сказывается ли в этих распоряжениях и в этой мотивировке узкий оперативный горизонт войскового начальника, воспитанного на опыте колониальной войны?

Сражение у Монса началось в условиях весьма схожих с сражением у Шарлеруа: такой же неожиданный, с налета, захват немцами оборонительного рубежа, с угрозой охвата правого фланга; но уже в дальнейшем картина здесь совершенно другая. Там, на р. Самбре, французские войска, не выдержавшие первого неприятельского натиска, все же пытаются восстановить свое положение, то наступая, то опять отступая, и прибегают к различным маневрам не только для того, чтобы остановить немцев, но и отбросить их обратно за реку; здесь, у Монса, английская армия, однажды отброшенная от канала, уже не делает попыток хотя бы удержаться на месте и оказывает противнику сопротивление лишь в такой мере, в какой это необходимо для обеспечения себе отступления. Замечательно то обстоятельство, что в сражении у Монса на стороне англичан принимал участие в боевых действиях только один 2-й корпус, а 1-й, находившийся в непосредственной близости от поля сражения (а частью даже и на самом поле), оставался праздным зрителем поражения своих соседей! И лишь на

другой день он проявил свою деятельность бесцельным демонстративным наступлением к Биншу, откуда армии ничто не угрожало, а затем, отступая к Бавэ, местами останавливался и окапывался против неведомого противника, с целью прикрыть и облегчить отступление 2-го корпуса. Не может быть сомнения, что он оказал бы последнему более действительную помощь, если бы в первый же день сражения атаковал IX-й герм. корпус, левый фланг которого был так легко подвержен его ударам. Вообще, неиспользование в столь трудной боевой обстановке целого корпуса совершенно свежих войск представляет крупную, ничем не оправдываемую ошибку в оперативной деятельности английского генерального штаба.

При организации отступательного марша английское командование обнаружило значительно больше понимания обстановки и предусмотрительности, чем при наступлении. Благоразумно было решение Френча продолжать отход в ночь на 24 августа, и отчасти благодаря такому решению, англичанам удалось в ближайшие дни сравнительно благополучно оторваться от противника. Но наиболее целесообразной мерой для того, чтобы вывести армию из ее трудного положения, явилось приказание, не задерживаясь у Мобежа дольше, чем необходимо для отдыха, отходить далее к югу. В этом распоряжении сказалось правильное понимание психологического воздействия крепостей на войска, потерпевшие поражение в поле: эти войска могли быть оттеснены к фортам крепости и заперты в ней. Повидимому, понимая притягательную силу крепостей для разбитых, утомленных, морально подавленных войск, английский главнокомандующий предпочел продолжать отступление, чем рисковать, при этих условиях, потерей свободы действий из-за сомнительных выгод, которые могло бы дать сопротивление его армии в районе Мобежа.

Обращаясь теперь к оценке действий германцев, приходится прежде всего отметить, что общие стратегические условия, в которых наступала I-я герм. армия были настолько благоприятнее тех, в которых находилась английская и численность ее войск настолько превосходила чи-

сленность англичан, что не требовалось никакого искусства для того, чтобы достигнуть в бою тех успехов, которых достигли немцы в сражении у Монса. Вследствие неумелого использования войск английским командованием, один английский корпус был атакован тремя германскими, в результате чего, конечно, и не могло получиться чего-либо другого, кроме поражения этого корпуса. Но почему же все-таки, несмотря на все эти преимущества, которые имели на своей стороне немцы, это сражение не дало им решительного результата, и английская армия не была уничтожена? Это явление, как мне кажется, может быть об'яснено некоторыми особенностями, или вернее — ошибками в организации наступательного марша I-й герм. армии. Эта армия, при своем движении от Брюсселя к Монсу, все время имела свой фронт обращенным к юго-западу, почему в боях на канале Конде она вступила в дело уступами с левого фланга, корпуса — последовательно один за другим: сначала IX-й, потом III-й и, наконец, IV-й; а II-й корпус и конница, находившиеся на наружном фланге и составлявшие наиболее удаленный от поля сражения уступ, не успели принять участия в бою и поэтому не имели возможности осуществить тот охватывающий маневр, который сам по себе напрашивался при более широком фронте и численном превосходстве немцев. Если бы ген. Клук накануне сражения придержал левый фланг своей армии и дал ей возможность окончить захождение до вступления в бой, то немцы атаковали бы англичан одновременно всеми корпусами и легко могли бы охватить их левый фланг раньше, чем они начали бы отходить. В действительности же, английская армия успела уйти раньше, чем подошли к ее левому флангу эти обходившие его германские войска.

Основной причиной столь неудачно сложившейся для немцев обстановки на их обходящем фланге, а следовательно и нерешительного результата всего сражения, является неправильная ориентировка армейского командования в отношении противника: немцы до утра 23 августа не знали о расположении англичан в районе Монса, а пред-

полагали их наступление со стороны Лилля; отсюда, и это неудачное направление фронта I-й германской армии, и это стремление Клука к продвижению на запад [1]).

Итоги самбро-маасской операции.

В наступательном плане Жоффра английской и 5-й франц. армиям предназначалась второстепенная, вспомогательная роль заслона, который должен был задерживать немцев в их продвижении в самбро-маасском районе до тех пор, пока главные силы (3-я и 4-я франц. армии) не нанесут им удара во фланг на правом берегу Мааса. Между тем, исход сражений у Шарлеруа—Динана и у Монса придал совершенно новое значение этому участку стратегического фронта. Обе союзные армии отступали в очень тяжелых условиях, не имея, к тому же, возможности (подобно 3-й и 4-й армиям) остановиться и задержаться на каком нибудь сильном оборонительном рубеже. В виду этого, победоносное продвижение западнее Мааса трех правофланговых германских армий сразу приобрело огромное стратегическое значение в общих условиях всего пограничного сражения и явилось величайшей угрозой всему французскому фронту. Поражение союзников по обе стороны р. Самбры открыло

---

[1]) Клук, в своем сочинении „Der Marsch auf Paris und die Marneschlacht 1914“ жалуется на то, что у него не было армейской конницы и что Бюлов, которому он в это время был подчинен, стеснял его в выполнении обходного маневра, чем он и пытается об'яснить нерешительный результат боев 23-го и 24 августа. Мне кажется, что сущность дела заключается в данном случае вовсе не в этом. Если бы конница даже и была подчинена Клуку до сражения, то при юго-западном направлении движения I-й армии, она ни в каком случае не успела бы охватить англичан, и чем меньше ограничивал бы Бюлов размах обходного движения Клука, тем дальше продвигалась бы его армия к западу и тем более опаздывала бы она в выполнении своего флангового маневра; потому что, если бы английская армия и не была атакована немцами 23-го и 24 августа, все равно она отошла бы в эти дни к югу, вследствие отступления 5-й франц. армии, а не оставалась бы одна у Монса в ожидании пока Клук закончит свой широкий обход ее левого фланга.

германским войскам, хотя и более кружные, но и более удобные пути во внутренние области Франции. И уже отныне на этих именно путях будут сосредоточены обеими сторонами их главные усилия в борьбе друг с другом и здесь же будут разыгрываться в ближайшем будущем большие сражения этой кампании.

Следует признаться, что и английская армия, и 5-я французская мало потрудились для того, чтобы добиться победы; кроме того, сражаясь рядом, близко одна от другой, они действовали несогласованно и совершенно не помогали друг другу. В этом отношении боевые действия германских армий, хотя и далеко небезупречные, все же представляются значительно более искусными. Наступление I-й и II-й армий происходило под общим руководством ген. Бюлова, осторожность и умеренность которого в оперативных решениях оказали благоприятное для немцев влияние на обстановку, не допустив удаления I-й армии в западном направлении. Удержавши эту армию в тесной связи со II-й, Бюлов обеспечил ей у Монса, хотя и не уничтожающую, но все же крупную победу над противником.

4. Общая оценка пограничного сражения.

Вторая крупная операция союзников, предпринятая ими для преграждения неприятельским армиям путей наступления, была проиграна; после поражения бельгийской армии в боях на Маасе и на путях к Брюсселю, были разбиты и англо-французские армии в большом сражении на французско-бельгийской границе. На всем огромном фронте от верхней Шельды до Лотарингии союзные армии отступали расстроенные, с большими потерями, подавленные этими первыми крупными неудачами. Бельгия уже была окончательно потеряна, связь с бельгийской армией являлась уже невозможной; англо-французским армиям приходилось теперь думать не о поддержке своего слабого, самоотверженного союзника, а о собственном положении, которое с каждым днем становилось все хуже и хуже, все тяжелее и тяжелее.

Неудачный для союзников исход пограничного сражения может быть об'яснен, помимо тех частных причин, которые были мною указаны при разборе действий отдельных армий, также и общими неблагоприятными для них стратегическими условиями, в которые была поставлена эта наступательная операция. В то время, когда германцы вели свое, более согласованное, наступление по обширной дуге, концентрически, по внешним линиям, охватывая фланги противника, союзники, находясь во внутреннем положении, не сосредоточивали своих сил, а наступали в расходящихся направлениях, постепенно, с продвижением своим, все более ослабляя связь между своими армиями, все чаще и чаще подвергая себя опасности быть разбитыми по частям. Каждая французская армия имела двойственную задачу, развлекавшую ее внимание, разделявшую ее силы: 5-я армия должна была левым флангом поддерживать англичан, а правым тянуться к Намюру, с целью подать руку помощи бельгийской армии, 4-я—правым флангом идти к Нэфшато, а левым—стремиться к северу, дабы ударить во фланг немецкие корпуса, наступавшие к Маасу; наконец, 3-я—левым своим крылом, в связи с правым 4-й армии, — выдвинуться на Арлон, а правым флангом должна была прикрывать Верден со стороны Меца и Диденгофена.

Столь сложные, во многом невыполнимые задачи, возложенные на французские войска, естественно, не могли способствовать сосредоточению их усилий для поражения живой силы противника и должны были привести их к неудаче. Тем более, что на неприятельской стороне цельность и единство плана и общее стремление к нанесению врагу поражения создавали для немцев благоприятную обстановку для успеха. И эта победа, крупная стратегическая победа, увенчала собой трехдневные усилия германских армий, пробивших себе широкий путь для вторжения во Францию.

Боевые столкновения пограничного сражения почти все имели характер встречных боев, в значительной степени неожиданных для союзных армий; да и сама операция, взятая во всей совокупности, представлялась встречным стратегическим наступлением, причем каждая из сторон ста-

вила себе задачей предупредить противника в развертывании на французско-бельгийской границе. Как в области тактики, так и в области стратегии, как в организации встречных маршей, так и в ведении встречных боев, немцы оказались более подготовленными, более находчивыми и предприимчивыми, чем союзники. Вообще же, уже в этом первом большом сражении с англо-французскими войсками, германцы обнаружили значительное свое превосходство над противником в искусстве маневрирования массовыми армиями, как при движении их к полю сражения, так и в использовании их в условиях боя.

Теперь окинем общим взглядом эти сложные боевые явления двадцатых чисел августа и спросим себя: в какой мере оправдались ими оперативные планы сторон? Не подлежит сомнению, что французский план № 17 потерпел здесь полное крушение и что к концу пограничного сражения не осталось камня на камне от этой стратегической постройки, возведенной непредусмотрительностью и самонадеянностью французского генерального штаба. И с 25 августа, как увидим из дальнейших событий, французам пришлось обратиться к выполнению нового плана действий, более чем прежний соображенного с реальными условиями обстановки. Помимо этого, французское главное командование допустило существенные погрешности в руководстве боевыми операциями на некоторых участках фронта. Так, в самбро-маасском районе операции были поручены двум армиям различной национальности, различной боевой подготовки и совершенно независимым в своих действиях одна от другой, что приобретало особенное значение в виду того, что фельдм. Френч, вообще, считал себя неподчиненным ген. Жоффру и сообразовался с его указаниями лишь в такой мере, в какой это соответствовало интересам его армии. Французскому главному командованию следовало сделать все возможное для того, чтобы преодолеть английский сепаратизм и об'единить командование, для чего, однако, не сделано было ни единой попытки. Вообще, оно держалось как-то в стороне от руководства операциями в этом районе; оно уклонилось даже от того, чтобы указать 5-й франц.

армии тот день, когда ей надлежало начать наступление за Самбру, хотя общая обстановка, с которой в этом случае нужно было считаться, была лучше известна Жоффру, чем Ланрезаку. Затем, крайне неудачны были распределены войска в верденском районе, где для пассивных действий к стороне Меца были назначены слишком крупные силы, и даже тогда, когда выяснилась необходимость и возможность выполнения бездействовавшими резервными дивизиями маневра против левого фланга V-й герм. армии, Жоффр больше тормозил его, чем содействовал ему.

Подобные явления, впрочем, не были явлениями случайными; это были последствия одной общей системы управления операциями, системы, согласно которой главное командование, сосредоточивши и развернувши свои армии и распределивши между ними задачи, считало свое дело оконченным и в дальнейшем предоставляло им действовать по собственному усмотрению. Вот в каких словах определяет Жоффр этот способ ведения войны в своем сообщении о военных действиях военному министру от 23 августа: „В общем, стратегический маневр окончен. Он имел своей целью направить наши главные силы в наиболее чувствительное место расположения противника и обеспечить им здесь численное превосходство. Теперь слово принадлежит исполнителям, которые должны суметь использовать это превосходство“ [1]).

Тяжкие поражения, понесенные союзными армиями в пограничном сражении, должны были убедить Жоффра, что стратегический маневр произведен неудачно и что то место в расположении германцев, куда были направлены главные силы французов, вовсе не было столь чувствительным, как он предполагал. Следовательно, англо-французские армии не были поставлены в такое положение, в котором возможно было возложить исключительно на их ответственность успешный исход боевых действий на бельгийско-французской границе.

---

[1]) Jules Isaac. Joffre et Lanrezac, стр. 17, а также F. Engerand. La bataille de la frontière, стр. 130.

Что касается немцев, то пограничное сражение, в общем, оправдало расчеты германского наступательного плана; правда, это сражение не дало им решительной победы, но оно и не исключало возможности таковой, являясь отличной подготовкой к ней. Неприятельские армии не были ни уничтожены, ни разгромлены, но они были разбиты и ослаблены и создавали весьма благоприятные условия для успеха немцев в последующем маневре, для их победы в будущем сражении. Но и германское главное командование заслуживает серьезного упрека за свое слабое руководство совместными действиями армий. Ведение операций трех правофланговых армий не было об'единено в руках общего начальника, несмотря на то, что их частные задачи должны были выполняться в тесной связи одна с другой, особенно между Самброй и Маасом; затем, III-й армии не был указан глубокий обход правого фланга 5-й франц. армии, который возможно было начать еще задолго до прихода саксонцев на Маас и выполнить почти незаметно для противника. Такое указание могло исходить, конечно, только от главной квартиры, охватывавшей обстановку в более широком масштабе; предоставление же судьбы этого решающего маневра соглашению самих армий являлось крупной ошибкой германского главного командования. Вообще, его недостаточно твердое и запоздалое руководство действиями отдельных армий в пограничном сражении нередко приводило к тому, что армии сражались независимо одна от другой, преследуя цели не всегда соответствовавшие общей идее большой операции.

Исход пограничного сражения резко изменил всю стратегическую обстановку на западно-европейском театре войны и дал событиям новое направление. Днем 24 августа положение на французско-бельгийской границе представлялось в следующем виде: правая группа французских армий находилась в полном отступлении на всем фронте от верховьев Уазы до Лонгви; левая группа союзников, отступая к югу, уже подвергалась опасности быть охваченной с обоих флангов.

Вслед за союзными армиями бурным потоком устремились во Францию германские армии, смелые и решительные, гордые и самоуверенные, упоенные уже одержанными победами. И уже в голубых далях равнин северной Франции, залитых ярким, горячим солнцем, немцам мерещилась бегущая неприятельская армия, павшая французская столица, покорная и униженная, и скорый почетный мир, полный выгод и блеска для Германии. Однако, даже в эти дни, дни торжества и победы, война на два фронта стала уже бросать свои зловещие тени на поля сражений западного театра; в Восточной Пруссии VIII-я герм. армия ген. фон-Притвица, после боев на линии Гумбинен—Гольдап, отходила к нижней Висле, и новый командующий этой армией, ген. Гинденбург, потребовал на усиление своих войск два корпуса и одну кав. дивизию с запада [1]). Кроме того, V-й корпус (V-й герм. армии) удерживался в тылу, в районе Меца, на случай, если бы события на восточном фронте потребовали быструю переброску туда новых подкреплений.

К этим трем корпусам, потерянным для наступательного движения к Марне, необходимо прибавить еще три корпуса—III-й рез. и IX-й рез., отправленные под Антверпен, и один корпус (VII-й рез.), получивший задачу овладеть Мобежем. Итого 6 корпусов из 27-ми, вторгнувшихся в Бельгию, не могли принять участия в победоносном движении в северную Францию. Это обстоятельство представлялось весьма благоприятным для союзников; нужно было только желание и уменье использовать его в полной мере.

---

[1]) Для этого были назначены: гвард. рез. корпус (II-й армии) XI-й корпус (III-й армии) и 8-я (саксонская) кав. дивизия (VI-й армии); эти войска получили 26 августа приказание следовать на посадку в поезда для отправления на восток.

X. Отступление англо-французских армий к Марне.

(Схемы №№ 15, 16, 17 и 18).

1. Обстановка к началу общего отступления.

Директива ген. Жоффра для общего отступления союзных армий.

До 25 августа армии союзников отступали частью под натиском германцев, частью с целью улучшения своего стратегического положения, более или менее независимо одна от другой, руководимые время от времени лишь частными указаниями и приказами французской главной квартиры. Никакого общего стратегического плана в то время еще не было, никакой общей оперативной идеи еще не было заложено в распоряжения французского главного командования. И то, и другое было дано союзным армиям лишь вечером 25 августа в директиве ген. Жоффра, определявшей общий порядок отступления войск с бельгийско-французской границы. Содержание этого важного оперативного документа, оказавшего свое влияние на ход военных событий до сражения на Марне включительно, заслуживает особого внимания. В его 1-й статье об'являлось о предстоящем образовании на левом фланге отступавших союзных войск крупной маневренной группы из 4-й и 5-й французских, английской и вновь формируемой армий, с целью возобновить наступление, пока другие армии будут задерживать натиск противника; в статье 2-й требовалось, чтобы армии отходили, сохраняя тесную связь между собою, а своими арьергардами, снабженными сильной артиллерией и располагаемыми на удобных для обороны рубежах, возможно дольше задерживали движение неприятеля; статья 3-я определяла разграничительные линии между армиями; статья 4-я предписы-

вала образовать из территориальных дивизий, усиленных 61-й и 62-й рез. дивизиями, завесу вдоль р. Соммы между Амьеном и морским побережьем; в статьях 5-й и 6-й указывались район и время сосредоточения и состав вновь формируемой армии: она должна была собраться, между 27 августа и 2 сентября, в районе Амьена (по ту или другую сторону Соммы) в составе (подвозимых по железной дороге с других участков фронта) 7-го, а может быть и еще одного корпуса, четырех рез. дивизий и конного корпуса ген. Сорде, с задачей наступать в общем направлении на Сен-Поль—Арас или Арас—Бапом; в прочих же пунктах директивы указаны линии и рубежи, до которых должны были отойти армии и которые следовало укрепить самым тщательным образом: английская армия—за Сомму между Брэ и Гамом, откуда она могла бы наступать или к северу на Бертэнкур, или к востоку на Ле-Катле; 5-я—главными силами на линию Муа—Сен-Кентен—Верман, с целью наступления на Боэн, а правым крылом—на линию Ла-Фэр—Лаон—Сен-Эрм; 4-я—за р. Эн, между Гиньикуром и Вузье, а в случае невозможности—между Бери-о-Баком и Реймсом, сохраняя готовность наступать к северу; наконец, 3-я армия—правым флангом опираться на Верден, а левым протянуться до Граннрэ или до района Варен—Сент-Менегу. 1-я и 2-я армии должны были оставаться на месте, привлекая на себя находившегося перед ними противника.

Из всех этих указаний директивы от 25 августа мы можем сделать следующие два вывода, характеризующие собой новый оперативный план французского главного командования: во-первых, что отступление союзных армий первоначально предполагалось вести не далее линии Амьен—Лаон—Реймс—Верден, и во-вторых, что уже на этой линии имелось в виду выполнить фланговый маневр новой армией от Амьена к северу-востоку, т.-е. в обход правого фланга I-й герм. армии. Следовательно, уже в этой директиве мы видим зарождение идеи того обходного маневра, которому суждено было через 2 недели после этого привести союзные армии к такому блестящему результату на Марне. Пока еще эта идея была выражена здесь бледно и неуве-

ренно, и для проведения ее в жизнь даны небольшие средства, но все же задача, определяемая ею, уже была поставлена главным командованием, и для выполнения таковой уже назначены исполнители. Теперь следовало наблюсти за тем, чтобы отступление союзных армий велось в условиях, обеспечивавших их от отдельного поражения, которое могло расстроить общий фронт, усложнить общую обстановку и помешать осуществлению нового плана.

Германский план преследования англо-французских армий.

К концу пограничного сражения в германской главной квартире сложилось преувеличенное представление о результатах и о значении этого сражения; предполагали, что германскими армиями выиграна решительная операция, которая даст им возможность в дальнейшем наступлении, без особых усилий, добить и уничтожить противника. В виду этого, главное командование пришло к заключению, что наступил уже тот момент, когда следовало начать переброску сил на восток, для достижения решительного успеха на русском фронте[1]). Для этого было назначено 6 корпусов и кавалерийская дивизия: 2 корпуса—из армий правого фланга, 2—из центра и 2 корпуса и кав. дивизия—с левого крыла. В первую очередь были назначены к перевозке войска с левого фланга, в виду того, что ни VI я, ни VII-я армии не могли продвинуться на Мозеле; но так как обе доносили о находившихся перед ними превосходных силах противника и просили подкреплений, то было решено взять сначала корпуса из правофланговых армий, тем более, что падение Намюра и более решительный успех этих армий создавали на правом фланге как будто бы более благоприятную обстановку для последующих операций. 26 августа были выделены: из II-й армии—гвард. рез. корпус, из III-й—XI-й корпус и из VI-й—8-я (саксонская) кав. дивизия и в течение

---

[1]) Собственно говоря, мысль о переброске войск с запада на восток возникла в германской главной квартире еще до того, как определился исход пограничного сражения, вследствие неожиданно-быстрого наступления русских армий в В. Пруссию.

ближайших дней отправлены на восток [1]); кроме того, V-й корпус (из состава V-й армии) был отведен к Диденгофену для посадки. Между тем, победа у Таненберга дала возможность отказаться от дальнейшего отправления войск, почему 30 августа перевозка V-го корпуса и была отменена.

Последовавшие вскоре за этим события показали, что эта переброска, по условиям обстановки на западе, была преждевременной, а для потребностей восточного фронта оказалась запоздалой, потому что в сражении у Таненберга эти войска не успели принять участия, а для операции в Мазурских озерах в них не было особенной надобности. К тому же, при этой переброске была допущена непроизводительная затрата времени и перевозочных средств, так как почти одновременно с перевозкой этих корпусов на восток, везли на запад IX-й рез. корпус из Шлезвига; не проще ли было бы отправить этот последний на русский фронт, а гвард. резервный оставить во II-й армии?

Преследование германцами англо-французских армий определялось директивой главного командования от 27 августа [2]), в которой общий характер предстоявших действий был очерчен следующими словами: „необходимо, быстрым движением германских армий, не давать неприятелю передышки, воспрепятствовать ему создавать новые формирования и, по возможности, лишать страну средств сопротивления". Общая задача, указанная армиям,—наступать к Парижу; частные их задачи определены таким образом. I-я армия со II-м кав. корпусом наступает западнее р. Уазы к нижней Сене, обеспечивая правый фланг остальных армий; II-я армия с I-м кав. корпусом идет на фронт Ла-Фэр—Лаон к Парижу; III-я армия—в общем направлении на Шато-Тьери;

---

[1]) Корпуса были посажены на железную дорогу в Ахене, Мальмеди и С. Вите, куда они шли походным порядком из Намюра, потому что железнодорожное сообщение в ближайшем тылу еще не было полностью восстановлено; к этому времени на линии Ахен—Брюссель сообщение было только до Лювена, а на линии Мец—Люксембург—Намюр лишь до Либрамона; железнодорожный мост в Намюре еще не был исправлен.

[2]) В некоторых источниках эта директива датирована 28 августа.

IV-я—через Реймс на Эпернэ; V-я с IV-м кав. корпусом—на линию Шалон—Витри-ле-Франсуа, окружая Верден; армии должны были наступать в тесной связи, содействуя одна другой; допускалось, что, в случае сильного противодействия противника на Эне или Марне, возможно изменение направления с юго-западного на южное. Левофланговым армиям указано: VI-й—наступать на участок Мозеля между Тулем и Эпиналем, в общем направлении на Нэфшато, с целью обеспечения левого фланга армий и обложения Туля и Нанси; VII-й,—не переходя Мозеля, воспрепятствовать неприятельскому наступлению между Эпиналем и швейцарской границей.

Таким образом, план предстоявших операций заключал в себе не только обход левого фланга противника, но и прорыв на линии восточных крепостей с обходом правого фланга, т.-е. охват неприятельских армий с двух сторон. Был ли этот план уместным и своевременным? К вопросу о решительных действиях на восточной границе Франции немцы относились до войны с осторожностью и недоверием, считая французские укрепления сильными и местность около них затруднительной для атаки; однако, легкий успех, достигнутый ими под бельгийскими крепостями, побуждал их к попытке овладеть французскими, хотя условия здесь были несравненно труднее, чем под Намюром и Льежем. План Шлифена предусматривал возможность атаки мозельских крепостей противника, но не ранее того, как правое германское крыло окончит обход Парижа, а неприятельские армии будут прижаты к своим восточным крепостям, т.-е. тогда, когда главная и труднейшая задача будет уже выполнена германцами и когда прорыв крепостной линии явится лишь последним ударом с тыла против разбитой, ослабленной и потрясенной духом массы неприятельских войск. Последующие события убедили германское главное командование, что старый фельдмаршал был прав в своих расчетах и предположениях, почему, как увидим из дальнейшего изложения, скоро пришлось отказаться от решительных действий в Лотарингии.

Теперь перейдем к рассмотрению операций отдельных армий с той и с другой стороны и посмотрим, насколько удавалось им выполнять задачи, назначенные им общим планом своего главного командования, и в чем эти планы требовали изменений и дополнений.

Вся совокупность боевых явлений, от окончания пограничного сражения до завязки боев на Марне, по своему идейному содержанию распадается на два периода. 1-й период, с момента общего отступления союзников, согласно директивы ген. Жоффра от 25 августа, и до об'явления Жоффром новой директивы от 1 сентября, продолжившей отступление к югу; он характеризуется стремлением французов выполнить задуманный ими фланговый маневр в заранее избранный момент и в заранее намеченном районе. И 2-й период, от об'явления директивы 1 сентября до занятия сторонами того положения между Парижем и Верденом, которое явилось исходным для марнского сражения; в эти дни французское главное командование уже не предопределяло ни места, ни времени для флангового удара, решивши использовать для него первый подходящий момент. В обоих периодах главенствует одна и та же оперативная идея (маневра против правого неприятельского фланга), но в каждом из них ее осуществление поставлено в особые условия.

2. Первый период отступления англо-французских армий.

(26 августа — 1 сентября).

Отступление 3-й франц. армии.

К вечеру 25 августа 3-я франц. армия располагалась своими тремя корпусами на линии Азан (6-й корпус)—Дамвилер (5-й)—Дэн (4-й), причем левофланговый корпус находился своими главными силами на левом берегу Мааса; группа рез. дивизий верденского района, ослабленная на две дивизии (55-ю и 56-ю ген. Ламаза, отправленные на запад в состав вновь формируемой в районе Амьена армии), занимала маасские высоты к югу от Вердена; 7-я кав. дивизия—у Домбаля, к западу от Вердена. Против этих войск, V-я герм. армия занимала

р. Отэн от Марвиля (V-й корпус) на Домбра (XIII-й), Пилон (VI-й рез.), Нуйон-пон (V-й рез.) и Спинкур (дивизия XVI-го) и затем остальными своими частями линию Спинкур — Ляндр — Брие (другая дивизия XVI-го корпуса, 33-я рез. дивизия, ландверные бригады и конница).

26 августа корпуса 3-й франц. армии переправились на левый берег Мааса и расположились на линии Романь (4-й корпус)—Монфокон(5 -й)—Маланкур (6 й); на правом берегу осталась, в качестве арьергарда, одна 42-я дивизия, но на следующий день и она ушла за Маас [1]).

V-я германская армия на р. Маасе и бои на этой реке. (28—31 августа).

Войска V-й герм. армии, находясь еще под впечатлением боев на р. Орне, обнаруживших угрозу их левому флангу, и вынужденные форсировать Маас, имея слева крепость Верден, а справа—форт Монмеди, продвигались очень медленно: XIII-й корпус — на участок реки Сасэ-Дэн, VI-й рез.—к Вилону и XVI-й—на участок Сиври—Консанвуае; V-й корпус в этот день был направлен к Диденгофену для предполагавшейся перевозки на восточный фронт, а V-й рез. назначен для обложения Вердена с северной и западной сторон. IV-й кав. корпус был переведен с левого на правый фланг армии, к Стенэ, для заполнения промежутка, образовавшегося здесь после ухода в тыл V-го корпуса и для поддержания связи с IV-й армией. Медленное продвижение немцев дало возможность ген. Рюфэ, оставаясь своими главными силами непосредственно за Маасом, своим левым флангом (4-м корпусом и одной дивизией 5-го), в течение 28—30 августа, оказывать содействие правому флангу 4-й армии, который подвергся в эти дни натиску германских войск, уже форсировавших реку у Стенэ. Это содействие выразилось в нескольких небольших боях, совместно с частями 2-го корпуса, в окрестностях Нуара. 30 августа ген. Рюфэ, распоряжения которого уже

[1]) 28 августа эта дивизия была передана в состав вновь образованной армейской группы ген. Фоша (впоследствии — 9-й армии); посаженная в поезда днем 29 августа в Вердене, она сосредоточилась в Реймсе 30-го.

давно вызывали недовольство во французской главной квартире, был заменен командиром 6-го корпуса, ген. Сарайлем.

С отходом 3-й франц. армии за Маас, недолго продержались французские пограничные форты: Лонгви пал 26 августа после сильных разрушений, произведенных в нем германской тяжелой артиллерией, а 2.700 чел. его гарнизона, во главе с комендантом, подполк. Даршем, были взяты в плен; Монмеди был покинут французами 29-го, причем гарнизон отошел к Дэну, но в последующие дни, при наступлении в этом районе XIII-го герм. корпуса, часть его, вместе с комендантом форта, была захвачена немцами в плен в бою северо-восточнее Дэна.

Новый командующий 3-й франц. армией, подобно своему предшественнику, тоже считал общее отступление от Мааса преждевременным, почему и решил на следующий день, пользуясь замедлением переправы неприятельских войск на фронте его армии, поддержать своим левым флангом соседей. Для этого были назначены 4-й и 5-й корпуса и 7-я кав. дивизия, которые должны были действовать, попрежнему, совместно со 2-м корпусом (4-й армии); предполагалось также продвижение со стороны Вердена по правому берегу трех рез. дивизий (65-й, 67-й и 75-й). Бои на левом берегу велись в этот день: у Нуара и западнее—7-й кав. дивизией и 5-м корпусом, между Нуаром и рекой—4-м корпусом; со стороны противника наступали: от Стенэ—части VI-го герм. корпуса, а через Дэн—дивизия XIII-го корпуса, к вечеру потеснившие французов к югу и юго-западу. В виду этого, головные части 6-го франц. корпуса были подведены к Роману, на случай необходимости поддержать своих соседей, а 72-я рез. дивизия, составлявшая подвижной резерв Вердена, с той же целью была сосредоточена в северо-западном секторе крепостного района. Несмотря на эту неудачу, ген. Сарайль предполагал на следующий день продолжать атаку своим левым флангом, но ночью он получил из главной квартиры следующую директиву: „прекратить наступление и сообразовать свои действия со 2-м корпусом". Вследствие этого, было решено, оставаясь 1 сентября главными силами на месте, левым флангом (4-м корпусом и

одной дивизией 5-го) отойти к юго-западу, чтобы поддерживать тесную связь с правым флангом 4-й армии. Однако, на следующий день было получено приказание отправить 4-й корпус в состав вновь формировавшейся в амьенском районе армии, почему намеченное движение и не могло быть выполнено [1]). 6-й корпус вернулся в окрестности Маланкура, 5-й с 7-й кав. дивизией оставались в районе Нуар—Дэн. В эти первые дни отступления 3-й франц. армии определенно выявились два оперативных намерения армейского командования: во-первых, оставаться возможно дольше на Маасе, что предохраняло Верден от непосредственных ударов V-й герм. армии и создавало устойчивую ось захождения для других отступавших армий, и во-вторых, сохранять связь с Верденом, с одной стороны, для увеличения силы сопротивления крепости, а с другой—для обеспечения правого фланга армии. Мы увидим, что в дальнейшем, 3-я армия должна будет отказаться от первого намерения и покинет Маас, но зато второе будет проводиться ею в жизнь с неослабной энергией.

Корпуса V-й герм. армии деятельно готовились к переправе: IV-й кавалерийский—у Стенэ, XIII-й—у Дэна, VI-й рез.—у Вилона и XVI-й—у Сиври; V-й рез. корпус оставался на правом берегу для наблюдения за Верденом и обеспечения с этой стороны тыловых сообщений армии; прочие войска (33-я рез. дивизия и ландв. бригады) были направлены через Этен к Понт-а-Мусону в состав отряда, получившего задачу наступать в ближайшие дни на участок укрепленной линии между Верденом и Тулем.

По мере того, как строились мосты на реке, под прикрытием переброшенных на левый берег передовых частей и артиллерийского огня с правого берега, шла с 30 августа переправа германских войск в указанных выше пунктах; у Стэнэ и Дэна, как мы видели, левый фланг 3-й франц. армии уже вел бои с противником на левом берегу, не сегодня—завтра они должны были разгореться по всему фронту этой армии.

[1]) 4-й корпус начал посадку в поезда 2 сентября в Сент-Менегу.

Отступление 4-й франц. армии и преследование ее III-й и IV-й герм. армиями.

После переправы на левый берег Мааса, на участке от Стенэ до Музона, четыре правофланговые корпуса 4-й франц. армии расположились 26 августа следующим образом: 2-й—в окрестностях Нуара, колониальный—к юго-востоку от Бомона, 12-й—к западу от этого пункта и 17-й—севернее Рокура; находившиеся уже за рекой войска левого фланга занимали: 11-й корпус, имея слева 60-ю рез. дивизию, участок Седан—Доншери—Флиз, 52-я рез. дивизия—район к западу от Мезьера, а 9-й корпус—район Обиньи-ле-Потэ, имея на своем левом фланге 4-ю, а за своим правым—9-ю кав. дивизии.

Командующий IV-й герм. армией, на основании сведений, доставленных 25 августа воздушной разведкой, об отступлении неприятельских войск к юго-западу, составил себе представление, что французами оставлены на Маасе лишь арьергарды; а так как в то же время и V-я армия, и главное командование побуждали его оказать своим левым флангом содействие германским войскам, втянувшимся в тяжелые бои к югу от Монмеди, то он и решил наступать на следующий день всеми силами своей армии за Маас, направивши VI-й корпус на Дэн, против левого фланга французских войск, сражавшихся с V-й герм. армией. Это решение привело IV-ю армию в ближайшие дни к тяжелым боям на Маасе.

26 августа корпуса этой армии уже вплотную подходили к реке: VIII-й—между Мезьером и Доншери, VIII-й рез.—по обе стороны Седана, XVIII-й—у Музона и XVIII-й рез.—между Музоном и Стенэ; VI-й корпус был передан из IV-й армии в V-ю. Первая попытка немцев форсировать реку была произведена в ночь на 26 августа у Доншери, где, несмотря на сопротивление, оказанное 60-й рез. дивизией, VIII-му герм. корпусу удалось перебросить на левый берег небольшие части; затем, в течение дня, у Седана, при содействии сильного огня тяжелой артиллерии с правого берега, 15-я рез. дивизия (VIII-го рез. корпуса) частью своих сил форсировала переправу и потеснила 11-й франц. корпус. Одновременно с этим, получены были сведения о на-

ступлении немцев со стороны Рокруа, откуда наступали корпуса III-й герм. армии, о существовании которой французскому командованию до сих пор ничего не было известно; предполагали, что в промежуток между 4-й и 5-й франц. армиями наступает лишь один неприятельский корпус.

III-я герм. армия, выделивши в этот день XI-й корпус для отправления на русский фронт, а 24 ю рез. дивизию (XII-го рез. корпуса) для атаки Живэ, остальными своими силами (2½ корпусами) продолжала наступать в общем направлении на Рокруа; отряд ген. Оленхузена, не будучи в состоянии переправиться на левый берег Мааса (вследствие сопротивления противника и за неимением средств для устройства переправ), продолжал движение по правому берегу. К вечеру армия достигла западных и восточных окрестностей Рокруа.

Бои на р. Маасе 27—28 августа.

В последующие два дня, 27—28 августа, французы на всем занятом ими участке реки, от Стенэ до Флиза, вели упорные контр-атаки против неприятельских войск, постепенно усиливавшихся на левом берегу; наибольшее развитие эти бои получили между Доншери и Рокуром, где главное наступление оба дня вел 11-й корпус, на поддержку которого были направлены: слева 52-я и 60-я рез. дивизии [2]), а справа—части 17-го и 12-го корпусов. В результате этих двухдневных боев, на участке Доншери—Седан, германские войска XVIII-го и XVIII-го рез. корпусов были оттеснены к реке, но за то в районе Музона, вследствие ослабления 12-го и 17-го франц. корпусов, немцы продвинулись до линии Рокур—Бомон. Этим боям, особенно на фронте 11-го корпуса, командующий армией, ген. Лангль-де-Кари, придавал большое значение, в то же время не уделяя должного внимания положению своего левого фланга, которому, однако, уже с 26 августа угрожала опасность неприятельского охвата.

---

[2]) Для этого 52-я рез. дивизия была передвинута из западных окрестностей Мезьера к Флизу.

На этом фланге с 27 августа у французов находился 9-й корпус и две кав. дивизии, со стороны же противника против этих войск наступали XII-й и XIX-й корпуса и одна дивизия XII-го рез.[1]). Поэтому, в виду изолированного положения, которое занимал 9-й франц. корпус и с целью сблизить его с главными силами армии, к вечеру 27-го он был оттянут на линию Синьи-Лябэ — Лонуа, с 9-й кав. дивизией восточнее последнего пункта [2]). III-я герм. армия заночевала в этот день на линии Овилер-ле-Форж—Лони. На 28 августа командующий этой армией, ген. Гаузен, получил требование о содействии от обоих своих соседей: II-я армия просила приблизиться к ее левому флангу у Ла-Капеля, IV-я—помочь VIII-му корпусу, оказавшемуся в трудном положении у Доншери. Но так как Гаузен имел приказание главной квартиры продолжать наступление к юго-западу, то он и решил, сделавши захождение левым флангом, наступать на фронт Обантон — Синьи-Лябэ—Лонуа.

Бои на путях к Ретелю 28—29 авг.

Несмотря на то, что о появлении противника со стороны Рокруа ген. Ланглъ-де-Кари знал уже два дня, он все таки, попрежнему, уделяет свое главное внимание действиям на Маасе, причем до такой степени, что утром 28 августа перемещает 9-й корпус в район между Лонуа и Флизом, а 9-ю кав. дивизию — в южные окрестности Мезьера, на случай сильного натиска немцев со стороны Доншери. Поэтому, район Синьи-Лябэ, в котором оставлены лишь мелкие отряды для наблюдения за флангом, оказался совершенно обнаженным от войск и прямой путь на Ретель (куда должна была отходить 4-я франц. армия) — открытым для германцев. Последние и не замедлили использовать эту благоприятную обстановку и к вечеру 28 августа III-я герм. армия, почти не встречая сопротивления, достигла линии Лиар—Синьи-Лябэ—Лонуа,

[1]) Отряд ген. Оленхузена присоединился к XIX-му корпусу у Ревэна.

[2]) 4-я кав. дивизия, при отступлении 9-го корпуса, перешла в состав 5-й франц. армии.

оказавшись своим левым флангом в тылу 4-й франц. армии. Только теперь французы вполне уяснили себе обстановку в этом районе и необходимость немедленно же исправить сделанную ошибку, преградивши противнику путь на Ретель. Это удалось им сделать лишь после форсированных переходов и упорных боев, частью 28-го, а частью 29 августа: у Лонуа части марокккской дивизии, при поддержке 9-й кавалерийской, едва задержали на непродолжительное время наступление XIX-го герм. корпуса, а у Новион-Порсиена 17-я франц. дивизия, подошедшая с северо-востока под прикрытием войск, сражавшихся у Лонуа, с трудом остановила продвижение 23-й герм. дивизии (XII-го корпуса).

К вечеру 29 августа 9-й франц. корпус с 9-й кав. дивизией прочно занял фронт Сорси — Нови — Арникур, почему прямой путь на Ретель был на некоторое время закрыт для германцев.

Пока происходили эти события на левом фланге 4-й франц. армии, остальные войска последней в течение 29-го начали общее отступление с Мааса, в виду того, что дальнейшее их пребывание на этой реке могло поставить армию в тяжелое положение; в этот день они отошли на линию Бюзанси—Ле-Шен—Омон, не преследуемые противником.

Из описанных мною только что событий видно, что, начиная с 26 августа, 4-я франц. армия имела перед собою две германские: IV-ю, наступавшую с северо-востока на ее фронт, и III-ю, двигавшуюся с севера против ее левого фланга, что, в связи с большим составом 4-й франц. армии и, вследствие этого, огромным протяжением ее фронта, сильно затрудняло управление ею. В виду этого, 29 августа, распоряжением главного командования, из ее состава были выделены 9-й и 11-й корпуса, 52-я и 60-я рез. и 9-я кав. дивизии, которые с добавлением к ним 42-й дивизии (6-го корпуса) [1]), образовали между 4-й и 5-й армиями, к северу от Ретеля, новую армейскую группу, во главе которой был поставлен ген. Фош, командовавший до этого назначения 20-м корпусом (во 2-й армии). Следовательно, с этого дня

[1]) Эта дивизия была третьей дивизией корпуса.

III-я германская армия имела уже перед собой самостоятельную группу французских войск, которая могла уделить ей значительно больше внимания, чем это мог сделать командующий 4-й армией.

В этот день II-я армия вновь просила помощи у ген. Гаузена, предлагая ему направить часть своих сил на Вервэн, для облегчения того трудного положения, в котором она оказалась в тяжелых боях у Гиза. Но так как это привело бы к отвлечению войск III-й армии на большое расстояние от их главного направления, то Гаузен не нашел возможным оказать ген. Бюлову этого содействия. Армия заночевала 29 августа в районе Васиньи (23-я рез. дивизия)—Новион-Порсиен (23-я дивизия)—Лонуа (XIX-й корпус и 24-я дивизия).

В течение 30—31 августа и 1 сентября 4-я франц. армия отходила к р. Эну и за эту реку; 30-го она отошла на линию Граннрэ—Вузье—Шюфили, откуда на следующий день, совместно с левым флангом 3-й армии, предприняла наступление своим правым флангом на Бюзанси, а прочими войсками—вниз по правому берегу р. Эна; но, вследствие непрочной связи между корпусами и несогласованности их действий, это наступление не дало никаких результатов. Немцы безостановочно продвигались к верхнему Эну, на участок Вузье—Ретель, вынудивши 4-ю франц. армию, в течение 1 сентября, отойти: 2-й корпус—за р. Эр у Граннрэ, а прочие корпуса—за р. Эн: колониальный—к Монтуа, 12-й—к Сом-Пи, а 17-й—к Сен-Супле.

Действия 4-й франц. армии на р. Маасе и на путях к Эну заслуживают того, чтобы сказать о них еще несколько слов. Эта армия очень неохотно покидала Маас, как бы считая необходимым возможно дольше оставаться на этой реке, для чего и вела здесь несколько дней упорные бои с IV-й герм. армией. Но являлось ли в действительности такое продолжительное сопротивление войск ген. Лангль-де-Кари целесообразным в оперативном отношении? Конечно, нет. Насколько упорство 3-й франц. армии, проявленное ею в боях на Маасе, представляется стратегически целесообразным, отвечая общим интересам всей отсту-

пательной операции союзников, настолько такой же способ действий 4 й армии не может быть признан правильным. Действия первой, даже при тактических неудачах, все же сохраняли крупное оперативное значение, облегчая захождение отступавшим армиям и придавая устойчивость их правому флангу; тогда как настойчивые контр-атаки второй могли иметь ценность только при условии большого тактического успеха. В противном случае, они лишь ухудшали общее стратегическое положение.

В самом деле, что приобретала эта армия, а также и ее соседи, от затяжных боев на Маасе? Ведь, для того, чтобы сохранить связь с 3-й армией достаточно было удержать на реке только свой правый фланг, весь же остальной фронт можно было отводить к р. Эну; и только при этом условии 4-я франц. армия могла бы установить связь с 5-й армией и легко уклониться от охвата, угрожавшего ей со стороны III-й германской уже с 26 августа. Упорствуя в сохранении своего положения на Маасе, ген. Лангль достиг лишь того, что к тому времени, когда ему пришлось все-таки покидать реку, между 4-й и 5-й армиями образовался прорыв протяжением около 40 килом., в который шла, никем незадерживаемая, III-я герм. армия. И французам лишь с большим трудом удалось отвратить от себя ту опасность, которая нависла над левым флангом их 4-й армии в районе Синьи-Лябэ—Лонуа 28—29 августа.

Нельзя также не упрекнуть в этом случае и французское главное командование. Решение ген. Лангля остаться и 28-го на Маасе было одобрено главнокомандующим, который нашел даже, что это закрепит успех, достигнутый армией в боях 27 августа, и докажет противнику, что она отходит лишь в силу стратегической необходимости. Но, конечно, совершенно невозможно было оправдать такими несерьезными соображениями дальнейшего пребывания 4-й армии на Маасе, которое могло привести ее к отдельному поражению, особенно нежелательному в той обстановке, в которой находились в то время французы. Могли ли эти бои способствовать под'ему морального состояния французских войск? Едва ли! Ведь в этих боях ни разу не был достиг-

нут крупный успех, который мог бы видоизменить обстановку на Маасе: французам удавалось задерживать продвижение немцев, но ни разу им не удалось отбросить их за реку; тогда как потери и расстройство войсковых частей достигали больших размеров.

В той тяжелой обстановке, которую французы сами создали для себя на левом фланге своей 4-й армии, их положение облегчалось до некоторой степени вялыми действиями III-й герм. армии. Последние об'яснялись, во-первых, отсутствием армейской конницы, сильно затруднявшим получение сведений о неприятельских войсках, во-вторых, слабым составом армии, не позволявшим ей предпринимать широких и смелых маневров и, в третьих, постоянными, почти ежедневными требованиями соседей оказать им содействие, то на запад, то на восток. И хотя ген. Гаузен не всегда удовлетворял этим призывам к помощи, но, естественно, что они все-таки отвлекали его внимание от своей прямой задачи, отнимали время на переговоры с другими армиями, а иногда и вынуждали изменять уже сделанные распоряжения. Если бы он был лучше осведомлен о положении противника и не стеснен заботой о том, как выручить из беды своих более сильных соседей, то дни 28—29 августа могли бы ознаменоваться тяжкими поражениями 4-й франц армии. между Маасом и Эном. Устранить же с его пути эти неблагоприятные обстоятельства могло идолжно было германское главное командование, которое в этом случае, как и во многих других, оставалось в стороне от руководства армиями, предоставляя последним самостоятельно разбираться в обстановке и входить в соглашения с соседями.

Отступление армейской группы ген. Фоша и ее бои с III-й герм. армией в районе Ретеля 30—31 августа.

Несмотря на то, что 29 августа пути на Ретель были заняты французами, опасность, угрожавшая левому флангу 4-й армии, еще не была совсем устранена: если бы III-й герм. армии удалось форсировать р. Эн в районе Ретеля раньше прибытия на эту реку войск ген. Лангля (а это было вполне возможно), то последним было бы очень трудно перейти на ле-

вый берег. В виду этого, армейской группе ген. Фоша приходилось еще некоторое время задерживать противника к северу от Ретеля. С этой целью войскам этой группы на 30 августа было приказано: 9-му корпусу, имея слева от себя 9-ю кав. дивизию, перейти в контр-атаку с линии Арникур — Нови — Сорси, 11-му корпусу с 60-й рез. дивизией, подойдя с северо-востока к Сорси, а 52-й рез. дивизии несколько севернее, содействовать этому наступлению. Между тем, III-я герм. армия с утра продолжала наступление: 23-я рез. дивизия—от Васиньи на Арникур, XII-й корпус — от Новион-Порсиена на Нови, а XIX-й — из южных окрестностей Лонуа на Туртерон, с целью сблизиться с правым флангом IV-й армии, наступавшей к Омону. Наступление французов в этот день не дало никаких значительных результатов; хотя 9-му корпусу и удалось на несколько часов задержать три неприятельские дивизии севернее Ретеля, но положение самого корпуса оказалось очень тяжелым, потому что другие части армейской группы не оказали ему никакого содействия. 9 я кав. дивизия, имевшая склонность, подобно многим кавалерийским частям, уходить на ночлег подальше от поля сражения, ночевала за Эном, а потому подошла к реке слишком поздно, когда весь правый берег, по обе стороны Ретеля, находился под сильным артиллерийским огнем противника; после нескольких неудачных попыток выйти на правый берег, конница осталась на реке, удерживая переправы. В это время 11-й корпус и две рез. дивизии, при движении своем из окрестностей Омона, были атакованы частями XIX-го герм. корпуса у Туртерона. В начале боя немцы, значительно уступавшие в числе противнику, оказались настолько в трудном положении, что командир корпуса вынужден был обратиться за помощью (которая, впрочем, ему не была оказана) к 15-й герм. дивизии (VIII-го корпуса, правофлангового IV-й армии), находившейся в то время около Омона. Но вскоре французские рез. дивизии не выдержали огня тяжелой германской артиллерии и в беспорядке начали отходить к югу, что повлекло за собой и отступление 11-го корпуса. К вечеру эти части достигли Атиньи, где и переправились на

левый берег. В 2 ч. дня ген. Фош приказал 9-му корпусу отходить к югу и к вечеру расположиться между Ретелем и Юнивилем; 11-му же с двумя рез. дивизиями — между Юнивилем и Атиньи; 9-я кав. дивизия должна была расположиться на левом фланге. Войска III-й герм. армии заночевали в этот день: 23-я рез. дивизия — у Шато-Порсиена, XII-й корпус—у Ретеля и XIX-й корпус—у Туртерона. На свой запрос германской главной квартире о том, в каком направлении следует идти за Эном, ген. Гаузен получил ответ, что III-я армия должна преследовать в южном направлении, IV-я—будет согласовать с ней свое движение, а левый фланг II-й должен следовать в общем направлении на Реймс.

В результате передвижений, произведенных французами вечером 30-го и в ночь на 31 августа, войска ген. Фоша утром 31-го расположились следующим образом: 11-й корпус с 60-й рез. дивизией — в районе Шюфили — Юнивиль, 9-й корпус—к западу от Юнивиля, 42-я дивизия (подошедшая в этот день от Реймса)—далее на запад до р. Эна, 9-я кав. дивизия разведывала в районе Ретеля, частью на правом берегу, а частью на левом; наконец, 52-я рез. дивизия, прибывшая в большом расстройстве, устраивалась южнее Юнивиля. Немцы тремя дивизиями переправились через реку и продвинулись до линии Авансон — ле-Мениль, но XIX-й корпус, задержанный 30-го боями у Туртерона, оставался еще на северном берегу. В общем, день обошелся без боевых столкновений.

В этот же день в тылу германских армий пал форт Живэ, обложенный 24-й рез. дивизией 26 августа и атакованный 29-го, по прибытии тяжелых батарей из Намюра.

На 1 сентября войска ген. Фоша получили задачу задерживать неприятеля в занятом ими расположении на р. Ретурне, с целью и в этот день прикрыть левый фланг 4-й армии, собиравшейся на левом берегу Эна, южнее Вузье.

Командующий III-й герм. армией предполагал дать в этот день своим войскам дневку, но, получивши накануне вечером решительное требование главной квартиры продолжать наступление, решил атаковать находившегося перед ним

противника. В то время, когда XIX-й корпус, с трудом преодолевая сопротивление 11-го франц. корпуса, приступил к переправе у Атиньи, саксонские дивизии, находившиеся южнее реки, атаковали французов на участке Юнивиль—Шатле. До 4 ч. дня бой развивался благоприятно для французских частей, и атакующему нигде не удалось потеснить их. Но так как задача войск ген. Фоша считалась выполненной, то им было приказано продолжать отступление; в течение остальной части дня и ночью 9-й корпус с 52-й рез. дивизией отошел к северо-восточным фортам Реймса, 11-й с 60-й рез. дивизией к Пон-Фаверже, 42-я дивизия расположилась левее 9-го корпуса, а 9-я кавалерийская прикрывала левый фланг 4-й армии. По прибытии всех этих войск в окрестности Реймса, по распоряжению французского главного командования, началась эвакуация этой крепости, которую решено было отдать неприятелю без сопротивления.

Отступление 5-й франц. армии и преследование ее II-й герм. армией.

Директивой французской главной квартиры от 25 августа 5-й армии было указано отходить на верхнюю Уазу, где и расположиться по обе стороны реки. Для этого в течение 26-го армия отошла с линии Авен—Шимэ—Мариембург на линию Приш (53-я и 69-я рез. див.)—Бюирон-фос (18-й корпус с 38-й див.)—северо-восточные окрестности Вервэна (3-й корпус [1]) — западные окрестности Гирсона (10-й корпус с 37-й див.)—Обангон (1-й корпус и 51-я рез. див.); кав. корпус ген. Сорде достиг кружным путем р. Шельды у Гонелье, где должен был оказать содействие левому флангу английской армии. В этот день в С. Кентене состоялось совещание ген. Жоффра с фельдм. Френчем и ген. Ланрезаком и д'Амадом для выяснения некоторых частных вопросов, связанных с отступлением левого фланга союзников; обсуждался вопрос о направлении, которое следовало дать левому флангу 5-й армии, при чем было решено, в виду того, что отступление англичан велось не в юго-западном, а в южном направлении, отводить этот фланг не к С. Кентену, а левым берегом Уазы, к Ла-Фэру.

[1]) Корпус переправился через Уазу у Этропона.

Как представлял себе в это время командующий 5-й франц. армией дальнейшее отступление своих войск в ближайшие дни? Имея уже вполне правильные сведения о силах и группировке противника, преследовавшего левофланговую группу союзников, и зная, что, с одной стороны, англичане отступают в большом расстройстве, а с другой — между флангами 5-й и 4-й армий образовался прорыв в 20 килом. (Обантон — Обиньи-ле-Потэ) [2]), он признавал необходимым к 28 августа отойти на р. Сэр, чтобы оставаться в общей линии фронта и считал (в полном согласии со своими командирами корпусов) нежелательными какие бы то ни было наступательные действия, по крайней мере, до прибытия войск в окрестности Лаона, где местность более удобна для этого. Однако, главнокомандующий предназначал этой армии совершенно другую задачу. Днем 27 августа, когда армия продолжала свое отступление за Уазу, с целью занять район между Обантоном и Гизом, ген. Ланрезак получил от ген. Жоффра, переданное офицером генерального штаба, словесное приказание решительно атаковать противника возможно скорее в направлении на С. Кентен, не расчитывая на англичан; причем ни о неприятельских войсках, ни о других армиях не сообщалось никаких сведений.

Это приказание застигло 5-ю армию совершенно неподготовленной к активным действиям в столь неожиданном для нее направлении; войска уже выполняли назначенные им на этот день передвижения, почему для того, чтобы повернуть их к западу, необходимо было немало времени и форсированных движений. Едва ли могла эта армия занять исходное положение для предположенного наступления к утру 28-го.

К вечеру 27-го французские войска достигли следующих пунктов: рез. дивизии ген. Валябрега, переправившись у Гиза,—юго-восточных окрестностей этого города; 18-й корпус с 38-й дивизией, переправившись у Марли, располо-

---

[2]) На этом участке, впрочем, находилась 4-я кав. дивизия, переданная в этот день из 4-й в 5-ю армию.

жился южнее реки до линии Сен-Ришомон—Вервэн; 3-й оставался к северо-востоку от Вервэна; 10-й с 37-й дивизией, взорвавши форт у Гирсона, подошел в район Ландузи; 1-й с 51-й рез. дивизией занял более сосредоточенное положение к юго-западу от Обантона; 4-я кав. дивизия—Лиара. Расположившись за р. Уазой на фронте Обантон—Гиз, 5-я армия сохраняла возможность, или перейти в наступление к северу, или отойти к югу, но никоим образом не атаковать в западном направлении, для чего необходимо было произвести целый ряд предварительных передвижений и повернуть фронт под прямым углом к занятому расположению. Подобный крутой поворот к западу не только требовал времени, но он был и небезопасен, потому что для некоторых частей войск он вызывал необходимость фланговых движений на небольшом расстоянии от противника, уже подходившего в значительных силах к Уазе, которая выше Гиза не является серьезной преградой. Этот маневр перемещал главные силы армии к западу, почему и увеличивал разрыв, образовавшийся между ней и 4-й армией. Тем не менее, ген. Ланрезак, оставивши часть сил в районе Гиза, для прикрытия с севера правого фланга своей армии, остальным войскам приказал в течение 28 августа развернуться южнее, на восточном берегу, фронтом на С. Кентен.

Пока происходили эти передвижения, утром 28-го в штаб армии, в Марль, прибыл ген. Жоффр, повидимому, не вполне доверявший готовности Ланрезака спешить с выполнением указанного ему маневра. Он лично подтвердил ему приказ о наступлении к С. Кентену, причем, в результате некоторых возражений, сделанных по этому поводу командующим 5-й армией, между ними произошло крупное столкновение, едва не окончившееся отрешением Ланрезака от командования армией. Здесь обнаружилось резкое различие во взглядах обоих генералов на предстоявшее наступление. Жоффр считал, что главные силы противника находятся западнее Уазы, почему, по его мнению, с участка реки Гиз—Гирсон нельзя было ожидать сильного удара, а поэтому одного корпуса было вполне достаточно для обеспечения

с севера предстоявшей операции. В противоположность этому, Ланрезак был убежден, что в то время, когда армия будет наступать к западу за р. Уазу, ей следует ожидать со стороны Гиза серьезной угрозы своему правому флангу и тылу, почему он и предлагал повести это наступление в виде короткого удара, с быстрым, вслед затем, отходом на линию соседних армий. Жоффр уклонился от каких-либо дальнейших указаний по этому вопросу, хотя заявил Ланрезаку, что судьба кампании находится в его руках.

Кто же из них был прав в этом необычном споре перед лицом приближавшегося противника? Мне кажется, что каждый из них по своему был прав и неправ в тех суждениях и требованиях, которые он высказывал относительно дальнейших действий 5-й армии. Ланрезак правильно оценивал обстановку в оперативных рамках своей армии, хотя и не понял настоятельной необходимости потребовать от войск крайнего напряжения для скорейшего перехода в наступление в новом направлении; он также, повидимому, пренебрегал обстановкой более широкого масштаба, упуская из виду то значение, которое могло иметь, при благоприятных обстоятельствах, его наступление для положения всей левофланговой группы союзников. В свою очередь, Жоффр расчитывал на то, что движение 5-й армии за Уазу может облегчить отступление англичан и дать время собраться амьенской группе ген. Монури, но он несколько запоздал своими распоряжениями для наступления к С. Кентену и недостаточно ориентировал исполнителя в своих намерениях и в общей стратегической обстановке.

К вечеру 28 августа 5-я франц. армия заняла следующее исходное положение для наступления: две рез. дивизии ген. Валябрега, оставивши одну бригаду у Гиза для занятия переправ, расположились в углу между р.р. Уазой и Сэром восточнее Муа; 18-й корпус с 38-й дивизией—у Рибемона; 3-й — в западных окрестностях Сен-Ришомона; 10-й—в западных и северо-западных окрестностях Вервэна, имея южнее себя 37-ю дивизию, которая с этого дня была придана 3-му корпусу; 1-й корпус одной дивизией—у Таво, а другой—в южных окрестностях Сен-Ришомона, обе в ар-

мейском резерве; наконец, 4-я кав. дивизия, с приданной ей 51-й рез. дивизией,—в районе Обантона, для прикрытия правого фланга и для связи с 4-й армией.

Ланрезак, между прочим, надеялся получить содействие 1-го англ. корпуса, для чего и вошел в соглашение с ген. Хэйгом, который обещал начать, около полудня 29 августа, наступление от Ла-Фэра на С. Кентен; но фельдм. Френч не разрешил этого наступления, считая его несвоевременным. В виду этого, для прикрытия левого фланга своей армии, Ланрезак решил переправить рез. дивизии ген. Валябрега через Уазу у Муа и выдвинуть их на фронт Урвилер—Эсиньи-ле-Гран.

28 августа днем, во время передвижения войск 5-й армии за Уазой, произошел бой у Гиза: войска X-го герм. корпуса оттеснили за реку находившуюся здесь бригаду 53-й рез. дивизии и атаковали высоты южного берега, но когда были подведены сюда части 3-го и 18-го корпусов, двигавшиеся невдалеке к назначенным им исходным пунктам для наступления, противник был задержан в своем продвижении к югу. Одновременно с этим, бригада 1-й герм. гвард. дивизии легко опрокинула небольшой французский отряд у Монсо и выдвинулась на левый берег Уазы. К ночи на 29 августа немцы утвердились на обоих берегах реки в районе Гиза.

Для предстоявшего наступления к С. Кентену, ген. Ланрезаком были отданы следующие приказания: 10-му корпусу и войскам ген. Абоно (4-й кав. и 51-й рез. див.) оставаться на месте и выполнять свою задачу по обеспечению правого фланга армии восточнее Гиза, всем же остальным войскам армии с утра 29-го начать переправу на правый берег Уазы южнее этого города, затем наступать к С. Кентену уступами с левого фланга и атаковать противника, там где он будет встречен.

Что же происходило в эти дни во II-й герм. армии, следовавшей по пятам за войсками ген. Ланрезака?

26 августа, несмотря на утомление войск, II-я армия продолжала преследование на фронт Марбэ (14-я дивизия и X-й рез. корпус), Булонь (X-й корп.) и Фурми (гвард.).

В этот день ген. Бюловым было получено приказание главной квартиры о немедленном отправлении в тыл гвардейского рез. корпуса для посадки его в поезда и переброски на восточный фронт [1]). Этим же приказанием атака Мобежа поручена командиру VII-го рез. корпуса, ген. Цвелю, в распоряжение которого, взамен находившейся в тылу 13-й рез. дивизии, дана бригада 13-й дивизии (VII-го корпуса); в этот день войска Цвеля достигли Бинша.

В виду того, что II-я армия наступала в юго-западном направлении, а III-я—почти на юг (правым флангом по линии Мариембург—Овилер-ле-Форж), между обеими армиями образовался разрыв, который со дня на день увеличивался, о чем ген. Бюлов вечером 26 августа и донес главному командованию. К этому времени воздушная разведка немцев обнаружила в районе к северу от верхней Уазы сильные неприятельские отряды, отходившие к юго-западу. На 27 августа армии приказано продолжать преследование противника, наступая на фронт Васиньи—Ла-Капель. Корпуса достигли в этот день, без боевых столкновений, следующих пунктов: VII-й — западных окрестностей Васиньи, X-й рез.—Васиньи, X-й—Ла-Невиля, гвардейский—Бюирон-фоса и Ла-Капеля, а I-й кав.—южных окрестностей Приша. Так как I-я армия (из'ятая в этот день из подчинения ген. Бюлова), преследуя англичан, удалялась к юго-западу, а III-я шла на юг и тяготела к правому флангу IV-й армии, с целью поддержать его в упорных боях на Маасе, то ген. Бюлов решил для того, чтобы не увеличивать разрыва с III-й армией и не оторваться от I-й, 28 августа своим левым флангом (X-м и гвардейским корпусами) оставаться на месте, а правым (VII-м и X-м рез.) продолжать наступление.

В виду такого решения и полученных сведений, что французы в значительных силах занимают участок Уазы к западу от Гирсона, VII-й корпус [2]) направлен через Боэн

---

[1]) Одну бригаду этого корпуса, находившуюся в Намюре, приказано сменить частями 13-й рез. дивизии, находившейся в Льеже.

[2]) Собственно, лишь 1½ дивизии с корпусными войсками, потому что одна бригада 13-й дивизии была оставлена у Мобежа.

к Сен-Кентену, X й рез.—между Боэном и р. Уазой, I-му кавалерийскому приказано обойти Сен-Кентен с юга и выйти в тыл англичанам, а X-му и гвардейскому — оставаться на месте; но так как воздушная разведка вскоре донесла, что на верхней Уазе находятся лишь слабые силы противника, а III-я армия сообщала, что ее правый фланг наступает на Рюминьи [1]) (т.-е. западнее, чем ранее предполагалось), то Бюлов решил продолжать в этот день наступление и своим левым флангом: X-му корпусу приказано идти через Гиз за р. Уазу к Ландифэ, а гвардейскому через Марли к Сен-Ришомону.

До полудня 28-го на фронте армии все было спокойно; повидимому, ничто не угрожало переходу левого фланга II-й армии через Уазу. Между тем, было получено сообщение от I-й армии, что расстроенные английские войска отходят к Ла-Фэру и что поэтому желательно, чтобы II-я армия атаковала их. Это побудило Бюлова продвинуть в тот же день свой правый фланг далее к югу: VII-й корпус к Гаму, а X-й рез.—на Урвилер к Сен-Симону (в 7 кил. восточнее Гама на р. Сомме).

В 9-м ч. вечера было получено донесение командира X-го корпуса, что его передовые войска форсировали реку (19-я дивизия—у Гиза, а 20-я—к востоку от города) и ведут бой с противником на южном берегу Уазы, и что, хотя французы оказывают сильное сопротивление, но здесь, повидимому, находятся только неприятельские арьергарды. Такие сведения привели Бюлова к решению сохранить для предстоявшего наступления к Ла-Фэру ту группировку войск, которая была к вечеру 28-го, т.-е. двумя корпусами [2]) наступать западнее, а другими двумя—восточнее Уазы. На 29-е Бюловым было приказано: VII-му корпусу и одной дивизии X-го рез. удерживать переправы у Гама и Сен-Симона, другой дивизии последнего наступать на Эсиньи-ле-Гран, X-му корпусу от Гиза идти на Ландифэ к Ла-Фэру, а гвардейскому—от Сен-Ришомона на Фокузи. Этими распоряже-

[1]) В 5 килом. к юго-востоку от Обантона.

[2]) Собственно говоря, 3½ дивизиями.

ниями II-я герм. армия получала, в общем, направление, вполне соответствовавшее требованиям директивы германской главной квартиры от 27 августа [1]); но на пути к достижению этой армией тех целей, которые ей были указаны, оказались непредвиденные препятствия, во многом изменившие первоначальные предположения.

Сражение у С.Кентен—Гиза 29—30 августа.

Какова же была, в общих чертах, та обстановка, которая сложилась на верхней Уазе к ночи с 28-го на 29 августа, в результате всех этих наступлений и отступлений, передвижений и перегруппировок, произведенных обеими сторонами в течение двух последних дней? 5-я франц. армия имела все свои войска на левом берегу, фронтом на запад, опираясь своим правым флангом на участок реки восточнее Гиза и собираясь бросить свои главные силы на С. Кентен. II-я германская наступала к Ла-Фэру двумя почти равными группами, которые должны были идти по обе стороны Уазы, причем правая (западная) была сильно видвинута вперед, сравнительно с левой, что придавало расположению армии уступной характер [2]). Французы намеревались нанести удар в направлении почти свободном от войск противника [3]), а немцы направили свою левую группу через район, занятый всей неприятельской армией. Такой выбор направлений и такая группировка войск являлись с обеих сторон результатом малой их осведомленности о силах и расположении друг друга. Немцы были уверены, что 5-я франц. армия отходит к югу, имея на Уазе лишь арьергарды, а французское главное командование, задумавши эту операцию, полагало, что в районе С. Кентена сосредоточена главная масса неприятельских войск. И если бы сражение, начавшееся на следующий день утром, развивалось с обеих сторон согласно первоначальных предположений, то армия

[1]) Эта директива приведена мною на стр. 411—412.

[2]) В правой группе было 3½ пех. и 2 кав. дивизии, в левой — 4 пех. дивизии.

[3]) Как увидим из дальнейшего изложения, у С. Кентена находилась в начале сражения лишь одна германская дивизия.

ген. Ланрезака произвела бы удар впустую, а немцы могли бы охватить оба ее фланга, потому что, помимо того, что инициатива действий была все-таки за ними, они находились к вечеру 28-го в более благоприятном стратегическом положении, чем французы. Но к счастью для последних, к утру 29 августа обстановка значительно изменилась: в результате боев предыдущего дня у Гиза угроза их правому флангу сделалась более реальной, и ген. Ланрезак, вообще склонявшийся к мнению о преимущественном оперативном значении этого района, сравнительно с районом С. Кентена, уже с утра перенес центр тяжести всей операции к своему правому флангу.

Перейдем теперь к последовательному изложению событий, происходивших на р. Уазе в течение 29-го и 30 августа и известных под названием сражения у С. Кентен-Гиза.

а) Бой у Гиза 29 августа.

С рассветом 29-го войска 5-й франц. армии начали переправу через р. Уазу, севернее и южнее Мэн-д'Ориньи, с целью наступления к С. Кентену. В 9 ч. утра в штаб армии, в Лаон, прибыл ген. Жоффр и оставался здесь до полудня, почему все важнейшие распоряжения ген. Ланрезака по управлению боевыми действиями этого дня были произведены в присутствии и с ведома главнокомандующего. Одновременно с прибытием Жоффра, Ланрезаком было получено донесение от командира 10-го корпуса, что он атакован крупными силами противника, наступающего на фронте Гиз—Марли, и что, под натиском неприятельских войск, он вынужден отходить, покинув высоты южного берега. Здесь наступали X-й и гвардейский германские корпуса, которые должны были следовать к Ла-Фэру по левому берегу Уазы и с выходом которых в район Вервэна для 5-й франц. армии создалась бы очень тяжелая обстановка для наступления к С. Кентену. Это привело ген. Ланрезака к решению, раньше чем выполнять первоначальный план наступления главными силами к западу, броситься на помощь своему 10-му корпусу и отбросить за реку ту группу неприятельских войск, которая угрожала его правому флангу и тылу. Для этого им было

отдано следующее приказание: 18-му корпусу и дивизиям ген. Валябрега продолжать наступление к С. Кентену, не вьязываясь, однако, в решительные бои с превосходными силами противника; 3-му корпусу, оставивши свой авангард западнее Уазы, для поддержания связи с 18-м корпусом, своими главными силами атаковать противника на левом берегу в направлении на Гиз и западнее; 10-му—атаковать правее 3-го; 1-му—оказать содействие 10-му; группе ген. Абоно, оставивши лишь небольшой отряд для наблюдения за правым флангом армии, атаковать со стороны Вервэна левый фланг противника. К полудню французы сосредоточили на своем правом фланге превосходные силы; однако, в боях, происшедших во второй половине дня, у Гиза и у Марли, они все же не могли отбросить немцев на северный берег Уазы [1]). X-й герм. корпус продвинулся к вечеру 19-й дивизией от Гиза к Мон-д'Ориньи, а 20-й, вдоль дороги на Марль, до западных окрестностей Пюизье; гвардейский, после упорных боев и с огромными потерями, достиг в этот день линии Пюизье-Вульпэ. Тем не менее, наступление левого фланга II-й герм. армии было замедлено, но за то наступление французов к С. Кентену в этот день уже было невозможно.

б) Бои западнее Уазы.

Западнее Уазы обстановка сложилась тоже неблагоприятно для французов: рез. дивизии ген. Валябрега с утра столкнулись в районе Урвилер—Эсиньи-Ле-Гран с левофланговой (19-й) герм. дивизией X-го рез. корпуса, к которой вскоре прибыла от Сен-Симона другая (2-я гвард. рез.) дивизия того же корпуса; после непродолжительного боя французские дивизии были отброшены к Уазе, что, в свою очередь, обнажило левый фланг наступавшего правее 18-го франц. корпуса, уже подходившего своими передовыми частями к предместьям С. Кентена. Оказавшись со своими войсками в изолированном положении

[1]) Здесь, против 4-х герм. дивизий французы сосредоточили к концу дня 8½ дивизий (1-й, 3-й, 10-й корпуса, 37-ю див., 51-ю рез. див. и бригаду 53-й рез. див.).

за рекой, командир этого корпуса счел необходимым тоже отойти к реке, тем более, что с севера уже приближалась к С. Кентену бригада 13-й герм. дивизии (VII-го корпуса), вызванная ген. Бюловым из под Мобежа на присоединение к своему корпусу. Таким образом, положение II-й герм. армии оказалось более благоприятным, чем положение ее противника, потому что, при общем отступлении союзных армий к югу, расположение французского правого фланга в южных окрестностях Гиза не могло иметь большого значения, тогда как успех германцев угрожал армии ген. Ланрезака быть отрезанной от англичан. Являлось ли, при таких условиях, целесообразным для 5-й франц. армии наступление своими главными силами на С. Кентен, как это требовалось приказанием главнокомандующего 27 августа? Тем более, что соседние армии находились уже значительно южнее, и французские войска на Уазе должны были быть готовыми сражаться на три фронта: на север, запад и восток. И Ланрезак вполне уяснял себе всю опасность своего положения к вечеру 29-го и всю настоятельную необходимость отходить возможно скорее к югу. Но, ведь, по мнению главнокомандующего, от наступления к С. Кентену зависела вся судьба кампании! Естественно, что при этом условии принятие самостоятельного решения об отступлении сопряжено было для Ланрезака с тяжелой ответственностью, как перед главным командованием, так и перед отечеством. А потому вечером 29 августа он добивается от главной квартиры определенного указания: продолжать ли операцию на Уазе, подвергая себя опасности быть обойденным с обоих флангов и окруженным, или начать отступление? Но Жоффр где-то отсутствует, а ген. Бэлен не уполномочен принимать такие решения; поэтому Ланрезак отдает приказание возобновить 30-го атаку в районе Гиза. Этой атаке, впрочем, не суждено было осуществиться, потому что в 11 час. вечера 29-го Жоффр приказал 5-й армии начать отступление к Лаону [1]).

[1]) Этот приказ, между прочим, не был получен Ланрезаком; он затерялся где-то между Витри-ле-Франсуа и Лаоном и стал известен в штабе армии лишь 30-го в 8 ч. утра из телефонного сообще-

В это время, ген. Бюлов, признавая необходимость развить успех достигнутый правым флангом его армии, приказал продолжать 30 августа наступление, причем правофланговой группе—перейти на левый берег Уазы: 13-й дивизии—между Ориньи и Рибемоном, а X-му рез. корпусу, поддержанному 14-й дивизией, наступавшей от Гама через Эсиньи-ле-Гран и прикрывавшей его со стороны Ла-Фэра, переправиться между Рибемоном и Муа; 17-я дивизия (IX-го корпуса, левофлангового I-й армии) должна была содействовать этому наступлению своим движением от С. Кентена на Ориньи. Левой же группе приказано возобновить атаку неприятельских позиций восточнее Гиза. I-й кав. корпус продвигался, с небольшими боями, на Гам и Сен-Симон, с целью разведки на линии Компьен—Лаон.

б) Отступление французов за р. Сэр 30 августа.

С раннего утра 30-го бой возобновился по всему фронту обеих армий; до 10 ч. утра немцы продвигались очень медленно, встречая везде сильное противодействие противника, но так как к этому времени французские войска уже получили приказание прекратить бой и отходить в общем направлении на Лаон, то наступление германских войск стало теперь более успешным. К 1 ч. дня гвардейский корпус, после упорного боя у Вульпэ с французским арьергардом (группы ген. Абоно), достиг Сен-Ришомона, X-й—Ландифэ, 13-я дивизия достигла района Ориньи—Ландифэ (у Куржюмеля), X-й рез. корпус перешел Уазу у Рибемона, а 14-я дивизия подошла к реке южнее этого города. 5-я франц. армия, несмотря на сильное утомление своих войск, отходила безостановочно, имея в виду быть 31 августа всеми своими силами за р. Сэром. Для прикрытия отступательного марша к этой реке, являвшегося фланговым по отношению к германским войскам, находившимся на Уазе южнее Ориньи, ген. Ланрезаку пришлось организовать два заслона: один—на высотах правого берега р. Сэра, между Ла-Фэром и Ришекуром (у Ренансара), где 18-й корпус должен был задерживать наступление против-

---

ния главной квартиры, подтверждавшего это распоряжение.

ника со стороны Рибемона и Муа, и другой—у Сен-Гобена, где обе рез. дивизии ген. Валябрега (усиленные одним пех. полком из состава 1-го корпуса) получили назначение занять переправы от Ла-Фэра до Шони и удерживать в своих руках этот участок реки, на котором англичане, при своем отступлении, не оставили ни охраны, ни наблюдения. Вскоре 18-й корпус под натиском германских войск (14-й дивизии и частью X-го рез. корпуса) отошел к Ришекуру, где смешался с войсками 3-го франц. корпуса и затруднил его дальнейшее отступление. Впрочем, эта неудача не имела никаких тяжелых последствий, тем более, что отступление прочих частей 5-й франц. армии происходило без боевых столкновений.

К вечеру 30 августа II-я герм. армия заняла следующее расположение: VII-й корпус подивизионно на обоих берегах Уазы, южнее Ориньи, X-й рез.—у Рибемона и восточнее, X-й—в южных окрестностях Ландифэ, а гвардейский—к юго-западу от Сен-Ришомона. В этот вечер ген. Бюловым было получено сообщение ген. Клука о том, что I-я армия отбросила противника за р. Авр [1]) и на следующий день, т.-е. 31 августа, будет наступать на участок Уазы от Компьена до Шони; такое направление ее движения, конечно, вполне соответствовало интересам II-й армии и могло содействовать более полному использованию германского успеха у С. Кентена.

Итак, около полудня 30 августа окончилось сражение у С. Кентен—Гиза, не давшее ни той, ни другой стороне никаких оперативных выгод для дальнейших боевых действий. В самом деле, если французам и удалось на непродолжительное время задержать наступление левого фланга II-й герм. армии, то это же замедлило и их отступление и создало для них весьма опасное в стратегическом отношении, сильно выдвинутое к северу, изолированное положение, из которого они вышли в течение последующих дней лишь ценой форсированных движений. Да и чего, вообще, ожидало французское главное командование от наступления

[1]) Здесь имеются в виду французские войска амьенской группы ген. Монури.

к С. Кентену? Конечно, если бы последнее могло быть выполнено в тот день, когда было задумано, т.-е. 27 августа, то возможно, что оно дало бы благоприятные результаты, хотя бы уже потому, что в это время могло облегчить отступление англичан и развертывание амьенской группы. Но 29-го, а тем более 30-го оно являлось и бесполезным для этих соседей, и опасным для самой 5-й франц. армии. И насколько в эти дни задуманная операция была уже нецелесообразной, ясно видно из того тяжелого положения, в котором оказалась тогда эта армия: если бы она наступала своими главными силами на С. Кентен, то была бы обойдена немцами с правого фланга; когда же она направила свой главный удар на север, то подставила германским атакам от С. Кентена не только свой левый фланг, но даже и пути своего отступления. Вообще, совершенно непонятно, зачем французское главное командование так долго удерживало армию Ланрезака на Уазе, тем более, что уже с 28 августа было очевидно, что операция развивается совсем не в том направлении, в котором она была намечена.

Что возможно сказать о действиях германцев в этом сражении? Во-первых, Бюлов придавал своему левому флангу излишне большое значение, которого в действительности он не имел и не мог иметь; он назначил сюда четыре дивизии из семи, бывших у него вечером 28-го, а когда они встретили в боях у Гиза сильное сопротивление со стороны противника, он обратился за помощью к III-й армии, повидимому, считая здесь положение своих войск очень опасным. И во-вторых, он мог бы удачнее распорядиться своей кончицей: вместо того, чтобы бросать I-й кав. корпус куда-то в пространство искать тыл английской армии, которого он так и не нашел, Бюлов мог бы использовать его для охвата левого фланга 5-й франц. армии в районе Ла-Фэра 29-го или 30 августа и этим поставить эту армию в очень трудное положение при ее отступлении за р. Сэр и далее к Лаону.

Такое движение (от Нуайона в район между Лаоном и Суассоном) было, впрочем, предписано I-му кав. корпусу 31 августа, но это был уже запоздалый маневр, тем более,

что германская радиограмма, в которой эта задача сообщена кавалерии, была перехвачена французами и Ланрезак успел сделать некоторые перемещения своих войск для противодействия этой угрозе: обе резервные дивизии ген. Валябрега перешли от С. Гобена в район к северо-западу от Анизи-ле-Шато, куда переброшена и одна африканская бригада. Кроме того, 4-й кав. дивизии, находившейся 30 августа у Шато-Порсиена, приказано через Краон перейти к Вайи (на р. Эне) для прикрытия левого фланга армии. На следующий день эти войска задержали германскую конницу и вынудили ее отойти к западу. Одновременно с этим, вся 5-я франц. армия достигла северных окрестностей Лаона (на линии Сисон—С. Гобен) [1]), откуда, все еще опасаясь быть обойденной с запада и несмотря на сильное утомление войск, выступила в ночь на 1 сентября для дальнейшего следования за р. Эн, в район восточнее Суассона; это движение прикрывалось отрядом ген. Валябрега, который должен был отходить через Анизи-ле-Шато к Конде и занять высоты южнее Эна между Суассоном и Брэном. 1 сентября все эти передвижения были успешно выполнены без боевых столкновений с противником [2]). В этот же день в район 5-й франц. армии был переброшен из Лотарингии, по распоряжению главнокомандующего, кавалерийский корпус ген. Конно, назначенный для действий на левом фланге и для поддержания связи с англичанами [3]).

Вслед за 5-й франц. армией двигалась II-я германская, озабоченная не только преследованием французских войск

---

[1]) 10-й корпус в северо-западных окрестностях Сисона, 1-й—в восточных окрестностях Лаона, 3-й (с 37-й див.)—у Лаона, 18-й (с 38-й див.)—в западных окрестностях Лаона, рез. дивизии ген. Валябрега между Анизи-ле-Шато и С. Гобеном.

[2]) 10-й корпус расположился к северо-западу от Реймса, 1-й—у Вантеле, 3-й (с 37-й див.)—у Фима, 18-й (с 38-й див.)—у Брэна, группа ген. Валябрега и 4-я кав. дивизия—между Брэном и Суассоном.

[3]) Этот корпус был только что сформирован из 8-й и 10-й кав. дивизий, выделенных из состава 1-й и 2-й франц. армий и сосредоточенных в районе Шалон—Эперне; с 3 сентября в состав корпуса включена и 4-я кав. дивизия. До 6 сентября эта конница оставалась в распоряжении главного командования.

в поле, но и овладением Ла-Фэром, который по имевшимся у немцев неправильным сведениям, будто бы изготовился к обороне.

Директивой германской главной квартиры от 30 августа из Люксембурга (куда главная квартира перешла в этот день из Кобленца) общее направление дальнейшего движения II-й армии было указано, вместо прежнего юго-западного, южное (левым флангом на Реймс), что являлось, впрочем, естественным после того, как движение I-й армии на фронт Компьен—Шони было одобрено главным командованием [1]).

Весь день 31 августа и часть дня 1 сентября два правофланговые корпуса II-й герм. армии (VII-й и X-й резервный) провели в подготовке атаки, покинутого противником, Ла-Фэра: устанавливалась тяжелая артиллерия, производилась артиллерийская и инженерная разведка неприятельских укреплений и даже соседним корпусам I-й армии было предложено принять участие в бомбардировке. И только около полудня 1 сентября немцы стали убеждаться в том, что Ла-Фэр брошен противником и может быть занят без выстрела! Вследствие этого недоразумения, было потеряно полтора дня, в течение которых французы имели возможность отвести свои войска на значительное расстояние к югу и благополучно выйти из того тяжелого положения, в которое они были поставлены своим продолжительным пребыванием на верхней Уазе. Странное недоразумение с атакой Ла-Фэра не могло бы, конечно, произойти, если бы конница II-й герм. армии, вместо того, чтобы устремляться в сомнительные набеги в тыл неприятельских армий, то к западу, то к востоку от Уазы, пошла бы к Ла-Фэру и разведала здесь силы и расположение противника. Левый фланг II-й армии в этот день достиг р. Сэра: X-й корпус—у Креси, а гвардейский—у Марля.

С целью наверстать время, потерянное под Ла-Фэром, ген. Бюлов приказал всем корпусам в тот же день продол-

---

[1]) Об этом будет изложено при описании боевых действий I-й герм. армии на р.р. Сомме и Авре.

жать наступление и к вечеру дойти: VII-му корпусу — до северо-западных окрестностей Анизи-ле-Шато, X-му рез.— до Крепи, X-му — до северо-восточных окрестностей Лаона, гвардейскому — до Шивра, а I-му кавалерийскому приказано идти от Суассона на фронт Шато-Тьери—Реймс. Огонь по Лаону войска должны были открыть в тот же вечер. Несмотря на то, что германские корпуса выполнили указанные им передвижения, соприкосновение с противником, утраченное у Ла-Фэра, не было восстановлено, тем более что укрепления Лаона были покинуты французами [1]).

Отступление английской армии и преследование ее I-й германской.

Мы оставили английскую и I-ю герм. армии в то время, когда первая из них начала утром 25 августа отступление с линии Мобеж—Бавэ—Жанлен, а вторая, имея свои четыре перволинейные корпуса южнее канала Конде, устремилась, с фронта Кюеврен—Живри, преследовать разбитого противника. Движение англичан в этот день происходило таким образом: 1-й корпус отходил от Мобежа по правому берегу р. Самбры и, нетревожимый немцами, к вечеру расположился с 5-й кав. бригадой в районе Ландреси—Марбэ—Ольнуа; 2-й корпус (с двумя кав. бригадами) шел от Бавэ на Ле-Кенуа и Солем к Ле-Като; остальная конница с 19-й пех. бригадой прикрывала левый фланг английской армии. У Солема арьергард 2-го корпуса (7-я пех. и две кав. бригады) имел горячий бой с германской конницей и передовыми частями IV-го герм. корпуса, но к вечеру благополучно отошел к главным силам, расположившимся вдоль дороги ЛеКато—Камбрэ. В этом бою приняла участие также и вновь прибывшая из Англии 4-я англ. дивизия, подвезенная 23 августа из Гавра в окрестности Ле-Като и выдвинутая к Солему для поддержки 2-го корпуса. К ночи с 25-го на 26 августа оба английские корпуса ока-

[1]) На переходе этого дня, по требованию главного командования, X-й и гвард. корпуса были направлены к юго-востоку, на поддержку III-й армии, которая в это время вела бои на р. Эне, у Ретеля; но так как вскоре оказалось, что эта помощь не нужна, то корпуса вернулись на свои прежние направления.

зывались разобщенными друг от друга р. Самброй и обширным лесом Мормаль, заполняющим все пространство между Бавэ и Ландреси вдоль левого берега реки, а потому, в случае атаки противником одного из этих корпусов, другой не имел бы возможности своевременно поддержать его. Это невыгодное обстоятельство предполагалось устранить перемещением еще ночью 1-го корпуса на левый берег, в южные окрестности Ле-Като, в виду принятого фельдм. Френчем решения не задерживаться в этом расположении и продолжать отступление к С. Кентену и Нуайону. Но быстрое наступление немцев, атаковавших 1-й англ. корпус еще в тот же день, расстроили эти предположения.

Армия ген. Клука энергично преследовала англичан: II-й кав. корпус атаковал и опрокинул у Денена и Бушена части 84-й франц. территориальной дивизии и продвинулся до Сольцуара; следовавший же за ним II-й корпус достиг к вечеру Бушена. Остальные корпуса армии дошли в этот день до следующих пунктов: IV-й — до Солема (имея по пути авангардный бой с частями 2-го англ. корпуса); III-й — до района Ольнуа—Ландреси, IX-й—до юго-восточных окрестностей Бавэ и IV-й рез.—до Валансьена.

Бой у Ландреси 25 августа.

Небольшие части III-го герм. корпуса в 9-м ч. вечера атаковали у Ландреси одну из бригад 2-й англ. дивизии и хотя англичане успешно отразили эту атаку, но этот бой на всю ночь задержал здесь 1-й корпус и не дал ему возможности выполнить предположенную переправу на левый берег; на рассвете 26 августа, в виду близости крупных сил противника на обоих берегах реки, обе дивизии этого корпуса были вынуждены отходить далее к югу по правому берегу, не успевши войти в связь с частями 2-го корпуса, стоявшего у Ле-Като. Между тем, положение этого последнего еще с вечера 25-го оказалось очень тяжелым; здесь, на фронте Ле-Като—Серанвилер, против трех дивизий и четырех кав. бригад англичан наступали крупные силы германцев, состоявшие из IV-го, IV-го рез. и II-го кав. корпусов, и, кроме того, II-й герм. корпус шел от Денена на Камбрэ, в обход левого английского фланга.

В виду столь опасного положения этих войск, фельдм. Френч еще днем приказал командиру 2-го англ. корпуса начать отступление возможно скорее, предупредивши его, что на поддержку частей 1-го корпуса расчитывать невозможно; тем не менее, ген. Смит-Дорьен считал нежелательным отходить ночью, в виду сильного утомления людей, и предполагал начать движение утром. Эта задержка привела его корпус к очень тяжелому бою с превосходными силами германцев.

Сражение у Ле-Като 26 августа.

К утру 26 августа союзные войска занимали следующее расположение между Камбрэ и Ле-Като: 84-я франц. территор. дивизия, усиленная бригадой 62-й франц. рез. дивизии, подошедшей сюда из Арраса,—у Камбрэ и восточнее [1]); 4-я англ. дивизия в восточных окрестностях Серанвилера, 3-я—у Кодри, а 5-я — в западных окрестностях Ле-Като, имея на своем правом фланге, у Єен-Супле, две англ. кав. бригады; другие две кав. бригады с 19-й пех. бригадой—в юго-западных окрестностях Ле-Като, в качестве общего резерва. Английские войска стояли в окопах, наскоро вырытых в течение ночи при содействии местных жителей. Бой начался с утра, но до полудня имел преимущественно артиллерийский характер; германская артиллерия, значительно превосходившая английскую и числом орудий, и могуществом своих калибров, почти совсем подавила огонь английских батарей, почему пехотные атаки, начатые германцами после полудня, были сильно облегчены и приводили к решительным результатам. II-й корпус атаковал французов у Камбрэ и отбросил их к юго-западу, в то же время охвативши левый фланг 4-й англ. дивизии; вскоре, подошедший сюда от Гонелье, франц. кав. корпус ген. Сорде задержал на некоторое время

[1]) Остальные части 62-й рез. дивизии находились еще у Арраса, 61-я рез. дивизия—в районе Дуэ, а три территор. дивизии (81-я, 82-я и 88-я), попрежнему, стояли кордоном до морского побережья. Все эти войска, составлявшие группу ген. д'Амада, должны были постепенно отходить к нижней Сомме.

продвижение немцев у Кревекера [1]). Одновременно с этим, между Серанвилером и Ле-Като англичан атаковали четыре пех. и три кав. дивизии германцев (IV-й и IV-й рез. и II-й кав. корпуса); отступление же 1-го англ. корпуса на правом берегу Самбры дало возможность III-му корпусу выйти от Ландреси во фланг 5-й англ. дивизии, оказавшейся, вследствие этого, в очень опасном положении. В виду этого, в 3 ч. дня ген. Смит-Дорьен приказал начать общее отступление; 4-я и 3-я дивизии, поддержанные слева французской конницей Сорде, начали отходить в порядке, но 5-я дивизия, сильно теснимая немцами и уже обойденная ими с правого фланга, отходила в большом беспорядке. К счастью для англичан, немцы не вели в этот день энергичного преследования, и английским дивизиям удалось вскоре, свернувшись в походные колонны, отходить сравнительно спокойно. К ночи на 27 августа 2-й корпус, с 4-й дивизией, 19-й пех. бригадой и кав. дивизией, достиг района Эстрэ—Ле-Катле, а 1-й корпус с 5-й кав. бригадой — окрестностей Васиньи; к тому же времени конница Сорде отошла в северо-восточные окрестности Перона (к Лонгавену), а французские территор. и рез. части, отброшенные от Камбрэ, собрались к Бапому. Немцы остановились в этот день у Кревекера (II-й и II-й кав. корпуса на левом берегу, а IV-й рез. на правом), у Кодри (IV-й корпус) и в западных окрестностях Сен-Супле (III-й корпус); IX-й корпус оставался еще у Ландреси.

Бои у Ландреси и Ле-Като 25—26 августа были вторым крупным боевым столкновением, в котором английская армия вновь понесла тяжелое поражение. И в стратегическом, и в тактическом отношении войска фельдм. Френча потерпели полную неудачу и были вынуждены к поспешному отступлению, чтобы выйти из того опасного положения, которое каждый день угрожало им то обходом одного из флангов, то отдельным поражением одного из корпусов, то окружением всей армии. И если бы англичане задержались в районе

[1]) Конница Сорде, обойдя Мобеж с юга на Бофор и следуя на Ландреси и Ле-Като, к 26 августа достигла Гонелье на левом берегу Шельды; в это время она перешла в непосредственное подчинение главному командованию.

Ле-Като—Ландреси еще на один день, что представлялось в тактическом отношении вполне возможным, то они были бы охвачены немцами с обоих флангов и едва ли избегли бы катастрофы. На это сильно расчитывало германское командование, широко раздвинувшее еще издалека, с линии Денен—Бавэ, клещи своей I-й армии, которые должны были зажать противника у Ле-Като вечером 26-го или на следующий день, если бы он продолжал оказывать здесь сопротивление; и, конечно, неуместное решение командира 2-го англ. корпуса, ген. Смит-Дорьена, задержать отступление своих войск до утра 26-го, шло на встречу смелым замыслам ген. Клука.

Характерной особенностью действий англичан в сражении у Ле-Като—Ландреси, подобно тому, как и в сражении у Монса, является неиспользование для боя значительной части сил, несмотря на полную возможность ввести их своевременно в дело. Попрежнему, вся тяжесть боев легла на войска 2-го корпуса, а 1-й лишь некоторыми своими частями принял участие в мелких столкновениях с противником. Вообще, никакого общего руководства боевыми действиями со стороны армейского командования не было, а потому не существовало никакой согласованности в движениях и действиях корпусов, сохранявших излишнюю самостоятельность, и не оказывавших друг другу поддержки; насколько 2-й корпус преувеличивал значение тактических факторов в ущерб стратегическим и, вследствие этого, затягивал бои и ставил себя не раз в катастрофическое положение, настолько 1-й находился всецело под гнетущим впечатлением опасной стратегической обстановки, постоянно уклоняясь от боя и сильно ухудшая этим положение своих соседей. Возможно ли было при таких условиях благополучно провести какую-либо операцию? И мог ли получиться от этих боевых действий какой-нибудь другой результат, более благоприятный для английской армии? Во всем этом резко обнаруживалась слабая подготовка английского командования к ведению боевых операций широкого масштаба, его неумение управлять крупными массами и согласованно направлять их усилия к достижению важных и решительных целей. Из не-

дочетов в тактической подготовке английских войск необходимо отметить плохую организацию службы связи, вследствие которой, при каждом отходе корпусов и дивизий, несколько мелких тактических соединений (до батальона с артиллерией включительно), не получая никаких приказаний, или получая их слишком поздно, оставались на месте и становились легким трофеем германцев.

При таких недостатках в боевой подготовке противника, задача германцев, естественно, облегчалась; не встречая на пути своем значительных затруднений, они быстро продвигались вслед за англичанами, энергично атаковали их, охватывали их фланги и беспрерывно пользовались успехом. Однако, нельзя не отметить, что немцы, несмотря на свое численное превосходство и на выгоды своего охватывающего положения, все же далеко не использовали той благоприятной обстановки, в которой им довелось вести это преследование. Постоянная несогласованность действий английских корпусов, отсутствие между ними связи и их разобщенность (то естественными преградами, то большими расстояниями) давали немцам возможность, при большей осведомленности о противнике, добиться весьма решительного результата. Ген. Клук надеялся достигнуть такового 27 августа, если англичане в этот день будут стоять на месте... Напрасная мечта! Фельдм. Френч был достаточно проникнут решением увести поскорее остатки своих войск из под ударов победоносного врага. А ведь I-я армия могла бы нанести свой решительный удар еще накануне!

Во всяком случае, англичанам удалось вырваться у Ле-Като из германских тисков и продолжать свое отступление к югу; одновременно с ними, но западнее, отходили к нижней Сомме французские войска ген. д'Амада. 26 августа германская конница беспрепятственно вступила в Лилль, оказавшийся покинутым французами [1]).

---

[1]) Вопрос об оставлении Лилля имеет свою историю и заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. Постройка в Лилле крепости предусматривалась общим планом укрепления восточной и сев.-восточной границы Франции, составленном ген. Серэ-де-Риввером но, за недостатком средств, была выполнена лишь отчасти. Лилль

Отступление английской армии за р. Уазу с 27 августа по 1 сентября.

Покинувши поле сражения у Ле-Като, английская армия, в сущности, покончила с отступательными боями, так как на всем пути своего дальнейшего движения к Марне, она уже не вела боев, за исключением нескольких мелких арьергардных дел с неприятельской конницей. Этой возможности оторваться от противника способствовала остановка 5-й франц. армии на верхней Уазе и наступление амьенской группы ген. Монури, отвлекавшие германцев от преследования английских войск. 27 августа 1-й англ. корпус с одной кав. бригадой, после арьергардного боя в восточных окрестностях Васиньи с передовыми частями VII-го герм. корпуса (II-й армии), отошел к Монд'Ориньи (на Уазе), 2-й корпус с 4-й дивизией и одной кав. бригадой—к Гаму (на Сомме), а остальная конница—в южные окрестности С. Кентена. На следующий день 1-й корпус достиг С. Гобена, 2 й—левого берега Уазы против Нуайона, а 3-й—Нуайона,[1]) причем в этот день две кав. бригады, высланные от 1-го и 2-го корпусов на правый берег Уазы, в окрестности Муа, для установления связи между корпусами, имели к юго-востоку от Сен-Кентена удачное столкновение с германской гвард. кав. дивизией (I-го кав. корпуса).

считался крепостью второстепенного значения. За несколько лет до мировой войны представителями крупной французской промышленности, заинтересованными в работе лиллъских фабрик, начались хлопоты в парламенте и в министерствах об упразднении крепости в Лилле, с целью предотвратить разрушение фабрик от неприятельской бомбардировки. Эти хлопоты увенчались успехом, и 7 ноября 1911 года состоялось распоряжение военного министра Месими об упразднении крепостной ограды и фортов, вопреки мнению многих военных специалистов. К началу мировой войны эти меры еще не были полностью проведены и в августе 1914 года Лилль признавался крепостью еще вполне годной для обороны. С прибытием в ее район территориальных войск ген. д'Амада, явилась мысль использовать укрепления Лилля, в виду чего с 21 августа они начали восстанавливаться и снабжаться гарнизоном, доведенным до 18.000 чел. Между тем, лиллъские фабриканты возобновили свои хлопоты, и 24 августа комендант Лилля, ген. Эрман, получил приказ французского главного командования „считать Лилль открытым городом и вывести войска из всех его укреплений".

[1]) 3-й корпус был сформирован из 4-й дивизии и 19-пех. бригады.

29-го все английские войска оставались на месте для отдыха и приведения себя в порядок.

В этот день в Компьене состоялось совещание ген. Жоффра с фельдм. Френчем и командирами английских корпусов. Оно имело целью выяснить состояние и настроение английской армии и наметить ее дальнейшие действия. Французский главнокомандующий высказал пожелание, чтобы английские войска остановились на Уазе, между Ла-Фэром и Компьеном, что дало бы возможность упрочить положение левого фланга союзников и могло бы ускорить переход в наступление; но Френч решительно не признавал это возможным по состоянию своих войск, обещая лишь несколько замедлить свое отступление, чтобы служить связующим звеном между 5-й и 6-й франц. армиями. Английские начальники, повидимому, были очень подавлены боевыми неудачами своих войск и некоторые даже высказывали мнение о необходимости отойти к Гавру, с целью получить пополнения и устроиться, и уже после этого начать новую операцию. В результате совещания было решено, что английская армия будет продолжать свое отступление в общем направлении к Парижу. Вследствие этого, в последующие дни 1-й корпус с двумя кав. бригадами отходил на Сен-Гобен, Суасон и Виллер-Котрэ, достигнув к вечеру 1 сентября р. Урка, в районе Марей; по пути, у Виллер-Котрэ, 2-я дивизия имела в этот день арьергардное дело с конницей II-й герм. армии, наступавшей от Суасона. В то же время 2-й корпус с одной кав. бригадой шел на Вик (на р. Эне), Виллер-Котрэ и Бетц, а 3-й, с двумя кав. бригадами, на Атиши, Вербери и Нантейль; причем 1 сентября, у Вербери и Нэри, арьергард последнего, поддержанный французской конницей со стороны Пон-Сент-Максанса, был атакован передовыми частями II-го герм. корпуса и 4-й герм. кав. дивизией (II-го кав. корпуса), подошедшей от Атиши; после непродолжительного боя, немцы были отброшены англичанами с большими потерями.

Между тем, решительный отказ Френча остановиться в своем отступательном движении сильно обеспокоил фран-

цузское главное командование, решившее обратиться к президенту республики с просьбой повлиять на англичан с целью побудить их к более активным действиям. Результатом этого был приезд во Францию английского военного министра лорда Китченера, которому британское правительство поручило убедиться в действительном состоянии английской армии и побудить фельдм. Френча к более согласованному с союзниками ведению операций. На совещании, состоявшемся 1 сентября в Париже и сопровождавшемся некоторыми трениями между Китченером и Френчем, инцидент этот был улажен, но так как на следующий день, новой директивой ген. Жорфра, общее отступление союзных армий было продолжено далее к югу, то и английской армии приходилось продолжать свой отход.

С отступлением англичан от бельгийской границы, после сражения у Монса, возник вопрос об опасности, угрожавшей их сообщениям с морским побережьем. Занятие немцами Арраса и Амьена перехватывало прямой железнодорожный путь от Парижа к Кале и Булони, где производилась высадка войск и выгрузка различных запасов, почему англичанам пришлось, за несколько дней до захвата противником этих пунктов, продвинуть к югу все поезда с войсками и грузами, находившимися, как в вышеупомянутых портах, так и в пути к войскам. А с занятием немцами Амьена, англичане покинули Булонь и перенесли свою базу к устью р. Луары, в Сент-Назер, устроивши промежуточную в Ле-Мансе.

Сосредоточение в районе Амьена новой французской армии.

Я уже упоминал выше, что директивой ген. Жоффра от 25 августа предусматривалось образование на левом фланге союзников, в районе Амьена, новой армейской группы, с целью произвести в ближайшие дни, совместно с другими войсками левофланговых армий, наступательный маневр против правого фланга германцев. С 27 августа эта новая группа французских войск, во главе которой был поставлен ген. Монури, прибывший в этот день из Вердена в Мондидье, действительно начала собираться между этим

городом и р. Соммой [1]). Сюда подвозились с юга: 7-й корпус из под Бельфора [2]), марокккская бригада из шалонского лагеря и 55-я и 56-я рез. дивизии ген. Ламаза из верденского укрепленного района; с севера к этим войскам должны были присоединиться 61-я и 62-я рез. дивизии ген. Эбенера и кавалерийский корпус ген. Сорде, отходивший на левом фланге английской армии. В состав этой новой армейской группы были предназначены еще 4-й корпус (из 3-й армии) и 45-я (алжирская) дивизия, но они опоздали к соммским боям и присоединились к прочим войскам уже под Парижем.

Фланговый маневр, в котором приняла участие армия ген. Монури, должен был выполняться соединенными усилиями левофланговых армий; между тем, уже с 27 августа было ясно, что английская армия не будет в состоянии участвовать в этой операции; в результате же ее быстрого отхода к р. Уазе образовался разрыв между 5-й франц. армией и войсками Монури, собиравшимися к северу от Мондидье. Этот разрыв, находившийся между Соммой и Уазой, на важном операционном направлении на Сен-Кентен и Ла-Фэр, ставил в опасное положение обе разобщенные группы французских войск и возбуждал сомнение в выполнимости при этих условиях намеченного маневра. Отчасти для устранения этого неблагоприятного обстоятельства и было решено ген. Жоффром наступление 5-й франц. армии к Сен-Кентену, которое, как мы знаем, не было выполнено, почему войскам ген. Монури и армии ген. Ланрезака пришлось в эти дни действовать независимо друг от друга, без всякой связи между собою. Это создавало, конечно, весьма тяжелое положение для новой армии в амьенском районе и требовало от нее значительных усилий и жертв при попытке выполнить возложенную на нее наступательную задачу.

---

[1]) Сначала она была названа соммской армией, после отхода к Парижу—парижской и, наконец, когда вошла в общую линию на Марне, стала называться 6-й.

[2]) 41-я дивизия этого корпуса, оставшаяся в Эльзасе, была заменена 63-й рез. дивизией из 1-й армии.

Последняя оказалась тем более трудной, что из тех войск, которые должны были подойти к ген. Монури с севера (две рез. дивизии и конница ген. Сорде) одни, под давлением противника, отошли в нежелательном направлении, а другие прибыли в состоянии весьма слабой боеспособности. 27 августа обе рез. дивизии ген. Эбенера (61-я и 62-я) перешли из Арраса к Бапому и расположились на линии Бертэнкур—Беньятр, где в тот же день вели бои с германской конницей ген. Марвица. Несколько южнее, в районе Мананкура и Вилер-Фокона, с этой же конницей и пехотой II-го герм. корпуса сражался франц. кав. корпус ген. Сорде, находившийся с вечера 26-го в северо-восточных окрестностях Перона. Французская конница, не будучи в силах задержать натиск противника, в тот же день отошла за Сомму, удерживая переправы у Брэ и сохраняя связь своим правым флангом (5-й дивизией) с английской армией у Гама. На следующий день рез. дивизии отходили к Перону, но на пути, у Ранкура, были внезапно атакованы во фланг противником (частями II-го кав. и II-го корпусов), наступавшими с востока, и, после непродолжительного боя, понеся огромные потери и оставивши в руках немцев всю свою артиллерию, были отброшены к Комблю; отсюда 61-я рез. дивизия отошла к Амьену, а 62-я—на Бапом и к Сен-Полю. В последующие дни, уже не пытаясь больше присоединиться к французским войскам, подвозимым с юга, обе дивизии кружными путями отошли к Понтуазу (в устьи Уазы). Конница же Сорде, после небольших столкновений с германскими передовыми частями на Сомме, между Брэ и Пероном, перешла 28 августа к Руа, где и вошла в состав новой французской армии. Прибытие этого кав. корпуса усилило последнюю лишь в незначительной степени, потому что его конский состав оказался столь изнуренным, что из трех кав. дивизий возможно было образовать только одну слабую сводную дивизию, пригодную для боевых действий; ей было поручено наблюдать фронт от Нэля до Розьера и поддерживать связь в сторону Морей с 7-м корпусом и в сторону Руа с рез. дивизиями ген. Ламаза.

Посмотрим, как собирались и как действовали французские войска, прибывшие с юга в район Амьена и Мондидье.

Первоначальный план ген. Монури предусматривал наступление севернее Соммы, но так как с 28 августа Перон уже был занят противником, то переход французских войск на правый берег реки представлялся теперь невозможным. Вообще же, сведения о силах и группировке германских войск, которыми обладали французы, были и недостаточны, и неясны: Монури предполагал, что немцы хотят обойти его левый фланг, тогда как в действительности главный удар I-й герм. армии был направлен в район Перона.

Утром 28 августа у Вилер-Бретонэ окончила высадку из поездов 14-я дивизия (7-го корпуса) и расположилась к востоку от этого пункта. Высадка и сосредоточение производились под прикрытием частей марокккской бригады, еще накануне доставленной к Перону.

Дивизия получила приказ продвинуться на следующий день к Пруаяру, где и быть готовой, вместе с марокккской бригадой, наступать к северу или к востоку. У Мондидье высаживалась другая дивизия 7-го корпуса (63-я рез.) и обе рез. дивизии ген. Ламаза.

В это время I-я герм. армия быстро надвигалась своими крупными и сосредоточенными силами на слабые и разрозненные части французских войск, собиравшиеся на левом берегу р. Соммы. Вынудивши английскую армию покинуть поле сражения у Ле-Като—Ландреси, I-я герм. армия устремилась к югу вслед за отступавшим противником. В течение 27 августа II-й корпус, имея впереди и справа от себя конницу ген. Марвица, наступал к Мананкуру, в окрестностях которого оттеснил французскую конницу и французские рез. дивизии; левее его наступал IV-й рез. корпус, достигший в этот день Вилер-Фокона; IV-й корпус шел на Ле-Катле и к вечеру расположился в западных окрестностях этого города; III-й достиг к вечеру Эстрэ; IX-й же дошел лишь до Сен-Супле.

I-я герм. армия на р. Сомме 28—29 августа.

На следующий день, 28-го, войска ген. Клука должны были форсировать р. Сомму на участке от Корби до Сен-Криста, по обширной дуге, охватывая с обоих флангов противника, находившегося на левом берегу. Но боевые столкновения с французами, которые произошли 28 августа на правом берегу Соммы, задержали правый фланг германцев, почему в этот день в их руках оказался лишь участок реки от Фейера до Сен-Криста [1]); правый фланг армии (конница, II-й и IV-й рез. корпуса) находился в районе Комбля, а левый (IX-й корпус)—у Вермана.

В это время обстановка представлялась ген. Клуку весьма удобной для того, чтобы отбросить к юго-востоку левофланговую группу союзников, отходившую перед I-й и II-й герм. армиями и отрезать ее от путей на Париж, для чего дальнейшее наступление I-й армии следовало направить на юг и даже на юго-восток. В виду этого, Клук предложил Бюлову совместное движение к Уазе, I-й армии на участок Компьен—Нуайон, а II-й—на Ла-Фэр и Шони. Однако, полученная в этот день директива германской главной квартиры, в которой I-й армии указано наступать к юго-западу, к нижней Сене, нарушила эти предположения [2]). Клуку пришлось продолжать движение в прежнем направлении.

Бой у Пруаяра 29 августа.

С утра 29 августа корпуса I-й армии переправились через Сомму на всем протяжении ее излучины между Брэ и Сен-Кристом и повели наступление на фронт Вилер-Бретонэ—Нэль; при этом IV-й рез. корпус, оставленный на правом берегу у Комбля, прикрывал правый фланг армии со стороны Амьена и Арраса. Сведения, имевшиеся в этот день в штабе армии о силах и группировке французов на левом берегу Соммы, были достаточно полны, но разбросанное расположение этих войск и появление их то в одном, то в другом месте, при

---

[1]) Здесь наступали IV-й и III-й герм. корпуса.

[2]) Эта директива приведена на стр. 411—412.

отсутствии какой-либо согласованности в действиях, конечно, не могли внушить германскому командованию мысли о нахождении против правого фланга I-й армии новой организованной группы неприятельских войск, имевшей определенную оперативную задачу; повидимому, ген. Клук предполагал, что его войска имеют дело лишь с отступающими территориальными дивизиями ген. д'Амада и французскими частями, поддерживающими англичан[2]). Такое неправильное представление о противнике благоприятствовало желанию Клука изменить направление своей армии с юго-западного на южное или юго-восточное, и, как увидим, вскоре и привело к этой перемене, повлекшей за собой в ближайшие дни весьма важные оперативные последствия. Но пока необходимо было разбить противника, еще стоявшего по ту сторону Соммы. Это и было выполнено немцами 29 августа в бою у Пруаяра, где II-й герм. корпус, перейдя реку у Брэ, атаковал 14-ю дивизию и марокккскую бригаду французов и, после упорного боя, отбросил их к югу; в тот же день разбитые французские части отошли в северные окрестности Мондидье. В то же время у этого города и южнее уже были высажены три французские рез. дивизии, из коих одна (55-я) даже была выдвинута к Руа, но здесь встречена передовыми частями III-го герм. корпуса и отброшена к югу. Французская сводная кав. дивизия, потесненная на своих флангах, у Розьера и Нэля, частями германской конницы и пехотой IV-го и III-го герм. корпусов, отошла к западу от Руа; остатки территориальных дивизий ген. д'Амада собрались у Амьена. Было ясно, что не введенные еще французами в бой две рез. дивизии не в состоянии изменить создавшегося положения, а потому ген. Монури, по получении сведения об отходе англичан за Уазу, утром 30 августа приказал начать общее отступление к Клермону.

---

[2]) На это имеются косвенные указания в книге ген. Клука (Der Marsch auf Paris), где автор постоянно называет войсками д'Амада французские части, находившиеся в то время на левом берегу Соммы. Так же называет их и Позек в своей книге Die deutsche Kavallerie in Belgien und Frankreich 1914.

Таким образом, попытка французского главного командования произвести соединенными силами своих левофланговых армий наступление против правого неприятельского крыла окончилась неудачей. Раньше всего выпала из этой ударной группы английская армия, затем 5-я французская оказалась не в силах выполнить наступление к Сен-Кентену и, наконец, под первыми же ударами сравнительно небольших сил противника, рассыпалась и новая армия. Вместо тяжелого молота, в виде крупной массы согласованно действующих войск, который должен был неожиданно обрушиться на I-ю и II-ю герм. армии, на берегах р. Соммы оказался слабый французский отряд, малопригодный для наступательных действий. Армия Монури обладала многими свойствами, предрасполагавшими ее к поражению, и ни одним, которое обещало бы ей победу; составленная из войск, привезенных с различных участков фронта и спешно высаженных из поездов почти на глазах у противника, имевшая огромный процент второочередных и, вообще, слабых в боевом отношении частей, лишенных прочной между собою связи, а, следовательно, и надлежащего оперативного руководства, эта армия должна была потерпеть неудачу и присоединиться к общему отступлению союзников [1]).

Возможно ли за все эти недочеты в организации соммского маневра обвинять кого-либо из высших французских начальников? Я думаю, что едва ли. Ведь этот маневр подготовлялся и выполнялся на ходу, в движении, навстречу непреодолимому еще в то время напору победоносных германских армий, а новая французская армия сосредоточивалась и развертывалась под грохот неприятельской канонады, в дыму и огне арьергардных боев. И была ли в этих условиях какая-нибудь возможность остановиться, устраиваться, поджидать благоприятного момента, не рискуя бесполезно потерять время и быть обойденным, окруженным, а следовательно и уничтоженным быстро наступавшим противником? Однако, замысел Жоффра, блестящий по той опе-

[1]) В числе 6½ пех. дивизий этой армии было 5 резервных; из трех кав. дивизий только одна годилась для боевых действий.

ративной форме, в которую он облекался, и смелый по тому духу дерзания, которому он был обязан своим возникновением, оказался несвоевременным; для осуществления его в руках французского полководца еще не было необходимых материальных средств, не было потребной для этого живой силы. В эти тяжелые для союзников дни он не раз посещал штабы левофланговых армий, подолгу оставался в них, собирал совещания из старших начальников, как бы желая вдохнуть в эти войска и в этих вождей энергию для наступательных действий, зажечь в них веру в возможность успеха и своей волей и упрямой настойчивостью преодолеть отступательную инерцию этих масс. Но достигнуть этого оказалось еще невозможным. И Жоффру пришлось согласиться на отступление войск ген. Монури, как накануне пришлось одобрить отход армии ген. Ланрезака...

Отступление войск ген. Монури к Клермону.

Французские войска, расстроенные неудачными боями у Комбля, Пруаяра и Руа, потянулись по дорогам к Клермону; их отступление прикрывала сводная кав. дивизия, отходившая из западных окрестностей Руа на Эстрэ-Сен-Дени с небольшими арьергардными боями. Территориальные дивизии ген. д'Амада, в виду их полной небоеспособности, были направлены 30 августа к Руану. На следующий день, 31-го, главные силы армии Монури расположились у Клермона, правым флангом до Саси-ле-Гран; марокккская бригада стала в тылу у Крей, главные силы конницы Сорде—у Бовэ, а сводная кав. дивизия—у Пон-Сент-Максанса, прикрывая правый фланг всего расположения. Здесь эта последняя 1 сентября приняла участие, совместно с арьергардом 3-го английского корпуса, в арьергардном бою у Вербери с войсками II-го герм. корпуса. Так как в этот день английская армия отошла к югу, на линию Нантейль—Бетц, то правый фланг Монури оказался открытым, иочему 56-я рез. дивизия и марокккская бригада были передвинуты к Сенли, а 55-я рез. дивизия поставлена между Клермоном и р. Уазой. Эти меры представлялись, впрочем, недостаточными для обеспечения безопасности, расположенных в районе Клермона, французских

войск, потому что были получены сведения о наступлении крупных сил неприятеля со стороны Компьена; это побудило ген. Монури продолжать на следующий день отступление к югу, прикрываясь частями, находившимися у Сенли; конница Сорде оставалась у Бовэ.

Изменение I-й германской армией направления своего движения.

Командующий I-й герм. армией, еще не зная 30 августа об отступлении французов, решил охватить их с обоих флангов, для чего IV-й рез. корпус был направлен к Амьену, а 18-я дивизия (IX-го корпуса) с конницей ген. Марвица—к Руа [1]).

Но так как в течение дня выяснилось, что противник не задерживается на р. Авре, и что из Амьена французские войска ушли под натиском IV-го рез. корпуса, то движение за р. Авр представлялось как бы излишним, тем более, что слева II-я армия все еще не могла преодолеть сопротивления неприятельских войск, находившихся между Сен-Кентеном и Гизом. Это привело Клука к решению, с целью облегчить положение Бюлова, изменить направление движения своей армии с юго-западного на южное, для чего около полудня 30 августа было приказано: IV-му рез. корпусу—прикрывать правый фланг армии в районе Амьена, II-му—идти на Морей, IV-му—левее, между Морей и Руа, III-му—на Руа, а 18-й дивизии с конницей ген. Марвица—на Нуайон. В 7-м ч. вечера Клук получил из II-й армии просьбу оказать ей содействие в использовании достигнутого успеха движением через Шони на линию Ла-Фэр—Лаон. Эта просьба Бюлова укрепила в командующем I-й армией уверенность в целесообразности принятого им решения, почему в тот же вечер он послал в главную квартиру донесение о том, что на следующий день, с целью использовать успехи II-й армии, он наступает к р. Уазе на линию Компьен—Нуайон. Утром 31 августа он получил ответ, что „предположенное движе-

---

[1]) Конница была направлена к Руа от Фейера, где она переправилась через Сомму; другая (17-я) дивизия IX-го корпуса шла на Сен-Кентен на поддержку II-й герм. армии.

ние I-й армии соответствует видам главного командования".

Итак, вместо стремления к широкому обходу левого неприятельского фланга, которое до тех пор составляло характерную особенность марша-маневра I-й герм. армии, мы видим теперь со стороны ген. Клука настойчивое желание, в связи со II-й армией, теснить противника к юго-востоку. Еще так недавно, в дни, предшествовавшие пограничному сражению и во время этого сражения, мы видели, как стремился Клук к свободному и широкому маневру против левого крыла союзников и как негодовал он на Бюлова, который лишал его конницы и вынуждал жаться к правому флангу II-й армии, ограничивая район его действий и с'уживая его оперативные задачи. А уже с 28 августа, охваченный желанием поскорее покончить с противником, непосредственно находившимся перед его армией, он задумывает поворот к юго-востоку; директива главного командования, указавшая ему путь к нижней Сене, временно удерживает его от этого движения. Но спустя два дня, поражение французских войск на Сомме и отступление их к югу, а также призыв ген. Бюлова к содействию его армии, окончательно склоняют Клука к решению пренебречь разбитыми на Сомме неприятельскими войсками, силу и значение которых он в то время совершенно не уяснял себе, и броситься на противника, находившегося на Уазе, где он предполагал левый фланг союзников. Решение неправильное, решение, ставшее роковым для дальнейших операций германских армий! И германское главное командование, с такой готовностью давшее свое согласие на этот ложный шаг, приняло на себя и всю ответственность за его последствия. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что с утра 31 августа, не только командующий I-й герм. армией, но и само германское главное командование уделяло мало внимания району от Мондидье до Сены, как бы не допуская, что там могли в те дни находиться какие-нибудь организованные силы противника, пригодные для активных действий. Это, конечно, должно удивлять каждого, изучающего эти события, в виду того, что вблизи этого пренебреженного немцами района находится столица Франции, первоклассная обшир-

ная крепость, которая, естественно, должна была привлекать к себе крупные силы французов.

31 августа корпуса I-й герм. армии, продолжая свое движение к югу, достигли: IV-й резервный—Эйи, II-й—Меньеле, IV-й—Ресона, II-й кав.—Атиши, III й—Вика и 18-я дивизия—северо-западных окрестностей Суассона; 17-я дивизия еще оставалась у Гама. Вследствие произведенного армией поворота к югу и частью к юго-востоку, фронт ее принял уступное расположение: передовой уступ левого фланга (3 пех. и 3 кав. дивизии) находился на Эне, средний уступ (4 пех. дивизии)—немного южнее Мондидье и, наконец, задний уступ правого фланга ($1^1/_2$ пех. дивизии)—на полпути между Амьеном и Мондидье. У Суассона в это время находилась армейская конница II-й армии.

Клук все еще не терял надежды настигнуть английскую армию, почему приказал энергично продолжать преследование и 1 сентября. В этот день II-й корпус, поддержанный конницей Марвица от Атиши, как уже было мною упомянуто при описании отступательного движения англичан, имел у Вербери невполне удачное столкновение с арьергардом 3-го английского корпуса (поддержанного французской конницей от Пон-Сент-Максанса), а III-й корпус—у Вилер-Котрэ с арьергардом 1-го английского корпуса. К вечеру германские войска дошли до следующих пунктов: IV-й рез. корпус—до западных окрестностей Меньеле, II-й—до Вербери, IV-й—до Крепи-ан-Валуа, III-й—до Вилер-Котрэ и 18-я дивизия—до Лонг-Пона (17-я дивизия находилась еще у Шана). В этот день почти вся I-я герм. армия (за исключением IV-го рез. корпуса) находилась уже на левом берегу Уазы и была нацелена на нижнюю Марну, в обход Парижа с востока. И теперь, вследствие этого, создалось странное взаимное положение обоих противников: вся армия ген. Монури находилась на фланге главной массы войск ген. Клука [1]). А в последующие дни обе враждебные армии,

---

[1]) Французская конница ген. Сорде, все еще стоявшая в Бовэ и необнаруженная IV-м герм. рез. корпусом, приходилась даже в тылу германского правого фланга.

занявшие одна в отношении другой такое своеобразное положение, двигались паралельно друг другу, причем каждая из них, охраняясь и разведывая к стороне противника, не имела даже приблизительного понятия о том, что именно представлял собой этот противник, каковы были его силы и какую оперативную ценность имели они. Понятно, что такая обстановка таила в себе различные неожиданности для обеих сторон; французской армии они угрожали в меньшей степени, чем германской, потому что французы приближались к своей крепости и шли навстречу спешившим к ним подкреплениям, тогда как немцы, предоставленные собственным своим силам, углублялись в район, с двух сторон охваченный неприятелем. Все это указывает на то, что уже с 1 сентября на западном фланге стратегического фронта во Франции сложились те именно условия, которые, спустя несколько дней, так благоприятствовали осуществлению марнского маневра союзников.

Вот к каким результатам постепенно приводило решение германского командования изменить направление движения своего правого фланга! Нетерпеливое желание нагнать и уничтожить английскую армию, с предоставлением одному слабому резервному корпусу наблюдения за правым берегом Уазы, уже начинало приносить свои плоды [1]). Судя по действиям ген. Клука в течение этих последних дней, он не охватывал стратегической обстановки во всей ее широте, обстановки, связанной с учетом не только того противника, которого он видел, но и того, который хотя и не был ему виден, но мог и должен был существовать в районе нижней Уазы; повидимому, командующий I-й герм. армией считался лишь с противником, находившимся перед ним, что могло, конечно, дать более быстрый местный успех, но и могло привести к тяжким неудачам более широкого значения.

---

[1]) IV-й рез. корпус имел в то время в своем составе лишь 1½ дивизии, потому что одна бригада была временно оставлена на охране тыловых сообщений, до смены ее ландверными частями.

3. Второй период отступления англо-французских армий.

(2—4 сентября).

Директива французского главного командования от 1 сентября.

К 1 сентября главная масса союзных войск, за исключением 1-й и 2-й франц. армий, находилась в полном, но все же планомерном отступлении к югу, направляясь в промежуток между крепостями Парижем и Верденом. Расчеты французского главного командования на возможность до этого дня прекратить отступление не оправдались, попытки перейти к активным действиям на левом фланге окончились неудачей. Было ясно, что час возмездия врагу за поражение еще не пробил, еще не наступил в союзных армиях тот психологический перелом, который останавливает отступающие войска сам собой, без приказаний свыше, и превращает сегодня вчерашний арьергард, цеплявшийся за местные рубежи для задержки противника, в авангард, полный смелой инициативы и наступательного порыва.

1 сентября, в официальном сообщении французского военного министерства, положение армий и виды на ближайшее будущее были охарактеризованы таким образом: „В течение нескольких дней борьба изменит свой характер; французские армии на некоторое время перейдут к обороне, но когда настанет удобная минута, избранная главнокомандующим, армии снова предпримут энергичное наступление“. И в тот же день по армиям была разослана директива французской главной квартиры, определявшая порядок дальнейшего отступления. Необходимость последнего мотивирована следующим образом в первом пункте этого документа: „Несмотря на тактические успехи 3-й, 4-й и 5-й армий, достигнутые на Маасе и у Гиза, обход противником левого фланга 5-й армии вынуждает нас произвести захождение нашего фронта, имея осью такового наш правый фланг“. Армиям указаны для движения следующие направления: 5-й—к западу от дороги Монмор—Сезан—Ромильи, армейской группе ген. Фоша—на Реймс и Эпернэ, 4-й—к западу от дороги Граннрэ—Сент-Менегу—Ревиньи и 3-й—восточнее этой дороги. Предельными пунктами отступления назначены:

Брэ (на Сене) для вновь сформированного 2-го кав. корпуса ген. Конно, Ножан (на Сене) для 5-й армии, Арсис (на Обе) для армейской группы ген. Фоша, Витри-ле-Франсуа—для 4-й армии и Бар-ле-Дюк—для 3-й. Предусматривалась возможность, по прибытии на эту линию, привлечь к наступлению войска из 1-й и 2-й армий, а также из парижского укрепленного района. Отступая, армии должны были пользоваться всяким удобным случаем для остановки и нанесения потерь противнику [1]). В дополнительных к директиве распоряжениях от 2 сентября имелось указание на отход английской армии к Сене, на участок между Меленом и Жювизи. В этих же распоряжениях определенно говорилось о переходе в наступление по достижении армиями указанных в директиве линий и давались указания для подготовки к нему войск. Вместе с тем, с 1 сентября французская главная квартира перешла из Витри-ле-Франсуа в Бар (на Обе).

Итак, французские армии с утра 2 сентября продолжали отходить к югу. Проследим, в общих чертах, их движение в эти три дня (2—4 сентября), предшествовавшие завязке боев на р. Урке и переходу в общее наступление.

3-я франц. и V-я герм. арм. в Верденском районе 2—4 сентября.

Мы видели, что к вечеру 1 сентября часть войск V-й герм. армии уже находилась на левом берегу Мааса, в районе Стенэ и Дэна, где в этот день немцы вели небольшие бои с войсками 5-го и 6-го франц. корпусов; тем не менее, 2 сентября Маас все же еще являлся преградой, разобщавшей главную массу германских войск от армии ген. Сарайля. В виду этого, 3-я франц. армия могла бы еще некоторое время удерживать за собой левый берег Мааса, к чему был весьма склонен новый командующий армией, но необходимость сохранять связь с правым флангом, уже отошедшей за р. Эн, 4-й армии

[1]) Между прочим, было предположено остановиться на Марне для оборонительных действий (причем английская армия должна была принять участие в обороне Парижа), но расстройство английских войск и вообще склонность Жоффра к более продолжительному отходу, не дали возможности осуществить этого предположения.

вынуждала ее постепенно, не дожидаясь нажима со стороны противника, отходить к югу. 2 сентября 5-й корпус, прекративши бой у Нуара, отошел с 7-й кав. дивизией к Апремону, вместе с тем, 72-я рез. дивизия передвинута от Вердена к Маланкуру.

Несмотря на то, что французское главное командование предоставило ген. Сарайлю отходить к югу, не связывая себя совместными действиями с гарнизоном Вердена и передавши в распоряжение его коменданта, ген. Кутансо, 72-ю рез. дивизию и бригаду 54-й рез. дивизии[1]), Сарайль решил все-таки не бросать крепости, сохраняя с ней связь до последней возможности. 3 сентября 5-й корпус отошел к Клермону, а 6-й—к Виль-сюр-Кузансу. Наконец, на следующий день, 4-го, группа рез. дивизий (65-я, 67-я и 75-я) перешла с маасских высот на левый берег Мааса, на линию Суйи—Труайон, где послужила связующим звеном между верденским укрепленным районом и правым флангом 3-й армии; войска же последней заняли в этот день следующее расположение: 5-й корпус отошел к Триокуру, 6-й—к Бозэ, а 7-я кав. дивизия—в западные окрестности Триокура.

4 сентября, распоряжением главной квартиры, в состав армии включены: 15-й и 21-й корпуса, перевозившиеся в то время из 2-й и 1-й франц. армий, но они могли прибыть к местам своего назначения не ранее 6-го или 7 сентября. В тот же день ген. Сарайлю была дана нижеследующая директива для предстоявших ему действий: „3-я армия, предназначенная для действий на правом фланге наших главных сил, должна медленно отходить, сохраняя, по возможности, на левом фланге противника такое положение и такую группировку войск, которые позволили бы ей в любой момент перейти в наступление в северо-западном направлении".

Между тем, V-я герм. армия, переправившись через Маас, со 2 сентября наступала вслед за французами, с мелкими боевыми столкновениями, в узкий район между Аргонами и Маасом, огибая Верден с северо-запада и запада: VI-й корпус — на Бюзанси к Варену, IV-й кав. — через Нуар к

[1]) Другая бригада этой дивизии была придана 6-му корпусу.

Граннрэ, XIII-й — в промежуток между Вареном и Монфоконом, VI-й рез. — через Монфокон к Авокуру, а XVI-й — восточнее Монфокона. При этих условиях, оставление немцами V-го рез. корпуса на правом берегу, против северного и северо-восточного фронтов Вердена, создавало угрожающее для крепости положение, которое, в случае оттеснения противником правого фланга 3-й армии к югу, могло привести к отделению от полевых войск и обложению верденского укрепленного района. На это было обращено теперь особенное внимание ген. Сарайля, постепенно откидывавшего свой левый фланг, но прочно державшегося за крепость своим правым. Выполнению такого маневра до известной степени способствовало своевременное оставление армией Мааса и ее свободное движение в южном направлении, не стесненное опасной близостью неприятельских войск; возможно, что, при отступлении под натиском противника, французской армии и не удалось бы к 5-му сентября упрочить положение своего правого фланга и тем сохранить с Верденом связь, столь необходимую и крепости, и самой армии. К 4 сентября корпуса V-й герм. армии достигли линии Клермон—Варен—Маланкур. В этот день, после небольших боев с французскими арьергардами, армия заняла следующее расположение: VI-й корпус—у С. Менегу, IV-й кав. — подивизионно у С. Менегу и Клермона, XIII-й—у южной оконечности Аргон, XVI-й—в восточных окрестностях Клермона и VI-й рез.—в юго-восточных окрестностях Монфокона, где прикрывал левый фланг армии со стороны Вердена; V-й рез. корпус находился у Дамвилера, а V-й (с крепостным резервом Меца)—к югу от Спинкура. Таким образом, V-я герм. армия уже с трех сторон охватывала верденский укрепленный район; предстоявшее сражение на левом берегу Мааса должно было решить—суждено ли крепости быть разобщенной от полевой армии и окруженной.

4-я франц. и IV-я герм. армии между р.р. Эном и Марной 2—4 сентября.

4-я франц. армия отходила в более тяжелых условиях, чем 3-я, главным образом, вследствие того, что между нею и противником в то время уже не было какой-либо трудно проходимой преграды, которая могла бы задержать наступ-

ление германцев. Река Эн, в районе Вузье, не представляла удобных для обороны условий, почему, как только германские корпуса подошли здесь к реке вечером 1 сентября и приступили к переправе, необходимо было начать отступление. Раньше всего об этом пришлось озаботиться 2-му франц. корпусу, занимавшему на правом берегу Эна, к югу от Гранпрэ, выдвинутое положение по отношению прочих войск 4-й франц. армии. Отступление за р. Эн началось с раннего утра под прикрытием всей артилерии корпуса, заблаговременно переведенной на левый берег, в район к востоку от Монтуа. Несмотря на это, переправа оказалась нелегкой, потому что германские войска XVIII-го резерв. корпуса, уже занявшего Гранпрэ, сильно теснили французский арьергард, расположенный к югу от этого города. Закончивши переправу, 2-й франц. корпус заночевал в окрестностях Монтуа. Здесь же оставался в этот день и колониальный корпус, 12-й отошел к Сент-Илеру, а 17-й—к Данпьеру. Корпуса отходили, в большинстве случаев, под давлением противника, с арьергардными боями, более значительными во 2-м и колониальном корпусах, теснимых германскими войсками XVIII-го и XVIII-го рез. корпусов (IV-й герм. армии) и частью VI-го корпуса (V-й герм. армии). 3 сентября 4-я франц. армия в таких же условиях отходила на линию Сент-Менегу (2-й корпус)—Мафрекур (колониальн.)—Куртизоль (12-й)—юго-восточные окрестности Шалона (17-й), а 4 сентября на линию Монтье (2-й корпус)—Вано-ле-Шатель (колониальн.)—Суланж (12-й)—Сомсу (17-й). К этому времени IV-я герм. армия достигла линии Шалон—Вальми [1]). Давление противника, особенно на левом французском фланге, теперь значительно ослабело, и французским корпусам удалось уже почти на всем фронте 4-й армии оторваться от противника, что было так необходимо для приведения в порядок войск, сильно расстроенных многодневными боями на р.р. Семуа и Маасе; особенно плох был 12-й корпус, почему с целью выиграть время, потребное для устрой-

[1]) Вальми—в южных окрестностях Мафрекура, в 10 килом. к западу от Сент-Менегу; здесь находился XVIII-й рез. корпус.

ства и пополнения его войск, пришлось некоторые его части перевезти на следующий день к Витри-ле-Франсуа по железной дороге.

9-я франц. и III-я герм. армии на путях от Реймса за р. Марну 2—4 сентября.

После того, как французское главное командование приняло решение отвести армии за Марну и не оборонять Реймса, дальнейшее пребывание армейской группы ген. Фоша у фортов этой крепости становилось бесцельным. И поэтому с утра 2 сентября эти войска продолжали свой отход к югу. 11-й корпус с 60-й рез. дивизией, ведя арьергардные бои с XII-м герм. корпусом, отошел из окрестностей Пон-Фавержэ к Бейну; левее, 9-й корпус с 52-й рез. дивизией отодвинулся, без боев, на левый берег р. Вэля, на участок от Реймса до Верзи; 42-я дивизия оставалась у Бримона (на линии северных фортов Реймса), а 9-я кав. в этот день совершала передвижение с левого фланга на правый, к Мурмелону.

На следующий день только один 11-й корпус, отходя к Марне, западнее Мурмелона, вел арьергардные бои с XII-м герм. корпусом, южнее этого города, куда к этому времени подошла и 9-я кав. дивизия. К вечеру эти французские войска (включая и 60-ю рез. дивизию) достигли р. Марны на участке Вро—Шалон, имея конницу на своем правом фланге. Прочие войска армейской группы отходили без боев и расположились на Марне между Вро и Эпернэ. Наконец, 4 сентября французские войска дошли до линии Ватри (9-я кав. дивизия)—Жерминон (11-й корпус с 60-й рез. дивизией)—Вертю (9-й корпус с 52-й рез. дивизией)—Вилер-о-Буа (42-я див.). В этот день армейская группа ген. Фоша была переименована в 9-ю армию.

Одновременно с отходом французских войск двигалась к югу и преследовавшая их III-я герм. армия; 2 сентября 23-я рез. дивизия (XII-го рез. корпуса) наступала к Илю, XII-й корпус, ведя бои с 11-м франц. корпусом, шел на Бейн и восточнее, а XIX-й корпус—к Мурмелону. Вследствие того, что французы отходили очень быстро, отсутствие в III-й герм. армии армейской конницы было для немцев весьма

чувствительно; поэтому ген. Гаузен приказал образовать из эскадронов дивизионной конницы более крупные кавалерийские части в составе корпусов и высылать их для разведки и разрушения железных дорог на возможно далекое расстояние. Но импровизация в этом деле не могла, конечно, дать значительных результатов и с каждым днем германским войскам становилось все труднее задерживать отступавшего противника и сохранять с ним боевое соприкосновение.

3 сентября XII-й и XIX-й корпуса достигли р. Вэля, в юго-западных окрестностях Мурмелона, выдвинувши конницу и авангарды к Марне, на участок реки западнее Шалона, с целью захвата здесь переправ; но попытка овладеть переправами в тот же вечер окончилась неудачей. 23-я рез. дивизия, наступавшая к Реймсу на правом фланге армии, нашла крепость покинутой противником и заняла город и укрепления. В это время на присоединение к армии уже спешила 24-я рез. дивизия, освободившаяся после падения Живэ и достигшая в этот день Лиара [1]).

---

[1]) Заслуживают упоминания два недоразумения, случившиеся в эти дни в районе III й герм. армии и указывающие на то, что связь между армиями и германским главным командованием уже в то время оставляла желать многого.

Мы видели, что Реймс был покинут войсками ген. Фоша утром 3 сентября, и в тот же день занят войсками III-й герм. армии. Между тем, проходивший в этот день, невдалеке от него к западу, прусский гвардейский корпус (левофланговый II-й армии), не имея сведений о занятии этого города германскимн войсками и не озаботившись высылкой в ту сторону разведки, начал обстреливать своей артилерией город и его укрепления. Из штаба II-й армии были посланы в Реймс парламентеры, которые на пути встретили отходившие к югу части 42-й франц. дивизии, были задержаны ими и препровождены в штаб 9-го франц. корпуса. Не получая ответа из Реймса, ген. Бюлов приказал наложить на его жителей контрибуцию в 50 мил. франков. Лишь несколько часов спустя, удалось выяснить это недоразумение, в результате которого ни в чем неповинный французский город имел 40 человеческих жертв, убитыми и ранеными, а его старинный собор, это художественное произведение средневекового зодчества, получил крупные повреждения.

Второе недоразумение заключалось в следующем. По первоначальному предположению, сделанному еще в дни пограничного

На следующий день, XII-й корпус переправился через Марну, к западу от Вро, а XIX-й — занял Шалон, оба без сопротивления со стороны противника; 23-я рез. дивизия, оставивши небольшой гарнизон в Реймсе, подошла к Верзи.

По характеру действий неприятельских арьергардов было ясно, что французские войска не бегут, а отступают в порядке и спокойно; в то же время войска III-й герм. армии были уже сильно утомлены (проходя последние две недели, в среднем, по 23 килом. в день, не считая боковых передвижений и маневрирования во время боев), лошади выбились из сил, обозы не поспевали за войсками, местных средств не хватало, в особенности фуража. При этих условиях, командующий армией признал необходимым дать войскам отдых и назначил на 5 сентября дневку на берегах Марны; но для того, чтобы не потерять соприкосновения с противником, было приказано выдвинуть на следующий день к югу конницу с артиллерией.

Из очерка событий 2—4 сентября видно, что к вечеру 1-го, накануне завязки боев, послуживших вступлением к сражению на Марне, три правофланговые армии французов почти везде оторвались от преследовавшего их противника, и, устраиваясь по пути, постепенно приобретали свободу маневра и способность к активным действиям. Германские же армии с каждым днем обнаруживали все меньшую энергию преследования, двигаясь в течение последних дней вслед за противником уже почти без боевых столкновений и останавливаясь временами то в одном, то в другом месте. Правильно ли поступил командующий III-й герм. армией,

---

сражения, 24-я рез. дивизия должна была, после падения Живэ, овладеть Гирсоном; но так как с того времени (директивой от 30 августа) направление движения армий было изменено с юго-западного на южное, а поэтому изменились и разграничительные линии между ними и их тыловые районы, то ген. Гаузен 2 сентября запросил главную квартиру: остается ли атака Гирсона попрежнему задачей III-и армии? Получивши утвердительный ответ, он направил 24-ю рез. дивизию к Гирсону. Каково же было удивление этой дивизии, прибывшей утром 3 сентября к упомянутому городу, когда она узнала, что укрепления Гирсона еще 28 августа без боя покинуты противником и уже заняты войсками II-й армии!

решивши вечером 4 сентября приостановить преследование на один день? Следует признать, что к принятию такого решения еще не имелось достаточных оснований. По соображениям психологического порядка, при ведении преследования гораздо важнее безостановочно идти по пятам за противником, даже с ослабленными силами, чем прекращать и затем возобновлять это движение с силами более значительными. Каждая остановка, каждый день передышки усиливают больше отступающего, чем преследующего, постепенно способствуя установлению не только материального, но, еще в большей степени, морального равновесия обеих сторон. Отдавши приказ приостановить преследование, командующий III-й герм. армией не столько выявил истощение материальных сил вверенных ему войск, сколько ослабление воли армейского командования к победе.

Вообще, на восточном фланге стратегического фронта противников уже создавалась обстановка, благоприятная для прекращения отступательного движения французских армий и перехода их во встречное наступление. Однако, здесь не было условий, которые способствовали бы широкому маневру этих армий против левого фланга германцев; хотя здесь и находилась в распоряжении французов укрепленная линия р. Масса, с крепостью Верденом, дававшая возможность беспрепятственного выхода их войск на правый берег реки, но за то в этом районе не было соответствующей такому маневру группировки французских сил.

Теперь перейдем далее к западу, где в парижском районе и на берегах нижней Марны стратегическая обстановка оказалась для обеих сторон более сложной, но где особенные условия пространства и времени, благоприятствовавшие союзникам, ставили последних в исключительно выгодное положение для перехода в наступление и для выполнения контр-маневра против правого крыла германских армий.

Вопрос об обороне Парижа.

По мере того, как отступавшие союзные армии, а вслед за ними и преследовавший их противник, приближались к Парижу, возникал вопрос о судьбе этого города, и как столицы го-

сударства, и как крепости. Мысль о необходимости готовиться к его обороне первоначально возникла у французского правительства тотчас же после того, как выяснился неудачный результат пограничного сражения. 25 августа военный министр Месими обратился к ген. Жоффру с предложением немедленно же образовать армию для защиты столицы, а на следующий день, не дожидаясь ответа из главной квартиры, без ведома главнокомандующего, назначил ген. Галиени военным губернатором Парижа и комендантом парижской крепости, с подчинением его непосредственно правительству [1]); вместе с тем, он потребовал от Жоффра назначения для парижской армии трех полевых корпусов. Французское главное командование, всецело занятое в то время вопросом о выводе своих армий из боя и организацией отступления, уделяло мало внимания военному положению столицы и затруднялось назначить для ее защиты такое большое количество войск, тем более, что все войска, которые было возможно немедленно снять с фронта, нужны были для более активной цели, — образования маневренной группы в амьенском районе. На этой почве между военным министром и главнокомандующим возникли трения; генерал Жоффр потребовал полного невмешательства военного министерства в ведение операций и предоставления себе широких полномочий. В результате этого столкновения состоялась отставка кабинета и появление у власти в последних числах августа нового министерства (министр-президент Вивиани, военный министр Мильеран, министр иностранных дел Делькасе [2]).

После неудачи, постигшей армейскую группу ген. Монури в боях на левом берегу Соммы, и с ее отходом к нижней Уазе, французское главное командование занялось вопросом об обороне Парижа, назначивши для этой цели войска Мо-

[1]) Галиени перед войной находился в отставке, а с началом войны был назначен в распоряжение главнокомандующего.

[2]) Был момент (28 августа), когда правительством было принято решение отказаться от обороны Парижа и об'явить столицу открытым городом; однако, уже 30-го, эта мысль была оставлена (см. Général H. Le Gros. La genèse de la bataille de la Marne, стр. 50—51).

нури, получившие к 1 сентября наименование 6-й армии. И так как одновременно с этим парижский укрепленный район был передан в распоряжение главнокомандующего, то последний приказал этой армии отходить к Парижу [1]).

Несмотря на принятое правительством и главным командованием решение оборонять Париж и на сосредоточение с этой целью крупных войсковых масс, положение столицы все же не могло считаться безопасным, почему 1 сентября ген. Жоффр заявил военному министру Мильерану, что правительству необходимо покинуть Париж и передать его в полное распоряжение военных властей. Эта мысль была одобрена, и в ночь со 2-го на 3 сентября французское правительство переехало в Бордо, поручивши ген. Галиени оборонять столицу до последней возможности. На следующий же день об этом было об'явлено во всеобщее сведение в следующем воззвании ген. Галиени: „Парижская армия и население Парижа! Правительство покинуло столицу, чтобы принять новые меры для государственной обороны. На меня возложена обязанность защищать ее от неприятельского нашествия. Эта задача будет мною выполнена до конца". Теперь, после от'езда правительства, военный губернатор Парижа имел возможность самостоятельно распоряжаться всеми живыми силами и всеми материальными средствами, предоставленными ему главным командованием. Каковы же были эти силы и эти средства?

---

[1]) 1 сентября в штабе 6-й армии зародилась мысль атаковать во фланг главную массу германских войск ген. Клука, находившуюся на левом берегу Уазы, с целью ослабить ее давление на левый фланг 5-й франц. армии, о чем и было сделано предложение главнокомандующему. Однако, ген. Жоффр отклонил таковое. Нельзя не признать, что он поступил вполне правильно: войска ген. Монури, пользуясь своим выгодным положением по отношению главных сил I-й герм. армии, могли бы, конечно, достигнуть некоторого успеха, но для общего положения союзников в районе Парижа этот успех имел бы, вероятно, отрицательное значение, потому что преждевременно открыл бы немцам глаза на опасность, угрожавшую им с запада, привлек бы к Парижу внимание германского командования и затруднил бы (а может быть, и сделал бы невозможным) выполнение флангового маневра на нижней Марне.

Крепость Париж.

Париж представлял собой первоклассную крепость-лагерь современного типа, расчитанную на крупный гарнизон и продолжительное сопротивление. Крепость имела две линии фортов: старую, внутреннюю, обводом в 50 килом., состоявшую из 15 фортов, 3 редутов и 2 отдельных укреплений, и новую, внешнюю, 150 килом. в окружности, из 22 фортов, 31 редута и батареи, расположенных, главным образом, на правом берегу Сены. Новый фортовой пояс охватывал все те командующие высоты, на которых в 1870—71 г.г. немцы установили свои осадные батареи. Все укрепления Парижа составляли три укрепленные лагеря: северный, восточный и юго-западный. Новые форты во многом уже устарели к 1914 году и не могли сопротивляться действию новейших артиллерийских средств. Вообще, Париж не был подготовлен к обороне ни по состоянию своих крепостных верков и их вооружению, ни по количеству собранных в нем продовольственных и боевых запасов. Гарнизон состоял из пяти дивизий (83-й, 85-й, 86-й, 89-й и 92-й) и двух бригад (166-й и 185-й) территориальных войск и морской бригады адм. Ронара, обладавших, по своему составу и снабжению, малой боеспособностью. Со дня своего назначения военным губернатором Парижа ген. Галиени неоднократно просил о назначении в состав гарнизона более боеспособных войск, будучи, вообще, того мнения, что, в виду неготовности парижских укреплений к обороне, таковая может вестись только полевой армией вне фортового пояса. Тем не менее, день и ночь войсками и жителями велись работы по усовершенствованию укреплений и по усилению промежутков между фортами.

С 1 сентября в подчинение ген. Галиени была передана 6-я армия, предназначенная для прикрытия и обороны Парижа. В ее состав были включены: прибывшая 2 сентября из Алжира в Париж 45-я (алжирская) дивизия и 4-й корпус, начавший 3 сентября высадку в окрестностях столицы. Со 2 сентября ген. Галиени вошел в связь с 6-й армией и приступил к организации внефортовой обороны. Войска этой армии были распределены между двумя секторами: сектор между Марной и дорогой Париж—Сенли был поручен

ген. Монури, а между этой дорогой и р. Уазой командовал ген. Мерсье-Милон (один из начальников территориальных дивизий). Группа резервных дивизий ген. Эбенера (61-я и 62-я дивизии), находившаяся у Понтуаза, была предназначена для обороны правого берега Уазы, а главные силы конницы ген. Сорде (отходившие от Бовэ) должны были охранять левый фланг всего расположения; в общем резерве укрепленного района оставлены 45-я дивизия и морская бригада адм. Ронара. Территориальные войска оставались в фортовом поясе, продолжая здесь крепостные работы.

Уже с 30 августа над Парижем появились германские аэропланы, указывавшие на близость противника; вечером 31-го конница 6-й франц. армии (находившаяся в то время еще на нижней Уазе) впервые обнаружила, что войска Клука идут из района Компьена не на Париж, а в юго-восточном направлении. Вообще же, положение между Уазой и Марной оставалось пока еще не вполне ясным.

Обратимся теперь к изложению действий англо-французских и германских армий в дни 2—4 сентября в парижском районе.

Отступление 5-й франц. и англ. армий за р. Марну.

К вечеру 1 сентября положение левого фланга 5-й франц. армии все еще было и тяжелым, и опасным. Англичане отходили безостановочно, не поддерживая связи с соседями, 6-я франц. армия сама была в трудном положении и находилась еще за Уазой; между тем, I-я герм. армия уже устремилась своими главными силами в образовавшийся промежуток, угрожая обходом левому флангу утомленных, понесших целый ряд неудач, французских войск ген. Ланрезака. В виду этого, как ни тягостно было дальнейшее отступление, но армейское командование с облегчением вздохнуло, получивши директиву французской главной квартиры от 1 сентября. Теперь можно было надеяться, что, отойдя за Марну, 5-я армия займет, наконец, прочное положение и покончит с этой длительной тревогой за безопасность своего левого фланга и тыла. 2 сентября левый фланг и центр армии отошли на левый берег р. Урка, несколько

южнее линии Ульши-ле-Шато (4-я кав. дивизия и группа рез. дивизий), Фэр-ан-Тарденуа (18-й корпус с 38-й дивизией), Ронэ (3-й корпус с 37-й дивизией и 1-й корпус); правый же фланг (10-й корпус и 51-я рез. дивизия) остановился севернее р. Вэля, у северо-западных фортов Реймса, поддерживая связь с армейской группой ген. Фоша. 3-й, 1-й и 10-й корпуса находились, в общем, в недурном состоянии, 18-й был в более расстроенном виде, а рез. дивизии ген. Валябрега были в состоянии очень слабой боеспособности, что являлось для армии особенно неблагоприятным, так как эти дивизии и 18-й корпус находились на левом фланге и должны были обеспечивать безопасность прочих частей армии. Вечером, 2 сентября, кавалерийский корпус ген. Конно, недавно включенный в состав армии и переходивший теперь от Эпернэ и Дормана к ее левому флангу, получил по пути неправильные сведения о занятии Шато-Тьери крупными силами противника и, вместо того, чтобы занять этот город, отошел к югу, на Эсиз. Это недоразумение привело к тому, что переправа у Шато-Тьери не была использована французскими войсками левого фланга.

На следующий день, переправившись через Марну, на участке реки от Шартэва до Дамери, 5-я франц. армия отошла на линию от Конде-ан-Бри до юго-западных окрестностей Эпернэ, имея конницу на правом берегу Мал. Морэна, западнее Монмирайя. В этот день командующий армией ген. Ланрезак, уже давно вызывавший неудовольствие главнокомандующего своими действиями, а главным образом, своей критикой распоряжений главной квартиры, был отрешен от командования армией и заменен командиром 1-го корпуса ген. Франшэ д'Эспере [1]).

В виду приближения, уже 3 сентября днем, значительных сил противника к Марне и начавшейся местами их переправы через реку, французские войска получили приказание в тот же день отходить далее к югу; кав. корпус ген

---

[1]) В результате неудачных операций французских армий в августе, было сменено 33 генерала (2 командующих армиями, 7 корпусных командиров, 20 начальников пех. и 4 начальника кав. дивизий).

Конно (с приданной ему 4-й кав. дивизией) должен был прикрывать левый фланг армии к западу и юго-западу от Монмирайя. К утру 4 сентября, после утомительного ночного перехода, войска 5-й армии расположились на берегах Мал. Морэна: левый фланг (18-й корпус с 38-й дивизией и две рез. дивизии)—на левом берегу, к югу от Монмирайя, центр (3-й корпус с 37-й дивизией) — на правом берегу, к северо-востоку от этого города, а правый фланг (1-й и 10-й корпуса) — между Монмором и сен-гондскими болотами; конница находилась в районе Ла-Фэртэ-Гошэ. Отступление левого фланга, в течение последних трех дней, происходило с небольшими арьергардными боями, в постоянном соприкосновении с противником, создававшем для войск этого фланга тяжелое и тревожное положение, особенно на переправах. Несмотря на энергичную деятельность многочисленной французской конницы, задерживавшей продвижение германских войск между Марной и обоими Морэнами, противник все еще занимал угрожающее положение по отношению левого фланга армии, приводившее к необходимости уступного расположения, занятого 5-й армией на берегах Мал. Морэна.

На 5 сентября армия получила следующую директиву главного командования: „В связи с армейской группой ген. Фоша, продолжать отступление к Сене, с целью выполнения маневра, который должен дать возможность главной массе союзных войск перейти в наступление. Необходимо достигнуть Сены возможно скорее и с наименьшими потерями...“ Однако, как увидим из дальнейшего, отступательный маневр союзных армий удался раньше, чем предполагало главное командование, а потому и явилась возможность раньше перейти в наступление.

Указанный выше порядок отступательного марша 5-й франц. армии находился в соответствии с отходом английских войск. 2 сентября английская армия располагалась на северном берегу Марны в районе Дамартен—Мо, а 3-го переправилась на левый берег, между Мо и Ланьи, и отошла на линию Вильнев—Куломье. 4 сентября фельдм. Френч дал своей армии дневку, имея в виду на следующий день про-

должать отступление к Сене, во исполнение директивы Жоффра от 1 сентября.

Таким образом, к вечеру 4-го обе союзные армии, и 5-я франц. и английская, уже находились за Марной, но связь между ними и здесь оставалась еще слабой; незанятый их войсками участок Больш. Морэна, от Куломье до Ла-Фэртэ-Гошэ (протяжением около 20 килом.) являлся слабым местом в их расположении, потому что главная масса войск ген. Клука, уже переправившаяся через Марну, наступала к Ребэ и Монмирайю, следовательно, могла легко охватить левый фланг 5-й франц. армии и разобщить его от правого фланга английской.

Движение II-й и I-й герм. армий за Марну.

2 сентября II-я герм. армия переправилась через р. Эн, между Суассоном и Понтавером, и достигла южного берега р. Вэля на линии Брэн—Пуайи; ее конница находилась в северных окрестностях Ульши-ле-Шато и Фэр-ан-Тарденуа. В этот день вечером армией была получена директива главной квартиры следующего содержания: „Намерение главного командования—отрезать французов от Парижа в юго-восточном направлении; I-я армия следует за II-й уступом и принимает на себя обеспечение правого фланга армий". На следующий день армия дошла до Марны, на участке от Шато-Тьери до Эпернэ. Но в это время левофланговый (IX-й) корпус I-й армии, переправившись через Марну у Шато-Тьери, частью сил продвинулся до Конде-ан-Бри перед правым флангом II-й, вследствие чего войска Клука оказались уступом впереди, а не сзади войск Бюлова. Это ненормальное и противоречившее директиве относительное их положение неоднократно вызывало, как в те дни, так и впоследствии, нарекания на ген. Клука за неисполнение им указаний главного командования. Недоволен был таким расположением левого фланга I-й армии и ген. Бюлов. Однако, не обязывала ли последнего директива от 2 сентября организовать свой марш от Эна к Марне в ином направлении, чем это в действительности было им выполнено? Ведь уже само движение I-й армии в юго-восточном направлении, необходимое

для выполнения директивы, должно было привести к столкновению внутренних флангов армий, при условии наступления войск Бюлова прямо на юг. Поэтому, казалось бы, II-й армии следовало взять направление тоже несколько к юго-востоку, правым флангом на Шартэв или Дорман, что являлось вполне возможным, в виду свободного пространства, находившегося между флангами II-й и III-й армий.

4 сентября II-я армия переправилась через Марну между Бралем и Дамери и в тот же день достигла линии Парньи (VII-й корпус и X-й рез.)—северные окрестности Монмора (X-й корпус); I й кав. корпус—на правом фланге армии. Гвардейский корпус, задержавшийся на некоторое время в окрестностях Реймса [1]), дошел лишь до Дамери. Движение от Эна к Марне было произведено войсками Бюлова с небольшими боями с неприятельскими арьергардами.

В предыдущем изложении я обрисовал уже то невыгодное и опасное положение, в котором оказалась I-я герм. армия, после того, как ее главные силы перешли на левый берег Уазы юго-восточнее Компьена; 6 я франц. армия стояла у нее на фланге, опираясь на парижский укрепленный район, и потому сама уже мало уязвимая для противника, если бы он даже возымел намерение обратиться против нее. Но Клук вовсе и не имел такого намерения: все, что делалось в районе Парижа в данное время, повидимому, мало интересовало его, а все его внимание было поглощено, попрежнему, преследованием английской армии. Вечером 1 сентября в штабе Клука было получено сведение, что в этот день англичане находились южнее линии Вербери—Крепи-ан-Валуа—Ла-Фэртэ-Милон; вследствие этого, у немцев явилась надежда, что 2 сентября возможно будет настигнуть противника, для чего необходимо было, не расчитывая на столь желанный отдых, продолжать преследование с прежней стремительностью. В виду этого, на 2 сентября Клук отдает следующее приказание: IV-му рез. корпусу, наступая на Крей, обеспечивать правый фланг армии и вести разведку на северный фронт Парижа; II-му—насту-

[1]) См. подстрочное примечание на стр. 468.

пать между Уазой и железной дорогой Нантейль—Париж; IV-му и III-му—между железной дорогой Нантейль—Париж и линией Вилер-Котрэ—Ла-Фэртэ-Милон; IX-й корпус должен был наступать восточнее III-го, имея 17-ю дивизию уступом слева; наконец, конница ген. Марвица была направлена между II-м и IV-м корпусами, с задачей разведывать к стороне Парижа. Таким образом, 2 сентября I-я герм. армия должна была произвести короткий удар к югу, с целью атаковать английскую армию где-либо между Сенли и р. Урком. Нападение это не удалось, потому что англичане уже отошли, почему и была потеряна всякая надежда нанести им решительное поражение; только в окрестностях Сенли II-й корпус имел небольшое столкновение с французской конницей 6-й армии и одним из конных английских арьергардов.

Потерпевши неудачу в преследовании англичан, Клук принимает решение направить левофланговые корпуса (III-й и IX-й) на Шато-Тьери, с целью, совместно со II-й армией, атаковать французов, отступавших от Брэна и Фима к Марне. К вечеру 2-го армия заняла линию от Крей на Сенли, Нантейль, Ла-Фэртэ-Милон и Ульши-ле-Шато. И несмотря на то, что бои II-го корпуса обнаружили в этот день присутствие каких-то крупных неприятельских сил западнее линии Сенли—Париж, I-й армии на 3 сентября назначается переход к Марне, на участок реки от впадения в нее Урка до Шато-Тьери: IV-й рез. корпус направлен от Крей на Сенли, II-й—от Сенли к Нантейлю, II-й кавалерийский должен был оставаться у Нантейля, IV-й—идти к Круи (на Урке), III-му и IX-му корпусам приказано атаковать противника, отходившего от Фэр-ан-Тарденуа к Шато-Тьери, имея общее направление движения к этому последнему пункту. Следовательно, с этого дня I-я армия опять возвращалась на юго-восточное направление, устремившись своим левым флангом за противником, отходившим к Марне.

Ночью со 2 го на 3 сентября в штабе армии была получена, приведенная мною выше, директива главного командования, определявшая собой порядок наступления правого германского фланга в районе нижней Марны. Для того,

чтобы установить правильный взгляд на дальнейшие действия и решения немцев в этом районе, необходимо точно уяснить себе: что именно требовала эта директива от I-й герм. армии? Во-первых, не подлежит сомнению, что она указывала этой армии движение за Марну, потому что, не переходя этой реки, невозможно было отрезать от Парижа неприятеля, уходившего за реку. Во-вторых, I-я армия должна была, кроме того, принять на себя обеспечение правого фланга германских армий, для чего и идти уступом за II-й. Только наличностью этой второй задачи и следует об'яснить уступной порядок марша, указанный I-й армии, потому что для выполнения главной ее задачи (отрезать противника от Парижа) движение уступом назад не только не было необходимо, но даже затрудняло бы охват левого неприятельского фланга. Поэтому, мы приходим к заключению, что вопрос о движении войск ген. Клука уступом за II-й армией,—вопрос вполне второстепенный, имевший значение лишь настолько, насколько невозможно было достигнуть обеспечения правого фланга германских армий каким-нибудь другим способом. А так как энергичные и успешные наступательные действия фланговой армии сами по себе являются лучшим обеспечением фланга, то, естественно, чем решительнее и успешнее были бы действия Клука на нижней Марне и за нею, тем лучше выполняла бы его армия свою охранительную задачу, независимо от того, шла ли она уступом впереди или сзади, или на одной линии со II-й армией.

Повидимому, так и смотрел на это дело командующий I-й герм. армией; в виду же того, что германское главное командование в эти дни не предусматривало никакой опасности со стороны Парижа и, вообще, считало, что находившиеся в нем неприятельские войска не должны быть принимаемы во внимание для операций вне фортового пояса, Клуку не оставалось ничего другого, как выполнять директиву от 2 сентября не по букве, а по ее внутреннему смыслу, т.-е. идти с главными силами своей армии за Марну и преследовать противника возможно решительнее и быстрее.

К вечеру 3 сентября I-я герм. армия стояла своими главными силами (IV-м, III-м и IX-м корпусами) на Марне, от Ла-Фэртэ-су-Жуара до Шато-Тьери, имея часть войск IX-го корпуса уже за рекой, у Конде-ан-Бри; другая, меньшая группа (IV-й рез., II-й и II-й кав. корпуса) находились еще в районе Сенли—Нантейль. В это время II-я армия находилась к северу от Марны и так как река в этом районе имеет направление течения с северо-востока на юго-запад, то эта армия оказалась уступом за I-й; поэтому, для того, чтобы буквально выполнить требование директивы, Клуку следовало простоять на месте, т.-е. бездействовать, по крайней мере, сутки, а может быть и дольше, пока II-я армия не переправилась бы через Марну и не выдвинулась на некоторое расстояние к югу. Допустимо ли было подобное бездействие столь крупной массы войск, победоносно преследовавшей противника? Не могло ли оно предоставить неприятелю свободу действий и затруднить дальнейшее наступление не только I-й армии, но и всего правого фланга германцев? С какой бы стороны ни коснуться этого положения, ответ может быть только один: и в оперативном, и в психологическом отношениях остановка этой армии на нижней Марне представлялась невозможной, а ее дальнейшее решительное наступление, при условии возможно лучшего обеспечения себя со стороны Парижа, являлось неизбежным. Приняв решение не задерживаться на нижней Марне, ген. Клук ярко обнаружил в этом случае здоровое полководческое чутье и, может быть, никогда за весь период своего блестящего марша-маневра через Бельгию и северную Францию он не выявил более удачно своего темперамента, выдвигающего его на одно из первых мест в ряду старших начальников германских армий.

Недовольство Бюлова выдвижением левого фланга Клука указывало на то, что он, вообще, считал наступление I-й армии слишком быстрым и неосторожным. Это вновь обнаружило разногласия у обоих командующих армиями по вопросу о ведении боевых действий, впервые появившиеся при движении их войск через Бельгию. С каждым днем эти разногласия будут увеличиваться, а в дни марнского

сражения они проявятся с особой яркостью. Вообще, Бюлов и Клук, поставленные судьбой сражаться с противником в непосредственном соседстве друг с другом, были люди совершенно различного характера и темперамента, вовсе несклонные к взаимным уступкам. Насколько Клук был деятелен, энергичен и быстр в своих решениях, настолько Бюлов — медлителен и осторожен, что, конечно, часто вызывало несогласованность в действиях их армий, которым принадлежало такое важное значение в общем наступательном плане германцев.

4 сентября утром Клук донес в главную квартиру, что требование директивы следовать уступом за II-й армией — невыполнимо, что оттеснение противника от Парижа возможно лишь с движением вперед и что задача по обеспечению правого фланга ослабляет наступательную силу I-й армии, которая, вследствие этого, нуждается в подкреплениях. Ответом на это донесение было молчание главного командования; да и что оно могло ответить при данных условиях? Тем более, что в требовании Клука прислать подкрепления явно звучал упрек за взятые несвоевременно с правого фланга корпуса для восточного фронта.

Вечером 3 сентября в штабе I-й герм. армии имелись достаточно точные сведения об общем положении неприятельских войск в районе Мал. и Больш. Морэнов, добытые, преимущественно, воздушной разведкой; так, было известно о расположении крупных французских сил в окрестностях Монмирайя, о нахождении англичан у Куломье и о том, что участок от Куломье до Вьель-Мезона свободен от противника. На этих данных и был основан приказ по армии на 4 сентября для движения за Марну, с целью отбросить противника к востоку. Это движение было организовано следующим образом: IX-й корпус, после переправы у Шато-Тьери и в его окрестностях, направлен к Монмирайю [1]); III-й, с переправ у Шарли, через Вьель-Мезон—к С. Бартелеми; IV-й—от Ла-Фэртэ-су-Жуар—к Ребэ; II-й должен был подойти к Марне

[1]) Большинство переправ на Марне не было разрушено французами.

между Ла-Фэртэ-су-Жуар и Мо; IV-й рез., в состав которого передавалась одна дивизия II го кав. корпуса — перейти в восточные окрестности Нантейля, где и принять на себя обеспечение правого фланга армии со стороны Парижа; двум дивизиям II-го кав. корпуса приказано переправиться у Ла-Фэртэ-су-Жуар и наступать в связи с IV-м корпусом. Главный удар Клука был направлен на участок Ребэ — Монмирай, против левого фланга 5-й франц. армии и в промежуток между нею и английской армией; против последней же наступал только один II й корпус.

К вечеру 4 сентября корпуса выполнили назначенные им передвижения (на левом фланге армии с небольшими боями с французскими арьергардами) и достигли: IV-й, III-й и IX-й—линии Ребэ—Монмирай, конница—реки Марны у Ла-Фэрте-су Жуар, а II-й корпус — Трильпора. Следовательно, три германские корпуса уже готовы были вклиниться между 5-й франц. и английской армиями, а на следующий день к ним должны были подойти две кав. дивизии; с фронта французов должна была теснить II-я армия. Казалось, наступал, наконец, после многодневных утомительных маршей и нерешительных боев, тот долгожданный момент, когда удастся напасть на одну из французских армий, в условиях благоприятных для нанесения ей решительного поражения! Завтра она будет атакована и, несомненно, будет разбита...

Однако, в то время, когда на берегах Мал. Морэна германские генералы, в нетерпеливой погоне за противником, уже предвкушали победу, в одном из уголков неприятельского стана происходила работа, которая должна была спутать все их расчеты, разбить все их надежды. Это была работа, которая велась в штабе парижского укрепленного района под руководством ген. Галиени. Из за валов порученной ему крепости, парижский военный губернатор зорким глазом следил за смелым движением германских полчищ, точно охотник, выслеживающий зверя. Старый солдат, подвижной и деятельный, несмотря на свои преклонные годы, призванный после вынужденного бездействия на этот ответственный пост в столь решительную минуту, он отдался своему делу

с пламенным увлечением. В его лице Клук получил опасного врага и соперника на пути к славе, борьба с которым не предвещала ему успеха. Приближался один из наиболее драматичных моментов кампании: противники, занявши угрожающее положение один в отношении другого, собирались нанести друг другу удар, от силы и направления которого зависел весь ход дальнейших операций на Марне. Удар Клука был бы, конечно, тяжелым, но он заносился на виду у французов, ожидавших его и принимавших меры к тому, чтобы уклониться от него; удар же, подготовлявшийся его противником, должен был быть ударом внезапным, неожиданным, а следовательно, и более решительным и опасным.

Дни 1—4 сентября в Парижском районе.

Проследим теперь за работой штаба парижской крепости по подготовке к активным действиям против правого крыла германцев.

2 сентября войска 6 й франц. армии продолжали отходить к Парижу: 7-й корпус и 55-я рез. дивизия — на Крей и Шантильи; 56-я рез. дивизия и марокккская бригада — на Понтарме. Отступление прикрывалось сводной кав. дивизией, которая в ночь на 3-е была направлена к Дамартену для наблюдения за промежутком между 5-й и 6-й франц. армиями. Главные силы кав. корпуса ген. Сорде отошли за Сену, расположившись у Манта. Сводная кав. дивизия в течение 3 сентября наблюдала за движением войск I-й герм. армии, осведомляя об этом штаб парижского укрепленного района, а 4-го получила приказание вернуться в состав своего корпуса; в тот же день она ушла к Марне, переправилась через реку между Парижем и Ланьи, но вслед затем была возвращена на правый берег. Конница Сорде вновь была передана в непосредственное подчинение главнокомандующего.

К вечеру 3 сентября все войска 6-й франц. армии собрались под Парижем: 7-й корпус — у Лувра, по обе стороны дороги из Парижа в Сенли; 55-я и 56-я рез. дивизии и марокккская бригада—у Дамартена; морская бригада адм. Ронара и 45-я (алжирская) дивизия—в общем резерве у северных фортов Парижа. Группа рез. дивизий ген. Эбенера

попрежнему находилась у Понтуаза, а территориальные войска занимали фортовой пояс крепости. Резервные войска были сильно расстроены маршами и боями предыдущих дней и обладали малой боеспособностью.

В течение 3-го и 4 сентября, благодаря энергичным разведывательным мерам, принятым штабом парижского укрепленного района, обстановка на нижней Марне постепенно выяснялась для ген. Галиени; соответственно этому зарождались и последовательно развивались оперативные соображения по использованию французских войск, сосредоточенных около столицы. К ночи с 3-го на 4 сентября группировка I-й герм. армии представлялась французам в следующем виде: один корпус—к югу от Крей и Сенли, другой—между Нантейлем и Лизи (на Урке) и три корпуса—между Урком и Марной, что вполне отвечало действительному положению германских войск ген. Клука. Эти сведения определяли собою обстановку, настолько выгодную для наступления французов со стороны Парижа во фланг и тыл I-й герм. армии, что она казалась сначала даже невероятной, почему ген. Галиени решил тщательно обследовать 4 сентября, путем воздушной разведки, район между Уазой и Марной. К 10 ч. утра эта разведка была окончена и вполне подтвердила сведения о движении Клука за Марну: один его корпус был обнаружен на пути от Сенли к Урку, остальные четыре корпуса — частью за Марной, а частью еще на реке между Шато-Тьери и Урком, а германская конница—у Круи. Дорога Париж — Сенли и местность к западу от нее была свободна от противника. Теперь не оставалось никакого сомнения, что I-я герм. армия, имея лишь слабые силы западнее Урка, уходит за Марну, подставляя под удары французских войск парижского укрепленного района свой правый фланг и даже свой тыл. Возможно ли было не использовать таких исключительно благоприятных условий для флангового маневра войсками, сосредоточенными под стенами Парижа? И в это же утро ген. Галиени, после совещания со своим начальником штаба (ген. Клержери), принимает следующее решение: если немцы и завтра будут продолжать движение в том же направлении, то атаковать их

всеми силами парижской армии. По подсчетам штаба парижского укрепленного района в этой атаке могли принять участие около 100 тыс. чел., что давало французам несомненное численное превосходство над противником[1]). Но следует принять во внимание, что бо́льшая часть этих войск состояла из резервных частей, потерпевших недавно крупные неудачи, сильно расстроенных и морально подавленных ими; поэтому, возможно принять, что силы обеих сторон были приблизительно равные.

С полудня 4 сентября ген. Галиени приступил к подготовке намеченного им наступления. Раньше всего об этом было сообщено ген. Монури, которому приказано быть готовым к выступлению в тот же день, причем в его распоряжение передана из общего резерва 45-я (алжирская) дивизия. Затем, о принятом решении донесено главнокомандующему. После полудня Галиени, вместе с Монури и Клержери, отправился в Мелен, в штаб английской армии, с целью переговорить с фельдм. Френчем и привлечь англичан к участию в совместных действиях против I-й герм. армии. Ни Френча, ни его начальника штаба не оказалось в это время в Мелене, почему в состоявшемся здесь совещании участвовали второстепенные представители английского штаба, не имевшие права принимать каких-нибудь решений. В виду этого, совещание имело лишь осведомительный характер, но в мнениях, высказанных английскими представителями, ясно обнаружилось их отрицательное отношение к задуманному французами наступлению, мотивированное утомлением войск и необходимостью предоставить английской армии некоторое время для отдыха. По возвращении своем в Париж, Галиени получил от фельдм. Френча уведомление, что, с целью предоставления 6-й франц. армии свободного пространства для наступления южнее Марны, он отводит, в ночь на 5 сентября, английские войска далее

---

[1]) В пяти пех. корпусах и одном кав. корпусе I-й герм. армии, ослабленных потерями в боях и оставлением войск на сообщениях и не получивших еще пополнения, едва ли было в то время более 80 тыс. чел.

к югу. Вот какое своеобразное содействие решили оказать англичане своим союзникам! Вместо того, чтобы поддержать их своим наступлением, они решили помочь им своим отходом!.. Это решение было неуместно не только в той обстановке, которая существовала в тот день, но еще более оно было неуместным в интересах последующих операций, лишая английскую армию возможности быстро поддержать французов в случае их неудачи или способствовать развитию операции при успехе.

От главнокомандующего было получено сообщение, что находя момент для атаки германцев удобным и, в общем, одобряя план действий, составленный Галиени, он решил направить 6-ю франц. армию по левому берегу Марны, чтобы дать ей возможность наступать в тесной связи с англичанами, которым предложено принять участие в совместном с французами наступлении. Однако, мы видели, что фельдм. Френч вовсе не был склонен к таким совместным действиям и, с целью уклониться от них, предпринял совершенно ненужное, бесцельное и несвоевременное отступление своей армии к югу.

Предложение Жоффра произвести удар от Парижа по южному берегу Марны, об'ясняемое его желанием держать 6-ю армию в тесной связи с главной массой своих войск, в значительной мере с'уживало размах обходного маневра против правого фланга германцев, а потому и придавало всей операции менее решительный характер, чем было возможно в данных условиях. Это побудило ген. Галиени просить у главнокомандующего разрешения наступать по правому берегу, в виду несомненных стратегических преимуществ такого наступления, что и было разрешено в тот же вечер.

Между тем, во французской главной квартире постепенно назревало решение более широкого, более значительного характера. Обстановка, определившаяся к 4 сентября на нижней Марне и выход союзных армий из-под ударов противника, давший им возможность, путем отдыха и пополнений, восстановить свою боеспособность, привели французского главнокомандующего к заключению, что наступил

момент, вполне благоприятный для перехода в общее наступление и для выполнения того флангового маневра, который был предусмотрен в директиве от 25 августа, и так неудачно испробован на р. Сомме. В виду этого, было решено перейти 6 сентября всеми армиями в наступление и поручить ген. Галиени организацию и выполнение, собранными около Парижа войсками, движения в тыл I-й герм. армии. В директиве главной квартиры от 4 сентября армиям было приказано прекратить отступление 5-го, с тем, чтобы на следующий день приступить к выполнению грандиозного маневра между Верденом и Парижем: опираясь правым флангом (3-й армией) на Верден и удерживаясь в центре (4-й и 9-й армиями), левым флангом (5-й, английской и 6-й армиями) нанести противнику удар с обходом его правого фланга [1]).

Оценка германского решения идти за Марну.

Итак, сами немцы, ничем к тому не вынуждаемые, становились в весьма опасное положение, подставляя свой правый фланг и тыл обходному маневру противника. На кого же следует возложить ответственность за это положение, вызванное движением правого фланга германских армий за Марну? При разборе директивы германской главной квартиры от 2 сентября мы видели, что выполнение указанной в ней задачи было возможно лишь с движением I-й герм. армии за эту реку, вслед за быстро отступавшими неприятельскими войсками. Уход этой армии за Марну определялся всецело упомянутой выше директивой, почему не может быть никакого сомнения, что, перебрасывая свои корпуса на левый берег, Клук выполнял волю главного командования. Правда, он не выполнил требования директивы в отношении расположения своих войск уступом за II-й армией, что и дало повод некоторым исследователям этих событий упрекать его в своеволии; но, упрекая Клука за то, что он не остановился на правом берегу

[1]) Эта директива будет более подробно изложена во 2-м томе в главе, посвященной сражению на Марне.

Марны, чтобы дать возможность Бюлову выдвинуться вперед, эти критики, несомненно, имеют в виду ту обстановку, которая им известна в настоящее время, но не ту, которую видел перед собой Клук, когда принимал свое решение. Конечно, если бы он знал, что через два дня противник перейдет в общее наступление и одновременно с этим поведет атаку со стороны Парижа, то, может быть, он избрал бы более осторожный образ действий; но так как предусмотреть всего этого было невозможно, то мог ли он, по соображениям психологическим, предоставить неприятелю возможность спокойно отходить за Сену, тому неприятелю, над головой которого он уже заносил свой удар? И что сказали бы эти же критики в том случае, если бы Клук простоял в бездействии на Марне, а союзники отошли бы за Сену? Ответственность за уход I-й герм. армии за Марну лежит всецело на главном командовании. Но правильно ли поступило оно, приказавши этой армии преследовать французов в юго-восточном направлении, минуя Париж? Как мы знаем, немцы ставили себе целью обойти левый фланг союзников, оттеснить их армии к крепостям восточной границы Франции и здесь их окружить и уничтожить. Была ли эта цель более достижимой и более важной в общем ходе войны, чем овладение французской столицей? Может быть, достижение этой цели было и гораздо труднее, но зато эта цель приводила к более значительным результатам, которые могли бы дать немцам возможность в кратчайшее время победоносно закончить войну. Как ни велико было бы моральное значение падения Парижа, но оно все же не могло привести к таким плодотворным последствиям и не обещало скорого окончания борьбы; не говоря уже о том, что осада столь обширной крепости должна была на продолжительное время ослабить активные операции полевых армий, и дала бы неприятелю возможность и время усилиться и занять более выгодное стратегическое положение. Для немцев же, при ведении войны на два фронта, выигрыш во времени являлся необходимым условием для достижения решительного успеха. Поступая таким образом, немцы оставались верны стратегическим заветам фельдмар-

шала Мольтке, который еще в своих мемуарах, относящихся к 1859 году, писал по поводу возможной войны с Францией: „Если французская армия будет сосредоточена в районе Реймса, то нам необходимо сначала отбросить ее за Марну, Сену, Иону и Луару и только после этого идти на Париж...“

Несомненно, что, следуя этому завету своего великаго учителя, германский генеральный штаб ставил своим армиям правильную задачу и указывал им важнейшую цель на пути к достижению победы. Но он не предусмотрел одного, весьма важного, обстоятельства: возможности неприятельского контр-маневра, который мог неожиданно видоизменить обстановку и вынудить германские армии, или повести наступление в новом направлении, или даже перейти к обороне. Германское главное командование, повидимому, не ожидало чего-либо подобного на своем правом фланге. В самом деле, не территориальные ли дивизии ген. д'Амада, разбегавшиеся при появлении нескольких германских эскадронов, могли угрожать этому флангу? Или английская армия, дважды разбитая и отступавшая день и ночь с поспешностью, придавшей отступлению характер бегства? Наконец, не эти ли малостойкие, разбросанные французские части, которые пытались задержать на Сомме победоносное движение корпусов Клука, но которые отступали или разбегались при первом натиске германских авангардов? Нет, конечно, в представлении германского генерального штаба ничто не могло в те дни угрожать правому флангу германских армий. Тем не менее, случилось нечто совершенно непредвиденное и необыкновенное: неожиданно раскрылись стены парижской крепости и оттуда, как из под земли, вышла новая армия. Однако, новая французская армия была создана не в Париже; она пришла с р. Соммы, из амьенского района, где уже с 28 августа она заняла положение, угрожавшее правому флангу I-й герм. армии, и сохраняла его во все время своего отступления к Парижу.

Все это указывает на то, что немцы не отдавали себе отчета в том, что именно происходило на левом фланге союзников, и не понимали действительного значения сосредо-

точенных здесь неприятельских сил. Этому способствовали, с одной стороны, слабое сопротивление, оказанное французскими войсками в боях на Сомме, которое привело немцев к пренебрежительному отношению к этой группе противника, а с другой стороны, тяготевшая уже с 28 августа над оперативными замыслами Клука, предвзятая идея о необходимости вести преследование в юго-восточном направлении и осуществленная им 31 августа, с одобрения главного командования. Все это в совокупности и создало у немцев ту психологию, при которой оказалось возможным пренебречь парижским районом и сосредоточить все свое внимание на неприятельских силах, ушедших за Марну.

Удивительно то, что войска Монури на всем своем пути от Соммы до Парижа, несмотря на сравнительно медленное свое движение, не подвергались нападениям противника, который, повидимому, даже и не наблюдал за отступлением этих войск. Ошибка немцев заключалась вовсе не в том, что они не пошли на Париж, а ушли за Марну, а в том, что, принимая это совершенно правильное решение, они не выяснили обстановки на своем правом фланге и не приняли мер для его прочного обеспечения. Эта ошибка нисколько не стала бы более извинительной, если бы армия Монури даже и была образована в Париже, потому что наступавший, имея на своем фланге обширную крепость, вмещавшую в себе крупный гарнизон, всегда должен был иметь в виду вероятность каких-либо активных действий со стороны находившихся в этой крепости неприятельских войск. Но никакого сильного заслона к стороне Парижа немцы не имели; увлеченные преследованием англо-французских войск, отступавших за Марну, уверенные в своих силах, охваченные нетерпением поскорее покончить с противником, не допускавшие с его стороны какого-либо смелого решения, они пренебрегли и Парижем, и теми неприятельскими силами, которые могли еще оставаться севернее Марны. Похоже было на то, как будто бы судьба устанавливала некое равновесие в стратегическом положении сторон: ошибка французов, допущенная ими при развертывании их армий на границе в первые дни войны и приве-

шая их к тяжким поражениям в большом пограничном сражении и к отступлению до стен Парижа, казалось, должна была сократиться за ошибку германцев, сделанную ими в своем победоносном движении за Марну. В дальнейшем мы увидим, как через два дня после этого германское главное командование пыталось исправить эту ошибку мерой весьма решительного характера, но мерой уже запоздалой. В эти дни положение на театре военных действий достигло крайнего напряжения, почему каждый последующий день, каждый последующий час мог дать совершенно новые, неожиданные явления. И таковыми в действительности изобиловало разыгравшееся вслед за этим сражение на Марне.

4. Операции в тылу германских армий и в Эльзас-Лотарингии.

(Схемы №№ 12 и 19).

Атака германцами крепости Мобежа. (29 августа—7 сентября).

С продвижением II-й герм. армии за р. Самбру, в тылу у нее оставалась французская крепость Мобеж, запиравшая прямой железнодорожный путь из Брюсселя в Париж. Первоначально предполагалось атаковать эту крепость тремя корпусами (IX-м I-й армии, VII-м и VII-м рез.—II-й) под общим руководством командира VII-го корпуса ген. Эйнема; но так как уже с 26 августа стало ясно, что противник, отступавший перед II-й армией, сохранил еще способность оказывать сильное сопротивление, то 27-го было решено VII-й и IX-й корпуса оставить в составе своих армий, а атаку крепости поручить VII-му рез. корпусу (ген. Цвеля)[1]).

Крепость Мобеж расположена на обоих берегах р. Самбры. Город окружен старой непрерывной оградой, давно потерявшей всякое оборонительное значение. В период с 1878-го

[1]) В это время одна из дивизий этого корпуса (13-я рез.) находилась еще в гарнизоне Льежа, почему временно, вместо нее, в распоряжение ген. Цвеля была назначена одна бригада VII-го корпуса.

по 1896-й год вокруг крепости была построена линия передовых укреплений, вынесенных на $3^1/_2$—5 килом. от внутренней ограды и с общим обводом в 32 килом. Эта передовая линия состояла из 6 фортов и 7 промежуточных укреплений (в виде группы люнетов и батарей, обнесенных проволочными заграждениями). На левом берегу Самбры находились: форт Бусуа, промежуточные укрепления Салемань и Берсильи, форт Сарт, промежуточное укрепление Эрфонтен, форт Лево и промежуточные укрепления Фейни и Грево; на правом берегу—форты Омон и Бурдио, промежуточное укрепление Ферьер-ла-Птит, форт Серфонтейн и промежуточное укрепление Рок. В промежутках и за передовой линией кое-где были построены батареи. Форты Бурдио, Омон и Сарт имели новейшие броневые покрытия, а промежуточные укрепления местами—бетонированные помещения. Между фортом Бусуа и укреплением Салемань оставался большой, слабо обороняемый промежуток. Крепость имела гарнизон около 50 тыс. чел. французских войск [1]), а на вооружении крепостных верков около 350 крепостных орудий разнообразных калибров (до 22 сант., с дальностью не превышавшей 7 килом.). Комендантом крепости был ген. Фурнье.

Еще в мирное время германским генеральным штабом были составлены соображения для атаки Мобежа на различных участках фортового обвода. Считалось наименее выгодным атаковать северный фронт, где находился сильный форт Сарт, а наиболее удобным—восточный фронт, т.-е. промежуток между фортом Бусуа и укреплением Салемань, а также слабые укрепления правого берега Самбры. Силы, необходимые для овладения крепостью, исчислялись в 5 рез. дивизий, около 300 осадных орудий (калибром от 10 до 21 сант.), два инженерных полка и другие технические части. В действительности, как будет видно, крепость была взята значительно меньшими силами.

[1]) $27^1/_2$ батальонов пехоты (3—полевых, 6—резервных и $18^1/_2$—территориальных), 2 эскадрона, 28 легких батарей (из них только 4—в запряжке) и 7 саперных рот; всего людей (с крепостной артиллерией)—49 тыс. чел.

VII-й рез. корпус прибыл из Шарлеруа к Мобежу 26 августа и на следующий день приступил к разведке крепостных позиций и к распределению своих войск по участкам фортового пояса. Для главной атаки был избран северо-восточный фронт (ф. Бусуа—укр. Салеманъ), для вспомогательной—юго-восточный (ф. Серфонтейн—укр. Рок). Войска были распределены таким образом: 1-й сектор (ручей Труиль—р. Самбра ниже крепости)—28-я пех. бригада, 16 легких и 50 тяжелых орудий, калибром от 10 до 42 сант.; 2-й сектор (р. Самбра ниже крепости—ручей Сольр) — 27-я рез. пех. бригада [1]), 16 легких и 24 тяжелых орудия, калибром от 10 до 21 сант.; 3-й сектор (ручей Сольр—р. Самбра выше крепости)—26-я пех. бригада [2]) и 16 легких орудий; а 4-й сектор (р. Самбра выше крепости—ручей Труиль) лишь наблюдался небольшой конной частью. В 1-й, 2-й и 3-й секторы, кроме того, были назначены небольшие части технических войск и конницы. Действиями всей осадной артиллерии руководил ген. Штейнмец, уже имевший опыт атаки Льежа и Намюра, где он находился в такой же роли.

Осадные батареи окончательно заняли свои места к 31 августа. Пехота же к этому времени выдвинулась на линию Живри—Ренг—Эркелин — Жемон — Эб — Берель, где, вследствие своей малочисленности, образовала лишь слабое сторожевое охранение, занимавшее некоторые пункты, главным образом, с целью прикрыть расположение артиллерии. В 1-м секторе осадные батареи стояли у Живри, Руверуа, Пейсана, Эркелина и Мэрб-ле-Шато; во 2-м — у Берсильи-Лябе и севернее. Огонь по крепости был открыт в 1-м секторе 29 августа, а во 2-м—2 сентября. До 31 августа французы вели из крепости слабый огонь, но в последующие дни энергично отвечали атакующему. С 1 сентября к немцам начали подходить из Льежа части 13-й рез. дивизии, что дало им возможность образовать небольшой отряд (пех. полк с 12 легк. оруд. и 4 эск.) для 4-го сектора, располо-

[1]) 28-я пех. и 27-я рез. пех. бригады составляли 14-ю рез. дивизию.
[2]) 13-й дивизии VII-го корпуса.

живши его у Лонгевиля и, кроме того, оставить 5 батальонов в общем резерве за 1-м сектором. Осадные батареи, в виду недостатка огнестрельных припасов, стреляли по крепости редким огнем [1]). 1 сентября французы произвели, отрядом из 10 батальонов пехоты с артиллерией, вылазки у Ренга и Марпента, легко отбитые немцами. С утра 4 сентября атакующий начал в 1-м секторе наступление пехотой; 5-го Берсильи и Салеманъ были окружены и взяты без большого сопротивления со стороны противника. С этого дня фортовая линия была уже прорвана, а на следующий день внезапным нападением с горжи взят форт Бусуа, накануне подготовленный к штурму обстрелом минометами; на правом же берегу Самбры занято, разрушенное артиллерийским огнем, укр. Рок.

7 сентября, несмотря на то, что осадные батареи вели огонь ограниченным числом снарядов, запас которых приходил уже к концу, германская пехота овладела, при слабом сопротивлении противника, в 4-м секторе фортами Сарт и Лево, а во 2-м—фортом Серфонтейн. Такое быстрое оставление французами этих укреплений наводило на мысль, что они решили прорваться к западу или юго-западу, в виду чего войскам 3-го и 4-го секторов было приказано наступательными действиями воспрепятствовать неприятелю выйти из крепости. Между тем, неожиданно, в 4-м часу дня к ген. Цвелю прибыл из Мобежа парламентер, сообщивший о согласии ген. Фурнье сдать крепость. Вечером 7-го и утром 8 сентября германские войска заняли не взятые еще укрепления, город и железнодорожную станцию. На фортах оказались местами большие разрушения от артиллерийского огня, но промежутки были совсем нетронуты. Весь гарнизон и все вооружение крепости (40 тыс. чел. и 460 оруд.) были трофеями германцев.

Со взятием Мобежа была открыта одна из важнейших тыловых железнодорожных линий и вместе с тем в руки

---

[1]) Штейнмец постоянно посылал своих офицеров на тыловые железнодорожные станции искать поезда с огнестрельными припасами, но в их руки попадало небольшое количество таковых.

немцев перешел важный железнодорожный узел, облегчивший впоследствии переброску германских войск с левого фланга на правый.

Падение этой крепости, в противоположность другим крепостям, взятым в эту войну германцами, ни в каком случае не являлось результатом могущественного действия артиллерии атакующего, которая, как было мною указано, в течение всей осады страдала недостатком огнестрельных припасов и вела, сравнительно, слабый огонь по крепостным веркам. Мобеж был взят немцами, в значительной степени, благодаря смелым и искусным действиям своей пехоты, прорывавшейся в промежутках, окружавшей отдельные участки крепостных позиций, штурмовавшей укрепления с горжи и широко использовавшей элемент внезапности. Наоборот, обороняющийся, вчетверо превосходивший атакующего численностью войск и количеством орудий, действовал крайне пассивно, не решаясь производить вылазок крупными силами, а к концу обороны отказался от прорыва, который был вполне возможен в западном и юго-западном направлениях. Льеж и Намюр пали вместе с падением своих последних фортов, тогда как Мобеж сдался, имея еще неразрушенной и незанятой противником большую часть своих укреплений [1]).

Оборона Мобежа совпала по времени с подготовкой и с первыми днями марнской операции; но много ли она отвлекла неприятельских сил с боевых полей Марны? Если не считать 13-й рез. дивизии, которая начала прибывать по частям из Льежа к Мобежу лишь 1 сентября и поэтому не могла бы поспеть к боям на Марне, даже и не задерживаясь под крепостью, то окажется, что последняя отвлекла на себя лишь три пехотные бригады с несколькими мелкими частями конницы и технических войск. Конечно, и эти силы, своевременно введенные немцами в бой на своем правом

---

[1]) Ген. Цвель, в своей книге „Maubege, Aisne, Verdun", говорит на основании своего личного осмотра укреплений Мобежа после сдачи крепости, что хорошая пехота могла бы еще долго оборонять эти укрепления.

фланге, могли бы в некоторой степени облегчить их положение на Урке и на нижней Марне, хотя и не привели бы к решительному повороту в ходе событий. Во всяком случае, если отвлечение этих трех германских бригад с марнских полей и может считаться для французов успехом, то куплен он ими недешевой ценой.

Боевые действия в Вогезах и Лотарингии, с 28 августа по 4 сентября.

В то время, когда главные силы обеих сторон выполняли в северной Франции широкие маневры и быстрые марши, от успешности которых, для каждой из них, зависела участь кампании, на южном участке фронта, в Лотарингии и вогезских горах, находившиеся здесь небольшие силы противников решали более скромные оперативные задачи. Для французских армий (1-й и 2-й) задача была указана в директиве Жоффра от 25 августа и заключалась в привлечении на себя возможно больших неприятельских сил, с целью ослабить натиск германцев на главном операционном направлении; для германских армий—в директиве германской главной квартиры от 27 августа, указавшей VI-й армии наступать между Тулем и Эпиналем на Нэфшато, обложив Туль и Нанси, а VII-й воспрепятствовать неприятельскому наступлению между Эпиналем и швейцарской границей. Эти задачи требовали от каждой из сторон совершенно самостоятельных действий, не связанных непосредственно с главными операциями, но они должны были в большей или меньшей степени облегчать эти операции и способствовать их успешному выполнению.

В VIII-й главе было мною указано, что к 28 августа французы и немцы занимали друг против друга расположение по р.р. Мерте и Мортани от Сен-Дие до Нанси, имея небольшие наблюдательные части вдоль вогезского хребта до Бельфора. В первые дни рассматриваемого нами периода, наступательные действия велись, главным образом, французами, стремившимися к тому, чтобы не быть отброшенными к фортам своих восточных крепостей и приковать к лотарингским позициям находившегося здесь противника.

Французские армии примыкали одна к другой на р. Мортани, севернее Рамбервилера. В течение 28-го и 29 августа левый фланг 1-й армии (8-й и 13-й корпуса, имея слева 6-ю кав. и справа 44-ю пех. дивизии) неоднократно атаковал, на обоих берегах реки у Клезантена и Ксафевилера, германские войска XXI го и I-го бав. корпусов, но не достиг никакого успеха; и все остальное время до 4 сентября бои уже не возобновлялись на этом участке. Более оживленными, но не более удачными для французов, были бои в центре их 1-й армии, где 21-й и 14-й корпуса с 28 августа по 1 сентября вели упорные бои между Мортанью и Мертой (у Сен-Бенуа, Этиваля и Сен-Дие) с I.м бав., XIV-м и XV-м корпусами германцев; 29 августа, сильной контратакой этого последнего корпуса от Этиваля, 14-й франц. корпус был отброшен на несколько километров к западу. Это, между прочим, создало тяжелое положение для 21-го корпуса у Сен-Бенуа и Рамбервилера, откуда он пытался продвинуться к Мерте, но каждый раз был оттесняем баварцами. Неудача 14-го корпуса вынудила бригаду 58-й рез. дивизии, стоявшую у Сольси, отойти к Фрэзу, что угрожало обходом правого фланга французов у Сен-Дие; в виду этого, командующий армией передвинул 41-ю пех. дивизию от Шлюхта в район Фрэза, на случай необходимости противодействовать обходному маневру противника. Но в ближайшие дни 14-му корпусу удалось восстановить свое положение между Этивалем и Сен-Дие.

Далее к югу обе стороны, укрепившись в вогезских проходах, проявляли мало активности. Французы занимали Танн (частями 58-й рез. дивизии), дорогу от прохода Боннома на Кольмар (81-й бригадой и 5-ю альпийскими батальонами) и район Бельфор – Дамеркирх (57-й и 66-й рез. дивизиями); против них располагались на горных позициях германские войска XIV-го рез. корпуса и нескольких эрзац-резервных и ландверных частей. В это время события в центре и на левом фланге французского фронта требовали отправления туда подкреплений, почему 2 сентября 21-й корпус был снят с позиций к северо-востоку от Рамбервилера, сменен здесь 44-й дивизией и направлен к Брюеру и

Эпиналю для посадки и перевозки на запад. С уходом этого корпуса 1-я франц. армия обратилась к обороне и усилению своих позиций [1]).

2-я франц. армия, подобно 1-й, настойчиво стремилась оттеснить противника к северу и северо-востоку, но не достигла в этом отношении никаких существенных результатов. В течение трех дней, с 28-го по 30 августа, 16-й корпус с 74-й рез. дивизией атакует у Жербевилера войска II-го бав. корпуса, переправляется через Мортань к северу от этого пункта, продвигается на некоторое расстояние к Фрембуа, но затем контр-атакой баварцев отбрасывается обратно к реке; Жербевилер, несколько раз переходивший из рук в руки, остается в руках немцев. Левее, 15-й корпус 28 августа успешно переправляется через Мортань, у впадения ее в Мерту, и наступает к Люневилю, но на полпути до этого города задерживается баварцами и в последующие дни остается на месте. Что же касается 20-го корпуса, находившегося по обе стороны р. Санона, то он нигде не мог продвинуться, встречая сильное сопротивление частей I-го бав. рез. корпуса, занимавшего расположение от Айнвиля до Люневиля [2]). Но севернее р. Санона 70-я рез. дивизия французов 1 сентября несколько продвинулась к Арокуру. Находившийся здесь противник (III-й бав. и эрзац. рез. корпуса) не проявлял в это время наступательных намерений, действуя, преимущественно, артиллерийским огнем и мало обнаруживая свою пехоту; такой способ его действий об'ясняется подготовкой немцев в этом районе к атаке Нанси, начавшейся через несколько дней после этого.

2 сентября 2-я франц. армия была ослаблена выделением из ее состава 15-го корпуса, двух бригад 9-го (находившихся у Нанси), 10-й кав. и одной бригады 2-й кав. диви-

---

[1]) Этот корпус был назначен первоначально в 3-ю, а затем в 4-ю армию.

[2]) 28 августа командир 20-го корпуса, ген. Фош, назначен командующим армейской группой, выделенной из 4-й франц. армии; вместо него в командование корпусом вступил ген. Бальфурье.

зии, отправленных на запад [1]). Такое ослабление этой армии вызвало необходимость перегруппировки ее войск: 16-й корпус, с 74-й рез. дивизией, занял участок от Жербевилера до р. Мерты, имея свои главные силы на левом берегу Мортани; 20-й корпус, с 70-й рез. дивизией, протянул свой левый фланг за р. Санон на Арокур и Ремеревиль. Три рез. дивизии (64-я, 68-я и 73-я) находились на позициях Гран-Куронэ, непосредственно прикрывая Нанси.

Директивой от 27 августа VI-я герм. армия получила задачу прорвать французский крепостной фронт между Тулем и Эпиналем, а 31-го, кроме того, ей было приказано овладеть Нанси войсками своего правого фланга. К выполнению этого она приступила лишь 4 сентября, отчасти задержанная наступательными действиями противника, а, главным образом, вследствие необходимости подготовиться к этому наступлению и сосредоточить потребную для него тяжелую артиллерию. Эта операция известна под названием сражения у Нанси, так как одним из крупнейших эпизодов ее являются бои в окрестностях этого укрепленного города. И по времени, когда оно было выполнено, и по основной идее, которая была в него заложена, это сражение тесно связано с боевыми действиями сторон на Марне, почему оно и будет изложено мною в одной из следующих глав.

Каковы же были результаты, достигнутые каждой из сторон в этот недельный промежуток времени? Необходимо признать, что стратегический успех за эти дни, несомненно, был на стороне французов. В то время, когда немцы еще только собирались приняться за выполнение данной им задачи, французские войска 1-й и 2-й армий блестяще выполнили предначертания своего главного командования. Хотя им не удалось оттеснить противника, но везде, по всему фронту Лотарингии и Вогезов, они крепко удерживали перед собой германские войска, ни одна часть которых не была за эти дни снята с позиций для отправ-

[1]) 15-й корпус—в 3-ю армию, бригады 9-го корпуса—в 9-ю армию, а конница—в Эперне, на сформирование 2-го кав. корпуса.

ления на запад. А сами французы, не прекращая наступления то в одном, то в другом месте, сумели, незаметно для противника, выделить из состава своих двух армий 5 пех. и $1^1/_2$ кав. дивизии и отправить их на подкрепление своих войск в район главных операций. Лишь 4 сентября, в тот день, когда германская тяжелая артиллерия, сосредоточенная перед Нанси, начала громить Гран-Куронэ, а баварские корпуса стали стучаться в ворота французской крепости, началось ослабление и германских войск в Эльзас-Лотарингии; уже имея тревожные сведения о перебросках французских войск с различных участков фронта в парижский район, германское главное командование приказало в этот день ген. Геерингену отправиться на запад со штабом армии, XV-м корпусом и 7-й кав. дивизией (VI-й армии); остальные его войска переданы в подчинение кронпринца баварского.

Таким образом, уже с обеих сторон шло постепенное ослабление войск на эльзас-лотарингском фронте, а вместе с тем обнаружился и постепенный переход от наступательных к оборонительным действиям, от маневренных операций к позиционной войне. Однако, пока последняя успеет охватить своими мертвящими оковами весь участок между Мозелем и Вогезами, берега Мерты и Мортани и передовые позиции Нанси еще увидят яркие вспышки маневренной энергии борющихся в боях ближайших дней.

5. Общая оценка боевых действий сторон после пограничного сражения.

Оценка германских действий и решений.

Пограничное сражение, сопровождавшееся неожиданно быстрым успехом германского оружия, приведшее англо-французские армии к поспешному отступлению и открывшее немцам доступ во внутренние области Франции, создало в германской главной квартире весьма опасные иллюзии. В представлении германского главного командования противник казался совершенно разбитым, потерявшим боеспособность, морально подавленным и едва ли пригодным для каких-

нибудь крупных операций в ближайшее время. Оставленные противником за собой следы поражения создавали картину разгрома, чему так хотелось верить, как награде за понесенные труды и принесенные жертвы. И теперь оставалось только энергично преследовать этого расстроенного неприятеля, чтобы, не давая ему передышки и не позволяя ему усиливаться подкреплениями, возможно скорее уничтожить его. Такой взгляд на положение сторон на театре военных действий до такой степени прочно сложился у немцев, что их главная квартира ни на минуту не задумалась отправить на восток два корпуса из состава правофланговых армий. Следовательно, из тех армий, от победоносного наступления которых, главным образом, и зависел успех выполнения широкого обходного маневра, составлявшего всю сущность, всю оперативную ценность шлиффеновского плана войны!.. Правда, первоначально для отправления на восток были назначены корпуса из центра и левого фланга, но командующий VI-й армией доносил, что перед ним находятся значительные силы противника и что, ослабленный на 1—2 корпуса, он не будет в состоянии вести наступления. И главное командование испугалось этой угрозы и ослабило на два корпуса свой правый фланг, повидимому, полагая, что он уже может быть ослаблен и что для него уже не предстоит впереди никакой трудной задачи. Какое извращение основной идеи всего плана кампании! [1]).

Между тем, события ближайших дней не оправдали этих соображений. Судя по характеру боевых столкновений при отступлении союзных армий, последние нигде не понесли решительного поражения, а на некоторых участках фронта

[1]) Впоследствии ген. Мольтке признал отправление двух корпусов на восток ошибочной мерой, оказавшей вредное влияние на последующие операции и на исход сражения на Марне. (См. Generaloberst Hellmuth von Moltke. Erinnerungen, Briefe, Documente, 1877—1916, стр. 435). Германское официальное описание войны (Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Erster Band. стр. 609) говорит, что Мольтке, уже вскоре после отправления этих корпусов на восток, понял нецелесообразность этой переброски, но не пожелал отменить ее, опасаясь, что такая отмена может подорвать в войсках доверие к оперативным решениям главного командования.

не только упорно оборонялись, но и обнаружили способность к активным действиям. IV-я и V-я герм. армии, при своем переходе через Маас, встретили сильное сопротивление противника, с трудом продвигаясь и неся большие потери. Тем не менее, германская директива от 27 августа еще имеет в виду очень широкие задачи, указывая правому флангу армий движение в обход Парижа с запада и как бы стремясь направить ход операций в русло основной идеи шлиффеновского плана. Может быть, даже и больше этого: имеются указания на то, что в эти дни германское главное командование замышляло расколоть французский фронт своими центральными армиями (III-й и IV-й) и произвести отдельно окружение левого неприятельского фланга у Парижа (I-й и II-й армиями) и правого фланга в районе Верден—Нанси—Туль (V-й, VI-й и VII-й). Медленное продвижение V-й армии севернее Вердена и задержка противником VI-й на линии восточных крепостей расстроили этот план, тем более, что такое решительное настроение сохранялось в германской главной квартире очень недолго и уже 30 августа II-я и III-я армии получают южное направление вместо юго-западного, а предпринятый, по инициативе ген. Клука, поворот его армии к юго-востоку получает одобрение главного командования. Это, между прочим, привело раньше всего к тому, что III-я армия, которая могла бы, двигаясь к юго-западу, выйти на верхней Уазе, у Гиза, во фланг и тыл 5 й франц. армии и совместно с войсками Бюлова зажать французов в тиски, лишена была возможности сделать это. Уже второй раз, вследствие неправильного и недостаточного руководства свыше, III-я армия упускала случай, своим движением в тыл противника, способствовать его решительному поражению. В то же время, I-я армия произвела удар по воздуху на Сомме и, не разобравшись здесь в обстановке, слишком уверенная в неспособности неприятеля к какому-нибудь контр-маневру, в дальнейшем оставила без внимания направление на Мондидье, Клермон и Париж.

Затем, директива от 2 сентября как-будто бы опять возвращается к шлиффеновской идее обхода левого неприятель-

ского фланга, но насколько теперь с'ужен размах этого маневра! Париж остается за его пределами; не хватает сил не только для того, чтобы обойти его с запада, но даже для оставления против него достаточно сильного заслона, хотя Шлиффен предупреждал о том важном значении, которое может иметь Париж при выполнении маневра, подобного марнскому. Вообще, недостаток сил для осуществления задуманного и столь непоследовательно проводимого немцами наступательного плана ощущался уже определенно: уже с первых дней вторжения во Францию резервные корпуса, двигавшиеся сначала во 2-й линии, были выдвинуты во всех армиях в 1-ю линию; затем, с началом сентября I-я и II-я армии просили главное командование вернуть им корпуса и дивизии, оставленные в тылу. Чувствовалось, что центр тяжести германского фронта находится слишком далеко к востоку, почему невозможно было и думать о широком обходном движении западнее Парижа. Недостаток сил допускал преимущественно лишь фронтальное преследование, потому что каждая попытка к охвату противника приводила к потере связи между армиями; это особенно ярко обнаружилось в положении III й армии при ее движении от бельгийской границы к Марне.

Уже 2 сентября было ясно, что участь кампании еще далека от решения, и что германским армиям предстоит впереди еще много тяжелой боевой работы. При этих условиях, безостановочное и быстрое движение вглубь неприятельской территории, изнурявшее и расстраивавшее войска, не получавшие пополнений ни людьми, ни боевым снабжением, являлось уже бесцельным и опасным; вместо этого, следовало сделать перегруппировку войск на фронте, с целью приобрести превосходство в силах на решительном направлении (т.-е. на правом фланге) и лишить противника возможности накоплять резервы и выполнять маневры, угрожавшие положению германских войск, наступавших на этом направлении.

Могла ли улучшить общее положение германцев VI-я армия, которой была дана задача атаковать восточные крепости Франции? Хотя для этой цели армии были даны

значительные подкрепления из резервных и ландверных частей и могущественная артиллерия, доставленная из западных крепостей, тем не менее, командующий армией уже 2 сентября выразил сомнение в возможности достигнуть успеха, особенно в смысле его своевременности. И главное командование, по своему обыкновению, не проявило в этом случае настойчивости и легко пошло на уступки: для него теперь казалось уже достаточным, если атака VI-й армии лишь прикует противника к своим крепостям. Собственно говоря, атака Нанси, к которой готовилась эта армия, не представляла собой чего-либо нецелесообразного; ведь и Шлиффен допускал атаку этого укрепленного города в начале войны, для отвлечения неприятельских сил с главного операционного направления. Но при той обстановке, которая существовала в начале сентября в районе восточных крепостей, и при наличии крупных сил в составе VI-й армии, эту атаку следовало произвести одновременно с операциями против укрепленного участка Верден—Туль. Это могло бы привести, в связи с наступлением главных сил V-й армии севернее Вердена, к окружению этой крепости и переходу баварских войск на левый берег Мааса и дало бы последним стратегический успех, вполне возможный в то время, когда главные силы 3-й франц. армии были отвлечены к западу от Вердена. Германское главное командование отдавало себе ясный отчет о тех последствиях, которые могла иметь эта операция, но еще яснее оно представляло себе связанные с нею затруднения, для преодоления которых у него не хватало решимости. А в результате этого получилось то, что VI-я армия была втянута в бесполезные для общего положения дел тактические действия под стенами французской крепости, невыгодные, главным образом, в том отношении, что они повлекли за собой потерю времени для переброски сил с левого фланга на правый.

На левом германском фланге, считая эрзац-резервные дивизии и гарнизоны Меца и Страсбурга, к началу сентября находилось 24 дивизии, часть которых, конечно, могла быть переброшена к западу, для образования уступа за правым флангом; но момент для такой переброски уже был

упущен, отчасти вследствие того, что в тылу железнодорожное сообщение еще во многих местах не было восстановлено, и войскам приходилось проходить большие расстояния пешком, сильно запаздывая прибытием к местам назначения. Впрочем, можно было использовать эти войска и другим способом: перевести их в V-ю армию, что дало бы возможность всем пяти армиям податься вправо, сохраняя сплошной фронт и облегчая этим обходное движение на западе. А ведь для успешного выполнения того грандиозного маневра, которым задавались немцы, нужны были не столько быстрота и стремительность наступления, сколько прочность и сомкнутость фронта.

Несвоевременная, слишком поздняя переброска сил с левого фланга на правый создала для немцев ту неблагоприятную обстановку на нижней Марне, в условиях которой им пришлось вступить в решительную борьбу с противником между Парижем и Верденом. Несмотря на появившиеся, еще со времени боев в амьенском районе, тревожные признаки неприятельского намерения угрожать германскому правому флангу и захватить в свои руки инициативу, немцы не чувствовали, что их наступление достигло уже кульминационного пункта, и что равновесие сил постепенно устанавливается. Нужны были еще тяжелые боевые испытания, нужна была крупная неудача, чтобы они могли почувствовать и понять это. И вот, германские армии идут с прежней стремительностью за Марну, хотя уже и сильно ослабленные, но еще полные воодушевления и отваги; идут навстречу неизвестному будущему... Что ожидает их, победа или поражение? Но Марна, этот Рубикон 1914 года, уже пройдена, и назад уже нет возврата; она пройдена даже правофланговыми армиями, бесстрашно марширующими мимо Парижа, на виду у его передовых укреплений; и впереди всех— I-я армия Клука, до сегоднешнего дня порицаемая за это. Но причем в данном случае Клук? Своим дерзновением, внушенным ему предыдущими беспрерывными успехами, он творил волю пославшего его, являясь ярким воплощением той стремительности и той самонадеянности, которые постоянно одобрялись и поощрялись германским главным ко-

мандованием. И потому, только оно одно несет на себе всю полноту ответственности за грядущие неудачи; оно не сумело, надлежащей организацией связи, спаять боевые действия отдельных армий в одно гармоническое целое, оно оказалось слишком слабым и уступчивым в своих сношениях с командующими армиями; наконец, своими постоянными колебаниями и резкими переходами от одного оперативного решения к другому, оно отказалось от своего первоначального плана войны и не создало, взамен его, никакого другого.

Оценка действий и решений союзников.

А неприятелькие армии, потерпевшие неудачу в пограничном сражении, теснимые и преследуемые торжествующим победителем, то быстро уходившие из-под его ударов, то располагавшиеся за удобными рубежами для задержки противника, день за днем учились воевать в этой раскаленной атмосфере тяжелых отступательных маршей и арьергардных боев. И,—странное дело!—чем дальше шло это отступление, на вид такое бедственное и опасное, и чем шире охватывал враг своими войсковыми массами территорию Франции, тем сильнее и увереннее чувствовали себя французские армии. Как некогда мифологический Антей укреплял свои силы прикосновением к земле, так теперь французы, отброшенные из пределов Бельгии и в тяжких боях отстаивавшие родную землю, черпали в тесном общении с нею и физические, и духовные силы для дальнейшей борьбы.

На этом страдном пути от бельгийских границ до Марны, отступление союзных армий, несмотря на трудную обстановку, в которой оно велось, имело, в общем, вполне планомерный характер. В любой момент этого периода кампании, на стороне французов чувствуется наличность основной оперативной идеи, около которой группировались и наслаивались последовательно принимавшиеся решения и проистекавшие из них боевые явления. Это бросается в глаза даже при поверхностном обзоре военных событий; внимательное же изучение их убеждает нас в настойчивом и терпеливом проведении в жизнь, не взирая на перемены в об'ективных условиях обстановки, одного и того же оперативного замы-

сла, вера в спасительность коего не слабеет с течением времени, а крепнет. Тем более удивительным кажется утверждение некоторых немецких военных писателей, что мнение о том, будто бы после пограничного сражения французы задались новым стратегическим планом, представляет собою легенду, и что, в действительности, в это время у них не было никакого определенного плана. Однако, если эти писатели находят возможным делать свои заключения о замыслах германского главного командования по содержанию его директив, то почему же директивы французской главной квартиры не могут служить нам материалом для заключений о планах французов? Ведь французская директива от 25 августа заключает в себе совершенно определенное, ясное и точное указание на намерение произвести маневр против правого неприятельского фланга, во время отступательного движения союзных армий к югу. И через несколько дней после этого, к берегам Соммы действительно выдвигается новая группа французских войск, которая пытается угрожать правому крылу германских армий, но, будучи недостаточно сильной для этого, отходит на юг, сохраняя и свою оперативную самостоятельность, и свое фланговое положение по отношению противника и как бы являясь носительницей неугасшего еще замысла о фланговом маневре. Наконец, в первые дни сентября, эта группа войск, усиленная и приведенная в порядок и воодушевленная деятельным комендантом Парижа, опираясь на парижские укрепления, вновь занимает положение, угрожающее правому флангу неприятельских армий, устремившихся за Марну. Вот три момента, ярко выявляющие, на фоне отступательных операций союзников, общие контуры того стратегического маневра, который составлял существенную часть французского оперативного плана, принятого после пограничного сражения. Не представляют ли они собой трех последовательных этапов в развитии одного и того же оперативного замысла, прошедшего через все превратности и испытания многодневного отступления и сохранившего свою жизненность? И разве возможно при всем этом отрицать наличность у французского главного командования определенного плана и об'яснять

события, происходившие в амьенском и парижском районах, случайным стечением обстоятельств?

Тем не менее, первоначальнее предположение Жоффра прекратить отступление на линии Верден—Реймс—Лаон—Амьен, в связи с маневром амьенской группы, было плохо соображено с общими условиями обстановки и действительным состоянием союзных войск. Результатом этой неправильной оценки общего положения явилось длительное пребывание 3-й и 4-й франц. армий на Маасе, стоившее им больших потерь, но не помешавшее противнику захватить неразрушенными большинство переправ и перейти на левый берег реки; и двухдневное сражение у Сен-Кентен—Гиза, едва не окончившееся для 5-й армии тяжелым поражением и, даже в случае полного тактического успеха, бесполезное в стратегическом отношении. Печальная действительность скоро, впрочем, убедила французов, что отступление необходимо продолжать и потому англо-французским армиям было указано отходить к Сене.

Многие порицали Жоффра в то время, порицают его и теперь за этот широкий размах отступления, который должен был отдать в руки противника, без борьбы, обширные и богатые области Франции. Но решение Жоффра, и стратегически, и психологически было вполне правильно [1]). Неудачи французов на Сомме и верхней Уазе показали, что для того, чтобы видоизменить характер боевых операций и преодолеть инерцию отступательного движения союзных армий, нужны были совершенно иные условия времени и пространства; масштаб операций оказался шире, чем раньше предполагали: больше требовалось перегруппировок

[1]) В западно-европейской литературе встречаются два противоположные мнения по вопросу о целесообразности дальнейшего отступления союзных армий: одни (ген. Галиени, ген. Пала) считают его излишним, находя, что оно без нужды утомляло уже изнуренные войска, ставило в опасное положение столицу и отдавало в руки противника богатейшую полосу французской территории; наоборот, другие (напр., фельдм. Френч) высказывают уверенность, что если бы французы сделали новую попытку остановиться 31 августа или 1 сентября, то были бы безнадежно разбиты.

для усиления левого фланга, а для выполнения их—больший промежуток времени и больший простор расстояний. Необходимо было скорее оторвать армии от неприятельских, чтобы увести их из-под непосредственного воздействия противника и, дав им возможность стряхнуть с себя тягостные впечатления недавних поражений, настроить их психологию более благоприятно для наступления. И Жоффр рванул свои армии к югу; не только за р. Эн, но и за Марну, за Сену, лишь бы поскорее оставить за собой свободную от противника полосу территории! И последующие события оправдали это решение.

Насколько французы уделяли мало внимания своему левому флангу в дни, предшествовавшие пограничному сражению, уверенные в том, что судьба кампании находится в руках центральных армий, настолько теперь они обнаруживали особую заботливость об усилении этого фланга. В этом отношении, т.-е. в смысле сосредоточения возможно бо́льших сил и средств на решительном (западном) направлении, они значительно превзошли немцев, несмотря на то, что германский план войны был весь построен на этом принципе. Помимо того, что французы раньше и сильнее немцев восприняли впечатление о том, где будет поле решительной борьбы ближайшего будущего, но и условия для переброски их сил с правого на левый фланг были более благоприятны, чем у противника: неразрушенные в тылу союзных армий железные дороги и более короткие расстояния значительно облегчали и ускоряли перевозку их войск вдоль фронта. Все эти обстоятельства и создали для союзников к началу сентября в парижском районе то стратегическое положение, которое предоставило им возможность вновь приступить к организации, временно отложенного, но не забытого маневра.

К ночи с 4-го на 5 сентября, на обширных равнинах по обе стороны нижнего течения р. Марны, раскинулись многочисленные биваки обеих сторон. На завтра германские армии должны были продолжать свое обходное движение к юго-востоку, от которого они ожидали самых решительных результатов; союзники собирались еще отходить, хотя уже

знали, что переход в наступление решен. А в северо-восточных окрестностях Парижа, под покровом ночи и в глубокой тишине, 6-я франц. армия уже изготовилась к атаке германского правого фланга. Обе стороны сознавали, что приближается решительная минута; немцы ждали ее с нетерпением и с уверенностью в успехе, союзники—со спокойной решимостью, как нечто неизбежное, неотвратимое. И в то время, когда догорали бивачные огни на берегах Урка и обоих Морэнов, неслышно перевернулась и открылась новая страница мировой войны.

(Конец 1-го тома).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ,

послуживших для составления этой книги.

I. На русском языке.

1. *Вооруженные силы Германии.* Часть I. Организация, мобилизация и состав вооруженных сил. Спб. 1912. Часть II. Боевая подготовка армии. Петроград. 1914. Издание главного управления генерального штаба.
2. *Вооруженные силы Франции.* Спб. 1911. Издание главного управления генерального штаба.
3. *Вооруженные силы Британской империи.* Спб. 1911. Издание главного управления генерального штаба.
4. *Германская армия.* Очерк развития сухопутных сил Германии в течение войны и боевой состав армии к 1 апреля 1917 г. Составлен разведывательным отделением штаба главнокомандующего армиями Западного фронта.
5. *Жозеф Рейнак.* Война на западном фронте (перевод с французского). Петроград. 1916.
6. *В. Ф. Новицкий.* Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914. Москва. 1920.
7. *Н. Валентинов.* Военные соглашения России с иностранными государствами до войны. Военно-исторический сборник, вып. 2, 1919.

II. На немецком языке.

1. *Hermann Stegemanns* Geschichte des Krieges. I (до середины сентября 1914 г.). II (до 21 февраля 1915 г.). Stuttgart und Berlin. 1918—1919.
2. *Oberst Immanuel.* 33 Monate Krieg. Volkstümliche Darstellung des Weltkrieges. Berlin. 1917.
3. *Oberst Karl Egli.* Der Aufmarsch und die Bewegungen der Heere Frankreichs, Belgiens und Englands auf dem westlichen Kriegschauplatz bis zum 23 August 1914. Berlin. 1918.
4. *A. von Kluk.* Generaloberst. Der Marsch auf Paris und die Marneschlacht 1914. Berlin. 1920.

5. *von Bülow.* Mein Bericht zur Marneschlacht. Berlin. 1919.
6. *von Kuhl.* Der Marnefeldzug 1914. Berlin. 1921.
7. *von Hausen.* Erinnerungen an den Marnefeldzug 1914. Leipzig. 1922.
8. *von Tappen.* Bis zur Marne 1914. Beiträge zur Beurteilung der Kriegsführung bis zum Abschluss der Marneschlacht. Berlin. 1920.
9. *Foerster, W.* Graf Schliffen und der Weltkrieg. Erster Teil. Die deutsche Westoffensive 1914 bis zur Marneschlacht. Berlin. 1921.
10. *von Zwehl.* Maubege, Aisne. Verdun. Das VII Reserve—Korps im Wetkriege von seinem Beginn bis Ende 1916. Berlin. 1921.
11. *von Kuhl.* Der deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges. Berlin. 1920.
12. *von Posec.* Die deutsche Kavallerie in Belgien und Frankreich 1914. Berlin. 1922.
13. *Baumgarten-Crusius, H.* Deutsche Heerführung im Marnefeldzug 1914. Berlin. 1921.
14. *Müller-Loebnitz, W.* Der Wendepunkt des Weltkrieges. Beiträge zur Marneschlacht am 5 bis 9 September 1914. Berlin. 1921.
15. *Generaloberst Hellmuth von Moltke.* Erinnerungen, Briefe, Documente (1877—1916). Ein Bild wom Kriegsausbruch, erster Kriegsführung und Personlichkeit des ersten militräischen Führer des Krieges. Herausgegeben und eingeleiten von Eliza von Moltke. Stuttgart. 1922.
16. *Bauer.* Der grosse Krieg in Feld und Heimat. Tübingen. 1922.
17. *Kretschmann,* major. Die Wiederherstellung der Eisenbahnen auf dem westlichen Kriegschauplatz. Berlin. 1922.
18. *Der Grosse Krieg in Einzeldarstellungen.* Unter Benutzung amtlicher Quellen herausgegeben im Auftrage des Grossen Generalstabes. Heft 3. Die Schlacht bei Longwy. Oldenburg. 1919.
19. *Moltkes Kriegslehren.* Herausgegeben von Grossen Generalstab. Berlin. 1911.
20. *Der Grosse Krieg in Einzeldarstellungen.* Unter Benutzung amtlicher Quellen herausgegeben im Auftrage des Grossen Generalstabes. Heft 1. Lüttich—Namur. Oldenburg. 1918.
21. *Die Schlachten und Gefechten* des grossen Krieges 1914—1918. Quellenwerk nach den amtlichen Bezeichnungen zusammengestelt vom Grossen Generalstab. Berlin. 1919.
22. *von Gebsatel.* Von Nancy bis zu camp de Romains 1914. Schlachten des Weltkrieges 1914—1918. Herausgegeben unter Mitwirkung des Reichsarchives. Berlin. 1922.
23. *Kurt Heydemann.* Die Schlacht bei St. Quentin 1914. Schlachten des Weltkrieges 1914—1918. Herausgegeben unter Mitwirkung des Reichsarchives. Berlin. 1922.
24. *Его же.* Die Schlacht bei St. Quentin 1914. II Teil. Berlin. 1924.
25. *Der Weltkrieg 1914 bis 1918.* Bearbeitet im Reichsarchiv. Die militärischen Operationen zur Lande. Erster Band. Die Grenzschlach-

ten im Westen. Mit vielen Skizzen im Text und zwölf Karten. Berlin im Jahre 1925.
26. *Kronprinz Wilhelm.* Meine Erinnerungen aus Deutschlands Heldenkampf. Berlin. 1923.
27. *v. M. Schwarte.* Der grosse Krieg 1914—1918 in zehn Bänden. Der deutsche Landkrieg. Erster Teil. 1921.
28. *Iosef Stürgkh.* In deutschen grossen Hauptquartier. Leipzig. 1921.

III. На французском языке.

1. *René Puaux.* L'armée anglaise sur le continent (août 1914—août 1915). Paris. 1915.
2. *Dauzet, P.* De Liège à la Marne. Paris. 1917.
3. *La guerre de 1914.* L'action de l'armée belge pour la défense du pays et le respect de sa neutralité. Rapport du commandement de l'armée (period du 31 juillet au 31 decembre 1914). Paris. 1915.
4. *Cornet, L., senateur.* 1914—1915. Histoire de la guerre. T. I-er (des origines au 10 novembre 1914).
5. *Général A. Dubois.* Deux ans de commandement sur le front de France. 1914—1916. Tome I. Paris. 1921.
6. *Lt. Col. Thomasson.* Le revers de 1914 et ses causes. Paris. 1921.
7. *Général Lanrezac.* Le plan de compagne français et le premier mois de la guerre (2 août—3 septembre 1914). Paris. 1921.
8. *Général Dupont.* Le haut commandement allemand en 1914. Paris. 1922.
9. *Général Camon.* La genèse du plan de guerre allemand. Revue Militaire Française. 1921, №№ 5—6.
10. *Cap. Koeltz.* La bataille de Lorraine, premices de la victoire de la Marne. Revue de Paris, 1923, 15 septembre—1 octobre.
11. *Général Glergerie et capit. Delahaye d'Anglemont.* La bataille de la Marne. Le rôle du gouvernement militaire de Paris du 1-er au 12 septembre 1914. Paris. 1920.
12. *A. Morizet.* Le plan № 17. Etude sur l'incapacité de l'Etat-major avant et pendant la guerre. Paris. 1919.
13. *Joffre.* La preparation de la guerre et la conduite des operations. Paris. 1920.
14. *Col. Normand.* Défense de Liège, Namur, Anvers en 1914. Paris. 1923.
15. *Jules Isaac.* Joffre et Lanrezac. Contribution à l'histoire de Charleroi. Paris. 1922.
16. *Le-Henaff et Bornecque.* Les chemins de fer française et la guerre. Paris. 1921.
17. *Général Dubail.* Quatre années de commandement 1914—1918. Tome I. Paris. 1920.
18. *Général Maitrot.* Nos frontières de l'Est et du Nord.
19. *Lt. Col. A. Grouard.* La conduite de la guerre jusqu'à la bataille de la Marne. Paris. 1922.

20. *Fernand Engerand.* La bataille de la frontière (août, 1914) Briey. Paris. 1920.
21. *Анонимного автора.* Le plan XVII. Etude strategique. Paris. 1920.
22. *Général Buat.* L'armée Allemande pendant la guerre 1914—1918. Paris. 1920.
23. *Boucherie.* Historique du corps de cavalerie Sordet rédigé sous la haute direction du général Sordet. Paris. 1924.
24. *Général Palat.* La grande guerre sur le front occidental. T. I. Les éléments du conflit. Paris. 1917.
25. *Его же.* T. II. Liège. Mulhouse. Sarrebourg. Morange. Paris. 1917.
26. *Его же.* T. III. Batailles des Ardennes et de la Sambre. Paris. 1918.
27. *Его же.* T. IV. Les batailles de Lorraine (23 août—13 septembre 1914). Paris. 1919.
28. *Его же.* T. V. La retraite sur la Seine (24 août—4 septembre 1914). Paris. 1920.
29. *Анонимного автора.* Historique des corps de cavalerie commandés par général Conneau. Paris. 1924.
30. *Général H. Le Gros.* La genèse de la bataille de la Marne. Paris. 1919.
31. *Général A. Tanant.* La troisième armée dans la bataille. Paris. 1922.
32. *Ministère de la guerre. Etat-Major de l'armée.* Service historique. Les armées françaises dans la grande guerre. Tome premier. Premier volume. Paris. 1922 (к этому том приложений и карты).
33. *Mémoires du général Gallieni.* Défense de Paris (25 août—11 septempre 1914). Paris. 1920.

V. На английском языке.

1. 1914 by Field-Marshal *Viscount French of Ypres.* London. 1919.
2. *Nelson's* History of the War, by John Buchan. Vol. I—II. London 1919.
3. *Ernest W. Hamilton.* The first seven divisions. Being a detailed account of the fighting from Mons to Ypres. London. 1921.
4. *Brig gen. Edmonds.* Military operations France and Belgium 1914. History of the great war based on official documents, by direction of the historical section, commitee of Imperial Defence. I Band. London. 1922.

Схема №1

ТЕАТР

ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ВО ФРАНЦИИ и БЕЛЬГИИ В ВОЙНУ 1914 – 1918 г. г.

Схема №2.
Стратегическое развертывание германцев по плану Шлиффена.
ГОЛЛАНДИЯ
БЕЛЬГИЯ
ГЕРМАНИЯ
ФРАНЦИЯ
ЛЮКСЕМБУРГ
БЕЛЬГ. ЛЮКСЕМБУРГ
ЛОТАРИНГИЯ
ЭЛЬЗАС
ШВЕЙЦАРИЯ
Антверпен
Брюгге
Гент
Дюнкерк
Кале
Булонь
Лилль
Аррас
Абевиль
р. Сомма
Амьен
Брюссель
Намюр
р. Маас
Льеж
Ахен
Крефельд
Кельн
Кобленц
Майнц
р. Рейн
р. Мозель
Трир
Люксембург
Диденгофен
Мец
Саарбрюкен
Страсбург
Базель
Бельфор
Эпиналь
Нанси
Туль
Нефшато
Верден
Динан
Живэ
Мобеж
Гирсон
Мезьер
Доншери
Монмеди
Стенэ
Гиз
Ла-Фэр
р. Сэр
р. Уаза
Лаон
Ретель
Компьен
Реймс
р. Марна
Шалон
Париж
р. Сена
Труа
7 рез. кор.
9 корпусов и 5 кав. д.д.
10 ланд. бр.
6 корп-в 1 рез. и 1 кав. д.д.
6 ландв. бр.
8 корпусов и 2 кав. д.д
5 рез. корп-в
5 корп-в и 3 кав. д.д.
4½ ланд. бр.
7 корпусов
Эрзац.-рез. корпуса
к 22-у дню мобилизации
к 31 у дню мобилизации
Масштаб
50 40 30 20 10 0 50 100 килом.

Схема №3.
Стратегическое развертывание французов по плану №17-й
ГОЛЛАНДИЯ
ГЕРМАНИЯ
ФРАНЦИЯ
ШВЕЙЦАРИЯ
ЛЮКСЕМБУРГ
БЕЛЬГ. ЛЮКСЕМБУРГ
ЛОТАРИНГИЯ
ЭЛЬЗАС
Вогезы
Антверпен
Брюгге
Гент
Дюнкерк
Кале
Булонь
Лиль
Брюссель
р. Демер
р. Дейле
р. Жетте
Намюр
р. Маас
Льеж
Ахен
Кельн
Кобленц
Майнц
р. Рейн
р. Мозель
р. Маас
р. Шельда
р. Лис
р. Скарпа
Арас
Абевиль
р. Сомма
Амьен
С. Кентен
Ле-Като
Ландреси
Мобеж
р. Самбра
Динан
Живе
р. Семуа
Гирсон
Гиз
р. Уаза
р. Сэр
Ла-Фэр
Лаон
Рез. д.д.
Гисон
Ретель
р. Эн
Мезьер
Кав. корп.
5-я армия
р. Урта
Арлон
Люксембург
Лонгви
Монмеди
р. Шиера
р. Отен
3-я арм.
Верден
Диденгофен
р. Саар
Саарбрюкен
Саргемюнде
Мец
Саарбург
Компьен
Реймс
р. Вэль
р. Марна
Шалон
4-я армия
С. Дизье
р. Маас
Нанси
Туль
2-я армия
Люневиль
Баккара
р. Мертва
р. Брейша
Страсбург
1-я армия
Эпиналь
Рез. д.д.
Везуль
Бельфор
Базель
Париж
р. Сена
р. Сена
р. Ионна
р. Об
Труа
масштаб
50 40 30 20 10 0 50 100 кил.

Схема №4.
Стратегическое развертывание сторон в августе 1914 года.
ГОЛЛАНДИЯ
БЕЛЬГИЯ
ФРАНЦИЯ
ГЕРМАНИЯ
ЛЮКСЕМБУРГ
БЕЛЬГ. ЛЮКСЕМБУРГ
ШВЕЙЦАРИЯ
АНТВЕРПЕН
БРЮГГЕ
Остенде
ГЕНТ
Термонд
Мехельн
Дюнкерк
Кале
Булонь
Армантьер
Лилль
Дуэ
Аррас
Тонгр
БРЮССЕЛЬ
Лувен
Тирлемон
Варем
Вавр
Первец
ЛЬЕЖ
Намюр
Гюи
Динан
Филипвиль
Живэ
Рокруа
Валансьен
Жамон
Мобеж
Кусольр
Камбрэ
Ле-Като
Маруай
Ландреси
Боэн
Гиз
Вервэн
Меневрэ
Ирсон
Шарлевиль
Мезьер
Седан
Кариньян
Вирто
Лонгви
Монмеди
Лонгюйон
Арлон
Кэфшато
Синьи-л'Аббэ
Ретель
Нэфшатель
РЕЙМС
Монтуа
Бюзанси
Монфокон
ВЕРДЕН
Этен
Конфлан
Спинкур
Мец
С. Менегу
Виньи
Коммерси
Шалон
Сен-Дизье
Линьи
Витри-ле-Франсуа
Туль
Гондрекур
Нанси
Понт-а-Муссон
Номени
Шато-Сален
Люневиль
Эпиналь
Шарм
Ремиремон
Мелизэ
Бельфор
Везуль
Монбельяр
Кревельд
Дюссельдорф
Гревенбройх
Кельн
Бергейм
Дюрен
Юлих
Экеленц
Ахен
Эйпен
Монжуа
Мальмеди
Эскирхен
Бланкенгейм
Кобленц
Майнц
С. Вит
Прюм
Битбург
Нейербург
Люксембург
Трир
Дикирх
Реймих
Ваддерн
Бетенбург
Диденгофен
С. Ингбер
Саарбрюкен
Саргемюнде
Буляй
Фалькенбург
Диез
Саарбург
Цаберн
Страсбург
Шлеттштадт
Кольмар
Нейбризах
Фрейбург
Мюльгейм
Мюльгаузен
Истейн
Базель
Сан
Эльз
Терр. див.
Англ.
Рез. див.
Кав.
Бельг.
р. Маас
р. Рейн
р. Мозель
р. Уаза
р. Сена
р. Марна
р. Эна
р. Вэль
р. Шельда
р. Самбра
р. Лис
р. Скарпа
р. Урта
р. Шиерс
р. Орн
р. Саар
Условные обозначения:
Германцы
Союзники
I-VII Германские армии.
1-5 Французские армии.
Эльз Эльзасская группа германских войск.
Англ. Английская армия.
Бельг. Бельгийская армия.
Терр. див. Группа франц. территориальных дивизий.
Рез. див. Группа франц. резервных дивизий.
Кав. Французский кавалерийский корпус.
Масштаб
50 40 30 20 10 0 50 100 км.

Наступление германского отряда ген. Эмиха к Льежу

4-5 августа 1914 г.

(Положение к вечеру 5 авг.)

Схема № 5

Схема № 6
Атака Льежа германцами в августе 1914 года.
(Положение 6 го августа.)
4 кд.
2 кд.
Линс
Глон
Берно
Визе
Эр-ле-Ромэн
Отё
Юпрель
Герме
Ришель
Далем
Мортру
Арженто
Мортр. б-реи
34 пех. бр.
Либр
Понтис
Мильмор
Лантен
Шерат
Хус
Юлемон
Лонсен
Батем
Баршон
Мортр. б-реи
Явэн
Ворю-Горз
Ан
Ц-тадель
Терсталь
Вандр
Серемсе-Эсё
Болан
Холонь
Юлиль
Зэв
Батис
в Аахен 21 клм.
в Эйпен 15 клм.
Увенье
Мелен
Эрье
Льеж
Лмери
Кэ-Дю-Буа
Бэйн-Хэсэ
Оземон
Партрез
Мишеру
Сумань
Пти-Решэн
Юлемаль
Ромзе
Айене
Вервье
в Эйпен 14 клм.
Угнэ
Шофонтен
Мэнье
Гр. Пиделен
Ольн
Суарон
Анжэн
р. Маас
Бонсель
Форэ
Энэвэ
р. Урта
Пепинетер
р. Вездр
Невиль-ан-Кондруз
Тильф
Фрепон
Ротэ
Ньювейль
0 1 2 3 4 5 6 7 8 клм.

Схема №7
Положение сторон в Бельгии
14го августа 1914 г.
Антверпен
Гент
р. Лис
р. Шельда
Термонд
Мекельн
р. Диль
Эршо
Диест
Гелен
р. Демер
Гасельт
Брюссель
Лювен
Будингем
С. Трон
Вимертинген
2к. д.
12. VIII
Тирлемон
Гам-Миль
Энгельмансговен
Тонгр
14. VIII
4 к. д.
Вавр
р. Гетта
Жодуань
Варем
9 к. д.
Ханну
Первец
Нивель
Жемблу
Льеж
Герстал
IX
14. VIII
Арженто
Ликс
14. VIII
Визе
8. VIII
2и 4 к. д.
Мастрихт
р. Маас
Ахен
III р.
II р.
II
IV
III
X
VII
VIII р.
Эйпен
X р.
Гв. р.
Мальмеди
Гв.
Ставело
13. VIII
Гермаль-су-Гюи
8-12 VIII
Спримон
9 к. д.
Хамуар
Флерюс
Курсель
Шарлеруа
Намюр
р. Маас
Анден
Гюи
Модав
8. VIII
Хавеланж
Уфэ
Дюрбюи
Монс
р. Самбра
Мобеж
Бомон
Флорен
1 франц. корп.
Динан
14–15. VIII
I к. к.
Марш
Ластьер
Филипвиль
р. Лесс
Рошфор
Кав. корп.
14. VIII
Живэ
Борен
9–11. VIII
Ларош
р. Урта
Хуфализ
С. Юбер
Либэн
Либрамон
Бастон
Ландреси
Нувион
Трелон
Из состава 5-й франц. арм.
р. Маас
Рокруа
11–12. VIII
Месэн
Пализей
Кав. кор.
6. VIII
Нэфшато
Бертрикс
Из Мезьера
Низбед
шоссе
Масштаб
25 20 15 10 5 0 25 клм.
Б Е Л Ь Г И Я
Ф Р А Н Ц И Я
Г О Л Л А Н Д И Я
Г Е Р М А Н И Я
I-я Герм. армия
II-я Герм. армия
III-я Герм. армия
С. Вит
XI
XII
XIX
Масштаб
клм. 25 20 15 10 5 0 25 клм.
Условные обозначения:
Герм. корпуса и кав. дивизии
Франц. и Бельг. корпуса и дивизии

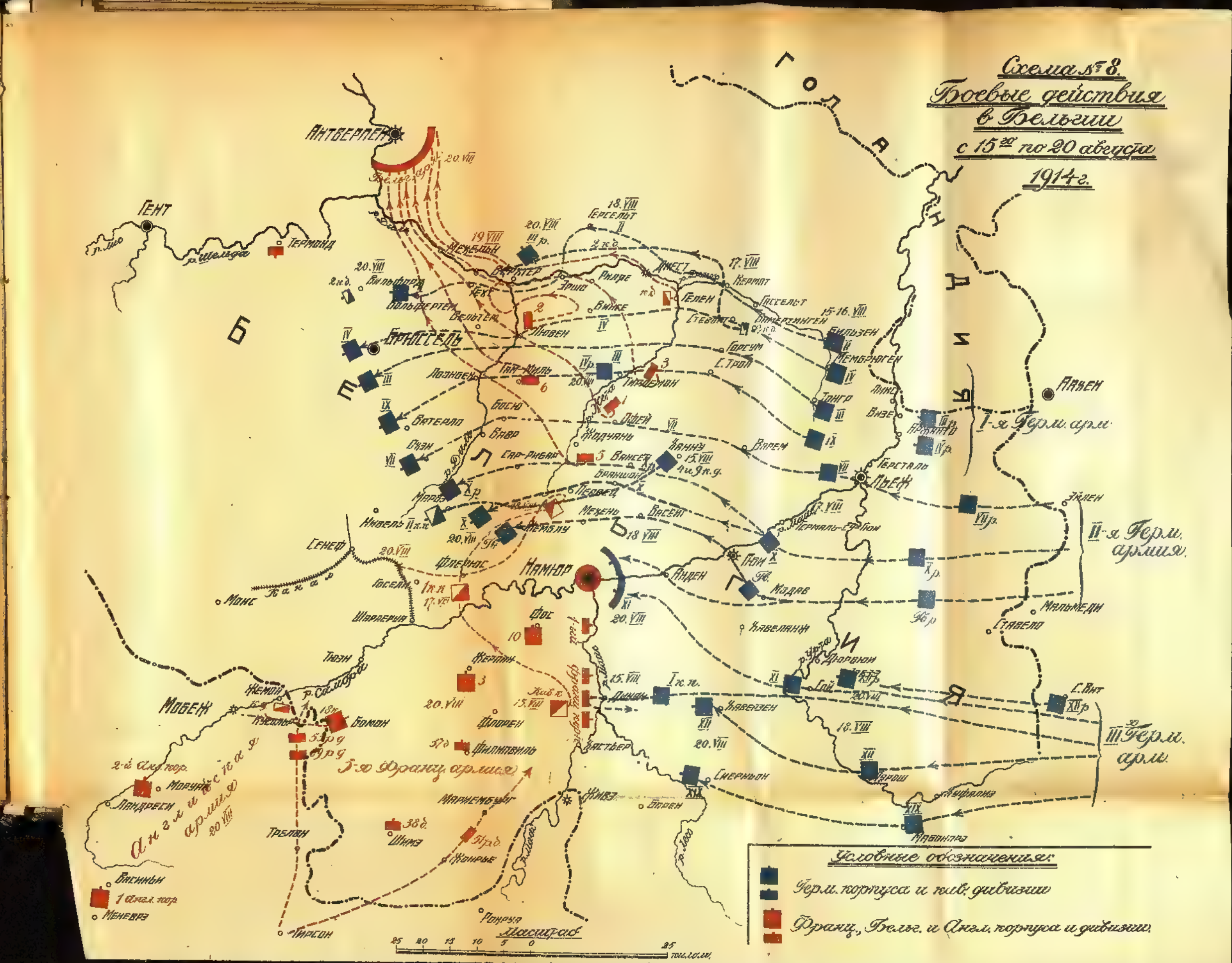


Схема № 8.
Боевые действия в Бельгии
с 15-го по 20 августа
1914 г.
ГОЛЛАНДИЯ
БЕЛЬГИЯ
Антверпен
Гент
р. Лис
р. Шельда
Термонд
Бельг. арм.
20.VIII
Брюссель
Лювен
Бельфорт
Вертер
Тирлемон
Ватерло
Намюр
Льеж
Герсталь
Визе
Аахен
Тонгр
Бильзен
Хассельт
Кермпт
Гелен
18.VIII
15-16.VIII
17.VIII
Гой
Хавелянж
Эйпен
Мальмеди
Ставело
С. Вит
Динан
Живэ
Бомон
Мобеж
Жемон
р. Самбра
Шарлеруа
Тюэн
Монс
Сенеф
Канал
Флерюс
Госели
Нивель
Ландреси
Маруаль
Васиньи
Меневрэ
Тирсон
Трелон
Шимэ
Мариенбург
Филиппвиль
Флорен
Жерпин
Фос
Рокруа
Анден
Хюи
р. Маас
р. Урта
р. Семуа
Английская армия
20 VIII
1 Англ. кор.
2-й Англ. кор.
5-я Франц. армия
Франц. корп.
I-я Герм. арм.
II-я Герм. армия.
III-я Герм. арм.
Масштаб
25 20 15 10 5 0 25 килом.
Условные обозначения:
Герм. корпуса и кав. дивизии
Франц., Бельг. и Англ. корпуса и дивизии.

Схема № 9.
Положение сторон
на театре военных действий
20-го августа 1914 г.
(по окончании перегруппировки французских армий)
Голландия
Германия
Бельгия
Франция
Швейцария
Антверпен
Брюгге
Остенде
Гент
Ипр
Дюнкерк
Кале
Лилль
Валансьен
Арра
Сен-Кантен
Ла Фер
Мобеж
Шарлеруа
Намюр
Динан
Живе
Седан
Монмеди
Верден
Реймс
Париж
Шалон
Витри-ле-Франсуа
Бар-ле-Дюк
Нанси
Эпиналь
Мирекур
Нефшато
Понт-а-Мусон
Мец
Тионвиль
Люксембург
Трир
Ландштуль
Саарбрюккен
Саарегемюнд
Кайзерслаутерн
Нейштадт
Ней-Бризах
Шлеттштадт
Страсбург
Кольмар
Мюльгаузен
Бельфор
Монбельяр
Плоэрмель
Базель
Аахен
Льеж
Верье
Намюр
Кобленц
Майнц
Кельн
Условные обозначения:
Германцы.
Союзники.
I - VII - Германские армии
1 - 5 Французские армии
Элсас Эльзасская группа французских войск
Англ. Английская армия.
Гв. к. Гвардейский корпус ген. Орлов
1 гв. к. 1-й гвардейский корпус
Кавал. Германские кавалерийские войска
50 0 50 100 клм.

Схема №10
Атака германцами Намюра
21-25 августа 1914 г.
(Положение 21 августа.)
1-я гв. рез. д.
Мееф
Анптин
Герон
в С Трон 27 клм.
Бурдин
из Тирлемона 27 клм.
Эгезе
Лонгшан
Бьербар
Кортиль
Водон
Новиль-ле-Буа
Эрон
Лёз
Риск
Тилье
3-я гв. див.
Кутюэн
Ванз
в Льеж 24 клм.
р. Маас
Крокюль
Молеш
Отри
Кинжсон
Пти-Варэ
Гюи
из Жемблу 6 клм.
Коньеле-Дэсуль
Коньеле
Фран-Варэ
Лянден
Сейль
Рин
Эмин
Маршовелет
Шампион
Вэзен
Анденель
Сольер
из Нивеле 30 клм.
Бонин
Анден
Сюарле
Ст. Марк
Намюр
Бужь
ст. Сэрве
38-я д.
Мезере
Боневиль
Первез
Лойе
22-я д.
Хальтин
Струд
Эрпен
Малон
р. Самбра
Андуа
Флореф
Фоль
Обеспечен. фланга
Дав
Жэв
Ле-Пируя
С. Эрибер
Бетлеем
р. Маас
Буа-де-Вилер
в Динан 15 клм.
в Живэ 40 клм.
Флорэ
Асес
Правый фланг III-й армии
Условные обозначения:
легкие пушки
" гаубицы
10-см. пушки
13- " "
тяжелые (15 см.) гаубицы
21 см. мортиры
Австр. (30,5 см.) мортиры
42 см. мортиры
Масштаб:
0 1 2 3 4 5 клм

Схема №11
Боевые действия
в Эльзасе и Лотарингии
с 7 по 20 августа
1914 г.
(до перехода в наступление VI-й и VII-й германских армий.)
Масштаб
25 20 15 10 5 0 25 килом.
Наступление французов в Лотарингии 14–20 августа
Исходное положение сторон к 14 августа.
2е положение французов.
Последнее положение сторон к началу общего наступления немцев (к 20 августа.)
Сражение в Вогезах. 10-22 августа.
Исходн. положен. франц.
Положение немцев к началу их общего наступления.
1е и 2е наступление французов в Верхний Эльзас 7-10 и 15-20 августа.
1е наступлен. французов.
2е — —
VI-я Германская армия
VII-я армия
2-я Французская армия
1-я Французская армия
Лотарингия
Эльзас
Швейцария
Мец
Тул
Нанси
Страсбург
Саргемюнде
Саарюнион
Понт-а-Муссон
Номени
Люневиль
Баккара
Рамбервилер
Эпиналь
Мирекур
Шарм
Сен-Дие
Кольмар
Мюнстер
Жерардмер
Мюльгаузен
Бельфор
Базель
Танн
Гебвейлер
Альткирх
Пфирт
Нейенбург
Ней-Бризак
Фальсбург
Дьез
Шато-Сален
Дельм
Бенсдорф
Лоржевиль
Гунинген

Схема № 12.

Боевые действия в Эльзасе и Лотарингии с 20-го августа до первых чисел сентября 1914 г.

(Наступление VII и VIII-й герм. армий и бои на р.р. Марне и Мортани)

Схема № 13.

Встречное наступление сторон в Бельгии и бои на французско-бельгийской границе с 21-го по 25 августа 1914 г. (Пограничное сражение)

Схема № 14

Сражение у Монса
23 го – 24 го августа 1914 года.

Условные обозначения

Германцы
Англичане
Отступл. англичан

Продвижен. германцев 23-VIII
" " " 24-VIII
Фронт 2-го англ. корпуса к ночи с 23 по 24 августа

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 клм.

Схема № 15.
Положение сторон
после
пограничного сражения,
к началу общего отступления
английск. и французск. армий
к р. Марне.
(к 25 августа 1914 г.)
Масштаб:
25 20 15 10 5 0 25 клм.
Условные обозначения:
Германцы
Англичане
Французы
Б Е Л Ь Г И Я
Ф Р А Н Ц И Я
Л Ю К С Е М Б У Р Г
Брюссель
Вавр
Вярем
Лиль
Турнэ
Нивель
Суаньи
Жемблу
Намюр
р. Маас
р. Шельда
I-я Герм. армия
II Герм. арм.
III-я Герм.
IV-я Германск. арм.
Англ. арм.
5-я Франц. арм.
4-я Французск. армия
3-я Франц. армия
Монс
Конде
Валансьен
Мобеж
Шарлеруа
Флерюс
Динан
Филипвиль
Фларен
Живэ
р. Скарпа
Дуэ
Арас
61 р.д
62 р.д
82 тер д
84 тер д
Группа ген. д'Амада
Дэмен
Бушен
Камбрэ
ле-Като
Салем
Ландреси
кав. к. Сордэ
Авен
Трелон
Шимэ
Гонрье
Фюмэ
Рокруа
Гирсон
Васиньи
Перон
С.-Кентен
р. Уаза
Вервэн
Лаон
Шарлевиль
Мезьер
Седан
Музон
Бомон
Монмеди
Лонгви
Вирто́н
Дамвилер
Верден
Мец
Люксембург
Диферданген
Дюденгофен
Эш
Арлон
Ретель
Атиньи
Нефшатель
р. Эн
Вузье
Гранпрэ
р. Эр
р. Мозель
Домбаль
Этен
Конфлан
Фрэн
Обиньи-ле-Потэ
Синьи-Лябэ
4 к.д
9 к
9 к.д
51 р.д
60 р.д
11 к
17 к
12 к
2 к
4 к
5 к
6 к
7 к.д
1 к
3 к
10 к
18 к
38 д
37 д
53 р.д
69 р.д
Гр. рез. д.д

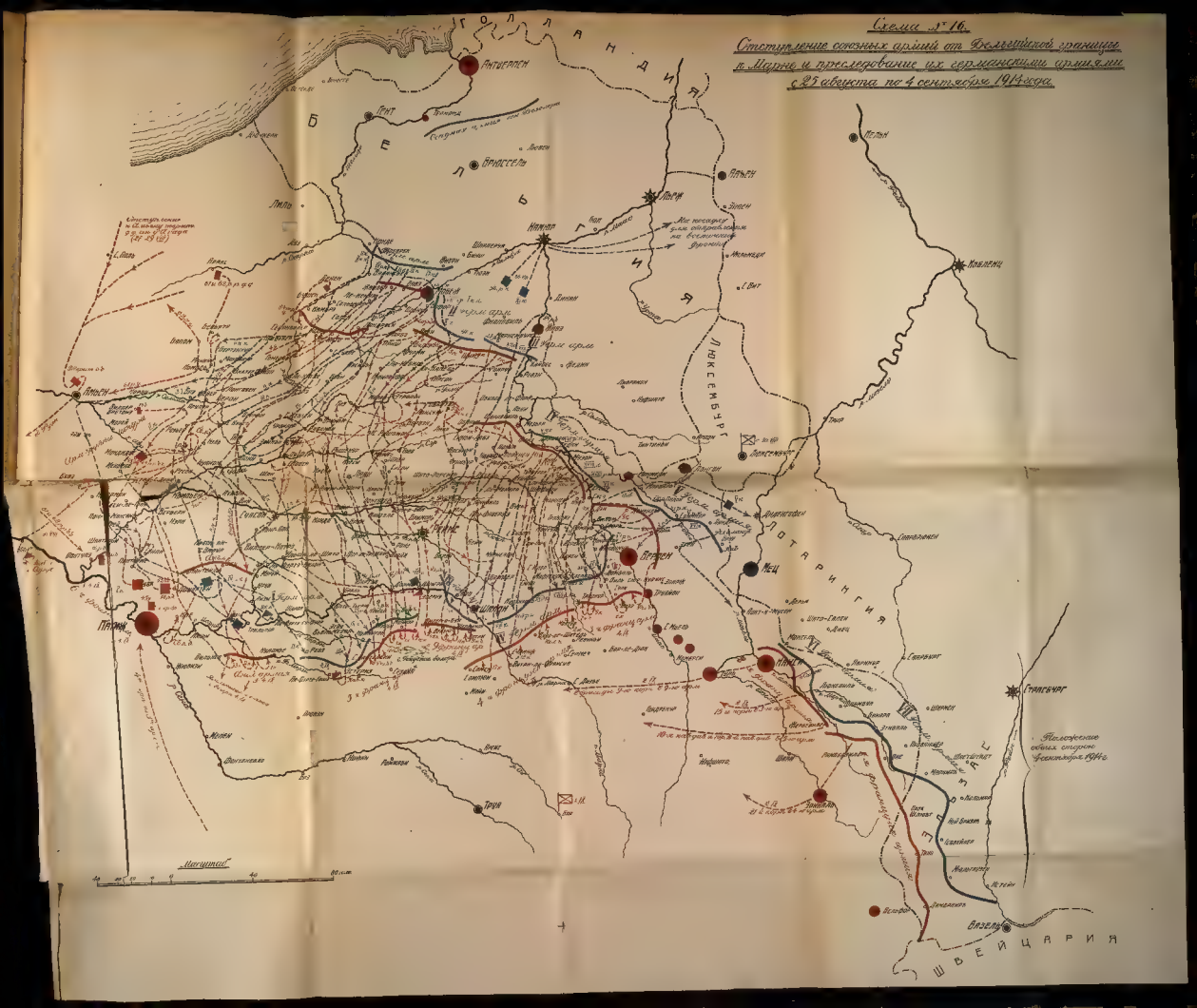
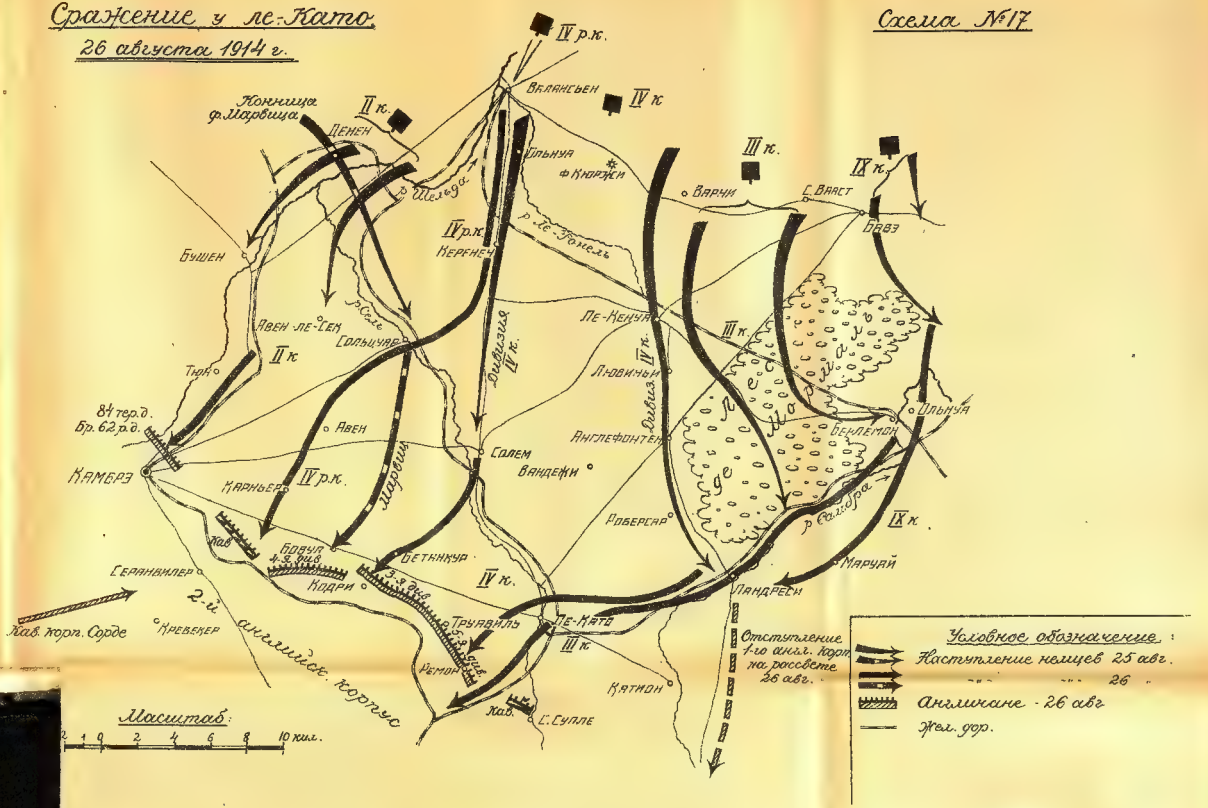


Схема № 16.
Отступление союзных армий от Бельгийской границы
к Марне и преследование их германскими армиями
с 25 августа по 4 сентября 1914 года.
Голландия
Бельгия
Люксембург
Лотарингия
Швейцария
Антверпен
Брюссель
Гент
Лилль
Намюр
Льеж
Арлон
Мец
Нанси
Верден
Париж
Реймс
Труа
Шалон
Витри
Бар-ле-Дюк
Эпинал
Кобленц
Трир
Страсбург
Базель
Мангейм
Масштаб

Сражение у ле-Като

26 августа 1914 г.

Схема №17



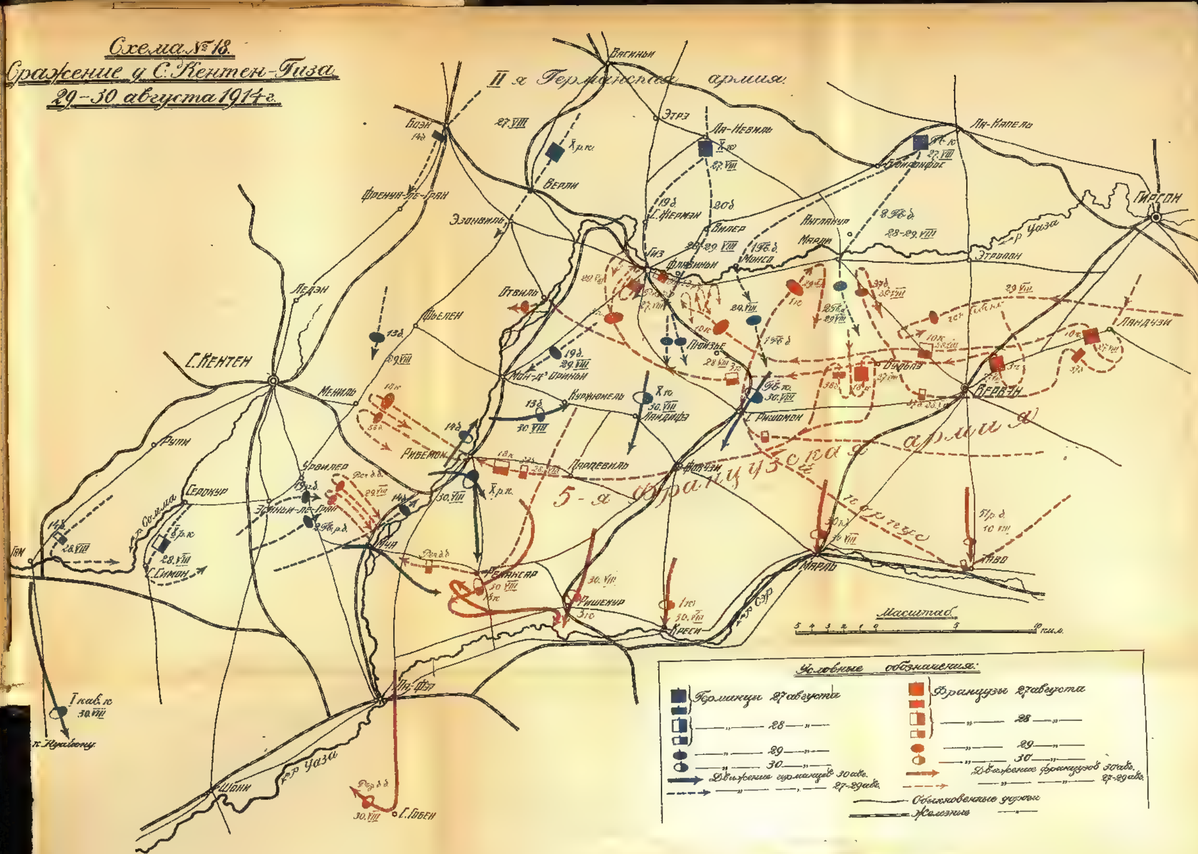


Схема № 18.
Сражение у С. Кентен-Гиза
29–30 августа 1914 г.

Схема № 19

Атака крепости Мобежа германскими войсками 31 авг. – 7 сент. 1914 года.